

Экономическая социология автопортреты

Ответственные редакторы
В.В. Радаев, М.С. Добрякова

Второе издание

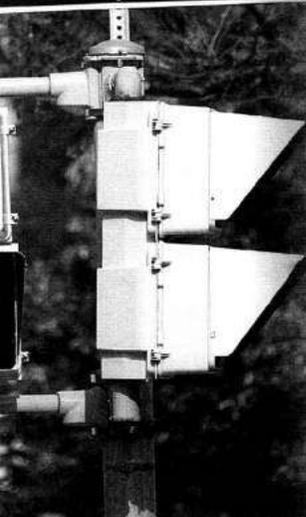
Издательский дом ГУ ВШЭ

LIBRARY

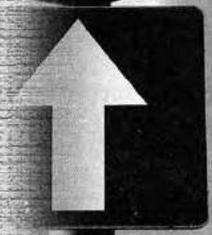
Экономическая СОЦИОЛОГИЯ

ARY

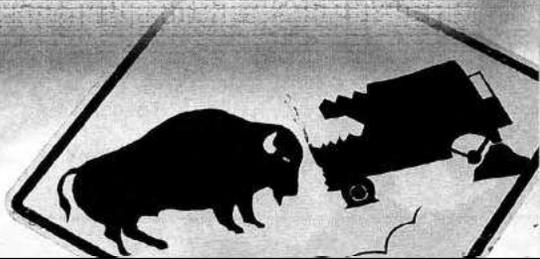

АВТОПОРТРЕТЫ

RESEARCH

TECHNOLOGY

STO

Предисловие 8

Часть 1
Интервью 17

Николь Биггарт 18

Фред Блок 25

Майкл Буравой 33

Марк Грановеттер 40

Гэри Джереффи 48

Фрэнк Доббин 68

Татьяна Заславская 76

Дьердь Ленгель 88

Виктор Ни 96

Ховард Олдрич 105

Уолтер Пауэлл 122

Ричард Свездберг 131

Нил Смелсер 141

Дэвид Старк 153

Лоран Тевено 162

Карло Тригилия 171

Хэrrисон Уайт 179

Клэр Уоллес 190

Нил Флигстин 203

Андре Шик 214

Джордж Акерлоф 222

Оливер Уильямсон 230

Часть 2	
Зарубежье	239
Экономическая социология в Великобритании	
<i>Н. Додд</i>	240
Экономическая социология в Венгрии	
<i>А. Рона-Тас</i>	256
Экономическая социология в Германии	
<i>Дж. Беккерт</i>	267
Лучше меньше да лучше?	
Экономическая социология в Испании	
<i>Х. Искьердо</i>	275
Экономическая социология в Италии	
<i>Ф. Барбера</i>	287
Голландский подход: всего понемногу, или Экономическая социология в Нидерландах	
<i>Т. Корвер</i>	296
Откуда появилась новая экономическая социология? (обзор исследовательских традиций в США)	
<i>Б. Конвер, Й. Хайлброн</i>	306
Экономическая социология в Португалии	
<i>Ж. Пейшоту, Р. Маркеш</i>	336
Экономическая социология в Турции: исторический обзор	
<i>Ф. Балоглу</i>	345
Экономическая социология во Франции	
<i>Й. Хайлброн</i>	358
Экономическая социология в Швейцарии	
<i>М. Ноллерт</i>	366

Часть 3	
Россия	377
Экономическая социология в России: становление, институционализация и основные направления исследований	
В. Радаев	379
Тематический обзор авторефератов кандидатских диссертаций за 2000–2005 гг.	
З. Котельникова	414
Экономическая социология в России: история и современность	
Ю. Веселов	438
Экономическая социология в России	
В. Якубович, С. Ярошенко	447
Развитие новосибирской экономико-социологической школы как процесс формирования новой методологии изучения российского общества	
Т. Заславская	454
Заключение	486

Предисловие

Предлагаемая вашему вниманию книга выполнена в особом жанре, который мы, честно говоря, затрудняемся определить. Очевидно, что это не сборник статей и не результаты какого-то одного исследовательского проекта, не научная энциклопедия и не хрестоматия классических работ. Перед вами книга, в которой ведущие представители экономической социологии рассказывают о своей дисциплине. И сделано это в двух формах — личных интервью и аналитических обзоров о состоянии данной дисциплины в разных странах. Это автопортреты экономической социологии, написанные лучшими мастерами из разных стран.

Почему нам кажется важной публикация подобных материалов? Дело в том, что в последнее время экономическая социология превратилась в одну из популярных дисциплин в социальных науках. Но при этом ощущается явный дефицит систематических знаний о том, что происходит в данной области, как она развивается и что ее ожидает в ближайшем будущем. Профессиональное сообщество более или менее информировано об экономико-социологических исследованиях, проводимых на североамериканском континенте. А вот представления о том, что происходит в отдельных европейских странах (пожалуй, за исключением Франции), — уже довольно расплывчатые. Отчасти это связано с тем, что подходы, используемые экономическими социологами в разных частях света, разнородны, многие релевантные исследования по-прежнему появляются под марками других дисциплин, а их авторы идентифицируют себя с другими, родственными направлениями. Пережив в 1980—1990-х годах свое второе рождение, современная экономическая социология еще не столь сильно инте-

грирована как исследовательская дисциплина. Кроме того, оценки ее состояния и перспектив развития зачастую существенно расходятся, и мало кто пытался построить более или менее законченную картину из разбросанных кусочков информации, собрав непростой puzzle экономической социологии.

Складывается ли относительно законченная картина после прочтения данной книги, судить читателю. Как уже сказано, мы пытаемся решить эту задачу двумя дополняющими друг друга способами, которые и определили структуру книги. Первая ее часть содержит серию интервью с ведущими исследователями в области экономической социологии, которые являются создателями и интеллектуальными лидерами ее основных направлений, находятся на фронтире современных исследований. Вторая часть книги включает аналитические обзоры современного состояния и перспектив развития экономической социологии в разных странах. Наконец, третья часть посвящена состоянию дел в родном Отечестве.

Серия интервью. Аналитические обзоры состояния дисциплины по своей форме, конечно, более систематичны и всесторонни, однако, нам кажется, что именно серия интервью, составляющая первую часть книги, при всей кажущейся субъективности изложенного материала, наиболее любопытна. Ведь так важно узнать из первых уст мнения ведущих специалистов о том, как развивается интересующая тебя область. По крайней мере, я сам извлек для себя из их этих бесед много нового и полезного.

Как возникла эта идея? Проект, начавшийся в 2001 г., был авторской инициативой, не подкрепленной на тот момент никакими финансовыми средствами или внешними обязательствами. Просто мне это показалось интересным. Сначала интервью предназначались для журнала «Экономическая социология», в котором еще в 2001 г. (Т. 2. № 4) была открыта соответствующая постоянная рубрика. Позднее, когда накопилось достаточно много материала, возникла мысль об отдельном издании этих интервью.

Впрочем, сама идея проведения и издания интервью с ведущими представителями экономической социологии принадлежит не мне. Первым ее блестяще реализовал Р. Сведберг, опубликовав в 1990 г. обширную серию бесед с известными экономистами, интересовавшимися социологическими вопросами, и социологами, которые занимались изучением хозяйства¹. Некоторые респонденты проекта Сведберга оказались в числе участников и нашей книги. Это экономисты Дж. Акерлоф и О. Уильямсон, экономсоциологи М. Грановеттер, Н. Смелсер и Х. Уайт. Однако в основном в предлагаемой книге нас ожидает встреча с другими именами. И ее отличия от книги, изданной ранее Р. Сведбергом, довольно существенны. Во-первых, список проинтервьюированных мною исследователей был ограничен в основном экономсоциологами. Исключение составляют только Дж. Акерлоф

¹ Swedberg R. (ed.). *Economics and Sociology. Redefining their Boundaries; Conversations with Economists and Sociologists*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

и О. Уильямсон. Первый активно использует в своем экономическом анализе социальные переменные, а работы второго — объект многочисленных критических ссылок, ставших почти непременным условием неонституциональных рассуждений в социологии. Во-вторых, с момента публикации книги Р. Сведберга прошло более десяти лет, и за это время в современной экономической социологии произошли принципиальные изменения: из намеченной пунктиром области исследований она превратилась в более или менее четко очерченное направление. Наконец, в-третьих, интервью Сведберга были в большей степени фокусированы на аспектах личной и профессиональной биографии ведущих исследователей, в то время как меня скорее интересовали оценки состояния экономической социологии в целом.

Наши беседы проходили в самых разных частях света — Амстердаме и Стэнфорде, Белладжии и Мурсии, Брисбене и Хельсинки. Их фон был очень разнообразным, но неизменно приятным. Все интервью проводились мною. Но при этом мое присутствие в качестве интервьюера в этих беседах минимально. Это, разумеется, не означает, что мне не хотелось ничего высказать. Однако таков был исходный замысел — воздерживаться от того, чтобы подсказывать, подталкивать, выводить разговор на какую-то определенную, заранее известную линию. Как правило, до начала разговора я информировал коллег лишь об общей направленности интервью, не высылая заранее списка вопросов, чтобы излишне не формализовать беседу.

Однако несмотря на относительную гибкость в построении бесед, тексты интервью не являются абсолютно свободными нарративными повествованиями. Существовала общая схема интервью (хотя мною допускались отклонения от этой схемы, связанные с профессиональным профилем респондента). Разговор строился вокруг следующих вопросов.

1. В какой степени Вы относите свои исследования к экономической социологии? Когда и при каких обстоятельствах Вы начали считать себя экономсоциологом (если это произошло)?
2. Какие основные направления в теории и методологии экономической социологии, на Ваш взгляд, можно выделить в настоящее время?
3. Если взять последние два — четыре года, какие основные книги или статьи по экономической социологии или в смежных дисциплинах Вы отметили бы как наиболее значимые, стимулирующие?
4. Какие направления и темы исследований, на Ваш взгляд, будут наиболее важны для экономической социологии в ближайшем будущем?

Ответы на первый вопрос продемонстрировали, насколько сложно (и зачастую случайно) формируется и меняется *профессиональная идентичность* исследователей. Одни считают, что всю сознательную жизнь занимались экономической социологией и лишь относительно

недавно (спасибо Р. Стербергу!) нашли для своих занятий подходящее название. Другие изучали смежные предметные области, а затем в силу каких-то поворотов судьбы оказались в сфере экономико-социологических исследований. Основные работы третьих бесспорно относятся к экономической социологии, но сами их авторы противятся подобной (и всякой другой) классификации, считая, что их исследовательские интересы и научные достижения нельзя ограничивать одной отраслью знания. В любом случае, становится ясно, что идентификация исследователей с областью экономической социологии во многих случаях произошла относительно недавно, и не у всех она одинаково устойчива.

Много примечательного принесли ответы на второй вопрос — об *основных направлениях*, которые можно выделить сегодня в экономической социологии. Дело в том, что предложенные типологии оказались весьма различными. И даже авторы, работающие в сходном направлении и регулярно общающиеся друг с другом, зачастую продвигают разные варианты. Это подталкивает нас к выводу о том, что экономическая социология — довольно подвижная область, не имеющая конвенциональной структуры. Отчасти это связано с ее молодостью (если иметь в виду «новую волну» 1980-х — 1990-х годов). Но, видимо, подвижность междисциплинарных и внутрдисциплинарных границ в социальных науках является более общим явлением, своего рода приметой нашего времени. И дело не только в том, что представители академического сообщества пока «не договорились» между собой. Просто любая область исследований, пока она находится в процессе живого и активного развития, подвержена постоянному переоформлению и реинтерпретации. Впрочем, есть в этих смысловых потоках и островки стабильности. Например, большинство опрошенных исследователей признают в рамках экономической социологии важность и относительную самостоятельность сетевого и нового институционального подходов. Часто к этому списку добавляется также социокультурный подход².

Самым трудным, бесспорно, был третий вопрос — о *лучших книгах и статьях* по экономической социологии или смежным дисциплинам, которые были опубликованы в последние два — четыре года. Я неоднократно замечал, что при необходимости определить повлиявшие на них литературные источники респонденты пытаются сослаться на классические произведения давно ушедших из жизни авторов или, по крайней мере, назвать работы восьми — десятилетней давности. Если же мягко настаивать и просить указать работы самого последнего периода (а именно это я и старался делать), возникают трудности. Впрочем, эти трудности вполне понятны: чтобы можно было оценить подлинное влияние книги или статьи на умы и сердца представителей профессионального сообщества, должно пройти какое-то время.

² Другой вариант классификации направлений современной экономической социологии см., например: Радаев В. В. Основные направления развития современной экономической социологии // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 3—18.

Тем не менее мои ожидания (подкрепленные некоторой настойчивостью) вполне оправдались: именно в этом разделе, на мой взгляд, получен наиболее интересный и полезный материал. Ведь, по существу, люди, являющиеся ведущими игроками на исследовательском поле, говорили о том, что в последнее время им лично показалось интересным и значимым, что спровоцировало какие-то новые идеи и повороты мысли. И на их «субъективное» мнение стоит обратить самое пристальное внимание.

Неожиданным для меня лично оказалось то, что большинство респондентов называли разные имена и разные работы. Пересечения, конечно, есть, но их не так много, как можно было предположить. Впрочем, это как раз и ценно, ибо, демонстрируя широту собственных интересов, коллеги раздвигают и наши с вами горизонты. В итоге, прочитав интервью, можно составить очень неплохую программу для самообразования и профессионального роста.

Завершал интервью вопрос о наиболее *перспективных направлениях развития* экономической социологии в ближайшем будущем. Здесь я нередко просил представить, что к коллеге приходит начинающий исследователь (скажем, аспирант), выбирающий область для своих творческих изысканий. Что можно было бы ему/ей посоветовать? Рассуждения на эту тему также заслуживают всяческого внимания, ибо содержат множество несомненно перспективных идей.

В результате этого необычного опроса мы получили своего рода микроэнциклопедию по современной экономической социологии, из которой немало полезного могут почерпнуть и начинающие, и зрелые исследователи. При этом, в отличие от обычных научных энциклопедий, текст интервью менее формален, он содержит более живое изложение, насыщен живыми реакциями и легче читается. Кроме того, в процессе интервью появляются неожиданные повороты и отступления, которые не допустимы в формальном академическом тексте. И главное, в отличие от многих обычных изданий, пытающихся донести до читателя одну («наиболее верную») трактовку или, по крайней мере, удержаться в рамках одного направления, в интервью мы сталкиваемся с разными мнениями (в том числе и прямо противоречащими друг другу).

Основную часть наших респондентов (что вполне закономерно) составили американцы. Есть также представители Великобритании, Франции, Италии и Швеции. Среди восточно-европейских стран в книге участвуют исследователи из Венгрии, где экономическая социология получила наибольшее развитие. Россию представляет Т.И. Заславская — основательница (вместе с Р.В. Рывкиной) Новосибирской экономико-социологической школы. Впрочем, в оглавлении раздела интервью не содержится упоминания стран, мы считаем, что опрошенные нами исследователи относятся к категории «International Scholar». Последовательность интервью определена «банальным» алфавитным принципом (исключение сделано лишь для экономистов, вынесенных отдельно).

Запись, транскрибование и перевод интервью были сопряжены с немалыми усилиями. Особенно трудной оказалась расшифровка записей (за что я особенно благодарен М.С. Добряковой, без которой эта работа вряд ли была бы когда-либо завершена). Приходилось также проверять и уточнять массу имен и названий (в том числе незнакомых — из других, смежных областей)³.

Чтобы помочь читателю лучше познакомиться с излагаемыми позициями и их авторами, мы сопровождаем тексты интервью *библиографическими описаниями* работ, на которые ссылаются респонденты, а также (по завершении каждого интервью) библиографическим перечнем их собственных работ. Все это также потребовало дополнительных усилий, но искренне надеюсь, что они потрачены не зря. И в итоге я очень рад, что затеял подобное многотрудное предприятие.

Аналитические обзоры. Основная их часть переведена нами из европейского электронного ньюслеттера «Экономическая социология», основанного во второй половине 1990-х годов все тем же Р. Сведбергом (<http://econsoc.mpifg.de/>). Цель этих публикаций — познакомить профессиональное сообщество с тем, что происходит в области экономической социологии в разных европейских странах, где, по мнению Р. Сведберга, с 1990-х годов начался своего рода ренессанс самых разных экономико-социологических направлений. При этом заметно, что по сравнению с американской экономической социологией ее европейские «сестры» более разнолики и обнаруживают более выраженную склонность к «мягким» исследовательским методам. Но такая разноликость только добавляет привлекательности данному материалу.

Следует отметить высокое профессиональное качество представленных аналитических обзоров. На весьма ограниченном текстовом пространстве их авторы размещают очень сжатый и хорошо структурированный материал. Работы сопровождаются тщательно составленными библиографическими списками. В результате достигается высокая плотность информации, и ознакомление с этими обзорами становится весьма эффективным занятием.

К тому же авторы не ограничиваются реферативными обзорами, но также высказывают свои мнения по поводу происходящего и дают оценки грядущих перспектив экономической социологии. В зависимости от страны, в одних случаях эти оценки более, в других — менее оптимистичны.

Очень важно, что основная часть обзоров по странам подготовлена ведущими исследователями из самих этих стран, их авторы погружены в соответствующую профессиональную среду и знают предмет изнутри. Исключение составил написанный французами Б. Конвером и Й. Хайлбронном обзор, посвященный экономической социологии в США, — просто в силу того, что нам не удалось найти более удачного текста среди американских работ⁴. Исключением в известной мере можно счи-

³ К сожалению, несмотря на все усилия, одно из интервью — с британским исследователем Ричардом Уитли [Richard Whitley], нам так и не удалось восстановить из-за акустических помех.

⁴ В какой-то степени таким обзором могла бы стать известная статья Р. Сведберга о новой экономической социологии, посвященная в основном американским исследованиям

тать обзор по Венгрии, который подготовил А. Рона-Тас, работающий в США (Университет Калифорнии в Сан-Диего). Однако, будучи выходцем из Венгрии, он весьма хорошо осведомлен о положении дел в этой стране.

Особое место среди аналитических обзоров занимает третий раздел, посвященный *России*. Он открывается моим достаточно объемным текстом об истории, текущем состоянии и перспективах экономической социологии в СССР и постсоветской России. Помимо методологических вопросов и освещения проблем институционализации дисциплины здесь дается краткий обзор основных направлений развития российской экономической социологии, структурированных по объектам исследования и применяемым подходам⁵.

Далее следует обзор З.В. Котельниковой о тематике кандидатских диссертаций по экономической социологии, защищенных в 2000—2005 гг.; затем текст Ю.В. Веселова, посвященный в основном истокам экономической социологии в России и опубликованный ранее в «Журнале социологии и социальной антропологии», а также материал В. Якубовича и С. Ярошенко из уже упоминавшегося европейского ньюслеттера «Экономическая социология». Наконец, завершают раздел выдержки из работ Т.И. Заславской, посвященных Новосибирской экономико-социологической школе ввиду ее особой важности для становления экономической социологии в России.

Проводя серию интервью и знакомясь с обзорами по разным странам, мне неоднократно приходилось удивляться тому, как мало мы знаем даже о той дисциплине, которой специально занимаемся долгие годы. И как много подходов, не говоря уже об отдельных интересных работах, выпадают из нашего поля зрения.

Дизайн книги. Необычная книга должна иметь и оригинальный дизайн. Поэтому автопортреты экономической социологии сопровождаются «автопортретами» машин, которые производились в той или иной стране, а карта экономико-социологических исследований помечается настоящими дорожными знаками. Мы хотим, что эта символика создавала особое настроение в путешествии по пространствам экономической социологии.

Предварительные публикации материалов. Я уже упоминал, что реализация проекта заняла не один год. И сама идея книги возникла далеко не сразу. В то же время подготовленные тексты интервью и аналитических обзоров публиковались один за другим в нашем электронном журнале «Экономическая социология» (списки этих предварительных публикаций приводятся в конце предисловия).

Выражения благодарности. Прежде всего, хочется поблагодарить всех коллег, которые любезно согласились записать интервью, а также создателей и сменяющихся редакторов электронного европей-

[Сведберг Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 2. С. 13—35 (<http://ecsocman.edu.ru/jssa>)]. К тому же нами подготовлен собственный вариант перевода данной статьи [см.: Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 111—130]. Вдобавок, Р. Сведберг — тоже не американец, хотя и провел много лет в США, а в 2002 г. и вовсе туда перебрался.

⁵ Первый вариант подобного обзора был посвящен состоянию данной дисциплины в середине 1990-х годов [Радаев В.В. Экономическая социология: перспективы развития / Социология в России. 2-е изд. / Под ред. В.А. Ядова. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. С. 253—263 (<http://www.auditorium.ru/books/85/>)].

ского ньюслеттера «Экономическая социология» Р. Сведберга, Й. Хайлброна и П. Асперса, которые инициировали серию публикаций аналитических обзоров по разным европейским странам.

Подготовка данного издания потребовала огромных творческих усилий от его второго ответственного редактора М.С. Добряковой, которая выполнила работу по транскрибированию, переводу и первичному редактированию всех текстов. Ею также найдены книги, упоминавшиеся в текстах интервью, сделаны списки основных публикаций наших респондентов. Наконец, М.С. Добряковой предложена идея дизайна данного издания и подготовлено его художественное оформление.

Мы также благодарим редактора текстов К.М. Канюк и корректора Е.Е. Андрееву.

Что касается институционального содействия, то книга подготовлена при финансовой поддержке Национального фонда подготовки кадров (в рамках образовательного займа Всемирного банка). Проект реализован на базе Московской Высшей школы социальных и экономических наук. Мы благодарны ее руководству в лице ректора Т. Шанина, проректора Е.Н. Соболевой и сопрезидента Интерцентра Т.И. Заславской, а также О.В. Аграмаковой, которая осуществляла организационно-финансовое сопровождение проекта на стадии подготовки материалов.

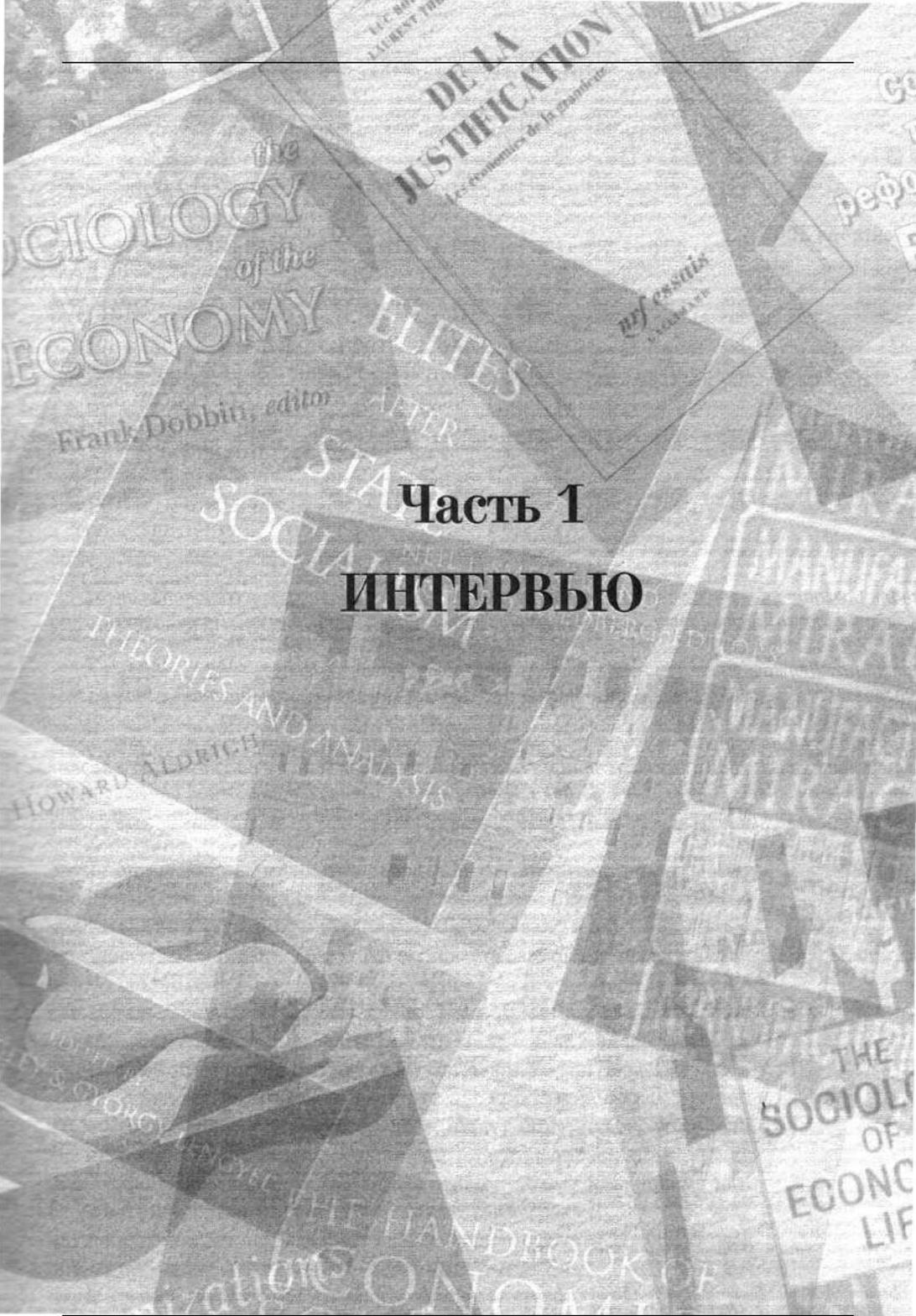
Издание данной книги осуществлено в рамках Инновационной образовательной программы Государственного университета — Высшей школы экономики «Формирование системы аналитических компетенций для инноваций в бизнесе и государственном управлении».

- Акерлоф Дж.* Интервью // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 6–12.
- Бигарт Н.* Интервью // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 6–11.
- Блок Ф.* Интервью // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 5. С. 14–20.
- Буравой М.* Интервью // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 6–11.
- Грановеттер М.* Интервью // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 1. С. 5–11.
- Доббин Ф.* Интервью // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 2. С. 6–12.
- Заславская Т.И.* Интервью // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 6–17.
- Ленгель Д.* Интервью // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 12–17.
- Пауэлл У.* Интервью // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 1. С. 6–12.
- Сведберг Р.* Интервью // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 1. С. 12–19.
- Смелсер Н.* Интервью // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 2. С. 6–15.
- Старк Д.* Интервью // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 5. С. 6–14.
- Тевено Л.* Интервью // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 5. С. 6–13.
- Тригилия К.* Интервью // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 3. С. 6–11.
- Уайт Х.* Интервью // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 1. С. 6–14.
- Уильямсон О.* Интервью // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 13–19.
- Флигстин Н.* Интервью // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 12–20.
- Шик А.* Интервью // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 4. С. 7–14.

*Список страновых обзоров по экономической социологии
в журнале «Экономическая социология»*

<http://www.ecsoc.msses.ru>

- Барбера Ф.* Экономическая социология в Италии // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 3. С. 104–111.
- Беккерт Дж.* Экономическая социология в Германии // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 2. С. 94–100.
- Додд Н.* Экономическая социология в Великобритании // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 4. С. 103–116.
- Искьердо Х.* Лучше меньше да лучше? Экономическая социология в Испании // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 1. С. 111–121.
- Корвер Т.* Голландский подход: всего понемногу, или Экономическая социология в Нидерландах // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 5. С. 112–121.
- Ноллерт М.* Экономическая социология в Европе: Швейцария // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 126–134.
- Пейшоту Ж., Маркеш Р.* Экономическая социология в Португалии // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 92–100.
- Рона-Тас А.* Экономическая социология в Европе: Венгрия // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 102–110.
- Хайлброн Й.* Экономическая социология во Франции // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 1. С. 131–137.
- Якубович В., Ярошенко С.С.* Экономическая социология в России // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 2. С. 141–145.

Часть 1
ИНТЕРВЬЮ

Николь Биггарт¹

21 сентября 2001 г.

«Хозяйство и общество взаимопроникают друг в друга столь многими и очевидными способами, что мы даже не могли воспринимать это явление с достаточной серьезностью».

Николь Биггарт является одним из наиболее интересных специалистов в сравнительных исследованиях хозяйственных организаций. Кроме этого, она написала весьма интересную книгу «Харизматический капитализм»², предлагающую социологический взгляд на сетевой маркетинг. Дважды по нашему приглашению Николь приезжала в Москву (2000 и 2003 гг.). Интервью состоялось в Центре восточно-европейских и азиатских исследований в Беркли (США) после моего доклада на семинаре Центра. Николь любезно согласилась приехать на этот семинар, благо она живет относительно недалеко от Беркли в сельском доме, имея гектар земли и лошадей. В ходе разговора, помимо интервью, она с увлечением рассказывала о своем новом исследовательском проекте, связанном с изучением рынка строительной индустрии в Калифорнии. И как всегда, Николь очень четко излагала свои мысли...

— Николь, я полагаю, Вы считаете себя экономсоциологом. Но скажите, с чего это началось, когда Вы впервые осознали себя в этом качестве и сказали: «Да, пожалуй, я занимаюсь экономической социологией»?

— Думаю, это случилось в середине 1980-х годов. Я работала социологом в бизнес-школе. Причем это была маленькая бизнес-школа, где не было деления на факультеты. Так что моими коллегами были экономисты, эккаунтеры, представители других дисциплин. Но в большинстве своем это были люди, которые работают в областях, основанных на экономической теории в качестве базы для анализа (будь то финансы, бухгалтерский учет или мировая экономика), — все они так или иначе были экономистами. И для меня это был очень странный

мир. Они говорили на другом языке, смотрели на мир иначе, чем я. И тем не менее мы занимались одними и теми же или связанными между собой явлениями. Я изучала фирмы, и некоторые из них говорили мне, что они тоже изучают фирмы. Но я никак

¹ Н. Биггарт [Nicole Woolsey Biggart] — профессор менеджмента и социологии в Университете Калифорнии в Дэвисе, США.

² Biggart N.W. Charismatic Capitalism: Direct Selling Organizations in America. Chicago: University of Chicago Press, 1989.

не могла разглядеть эти фирмы в их анализе. Это был интересный опыт, который подчеркивал различия между нами. Ведь они казались такими уверенными в том, что делали. У них было очень четкое представление о себе и своей работе. А я по образованию социолог, и меня учили не быть уверенной, а идти и исследовать окружающий меня социальный мир. Они были уверены в себе, а я была настроена на открытие нового. Если честно, то для молодого ученого это была весьма неуютная обстановка. Может быть, отчасти потому, что я была женщиной, а они все — мужчинами, и здесь играли роль также гендерные моменты. Так вот, я не скажу, что они смеялись надо мной, но моя работа не получала серьезной поддержки. Они были уверены, что я не ученый и что я не получила должной подготовки. Знаете, они вообще не могли объяснить толком, почему они пригласили меня на работу.

Однако, будучи социологом, я решила воспринимать их самих как еще один объект для исследования. И начала изучать экономистов и экономическую теорию, чтобы понимать их лучше. Так что именно в процессе изучения того, почему экономисты столь истово верят в свои аналитические посылки и аксиомы, я и поняла, что стала экономсоциологом. Да, я занималась изучением хозяйства. Однако, вне всякого сомнения, не так, как это делал бы экономист. Я поняла, что они закрылись от стольких возможностей, обнаружила, что мир открыт передо мной. И поняв это, я почувствовала себя намного лучше.

— Не могли бы Вы назвать несколько основных методологических подходов, которые, с Вашей точки зрения, образуют нынешнюю экономическую социологию? Основные направления исследований?

— Думаю, экономическая социология использует все поле методологии. Так, интересные исследования в экономической социологии проводятся в рамках сравнительного исторического подхода. Здесь, без сомнения, интересны работы Брюса Керратерса [Bruce Carruthers]. Есть и количественные исследования — например, крупные базы данных, позволяющие проследить изменения в фирме с течением времени. Есть также сетевые подходы к исследованию рынков. Они используются, конечно, не только экономической социологией. Сетевой подход [network approach] — это одновременно и общая методология, и теоретическая перспектива. Затем важна полевая работа (я сама провожу много полевых исследований). Не думаю, что экономическая социология имсет жесткую методологическую схему. Наверное, в гораздо большей степени она определяется стремлением понять социальную основу хозяйственной деятельности.

— Пожалуй, я согласен. А новые институциональные течения в социологии Вы отделили бы от других подходов?

— Есть много новых институциональных течений. Буквально только что я написала, в соавторстве с Доном Палмером [Don Palmer], обзорную работу³ по новому институционализму. Было очень интересно работать с коллегой, занимающимся совершенно другой формой институциона-

³ Palmer D., Biggart N.W. Organizational Institutions // The Blackwell Companion to Organizations / Ed. by J. Baum. Oxford: Blackwell Publishers, 2002. P. 259—280.

лизма, чем я. Дело в том, что мы выделяли разные работы в качестве основных и наиболее важных для нового институционализма. Но я думаю, что новые или даже все институциональные течения имеют общий фундамент, поскольку все они рассматривают хозяйство и хозяйственные организации как социальную конструкцию. По другим параметрам между ними есть множество различий. Однако, думаю, есть одно положение, по поводу которого все они сходятся: мир — это социальная конструкция, и неважно, сформулировано ли это в терминах легитимности или подражательного изоморфизма [mimetic isomorphism]. Основная проблема заключается в способах конструирования правил, конвенциональных подходов, практик, определяющих функционирование хозяйства. И новые институциональные течения, таким образом, занимаются изучением социального конструирования хозяйственной деятельности и хозяйственных организаций.

— А какие недавние работы — книги или статьи — по экономической социологии показались Вам чем-то примечательными, необычными, неожиданными, озадачивающими, новаторскими? Если брать последние два — четыре года?

— Например, я только что купила и начала читать новую книгу Нила Флигстина. Думаю, это очень хорошая книга — «Архитектура рынков»⁴. Нил проделал большую работу, исследуя рынки. Эта работа не только по экономической социологии. Она именно о рынках. Рынки — ее важный аспект, но это еще не вся экономическая социология. Думаю, это будет неожиданная и в какой-то степени неоднозначная точка зрения на рынки, попытка выдвинуть новые предположения, разработать более кумулятивное знание, которое при этом можно проверить эмпирически и которое потенциально может даже использоваться политиками [policy makers]. Так что это первая книга, которую я бы выделила.

Другая работа, которая кажется мне совершенно удивительной, — это работа Вивианы Зелизер, ее самая последняя книга — «Социальное значение денег»⁵. Очень хорошая работа.

— Да, она мне тоже очень нравится, но ведь она появилась довольно давно.

— Ладно, Вы думаете, это слишком давно?

— Вы упомянули раньше Брюса Керратерса?

— Да, но его книга появилась, думаю, лет шесть назад.

— Которая? Наверное, Вы говорите о его книге по истории, но она у него не последняя.

— Нет-нет, я говорю не об учебнике⁶. Мне очень нравится его книга о развитии финансовых рынков в Англии⁷. В экономической социологии ведется большая дискуссия о том, кто кого формирует: государство рынки или рынки — государство? Несомненно, это важный вопрос. Создают ли государства

⁴ *Fligstein N.* The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

⁵ *Zelizer V.* The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997 (1994). См. также перевод: *Зелизер В.* Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы / Пер. с англ. А.В. Смирнова, М.С. Добряковой под науч. ред. В.В. Радаева. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

⁶ *Carruthers B.G., Babb S.L.* Economy / Sociology: Markets, Meanings, and Social Structures. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2000.

⁷ *Carruthers B.G.* City of Capital: Politics and Markets in the English Financial Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.

рыночную инфраструктуру — денежные единицы, регулирующий аппарат и многие другие вещи, позволяющие рынку соответствовать сложившейся в стране правовой системе? Или, наоборот, капиталистический правящий класс конструирует государство с целью создания стабильных условий? В этой связи мне очень нравится книга Брюса, она очень исторична, в ней рассказывается о зарождении финансовых рынков в Лондоне и показывается, как рынки были вовлечены в работу Королевского казначейства, создавая условия для участия государства (в данном случае, короля) в политических интригах. Это очень хороший пример исторической эмпирической работы. Здесь не просто утверждается: «О, это государство; ах, нет, это рынок», а действительно анализируются исторические материалы. Так что это очень хорошая книга.

— **А какие-то статьи можете назвать?**

— Да, я как раз собиралась сказать, что значительная часть экономической социологии представлена в форме статей. Хотя есть несколько очень хороших книг, но не думаю, что они вышли совсем уж недавно. Например, есть одна книга (она вышла лет пять назад)... Не думаю, что социологи обратили на нее особенное внимание. Но мне кажется, в ней есть немало для социологов — я имею в виду книгу «Миры производства». Вы знаете ее?

— **Нет.**

— Авторы — Майкл Сторпер [Michael Storper] и Робер Сале [Robert Salais]⁸. Сторпер очень хорошо образован, это широко известный социальный географ, интересующийся региональными хозяйствами. А Робер Сале — французский экономсоциолог, работающий в традиции экономики конвенций. Эта книга впервые обращает внимание на «миры производства» (и я думаю, это очень и очень интересно). Ведь развиваются мир или культура и локальные институты, создающие особые типы экономических отношений и возможностей. Почему французы производят духи и занимаются высокой модой, немцы — машиностроением, а швейцарцы — международным банковским делом?

— **И шоколадом.**

— Верно, и шоколадом. В чем здесь дело? Ведь не культура же заставляет швейцарцев производить шоколад. Хотя я уверена, что их культурная фразеология [cultural expressions] связана с шоколадом. Но важно посмотреть, как в действительности исторические факторы, институты и образцы отношений, складывающиеся в различных обществах, в конечном счете превращаются в институционализованные наборы возможностей и институциональные структуры, обеспечивающие данному обществу преимущества на уровне мирового хозяйства. Это побудило меня взглянуть на хозяйство по-новому. Ведь обычно мы смотрим на него сверху вниз: вот, есть структура, давайте поглядим, к каким различиям она ведет на уровне реальных действий индивидов. А в этой книге показывается другое направление — взгляд снизу. Вот,

⁸ Storper M., Salais R. *Worlds of Production: The Action Frameworks of the Economy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997.

нам известно нечто о взаимодействиях и типах отношений, — но каким образом они институционализируются, превращаются в структуры, оказывающие затем влияние на более общий хозяйственный контекст? Так что мне нравится эта книга.

— **И мой последний вопрос: какие темы и направления исследований в экономической социологии кажутся Вам наиболее перспективными в ближайшем будущем?**

— Прежде всего, назову одну тему. Я начала с того, что социология рынков не тождественна экономической социологии. Но в целом это область, в которую экономическая социология вложила немало сил и времени. И тому есть веские причины. Мы стремимся понять действительно фундаментальные основы капитализма. Постсоциалистические хозяйства пытаются построить новые рынки. Так что исследование рынков будет образовывать, — насколько мне видится обозримое будущее, — ядро экономической социологии.

Теоретически экономисты тоже интересуются рынками. Правда, их рассуждения и гипотезы касаются совершенных рынков [perfect markets]. А затем они выявляют несовершенства рынков и пытаются их как-то исправить. А мы попробовали предложить наше видение проблемы и представить рынки как институционализованные наборы отношений [relationships], в которых задействованы права собственности [property rights] и другие типы социальных структур.

В то же время, я полагаю, для нас важно пойти дальше исследования тех вопросов, которыми занимались экономисты, и посмотреть на весь спектр социальных явлений, фигурирующих в экономической теории. Я действительно думаю, что экономическая социология способна исследовать весь спектр таких социальных явлений. Ведь и некоторые классические мыслители, — как, например, Вебер, — размышляли о связи религии и хозяйства. И мы продолжаем исследовать политическую экономию, связь формы правления и государства с хозяйством.

Опять же, существует проблема связи семейной структуры и хозяйства. Есть авторы, серьезно занимающиеся этим вопросом. Есть исследователи, анализирующие то, как индустриальное развитие изменяет семейные отношения. Причем экономсоциологи исследуют эту проблему, как правило, в развивающихся и в меньшей степени в развитых странах. Я думаю, что хозяйственная культура, господствующая роль экономики в производстве культуры как товара столь же важна, сколь и господство рыночного общества и роль рынка для производства особого типа культуры, особого типа рациональности, особого акцента в процессе социализации и образования рациональных индивидов. И, думаю, экономическая социология может пойти именно в этих направлениях. Мы можем обнаружить здесь очень интересные вещи. Так что это одно направление.

А другое направление, которое кажется мне важным для экономической социологии, — это движение в область политики [policy areas]. Это не особенно популярно сейчас среди социологов...

— **Вы имеете в виду социальную политику?**

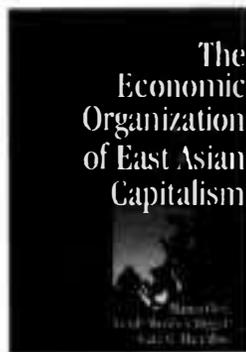
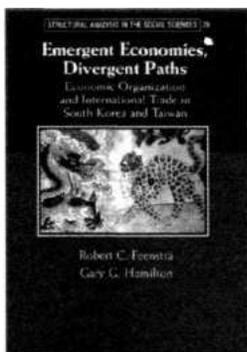
— **Экономическую политику.** Знаете, при президенте США есть Совет экономических консультантов [Council of Economic Advisers]. И все они экономисты. А почему бы не пригласить туда людей, понимающих, как экономика работает на самом деле, чтобы они консультировали политиков? Социологи, по крайней мере в США, очень неохотно вмешиваются в политику. Они говорят: «Мы — как антропологи, мы не любим вмешиваться в жизнь наших племен. Мы предпочитаем не мараить руки и оставаться в стороне». Психологи легко идут на практическую работу. Экономисты, вне всякого сомнения, любят давать советы. И политологи не испытывают с этим проблем. Думаю, слишком много вреда произошло от того, что мы позволяли другим дисциплинам пользоваться нашими открытиями, — присваивать их и использовать так, как мы, быть может, совсем не имели в виду. Возможно, эти последствия не так широко известны. Так что я бы хотела, чтобы экономическая социология развивала в себе интерес к исследованиям политики.

— **Большое спасибо.**

Основные публикации Н. Биггарт

- Biggart N.* Социальная организация и экономическое развитие // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 252–264.
- Biggart N.* Социальная организация и экономическое развитие // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 5. С. 49–58. <http://ecsoc.msses.ru>.
- Biggart N., Гиллен М.* Выявление различий: социальная организация и формирование автомобильных производств в Южной Корее, Тайване, Испании и Аргентине // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 2. С. 23–25.
- Biggart N.W.* (ed.). Readings in Economic Sociology. Malden, MA: Blackwell, 2002.
- Biggart N.W.* Social Organization and Economic Development // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 1. С. 6–12. <http://ecsoc.msses.ru>.
- Biggart N.W.* Explaining East Asian Economic Organization: Toward a Weberian Institutional Perspective // Theory and Society. 1991. Vol. 20. No. 2. P. 199–232. Reprinted in: Reworking the World: Organizations, Technologies, and Cultures in Comparative Perspective / Ed. by J. Marceau. N.Y.: W. de Gruyter, 1992.
- Biggart N.W.* A Sociological Analysis of the Presidential Staff // The Sociological Quarterly. 1984. Vol. 25. No. 1. Reprinted in: Sociology: Principles and Applications / Ed. by G. Theodorson, L. Theodorson. St. Paul, MN: West Publishing Co., 1989.
- Biggart N.W.* Management Style as Strategic Interaction: The Case of Governor Ronald Reagan // Journal of Applied Behavioral Science. 1981. Vol. 17. No. 3. P. 291–308. Reprinted in: Leaders and Followers. Challenges for the Future / Ed. by T. Heller, J. Van Til, L.A. Zurcher, Jr. Greenwich, CN: JAI Press, 1985; Qualitative Studies of Organizations / Ed. by J. Van Maanen. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1998.
- Biggart N.W.* Charismatic Capitalism: Direct Selling Organizations in America. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Biggart N.W.* The Creative-Destructive Process of Organizational Change — The Case of Post Office // Administrative Science Quarterly. 1977. Vol. 22. No. 3. September. P. 410–426.

- Beamish T.D., Biggart N.W.* Economic Worlds of Work: Uniting Economic Sociology with the Sociology of Work // *Social Theory at Work* / Ed. by M. Korczynski, R. Hodson, P. Edwards. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Biggart N.W., Beamish T.D.* Economic Development, The // *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* / Ed. by G. Ritzer. Oxford: Blackwell Publishing, 2006.
- Allredge P., Biggart N.W.* Charisma // *International Encyclopedia of Economic Sociology* / Ed. by J. Beckert, M. Zafirovski. L.: Routledge, 2005.
- Biggart N.W., Allredge P.* Micro-credit // *International Encyclopedia of Economic Sociology* / Ed. by J. Beckert, M. Zafirovski. L.: Routledge, 2005.
- Biggart N.W., Delbridge R.* System of Exchange // *Academy of Management Review*. 2004. Vol. 29. No. 1. P. 28–49.
- Biggart N.W., Delbridge R.* System of Exchange / Препринт WP4/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003. http://www.hse.ru/science/preprint/WP4_2003_04.htm
- Biggart N.W., Beamish T.D.* The Economic Sociology of Conventions: Habit, Custom, Practice, and Routine in Market Order // *Annual Review of Sociology*. 2003. Vol. 29. P. 443–464.
- Biggart N.W., Guillén M.F.* Developing Difference: Social Organization and the Rise of the Auto Industries in South Korea, Taiwan, Spain, and Argentina // *American Sociological Review*. 1999. Vol. 64. No. 5. P. 722–747.
- Orrú M., Biggart N.W., Hamilton G.G.* The Economic Organization of East Asian Capitalism. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1997.
- Hamilton G.G., Biggart N.W.* Market, Culture and Authority: A Comparative Analysis of Management and Organization in the Far East // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. No. 5. Supplement. P. 52–94. Reprinted in: *Journal of Sunology. A Social Science Quarterly* (Taiwan). 1989. Vol. 4. No. 1; *Sociology of Economic Life* / Ed. by M. Granovetter, R. Swedberg. Boulder, Co: Westview Press, 1991; *Complex Organizations* / Ed. by R. Hall. Aldershot, UK: Dartmouth Publishing, 1994.
- Biggart N.W., Hamilton G.G.* An Institutional Theory of Leadership // *The Journal of Applied Behavioral Science*. 1987. Vol. 23. No. 4. P. 429–441.
- Hamilton G.G., Biggart N.W.* Governor Reagan, Governor Brown: A Sociology of Executive Power. N.Y.: Columbia University Press, 1984.

Фред Блок¹

29 июня 2001 г.

«Сведберг тогда пришел и сказал: «Знаете, ребята, вы должны понимать, что то, чем вы занимаетесь, по сути является экономической социологией». И я подумал: «Прекрасно, мне это подходит»».

Труды Фреда Блока российским специалистам пока почти не знакомы. Между тем, он хорошо известен своей книгой «Постиндустриальные возможности»², нацеленной на критику неоклассического направления в экономической теории, стал одним из авторов самого влиятельного сборника работ по экономической социологии под редакцией Н. Смелсера и Р. Сведберга (Handbook of Economic Sociology, 1994), написав важную главу о роли государства в хозяйственной жизни.

Мы встретились в Амстердаме на ежегодной конференции Общества по развитию социэкономике (SASE), где Фред должен был выступить оппонентом по моему докладу. Однако вследствие организационных неурядиц и передвижек мы оказались в разных секциях. Чтобы его труд не пропал даром, по пути на вечерний прием, пролежавшему вдоль и поперек бесчисленных каналов, он изложил мне основные пункты своей критики (с которой я вынужден был согласиться). Тогда же мы договорились об этом интервью.

— Выступая на последней сессии конференции SASE, Вы назвали себя «экономсоциологом, хотя и с некоторыми оговорками». Скажите, а когда Вы начали именовать себя именно так? Когда Вы начали читать специальные курсы по экономической социологии?

— Дело было так. Будучи еще студентом Колумбийского университета, я посещал курс Терренса Хопкинса (помню, его как раз посещала моя подружка). Он назывался «Социология хозяйств» [Sociology of the Economies]. И Хопкинс читал практически то, чему его учил Карл Поланьи, еще когда сам Хопкинс в 1950-е годы был студентом Колумбийского университета. А свой собственный курс он читал уже где-то в 1966—1967 гг. Это было время, когда в американской социологии не было такого понятия, как экономическая социология. Данный курс был откровением, он был чрезвычайно

¹ Ф. Блок [Fred Block] — профессор Университета Калифорнии в Беркли и Университета Калифорнии в Дэвисе, США.

² Block F.L. Postindustrial Possibilities: A Critique of Economic Discourse. Berkeley: University of California Press, 1990.

интересен для меня. И примерно с того времени я и стал ощущать себя социологом хозяйств [a sociologist of economies]. Но тогда я не мог выйти на улицу и объявить это во всеулышание, поскольку никто вокруг этим не занимался. Так что когда я поступил в магистратуру, я полагал, что работаю в традиции политической экономии, в общих рамках неомарксизма. Но в этой работе всегда неявно чувствовалось сильное влияние Поланьи, и нестрогое следование неомарксистской теории ощущалось то более, то менее отчетливо.

Моя диссертация была посвящена источникам нарушения международного экономического порядка. Это была осознанная попытка развить выдвинутые в конце 1930-х годов идеи Поланьи о структуре международных экономических правил. Я пытался показать, каким образом США реконструировали глобальный финансовый порядок во время и после Второй мировой войны. Однако все это я делал, практически не опираясь ни на какую конкретную дисциплину.

— **Как и многие другие в то время. А когда экономическая социология получила признание?**

— Думаю, для меня решающую роль сыграл Ричард Сведберг. Я не помню точной даты, но думаю, это было...

— **Начало 1990-х?**

— Нет, это было в 1980-е годы, думаю, даже в начале 1980-х. Сведберг тогда пришел и сказал: «Знаете, ребята, вы должны понимать, что то, чем вы занимаетесь, по сути является экономической социологией». И я подумал: «Прекрасно, мне это подходит». Мне, пожалуй, больше нравится язык социологии хозяйств, потому что — как и в случае социологии религии — это социология, позволяющая уйти от теоретической схемы, которой придерживается большинство исследователей-практиков. И в этом смысле термин «социология хозяйств», кстати, лучше «экономической социологии», поскольку в ее названии есть некоторый оттенок, предполагающий нацеленность на изучение форм хозяйства. Но я смирился с этой лингвистической проблемой и с радостью стал сознавать себя экономсоциологом.

Для меня это было очень важное событие, поскольку я всегда ощущал себя маргиналом в своей дисциплине. Чувствовал, что тот тип политэкономии, которым я занимаюсь, — нечто не вполне законное, не вполне соотносящееся с основным направлением. Так что когда меня, свежеепеченного выпускника, только что защитившего диссертацию и попавшего на рынок труда, спросили: «И о чем же Ваша диссертация?», я ответил: «О том, как заключать и расторгать соглашения, подобные Бреттон-Вудскому». И знаете, они посмотрели на меня так, будто я свалился с луны.

— **Да, зато теперь, вероятно, Вы чувствуете, что стояли у самых истоков.**

— Верно. Экономическая социология сделала немыслимый шаг, зажив: «Смотрите, основы анализа экономических процессов заложили Маркс, Вебер, Дюркгейм, и вот теперь мы продолжаем эту традицию».

— Вы упомянули, что не вполне отождествляете себя с основным направлением экономической социологии. А как бы Вы определили это основное направление (или направления) в настоящее время?

— Вообще-то мне не хотелось бы делать подобные классифицирующие обобщения, поскольку в каком-то смысле это все слишком запутано, и здесь есть самые разные фигуры. А когда принимаешь раскладывать их по полочкам, то волей-неволей упрощаешь и всю сложность формулировок. Я бы, наверное, сформулировал это следующим образом: одним из самых влиятельных течений в рамках экономической социологии в США является то, что мы называем экономической социологией в бизнес-школах. В этом есть свои положительные и отрицательные стороны. Я имею в виду, что в среде бизнес-школ социологи, находясь в окружении экономистов, финансистов и т.д., всегда ощущают уязвимость своего положения. И здесь для них чрезвычайно важно существование такой дисциплины, как экономическая социология, ибо это дает им возможность сопротивляться давящей узости мышления — а вероятность такого давления весьма велика в подобной среде. И мне кажется, что в этой самой среде наши коллеги ведут весьма серьезную работу. Однако отрицательная сторона заключается в сужении экономсоциологической перспективы — по крайней мере, на уровне тенденции (это, конечно, не универсальная тенденция, и здесь возможны исключения). Исследователи принимаются детально изучать сетевые отношения между фирмами, не уделяя достаточного внимания анализу более широкого контекста, в котором действуют эти фирмы. И это становится своего рода ограничителем.

— Простите, Вы имеете в виду социологические исследования организаций или же социологию, которая развивается в бизнес-школах?

— И то, и другое. Я имею в виду и социологов, исследующих организации, и социологов из бизнес-школ.

— И много социологов работает в бизнес-школах?

— Да, довольно много. По крайней мере, достаточно много тех, кто нашел работу в бизнес-школах. Я не особенно слежу за этой литературой, но экологическая теория организаций [organizational ecology] является собой пример бурного развития социологии в среде бизнес-школ со всеми ловушками, неизбежно подстерегающими позитивистскую социальную науку. Знаете, можно дать этот вопрос на рассмотрение сообществу экономистов, и они не согласятся с моим выводом. Но мне кажется, здесь появляется нечто общее в способе построения моделей, прогнозов относительно выживания фирмы, оценки стоимости [value] и т.д. И я полагаю, что перед нами пример того, как сужается круг рассматриваемых вопросов, и это общая тенденция для данной среды. Но опять-таки хочу повторить: в этом есть и плохое, и хорошее. В частности, в бизнес-школах экономсоциологи вовлечены в реальную хозяйственную деятельность, наблюдая работу бизнесменов. А это весь-

полнозона для анализа. Так что, как мне кажется, прежде всего следует подчеркнуть деление на микро- и макро-.

— **Вы прежде говорили, что современная экономическая социология недооценивает макроуровневые подходы.**

— Да, и знаете, проблема в том, что после того, как крупные нарративные теории [большие нарративы/метанарративы — grand narratives] утратили свое былое влияние, — как, например, теории Маркса или Парсонса, — у нас практически не осталось макросхем, на основе которых можно было бы строить свои рассуждения. В результате экономическая социология вынуждена спуститься на микроуровень, участвовать в этой идущей ныне дискуссии по поводу рациональности индивидуального действия.

— **О локальных порядках [local orders]?**

— Верно. И мне кажется, что ценность идущей от Поланьи традиции — в том, что она удерживает наше внимание на отношениях между государствами, на структуре и хозяйстве. Когда правила игры, на основе которых организована мировая экономика, рассматриваются на глобальном уровне, Вы видите то, как политика и культура структурируют эти отношения.

— **А могли бы Вы назвать наиболее важные события в экономической социологии за последние два-три года? Я имею в виду книги, статьи, конференции и пр. Что Вам показалось примечательным, может быть, необычным, выступающим из общего ряда? Или, может быть, было что-то, ставшее своего рода переломным моментом или обещающее стать таковым?**

— Думаю, среди таких событий следует назвать азиатский кризис 1997–1998 гг., а также кризис в России, трудности, возникшие в Бразилии. Эти события кажутся мне чрезвычайно важным переломным моментом для более широкого понимания проблем организации глобального хозяйства с точки зрения неолиберализма. И я думаю, что реакция США на эти события наглядно демонстрирует раскол между сознанием элиты и сознанием большинства. Об этом говорил, например, Джозеф Стиглиц (я имею в виду его публичное заявление).

— **Об отходе от Вашингтонского консенсуса?**

— Да. Мне кажется, что это очень важный момент. Отчасти он отразил более общие вещи, происходящие в рамках экономической теории. Так что это не просто мнение Стиглица, но и мнение людей, которые по всем своим убеждениям принадлежали к основному течению [mainstream] экономической теории, ратующая за свободное движение капитала в международном хозяйстве.

— **Между прочим, эта статья Стиглица была сразу же переведена и опубликована в России³. Но, возвращаясь к собственно экономической социологии, были ли какие-то заметные книги, статьи за**

последние годы? Что бы Вы порекомендовали студентам в качестве своего рода прорывной работы, открывающей новую перспективу?

³ Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов) // Вопросы экономики. 1999. № 7. С. 4—30.

— За последние пару лет?

— Ну, допустим, за три — пять лет.

— Не могу сразу сообразить. Может быть, подскажите мне что-нибудь для начала?

— Это действительно не простой вопрос — мы все знаем классику, а вот современные работы выделить сложнее...

— Дайте-ка подумать. Наверное, если говорить о том, что сделано за последние три — пять лет, то стоит назвать книгу Питера Эванса об укорененной автономии⁴. Я назвал бы ее одной из основных работ именно потому, что в ней по-новому очерчивается отношение государства к экономическому развитию. И, думаю, это помогает выстроить важное направление работы, которое начинается с разрешения искусственного дуализма по поводу того, является ли государство однозначно хищническим [predatory] по отношению к экономике, или же оно абсолютно рационально и служит во благо людям. Это направление пытается определить условия, при которых связи между государством и экономикой оказываются обоюдовыгодны и плодотворны. Проблема этих связей является частью более общей дискуссии по поводу отношений между формальным и неформальным, здесь предпринимаются попытки ответить на вопрос о том, какие способы деформализации более или менее продуктивны в своем выборе из множества путей артикулировать формальное и неформальное, с тем, чтобы те в свою очередь породили функциональный эквивалент.

— А если, например, взять «Американский журнал социологии» [American Journal of Sociology] — в нем постоянно публикуются разные статьи, относящиеся к нашей теме. Может быть, что-то показалось Вам особенным?

— Что бы меня особенно заинтересовало? Ну, это случается довольно часто. Но сейчас я едва ли сразу на память назову то, что мне показалось особенно интересным. Проблема, думаю, заключается в том, что природа действительно значимых работ такова, что только через какое-то время — и немалое — понимаешь, важны они или нет.

— А Вы рекомендуете студентам какие-то новые работы или, как правило, ждете, пока пройдет некоторое время?

— Как правило, я что-то рекомендую по прошествии трех-четырех лет. Но иногда для пробы даю какие-то материалы, если вижу, что, вроде бы, это что-то достойное. Впрочем, я здесь отнюдь не считаю себя конечной инстанцией.

— И наконец, мой последний вопрос: какие области Вы считаете наиболее перспективными? Например, если бы перед Вами сидел молодой аспирант, что бы Вы ему посоветовали?

— Здесь можно назвать пару проблем, которые я упоминал во время нашего заседания. Одна из них — критический анализ реконструирования экономических измерений. Это чрезвычайно важная проблема, недостаточно разработанная в качестве самостоятельной области знания.

⁴ Evans P. Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995.

экономическая статистика во многом является способом конструирования социальной реальности. В каждом из видов статистики существует целый ряд методологических альтернатив, которые влияют на окончательный результат. Это одна из областей, где еще предстоит огромная работа, — в силу изначального несоответствия статистики и возможностей генерирования новых групп социальных фактов путем их конструирования.

— **Вы хотите сказать, что социологам следует изучать тот же регрессионный анализ, но использовать при этом другие группы переменных?**

— Думаю, не так уж и плохо быть методологически подкованным, хотя я и не особенно в этом силен. Однако в случае со статистикой дело даже не в самих регрессионных моделях, а в том, как сочетать их друг с другом, как анализировать их совокупные результаты. Это касается и основ того, как рассчитывать национальные счета. В большинстве случаев основа расчетов — физический капитал, в то время как инвестиции в формы подготовки и так называемый человеческий капитал выпадают из поля зрения. Однако есть все основания полагать, что экономические процессы присутствуют в этих формах инвестиций даже в более значительной степени. Так что в результате мы получаем искаженное представление, которое ограничивается одним и тем же набором категорий. Таким образом, для того, чтобы играть в конструирование новых измерений, может быть, стоит задуматься о категориях и более серьезно подойти к методологии. Мне это кажется важным. Иными словами, стоит просто взглянуть со стороны и понять, что эти измерения неадекватны. Я не говорю, что это окончательное решение проблемы. Но это серьезный шаг вперед, позволяющий нам лучше понять существующие компромиссы. Я писал об этом, например, в работе «Постиндустриальные возможности».

— **Вы коснулись методологического подхода. А какие перспективные темы Вы бы назвали?**

— Вторая потенциально перспективная тема — и я также говорил об этом на сегодняшней конференции, — это финансовая социология [finance sociology]. Изучая то, каким образом хозяйственная деятельность финансируется из частных или общественных фондов, мы сумеем понять, как различные акторы мобилизуют разные объемы ресурсов. Знаете, как говорил один из немцев: бюджет — это своего рода скелет государства. Мне кажется, мы могли бы начать выстраивать социологию финансов, которая являлась бы таким «скелетом» для более общей структуры хозяйства и включала бы также динамический элемент, — когда мы могли бы распределять предприятия в динамике в зависимости от того, как финансируются или не финансируются различные виды деятельности. Это было бы способом вновь ввести в анализ макроструктуру и при этом не вернуться к старым ограниченным схемам.

— Но ведь помимо финансов государства есть еще финансы корпораций и финансы домохозяйств.

— Да, так, и я думаю, что сюда войдут все эти элементы. Это должно быть достаточно общая схема. Например, у нас в США есть мощные институциональные инвесторы, и исследователи пытаются анализировать их деятельность, чтобы понять, как сбережения перетекают от домохозяйств и превращаются в финансовые инвестиции, и наоборот. И опять-таки я думаю, что не стоит оставлять этот анализ одним только экономистам, можно использовать его как исходную точку для построения упомянутых моделей-«скелетов». Но вообще-то я стараюсь никому ничего не навязывать, не подталкивать аспирантов к той или иной области.

— Но все-таки у них возникают подобные вопросы. И они наверняка идут с ними к Вам.

— Да. На самом деле я не могу с легкостью предложить им ряд проблем, которые однозначно важны. Думаю, что решающую роль здесь играет вопрос, поднятый на сегодняшней конференции: исследование моментов трансформации институциональных правил, которые наполняют ту или иную сферу экономической деятельности. Глубокое исследование таких переходных моментов всегда является полезным и результативным занятием. Если мы изучаем изменения, необходимо понять эти процессы на более глубоком уровне, проанализировать не только частные случаи фундаментальных кризисов, — таких, как кризис 1930-х, кризис 1989—1991 гг. Это лишь крайние случаи, и они не смогут дать нам адекватных инструментов для анализа динамики изменений мирового порядка.

— Большое спасибо.

Основные публикации Ф. Блока

Блок Ф. Роль государства в хозяйственном процессе // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 569—599.

Bloch F.L. Introduction // Polanyi K. The Great Transformation. Boston: Beacon Press, 2001 (1944). P. xviii—xxxviii.

Bloch F.L. The Vampire State and Other Myths and Fallacies about the U.S Economy. N.Y.: New Press, W.W. Norton & Company, Inc., 1996.

Bloch F.L. The Role of the State in the Economy // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 691—710.

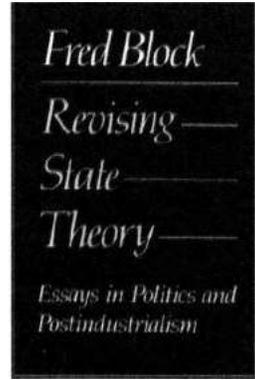
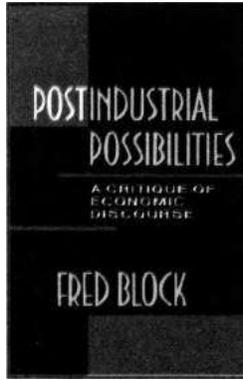
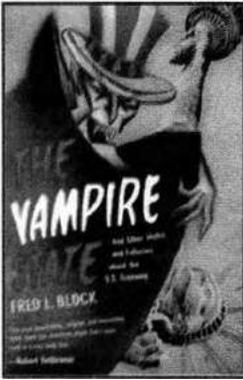
Bloch F.L. Postindustrial Possibilities: A Critique of Economic Discourse. Berkeley: University of California Press, 1990.

Bloch F.L. Political Choice and the Multiple Logics of Capital // The Structures of Capital: The Social Organization of the Economy / Ed. by S. Zukin, P. DiMaggio. N.Y.: Cambridge University Press. 1990. P. 293-310.

Bloch F.L. et al. The Mean Season: The Attack on the Welfare State. N.Y.: Pantheon Books, 1987.

Block F.L. *Revising State Theory: Essays in Politics and Postindustrialism.* Philadelphia: Temple University Press, 1987.

Block F.L. *The Origins of International Economic Disorder: A Study of United States International Monetary Policy from World War II to the Present.* Berkeley: University of California Press, 1977.

Майкл Буравой¹

17 сентября 2002 г.

«Я думаю, новым является именно этот акцент на проблематике рынков — в отличие от того, что мы называли производством, классовыми отношениями».

Майкл Буравой — индустриальный социолог марксистского направления, хорошо известен российским социологам, ибо много лет занимается именно Россией. Буравой не считает себя собственно экономсоциологом, но, несомненно, близок этому направлению. В частности, накануне нашего интервью в 2001 г. он вступил в интересные дебаты с экономсоциологами на страницах журнала «American Journal of Sociology» (см. ниже).

В назначенное для интервью время я ожидал Буравого в его собственном кабинете, который он любезно предложил мне использовать на время моего пребывания в Беркли. Майкл появился на пороге в шлеме с велосипедом в руках. Записывать интервью в его комнате оказалось невозможным (за стеной работал отбойный молоток), и нам пришлось перейти в его деканский офис в противоположном конце здания. По пути он заметил, что строители-ремонтники работают «совершенно по-советски». И Буравой знает, что говорит. Он проработал немало времени на заводах в Москве и Сыктывкаре в качестве простого рабочего, проводя там включенное наблюдение.

— Ваши исследования очень интересны и важны для экономсоциологов. Связываете ли Вы себя в какой-то степени с экономической социологией как особой исследовательской областью?

— Думаю, да. Я социолог, и я изучал экономику. Поэтому так или иначе должен быть связан с экономической социологией.

— Что общего между Вашим и экономико-социологическим подходами, и чем они различаются?

— Мой подход — марксистский, а марксизм всегда переключался с социологией, и особенно с экономической социологией, поскольку он всегда был сосредоточен прежде всего на вопросах хозяйства. Можно даже предположить, что экономическая социология — своего рода реакция на возрождение марксизма в 1970-е и отчасти в 1980-е годы. Акцент в то время делался главным образом

¹ М. Буравой [Michael Burawoy] — профессор социологии Университета Калифорнии в Беркли, США (на момент интервью — декан факультета социологии); в 2003—2004 гг. — президент Американской социологической ассоциации.

на проблематику трансформации производства, они стояли в центре капиталистического хозяйства (как, впрочем, и социалистического). А сейчас социология и экономическая социология все больше внимания уделяют исследованию обмена и рынков.

Мне кажется, что экономическая социология (я включаю сюда и институционализм) впитала многое из социологии Э. Дюркгейма. В частности, она исследует предпосылки существования рынков так же, как это делал Дюркгейм и как это позднее делает М. Грановеттер. Думаю, она многое почерпнула также из работ К. Поланьи. И наверное, своим статусом критической дисциплины экономическая социология обязана идее Поланьи об овеществлении [commodification]. Я, конечно, не считаю, что это единственное, что исследователи взяли у Поланьи. Они позаимствовали скорее не присущее ему негативное восприятие рынка, а представление о перенасыщенной институтами [over-institutional] инфраструктуре, необходимой для его функционирования.

— **И понятие фиктивных товаров.**

— Совершенно верно.

— **Но современная экономическая социология в принципе занимается и производственными рынками. Например, Хэррисон Уайт много писал о них. И новая книга Нила Флигстина, о которой мы недавно говорили, посвящена строению производства.**

— Вы имеете в виду «Архитектуру рынков»?²

— Да.

— Но ведь он не уделяет особого внимания тому, как люди производят товары, не правда ли?

— **Мне кажется, что под «производством» Вы понимаете нечто более узкое, а именно: «труд», «трудовые отношения».**

— В общем, да, акцент на производстве часто предполагает изучение именно трудовых отношений, отношений между капиталом и трудом. Я провожу достаточно грубое различие между производством и обменом (возможно, сейчас это уже не принято). С одной стороны, есть производство, которое означает изготовление материальных вещей или предоставление услуг. А с другой стороны, имеется обмен, который играет решающую роль в процессе потребления, распределения и функционирования рынков. Я полагаю, можно провести различие между производством и обменом или между процессом труда и рынками.

Поэтому я считаю, что нынешняя экономическая социология — это новое концептуальное образование. Да, конечно, Смелсер уже давно говорил об экономической социологии. Но та экономическая социология, которая формируется сегодня, и то, что в соответствующей новой секции Американской социологической ассоциации называется «экономической социологией», — это нечто новое. Я думаю, новым является именно этот акцент на проблематике рынков — в отличие от того, что мы называли производством, классовыми отношениями и что складывало более марксистски ориентированную традицию.

² Fligstein N. *Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

— В своей рецензии на книги Дэвида Старка, Ивана Селеньи и их соавторов³ Вы критикуете неоклассическую социологию и экономическую социологию за то, что они слишком привержены традиции не только Дюркгейма, но и М. Вебера.

— Верно.

— А так ли это плохо — поддерживать связь с трудами признанных классиков социологии?

— С моей стороны в данном случае это была не столько критика, сколько попытка категоризации, наименования [labeling]. И думаю, она была верной. В обеих книгах имеет место недооценка опыта массы людей в условиях переходной экономики. Старк и Бруст, Йел и Селеньи говорят, что не ставили специально подобных ограничений, но в результате они действительно не обращались к исследованию опыта большинства населения. А я лишь подчеркнул ту трансформацию, которая произошла в их собственных взглядах. И Старк, и Селеньи начинали с наблюдения государственного социализма снизу. А теперь они взглянули на новые формы капитализма сверху. Я же склонен считать, что есть и другие способы это сделать.

Конечно, традиции, идущие от Дюркгейма и Вебера, весьма ценны. Моя же критика Старка, Селеньи и их соавторов касалась только того, что они просмотрели. В частности, в их рассуждениях больше нет исследований классов, в то время как раньше все они анализировали классовые отношения. Эти авторы отказались от своего прошлого и, похоже, были раздражены, когда я на это указал⁴.

— Насколько я понимаю, Вы рассматриваете экономическую социологию с некоторого расстояния, несколько извне. Могли бы Вы назвать основные направления экономической социологии, как они Вам видятся? Например, проводите ли Вы четкую грань между традициями, идущими от Вебера и от Дюркгейма? Может быть, усматриваете какие-то другие линии размежевания?

— Думаю, в значительной мере это традиция, идущая от Дюркгейма. А поскольку речь идет о Дюркгейме, то мы возвращаемся к теории Т. Парсонса и началу 1950-х годов. Я имею в виду, что, например, работа Джона Мейера о неинституционализме⁵ насквозь пропитана идеями Парсонса. В ней рассматриваются проблемы конвергенции, легитимности, общего консенсуса и ценностей. В экономической социологии очень заметно влияние Дюркгейма. А если обратиться к работам авторов, исследующих власть и властные отношения, заметно также и влияние Вебера. — здесь Вы правы. Но, думаю, оно менее сильно. И я не возьмусь сказать точно, кого бы я отнес к его последователям.

³ Burawoy M. Neoclassical Sociology: From the End of Communism to the End of Classes // American Journal of Sociology. 2001. Vol. 106. No. 4. January. P. 1099—1121. М. Буровой рецензирует следующие книги: Stark D., Bruszt L. Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. Making Capitalism without Capitalists. L.: Verso, 1998.

⁴ Авторские отклики на рецензию М. Буровой см.: Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. The Utopia of Postsocialist Theory and the Ironic View of History in Neoclassical Sociology // American Journal of Sociology. 2001. Vol. 106. No. 4. January. P. 1121—1129; Stark D., Bruszt L. One Way or Multiple Paths: For a Comparative Sociology of East European Capitalism // American Journal of Sociology. 2001. Vol. 106. No. 4. January. P. 1129—1138.

⁵ Meyer J., Rowan B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // The New Institutionalism in Organizational Analysis / Ed. by W. Powell, P. DiMaggio. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 41—62.

- А сетевой подход? Он ведь отличается от обеих традиций?
- Признаться, я не понимаю всего этого ажиотажа по поводу сетей.

Это эпифеномен: изучать сети для меня означает упустить реальность.

— Но, может быть, это иная реальность? Ведь Вы же не станете отрицать существование сетей?

— Да, конечно. Но дело в том, что сети, как мне кажется, нельзя объяснять через них самих — это не теоретическая концепция. Факт нашей связи друг с другом требует какого-то фундаментального объяснения, определенной теории хозяйства. И не думаю, что сети как таковые способны предоставить подобное объяснение.

Есть интересная книга А. Саксениан [AnnaLee Saxenian] о Силиконовой долине⁶ — о том, как она сформировалась и выросла, о важности сетевых связей между инженерами. Но, думаю, самая интересная работа в этой области — о самобытности и локальности [originality and locality], т.е. о локальных хозяйственных системах — выполнена географами. Пожалуй, наиболее известны здесь работы Майкла Сторпера [Michael Storper]⁷. Он пишет о сравнительных преимуществах локальности, ходе торговли, необсуждаемых взаимозависимостях [untraded interdependences]. Эти ресурсы, имеющиеся на локальном уровне, существующие как данность и фиксируемые в пространстве, обеспечивают определенное видение сравнительных преимуществ.

— Раз речь зашла о книгах и статьях, могли бы Вы назвать какие-то самые важные для экономической социологии работы за последние два — четыре года?

— Как я уже говорил, очень интересными мне кажутся работы географов. Что касается моей области исследований, то меня интересует переход от государственного социализма к различным формам капитализма и новых рыночных хозяйств. Среди книг, которые широко обсуждались и которые показались мне интересными, я бы назвал те самые две книги, на которые я написал рецензию. Именно поэтому я так много внимания им и посвятил. Я имею в виду книги Старка и Бруста — во-первых, Йела, Селеньи и Таунсли — во-вторых. Думаю также,

что совершенно удивительна книга Дэвида Вудрафа [David Woodruff] о России⁸.

Мне кажется также, что лучшие экономико-социологические работы опираются не только на идеи Дюркгейма и Вебера, но и на идеи Поланьи, — я уже говорил об этом. Появляются новые исследования его подхода, к нему вновь возник интерес. И с моей точки зрения, это одна из самых важных и интересных особенностей нынешней экономической социологии.

— Хорошо ли Поланьи известен в Соединенных Штатах? Мне казалось, его связывают скорее с европейской социологической традицией. Правда,

⁶ Saxenian A. Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.

⁷ См., например: Storper M. The Regional World: Territorial Development in a Global Economy. N.Y.: Guilford Press, 1997; Storper M., Salais R. Worlds of Production: The Action Frameworks of the Economy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997; Storper M. Industrialization, Economic Development and the Regional Question in the Third World: From Import Substitution to Flexible Production. L.: Pion, 1991.

⁸ Woodruff D. Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1999.

я знаю, что Фред Блок недавно опубликовал новое издание «Великой трансформации» со своим предисловием и предисловием Дж. Стиглица⁹. Поланьи действительно столь влиятелен в США?

— Да, это правильно, что Вы упомянули здесь Фреда. И еще я бы добавил работу Питера Эванса «Укорененная автономия»¹⁰. Ведь само понятие укорененности [embeddedness] идет от Поланьи. И Гранветтер многое почерпнул у него. А о Селеньи вообще можно сказать, что Поланьи повлиял на всю его жизнь.

— Он же, как и Поланьи, венгр.

— Да, но Селеньи давно живет в Штатах. И идеи Поланьи оказали влияние на многих людей в США. Не думаю, что Дэвид Старк напрямую ссылается на него, но логика рассуждений у него порою схожая. Ведущие авторы почерпнули у Поланьи даже слишком много — его тексты являются классикой для каждого интересующегося экономической социологией. Потому что в них сочетаются, как я уже говорил, традиции, идущие от Дюркгейма, Вебера и Маркса. В них есть и элемент критики — Поланьи предлагает свое видение власти, свое видение отношений между государством, обществом и хозяйством. У него есть несколько оригинальных идей. Это весьма впечатляет. Думаю, здесь вы повсюду будете наткаться на идеи Поланьи в той или иной форме.

— Да, это интересно. И наконец, последний вопрос: какие направления и темы исследований Вы считаете наиболее перспективными для экономической социологии и близких к ней дисциплин в ближайшем будущем?

— Несомненно, переход от государственного социализма к капитализму. Мне кажется, здесь сделано уже много интересного. И будет сделано еще больше. Можно упомянуть дискуссию в «Американском журнале социологии» [American Journal of Sociology] по поводу переходного периода в Китае, а также в Центральной и Восточной Европе. Это была чрезвычайно интересная, продуктивная дискуссия. Ее вел Виктор Ни [Victor Nee], но участие принимали многие авторы.

— Вы говорили ранее, что в этой дискуссии почти не упоминалась Россия.

— Действительно. Примечательным в дискуссии было то, что никто не представлял пример России, который, с моей точки зрения, является примером провала реформ. Все говорили о примере Румынии или Болгарии. Но ведь провал-то случился не у них. Думаю, люди должны будут переосмыслить свои теории в свете российского опыта (точнее, будет хорошо, если они это сделают). Однако анализ России, похоже, не интегрирован в социологию и особенно в экономическую социологию, как, например, анализ Китая. Россия всегда стояла несколько особняком, рассматривалась, скорее, как исключение. Но мне кажется, социология только выиграла бы, если бы она включила в сферу своих исследований этот крайний случай — со столь не-

⁹ Polanyi K. The Great Transformation. Boston: Beacon Press, 2001.

¹⁰ Evans P.B. Embedded Autonomy. Berkeley: University of California Press, 1995.

обычной, уникальной историей. Конечно, это не подразумевает сведение российского опыта к некоей общей теоретической схеме.

— **Иными словами, Вы предложили бы своим студентам поехать в Россию?**

— Я никогда ничего не предлагаю своим студентам. Это одна из особенностей Беркли — ты здесь никому ничего не предлагаешь, даешь им право делать то, что им хочется.

— **Но Вы, по крайней мере, пытаетесь им что-то подсказывать? Не отправлять куда-то, но вдохновлять на что-то?**

— Нет-нет, здесь так не принято. Это даже забавно.

Основные публикации М. Буравого

- Буравой М.* Неоклассическая социология: от конца коммунизма к концу классов // Рубеж: альманах социальных исследований. 2003. № 18. С. 4–28. <http://ecsocman.edu.ru/rubezh>
- Буравой М.* Великая инволюция: реакция России на рынок // Рубеж: альманах социальных исследований. 2000. № 15. С. 5–35. <http://ecsocman.edu.ru/rubezh>
- Буравой М.* Марксизм после коммунизма // Рубеж: альманах социальных исследований. 1999. № 13–14. С. 65–88. <http://ecsocman.edu.ru/rubezh>
- Буравой М.* Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и пост-модернизмом // Рубеж: альманах социальных исследований. 1997. № 10–11. С. 154–176. <http://ecsocman.edu.ru/rubezh>
- Буравой М.* Развитие американской социологии: дилеммы институционализации и профессионализации // Рубеж: альманах социальных исследований. 1991. № 1. С. 74–95. <http://ecsocman.edu.ru/rubezh>
- Буравой М., Кротов П.* Советский вариант перехода к капитализму: рабочий контроль и экономические взаимоотношения между предприятиями в лесной промышленности // Рубеж: альманах социальных исследований. 1992. № 4. С. 107–138. <http://ecsocman.edu.ru/rubezh>
- Burawoy M.* Neoclassical Sociology: From the End of Communism to the End of Classes // American Journal of Sociology. 2001. Vol. 106. No. 4. January. P. 1099–1121.
- Burawoy M.* Critical Sociology: A Dialogue Between Two Sciences // Contemporary Sociology. 1998. Vol. 27. No. 1. January. P. 12–20.
- Burawoy M.* Marxism as Science: Historical Challenges and Theoretical Growth // American Sociological Review. 1990. Vol. 55. No. 6. December. P. 775–793.
- Burawoy M.* The Politics of Production: Factory Regimes Under Capitalism and Socialism. L.: Verso; N.Y.: Schocken Books, 1985.
- Burawoy M.* The Contours of Production Politics. Berlin: International Institute for Comparative Social Research, 1984.
- Burawoy M.* Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process Under Monopoly Capitalism. Chicago: University of Chicago Press, 1979.
- Burawoy M.* Constraint and Manipulation in Industrial Conflict: A Comparison of Strikes Among Zambian Workers in a Clothing Factory and the Mining Industry. Lusaka: University of Zambia, Institute for African Studies, 1974.

Burawoy M. The Colour of Class on the Copper Mines, From African Advancement to Zambianization. Manchester: Manchester University Press [for] the Institute for African Studies, University of Zambia, 1972.

Burawoy M. et al. Global Ethnography: Forces, Connections, and Imaginations in a Postmodern World. Berkeley: University of California Press, 2000.

Burawoy M., Verdery K. (eds.) Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World. Lanham: Rowman & Littlefield, 1999.

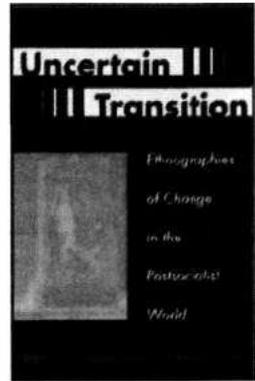
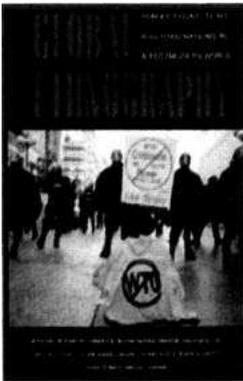
Burawoy M., Lukács J. The Radiant Past: Ideology and Reality in Hungary's Road to Capitalism. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Burawoy M., Krotov P. The Soviet Transition from Socialism to Capitalism: Worker Control and Economic Bargaining in the Wood Industry // American Sociological Review. 1992. Vol. 57. No. 1. February. P. 16–38.

Burawoy M. et al. Ethnography Unbound: Power and Resistance in the Modern Metropolis. Berkeley: University of California Press, 1991.

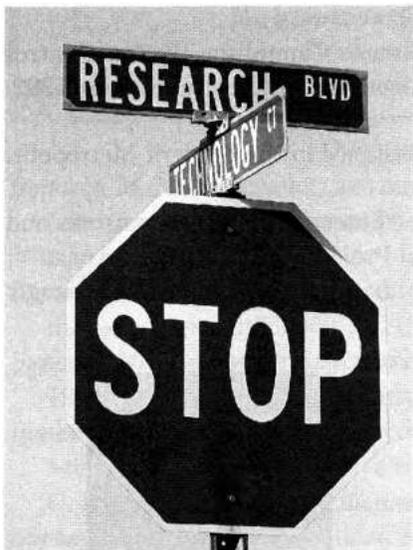
Burawoy M., Hendley K. Strategies of Adaptation: A Soviet Enterprise under Perestroika and Privatization. Bala Cynwyd, PA: WEFA Group, Special Projects, 1991.

Burawoy M., Skocpol T. (eds.) Marxist Inquiries: Studies of Labor, Class, and States. Chicago: University of Chicago Press, 1982.

Марк Грановеттер¹

18 сентября 2001 г.

«Чем больше работ по общей экономической теории я изучал, тем яснее понимал, как удивительно много здесь остается работы для социологов. Ведь существовала огромная пропасть между экономической теорией и реальностью социального мира, окружавшего собственно экономику».

Марк Грановеттер, самый цитируемый из ныне живущих экономсоциологов, автор знаменитой статьи об укорененности экономического действия в социальных структурах², именно он ввел само понятие «новой экономической социологии».

Мы встретились с ним на конференции Международного Общества новой институциональной экономики (ISNIE) в Беркли (Калифорния, США). Грановеттер делал доклад на секции экономической социологии вместе с Ричардом Сведбергом. Любопытно, что председательствовал на ней Оливер Уильямсон, с критикой которого Грановеттер выступал в упомянутой выше статье об укорененности. Впрочем, все были настроены весьма миролюбиво. После выступления Грановеттер должен был сразу уехать. Мы договорились о встрече в Стэнфорде (это был мой второй визит к Марку спустя год). В университете после ланча в Faculty Club и состоялась эта беседа.

¹ М. Грановеттер [Mark Granovetter] — профессор социологии Стэнфордского университета.

² Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. November. P. 481—510. Перевод: Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131—158.

— Ваше имя сегодня прочно ассоциируется с новой экономической социологией, поэтому я не стану спрашивать, считаете ли Вы себя экономсоциологом. Но скажите, когда Вы впервые сказали себе: «Да, это экономическая социология, и я занимаюсь экономической социологией»?

— Знаете, я, пожалуй, никогда так не говорил. Моя диссертация действительно была по экономической социологии — речь в ней шла о том, как люди находят работу через свои социальные связи

[social ties]. Сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что подход, использованный мною в диссертации, и есть тот самый подход, на основе которого я позднее сформулировал концепцию укорененности [embeddedness]. Но тогда я еще особенно не размышлял на эту тему. Меня больше интересовали вопросы стратификации и неравенства. Именно поэтому я и принялся изучать то, как люди находят работу, а, например, не то, как они находят жен или мужей, что, разумеется, ничуть не менее интересный предмет для исследования. Я думал, что для изучения хозяйства и позиций людей в структуре неравенства занятость имеет гораздо большее значение. Поэтому я этим и занимался.

Примерно в конце 1970-х годов я начал более всесторонне подходить к вопросу о том, почему в рамках одной экономической системы у людей существуют разные доходы. Мне очень хотелось это понять. А для того чтобы это понять (что, в общем, является главным вопросом для теорий неравенства и стратификации, а не для экономической социологии), чтобы сформулировать какие-то теоретические гипотезы относительно дифференциации доходов и неравенства, необходимо было разобраться и во всем материале, который имелся на эту тему у экономистов. Так что я начал читать экономическую литературу, чтобы лучше понять проблему неравенства. Я прочел работы, посвященные теориям человеческого капитала, от них перешел к исследованиям рынка труда, затем вернулся обратно к общей экономической теории. Чем больше работ по общей экономической теории я изучал, тем яснее понимал, как удивительно много здесь остается работы для социологов. Ведь существовала огромная пропасть между экономической теорией и реальностью социального мира, окружавшего собственно экономику. В результате я стал все больше интересоваться общими вопросами экономической социологии. Впрочем, я не потерял интереса к вопросам стратификации и неравенства в сфере доходов. Но они перестали находиться в центре моего внимания. А центральными для меня оказались более общие вопросы экономической социологии, — которая, как я полагаю, в то время еще не называлась «экономической социологией».

— **Название тоже важно. Когда оно появилось?**

— Думаю, когда я начал заниматься социологией в экономике (это было в начале 1980-х годов), когда я начал размышлять и писать об этом, я уже знал, что и до меня были социологи, интересовавшиеся экономикой — и в 1940-е, и в 1950-е, и в 1960-е годы. Затем этот интерес куда-то пропал. А в 1980-е годы я увидел, что был не единственным социологом, которого интересовала экономика, что кроме меня были и другие. Но я полагал, что они занимались этим несколько иначе — скорее, так, как это делалось в 1940-е—1960-е годы. Я тогда стал проводить различие между новой экономической социологией и старой экономической социологией. И думаю (если верить Ричарду Сведбергу, который очень хорошо в этом разбирается), я был первым, кто использовал это выражение — «новая экономическая социология».

На конференции Американской социологической ассоциации в 1985 г. я возглавлял секцию, которая называлась «Экономическая социология: старое и новое». И там был круглый стол, многие участвовали в дискуссии, я что-то комментировал. Пожалуй, именно там впервые на публике и прозвучало это выражение «новая экономическая социология». И оно стало популярным. Не уверен, что могу абсолютно точно сказать, что оно означает; эти названия, стоит им оказаться у всех на устах, уходят от тебя, ты уже не можешь контролировать то, как люди их употребляют. Так что, полагаю, я должен гордиться, что это стало таким важным понятием.

Тем не менее для меня не очевидно, что я хотел бы называть себя экономсоциологом. Разумеется, меня очень интересует экономика, и за последние пятнадцать лет я потратил немало времени на ее изучение. Но, пожалуй, я скорее считаю себя обычным, классическим социологом, который интересуется социальными институтами, всеми видами институтов. А экономика — это просто особый, очень интересный вид социального института. Я думаю, отличительной чертой социологии является то, что это область или дисциплина, в которой утверждается возможность пользоваться схожими принципами для объяснения различных типов социальных институтов. И я думаю, многие из тех принципов, которые мы используем для анализа экономики, полезны и для объяснения политических систем, а также других крупномасштабных макроуровневых институтов. Мне бы очень хотелось применить эти же принципы к анализу других социальных институтов. Я хочу посмотреть, как связаны между собой политическая система и экономическая система. Думаю, социология — единственная социальная наука, ставящая своей задачей понять, как различные общественные институты — экономика, религия, управление, добровольные ассоциации, система образования и все прочие институты — связаны друг с другом, что они дают друг другу и что друг у друга черпают.

Поэтому, думаю, что хотя я по-прежнему трачу немало времени, рассуждая об экономике, и хотя экономика меня по-прежнему очень интересует, а многие считают меня экономсоциологом, сам я не уверен, что когда-либо однозначно себя им считал. Я скорее вижу себя как социолога общего направления, который заметил, что экономика — это одна из тех областей, где социологи еще многого не сделали. Что это область, где почти безраздельно царит неоклассическая экономическая теория. Последняя в некоторых случаях весьма эффективна и полезна, но порою оставляет за собой немало пробелов, заполнение которых может оказаться очень и очень интересным делом для социологов. И я увидел в этом удивительное поле возможностей, мне ужасно захотелось, так сказать, вторгнуться на их территорию и сделать множество интересных вещей. Однако мне также интересно попробовать применить схожие принципы к анализу, например, социальных сетей, политической системы. И можно увидеть, что в своих послед-

них работах я говорю о связи между политикой и экономической. Думаю, это один из самых интересных вопросов, над которыми социологам стоит задуматься.

— Да, пожалуй. Возвращаясь к собственно экономической социологии, могли бы назвать ключевые методологические подходы, выделить основные методологические направления сегодняшней экономической социологии?

— Вообще-то всякая классификация спорна. Но когда я преподаю экономическую социологию (на следующей неделе я начинаю вводный курс), я выделяю три ее основных крупных направления.

Первое направление — это культурологическая, символическая, нормативная экономическая социология, которая подчеркивает значимость идей, культур, символов. Здесь проделана очень интересная и очень важная работа. Например, Вивиана Зелизер [Viviana Zelizer], Пол Димаджио [Paul DiMaggio], Фрэнк Доббин [Frank Dobbin] говорят о символических моделях и способах выполнения определенных действий в некоторых странах, они рассматривают традиции этих стран, их культуру и т.п. Так что это первое очень интересное направление экономической социологии.

Второе направление сосредоточено на вопросах власти и роли властных отношений в экономике. В рамках этого направления работает много социологов-марксистов. Однако это вовсе не означает, что ты непременно должен быть марксистом, чтобы изучать власть. Например, Макс Вебер детально занимался ее изучением и написал о ней много интересного. Несомненно, один из недостатков неоклассической экономической теории — ее неспособность четко объяснить вопросы власти, встроить их в свою теорию. Единственная идея власти, используемая в неоклассической экономической теории, — это идея рыночной власти. Но ведь это очень ограниченная идея. Это идея власти, с которой Макс Вебер, посвятивший многие сотни страниц анализу власти, разделался всего на трех страницах, стремясь поскорее перейти к вопросам легитимации власти.

Третье направление экономической социологии, которое я выделяю, нацелено на изучение социальных сетей. Думаю, меня связывают именно с этим направлением. Здесь моя работа, работа Хэррисона Уайта [Harrison White], работа многих других, в том числе моих студентов и студентов Хэррисона Уайта. Нас очень интересует роль социальных сетей, то, как по этим сетям передаются разного рода импульсы. Как я уже говорил, моя диссертация и моя первая книга были о том, как люди находят работу при помощи сетей своих контактов...

— «В поисках работы»?

— Да, верно, «В поисках работы»³. Эта книга была переиздана в 1995 г. С ней тесно связана моя работа о силе слабых связей [weak ties]⁴. Так что эти три направления я считаю основными разновидностями экономической социологии. Конечно, они не

³ Granovetter M. Getting a Job: A Study of Contact and Careers. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974 (Chicago: University of Chicago Press, 1995).

⁴ Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No 6. May. P. 1360—1380.

отделены друг от друга непреодолимой стеной. Исследователи, работающие в рамках одной традиции, как правило, свободно заимствуют и элементы других традиций. Например, меня все больше интересует роль культуры, символов, норм, то, как они передаются посредством социальных сетей. А исследователи властных отношений часто обращаются к анализу сетевых связей. Кроме того, думаю, их стали больше интересовать вопросы культуры. А те, кто исследуют культуру, тоже заимствуют элементы других традиций. Таким образом, подобное деление на традиции и направления достаточно условно. Я скорее назвал бы их не различными школами экономической социологии, а различными ее акцентами. Или различными факторами, которые исследователи выводят на первый план. Иначе говоря, исследователи делают акцент на каких-то одних факторах, но не исключают полностью и другие. И многие из нас одновременно учитывают все три группы факторов в своей работе в рамках экономической социологии (я здесь говорю прежде всего об американской экономической социологии).

— **Насколько я знаю, Вы общаетесь также с французскими институционалистами — с авторами, работающими в рамках экономической теории конвенций. Как бы Вы классифицировали их исследования? Это какое-то особое направление?**

— Да, интересный вопрос. Я думаю, они более активно изучают властные отношения, роль государства, чем, например, это делал я в своей работе и вообще чем это делалось в американской экономической социологии в целом. Их больше интересуют вопросы политики [policy], они больше ориентированы на работы Карла Поланьи, а некоторые — на работы Марселя Мосса. Это несколько иная интеллектуальная традиция. Я покажу Вам свое введение к сборнику статей, который вышел во Франции, — это перевод некоторых моих статей. В нем я написал о различиях между французской и американской экономической социологией, и там более подробно рассказывается об этом.

— **Не могли бы Вы назвать какие-то недавние книги, статьи или, может быть, какие-то события, оказавшие влияние на экономическую социологию и смежные с ней области, — то, что можно назвать выдающимся, необычным, озадачивающим, новаторским? Я имею в виду работы последних двух — четырех лет, т.е. не классику.**

— Я бы вернулся к 1992 г. и упомянул книгу Хэррисона Уайта «Идентичность и контроль»⁵. Она, несомненно, отвечает всем характеристикам, которые Вы перечислили. И для большинства людей она остается изрядно озадачивающим текстом. Это чрезвычайно непростая книга. Думаю, если ее читают люди, для которых английский язык не является родным, они могут подумать, что причина трудностей ее восприятия заключается в языке. Но, уверяю Вас, люди, говорящие на английском с младенчества, точно так же «сражаются» с этой книгой. Тем

не менее это очень важная, просто захватывающая книга, я почерпнул из нее немало идей. И кроме того, Хэррисон Уайт был моим учителем и наставни-

⁵ White H. Identity and Control: A Strategic Theory of Social Action. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.

ком. Думаю, что это очень важная книга, несмотря на все трудности, связанные с ее пониманием. И она по-прежнему является для меня источником идей.

— Но это было почти десять лет назад. А как обстоят дела с более недавними работами?

— Знаете, я думаю, в экономической социологии не так много книг, которые оказывают большое влияние на область в целом. Здесь можно говорить скорее о статьях, нежели о книгах. Есть несколько, очень немного интересных, заметных книг, посвященных отдельным вопросам экономической социологии. Такие книги очень важны для своих областей. Например, «Формирование индустриальной политики» Фрэнка Доббина⁶ — прекрасный пример культурологической, нормативной, исторической школы экономической социологии. Книга Уильяма Роя «Социализирующийся капитал»⁷ — весьма интересное историческое объяснение возникновения крупных корпораций в Соединенных Штатах. И еще есть подобные книги. Книга Роба Нельсона и Уильяма Бриджеса «Легализация гендерного неравенства»⁸ посвящена не только экономической социологии, но также стратификации и организациям; это своего рода пересечение данных трех областей исследования. Она получила в 2001 г. приз Американской социологической ассоциации за наиболее важный научный вклад. Очень интересная книга. Она посвящена специфическим вопросам гендера и неравенства, тому, как эти вопросы решаются в суде.

Думаю, есть еще несколько подобных книг, которые очень важны для своей области. Но должен сказать, что я затрудняюсь, если говорить о книгах последних пяти лет, назвать какую-либо из них, которая была бы действительно серьезным теоретическим вкладом в развитие экономической социологии в целом. Я думаю, большинство из нас не пишут книги. Мы скорее пишем на более узкие темы. Я, например, должен бы писать сейчас общую книгу по экономической социологии, и если когда-нибудь ее закончу...

— Это та, о которой объявили много лет назад?

— Та самая. Вообще-то у меня контракт с издательством Гарвардского университета. И согласно контакту, я должен был сдать рукопись к 1 июля 1987 г. Так что книга «немного» запаздывает. И когда я ее закончу, это будет книга по экономической социологии в целом. Я надеюсь, она окажется интересной. Но, конечно, сначала надо ее написать, а уже потом об этом беспокоиться.

— Еще один вопрос по поводу классификации. Вы не упомянули новый институционализм в социологии.

— Верно, новая институциональная теория очень популярна. Я не упомянул ее, поскольку считаю, что большинство людей в своих классификациях подспудно считают институционализм частью теории организаций, т.е. эту традицию относят к организационной

⁶ Dobbin F. Forging Industrial Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

⁷ Roy W. Socializing Capital. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

⁸ Bridges W., Nelson R. Legalizing Gender Inequality: Courts, Markets, and Unequal Pay for Women in the United States. N.Y.: Cambridge University Press, 1999. См. также обзор творчества этих авторов: http://lawecon.smartlibrary.org/headline.cfm?table_of_contents=1353. — Прим. перев.

теории, которая, от крайней мере в американской социологии, является областью, отдельной от экономической социологии. Несомненно, эти области тесно связаны между собой. Однако я думаю, что большинство американцев (спросите, кстати, у Вуди Пауэлла [Walter Powell], ведь Вы как раз собираетесь с ним потом разговаривать) относят это течение к теории организаций, а не к экономической социологии. Конечно, посредством новой институциональной теории изучаются прежде всего хозяйственные организации, так что это направление и экономическая социология тесно взаимосвязаны. Если же попытаться отнести его к одному из трех направлений, о которых я говорил выше, то, думаю, оно скорее примыкает к культурно-нормативно-символической школе экономической социологии. Однако поскольку чаще всего институционализм считается особой исследовательской традицией, обычно его относят к теории организаций.

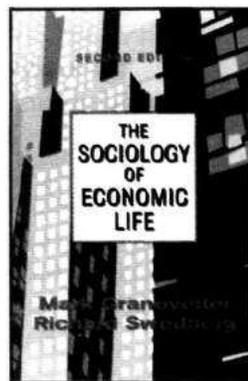
— И последний вопрос: какие темы и какие области исследования, с Вашей точки зрения, будут наиболее перспективными для экономической социологии в ближайшем будущем?

— Трудно сказать, здесь так много интересных областей. Знаете, мне интересны почти все «стандартные» темы, изучавшиеся экономистами. Социологи могут привнести сюда отнюдь не мало. Полагаю, они уделяли недостаточно внимания, например, исследованию системы здравоохранения. И здесь экономическая социология может оказаться весьма полезной. Другие интересные темы — изменение природы профессий, властные отношения между хозяйственными организациями и высококвалифицированными специалистами в этих организациях, изменение роли правительства. Все это темы, где экономическая социология способна сказать немало нового. Думаю, экономическая социология профессий станет важной областью исследований в ближайшие десять — пятнадцать лет.

Далее, социология экономического развития. Эта тема особенно актуальна сейчас, когда в мире происходят масштабные, важнейшие, сложные и непредвиденные переходы от одной хозяйственной системы к какому-то другому типу хозяйства, к ряду различных хозяйственных систем. Я думаю, что экономическая социология уделяла этой теме недостаточно внимания. Конечно, существует экономическая социология переходных периодов, есть авторы, которые ею активно занимаются, — например, Дэвид Старк [David Stark], Виктор Ни [Victor Nee] и другие. И все же здесь можно сделать еще больше, если попытаться применить экономическую социологию к проблемам экономического развития. Я считаю это одной из самых увлекательных, самых перспективных, самых важных исследовательских областей для нас на ближайшие десять — двадцать лет. Думаю, если мы сможем сделать какой-то вклад в развитие этой области, то ценность его будет не только сугубо интеллектуальной. Эта работа будет полезной и людям, живущим сейчас в ситуации экономического перехода, — ведь им, без сомнения, нужны ориентиры, они должны ясно понимать, что с ними происходит.

Основные публикации М. Грановеттера

- Грановеттер М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики* / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131–158.
- Грановеттер М.* Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд // *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики* / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 369–399.
- Грановеттер М.* Экономические институты как социальные структуры: рамки анализа / Пер. с англ. Н.В. Глебовской, А.В. Тавровского // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. Т. VII. № 1. С. 76–89.
- Granovetter M.* The Social Construction of Corruption // *The Norms, Beliefs and Institutions of Capitalism* / Ed. by R. Swedberg, V. Nee. 2006 (forthcoming).
- Granovetter M.* The Impact of Social Structure on Economic Outcomes // *Journal of Economic Perspectives*. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 33–50.
- Granovetter M., Yakubovich V., McGuire P.* Electric Charges: The Social Construction of Rate Systems // *Theory and Society*. 2005. Vol. 34. No. 5–6. P. 579–612.
- Granovetter M., Swedberg R.* (eds.). *The Sociology of Economic Life*. 2nd ed. Boulder, CO: Westview Press, 2001.
- Granovetter M.* The Economic Sociology of Firms and Entrepreneurs // *The Economic Sociology of Immigration: Essays on Networks, Ethnicity, and Entrepreneurship* / Ed. by A. Portes. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1995. P. 128–165.
- Granovetter M.* Business Groups // *The Handbook of Economic Sociology* / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 453–475.
- Granovetter M.* The Sociological Approaches to Labor Market Analysis: A Social Structural View // *The Sociology of Economic Life* / Ed. by M. Granovetter, R. Swedberg. Boulder, CO: Westview Press, 1992. P. 233–263.
- Granovetter M.* Economic Institutions as Social Constructions: A Framework for Analysis // *Acta Sociologica*. 1992. Vol. 35. P. 3–11.
- Granovetter M.* Interview // *Economics and Sociology: Redefining Their Boundaries* / Ed. by R. Swedberg. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990. P. 96–114.
- Granovetter M.* Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. No. 3. November. P. 481–510.
- Granovetter M.* Toward a Sociological Theory of Income Differences // *Sociological Perspectives on Labor Markets* / Ed. by I. Berg. N.Y.: Academic Press, 1981. P. 11–47.
- Granovetter M.* *Getting a Job: A Study of Contacts and Careers*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974 (1985, 1995).
- Granovetter M.* The Strength of Weak Ties // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. May. P. 1360–1380.

Гэри Джереффи¹

13 мая 2004 г.

«Я пытаюсь создать новую подобласть экономической социологии, которая сосредоточена на организационном анализе глобального хозяйства».

Гэри Джереффи — несомненно, один из наиболее известных авторов, занимающихся социологией международного хозяйственного развития. В сфере его интересов находятся не национальные государства или социальные классы, а образованные крупнейшими транснациональными корпорациями международные цепи добавления стоимости (или товаропроводящие цепи).

Впервые мы встретились в 1998 г. на Всемирном конгрессе в Мон реале. Будучи в костюме с галстуком, Гэри имел деловой вид и заметно выделялся из толпы социологов, которые обычно одеваются «демократично» (т.е. кое-как). Его доклад отличался четкостью и информативностью. И я был весьма рад возобновлению знакомства, тем более, что сам заинтересовался проблемой вертикально интегрированных цепей поставок. В личном общении он оказался очень обходительным и доброжелательным человеком, большим энтузиастом своего дела.

— Гэри, Вы известный экономсоциолог, чьи работы весьма релевантны данной области. Вероятно, есть основания полагать, что Вы сами тоже считаете себя экономсоциологом, по крайней мере, отчасти?

— Да. Я думаю, то, что сейчас называют «экономической социологией», включает одну крупное направление — социологию развития [sociology of development]. Если говорить о начале моей работы, то следует обратиться к диссертации. Она была посвящена деятельности мультинациональных корпораций в развивающихся странах.

¹ Г. Джереффи [Gary Gereffu] — профессор Университета Дьюк, США.

В то время теории модернизации противопоставлялась теория зависимости [dependency theory].

Именно тогда произошло возрождение экономической социологии. Как мне кажется, то, что мы сейчас понимаем под экономической социологией, на самом деле появилось в 1990-е годы, когда вышла хрестоматия по экономической социологии Н. Смелсера и Р. Сведберга². Если немного углубиться в историю, думаю, вначале экономическая социология существовала в качестве того, что мы называли традицией исследования индустриальных отношений. Она изучала то, что происходило на заводах и фабриках, и единицей анализа выступали фабрика или рабочее место. Затем дискуссия развернулась более широко, охватив национальные хозяйства и то, как они развиваются. В то время, когда я начал заниматься данной проблематикой (это произошло в середине 1970-х годов), самым интересным разделом социологии для меня являлось развитие стран и регионов третьего мира, а также роль мультинациональных или транснациональных корпораций в этом развитии. Вероятно, данное направление и привело меня к нынешней экономической социологии — в то время, повторю, данными вопросами занималась теория зависимости. Когда я начал писать диссертацию, как раз происходил переход от дискуссии о странах и регионах, которые считались зависимыми, к дискуссии о глобальных хозяйственных отраслях. В итоге моя диссертация была посвящена мультинациональным корпорациям в фармацевтической промышленности, при этом особое внимание в работе уделялось анализу опыта Мексики. На мой взгляд, эта линия исследований ныне стала одним из важных направлений в новой экономической социологии.

— **Вы считаете ее частью экономической социологии?**

— Да, именно так. Но даже если говорить о времени появления упомянутой выше «Хрестоматии» и о том, как Смелсер и Сведберг определяли данный предмет, уже тогда сформировалась потребность понять глобальное хозяйство: то, как оно организовано и как влияет на возможности стран включаться в работу международной капиталистической системы. В данной области мы имеем социологию развития, теорию зависимости, теорию мировых систем [world systems theory]. Все они описывают действия на макроуровне экономической социологии — будь то уровень международных систем, о котором говорят И. Валлерстайн [Immanuel Wallerstein] или Ф. Блок [Fred Block], или же уровень институтов, когда в центре внимания оказывается роль государства. Здесь интересны работы Фреда Блока. Питер Эванс [Peter Evans] опубликовал работы, сыгравшие важную роль для понимания роли государства.

— **«Укорененная автономия»³**

— Да. Есть и еще ряд экономистов. Например, Роберт Уэйд [Robert Wade] и Элис Эмсен [Alice Amsden] критиковали подход Всемирного банка к трактовке восточно-азиатского чуда, утверждая, что государство играет более важную роль, чем это

² Smelser N., Swedberg R. (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.

³ Evans P. *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995.

следует из позиции Всемирного банка или подчеркнуто рыночной интерпретации.

Отличие моих взглядов от взглядов П. Эванса заключается в том, что в центре его анализа находится государство, я же анализирую в первую очередь мультинациональные корпорации как принципиально важный хозяйственный институт, формирующий траекторию развития. Думаю, последние двадцать лет — период, в течение которого я изучаю мультинациональные корпорации и разрабатываю теорию зависимости, — можно охарактеризовать как эпоху нарастания и постоянного изменения глобального хозяйства. И сейчас эти вертикально интегрированные мультинациональные корпорации формируют глобальные сети производства [global development networks]. Это навело меня на мысль о том, что глобальные товаропроводящие цепи [global commodity chains] представляют собой новую концепцию описания межфирменных хозяйственных сетей, которые определяют организацию глобального хозяйства.

В некотором смысле эти вопросы сегодня становятся более важными для экономической социологии именно в силу указанного сетевого акцента. Замечу, что Марк Грановеттер, рассуждая о социальной укорененности экономического действия⁴, первоначально изучал именно межфирменные сети на глобальном, а не на локальном уровне. И нынешняя экономическая социология характеризуется тем, что занимающиеся ею работают на разных методологических уровнях, оперируя разными единицами анализа.

— **Значит, Вы занимаетесь макроуровнем?**

— Да, именно так. Думаю, большинство исследований на макроуровне на самом деле в том или ином виде представляют собой приращение теории мировых систем, которую обычно не относят к экономической социологии в традиционном понимании. Но в моих исследованиях международного хозяйства, или глобального хозяйства, которые в значительной степени выстроены вокруг анализа фирм, я располагаюсь уровнем ниже, ибо для меня основными единицами анализа являются фирмы и межфирменные сети. Именно их анализу я уделяю основное внимание, рассуждая об организационных свойствах глобальных отраслей или о глобальном хозяйстве. Теория мировых систем Валлерстайна не рассматривает фирмы, в ней речь идет о капитале — промышленном, финансовом, торговом. Так же он и его

приверженцы рассматривают проблему государства. Мне же кажется, что при таком подходе к анализу капитала упускаются из виду многие его особенности, из поля зрения исчезает собственно актор. А для меня, поскольку я действительно много внимания уделяю изучению мультинациональных корпораций и их стратегий в различных отраслях, глобальные корпорации выступают в качестве ключевых акторов, осуществляющих выбор, который

⁴ Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. November. P. 481—510. См. также перевод: Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 44—58; или Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131—158.

влияет на ход развития и в индустриализированных, и в развивающихся странах. Сейчас меня интересует то, как эти виды деятельности связаны между собой и каким образом они влияют на развитие в разных частях света.

Вероятно, еще ниже, т.е. ниже моего уровня анализа глобальных корпораций, располагается уровень национальных институтов — таких, как государство, профсоюзы, национальные бизнес-ассоциации. Именно на этом уровне вариации капитализма особенно велики, и именно их рассматривают такие теоретики государства, как Питер Эванс. А еще ниже находится уровень явлений, складывающихся внутри национального хозяйства, уровень локальных зон и иных типов сетей, а также фирм в более абстрактном смысле, но не обязательно понимаемых глобально.

— Скажите, а Вы отнесли бы работы Питера Эванса и Фреда Блока — этих теоретиков государства — к политической экономии?

— Мне кажется, грань между политэкономом и экономсоциологом весьма размыта. Например, свои работы я бы тоже отчасти отнес к политической экономии. Наверное, политэкономов отличает в первую очередь повышенный интерес к вопросам национального развития, а также сочетания политических и экономических сил (как глобальных или международных, так и внутренних), влияющих на это развитие. Если взять первую работу Питера Эванса (она была опубликована в 1979 г. и посвящалась зависимому развитию, в частности опыту Бразилии⁵), то можно сказать, что она оказала большое влияние на мою собственную работу о Мексике, — ведь Питер писал об иностранном капитале, национальных фирмах и государстве в Бразилии и о том, как этот тройственный альянс влияет на развитие. В некотором смысле это была экономическая теория. Но это была также и политэкономия, поскольку он говорил о важной роли, которую играет государство, опосредуя или изменяя действие иностранного и национального капиталов. Поэтому практически любой автор, занимавшийся вопросами мультинациональных корпораций или иностранного капитала в любой развивающейся стране, по крайней мере, в 1960-е—1970-е — начале 1980-х годов, включал в анализ и государство. Наверное, это означает, что все эти авторы были политэкономом.

Если же взять середину 1980-х и последующие годы, то можно заметить крупные изменения в стратегиях развития: переход от модели развития, ориентированной вовнутрь [inward-oriented model], или импортозамещающей индустриализации [import-substituted industrialization], к модели развития, ориентированной на экспорт [export-oriented model] (ее обычно связывали с Восточной Азией, прежде всего с Японией, а затем и с четырьмя восточноазиатскими «тиграми» — Тайванем, Южной Кореей, Гонконгом, Сингапуром). На мой взгляд, по мере того как в исследованиях смещался акцент с изучения Латинской Америки к Восточной Азии, выступавшей в качест-

⁵ Evans P. Dependent Development: The Alliance of Multinational, State, and Local Capital in Brazil. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979.

в модели для теории развития, внимание к роли государства постепенно снижалось, а рыночные силы — напротив, занимали все более прочные позиции в экономической социологии. Так что в каком-то смысле это подтолкнуло политэкономия к экономической социологии.

Государство никогда не уходило со сцены, даже в случае восточноазиатского чуда. Многие теоретики государства (например, Питер Эванс в работе «Укорененная автономия», Роберт Уэйд в книге «Управление рынком»⁶, посвященной изучению опыта Тайваня, или Элис Эмсен в работе «Еще один азиатский гигант»⁷ о Южной Корее) показали, что даже в восточноазиатских историях успеха роль правительств была велика, но это было скорее ограниченное управление [lean government], нежели интенсивное вмешательство государства, как в Латинской Америке или в Советском Союзе. Например, в традиционной модели развития, ориентированного вовнутрь, государственные предприятия являются чрезвычайно важным элементом хозяйства. В восточноазиатской модели роль государственных предприятий менее важна. Как правило, они играют более важную роль в базовых производящих отраслях (таких, как сталелитейная и нефтяная промышленность, кораблестроение), однако, определяя промышленную политику, государство ориентировалось в первую очередь на частные фирмы, производящие готовые товары, которые предназначены на экспорт и тем способствуют установлению связей между рынками. Таким образом, роль государства здесь совсем иная и, на мой взгляд, гораздо менее выраженная: по сравнению с более ранними этапами она имеет скорее стратегический характер.

Многие считают, что экономическая социология изучает фирмы, роль промышленных предприятий и их сетей. Мне кажется, что направления экономической социологии различаются как раз тем, какие именно аспекты деятельности фирмы они изучают. Например, в работах Ховарда Олдрича [Howard Aldrich] основное внимание уделяется предпринимательству или организационной плоскости. Нил Флигстин [Neil Fligstein] и ряд других авторов рассматривают фирму с точки зрения ее влияния на создание рынков. Если же обратиться к уровню, который анализирую я, т.е. макро-, глобальному уровню, то меня интересуют межфирменные сети в рамках мультинациональных корпораций, работающие «поверх» государственных границ. Однако во всех этих случаях ярко выражен организационный акцент. Я имею в виду, что когда рассматриваю глобальные отрасли, меня интересует то, как они организованы. Это также наследие традиции изучения индустриальной организации в экономической теории. По ряду причин в США эта традиция значительно утратила свои позиции. Думаю, одна из причин состоит в том, что в 1950-е—1960-е годы индустриальная организация была очень сильна, и национальное хозяйство тогда было сильным. И ос-

⁶ Wade R. *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004 (1990).

⁷ Amsden A. *Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization*. N.Y.: Oxford University Press, 1989.

новой вопрос вращается вокруг того, должны ли отрасли быть конкурентными или монополизированными и следует ли принимать анти-трастовое, или антимонопольное, законодательство для борьбы с монополиями. Однако постепенно отрасли становились все более глобальными: например, очень трудно в этом отношении охарактеризовать американскую автомобильную промышленность, в которой более 90% всех машин выпускалось тремя гигантами — компаниями «Форд», «Дженерал Моторс» и «Крайслер» и которой пришлось вступить в конкуренцию с машинами, импортируемыми из Японии, Германии, Италии, Кореи и других стран, причем последние начали строить собственные заводы в США. Возможно, именно по этой причине вопросы национальной индустриальной организации стали менее важными для экономической теории и, напротив, более важными для экономической социологии. По крайней мере, меня эти вопросы очень интересуют.

— В принципе, Вы уже классифицировали многие направления экономической социологии. Не могли бы Вы сейчас подвести некий итог этим рассуждениям и перечислить основные методологические подходы современной экономической социологии? Вы упоминали политическую экономию, которая тесно связана с социологией хозяйственного развития. Или, возможно, следует говорить о сравнительной политэкономии [comparative political economy], которая не ограничивается анализом национальных хозяйств. А какие еще направления существуют помимо этого?

— Чрезвычайно важным направлением исследований остается сравнительная политическая экономия: она ориентирована на международный уровень, но на самом деле рассматривает разные типы существующих хозяйственных систем. И старые категории, которые мы использовали применительно к трем типам развития — капиталистические, социалистические, развивающиеся страны, — также претерпели весьма существенные изменения: появился целый ряд переходных хозяйств, и ныне исследователи уделяют много внимания их различным разновидностям и вариациям. Поэтому, полагаю, эта традиция по-прежнему очень важна. И изучение разновидностей капитализма [varieties of capitalism] принадлежит именно к этой традиции.

Есть также уровень организаций — именно к нему я отнес бы подход, нацеленный на анализ глобальных товаропроводящих цепей [global commodity chains approach]. Это макроорганизационная перспектива, рассматривающая организационные характеристики мирового хозяйства или глобальных отраслей. На мой взгляд, это более плодотворный уровень анализа, поскольку я рассматриваю отрасли как микрокосмы мирового хозяйства, принципиальные различия между которыми связаны с ролью технологий и труда. Организационный подход изучает различные структурные характеристики этих отраслей, то, как осуществляется управление ими и где расположены рычаги власти (т.е. какие группы фирм в этих отраслях пользуются наи-

и большим влиянием и определяют направления изменений в той или иной отрасли). Это подход, нацеленный на изучение глобальных цепей поставок, глобальных товаропроводящих цепей, глобальных цепей добавления стоимости [global value chains] и международных сетей производства [international production networks]. Этими вопросами занимаются разные авторы, и многие из них придерживаются данного подхода. Таким образом, повторяю, есть еще макроорганизационный подход.

Отдельное направление исследований — это работы более институционального характера, ибо организационные исследования явно сосредоточены на изучении фирм и межфирменных сетей и, как правило, опираются на сетевой подход.

— **Они более структуралистски ориентированы.**

— Да, согласен. Думаю, институционалисты также по-своему подходят к анализу различных элементов национального хозяйства. Они изучают бизнес, государство, рабочую силу (особенно в сфере организованного труда), бизнес-ассоциации, образовательную систему общества, прочие институты и рассматривают взаимосвязи между ними. Как правило, они исследуют не только явления институционального взаимодополнения [institutional complementarities] (т.е. институты, которые на определенных этапах развития должны идти рука об руку), но и институциональные разрывы или дефициты. И это еще одно направление исследований. Думаю, некоторых авторов, занимающихся изучением государства, можно отнести и к этому институциональному подходу. Несомненно, сюда относится литература о национальных бизнес-системах [national business-systems] (например, работы Ричарда Уитли [Richard Whitley] и других коллег⁸). Правда, Уитли пытается соединить институциональные и организационные подходы.

— **Да, я брал у него интервью. Он называет себя теоретиком организаций и в целом более ориентирован на проблемы менеджмента.**

— Пожалуй. Но, как мне кажется, основное различие между подходом Уитли и, скажем, концепцией глобальных товаропроводящих цепей заключается в том, что Уитли все-таки анализирует организации главным образом на уровне стран или национальных государств, например, он рассматривает немецкую бизнес-систему, японскую, американскую... Речь может идти о странах, которые схожи между собой, так что он может рассуждать, например, о скандинавской модели. Но, на мой взгляд, подход Уитли не годится для обобщений более глобального характера. А концепция глобальных товаропроводящих сетей включает этот организационный подход, но сразу же переключается на международный уровень. Поэтому я думаю, что эта концепция и концепция бизнес-систем на том уровне, на котором их анализирует

Уитли, во многом дополняют друг друга. Например, концепция товаропроводящих цепей на организационном уровне действительно большое внимание уделяет анализу властных отношений, что, на мой

⁸ Whitley R. (ed.). *European Business Systems: Firms and Markets in their National Contexts*. L.; Newbury Park, CA: Sage Publications, 1992.

взгляд, заимствовано из теории зависимости. Я имею в виду то, что теория зависимости настолько активно занималась анализом власти мультинациональных корпораций, рассматривая последние как главных акторов, что возник вопрос о том, какие же типы фирм сегодня обладают наибольшей властью. Удивительно, но если посмотреть на некоторые наиболее глобализированные отрасли промышленности — например, изготовление одежды, обуви, игрушек, потребительской электроники, — то самыми влиятельными оказываются традиционные мультинациональные корпорации, фирмы-товаропроизводители. Но все чаще наиболее влиятельные фирмы занимаются розничной торговлей, продвигают свои бренды, т.е. это компании, которые не столько производят продукты, сколько заказывают их. И наверное, главное, что привнесла концепция глобальных товаропроводящих цепей, — это смещение акцента от производства к той части цепочек добавления стоимости, которая связана с конечным потреблением.

Впрочем, вернемся к типологии. Еще одна важная область, которая совсем не связана с моими исследованиями, — это социокультурное направление экономической социологии. Речь идет не только о том, что существуют разные организационные культуры, но и о том, что культура оказывает влияние на функционирование бизнеса. Думаю, здесь сильны элементы конструктивистской теории. В целом это направление гораздо ближе к микроуровню. Но это очень значимая область исследований, именно здесь берут начало рассуждения об основаниях и причинах мотивации хозяйственной деятельности.

Таким образом, можно выделить следующие подходы: *сравнительный анализ глобальных хозяйственных систем*; *структурно-организационный анализ*, осуществляющий переход с национального на глобальный уровень (например, от уровня, на котором работает Уитли, к концепции глобальных товаропроводящих цепей); *институциональные подходы*, которые чаще оперируют на национальном уровне, но порою занимаются и вопросами международного развития. Взять, например, Всемирную торговую организацию — то, как она влияет на глобальное хозяйство, или Международный валютный фонд. Деятельность этих организаций можно рассматривать также с институциональных позиций, с точки зрения того, кто устанавливает правила, по которым функционирует международное хозяйство. И наконец, есть *социокультурное направление анализа*, которое тоже важно. Вот те основные четыре или пять областей, которые я вижу в экономической социологии.

— **Вы упомянули значимость властного измерения для Ваших исследований. В связи с этим, как Вы считаете, марксизм еще сохранил какое-то влияние? Если оставить в стороне теории империализма, сформулированные много лет назад, а также идеи Валлерстайна и его последователей, есть ли в данной области что-либо еще, что также берет начало в марксизме?**

— Это очень хороший вопрос. Думаю, в явном виде такие элемен-

ты найти затруднительно. Но мне кажется, что они есть и так или иначе развиваются. Что я имею в виду? Одна из причин, почему, как я думаю, с этим направлением возникли сложности, заключается в том, что класс в качестве аналитической категории использовать на глобальном уровне значительно труднее, чем на национальном. И классовая борьба как движущая сила изменений тоже с трудом поддается определению в эмпирических исследованиях, особенно в тех, которые нацелены на изучение фирмы или имеют дело с различными группами капиталистического класса. Думаю, марксисты, так же как многие экономсоциологи, склонны фокусировать свое внимание на вопросах трудовых отношений и роли организованного или неорганизованного труда, особенно влияния мирового капитализма на труд и положение рабочих. Поэтому в каком-то смысле марксизм сегодня еще более влиятелен — если говорить об исследованиях влияния глобализации на рабочий класс или сложностях организованного труда на международном уровне. Думаю, это отчасти связано с тем, что марксистские идеи во многом порождены моделью социалистического развития. И как только мы отошли от идеологии «холодной войны» между «первым» и «вторым» мирами, которая господствовала вплоть до начала 1990-х годов, традиционных моделей социалистического или коммунистического развития в качестве альтернативы капитализму стало предлагаться все меньше и меньше. И все авторы, которые прежде занимались изучением Советского Союза, Восточной Европы или Китая, теперь обратились к анализу переходных хозяйств, взаимодействия рынка и былой социалистической структуры. Вероятно, на макроуровне это действительно уменьшило влияние марксизма, который в первую очередь нацелен на анализ работы социалистической системы и на ее сравнение с капиталистической системой. Очень немногие страны (такие, как Куба) по-прежнему следуют социалистической линии развития. Так что, полагаю, на макроуровне распад организованного социализма в традиционном виде изменил фокус анализа. Однако есть очень сильные социологи — например, Майкл Буравой [Michael Burawoy] в Беркли, — которые придерживаются критических марксистских взглядов.

— У нас есть его интервью⁹.

— Или, например, Эрик Олин Райт [Erik Olin Wright] в Университете Висконсина. Среди социологов-марксистов, с которыми я работаю, Эдна Бонасич [Edna Bonacich] из Университета Калифорнии в Риверсайде, многие ее работы посвящены роли труда. Более того, Бонасич и ее коллега Ричард Аппельбаум [Richard Appelbaum] написали книгу «Что скрывается за ярлыком»¹⁰, в которой рассказывается о швейной промышленности Лос-Анджелеса, о возникновении и функционировании системы швейных мастерских [sweatshops]. В книге под моей редакцией «Свободная торговля

⁹ См. интервью в данной книге (с. 33—39), а также: Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 6—11.

¹⁰ Bonacich E., Appelbaum R.P. et al. Behind the Label: Inequality in the Los Angeles Apparel Industry. Berkeley: University of California Press, 2000.

¹¹ Gereffi G., Spener D., Bair J. (eds.). Free Trade and Uneven Development: The North American Apparel Industry after NAFTA. Philadelphia: Temple University Press, 2002.

и неравномерное развитие»¹¹ у Бонасич есть глава, которая называется «Реакция рабочей силы на глобальное производство». Словом, я думаю, что эти авторы уделяют значительное внимание изучению трудовых отношений и влиянию на них глобализации как в развитых, так и в развивающихся странах. Таким образом, одно направление марксистских исследований сосредоточено на изучении процессов, происходящих на рабочем месте, но взятых в контексте глобализации. Представители другого занимаются международными сопоставлениями, показывая, как транснациональный капитал способен освободиться от каких бы то ни было форм организованного труда или дорогостоящей рабочей силы, свободно перемещаясь по миру в поисках более дешевой, менее защищенной рабочей силы.

— В связи с этим, каково Ваше мнение о работах Мануэля Кастельса [Manuel Castells]? Одна его книга — «Информационная эпоха» — переведена на русский язык¹². Что Вы о ней думаете?

— Мне кажется, основным вкладом Кастельса как раз является работа, которую Вы только что назвали. Он пытается показать, что нынешний глобальный мир эпохи постмодерна базируется на сетях и в сущности не привязан к конкретным местам — в том смысле, что пространство значительно легче связать посредством разного рода сетей. В этой связи он говорит, например, о виртуальных корпорациях. Подобной литературы много, но, мне кажется, он развивает идеи таких авторов, как теоретик-постмодернист Дэвид Харви [David Harvey]¹³.

— По сравнению с Вашим подходом, подход Кастельса более постмодернистски ориентирован?

— Пожалуй, да, немного. Но, думаю, здесь есть и общие моменты: например, с одной стороны, акцент, который я делаю на сетях и глобальных товарных цепях, с другой — роль глобальных закупщиков или брендов, таких, как «Найк», «Дисней» и др., которые организуют глобальное производство, не будучи при этом основными производителями. По мнению Кастельса, именно в этом заключается новая сущность глобализации. Он также описывает такие компании, как «Cisco Systems» (производитель оборудования для поддержания Интернета). — виртуальные компании, на самом деле не имеющие никаких физических активов, но контролирующие интеллектуальную собственность; они контролируют средства организации производства повсюду, начиная с головных офисов. Словом, в случае таких компаний, как «Найк», глобальный бренд позволяет контролировать производство продуктов, для которых они лишь разрабатывают дизайн, но сами не занимаются их производством.

— Нечто в духе новой экономики?

— Думаю, да, это в значительной степени новая экономика. Объектами исследований являются также роль видов деятельности, основанных на Интернете или информации в целом, и то, как новая эко-

¹² См.: Кастельс М. Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

¹³ См., например: Harvey D. The New Imperialism. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2003; Harvey D. Spaces of Capital: Towards a Critical Geography. N.Y.: Routledge, 2001; Harvey D. The Limits to Capital. Oxford: B. Blackwell, 1982.

номика опирается на виртуальные сети (причем здесь имеются в виду не столько традиционные персональные или социальные, сколько информационные сети). В этой области работают Кастельс и, например, Саския Сассен [Saskia Sassen] с ее идеей глобальных городов, где ключевая роль в формировании новых типов социальных отношений отводится информации. Думаю, здесь мы имеем дело с одним из направлений экономической социологии и, определенно, социологии, занимающейся вопросами глобализации. Полагаю, новыми темами в экономической социологии стали работа информационных сетей или связей, их влияние. На мой взгляд, работы Кастельса и Сассен можно отнести к исследованиям общества, основанного на знании [knowledge-based society].

— **Я упомянул Кастельса (это касается и С. Сассен), потому что помимо информационных глобальных сетей он интересуется вопросами труда и капитала.**

— Да, это верно. Но, например, они не анализируют вопросы трудовых отношений в связи с глобальным производством, как это делает Эдна Бонасич. Посмотрим на глобальные сети производства, где действуют такие компании, как «WalMart»: ее шесть тысяч гипермаркетов разбросаны по всему миру, и все они продают разную продукцию, предлагают разные уровни зарплаты. Это требует более пристального внимания к анализу фирм и того, как они организуют производство и рабочих. Мне кажется, что в работах Сассен или Кастельса этого нет. Они больше рассуждают о работниках в сфере знания. В меньшей степени их интересуют фабричные рабочие. Я полагаю, что наряду с отраслями промышленности, которые они изучают, нам нужно более внимательно анализировать рутинные процессы производства, трудоемкое, а не знаниеемкое или высокотехнологичное производство. На мой взгляд, эти исследователи говорят об одних и тех же проблемах, но на разных уровнях абстракции. Например, С. Сассен пишет о глобальных городах — Нью-Йорке, Лондоне, Париже. В этих городах не производят игрушки, комплектующие к компьютерам или обувь. Все это изготавливают в развивающихся странах, так сказать, «на задворках», либо в тех частях развитых стран, что расположены в отдалении от глобальных городов. Это части глобального хозяйства, функционирующие вдали от «головных» подразделений. Словом, как мне представляется, они описывают другие аспекты гло-

бального хозяйства, отличающиеся от того, который я анализирую в рамках концепции сетей глобального производства.

— **Не могли бы Вы назвать недавно изданные книги или статьи, которые произвели на Вас наибольшее впечатление — показали неожиданными, «провокационными», заставили задуматься? Я имею в виду работы, которые вышли три-четыре года назад, не ранее.**

¹⁴ *Dicken P.* Global Shift: Reshaping the Global Economic Map in the 21st Century. 4th ed. L.: Thousand Oaks: Sage Publications, 2003. Любопытно обратить внимание на изменение подзаголовков от издания к изданию: Global Shift: Transforming the World Economy. 3rd ed. N.Y.: Guilford Press, 1998; Global Shift: The Internationalization of Economic Activity. 2nd ed. N.Y.: Guilford Press; L.: Paul Chapman Pub., 1992; Global Shift: Industrial Change in a Turbulent World. L.; N.Y.: Harper & Row, 1986. — *Прим. перев.*

— Книга, которая показала мне чрезвычайно полезной, — это «Глобальный сдвиг»¹⁴. Она написана экономгеографом Питером Дикеном [Peter Dicken]. Он работал в Манчестерском университете на кафедре экономической географии и пару месяцев назад вышел на пенсию. Первое издание этой книги появилось, если не ошибаюсь, в 1992 г. А сейчас вышло уже четвертое ее издание, она практически стала учебником по глобализации с точки зрения анализа того, где размещаются различные производственные виды деятельности. По крайней мере, для моих исследований многие работы экономгеографов оказались очень полезными, поскольку в них представлены попытки выявить, как хозяйственная деятельность осуществляется с точки зрения ее географического расположения и какие изменения в этом отношении происходят.

Одна из авторов, очень интересных в этом отношении, — Анна-Ли Саксениан [AnnaLee Saxenian], она работает в Беркли.

— **Да, она писала о 128-й магистрали и Силиконовой долине**¹⁵.

— Совершенно верно. В своем исследовании она сопоставила Силиконовую долину и 128-ю магистраль в районе Бостона как способы организации региональных хозяйств¹⁶. Ее более поздние работы посвящены предпринимателям-иммигрантам, которые и образуют сообщество Силиконовой долины. Раньше происходила «утечка умов» в места, подобные Силиконовой долине, куда из развивающихся стран — Индии, Китая, Тайваня, Кореи и т.д., — стекались высококвалифицированные кадры, представлявшие разные сферы знания, которые стремились заниматься в США наукой и передовыми технологиями. А сейчас эти иммигранты выстраивают сети, которые позволяют развивать данные отрасли в их родных странах.

— **То есть эти работники возвращаются обратно.**

— Да, они возвращаются. А совсем недавно у Саксениан вышла книга «Новые предприниматели-иммигранты Силиконовой долины»¹⁷. В ней поднимается вопрос о том, что направленность потоков знания на самом деле может изменяться. Данное направление сетевого анализа, сфокусированное на изучении знаниеемкого производства, я также считаю очень важным.

Интересна книга Роберта Райха [Robert Reich] «Работа наций»¹⁸. В период президентства Клинтона Райх занимал пост руководителя департамента по вопросам труда, он стимулировал появление многих исследований «глобальных мастерских». «Работа наций» пользуется большим вниманием, поскольку в ней выдвигается тезис о переходе от вертикально интегрированных отраслей к фрагментированному производству; анализируется то, как в США рутинные производственные процессы теряют свое значение, уступая место индивидам, чья работа построена на использовании навыков высшего порядка. В суц-

¹⁵ 128-я магистраль Массачусетса и Силиконовая долина — ведущие районы мира в сфере разработок передовых технологий. Подробнее см.: <http://www.netvalley.com/archives/mirrors/sv&128.html>. — *Прим. перев.*

¹⁶ Saxenian A. Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.

¹⁷ Saxenian A. et al. Local and Global Networks of Immigrant Professionals in Silicon Valley. San Francisco, CA: Public Policy Institute of California, 2002.

¹⁸ Reich R.B. The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism. N.Y.: Vintage Books, 1992 (N.Y.: A.A. Knopf, 1991).

ности, Райх говорит об изменениях в классовой структуре США, которые отражают влияние сил глобализации. Он применяет глобализационный подход также к развивающимся странам и происходящим в них переменам. Полагаю, его работы очень полезны.

Социолог из Университета Вашингтона в Сиэтле Гэри Гамильтон [Gary Hamilton] изучает функционирование азиатских деловых сетей, прежде всего тайваньских и корейских. Его работы хорошо известны¹⁹.

Многое я почерпнул и за рамками собственно социологии. Интересны работы экономиста Пола Кругмана [Paul Krugman]. Он рассматривает с точки зрения экономической теории то, как и почему международные сети производства, которые сформировали экспорт промышленных товаров, оказываются укорененными в развивающихся странах.

В целом на меня оказали влияние очень разные течения. На мой взгляд, традиционная экономическая социология недостаточно четко фокусировалась на вопросах глобального хозяйства, поэтому чтобы найти авторов, чьи исследования были бы релевантны моим интересам и изысканиям, мне пришлось обращаться в работам экономгеографов и политэкономов, таких, как Р. Райх, или экономистов, занимающихся изучением международной торговли. Одним словом, я пытаюсь создать новую подобласть экономической социологии, которая сосредоточена на организационном анализе глобального хозяйства.

— **Как Вы ее определяете? Называете ее социологией развития или социологией хозяйственного развития?**

— Думаю, корни ее в социологии развития, однако это было еще в 1970-е годы. В 1990-е же годы традиционная социология развития существенно изменилась и стала гораздо ближе к тому, что мы понимаем под экономической социологией.

— **И как бы Вы назвали то поле, о котором сейчас говорите?**

— Пожалуй, это было бы нечто вроде концепции сетей международного производства [international production networks], или организации глобального хозяйства. В сущности, та глава, которую я написал для нового издания «Хрестоматии» [Смелсера и Сведберга]²⁰, посвящена вопросам глобального хозяйства: организации, управлению и развитию. Таким образом, данную подобласть точнее определить как исследование глобального хозяйства или организации глобального хозяйства [organization of the global economy]. А аспект, интересующий

меня в ней более всего, — сети международного производства. Но это можно назвать и сравнительным анализом хозяйственных систем [comparative economic systems], что тоже будет недалеко от истины. Хотя, пожалуй, точнее всего — организация глобального хозяйства, поскольку это очевидно иное направление, нежели анализ мировых систем.

— **Да, я понимаю.**

— **Ведь анализ мировых систем опирается на бо-**

¹⁹ См., например: *Hamilton G. Civilization and the Organization of Economics // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 183—205; Orrù M., Biggart N., Hamilton G. The Economic Organization of East Asian Capitalism. L.: Sage, 1997.*

²⁰ *Smelser N., Swedberg R. (eds.). The Handbook of Economic Sociology. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press; N.Y.: Russell Sage Foundation, 2005.*

лее узкий теоретический фундамент, в нем не акцентировается организационный аспект, он скорее системно ориентирован. Для меня же принципиально важно в названии этого направления слово «организация». Не думаю, впрочем, что это окончательный вариант. Можно назвать и анализом глобальных товаропроводящих цепей — ведь в этой связи в первую очередь имеются в виду именно они. Но «международные сети производства» мне представляются более общим названием, которое включает анализ и товаропроводящих цепей, и цепей добавления стоимости, и цепей международных поставок. Словом, я пока не уверен. Наверное, «организационный подход к глобальному хозяйству» — самое точное название, которое мне на данный момент приходит в голову.

Любопытно будет взглянуть на новое издание «Хрестоматии», или даже на ее первое издание, и посмотреть, сколько глав впишутся в такое название. Возможно, еще один вариант — это «сетевые подходы к глобальному хозяйству». Потому что весь организационный подход, которого я придерживаюсь, в значительной степени опирается на сетевой анализ. Поэтому, например, работы Г. Гамильтона по своей ориентации близки к моей подобласти. Появилось также множество эмпирических исследований глобальных товаропроводящих цепей. Они также выросли на основе теории мировых систем и какое-то время являлись ее частью. Затем концепция глобальных товарных цепей вошла в социологию развития и несколько видоизменилась. И как мне кажется, сейчас это правильно назвать анализом глобальных цепей добавления стоимости [global value chains approach]. Есть даже веб-сайт, посвященный литературе по глобальным цепям. Словом, это довольно динамично развивающееся направление.

— В связи с упомянутыми Вами национальными моделями развития, если вернуться в 1970-е годы, оказывается, что исследователей в то время интересовали сопоставления между США и Европой, затем возник интерес к Японии, весьма сильный, надо сказать, интерес. Затем, если я не ошибаюсь, внимание сместилось к Латинской Америке, а в начале 1990-х годов — к новым индустриализованным странам, к Юго-Восточной Азии. А сейчас все активно изучают Китай.

— Мне кажется, что наиболее интенсивно с позиции региональных сопоставлений велись сравнительные исследования Латинской Америки и Восточной Азии. Наверное, в книге «Производство чудес»²¹ специалисты, изучающие Латинскую Америку и Азию, впервые оказались под одной обложкой. Она вышла в 1990 г. в издательстве Принстонского университета (эта книга в середине 1990-х годов была даже переведена на китайский язык — настолько значимой она была сочтена). Примерно в то же время, может быть, чуть позже, вышли исследования, посвященные сравнительному анализу Латинской Америки и Восточной Европы. Но, думаю, это было связано как с тем, что

²¹ Gereffi G., Wyman D.L. (eds.). *Manufacturing Miracles: Paths of Industrialization in Latin America and East Asia*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

Всемирный банк уделял повышенное внимание Восточной Азии, так и с тем, что в ней в результате отошли от модели импортозамещения.

И если в последние пять лет внимание переключилось на переходные хозяйства Центральной и Восточной Европы, то сейчас постепенно происходит смещение акцента в сторону Центральной Азии, которая становится зоной экономического роста. Отчасти это объясняется более тесной связью стран Центральной и Восточной Европы с Западной Европой в результате расширения Европейского союза. Мне кажется, здесь можно выделить ряд подмоделей: например, Венгрия следует совершенно иной траектории развития, нежели, скажем, Румыния. Я встречал исследователей, которые сравнивают опыт стран Центральной и Восточной Европы с опытом Китая и Вьетнама. Они расширяют понятие европейских и азиатских переходных обществ, бывших советских социалистических стран. Думаю, в последние пять лет эти страны вызвали новый всплеск интереса к себе. В ближайшие же пять лет странами, которые будут вызывать наибольший интерес, видимо, станут Китай (номер один) и Индия (номер два).

— **А Бразилия? Мне кажется, о Бразилии тоже опять стали много говорить.**

— Бразилия? Возможно. Бразилия и Россия — это две страны, на которые мне хотелось бы взглянуть.

— **Да, иногда Россию указывают четвертой в числе этих динамично развивающихся в перспективе стран. Но мы в России сомневаемся в подобном успехе. Возможно, если бы мы были бразильцами, то тоже скептически к этому относились бы.**

— Да, вероятно, эти четыре страны представляют собой наиболее важные примеры развития в международном масштабе. Отчасти в силу их размера, отчасти в силу их влияния на пограничные страны, а отчасти потому, что они демонстрируют очень разные схемы развития. Очевидный пример — Китай. Ведь уже несколько лет, как он стал ведущей страной в сфере экспорта промышленных товаров, особенно южный Китай. Но он тоже очень быстро движется в сторону развития знаниеемких отраслей. Мне кажется, Китай пытается двигаться вперед одновременно в нескольких направлениях с точки зрения стратегий развития, и его размеры это позволяют. Соответственно могут возникнуть интересные вопросы по поводу его экономической политики: например, на каком уровне государственной власти следует регулировать связанные с этим проблемы. Мое впечатление от Китая таково, что это страна с очень мощной региональной динамикой и децентрализованной политической системой, которая не всегда сталкивается лицом к лицу с центральной администрацией.

В последнее время все больший интерес в этом отношении вызывает Индия — в силу ее внимания к аутсорсингу в сфере информационных технологий и особенностью индийской модели, в которой куда меньшее значение, по сравнению с китайской, придается прямым иностранным инвестициям. Важная проблема для Китая — та,

что две трети его промышленного экспорта производится иностранными фирмами, многие из которых — азиатские. Двумя наиболее крупными инвесторами являются Тайвань и Корея. Причем присутствие Кореи становится все более ощутимым. Япония также направляет крупные инвестиции в определенные отрасли. И конечно, крупными инвесторами являются США и европейские страны. Таким образом, китайская модель развития, ориентированная на экспорт, в значительной степени завязана на зарубежные инвестиции, а также опирается на огромный интерес к внутреннему рынку Китая. Иностранные инвесторы в таких отраслях, как, например, автомобилестроение или компьютерная промышленность, крайне заинтересованы в развитии своих цепей поставок в Китае. Индия куда менее охотно привлекает иностранный капитал. И значительная часть ее успеха достигается благодаря отечественным предпринимателям и капиталистам. К тому же Индия — это демократическая страна. Поэтому весьма интересен вопрос: как самая большая демократическая страна в мире справится с проблемами глобализации? А поскольку, вдобавок, это англоговорящая страна, ей намного проще устанавливать отношения аутсорсинга с западными странами в сфере информационных технологий.

В Бразилии, как известно, новый президент Лула [Luiz Inacio Lula de Silva] сменил на этом посту выдающегося социолога Ф. Кордосу. (Это был один из наиболее талантливых социологов, которых мне довелось встречать на протяжении всей профессиональной карьеры.) Я полагаю, что сейчас деятельность Лулы, который не смог обеспечить быстрых изменений и выполнить обещания, касающиеся решения проблем занятости, вызывает нарастающее разочарование. Бразилия демонстрирует типичные латиноамериканские проблемы (которые, впрочем, проявляются и в развивающихся странах из других регионов) — растущее неравенство доходов и высокий уровень бедности, невзирая на высокие темпы экономического роста и наличие некоторых очень развитых хозяйственных отраслей. Пример Бразилии очень и очень важен. По моему мнению, Бразилия, Индия и Китай настолько велики, что способны придать промышленной политике куда больший вес в модели хозяйственного развития, чем это предполагалось в экспортно-ориентированной модели Всемирного банка.

Важен пример Бразилии и по другой причине: на сессиях ВТО в Канкуне²² она продемонстрировала способность объединить другие развивающиеся страны под лозунгом критики созданной в рамках ВТО несправедливой системы международных хозяйственных отношений, в частности несправедливой политики субсидирования сельского хозяйства развитыми странами, которая мешает решить проблемы неравенства доходов. Таким образом, развивающиеся страны бросают вызов сложившемуся междуна-

²² 10—14 сентября 2003 г. в Канкуне (Мексика) состоялась V конференция Всемирной торговой организации [The Fifth WTO Ministerial Conference]. Основной задачей конференции явилось обсуждение процесса переговоров и смежных вопросов согласно утвержденной в Дохе программе развития [Doha Development Agenda]. — *Прим. перев.*

родному хозяйственному порядку, подобно тому, как в 1970-е годы это делала так называемая «Группа семидесяти семи»²³ из неприсоединившихся государств, которая оспаривала деление мира на Запад и Восток, провозглашая лозунг: «Мы должны сделать нечто большее для развивающихся стран». Сегодня антиглобализационное движение стало чрезвычайно мощным, прежде всего в силу неспособности глобализации дать ответы на фундаментальные вопросы хозяйственного развития. И Бразилия способна сыграть очень важную роль в мобилизации этого политического сопротивления не в последнюю очередь потому, что сохраняет относительно независимую модель развития.

Что же касается Мексики, то она слишком привязана к хозяйству США, чтобы иметь сильный независимый голос.

Как я уже упоминал, в прошлом году я трижды посетил Казахстан, и это были мои первые визиты на территорию бывших социалистических стран. Я работал по проекту Всемирного банка, который оценивал возможности диверсификации казахской экономики за пределы нефте- и газодобывающих отраслей. Я был поражен тем, как Казахстан справляется с подобной задачей, имея основные ресурсы нефти и газа в Каспийском регионе на западе страны, при том, что большинство населения проживает в ее восточных областях. Один из ключевых вопросов заключался в том, что в Казахстане сохранились высококвалифицированные кадры и высокотехнологичное оборудование в отраслях оборонной промышленности. И нужно было конвертировать эти оборонные производства во что-то, имеющее рыночные перспективы. Мы обнаружили, насколько тяжела эта задача.

Наиболее успешная компания, с представителями которой мы там встречались, в советское время производила торпеды для атомных подводных лодок. Сейчас она превратилась в одного из ведущих поставщиков вакуумных контейнеров для нефтяной и газовой промышленности (эта продукция также требует высокотехнологичного оборудования). Но для того чтобы реализовать этот проект, пришлось реорганизовать комбинат с 10 тыс. занятых и шлейфом социальных обязательств и превратиться в коммерчески ориентированную фирму с 600—800 работниками, заключив множество договоров о получении технологий из Италии и других стран. Руководитель компании (хорошо образованный профессионал) рассказал нам о тех трудностях, с которыми они столкнулись

при создании первых совместных предприятий с зарубежными партнерами, преобразовании привычных для советского времени трудовых отношений, в условиях потери российского рынка для экспорта своей продукции (сейчас они конкурируют с российскими предприятиями). Кроме того, пришлось решать проблемы, связанные с отказом от множества социальных обязательств бывшего советского предприятия по содержанию жилья

²³ «Группа семидесяти семи» [The Group of 77 (G-77)] была учреждена в 1964 г. 77 развивающимися странами, которые подписали «Совместную декларацию семидесяти семи стран», подготовленную по окончании первой сессии Конференции ООН по вопросам торговли и развития (UNCTAD) в Женеве. В настоящее время членами группы являются 132 страны, однако ее название по историческим причинам осталось прежним. Подробнее см.: <http://www.g77.org>. — Прим. перев.

и образовательных учреждений, без чего нельзя было стать экономически более состоятельными. Впрочем, подобные истории успеха в переходном хозяйстве Казахстана были крайне редки. Возможно, его добились одно предприятие из двадцати. Большая же часть предприятий все еще занята трудными поисками путей конверсии.

В этой связи наиболее важная проблема для современной России состоит в том, что сохранившийся у нее огромный научно-технический потенциал стремительно стареет. И не только по числу лет, устаревают само сосредоточенное в нем знание. Вопросы заключается в том, как наиболее производительно использовать высококвалифицированные кадры, которые в принципе идеально подходят для развития высокотехнологичных производств. Как переориентировать полученные знания и навыки в направлении их коммерциализации. И найти рынок для своей продукции. В России сосредоточены огромные стартовые ресурсы, но они организованы далеко не идеальными способами с точки зрения запросов западных рынков. Здесь таятся одновременно большие возможности и серьезный вызов.

Я говорил с экспертами Всемирного банка, которые работали в Москве в этих областях. Похоже, они очень заинтересовались подходом, анализирующим товаропроводящие цепи. Однако они в большей степени находились под влиянием кластерного подхода Майкла Портера. (Кстати, Портер – еще одна влиятельная фигура для тех областей, которыми я занимаюсь с точки зрения деловых стратегий, хотя он говорил о цепях добавления стоимости не в глобальном контексте²⁴.) Так вот, эти эксперты обнаружили в России (вполне в духе Портера) очень динамично развивающиеся кластеры, сосредоточенные вокруг крупных городов. Возможно, теория кластеров и поможет России найти свой путь в направлении перехода от традиционных к более глобально ориентированным формам организации хозяйства.

Я также обнаружил, что мне близки исследователи, которые, подобно Майклу Пиоре [Michael Piore] и Чарльзу Сейбелу [Charles Sabel], занимаются индустриальными районами, или кластерным анализом, как и коллеги из Института исследований проблем развития [Institute of Development Studies] в Сассексе Джон Хамфри [John Humphrey] и Хуберт Шмиц [Hubert Schmitz]²⁵. Они очень сильны в исследовании локальных сетей производства и инноваций. Однако эти кластеры не были включены в глобальное хозяйство. А подход, изучающий глобальные товаропроводящие цепи, напротив, рассматривал международные производственные сети, но вне их связи с институциональными структурами. Поэтому весьма уместным оказался проект (я участвую в нем с 2000 г.), который объединил сторонников глобального и «кластерного» подходов, заявивших: «Если теперь нам удастся теоретически соединить оба подхода, то мы получим

²⁴ См., например: *Портер М.* Международная конкуренция: В 2 т. М.: Международные отношения, 1993; *Портер М.* Конкуренция. М.: Вильямс, 2005; *Портер М.* Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М.: Альпина, 2005; *Портер М.* Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина, 2006. — *Прим. перев.*

²⁵ <http://www.ids.ac.uk>

прекрасный результат». И я надеюсь, именно на этом стыке будет проведено множество новых плодотворных исследований, и мы выстроим более интегрированную теоретическую схему.

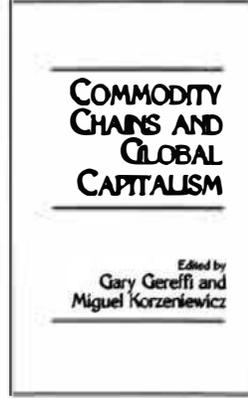
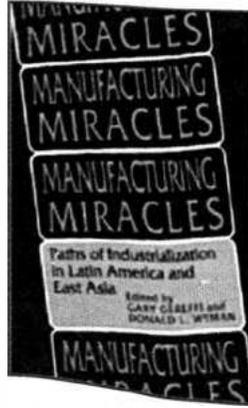
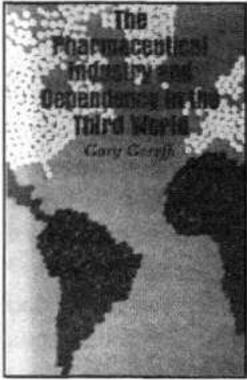
— Будем надеяться. Большое спасибо.

Основные публикации Г. Джереффи

- Джереффи Г.* Международное хозяйство и глобальное развитие // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 632–658.
- Gereffi G.* The Global Economy: Organization, Governance, and Development // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 160–182.
- Gereffi G.* International Competitiveness of Asian Economies in the Apparel Commodity Chain. Manila: Asian Development Bank, 2002.
- Gereffi G.* Shifting Governance Structures in Global Commodity Chains, with Special Reference to the Internet // American Behavioral Scientist. 2001. Vol. 44. No. 10. June. P. 1616–1637. http://www.soc.duke.edu/~ggere/web/shifting_governance_structures_in_gccs_abs_june_2001.pdf
- Gereffi G.* The Transformation of the North American Apparel Industry: Is NAFTA a Curse or a Blessing? // Naciones Unidas, CEPAL, Investment and Corporate Strategies, Division of Production, Productivity and Managements, Unit on Investment and Corporate Strategies. Santiago, 2000.
- Gereffi G.* The Pharmaceutical Industry and Dependency in the Third World. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983.
- Latin America in the 21st Century: Toward a New Sociopolitical Matrix / M.A. Garretton, M. Cavarozzi, P.S. Cleaves, G. Gereffi, J. Hartlyn. Miami: University of Miami: North-South Center Press, 2003.
- Gereffi G., Memodovic O.* The Global Apparel Value Chain: What Prospects for Upgrading by Developing Countries? // United Nations Industrial Development Organization (UNIDO), Sectoral Studies Series. 2003. http://www.soc.duke.edu/~ggere/web/UNIDO-Global_Apparel_2003.pdf
- Gereffi G., Spener D., Bair J.* (eds.). Free Trade and Uneven Development: The North American Apparel Industry after NAFTA. Philadelphia: Temple University Press, 2002.
- Gereffi G., Kaplinsky R.* (eds.). The Value of Value Chains: Spreading the Gains from Globalisation // Special issue of the IDS Bulletin. 2001. Vol. 32. No. 3. July. Brighton, UK: Institute of Development Studies at the University of Sussex. http://www.soc.duke.edu/~ggere/web/T_of_C_and_promo.pdf
- Bair J., Gereffi G.* Local Clusters in Global Chains: The Causes and Consequences of Export Dynamism in Torreon's Blue Jeans Industry // World Development. 2001. Vol. 29. No. 11. November. P. 1885–1903. http://www.soc.duke.edu/~ggere/web/blue_jeans_wd_nov01.pdf
- Gereffi G., Garcia-Johnson R., Sasser E.* The NGO-Industrial Complex // Foreign Policy. 2001. Vol. 125. July – August. P. 56–65. http://www.soc.duke.edu/~ggere/web/the_ngo_industrial_complex_foreign_policy_2001.pdf

Gereffi G., Wyman D.L. (eds.). *Manufacturing Miracles: Paths of Industrialization in Latin America and East Asia*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996 (1990).

Gereffi G., Korzeniewicz M. (eds.). *Commodity Chains and Global Capitalism*. Westport, CO: Greenwood Press, 1994.

Фрэнк Доббин¹

31 июля 2002 г.

«Экономсоциологи все чаще обращаются к понятиям, которыми традиционно интересовались экономисты».

Фрэнк Доббин известен прежде всего одной своей книгой — «Формирование промышленной политики»². Но эта книга цитируется с завидной частотой представителями самых разных исследовательских направлений. Причем ее трудно однозначно отнести к какой-либо категории. Сам Доббин называет себя институционалистом, последователем веберианской традиции, но с неменьшим основанием он может быть квалифицирован как приверженец культурно-исторического подхода. Мы же склонны отнести его интересы к сфере изучения хозяйственных идеологий и экономической политики.

Фрэнк Доббин оказался очень спокойным, я бы даже сказал, флегматичным человеком, вдумчивым собеседником и заинтересованным слушателем. А его интервью отличалось четкостью суждений и структурированностью излагаемой позиции. Когда мы встретились, он переживал последствия серьезной травмы плеча и носил внушительную поддерживающую перевязь. Но, похоже, такие «мелочи» не могли вывести его из равновесия.

¹ Ф. Доббин [Frank Dobbin] — профессор социологии Гарвардского университета.

² *Dobbin F. Forging Industrial Policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. См. также перевод: Доббин Ф. Формирование промышленной политики (фрагменты книги) // *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики* / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 607—631.

— Фрэнк, Вы известны как один из ведущих экономсоциологов, и, вероятно, сами также считаете себя членом экономсоциологического лагеря. Расскажите, как это началось? Когда Вы осознали, что Ваши исследования — это экономическая социология?

— В университете (куда я поступил в 1980 г.) я был самым обычным социологом организаций.

Но вскоре в 1985 г. вышла статья Марка Грановеттера об укорененности³. Думаю, в этом была одна из причин. Многие из нас занимались социологией организаций, а потом поняли, что это были не просто организационные исследования.

— А когда Вы начали использовать само название «экономсоциолог»? Ведь название имеет значение.

— Наверное, в начале 1990-х годов многие начали называть себя таким образом.

— «Я — экономсоциолог»?

— Да, я начал называть себя экономсоциологом. Отчасти и потому, что я написал книгу о национальных промышленных стратегиях, которая не вписывалась в рамки социологии организаций, равно как и никакой другой существовавшей тогда дисциплины.

— Выходит, «экономическая социология» оказалась удачным способом встроиться в существующие рубрикаторы... Ведь Вы говорите о книге «Формирование промышленной политики»?

— Да, причем это понимание пришло раньше, чем книга действительно была отнесена к этой категории другими.

— Скажите, а как Вы представляете себе экономическую социологию — какие методологические и теоретические течения, на Ваш взгляд, занимают в ней ключевые позиции?

— Социология, по крайней мере, американская, является полипарадигмальной дисциплиной, и в этом заключается одно из ее отличий от экономической теории. За ключевые позиции борются несколько теоретических схем: теории конфликтов и власти, идущие от марксизма; концепции идентичности и социальной среды, берущие начало в работах Э. Дюркгейма; институциональные течения, восходящие к работам М. Вебера. Мне кажется, что это три основные парадигмы в рамках экономической социологии — при этом, пожалуй, их можно назвать и основными подходами в рамках социологии в целом. Роберт Коммонс [Robert Commons] утверждает, что существует также четвертый подход, связанный с интеракционистскими теориями.

— А как же американский функционализм — например, работы Т. Парсонса и Р. Мертона? Ведь все авторы, которых Вы назвали, — европейцы.

— Верно. Многие утверждают, что функционализм — побочное дитя веберовских идей. Но, мне кажется, из этой традиции вышло не так много исследователей, называющих себя функционалистами.

— Упомянутые Вами традиции вытекают из классических методологических источников. А какова ситуация сейчас? Каковы сегодня основные подходы?

— Мне кажется, современная экономическая социология по-прежнему следует этим трем основным парадигмам. Так, сетевая теория (и, в частности, работы Хэррисона Уайта [Harrison White]) во многом

³ Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. November. P. 481—510. См. также перевод: Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. С. 131—158.

опирается на идеи Э. Дюркгейма об индивидуальности, идентичности, месте индивида в социальной среде. На мой взгляд, один из его наиболее интересных тезисов заключается как раз в том, что когда фирма выходит на рынок, она формирует свою идентичность относительно идентичности других фирм на этом рынке и в соответствии с принятым на нем набором условий, касающихся цены, качества и количества продукции. Иначе говоря, формирование идентичности новой фирмы — это относительный процесс, происходящий с оглядкой на идентичность других фирм, производящих такой же продукт. И я считаю, что здесь можно проследить связи с идеями Вебера об идентичности индивидов и профессиональных групп в досовременных и современных обществах, то, как индивиды формируют свою идентичность относительно своего окружения с оглядкой на некие заданные характеристики. В случае фирм и в целом современных рыночных хозяйств такими характеристиками выступают качество и количество продукта, а в случае индивидов — свойства их карьеры и профессии. Люди идентифицируют и реидентифицируют себя с другими членами своей профессиональной группы и оценивают свои отличия тоже прежде всего от членов данной группы. Словом, мне кажется, сетевой подход во многом опирается на эту традицию.

Второй подход — институциональный, и свои работы я отнес бы именно к этому направлению. Думаю, во многом он восходит к традиции Вебера — ведь центральное место в нем занимает взаимосвязь между институтами и смыслами. Наверное, в этом заключается отличие институционализма в социологии от институционализма в экономической теории. В последней институционализм описывает ограничения, накладываемые хозяйственными институтами на рыночное поведение. А в социологии мы трактуем институты как символы средств и отношений, конструируем представление о рациональности и эффективном поведении акторов. На мой взгляд, во многом это является продолжением веберовской традиции «понимающей социологии» (*verstehen*). Это попытка понять, что означают практики для индивидов, как индивиды вырабатывают стратегии на основе этих средств и задают цели, укорененные в существующих социальных институтах.

— А можно ли назвать эту группу сплоченной, или в ней наблюдаются различия?

— Группу экономсоциологов?

— Нет, приверженцев институционализма или, точнее, разновидностей «нового институционализма».

— Мне кажется, новый институционализм в разных дисциплинах раскрывается по-разному.

— А в социологии?

— В социологии? Многие авторы сходятся во мнении относительно фундаментальной роли институтов для формирования среды и представления людей о том, что есть рациональное поведение. Следовательно, по всей видимости, они сходятся и в критической оценке простой моде-

ли рационального актора. Что касается социологических институтов, то здесь многие высказываются за их более сложную трактовку и, в частности, за отход от микропонимания хозяйственного поведения.

— А направления, связанные с изучением властных отношений, вероятно, в конечном счете ведут к политической экономии?

— Верно. Я как раз собирался сказать, что третья основная парадигма в рамках экономико-социологического анализа нацелена на конструирование структурной теории власти. Но, как мне кажется, многие институционалисты используют идеи теоретиков власти, и наоборот. Взять, к примеру, Нила Флигстина [Neil Fligstein]: сам он говорит, что во многом его работы опираются на марксистскую традицию — и действительно, они посвящены властным отношениям. При этом в них, несомненно, присутствуют и элементы институционализма — например, анализируется то, как власть институционализируется и становится видимой. Таким образом, в них рассматриваются те самые средства и конечные цели, то, как люди проводят институциональные реформы, навязанные властными отношениями, и как закрепляются последствия этих реформ.

— Вы провели несколько примеров исторических исследований. А скажите, выделяете ли Вы особо исторический подход в экономической социологии? Например, куда бы Вы отнесли работы Вивианы Зелизер [Viviana Zelizer], которые несколько отстоят от институционального направления? Это особая традиция или часть одного из уже упомянутых направлений?

— Многие считают, что Вивиана Зелизер занимает совершенно особую — и весьма необычную — позицию. И мне кажется, ее метод действительно отличается от других методов. С одной стороны, она не встает на позиции традиционной социологин — скорее я назвал бы ее историческим социологом. Но в своей основе ее идеи оказываются весьма тесно связанными с традициями, идущими от Дюркгейма и Вебера. Например, в работе «Оценивая бесценного ребенка»⁴ она разворачивает тезис о том, как однажды произошло коренное переосмысление рационализации труда — ведь эта рационализация уравнивает детей и взрослых, и дети могут трудиться точно так же, как взрослые. И ее книга рассказывает о том, как подобная рационализация была трансформирована социальными реформаторами, стремившимися освободить детей от фабричного труда и создавшими целую «мифологию детства», его новое понимание как особой сферы жизни, новое понимание ценности детей, которая измеряется скорее эмоционально, нежели трудовыми затратами. Мне кажется, эти идеи весьма тесно связаны с идеей о том, как происходят рационализация и эволюция рационализованного смысла.

— Еще один вопрос в связи с этим. Всем хорошо известно имя Джеймса Коулмана [James Coleman]. Куда бы Вы отнесли его работы? Это особое направление социологии рационального выбора? Или что-то еще?

⁴ Zelizer V. Pricing the Priceless Child. The Changing Social Value of Children. N.Y.: Basic Books, 1985.

— Мне кажется, это социология рационального выбора. И наоборот, кто-то сказал бы, что в экономической социологии есть особая парадигма — теория рационального выбора. Но, на мой взгляд, после Коулмана в этой традиции практически никто не работает. А то, что все-таки было сделано, как мне кажется, более тесно связано с институциональной традицией, чем с теорией рационального выбора. Я имею в виду, что его тезисы об институциональном развитии можно интерпретировать по-разному, в том числе с позиций теории рационального выбора. Но не думаю, что ему удалось убедить все академическое сообщество, что существует новый подход к анализу рассматриваемых им исторических явлений. Любопытно, но в социальных науках в США и, в частности, в социологии, не так много внимания уделяется проблеме рационального выбора.

— **Кстати, в России тоже. Скажите, а какие книги или статьи среди тех, что вышли недавно, показались Вам наиболее важными, интересными, неожиданными, озадачивающими, если взять последние три-четыре года? Не очевидная классика, как, например, работы Грановеттера, а нечто новое? Что-нибудь привлекло Ваше внимание?**

— На мой взгляд, здесь выделяются две книги, в которых удивительным образом сочетаются властная традиция, идущая от Маркса, и институциональная традиция, идущая от Вебера, — а в результате институциональная социология обретает огромную предсказательную силу. Первая работа — «Социализируя капитал» Уильяма Роя⁵, в которой представлен весьма основательный исторический анализ развития современной корпорации и, в частности, крупной олигополистической фирмы. Вторая книга — «Архитектура рынков» Нила Флигстина⁶, в которой показано, как институты власти могут взаимодействовать между собой (работать вместе). Удивительно в обеих книгах то, что они рассказывают о людях, выигрывающих политические сражения. И в ряду того, что они выигрывают, оказывается институциональная форма регулирования — в виде легитимного режима управления со стороны государства или в виде новых деловых практик, выгодных для этой группы. Это работы о власти. Мне кажется, они очень полезны, в них раскрываются новые проблемы — ведь с течением времени возникают новые регулятивные структуры, и наборы деловых практик начинают восприниматься как данность. На мой взгляд, две эти книги — наиболее удачные попытки объединить теорию власти и институциональную теорию. Что касается сетевой теории, то лучшей новой книгой здесь я считаю книгу Хэррисона Уайта «Рынки как сети».

— **«Рынки из сетей»?**

— Да, верно, «Рынки из сетей»⁷. Эта книга трудна для чтения, но ее можно осилить, если предварительно уловить основные идеи, — например, одну из них я упомянул несколько минут назад: новые игроки на рынке формируют свою позицию относительно других игроков. И если приступить к чтению, уже

⁵ Roy W.G. *Socializing Capital: The Rise of the Large Industrial Corporation in America*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

⁶ Fligstein N. *The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

⁷ White H.C. *Markets from Networks: Socio-economic Models of Production*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.

имее в голове эти идеи, то все встает на свои места. Однако, несомненно, это сложная книга, не все в ней ясно, к тому же Хэррисон использует свою собственную терминологию. Словом, я считаю, что это замечательная книга, хотя и не самая простая для чтения.

В издательстве Принстонского университета вышла также еще одна книга, более отвечающая канонам властной традиции, — «Организуя Америку» Чарльза Перроу⁸. Ее автор — традиционный марксист — рассказывает о возникновении крупных корпораций. Интересна его ключевая идея: крупные корпорации и в целом явление экономии от масштаба возникли не потому, что предприниматели и первые капиталисты стремились повысить эффективность бизнеса, но потому, что они желали получить в свои руки больший контроль и приумножить свое богатство. И в этом есть логика, если вспомнить модели капитализма.

— **А среди статей Вам попадалось в последнее время что-нибудь интересное?**

— Знаете, это такая живая область — тут слишком много всего. Но я бы выделил, например, работу Джерри Дэвиса [Gerald Davis] о конгломерации промышленности⁹. Она мне нравится, потому что в ней показано, как идея о том, что портфель акций фирмы является наиболее эффективной моделью ее организации, которую мы воспринимали как данность, может со временем становиться деструктивной. Автор показывает, что на самом деле встречаются и неэффективные портфели акций. Он демонстрирует, что изменение портфеля активов фирмы, его диверсификация отвечали интересам определенных групп, прежде всего институциональных инвесторов.

— **Еще один вопрос по поводу будущего. Какие области, направления экономической социологии Вы считаете наиболее перспективными на ближайшие несколько лет?**

— С точки зрения содержательных тенденций я бы отметил тот факт, что экономсоциологи все чаще обращаются к понятиям, которыми традиционно интересовались экономисты, — например, к стратегии фирмы или регулятивным системам. Думаю, поначалу некоторые из нас пытались объяснить то, что находится несколько в стороне от основных задач фирмы и национального государства, — как заработать побольше денег. На мой взгляд, гораздо более интересно попытаться изучить эти области (ключевые бизнес-стратегии фирм и промышленные стратегии национальных государств) с социологических позиций. И в содержательном отношении, видимо, мы к этому идём.

— **Значит, в первом случае это микро-, а во втором — макроуровень?**

— А что такое микро- и макро-? Взять, например, цену. Я даже начал исследовать некоторые вопросы, чтобы объяснить характер ценообразования в железнодорожной промышленности. Ведь мы можем показать, что социологические переменные и факторы играют определенную роль при принятии ценовых решений. А бизнес-стратегии дают нам

⁸ Perrow C. Organizing America: Wealth, Power, and the Origins of Corporate Capitalism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.

⁹ Davis G.F., Diekmann K.A., Tinsley C.H. The Decline and Fall of the Conglomerate Firm in the 1980s: The Deinstitutionalization of an Organizational Form // American Sociological Review. 1994. Vol. 59. No. 4. P. 547—570.

своего рода конкурентное преимущество — мы можем объяснить их лучше, чем экономисты. На мой взгляд, бóльшая часть экономических моделей не дает удовлетворительного объяснения долгосрочных стратегий, краткосрочные объяснения им удаются лучше. Я бы сказал, что с точки зрения теории наиболее перспективно ныне — своего рода слияние перечисленных выше трех подходов. Ведь социология всегда была полипарадигмальной дисциплиной. Это означает, что долгое время (до появления количественных исследований) предпринимались попытки выстроить какое-то объяснение с позиций институциональной перспективы Вебера, и они начинались с формулирования гипотезы о властных отношениях, влиянии власти и сетей на конечный результат. Затем авторы утверждали, что эти гипотезы объясняют не все, а то и вовсе ошибочны, и переходили к анализу институциональной гипотезы, стремясь при этом показать роль власти, сетей и институтов. На мой взгляд, исследователи в этих трех лагерях все больше сближаются друг с другом: например, теоретики власти и институционалисты понимают, что некий набор институциональных образований, некогда служивший целям определенной группы, со временем стал восприниматься как само собой разумеющийся, и люди уже не задумываются о нем, воспроизводя этот набор независимо от того, по-прежнему ли он выгоден данной группе.

— **Значит, Вы полагаете, что в экономической социологии существует возможность построения единой методологии?**

— Мне кажется, мы наблюдаем это все чаще. Например, в новой книге Х. Уайта выдвигается конструктивистская идея о рынках, в которой центральное место занимают смыслы поведения индивидов. То же мы наблюдаем в работах Флигстина и Роя: они сводят вместе смысл и власть. В «Архитектуре рынков» Флигстина разворачивается идея полей (своего рода социальных сетей): социальное окружение влияет на ваше определение правильного и рационального поведения. Наверное, в своей идее о том, что на ваше поведение влияют сети, в которые вы вплетены, он ближе всех подошел к задаче объединения всех трех парадигм.

— **Вообще-то он довольно критически отзывается о сетевых теориях.**

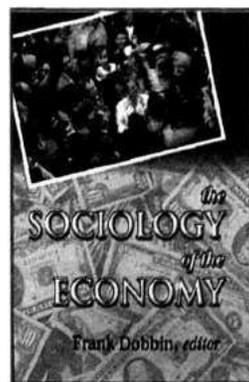
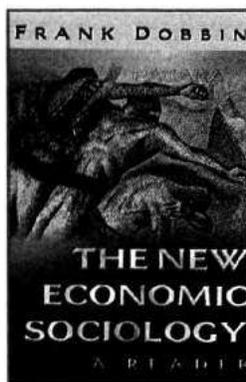
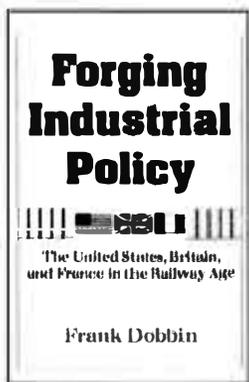
— Мне кажется, он критикует то направление, в котором начали развиваться сетевые теории. Я говорил с ним о социологической идее полей и сетевой теории, идее социальных состояний и полей. Мне кажется, он вполне осознанно использует идею о связях между людьми — подобно тому, как теоретики сетевого подхода используют трактовку сетей в традиции Дюркгейма. Вероятно, здесь также сохранились отзвуки давнего соперничества между этими тремя парадигмами. И я не имею в виду, что все они сольются к одну парадигму. Мне кажется более продуктивным, когда каждая из них, желая влить свежую струю, заимствует подходящие идеи у соседа.

— **Получается своего рода академическая конкуренция.**

— Да, и конкуренция тоже.

— **Большое спасибо.**

- Dobbin F.* Формирование промышленной политики (фрагменты книги) // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 607–631.
- Dobbin F.* Comparative and Historical Perspectives in Economic Sociology // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press: Russell Sage Foundation, 2005. P. 6–48.
- Dobbin F.* (ed.). The New Economic Sociology: A Reader. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
- Dobbin F.* (ed.). The Sociology of the Economy. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2004.
- Dobbin F.* Do the Social Sciences Shape Corporate Anti-Discrimination Practice?: State Permeability and Disciplinary Influence in the United States and France // Comparative Labor Law and Policy Journal. 2002. Vol. 23. No. 3. P. 829–864.
- Dobbin F.* Forging Industrial Policy: The United States, Britain, and France in the Railway Age. N.Y.: Cambridge University Press, 1994.
- Dobbin F.* The Origins of Economic Laws: Railway Entrepreneurs and Public Policy in Nineteenth-century America // The Institutional Construction of Organization: International and Longitudinal Studies / Ed. by W.R. Scott, S. Christensen. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 277–301.
- Dobbin F.* The Social Construction of the Great Depression: Industrial Policy During the 1930s in the United States, Britain, and France // Theory and Society. 1993. Vol. 22. P. 1–56.
- Dobbin F.* Why the Economy Reflects the Polity: Early Rail Policy in Britain, France, and the United States // The Sociology of Economic Life / Ed. by M. Granovetter, R. Swedberg. 2nd ed. Boulder, CO: Westview, 2001. P. 401–424.
- Dobbin F., Dowd T.* The Market that Antitrust Built: Public Policy, Private Coercion, and Railroad Acquisitions, 1825–1922 // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. P. 631–657.
- Kelly E., Dobbin F.* Civil Rights Law at Work: Sex Discrimination and the Rise of Maternity Leave Policies // American Journal of Sociology. 1999. Vol. 105. P. 455–492.
- Dobbin F., Sutton J.* The Strength of a Weak State: The Employment Rights Revolution and the Rise of Human Resources Management Divisions // American Journal of Sociology. 1998. Vol. 104. P. 441–476.
- Dobbin F., Dowd T.* How Policy Shapes Competition: Early Railroad Foundings in Massachusetts // Administrative Science Quarterly. 1997. Vol. 42. P. 501–529.

Татьяна Заславская¹

26 февраля 2002 г.

«Мне кажется, что большим недостатком нашей общественной науки, внутренне присущим ей недостатком, является то, что в своих конструктивных построениях и в поисках путей выхода из той ситуации, в которой находится страна, по-прежнему недооценивается субъектный аспект».

Это интервью особенное. Речь идет о беседе с основательницей российской экономической социологии — Т.И. Заславской. Особенно приятно то, что интервью записано в год 75-летнего юбилея Татьяны Ивановны, который праздновался в том числе в Овальном зале Библиотеки иностранной литературы одновременно с презентацией ее новой книги «Социетальная трансформация российского общества» (М.: Дело, 2002).

Интервью состоялось в очень подходящей обстановке — в библиотеке Московской Высшей школы социальных и экономических наук. Татьяна Ивановна дважды откладывала его, говоря, что хочет собраться с мыслями. Она потрясающе ответственный человек, образец для нас всех. Особенно если учесть, сколько интервью ей приходилось давать в своей жизни до этого...

— Мне хотелось бы узнать Ваше мнение о современном состоянии экономической социологии вообще и в России в частности.

— Прежде всего, я не считаю, что работаю в области экономической социологии...

— Вот это да! Вы же, по общему признанию, являетесь основателем этого направления в России.

— В каком-то смысле это действительно так, хотя правильнее было бы сказать, что у истоков российской экономической социологии стояли мы с Р.В. Рывкиной. Она в этом отношении сделала не меньше, чем я. Но мы ведь говорим о сегодняшнем дне, а я с 1995 г. занимаюсь более широкой темой — исследованием социального механизма

трансформационного процесса в России. Когда я приступала к работе над этой темой, то считала себя экономсоциологом, однако новая тема потребо-

¹ Татьяна Ивановна Заславская — доктор экономических наук, академик РАН, сопредседитель Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентра).

вала значительного расширения интересов. Ведь трансформация российского общества — многокомпонентный, многогранный процесс, все стороны которого тесно связаны. Объяснить социально-экономические сдвиги, происходящие в нашем обществе, абстрагируясь от политических, правовых, культурных процессов, невозможно. Это становится особенно очевидным благодаря ежегодному проведению симпозиумов Интерцентра «Куда идет Россия?..» Как его президент и редактор трудов я первой получаю все его материалы. И должна сказать, что для понимания моей темы доклады историков, экономистов, политологов, культурологов не менее важны и интересны, чем доклады социологов².

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть преемственность моих современных исследований по отношению к прежним. Дело в том, что в центре развивавшейся нами в Новосибирске концепции экономической социологии находилась категория социального механизма развития экономики. Все остальные разделы читавшегося нами в Новосибирском государственном университете курса экономической социологии и готовившейся монографии «Социология экономической жизни» подчинялись именно этой идее. Мы считали, что представление о социальном механизме (или механизмах) развития экономики позволяет выявить глубинные недостатки действовавшей экономической системы и предложить пути ее радикального совершенствования. Сейчас предмет моего исследования расширился, это уже не экономика, а общество в целом. Но методология осталась прежней. И в деятельностно-структурной концепции трансформационного процесса в России, которую я сейчас развиваю, центральное место, как и прежде, занимает понятие социального механизма, обеспечивающего воспроизводство и развитие этого процесса. Конечно, за 20 лет мое представление о строении и принципах функционирования внутренних механизмов социальных процессов изменилось. Но убежденность в реальности их существования и важности познания только возросла.

Так что, когда мне приходится формально определять свою специальность, я пишу либо «социология, экономика», либо «экономическая социология». Но это — как бы мой дом, откуда я вышла и куда время от времени возвращаюсь. Реальную же область своего «обитания» я, скорее, определила бы как обществоведение, в центре которого — проблемы социально-экономического развития России.

— Это вполне естественно для многих исследователей — не замыкаться в рамках одной дисциплины, поскольку интересы выходят за ее рамки.

— Разумеется, Вы правы, но все же есть разница, когда исследователь уделяет своей специализации 70% внимания, а «окружающей среде» — 30%. или наоборот. У меня как раз наоборот... Сейчас я отношусь к экономической социологии...

— Как к одной из областей интереса?

² См. тексты сборников по материалам симпозиума: <http://ecsocman.edu.ru/kir>.

Прим. сост.

— В общем, да, но скорее, все-таки, как к одной из главных областей интереса.

— Понятно, что в какой-то момент Ваши интересы стали намного шире, чем экономсоциология. Но если мы вернемся к тому начальному периоду, когда Вы начали определять себя как экономсоциолог? Когда примерно это случилось и при каких обстоятельствах?

— При каких обстоятельствах это случилось? Абел Гезевич Аганбегян, который был научным куратором экономического факультета Новосибирского университета, где я тогда работала, придавал огромное значение социологии вообще и социологическому образованию в частности. Надо сказать, что он был инициатором сначала чтения курсов по социологии экономистам (где-то с 1972—1973 гг.), а затем организации социологической специализации. Сначала читался всего один социологический курс, потом их становилось все больше и больше, и, наконец, появилась самостоятельная специализация. Конечно, мы поддерживали движение в эту сторону, но все-таки очень важно, что нам не только не приходилось бороться, но нас еще и подталкивали. Правда, назвать специализацию «социологией» мы не могли. Ведь все студенты экономического факультета НГУ получали диплом «Экономическая кибернетика». Поэтому нашу специализацию пришлось назвать «Математические методы в социологии». А дипломы нашим социологам все равно выдавались экономические.

Со временем возник вопрос о том, что мы находимся в неравном положении с другими специализациями. У нас специализация началась с четвертого курса, и основополагающими курсами были, во-первых, методология и методика социологического исследования, введение в социологию, а во-вторых — математические методы в социологии. Причем до четвертого курса студенты чистую экономику изучали. И когда они выбирали специализацию в конце третьего курса, то вообще ничего о социологии не знали. Нужна была дисциплина, которая читалась бы раньше — хотя бы на третьем курсе. И тогда мы задумались, какой наиболее общий курс мы должны читать студентам-экономистам, чтобы приобщить их к социологии. Ведь каждый научный сотрудник социологического отдела ИЭиОПП СО АН, которым я руководила, занимался чем-то своим. Я, например, тогда разрабатывала методологию системного изучения деревни. Но было бы очень странно, если бы на экономическом факультете всем студентам читался такой курс. Хотя, конечно, на нашей специализации он проходил как спецкурс, но для всего факультета нужно было что-то значительно более общее. И тогда мы задумались о том, а в какой, собственно, области работает наш коллектив? И пришли к выводу, что ни в социологию труда, ни в социологию села наши интересы не укладываются. А к этому времени мы как раз подготовили исследовательский проект под названием «Социальные механизмы развития экономики (на примере АПК)». Поскольку его готовил мой сектор (у нас примерно половина отдела работала в секторе социальных

проблем села, отсюда и подзаголовок «на примере АПК»). Но сам по себе замысел был значительно шире. И именно он нашел отражение в проекте, который обсуждался на известном научном семинаре в 1983 г. Семинар задумывался как обсуждение исследовательского проекта, а не моего доклада, но фактически вылился в обсуждение доклада, сделанного, так сказать, в дополнение к проекту.

— **Вы имеете в виду нашумевший доклад, вокруг которого³...**

— Да, да. Мы сделали этот коллективный проект (примерно около десяти печатных листов) и, поскольку придавали ему исключительное значение (он действительно был тогда существенно новым), разослали его в десять академических институтов экономического и социологического профиля, включая региональные институты, т.е. не только в Москву и Ленинград, но и в Пермь, Уфу, Свердловск — в общем, туда, где были основные социологические центры. Это было сделано еще осенью 1982 г. И к нам стали поступать всякие отзывы, а ближе к апрелю 1983 г., моменту семинара, посыпалась лавина просьб пригласить на семинар; т.е. информационная волна разошлась широко.

Собственно говоря, цель семинара состояла в обсуждении нашего проекта, потому что мы понимали, что выходим за пределы того, чем обычно занимались. Наш семинар носил междисциплинарный характер. Там были экономисты, юристы, социологи, философы и многие другие (профессиональных политологов тогда не было вообще).

— **Термина «экономическая социология» в 1983 г. еще тоже, видимо, не было.**

— Нет, был, потому что название доклада заканчивалось словами: «... и задачи экономической социологии». В самом проекте ее еще не было. Значит, в то время и рождалась эта идея. Работа над проектом шла не один день. Если осенью 1982 г. он был готов, значит, мы над ним работали как минимум с конца 1981 г. В те времена особой спешки не было. В процессе работы над проектом «Социальные механизмы...» сотрудники социологического отдела ИЭиОПП СО АН очень четко осознали, что здесь каждый сможет найти свое место, потому что тема очень широкая, целостная, и в ней находится место для всех исследований. Это и помогло нам сделать выбор в учебном процессе. Мы пришли к выводу, что по-видимому, общая сфера наших интересов и нашей работы — социальные механизмы развития экономики. Причем это — не социальная сфера экономики, а нечто совсем другое. Это социология внутри экономики, внутри экономических отношений — социология экономических отношений, социология экономической жизни. И тогда мы (как бы авансом), в общем-то еще толком не представляя себе, что это за наука и, вообще-то говоря, не зная специальных работ в этой области, решили, что курс, который надо читать студентам, будет называться «Экономическая социология».

— **Это было коллективное решение?**

³ Текст доклада приводится в кн.: Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002.

— Коллективное, наша кафедра решила.

— **А откуда взялось это название?**

— Да ниоткуда. Сами придумали, и всё. Я не думаю, чтобы был какой-то особенный источник. Конечно, мы с Р.В. Рывкиной были руководителями, и можно было бы сказать, что это мы придумали, но главное не в этом. А вот после того, как мы это придумали, то стали размышлять над тем, что же это такое — экономическая социология. Стали смотреть в энциклопедиях определения всяких смежных наук: что такое физическая химия, химическая физика, биологическая физика и пр. И пришли к выводу, что хотя единой закономерности в определениях этих смежных наук не было, но преобладала такая тенденция, что существительное (физика, химия, биология), как правило, относится к методологии, а прилагательное (химическая, физическая и др.) — к сфере исследования.

— **Имеется в виду объект исследования?**

— Да, объект. И тогда нас это устроило: не социальная экономика, а экономическая социология, т.е. исследование экономики социологическими методами. Но на практике все мы, конечно, работали в таких сложившихся областях, как социология труда, социология миграции и других смежных сферах. И принципиальное значение придавали тому, что в схеме социального механизма очень важное место отводится хозяйственному механизму управления экономикой, который сегодня мы назвали бы системой экономических институтов. Речь шла о том, чтобы изучить функционирование этого механизма социологическими методами, понять, что в действительности за ним стоят люди (сейчас мы сказали бы «социальные акторы»), которые его используют совершенно разными методами, а иногда вообще не используют, обходят. Именно в этом мы видели суть экономической социологии.

И тогда мы стали думать о программе курса. Итак, идея есть — будем читать экономическую социологию. А как мы ее будем читать, что она вообще из себя представляет? Здесь уже, конечно, возникла проблема какой-то системности, определения предмета экономической социологии. На эту тему мы с Рывкиной написали статью, которая чрезвычайно возмутила Ельмеева, курировавшего специализацию по экономической социологии в ЛГУ. Он «разразился» ответной статьей в «Вестнике Ленинградского университета», где говорилось, что мы «украли» идею экономической социологии у Н. Смелсера [Neil Smelser] и Р. Сведберга [Richard Swedberg]. Как можно украсть «идею науки», я не знаю. Кроме того, он утверждал, что эта ветвь науки жутко буржуазная, самая буржуазная из всех. Это надо было читать...

А мы потихонечку стали работать над этой темой так, как сами ее понимали, — экономическая деятельность, экономическое поведение, подходы к их изучению, и одновременно разыскивать все-таки по возможности какую-то западную литературу. Первым «напали» на Р. Сведберга. Помнится, он писал в предисловии к своей книге по экономической социологии, что она в силу своей громоздкости и струк-

турных недостатков напоминает Кита, вытешенного на берег (она действительно, как мне кажется, была немного неуклюжей). Потом читали его более поздние работы, но все-таки наша экономическая социология рождалась не из западной, а в первую очередь — исходя из внутренних нужд нашей советской науки и практики, она решала прагматические проблемы, которые перед нами стояли. Мы выпускали студентов-экономистов, и наша задача заключалась в том, чтобы за два последних года учебы привить им социологическое видение действительности. Лучше всего было это делать на материалах, которые относились к экономическим отношениям. Отсюда и появилась эта несколько амбициозная, а в действительности прагматическая ориентация. Мы стали читать экономическую социологию. В первый год — примерно пополам с Р.В. Рывкиной.

— **Это был 1985 г.?**

— Нет, раньше. Я в 1987 г. уже уехала из Новосибирска, а на момент моего отъезда у нас уже была готова книга.

— **«Социология экономической жизни»?⁴**

— Да. Вернее, монография была почти готова, но в виде научного отчета на 25 печатных листах. Потом мы стали его дорабатывать. Все, что опубликовано в книге, — это только первые три раздела. Еще три раздела остались неопубликованными. У меня они есть. Это и хозяйственный механизм (взгляд со стороны социологии), и экономическое поведение, и социальный механизм как обобщение предыдущих разделов. Но в начале 1988 г. я уехала в Москву, чтобы создать ВЦИОМ, а Р.В. Рывкина осталась в Новосибирске. Она одновременно дорабатывала второй раздел нашей общей книги, посвященный экономической культуре, и подготавливала со своим коллективом другую книгу. Поэтому «доработка» растянулась на три года, и наша книга вместо 1988 г. вышла в 1991 г., да и то только первая ее часть. На доработку и издание второй части у нас уже, как говорится, не хватило духа. И потому, конечно, эта книга, хотя в общем и неплохая, но неполная. Просто это воплощение половины общего замысла.

— **О новосибирской экономико-социологической школе этого периода написано много. Как она возникла? Как Вы пришли в социологию?**

— Надо сказать, что с момента организации Советской экономической ассоциации мы, конечно, сразу в нее вошли. Это было начало 1960-х. В 1966 г. я была на первой социологической конференции в Ленинграде, выступила с докладом о миграции сельского населения, и меня без всяких моих просьб включили в делегацию, ехавшую на Всемирный социологический конгресс, что было большой и приятной неожиданностью. На конгрессе мне безумно понравилось. По сравнению с экономической наукой того времени, которая, на мой взгляд, совершенно заскорузла, погрязла в догмах, тут были такие интересные темы, в общем, очень здорово все это было. С этого момента я стала

⁴ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории / Отв. ред. А.Г. Аганбегян. Новосибирск: Наука, 1991.

переклочаться с экономической науки на экономическую социологию, хотя о существовании такой науки тогда и не знала.

— **А как по поводу соратников? Кого Вы в России в середине и в конце 1980-х годов видели в качестве своих коллег, партнеров?**

— В 1970-х—1980-х годах мы были в советской социологии «чужаками» — неким маргинальным течением. Потому что мы шли к социологии от экономики, а подавляющее большинство всех социологических центров были связаны с философией. Мы не то чтобы говорили на разных языках, но по сравнению с «философами» были несопоставимо больше «привязаны к земле», работая в своем экономическом институте. Поэтому нам были близки те центры или ученые, которые тоже шли в социологию от экономики. Прежде всего, это были пермский центр З.И. Файнбурга, уфимский центр Н.А. Аитова и др.

— **А как складывались Ваши отношения с политической экономией и политэкономом того времени?**

— Однажды Аганбегян пригласил меня на встречу, на которую он собрал новосибирских политэкономов. И он всем задал один вопрос: «Скажите, пожалуйста, какова, на ваш взгляд, самая актуальная проблема экономической теории?» Присутствовавшие политэкономы занимались самыми разными вопросами. Один говорил, что совершенно не выполняется закон стоимости, другой о том, что не выполняется закон распределения по труду, третий — что не выполняется закон планомерного развития, и так далее.

— **Знакомые вещи. А что же сказали Вы?**

— Мне уже просто не о чем было говорить, потому что ответ был совершенно очевиден. Если не выполняется ни один из законов нашей политэкономии социализма, значит самая актуальная проблема — создать такую науку, которая отражала бы реальные закономерности экономической жизни. Аганбегян закрыл совещание и больше никогда не возвращался к этому вопросу. Поэтому какие могли быть связи с политической экономией, если вся она базировалась на должном, а не на сущем? А мы видели свою задачу в том, чтобы изучать сущее. Вы знаете, тогда существовала сильная установка (у меня она осталась до сих пор) на то, чтобы исследование приносило не только новое знание, но и какую-то социальную пользу. Хочется, чтобы что-то где-то, какое-то маленькое колесико чуть-чуть повернулось, что-то изменилось бы в лучшую сторону. Ну, а политэкономия того времени была чистой идеологией, просто задуриванием людей.

Естественно, в рамках экономической науки проводились серьезные исследования. «ЭКО», например, был очень живым журналом, который уделял внимание и социальным проблемам, и экономической сфере. Он прочно стоял на земле. Поэтому статьи теоретического плана в «ЭКО», конечно, были для нас очень интересными. Но все-таки, в основном это тоже был прагматический журнал, который скорее говорил о том, что происходит реально. В этом смысле он был очень полезен и любим публикой.

— Раз мы перешли к журналам и книгам, не могли бы мы вместе поговорить в наше время. Было бы интересно спросить у Вас: какие статьи или книги в последние годы (два — четыре) обратили на себя Ваше внимание, показались наиболее интересными? И которые имеют отношение к экономической социологии.

— Сейчас существует широкий круг современной социологической литературы, в том числе социально-экономической. Что из нее можно и нужно отнести именно к экономической социологии, я не очень хорошо себе представляю, т.е. я недостаточно ясно представляю ядро этой науки, ее опознавательные знаки, которые сразу говорят: о, это точно экономическая социология. А что меня больше всего интересует в этой области, так, я бы сказала, — это институциональная экономика. Вот это мне наиболее интересно. И мне кажется, что таких исследований, которые схватывают социальную суть происходящего в экономике, причем глубоко социальных по самой своей постановке, в чисто социологической литературе очень немного. Я не скажу, что читаю все выходящее в этой области, но мне, например, очень интересна была книга «Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)» под редакцией Р.М. Нуреева⁵.

— Это сборник работ его виртуальной мастерской?

— Да, мастерской «Поиск эффективных институтов для России XXI века». По-моему, это очень удачный опыт создания дееспособного творческого коллектива. Книга описывает субъектов экономической деятельности — людей, организации (фирмы), семьи, преодолевая ограниченность, связанную с представлением об «экономическом человеке».

— Кстати, больше половины авторов книги — социологи.

— Да, и это очень приятно. Тесное сотрудничество социологов с институциональными экономистами оказалось очень плодотворным. Из других работ мне, помнится, страшно понравился доклад Г.Б. Клейнера на заседании Отделения экономики РАН — о социологии организации и социальном механизме функционирования предприятия. У меня было такое ощущение, что применительно к уровню организации он говорит о самом главном. Выделяются основные акторы: администрация, профсоюзы, работники; анализируются связи между ними, их взаимодействие. Фактически он говорит как социолог, экономический социолог. И вообще, институциональное направление экономики, по-моему, неотделимо от экономической социологии. Взять хотя бы книгу Ю.В. Латова «Экономика вне закона»⁶, — это экономическая наука или социология? Где-то граница просто теряется. У В.Л. Тамбовцева тоже есть интересные для меня идеи. Но вот такого интереса, что как будто «прибор зашкаливает», — нет. А вот когда слушала доклад Клейнера — «зашкаливало».

⁵ Нуреев Р.М. Трансформация экономических институтов в постсоветской России: микроэкономический анализ. Вып. XIV. М.: МОНФ, 2000. <http://ecsocman.edu.ru/monf>

⁶ Латов Ю.В. Экономика вне закона (Очерки по теории и истории теневой экономики). М.: МОНФ, 2001. <http://ecsocman.edu.ru/monf>

— А среди социологов? За два, три, четыре последних года. Статьи, книги какие-нибудь. Чтобы «зашкаливало». Или близко к тому?

— Ну, на первом месте, бесспорно, Ваши работы; тут, по-моему, не может быть сомнений. Ваша книга «Формирование новых российских рынков...» очень серьезна и по-настоящему интересна⁷. Кстати, тщательно изучаемое Вами взаимодействие разных групп социальных акторов в экономике особенно мне интересно в связи с тем, что оно непосредственно «работает» на социальный механизм трансформации. Из других книг сильное впечатление произвела «Социология свободы» М. Шабановой⁸, — тоже в каком-то смысле экономическая социология, но вместе с тем ее проблематика шире. Вообще монодисциплинарные рамки для многих исследований слишком узки. Читаю статьи Е. Балабановой, А. Темницкого, Ю. Плюснина. Это написано хорошо, интересно, профессионально. Экономическая социология набирает силу, но уровень ее развития более или менее ровный, особых открытий не видно. Не знаю, может быть, потому на институциональной экономике меня «зашкаливает», что я там меньше знаю, многое мне как бы в новинку. Из социологических работ очень понравилась статья «Вещевой рынок как социальный институт». По-моему, в последнем номере журнала «Общественные науки и современность» за 1999 г.⁹ Она основана на включенном наблюдении, автор на вещевом рынке шесть лет проработал. И теоретический уровень очень высокий: иностранные авторы только «отскакивают от зубов». Я бы сказала даже, что перебор в этом отношении. Такое впечатление, что автор специально старался показать, что он не просто продавец, а квалифицированный социолог. Но безумно интересный анализ вещевого рынка «изнутри»: там и все роли, и функции, и как это все замечательно расписано. Тезаурус приложен, ставится вопрос о специфическом языке вещевого рынка, причем предварительный анализ показывает, что корни этого языка идут из «фени». Все это, мне кажется, было явной находкой. Побольше бы таких исследований. Интересна и фундаментальная книга «Неформальная экономика. Россия и мир» под редакцией Т. Шанина и с Вашим участием¹⁰. Это действительно крупный вклад в экономическую социологию. На хорошем уровне работают новосибирцы — Т. Богомолова, В. Тапилина, З. Калугина и др. Но, мне кажется, такого, что меня сильно поразило бы, нет... может быть, я просто сейчас не могу вспомнить. Есть действительно очень хорошие работы, но они на относительно ровном уровне.

— Ничего особо сногшибательного нет?..

— Да, такого, чтобы... Вот этот «Вещевой рынок» поразил меня потому, что я такого просто не представляла. Там ведь все социальные отношения расписаны. Интересно, что те, кого народ зовет «челноками», сами себя называют предпринимателями, а своих продавцов — рабочими. У них институцио-

⁷ Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.

⁸ Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000.

⁹ Титов В.Н. Вещевой рынок как социальный институт // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6. С. 20—35. <http://ecsocman.edu.ru/ons>

¹⁰ Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.

нализированные отношения с милицией, с административной рынка. Описаны отношения администрации и милиции между собой, роль старост, ресурсы, которыми располагает каждая из этих сторон, — словом, весь социальный механизм функционирования этого института. Очень понравилась мне эта работа. Вообще, надо сказать, что на самом деле довольно много интересных исследований. Я никак не могу согласиться с тем, что социология погибла или погибает, потому что буквально любой номер журнала раскрываешь и видишь в нем что-то любопытное.

— Я с этим совершенно согласен. А сейчас заключительный вопрос: какие направления и темы исследований Вы считаете сейчас наиболее важными, интересными на будущее? Вот институциональная экономика уже была названа. Возможно, есть какие-то еще?

— Именно по экономической социологии?

— Или близко к ней.

— Мне кажется, что большим недостатком нашей общественной науки, внутренне присущим ей недостатком, является то, что в своих конструктивных построениях и в поисках путей выхода из той ситуации, в которой находится страна, по-прежнему недооценивается субъектный аспект. Не то чтобы он совершенно игнорировался, но во многом как бы упускается. Любой экономический или социологический доклад обязательно заканчивается тем, что развитие идет не в ту сторону, и, чтобы исправить положение, надо сделать то-то и то-то. Обычно я спрашиваю: а какие социальные силы Вы видите, которые могли бы это осуществить? Четкого ответа нет практически никогда, зато иногда слышишь обиженный ответ: «Ну, знаете ли, если так ставить вопрос, то вообще ничего не будет». Иными словами, ответа нет.

Мне кажется, что проблема реалистического и прагматического изучения расстановки сил в обществе, их интересов и их отношений друг с другом, наличия каких-то социальных коалиций, солидарностей очень важна. Если мы говорим о судьбах общества, то экономика — это важная сфера, может быть, в чем-то решающая, но политика все-таки у нас доминирует даже над экономикой, а это — борьба социальных сил, движимых разными интересами. И я не вижу попыток ответа на свой вопрос. Социальную структуру общества изучают в основном как-то описательно, скорее со статусных, чем с деятельностных позиций. Опять-таки, если взять массы, массовые группы, они для нас во многом остаются своего рода черным ящиком, потому что молчат. Но сколько они будут терпеть и молчать? Они что, вообще, как Некрасов говорил, создали песню и навеки почили? Или на самом деле что-то варится там внутри и может вылиться в совершенно неожиданной форме? Ответа на эти вопросы пока не удастся найти, хотя Ю.А. Левада и его соратники делают в этом направлении много. У меня есть много книг про прогнозы будущего России: и какое ужасное будущее ее ожидает, и оптимистические сценарии, и рецепты, как ее спасти. Все Россия, Россия, Россия. Но кто и как все это осуществит?

Может быть, бюрократия? Или олигархи? Прекраснодушных проектов сколько хочешь можно придумать, а, собственно говоря, кто будет их исполнять и почему, под влиянием каких интересов?

Вот последняя передача «Куклы» (я их не смотрела уже тысячу лет, а тут решила посмотреть). Там Путин представлен в образе Бэтмана. Он видит, что не решается ни одна проблема (а он еще пока не Бэтман, просто сидит в его костюме). И он в отчаянии — все горит, рушится, какие-то банды появляются здесь и там. И он берет своего слугу, в роли которого Волошин, и едет всех спасать, едет по горячим точкам. Приезжает на нефтяной завод, а там все сгорело. Хочет спасти какого-то человека, тоже не удается. Короче говоря, везде он опаздывает, ничего у него не получается, разорваться он не может, возвращается грустный, усталый и говорит: «Я хотел так много сделать, но ничего у меня не вышло». А ему отвечают: «Ну, почему, наоборот, очень даже много у Вас вышло». Включают телевизор, а там показывают, что этот самый Бэтман сегодня сжег нефтяной завод, всех убил и т.д. И он оказался во всем виноват.

Шутка шуткой, а ведь на самом-то деле так оно и есть! Сколько на него, на президента вешают сейчас. Например, про Олимпиаду, почему он не выступил? Что это за такое общество, которое все вешает на одного человека? Никто ничего не хочет делать, а во всем виноват один. Ведь ясно же, что он не может все и всех спасти. А кто может? И что может каждый из нас? И как? Вот эти вопросы, мне кажется, требуют ответа. Я все-таки убеждена, что не один человек и даже не одна элита все решает, что само общество решает свою собственную судьбу. Но здесь уже начинаются проблемы, связанные со средним слоем, с гражданским обществом. Ну, как тут удержаться в рамках экономической социологии? Экономика и политика настолько тесно срослись в реальной нашей жизни, что выделить предмет собственно экономической социологии бывает трудно. Но экономсоциологи, как мне кажется, вносят достаточный серьезный вклад в развитие общественной науки в России.

Основные публикации Т.И. Заславской

Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция. М.: Дело, 2002.

Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Под ред. Т.И. Заславской. Новосибирск: Наука, 1999. Гл. 1—6, 8.

Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М.: Аспект-Пресс, 1997.

Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории / Отв. ред. А.Г. Аганбегян. Новосибирск: Наука, 1991.

Социально-экономическое развитие западно-сибирского села / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.В. Куприянова. Новосибирск: Наука, 1987.

Методология и методика системного изучения советской деревни / Под ред. Т.И. Заславской. Новосибирск: Наука, 1980.

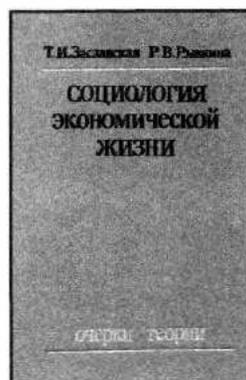
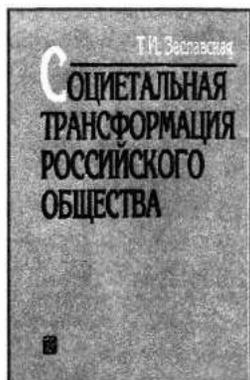
Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Статистика, 1980.

Миграция сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970.

Zaslavskaya T.I. Распределение по труду в колхозах. М.: Экономика, 1966.

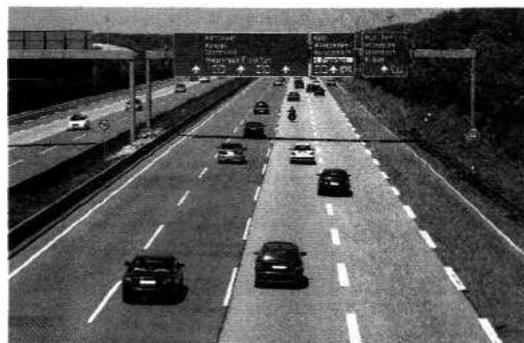
Zaslavskaya T. The Second Socialist Revolution. An Alternative Soviet Strategy / Foreword by T. Shanin; transl. by S.M. Davies with J. Warren. Bloomington: Indiana University Press, 1990.

Zaslavskaya T. A. Voice of Reforms: Essays / Ed. with an intr. by M. Yanowitch. Armonk; N.Y.: M.E. Sharpe, 1989.

Дьердь Ленгель¹

31 августа 2001 г.

«Более реалистично было бы выработать программу, которая позволит сделать общество не столько чуть более хорошим, сколько чуть менее плохим, — это уже будет хорошо».

Дьердь Ленгель — ведущий специалист по экономической социологии в Венгрии, многое сделавший для ее развития в Будапештском университете экономических наук. Вместе с Ричардом Сведбергом Ленгель также основал исследовательскую сеть «Экономическая социология» в рамках Европейской социологической ассоциации. С тех пор сеть постоянно расширяется, а заседания, организуемые в рамках европейских конгрессов, становятся все насыщеннее.

Наша беседа состоялась в Хельсинки после завершения последней сессии исследовательской сети «Экономическая социология» на конференции Европейской социологической ассоциации. В большой комнате стало непривычно тихо. Дьердь (которого обычно называют либо «по-английски» — Джорджи, либо «по-славянски» — Георгием), как всегда, говорил в своей спокойной флегматичной манере.

— Насколько я знаю, Вы считаете себя экономсоциологом. С какого момента и почему Вы стали называть себя именно так?

— Насколько я припоминаю, это случилось в конце 1970-х годов. Я в то время преподавал социологию в Университете экономических наук им. Карла Маркса в Будапеште. И меня особенно интересовало исследование хозяйственных институтов и экономических акторов. В то время мы находились под двойным неформальным давлением (не слишком сильным, но тем не менее...). Мы должны были бороться за признание социологии как дисциплины в рамках университета и в научной среде в целом — это раз. И я должен был бороться за признание экономической социологии как особой области — это два. Бывало, наш бывший ректор Рудольф Андорка [Rudolf Andorka] спрашивал меня: «А есть ли такая область знания — экономическая социология?»

И я отвечал: «Да, конечно, есть. Ведь ведутся исследования хозяйственных институтов, экономических акторов, экономического поведения». Прошло вре-

¹ Д. Ленгель [György Lengyel] — профессор социологии Будапештского университета экономических наук.

мя, прежде чем он понял, что существует такое или менее сложившееся особое направление социологических исследований. А тем временем социология завоевала признание, мы разрабатывали новые курсы, стало возможным даже получить диплом по социологии. Так что это произошло в конце 1970-х — начале 1980-х годов.

— **А когда экономическая социология получила признание в Венгрии как особая область исследований? Я имею в виду, собственно под названием «экономическая социология»?**

— Насколько я помню, примерно в середине 1980-х годов мы образовали исследовательскую сеть экономсоциологов в рамках Венгерской социологической ассоциации.

Что еще важно применительно к теме нашего разговора: возможно, определение специальных областей в рамках той или иной дисциплины, выделение в ней различных полей играет роль в условиях нашей институциональной среды и присущих ей противоборств. Но для содержания и для развития дисциплины они не важны. Мне кажется, такие разделения порою могут вести к догматизму. Я предпочитаю проблемно-ориентированные [problem-oriented approaches], а не дисциплинарно-ориентированные [disciplinary-oriented approaches] подходы.

— **С этим в принципе можно согласиться. Но все же для развития дисциплины важно, чтобы люди ощущали свою принадлежность именно к ней, связывали себя с ее именем, чтобы вокруг нее формировались институциональные образования.**

— Да, это так. Но, насколько я помню, экономистами, работающими в области экономики труда [labor economics] и институциональной экономики, выполнено немало великолепных исследований — параллельно аналогичным разработкам в социологии. Кроме того, есть молодые исследователи в области социальной истории. В ряде случаев при решении исследовательских проблем их подходы не особенно отличаются от того, что мы делаем. И мы можем обмениваться с ними идеями, это гораздо полезнее и плодотворнее, чем узко дисциплинарный подход.

— **Вероятно, главный мой вопрос таков: какие методологические подходы и направления Вы назвали бы основными в современной экономической социологии, что составляет ее фундамент?**

— Для меня методология — не самое главное. Самое главное — выявить социально значимые проблемы и найти их решение. Обнаружить проблему, выдвинуть правильную гипотезу, проверить ее — такой, как мне кажется, должна быть последовательность. А что касается методов и подходов, то я полагаю, что существует, например, масса проблем с опросными методами: и недопонимание со стороны респондента, и вылавливание определенных данных некоторыми исследователями. Так что, я думаю, имеет смысл комбинировать хорошо обоснованные в теоретическом отношении гипотезы, методы опроса, глубинные интервью, невключенное повторяющееся наблюдение. Кроме того, быть может, не стоит забывать, что исследование архив-

ных материалов не является исключительной прерогативой историков. Социологи также могут с ними работать. И метод устной истории [oral history] тоже может нам пригодиться. Так что в отношении методологии в узком смысле, я полагаю, стоит сочетать разные подходы.

— Да, я думаю, что в конечном счете в рамках любой дисциплины можно использовать практически любые методы сбора данных.

— Конечно. И в последнее время, скажем, появился интерес к экспериментам с невключенным повторяющимся наблюдением за поведением экономических акторов. Такие эксперименты могут оказаться очень полезными при решении некоторых вопросов, например, при изучении поведения на рынке.

— Вы упомянули, что предпочитаете проблемно-ориентированный, а не дисциплинарно-ориентированный подход. А какие предметные области Вы назвали бы в качестве основных на настоящий момент?

— Которыми я интересуюсь и которые я считаю...?

— И которые важны для экономической социологии.

— Понятно. Для меня важнее всего сложнейшие загадки и серьезнейшие задачи, которые ставят перед нами перемены, вызванные посткоммунистической трансформацией. Интереснее и важнее всего для меня — понять потенциал действия экономических акторов, их способность и готовность справляться с социальными и экономическими проблемами. Этот потенциал определяется экономическими, социальными и культурными обстоятельствами акторов, позволяет им обрести более высокие жизненные шансы или избежать кризиса — на индивидуальном или семейном уровне, помогает преодолеть неопределенность и незащищенность социальной и экономической жизни. Это проблема, которая занимает меня прежде всего.

Отчасти связанная с ней проблема и одновременно новый вызов — распространение информационных технологий, их влияние как на хозяйственную деятельность, так и на повседневную жизнь. Это достойная задача для исследования. В нашем университете ведется серьезная работа в этом направлении, и я сам хотел бы попытаться взглянуть на потенциал действия экономических акторов под этим углом зрения. Например, умение работать с компьютером: является ли оно, помимо своего технического эффекта, источником новых разграничений и разрывов в обществе, и насколько они серьезны? Не следует забывать, что средства массовой информации, включая телевидение, вызвали фундаментальные изменения в образе жизни людей, хотя они не сразу бросаются в глаза. Сейчас в среднем более двух часов в день мы проводим у телевизора. А некоторые возрастные группы проводят таким образом гораздо больше времени. А ведь телевидение меняет отношение пожилых людей и к большой науке в целом, и ко многому другому. Это одна проблема.

Другая проблема связана с посткоммунистической трансформацией и изменениями в составе политических и хозяйственных элит, с из-

менениями их установок в этот период. От состава элит и их установок зависит, достигли ли мы той точки, когда процессы трансформации становятся необратимыми. Я полагаю, что это надо исследовать, поскольку если и существуют экономические и политические акторы, имеющие перед собой определенные цели, то в нашем обществе такими акторами являются именно элиты. Поэтому я и занимался изучением элит и планирую продолжать эту работу.

Есть и другие вопросы, которые ставят перед нами изменения в обществе. Назову лишь некоторые из них: мы наблюдаем рост численности экономически неактивного населения — сейчас примерно половина взрослого населения экономически неактивна и не имеет постоянной работы. Какова структура этой части населения? Каковы стратегии совладания с трудностями ее представителей? Как они преодолевают состояние неопределенности и незащищенности? Структурированы ли они внутри себя? Вот основные вопросы, которые надо изучить.

Еще одна тенденция структурного свойства: в ходе трансформационных процессов сфера услуг в нашей стране заняла господствующее положение. И это также влияет на отношения занятости, процент безработных, структуру занятых. И отчасти связанное с этим, но концептуально иное явление — возникновение обслуживающего класса [service class]. Мы видим, что параллельно с классом предпринимателей возникает и класс служащих, состоящий из белых воротничков, работников умственного труда и менеджеров.

— **Имеются в виду идеи Голдторпа?**²

— Да, это связано с идеями Голдторпа [John Goldthorpe]. И я думаю, это новое, современное явление, которое мы должны тщательно изучить. Мы должны попытаться выявить его социальные характеристики и последствия. В целом необходимо проанализировать возможные побочные эффекты возникающих ныне явлений, их непредвиденные последствия.

— **В последнее время ведутся разговоры о своего рода возрождении европейской экономической социологии. Вы согласны с этим — в Европе сейчас происходит что-то серьезное в этом отношении?**

— Думаю (по крайней мере, таково мое впечатление от конференций и семинаров), что сложилась критическая масса исследователей, изучающих эти аспекты социальной жизни, и, я полагаю, они существенно продвинулись вперед. Забавно (и возможно, мы здесь не правы), но, как говорил мой польский коллега Антонин Каминский, мы лучше знаем работы англосаксов, чем социологические работы, выполненные в соседних странах. Насколько я знаю, в Центральной и Восточной Европе сейчас ведется интереснейшая работа.

— **А какие книги или статьи по экономической социологии Вы назвали бы наиболее значимыми на сегодняшний день, если взять, допустим, последние два-три, может, четыре года, т.е. недавнее время?**

² См.: Goldthorpe J. The Service Class Revisited // Ed. by T. Butler, M. Savage. Social Change and the Middle Classes. L.: UCL Press, 1995. P. 313—329.

— За последние пару лет, не уходя в середину 1990-х?

— Да, и не уходя к классикам.

— Хотя, конечно, время от времени их полезно перечитывать, и я регулярно это делаю, — когда появляется время. Например, недавно я читал Раймона Арона [Raymond Aron]. Это не новая, но совершенно точно обновляющая книга. А из последнего, что я читал и мне понравилось, — это «Играя в одиночку» Роберта Патнэма³. Сначала он написал великолепную статью (коротенькую), а потом книгу — о падении роли социального капитала в Америке и связанных с этим проблемах. Она полезна также с точки зрения методов и подходов, которые он предлагал в своих прошлых книгах. Мы всегда должны задавать себе вопрос: «И что? Каковы последствия?» Патнэм построил свое исследование вокруг этого вопроса и обнаружил: какие могут быть последствия, какие различия с тем, что уже имеется. Так что это было интересно, действительно полезно и интересно.

Еще одна книга, которую я читал недавно, — это книга о мафии Диего Гамбетты⁴. Очень хорошо написана и аргументирована.

— Это книга о сицилийской мафии? Но если я не ошибаюсь, она вышла в начале 1990-х годов?

— Да, она вышла раньше, Вы, видимо, правы, просто я ее читал недавно.

— Вне всякого сомнения, она очень интересна.

— И еще, я не помню дату публикации, но недавно мы перевели статью Гамбетты и статью Патнэма по этому же вопросу. В данном отношении могут быть интересны и некоторые проблемы, связанные с восприятием людьми состояния неопределенности и незащищенности.

Что же касается книг или статей, которые я выделил бы за последнее время, — тут у меня есть длинный-предлинный список. Некоторые мои венгерские коллеги написали ряд очень интересных работ. К сожалению, далеко не все можно прочесть на английском, не все доступно для широкой аудитории. Во-первых, это книга о венгерских предпринимателях, основанная главным образом на интервью. Она написана институциональным экономистом Михалем Лаки [Mihály Laki]⁵. Великолепное, прекрасно выполненное, очень полезное чтение. Еще одна книга — это работа моей коллеги Магдолны Левелеки [Magdolna Leveleki]. В ней описывается распад огромного предприятия и появление на его обломках малых предприятий. Часть этой книги переведена на английский под названием «Цветы зла»⁶ — аллюзия в связи с поэмой Бодлера. Левелеки написала также интересные работы о предпринимательской деятельности, отношениях занятости и безработице в Западной Венгрии. Это прекрасные проблемно-ориентированные работы.

³ Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.

⁴ Gambetta D. Sicilian Mafia. The Business of Private Protection. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

⁵ Laki M. Kisvallalkozás a szocializmus után [Small Enterprise after Socialism]. Budapest: Kozgazdasági Szemle Alapítvány, 1998. См. также: Laki M. Firm Behavior during a Long Transitional recession // Acta Oeconomica. 1994. Vol. 46. No. 3—4. P. 347—370.

⁶ Leveleki M. A bomlás virágai: gazdaságszociológiai frások (1988—1998) [The flowers of disintegration. Writings in economic sociology]. Veszprém: Veszprémi Egyetemi Kiadó?, 1999. Фрагмент на английском языке см.: Leveleki M. Les fleurs du mal: «As VIDEOTON was falling to pieces more and more of them came to us...» // Szociológiai Szemle. 1994. No. 2. P. 137—148. <http://www.mtapti.hu/mszt/19942/leveleki.htm>

Еще одна работа, только что законченная и находящаяся в печатании, — плод совместных усилий молодых исследователей под руководством Золтана Санто [Zoltan Szanto]. Используя различные методы — интервью, вторичный анализ материалов предприятия, сетевой анализ, — авторы детально исследовали возникновение и угасание предприятия. Они собираются опубликовать результаты этих исследований в книге. Я думаю, это может даже стать новой главой в истории венгерской экономической социологии.

— Раз речь зашла о венгерской экономической социологии, скажите, пожалуйста, каковы ее особенности? По сравнению, скажем, с восточноевропейскими или западноевропейскими странами?

— На этот вопрос нелегко ответить: необходимо принять во внимание работы стольких авторов, столько подходов. Однако здесь есть своя традиция, в этом нет сомнений. Она существует среди экономистов, институциональных экономистов и социологов — это традиция кейс-стади и так называемой социографии. Она сохранилась и поныне. Даже экономисты (по крайней мере, ряд венгерских экономистов начиная с 1970-х годов) с интересом ходили на предприятия, брали интервью, изучали реальные процессы, сопоставляли результаты своих исследований с официальными данными. Так что, вероятно, это одно направление, причем достаточно сильное.

Другая особенность касается продукта науки, сложившейся в начале XX столетия, в его первые десятилетия. Она состоит в понимании своего рода асинхронности в развитии институтов, структур и поведения, нестыковке между структурами и поведением акторов. Это понимание до сих пор питает критическую социологию, которую я более всего ценю в венгерской социологической традиции.

— Прекрасно. И последний вопрос: какие темы и направления в экономической социологии, с Вашей точки зрения, наиболее перспективны на ближайшие два — четыре года?

— Да, одну вещь я забыл упомянуть, когда говорил о книгах. Периодически (когда позволяет время) я хожу в Национальную библиотеку в отдел рукописей и читаю разные интересные работы. И прошлым летом я обнаружил любопытные фрагменты в рукописи Карла Поланьи. Они были написаны в 1959 и 1963 гг., т.е. незадолго до его смерти. Так вот, он называл себя экономсоциологом, — я подумал, это может быть Вам интересно. А другой фрагмент — это неоконченная рецензия (вероятно, неопубликованная) на книгу Дж. Гэлбрейта⁷ о процветающем обществе, где Поланьи сравнивает подходы Гэлбрейта и Аристотеля, их представления о благополучном обществе. Гэлбрейт был амбициозен, и Поланьи тоже был амбициозен, он стремился найти путь к лучшему обществу. Мои амбиции в этом отношении не столь велики. И думаю, что более реалистично было бы выработать программу, которая позволит сделать общество не столько чуть более хорошим, сколько чуть менее плохим, — это уже бу-

⁷ Galbraith J.K. The Affluent Society. 2nd ed., rev. Boston: Houghton Mifflin, 1969. См. также: Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969; Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.

дет хорошо. Сейчас я размышляю об этом, чего никогда не делал прежде. Раньше меня раздражали все эти рассуждения об обществе будущего, однако недавно я начал задумываться о поиске чуть менее плохого общества.

— Немного футурологии?..

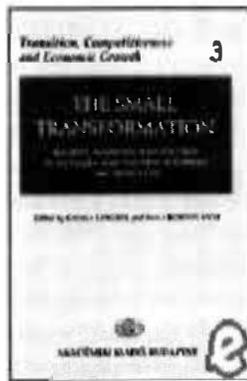
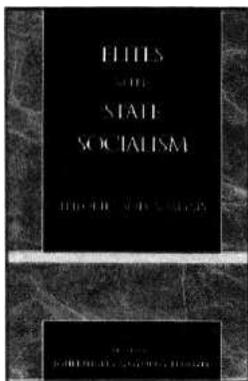
— Да, и это как раз подводит нас к Вашему последнему вопросу о перспективных направлениях будущих исследований. Если опираться на последние исследования, думаю, здесь уже сложился некоторый консенсус относительно концептуальной схемы, и это большой шаг вперед. Ведь, как говорил Вебер, социологи редко обращаются к концепциям друг друга (так же как нормальные люди не берут друг у друга зубную щетку). Здесь сделан заметный шаг вперед: сложился более или менее устойчивый консенсус относительно концептуальной схемы. И я вынужден признать, что это результат парадигмально-ориентированного подхода. С помощью этой концептуальной схемы можно выявлять некоторые вещи и делать определенные прогнозы. Несомненно, среди наиболее важных проблем: как справиться с фундаментальными структурными изменениями, вызванными информационными технологиями, глобализацией; как адаптироваться к этим изменениям; какие стратегии оптимальны; какое сочетание внешних условий и личных усилий способно увеличить жизненные шансы индивида или, по крайней мере, не даст их ухудшить. Вероятно, это слишком общие рассуждения. Но предсказания никогда не являлись сильной стороной моей работы, да, думаю, и социологов вообще.

— И я бы сказал, это не самое плохое качество социологии.

— Так что время от времени стоит пойти в архив или отдел рукописей, посмотреть старые рукописи, вообще изучить старые работы и книги. Это чрезвычайно интересно и освежает мысль. При этом я вовсе не советую молодым коллегам посвящать себя исключительно изучению работы других и, скажем, скомпоновать свою книгу из десятка других книг. Совсем наоборот, я предлагаю выявить стоящую проблему, найти стоящие гипотезы и методы, которые позволят решать социально значимые проблемы. Наряду с этим перечитывание классиков может быть поучительным и интересным занятием. Но, конечно, не стоит этого делать вместо собственной работы.

— Большое спасибо.

- Lengyel G., Higley J. (eds.)*. Elites after State Socialism: Theories and Analysis. N.Y.; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2000.
- Lengyel G.* Economic Elites, Managers, Entrepreneurs // Elites, Minorities, Economic Growth / Ed. by E.S. Brezis, P. Temin. Amsterdam; N.Y.: Elsevier, 1999.
- Lengyel G. (ed.)*. The Transformation of East-European Economic Elites: Hungary, Yugoslavia and Bulgaria. Budapest: Budapest University of Economic Sciences, Center for Public Affairs Studies, 1996.
- Lengyel G. (ed.)*. Hungarian Economy and Society During World War II. Boulder, CO: Social Science Monographs; Highland Lakes, NJ: Atlantic Research and Publication; N.Y.: Columbia University Press, 1993.
- Lengyel G.* A multipozicionalis gazdasagi elit a ket vilaghaboru kozott: fejezetek egy tortenetszociologiai kutatásból. Budapest: ELTE Szociologiai es Szocialpolitikai Intezet, 1993.
- Lengyel G. (ed.)*. Education, Mobility, and Network of Leaders in a Planned Economy. Budapest: Karl Marx, University of Economic Sciences, Dept. of Sociology, 1987.
- Lengyel G.* The Hungarian Business Elite in Historical Perspective: Career Patterns and Attitudes of the Economic Leaders in the Nineteenth and the First Half of the Twentieth Century. N.Y.: Institute on East Central Europe; Columbia University, 1987.
- Lengyel G.* Gazdasagi vezet'ok rekrutacioja, kepzettsege es karrierintai a tervgazdasagban. Budapest: Marx Karoly Kozgazdasagtudomanyi Egyetem Szociologia Tanszek, 1986.
- Lengyel G., Rostovanyi Z. (eds.)*. The Small Transformation: Society, Economy, and Politics in Hungary and the New European Architecture. Budapest: Akademiai Kiado, 2001.
- Higley J., Lengyel G. (eds.)*. Elites After State Socialism: Theories and Analysis. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2000.
- Industrial Transformation in Eastern Europe in the Light of the East Asian Experience / Ed. by J. Henderson; assisted by K. Balaton, G. Lengyel. N.Y.: St. Martin's Press, 1998.
- Kuczi T., Lengyel G. (eds.)*. The Spread of Entrepreneurship in Eastern-Europe: Survey Evidence on Entrepreneurial Inclination. Budapest: BUES Dept. of Sociology, 1995.
- Lengyel G., Szanto Z. (szerk.)*. A Gazdasagi elet szociologiaja: kezirát gyanant. Budapest: Budapesti Kozgazdasagtudomanyi Egyetem, Szociologia Tanszek, 1994.

Виктор Ни¹

9 июля 2004 г.

«Наверное, самая сложная задача, стоящая перед экономической социологией, — понять то, что экономисты, по их собственному признанию, понимают не слишком хорошо, а именно: роль неформальных ограничений в хозяйственной жизни; то, почему эти неформальные ограничения столь живучи, столь неподатливы к изменениям».

Виктор Ни — один из известных представителей нового институционализма в социологии, пытающихся выстроить содержательный диалог между экономистами и экономсоциологами, причем не только на страницах профессиональных изданий, но и в живом общении. В течение многих лет он весьма активно участвует в работе Международного общества по развитию новой институциональной экономики (ISNIE). На форумы ISNIE приглашались, в том числе и его усилиями, ведущие экономсоциологи.

Впервые мы познакомилась с Виктором Ни в Москве (точнее, в Подмоскowie — в г. Королеве) на международном семинаре, организованном американским Исследовательским советом по социальным наукам (SSRC), где он прочел обзорную лекцию о новом институционализме в социологии. Занимаясь Китаем, Ни проявлял определенный интерес к России и другим постсоциалистическим экономикам. Что же касается данного интервью, то оно было записано мною спустя много лет в Вашингтоне на ежегодной конференции Общества по развитию социэкономии (SASE). Здесь Виктор удивил меня тем, что на свое выступление пришел с ноутбуком и собственным мультимедийным микропроектором, извлеченными из сравнительно небольшого портфельчика, что вызвало здоровую зависть окружающих, обреченных показывать обычные слайды.

— Виктор, Вы известны как один из ведущих экономсоциологов, преподаете экономическую социологию в Корнельском университете, поэтому я полагаю, что Вы считаете себя экономсоциологом. Но скажите, с чего это началось, когда Вы осознали, что это важная для Вас область, что Ваша работа связана с экономической социологией?

— Я начал сознавать, что занимаюсь изучением взаимодействия между экономическим действием и социальной жизнью, когда столкнулся с вопросом о том, почему сельскохозяйственное производство, организованное на принципах коллективизма, не дает хороших, высококачественных результатов. Этот вопрос вывел меня на проблемы мотивации, в том числе коллектив-

¹ В. Ни [Victor Nee] — профессор социологии Корнельского университета, США.

ной, а также на проблеме безбилетника [free-riding]. Это было в начале 1980-х годов. Затем в 1985 г. — как и многие из тех, кого интересовало взаимодействие между хозяйственной жизнью и социальными процессами, — я прочел статью Марка Грановеттера². Помню, я прочел ее и подумал: «Надо же, он поднимает такую важную тему, показывает, как, применяя сетевой анализ к анализу хозяйственной жизни, можно систематично изучать связь между социальными процессами и экономическими действиями». В свое время я закончил аспирантуру в Гарвардском университете, был знаком с работами Хэррисона Уайта и его коллег, работал с Джорджем Хомансом, который также интересовался этой темой, — точнее, его интересовал социальный обмен, но его рассуждения следовали также и экономической логике. Когда же появилась статья Марка Грановеттера (он выслал мне ее копию), я понял, что вот наконец-то я вижу позицию, которая увязывает воедино ряд моих собственных соображений и интересов. Я подумал, что это очень важное событие.

Другим важным событием стал выход книги под редакцией Ричарда Сведберга, в которой он интервьюировал известных экономистов и социологов³.

— **«Заново определяя границы...»?**

— Да. Я не помню, когда точно она была опубликована, но помню, что прочел эту книгу от корки до корки с огромным интересом. Она очень информативна, легко читается, к тому же мне нравится манера Ричарда брать интервью — в предмете чувствуется жизнь. Читая эту книгу, мы как бы присутствуем при негласном диалоге между экономической теорией и социологией, ощущаем некоторое напряжение по поводу дисциплинарных границ и интерес к той или иной форме обмена идеями.

Мне показалось тогда, что это важные работы, посвященные анализу проблем, интересовавших в то время и меня. Так я понял, что занимаюсь экономической социологией. Конечно, в этой области есть и более ранние работы, но они не были продиктованы интересом к интеграции сетевого анализа и изучения экономического действия.

— **Каковы, на Ваш взгляд, основные методологические направления, образующие «ядро» современной экономической социологии?**

— Я задавался этим вопросом, мы обсуждали его и с Ричардом Сведбергом, с которым теперь вместе работаем в Корнельском университете. Я считаю, что Хэррисон Уайт и Марк Грановеттер предложили поистине блестящую идею — применить сетевой анализ к изучению хозяйственной жизни. Полагаю, Марк хорошо разбирается в экономической теории, много прочел и понял, что в экономическом мышлении существует область, не занятая экономистами. Он увидел возможность открыть ее для социологии — применить сетевой анализ и посмотреть, как

² *Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. P. 481—510. См. также перевод: Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131—158.*

³ *Swedberg R. Economics and Sociology. Redefining Their Boundaries: Conversations with Economists and Sociologists. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.*

стиальные отношения, доверие служат средством передачи информации, которая оказывается своевременной и надежной. Экономисты не задумывались над этим.

Тем не менее, читая публикации, написанные под влиянием статьи Марка, я удивляюсь, что эмпирические работы, как правило, страдают отсутствием систематичности, в них рассматриваются отдельные случаи (кейсы), это этнографические исследования, в которых сетевой анализ применяется к изучению конкретного случая. В этих работах очень трудно увидеть единую, мощную исследовательскую программу, которая позволила бы строить прогнозы на основе применения сетевого анализа к изучению хозяйственной жизни. Наглядный тому пример — исследование организационной эволюции технологий, проведенное Марком на заводах «Edison Electric Light Company» в Чикаго⁴. Это очень тщательное историческое исследование, однако, на мой взгляд, оно лишено предсказательных и объяснительных возможностей, которые позволили бы сформировать более сильную исследовательскую программу. Словом, концепция укорененности [embeddedness] предлагает яркие, эвристичные идеи — без соответствующего набора гипотез, которые позволили бы выстроить мощную программу эмпирических исследований. Несомненно, сетевой анализ уже достаточно продолжительное время является методом, который широко используется экономосоциологами. Однако, как мне представляется, данная исследовательская программа не приводит к получению искомым выдающихся результатов.

— А каковы в этом случае основные альтернативы сетевому подходу?

— Пожалуй, наиболее сложный вопрос для экономической социологии заключается в том, можем ли мы из имеющихся в нашем распоряжении добротных, интересных идей, концептуальных инструментов выстроить некую исследовательскую схему, которая, дав убедительные объяснения, позволит связать исследования сетей с анализом масштабных институциональных процессов. Наверное, самая сложная задача, стоящая перед экономической социологией, — понять то, что экономисты, по их собственному признанию, понимают не слишком хорошо, а именно: роль неформальных ограничений в хозяйственной жизни; то, почему эти неформальные ограничения столь живучи, столь неподатливы к изменениям. Социологи изучают неформальные ограничения сетей и норм. А задача заключается в том, чтобы увидеть, как неформальные и формальные ограничения сочетаются и взаимодействуют, предложить убедительные объяснения того, каким образом формальные и неформальные взаимодействия способствуют по-

⁴ См., например: *McGuire P., Granovetter M., Schwartz M. Thomas Edison and the Social Construction of the Early Electricity Industry in America // Explorations in Economic Sociology / Ed. by R. Swedberg. N.Y.: Russel Sage Foundation, 1993. P. 213—246.*

вышению экономической эффективности и при каких условиях их взаимодействие, напротив, снижает эту эффективность. Полагаю, в этом состоит основная задача. Моя собственная работа в последнее время посвящена именно этому. Впрочем,

не стоит сейчас говорить о будущих планах, у меня еще нет готовых результатов. Могу лишь сказать, что это направление требует очень и очень внимательного и серьезного отношения. Но я не стану утверждать, что в данный момент у меня есть готовый ответ на эти вопросы.

— **А каково Ваше отношение к социологии рационального выбора? Я читал где-то, что Вы принадлежите к тем немногим авторам, которые следуют данному подходу. Кстати, Вы согласны с этим?**

— Определенно, я верю в методологический индивидуализм и несомненную значимость индивидуальных действий и интересов для хозяйственной деятельности. Последние понимаются не просто как нерациональное поведение или поиск легитимности, но как очень мощные стимулы, мотивирующие индивидов и бизнес в хозяйственной жизни. Интересы следует анализировать через призму теорий выбора. Привлекающее меня направление социологии рационального выбора в широком смысле связано с новым институционализмом рационального выбора или просто новым институционализмом. В нем наиболее сильные позиции имеет идея контекстуально ограниченной рациональности [context-bound rationality], а не традиция рационального выбора в духе Гэри Беккера или Джеймса Коулмана, который применил идеи Беккера к анализу социальной жизни. Речь идет именно о контекстуально ограниченной рациональности, которая ближе к понятию ограниченной рациональности [bounded rationality].

Это направление представляется мне очень перспективным, поскольку позволяет охватить и акторов, и индивидуальное действие [agency], и то, что акторы имеют интересы, которые они преследуют в институциональном контексте, опять-таки поддающемся определению. Это направление исследований интересует меня больше всего. Например, сейчас я участвую в исследовании, которое опирается на базу данных о 10 тыс. фирм в 80 странах, собранную Всемирным банком в ходе Международного исследования бизнес-среды [World Business Environment Survey]⁵. В нем подробнейшим образом описывается то, как акторы в той или иной фирме воспринимают свою институциональную среду; анализ выполняется в мельчайших деталях: в нем использованы 200 различных инструментов для измерения того, как фирмы воспринимают эту институциональную среду. Вопросы заключаются в том, как измерить такие понятия, как нормы конкуренции, и как измерить трансакционные издержки с позиций экономической социологии. Трансакционные издержки — это очень интересная идея. И полагаю, Д. Норт прав, утверждая, что это не только экономическое, но и более широкое понятие. Ведь оно включает и предполагаемые издержки бизнеса с точки зрения отношений «принципал — агент»: индивидов, участвующих в обсуждении условий контракта и в его выполнении, волнуют трансакционные издержки — то, как гарантировать исполнение данного контракта и оценить стоимость того, что согласно ему обменивает-

⁵ Подробнее о проекте см.: <http://info.worldbank.org/governance/wbes/>. По результатам исследования опубликована книга: *Batra G., Kaufmann D., Stone A. Investment Climate Around the World: Voices of the Firms from the World Business Environment Survey*. Washington, DC: World Bank, 2003. — *Прим. перев.*

ся; это — часть транзакционных издержек связан также с издержками личных отношений. Это сложная дискуссия, и я не буду сейчас вдаваться в подобные вопросы. Но меня, несомненно, очень интересует поиск инструментов, которые позволят количественно измерить различия в качестве институтов в разных странах.

— **Мой следующий вопрос таков: не могли бы Вы перечислить недавние публикации по экономической социологии и смежным областям, которые показались Вам любопытными, полезными, возможно, озадачивающими? Я имею в виду публикации за последние три-четыре года, а не классические работы.**

— Для меня наиболее увлекательным направлением исследований является то, что можно определить, в широком смысле, как взаимное влияние экономсоциологии и экономической теории в области анализа институтов. Здесь как раз развивается диалог между экономистами и социологами, в котором участвуют «новые институционалисты» — например, Д. Норт и О. Уильямсон и экономсоциологи — я сам, Р. Сведберг, Н. Флигстин и, конечно, Х. Уайт. На мой взгляд, Уайт выполнил чрезвычайно важную работу по построению теоретической схемы рыночных институтов.

— **Вы имеете в виду его книгу «Рынки из сетей»?**⁶

— Да. Наверное, это наиболее занимательный и важный вклад в экономическую социологию за последние три-четыре года. Ведь Хэррисон показал, что рыночный механизм — это социальный механизм, и основан он на социальных сигналах, которые структурируют рыночную иерархию между фирмами и производственными рынками. На мой взгляд, это весьма и весьма важная работа. И именно это я называю новой институциональной экономической социологией. Именно здесь ведется работа, нацеленная на интеграцию более ранней концепции укорененности и очень перспективного направления исследований, инициированного экономистами (такими, например, как Д. Норт), а также традиции институционального анализа, которая существует в социологии уже долгое время, начиная еще с новатор-

ских работ М. Вебера и К. Поланьи. А сейчас мы распространили этот подход и на новую институциональную экономическую социологию. Здесь, например, можно назвать мою работу «Переходы от рынка к государственному социализму»⁷, а также работы Питера Эванса о развивающемся государстве⁸ и Нила Флигстина «Архитектура рынков»⁹. Как я полагаю, экономсоциологи ощущают все более настоятельную потребность выйти за рамки прежней концепции укорененности, в которой основное внимание уделялось изучению отдельных случаев и многочисленных сетей экономических акторов, и обратиться к изучению механизмов, интегрирующих концепцию укорененности с анализом институ-

⁶ White H.C. *Markets from Networks: Socio-economic Models of Production*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.

⁷ Liedka R.V., Nee V. *Markets and Inequality in the Transitions from State Socialism // Inequality, Democracy, and Economic Development / Ed. M. Midlarsky*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 202—224.

⁸ Evans P.B. *Embedded Autonomy*. Berkeley: University of California Press, 1995; *Evans P. Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State // Sociological Forum*. 1989. Vol. 4. No. 4. P. 561—587.

⁹ Fligstein N. *The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

тов посредством сравнительного институционального анализа. Мне кажется, что это наиболее перспективное направление теоретических и эмпирических исследований в современной экономической социологии.

— А как Вы считаете, институциональные экономисты, хотя бы некоторых из них, интересуются работами экономсоциологов? Есть ли у Вас какие-либо свидетельства в пользу подобного диалога?

— В 2000 г. в «Journal of Economic Literature» вышла статья О. Уильямсона, которая начиналась с идеи о том, что экономисты в большинстве своем совершенно не представляют смысла институтов несмотря на все усилия, предпринятые ими на данном поприще¹⁰. Автор затем цитирует Д. Норта, сетующего на ту же проблему. В своей статье Уильямсон утверждает, что изучение институтов, по всей видимости, имеет междисциплинарный характер. Он ссылается на интересные работы социологов. В его статье предлагается четырехуровневая каузальная схема, в которой: первый — уровень укорененности — это самый высокий уровень, объясняющий последующие три уровня; четвертый — это уровень распределения [allocation level], т.е. традиционный уровень экономического анализа; третий — это уровень институтов; второй — уровень корпоративного управления. Таким образом, Уильямсон демонстрирует социологам их большие возможности в объяснении вопросов, интересующих экономистов. При этом он активно цитирует социологов, в том числе М. Грановеттера и меня.

Скоро также выйдет книга Авнера Грейфа [Avner Greif], который работает в Кембриджском университете и тоже интересуется тем, что же социологи могут привнести в анализ институтов¹¹. Словом, полагаю, здесь существует хоть и ограниченный, но устойчивый и крепнущий взаимный интерес.

— Я помню, Вы и О. Уильямсон организовали секцию по экономической социологии на конференции ISNIE в Беркли. Я был на той конференции, это было сразу после...

— Да, после 11 сентября (2001 г.).

— И Вы не смогли приехать.

— Верно. Но Марк и Ричард Сведберг были там.

— Они просто приехали на машине. А я в это время уже был в Беркли, поэтому и смог принять участие в работе секции. Вот там мы видели пример такого рода сотрудничества.

— Как мне кажется, уже первое поколение экономсоциологов — Вебер, Поланьи и, конечно, Маркс — активно участвовали в формировании интеллектуального диалога с экономической теорией. Они и сами были экономистами. Вебер был экономистом. Маркс в разных частях «Капитала» ссылается на идеи Рикардо. И Поланьи, вне всякого сомнения, считал, что ведет диалог с экономистами, хотя, пожалуй, он в меньшей степени, нежели Вебер и Маркс, дискутировал с экономической теорией.

¹⁰ *Williamson O.E.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. 38. No. 3. P. 595—613.

¹¹ *Greif A.* Institutions and Trade During the Late Medieval Commercial Revolution. N.Y.: Cambridge University Press, 2005.

Однако нет сомнений в том, что первое поколение экономсоциологов испытывало интерес к интеллектуальному диалогу и обмену идеями.

А сейчас эта традиция экономической социологии получила новый импульс к развитию. Ведь, в конце концов, именно статья Грановеттера 1985 г., в которой сформулированы ответы на некоторые идеи О. Уильямсона и новых институциональных экономистов, и положила начало ключевым идеям современной экономической социологии. Это был обмен идеями, дискуссия, и именно на этой основе появилась экономическая социология в нынешнем понимании. Кроме того, и более ранняя книга интервью Р. Сведберга наглядно продемонстрировала обмен идеями между экономистами и социологами. Пусть он был ограниченным, но это естественно, что обмен идеями «поверх» дисциплинарных границ менее интенсивен, нежели основной дискурс в рамках дисциплины.

— **И мой последний вопрос: если к Вам обратится аспирант с просьбой посоветовать наиболее перспективные направления исследований в ближайшие годы, что Вы ему порекомендуете?**

— О, в современной экономической социологии столько увлекательных тем. Здесь трудно сказать, что же все-таки интереснее всего — все зависит от личных вкусов и пристрастий. Конечно, не могу сказать, что я занимаюсь разработкой культурного направления экономической социологии. Однако я определенно испытываю уважение к работам П. Димаджио и В. Зелизер.

Наиболее интересным направлением для меня является то, которое нацелено на объяснение возникновения хозяйственных институтов, включение их в теоретическую схему, объяснение природы связи между неформальными и формальными институциональными элементами во вновь возникающих институциональных порядках. Мне кажется, что экономсоциологи могут внести большой вклад в разработку междисциплинарной исследовательской программы, нацеленной на понимание институтов. На мой взгляд, все, так или иначе способствующее более глубокому пониманию связи между формальными и неформальными институциональными элементами, представляет собой чрезвычайно увлекательную область исследований. И в этом направлении сейчас предпринимаются немалые усилия — как в экономической теории, так и в социологии.

— **Большое спасибо.**

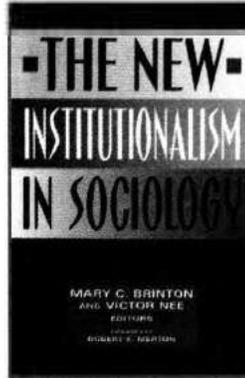
Основные публикации В. Ни

Nee V. Organizational Dynamics of Institutional Change: Politicized Capitalism in China // The Economic Sociology of Capitalism / Ed. by V. Nee. R. Swedberg. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 53–74.

Nee V. The New Institutionalisms in Economics and Sociology // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 49–74.

- Nee V.* Postsocialist Stratification // Social Stratification in Sociological Perspective / Ed. by D. Grusky. Boulder, CO: Westview Press, 2001. P. 846–851.
- Nee V.* The Role of the State in Making a Market Economy // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2000. Vol. 156. P. 64–88.
- Nee V.* Norms and Networks in Economic and Organizational Performance // American Economic Review. 1998. Vol. 87. No. 4. P. 85–89.
- Nee V.* Sources of the New Institutionalism // The New Institutionalism in Sociology / Ed. by M. Brinton, V. Nee. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1998. P. 1–16.
- Nee V.* The Emergence of a Market Society: Changing Mechanisms of Stratification in China // American Journal of Sociology. 1996. Vol. 100. P. 908–949.
- Nee V., Swedberg R.* (eds.). The Economic Sociology of Capitalism. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2005.
- Nee V., Alba R.* Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.
- Cao Y., Nee V.* Postsocialist Inequality: The Causes of Continuity and Discontinuity // Research on Social Stratification and Mobility. 2002. Vol. 19. The Future of Market Transition.
- Nee V., Sanders J.* Trust in Ethnic Ties: Social Capital and Immigrants // Trust and Society / Ed. by K. Cook. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2001. P. 374–392.
- Nee V., Sanders J.* Understanding the Diversity of Immigrant Incorporation // Ethnic and Racial Studies. 2001. Vol. 24. No. 3. P. 386–411.
- Nee V., Sanders J.* Immigrant Self-Employment: The Family as Social Capital and the Value of Human Capital // American Sociological Review. 1996. Vol. 60. P. 231–250.
- Keister L., Nee V.* The Rational Peasant in China: Flexible Adaptation, Risk Diversification and Opportunity // Rationality and Society. 2001. Vol. 13. No. 1. P. 33–69.
- Matthews R., Nee V.* Gender Inequality and Nonfarm Employment in Rural China // Social Science Research. 2000. Vol. 29. P. 606–632.
- Cao Y., Nee V.* Controversies and Evidence in the Market Transition Debate // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105. P. 1175–1195.
- Cao Y., Nee V.* Path Dependent Societal Transformation: Stratification in Mixed Economies // Theory and Society. 1999. Vol. 28. P. 799–834.
- Brinton M., Nee V.* (eds.). The New Institutionalism in Sociology. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1998.
- Ingram P., Nee V.* Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange and Social Structure // The New Institutionalism in Sociology / Ed. by M. Brinton, V. Nee. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1998. P. 19–45.
- Nee V., Su S.* Institutional Foundation of Robust Economic Performance: Public-Sector Industrial Growth in China // Industrial Transformation in Eastern Europe in the Light of the East Asian Experience / Ed. by J. Henderson. Houndmills: MacMillan Press, 1998. P. 167–187.
- Nee V., Strang D.* The Emergence and Diffusion of Institutional Forms // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1998. Vol. 154. P. 706–715.
- Alba R., Nee V.* Rethinking Assimilation Theory in a New Era of Immigration // International Migration Review. 1997. Vol. 31. No. 4. P. 826–874.
- Liedka R.V., Nee V.* Markets and Inequality in the Transitions from State Socialism // Inequality, Democracy, and Economic Development / Ed. M. Midlarsky. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 202–224.

- Matthews R., Nee V.* Market Transition and Societal Transformation in Reforming State Socialism // *Annual Review of Sociology*. 1996. Vol. 22. P. 401–436.
- Nee V., Su S.* Institutions, Social Ties, and Credible Commitment: Local Corporatism in China // *Reforming Asian Economies: The Growth of Market Institutions* / Ed. by J. McMillan, B. Naughton. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. P. 19–45.
- Nee V., Sanders J., Sernau S.* Job Transitions in an Immigrant Metropolis: Ethnic Boundaries and Mixed Economy // *American Sociological Review*. 1994. Vol. 59. P. 849–872.
- Lian P., Nee V.* Sleeping with the Enemy: A Dynamic Model of Declining Political Commitment in State Socialism // *Theory and Society*. 1994. Vol. 23. P. 253–296.

Ховард Олдрич¹

14 мая 2004 г.

«Если бы социологи, которые сейчас работают в бизнес-школах, в свое время не ушли туда, а бизнес-школы в свое время не осознали бы потребность в таких людях, я не уверен, что у нас сейчас была бы такая дисциплина, как “экономическая социология”».

Ховард Олдрич — представитель эволюционного подхода, который в свою очередь близок к направлению популяционной экологии. Несомненно, он один из наиболее известных американских исследователей хозяйственных организаций и предпринимательства. Не случайно в хрестоматию «Западная экономическая социология» вошло сразу две его работы — по социологии организаций и этническому предпринимательству².

Случилось так, что в мае 2004 г. я изучал опыт работы американских университетов — Дьюк и Северной Каролины. С Ховардом Олдричем я никогда ранее не встречался, но знал, что он работает в университете Северной Каролины. И мне повезло, не пришлось даже его разыскивать — на одной из деловых встреч он представлял факультет социологии в качестве его декана. Через день мы встретились, чтобы записать интервью, и выяснилось, что он буквально захвачен эволюционной теорией.

— Ховард, Вы известны как один из лидеров экологического или популяционно-экологического подхода к теории организаций. Это весьма важное направление для экономической социологии, и экономсоциологи часто цитируют его авторов. Поэтому прежде всего позвольте спросить: относите ли Вы свои работы к экономической социологии, и если да, то в какой степени?

— Обычно я называю себя социологом-эволюционистом, который занимается организационными исследованиями. Я стараюсь отделять это направление от популяционной экологии [population ecology]. Мне кажется, что мое направление шире, по сравнению со старой популяционной экологией это в большей степени исторический, контекстуально-ориентированный, многоуровневый подход. Так что свои работы я отношу в первую очередь к эволю-

¹ Х. Олдрич [Howard Aldrich] — декан факультета социологии и профессор менеджмента в бизнес-школе Кенан-Флаглер Университета Северной Каролины в Чейпел-Хилле США.

² Олдрич Х. Предпринимательские стратегии в новых организационных популяциях // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и на уч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряково и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 211—225; Уолдинг Р., Олдрич Х., Уорд Р. Этнические прецеденты // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики С. 340—365.

теории. Мне в равной степени близки исследования как эволюционных экономистов Джеффри Ходжсона [Geoffrey Hodgson] и Николая Фосса [Nicolai Foss], так и экономсоциологов.

Когда в 1980-е годы началась «перетасовка» исследовательских направлений и стали говорить об экономической социологии, этот термин меня поначалу озадачил: ведь одна из распространенных проблем заключалась в том, что социологию считали «бедной родственницей» экономической теории. До сих пор забавно наблюдать, как многие социологи на своих занятиях со студентами тратят уйму времени на разъяснение различий между экономической теорией и социологическим подходом. Но я знаю, что симметрии в этом вопросе нет и об экономистах нельзя сказать того же. Они вовсе не тратят время на то, чтобы разъяснить, чем отличаются от социологов. Я же всегда был настроен оптимистично, призывая заниматься социологией хозяйства, социологией фирм и организаций. Нет ничего предосудительного в том, что мы используем понятия экономической теории. Но если же мы как одержимые принимаемся рассуждать о связи социологии и экономической теории, то вся схема анализа оказывается подчиненной экономической логике.

Вот такой пространный ответ. Полагаю, я занимаюсь эволюционной социологией хозяйств и отраслей, фирм, предпринимательства. Часто эти вопросы пересекаются с предметной областью экономистов — ведь они касаются таких процессов, как распределение ресурсов, производство товаров и услуг. И в этом смысле у нас много общего. Однако в целом мы занимаемся разными вопросами.

— Мне кажется, что многие экономсоциологи, особенно в США, первоначально занимались организационной теорией и по-прежнему считают себя теоретиками организаций. А когда, на Ваш взгляд, экономическая социология превратилась в самостоятельную дисциплину? Мы все знаем, что после 1980-х годов она пережила своего рода возрождение. Когда она привлекла Ваше внимание как жизнеспособное начинание?

— Я могу предложить политическую интерпретацию того, как произошел этот процесс. Работы ряда социологов ныне были бы отнесены к экономической социологии. На протяжении десятилетий такие авторы, как Филип Селзник [Philip Selznick], Алвин Гоулднер [Alvin Gouldner], Чарльз Перроу [Charles Perrow] и многие другие работали в этом направлении. Я сам в течение 35 лет занимался изучением организационного роста и технологий. В 1970-е годы бизнес-школы начали приглашать социологов в качестве либо аспирантов, либо преподавателей, как это произошло, например, с Майклом Хэннаном [Michael Hannan] или Джоном Фрименом [John Freeman]. Оба они являются популяционными экологами, получили ученую степень (Ph.D.) по социологии в университете Северной Каролины, оба начинали работать на кафедрах социологии. Фримен очень скоро ушел в бизнес-школу, Хэннан — несколько позднее. При этом у социологов,

которые были приглашены на кафедры теории организаций и в бизнес-школы, возникла проблема статуса в связи с тем, что сотрудники бизнес-школ воспринимают социологию как «мягкую», недостаточно точную науку.

В сущности, когда в Американской социологической ассоциации (ASA) была образована секция экономической социологии, многие из ее ведущих членов работали в бизнес-школах. Как мне кажется, в определенной степени это была попытка придать социологии более высокий статус, превратить ее в нечто, что можно продемонстрировать коллегам из бизнес-школ. Поэтому и появилась не просто социология, а экономическая социология. Прилагательное «экономическая» здесь служит для того, чтобы отделить ее от основного направления социологии и придать ей несколько более высокий статус в бизнес-школах. Таким образом, в какой-то степени конструирование данной области отражает междисциплинарные, пограничные вопросы, с которыми работают популяционные экологи и теоретики организаций. И это отражает их позиции в бизнес-школах. Иными словами, если бы социологи, которые сейчас работают в бизнес-школах, в свое время не ушли туда, а бизнес-школы в свое время не осознали бы потребность в таких людях, я не уверен, что у нас сейчас была бы такая дисциплина, как «экономическая социология».

— Еще один вопрос в связи с оттоком экономсоциологов в бизнес-школы. На Ваш взгляд, каковы, помимо более высокой зарплаты, основные причины такого перехода? Может быть, это связано также с тягой к междисциплинарным исследованиям, о которых так много говорят здесь, в университете Северной Каролины и университете Дьюка? Или же бизнес-школы попросту «перекупали» экономсоциологов?

— На самом деле, они уходили в бизнес-школы на два типа кафедр. Во-первых, на так называемые кафедры бизнеса, политики и стратегии, или бизнес-стратегии [BPS: business, policy, and strategy]. Во-вторых, на кафедры менеджмента, которые в свое время занимались изучением поведения организаций на макроуровне. На мой взгляд, тому есть много причин. Несомненно, одна из них связана со старомодным стилем преподавания бизнес-стратегий и менеджмента — очень прикладным, нормативным, поучительным. Он базировался не на позитивной экономической теории, а на нормативной.

В целом в американских бизнес-школах сегодня доминируют финансисты или экономисты, очень редко — социологи или психологи. Поэтому отчасти это связано со стремлением сотрудников кафедр бизнес-стратегий и менеджмента изменить теоретический (точнее, анти-теоретический) стиль своей работы. Поэтому они обратились к представителям областей, которые, как им казалось, обладают такой теорией, — т.е. к социологам и в некоторых случаях к социальным психологам. Это была попытка влить свежую струю, придать своим кафедрам некоторую системность, аналитическую строгость. Просто

сотрудники этих кафедр начали понимать, что их статус зависит не только от успехов в области консультирования и преподавания, но также от наличия публикаций в журналах с высоким рейтингом и от завоевания статуса ученого.

— **Иначе говоря, им потребовались социологи, чтобы вернуть на эти кафедры теорию.**

— Да. Например, если взять такие журналы, как «Administrative Science Quarterly» или «Quarterly Management Review», а среди европейских — «Organizational Studies» или «Journal of Management Studies», мы видим, что теоретическая основа значительной части опубликованных в них материалов берет начало в социальных науках — в социологии и психологии и, реже, — в экономической теории. Главным образом в социологии, иногда в социальной психологии; бывает также, что эти дисциплины сочетаются. Что-то берется также из истории и политологии.

Социологов стали переманивать в бизнес-школы тогда, когда последним потребовалась научная точность. Кроме того, сыграли свою роль и такие стимулы, как более высокие зарплаты и меньшая преподавательская нагрузка. Наконец, появилась возможность противопоставить свою работу многим направлениям социологии — в том виде, в каком она существовала в 1960-е—1970-е годы, вплоть до 1980-х годов. Ведь многие исследователи пришли в социологию по моральным мотивам и занимаются изучением андекласса, бедности, благосостояния, семьи. Все эти темы плохо сочетаются с интересом к изучению крупных корпораций или к тому, как устроена элита и каково ее влияние.

Некоторые исследователи остались на факультетах социологии, например, Марк Мизраки [Mark Mizruchi] из Мичиганского университета, писавший о корпоративных элитах, переплетенном директорате [corporate interlocks]. Он остался на факультете социологии. Конечно, так же как и я, он работает и в другом месте, но основное место его работы — факультет социологии. Противоположный пример — Майкл Юсим [Michael Useem], который также считается экономсоциологом. Прежде он работал на факультете социологии в Бостонском университете, затем перешел в бизнес-школу Уортона [Wharton Business School] и сейчас на полную ставку работает там на факультете менеджмента; в качестве консультанта пишет книги на темы лидерства. Сегодня очень редко можно встретить человека, который сохранил бы основное место работы на факультете социологии (Мизраки скорее исключение).

Экономическая социология — вообще очень любопытная штука в Соединенных Штатах. Не знаю, может быть, в Западной Европе (по поводу Восточной Европы я еще менее уверен) исследователи более явно относят свои работы к сфере менеджмента, и менеджмент в Западной Европе не так привязан к конкретным дисциплинам.

— **Мне кажется, что в Западной Европе многие исследователи причисляют себя к лагерю индустриальных социологов или теорети-**

ков организацией, а правда — правда, все реже — занимаются стратегическим анализом. А в Восточной Европе, особенно в Венгрии, многие определяют сферу своих интересов именно как экономическую социологию. В Восточной Европе и России довольно много экономсоциологов.

— И они проводят четкую грань между экономической социологией и прочими направлениями социологии, скажем, политической социологией?

— Да. Экономическая социология берет начало в старой политэкономии, точнее в некоей комбинации политэкономии и старой социологии, сохраняя также интерес к хозяйственным вопросам в широком смысле. Исторически в советские времена экономическая социология (тогда она называлась социологией труда) всегда играла важную роль в России и Восточной Европе, являясь одним из ключевых направлений. Позднее она получила новое имя, подверглась реструктуризации. Но экономическая социология не слишком далеко отстояла от «ядра» социологии, скорее это было одно из основных ее направлений, в рамках которого работали многие исследователи.

Но вернемся к американской экономической социологии. Поскольку Вы смотрите на ситуацию немного со стороны, каковы, на Ваш взгляд, основные методологические подходы, доминирующие в современной экономической социологии? Как бы Вы классифицировали ее ключевые аналитические направления?

— Думаю, уровень методологической изощренности здесь достаточно высок, и отчасти он отражает влияние экологической теории: существуют обширные базы данных, анализ динамических рядов, большая точность при построении моделей. Да и сами данные представляют интерес. Кто-то зависит от данных, собираемых другими. Например, Пол Димаджио [Paul DiMaggio] опирается на данные, полученные в результате опросов. А, скажем, такие авторы, как Митчелл Аболафия [Mitchell Abolafia], Николь Биггарт [Nicole Biggart] или Вивiana Зелизер [Viviana Zelizer] придерживаются более качественных, интерпретативных подходов, ориентированных на анализ отдельных случаев (кейсов). Так что используемые подходы отличаются изрядным разнообразием. Я бы не сказал, что есть какой-то один доминирующий метод.

Но если говорить в целом о методах, которым можно доверять, то здесь экономической социологии, возможно, следует пойти по пути демографии — в том смысле, что в США эта дисциплина опирается чаще всего на крупные количественные базы данных, зачастую сравнительного характера, построенные на кросс-национальной, а не только на американской выборке. Экономическая социология здесь еще отстает. Но в целом, я бы сказал, это одно из наиболее перспективных направлений социологии.

Любопытно, что такие авторы, как Митчелл Аболафия, Николь Биггарт, Вивiana Зелизер или Фрэнк Доббин [Frank Dobbin], сумели

закрепиться и используются влиянием, несмотря на то что они совсем не используют экологический подход, не проводят масштабных количественных исследований, занимаясь, по сравнению со своими коллегами, более классическими изысканиями в духе Вебера. Подобное разнообразие используемых методов оказывается очень полезным для всей дисциплины.

— **Вы охарактеризовали разнообразие методов сбора данных: качественные и количественные данные, этнографический и исторический подходы, как в случае Зелизер или Доббина. А каковы могут быть основные теоретические направления? Например, Вы упомянули Вебера. Но ведь Вебер — наверняка не единственный источник вдохновения.**

— Разумеется. Например, такие авторы, как Уэйн Бейкер [Wayne Baker], Брайан Уци [Bryan Uzzi] или Тоби Стюарт [Toby Stewart] и др., активно используют сетевую теорию. Я не уверен, впрочем, что ее можно назвать теорией. Честно говоря, то, что в социологии считается теорией, имеет весьма размытые формы. Я бы не взялся утверждать, что в ней есть особо последовательные теоретические направления. Например, в статьях экономсоциологов используются институциональная или неинституциональная теории, многие исследователи прибегают к методам сетевого анализа, оперируют понятиями концепции ресурсной зависимости, а также властной зависимости. Например, Пол Димаджио хорошо знает социальную психологию и активно использует ее понятия. Словом, на мой взгляд, это очень эклектичная область.

— **Да, в ней действительно много разнообразия.**

— Верно. Эклектичная в том смысле, что, за исключением, пожалуй, экологов, которые придерживаются хоть и узкой, но строгой парадигмы, исследователи очень разнородны в своих методологических пристрастиях. Например, если взять какого-нибудь конкретного автора и проанализировать его работы, мы увидим, что он опирается не только на институциональную или новую институциональную теорию, но использует и другие течения. В частности, в своей книге я выделяю шесть основных методологических течений: институциональная теория, теория ресурсной зависимости, интерпретативная теория...

— **Вы имеете в виду книгу «Эволюция организаций»?³**

— Да. Так вот, у меня шесть таких направлений. А можно было бы выделить еще больше. Просто я ставил задачу описать господствующие направления в макроорганизационных исследованиях.

Что же касается отдельных исследователей... Возьмем, например, Мартина Руфа [Martin Ruef]. Это студент Ричарда Скотта [Richard Scott], но он также работал с Майклом Хэннаном в Стэнфорде. В своей работе Руф использует понятия экологической теории, институциональной теории, дискурс-анализа. Есть у него и работы, связанные с лингвистикой.

³ Aldrich H.E. *Organizations Evolving*. L.; Thousand Oaks: Sage Publications, 1999.

Одна из них посвящена анализу новых популяций в организациях и новых отраслей. Он рассматривает то, как люди говорят, как они описывают свою область, какие слова при этом используют, т.е. применяет методы лингвистического анализа⁴. Таким образом, в одной работе мы видим присутствие элементов институциональной и экологической теорий, лингвистического анализа. Это молодой исследователь, он только что перешел в Принстонский университет. Возможно, это своего рода попытка укрепить там экономико-социологическую команду. Ведь в Принстоне работают Брюс Вестерн [Bruce Western], Пол Димаджио, Вивиана Зелизер. Словом, М. Руф — пример чрезвычайно образованного, энергичного исследователя, способного удачно сочетать в своей работе разные методологические течения. При этом его волнует в первую очередь теоретическая чистота, а не то, как люди будут классифицировать его взгляды: «О, Вы новый институционалист / эколог / социальный психолог / лингвист!» Он просто берет и сочетает соответствующим образом идеи из разных традиций, которые требуются ему для решения его исследовательских задач.

— Нечто подобное можно сказать и о Хэррисоне Уайте. В интервью он много рассказывал о своем интересе к лингвистике⁵. Он давно занимается изучением того, как члены бизнес-сообщества говорят о своей деятельности.

— Еще один пример — Пол Хирш [Paul Hirsch]. В 1960-е годы мы вместе учились в аспирантуре Мичиганского университета. Пол — автор знаменитой статьи о «золотых парашютах» (думаю, она вышла в 1980-е годы)⁶. Он создал даже собственный словарь: «золотой парашют» [golden parachute], «золотые наручники» [golden handcuffs]⁷... Все эти термины используются в контексте изучения корпоративных сражений, слияний, поглощений, захватов; при этом анализируются лингвистические особенности описания данных процессов. Поэтому в определенном смысле Пола можно сейчас классифицировать как институционалиста (при том, что он очень критически относится к работам Р. Скотта). Он занимается преимущественно проблемами властных отношений. Словом, с теоретической точки зрения это очень эклектичное поле.

— Раз мы заговорили о конкретных исследователях и их работах, не могли бы Вы назвать новые книги или статьи, которые Вас особенно заинтересовали? Под «новыми» я имею в виду те, что появились три-четыре года назад, не раньше. Какие

⁴ См., например: Ruef M. Demise of an Organizational Form: Emancipation and Plantation Agriculture in the American South // American Journal of Sociology. 2004. Vol. 109. No. 6; Ruef M. Perspectives on Industrial Decline and Resurgence // Industrial and Corporate Change. 2004; Ruef M. The Structure of Founding Teams // American Sociological Review. 2003; Ruef M. Strong Ties, Weak Ties, and Islands: Structural and Cultural Predictors of Organizational Innovation // Industrial and Corporate Change. 2002; Ruef M. The Emergence of Organizational Forms // American Journal of Sociology. 2000; Ruef M. Institutional Change and Healthcare Organizations: From Professional Dominance to Managed Care. Chicago: University of Chicago Press, 2000.

⁵ См. интервью с Х. Уайтом в данной книге (с. 179—189), а также: Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 1. С. 6—15.

⁶ Hirsch P.M. From Ambushes to Golden Parachutes: Corporate Takeovers as an Instance of Cultural Framing and Institutional Integration // American Journal of Sociology. 1986. Vol. 26. P. 800—837.

⁷ *Золотой парашют* — договор с руководящим сотрудником, предусматривающий выплату значительной компенсации в случае прекращения трудовых отношений. В нем могут оговариваться также продолжение выплаты заработной платы, премии и (или) определенные льготы и привилегии, а также ускоренный механизм материального стимулирования в форме пакетов акций и (или) определенных пенсионных льгот [http://www.corp-gov.ru/glossary.php3?glossary_id=62].

Золотые наручники — гарантия, даваемая инвесторами при совершении инвестиций ключевому персоналу компании, в том, что они не потеряют свои места в течение определенного промежутка времени. В качестве подкрепления такой гарантии сотрудники получают опцион на ограниченное количество акций, которые могут быть выкуплены через определенный промежуток времени [http://www.cnews.ru/glossary/index.shtml?t=247]. — Прим. перев.

работы показались Вам наиболее полезными, необычными, озадачивающими? Может быть, какие-то из них, по Вашему мнению, стали значимыми в экономической социологии, а также в смежных областях, в Вашей предметной области?

— Вообще-то я обычно не рассуждаю подобным образом. Боюсь, мне трудно ответить на этот вопрос...

— В самом деле, этот вопрос оказался самым трудным для всех, с кем я разговаривал. Легко назвать классические труды, гораздо сложнее — недавние работы.

— Да, за короткий период трудно выносить оценочные суждения, они будут очень субъективными. В целом я больше внимания обращаю на эмпирические работы и рассматриваю все с точки зрения эволюционной теории. Беря в руки какую-либо работу, я прежде всего задаюсь вопросом: а присутствует ли в ней логика эволюционного отбора [selection logic]; вписываются ли данные рассуждения в эту логику? Для меня это определяющий критерий. Особенно если учесть, что многие работы имеют междисциплинарный характер. Словом, я всегда подхожу с этой точки зрения. Ведь, например, взяв работу, в которой

⁸ *Diamond J.M.* Guns, Germs, and Steel: The Fate of Human Societies. N.Y.: Spark Publications, 2003 (1999).

⁹ *Hodgson G.M.* The Evolution of Institutional Economics: Agency, Structure, and Darwinism in American Institutionalism. N.Y.: Routledge, 2004. См. также: *Hodgson G.M.* (ed.). Recent Developments in Institutional Economics. Northampton, MA: Edward Elgar, 2003; *Hodgson G.M.* (ed.). A Modern Reader in Institutional and Evolutionary Economics: Key Concepts. Northampton, MA: Edward Elgar, 2002; *Hodgson G.M.* How Economics Forgot History: The Problem of Historical Specificity in Social Science. L.; N.Y.: Routledge, 2002; *Hodgson G.M.* Evolution and Institutions: On Evolutionary Economics and the Evolution of Economics. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 1999; *Hodgson G.M.* Economics and Evolution: Bringing Life back into Economics. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993; *Hodgson G.M.* Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics. Cambridge, UK: Polity Press; Oxford, UK: Basic Blackwell, 1988 [см. также перевод: *Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003]. См. также его работы на русском языке: *Ходжсон Дж.* О проблеме формализма в экономической теории // Вопросы экономики. 2006. № 3; *Ходжсон Дж.* Привычки, правила и экономическое поведение // Вопросы экономики. 2000. № 1; *Ходжсон Дж.* Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // Вопросы экономики. 2001. № 8; *Ходжсон Дж.* Жизнеспособность институциональной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI века. М.: Япония сегодня, 1997.

удачно описывается тот или иной процесс, можно представить себе и то, как этот процесс развивается во времени, и что будет происходить далее. Согласно этому критерию я оцениваю все статьи, которые мне встречаются. Читаю аннотацию, смотрю на таблицы, знакомлюсь с выводами, некоторые фрагменты изучаю внимательнее. Обычно я не читаю подробно всю работу, особенно если это переработка чего-то ранее опубликованного. Словом, в первую очередь меня интересуют эмпирические работы; теоретические, сугубо концептуальные — в меньшей степени.

— Согласен, чтобы оценить идею, требуется определенное время. Но меня интересует Ваше личное мнение. Возможно, что-нибудь привлекло Ваше внимание в последнее время?

— Ну, например, недавно вышла хорошая книга «Оружие, бактерии и сталь»⁸, в которой представлен эволюционный подход к развитию человеческих обществ. Ее автор — Дж. Даймонд [Jared Diamond], физиолог из университета Калифорнии в Лос-Анджелесе, изучающий проблемы питания.

Или книги Дж. Ходжсона. Только что у него вышла книга об истории институционального мышления в экономической теории⁹. Не могу припомнить точного названия, она вышла несколько месяцев назад. Это масштабное исследование, уходящее вглубь XIX столетия и затрагивающее начало XX в. В ней

рассматриваются все ключевые интеллектуальные фигуры в экономической теории, а также философы — например, прагматист Джон Дьюи и Торстейн Веблен. Это глубокая, филигранная работа, посвященная экономистам, которые в той или иной степени внесли вклад в развитие эволюционного подхода (или, напротив, критиковали его) и в целом логики отбора в экономической теории. Мне кажется, эту книгу стоит прочесть многим социологам. В ней развивается интерес к проблемам эволюции. Но меня она особенно привлекает тем, как автор показывает дебаты внутри самой американской экономической теории, а также между австрийской и другими школами. Он демонстрирует сильнейшее сопротивление подходу, анализирующему явление с точки зрения логики отбора [selection logic thinking], — сильнейшее сопротивление идее о том, что можно использовать одни и те же инструменты для анализа хозяйственного поведения и поведения любой иной популяции — растений, животных. Уж очень прочно укоренилось убеждение в том, что человек — исключительное существо.

Интересны работы философа-эволюциониста Дэниэла Дэннета [Daniel Dennett]¹⁰. Я бы также рекомендовал книги Ричарда Доукинса [Richard Dawkins], к сожалению, не могу вспомнить название его последней книги¹¹, а также работы лингвиста Стивена Пинкера [Steven Pinker]. Этих авторов я читал в последнее время, их книги написаны в русле эволюционного мышления.

Последняя книга Пинкера рассказывает о возможности использования эволюционного анализа для изучения человеческих обществ. Одновременно это попытка показать, что человеческий мозг сформирован в результате эволюции и, значит, поведение людей можно изучать точно так же, как мы изучаем поведение животных¹².

Словом, важные идеи для меня я черпаю из книг, причем не обязательно написанных экономосоциологами; здесь и антропология, и...

— **Биология?**

— Да, и биология. Есть, например, прекрасная книга Джеймса Залла [James Zull] «Искусство развития мозга»¹³ — отличная книга, посвященная анализу работы мозга с эволюционных позиций.

— **А что интересного для Вас происходило в этом отношении в экономической теории? После уже ставших классическими работ Ф. Хайека, Р. Нельсона и С. Уинтера (кстати, их главная книга переведена на русский язык¹⁴) выходило ли что-либо, что показалось Вам важным?**

— Я уже говорил, что мне нравятся книги Дж. Ходжсона. А еще — работы Николая Фосса¹⁵ и дат-

¹⁰ См., например: *Dennett D.C. Freedom Evolves*. N.Y.: Viking, 2003; *Dennett D.C. Brainchildren: Essays on Designing Minds*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998; *Dennett D.C. Kinds of Minds: Toward an Understanding of Consciousness*. N.Y.: Basic Books, 1996; *Dennett D.C. Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meanings of Life*. N.Y.: Simon & Schuster, 1995.

¹¹ *Dawkins R. The Ancestor's Tale: A Pilgrimage to the Dawn of Evolution*. Boston: Houghton Mifflin, 2004. См. также: *Dawkins R. A Devil's Chaplain: Reflections on Hope, Lies, Science, and Love*. Boston: Houghton Mifflin Co., 2003; *Dawkins R. The Blind Watchmaker: Why the Evidence of Evolution Reveals a Universe Without Design*. N.Y.: Norton, 1996 (1994, 1986); *Dawkins R. The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1999.

¹² *Pinker S. The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature*. N.Y.: Viking, 2002. См. также: *Pinker S. How the Mind Works*. N.Y.: Norton, 1997.

¹³ *Zull J.E. The Art of Changing the Brain: Enriching Teaching by Exploring the Biology of Learning*. Sterling, VA: Stylus Pub., 2002.

¹⁴ *Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений*. М.: Дело, 2002.

¹⁵ См., например: *Foss N.J., Klein P.G. (eds.). Entrepreneurship and the Firm: Austrian Perspectives on Economic Organization*. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2002; *Foss N.J., Robertson P.L. (eds.). Resources, Technology, and Strategy*. L.; N.Y.: Routledge, 2000; *Foss N.J. (ed.). The Theory of the Firm: Critical Perspectives on Business and Manage-*

чанина Кристиана Кнудсена [Christian Knudsen]¹⁶. Сложилась небольшая неформальная группа экономистов-эволюционистов и исследователей организаций. Среди них, например, упомяну Джованни Доси [Giovanni Dosi]¹⁷ (возможно, Вы слышали это имя), он работает с Нельсоном и Уинтером. В эту группу входят также упомянутые Дж. Ходжсон, Н. Фосс и К. Кнудсен.

Еще один пример — Майкл Колин, студент Джеймса Марча [James March]. Все эти авторы отмечают (и я с ними согласен), что традиционная экономическая теория представлена в первую очередь моделями равновесия и что главная проблема экономистов заключается в том, чтобы отойти от сложившихся представлений о механизме рас-

пределения информации. Полезная в этом отношении работа называется, если я не ошибаюсь, «Секретная жизнь информации»...

— Эта книга вышла недавно?

— Да, примерно три года назад¹⁸. Я считаю, что в долгосрочной перспективе будущее социальных наук зависит от того, примут ли они эволюционные идеи. Когда я вижу что-нибудь, не вписывающееся в логику концепции отбора, меня это не особенно интересует. То же касается и использования данных. В этой связи стоит также упомянуть такого исследователя, как Алессандро Ломи [Alessandro Lomi] — он итальянец, учился вместе с Джоном Фрименом, работает с Эриком Ларсеном [Eric Larsen]¹⁹. Примерно два годаназадони опубликовали книгу о вычислительном моделировании [computational modeling], агентском моделировании [agent-based modeling] (я забыл ее упомянуть, когда говорил о новых книгах). Чем-то подобным — вычислительным или агентским моделированием — занимается и Кэтлин Карли [Kathleen Carley] в университете Карнеги Меллон.

Некоторые экономисты сотрудничают с исследователями организаций, приверженцами теорий принятия решений. Пожалуй, применительно к моделированию хозяйственного поведения фирм либо, на более общем уровне, агентскому или вычислительному моделированию (когда вы принимаете гипотезы о том, что поведение людей или агентов определяется неким простым набором правил) более удачно использовать слово «решение» [decision]. В результате можно выйти на очень сложные системы, по существу подойти к теории комплексности [complexity theory]. Мне нравятся эти исследования — агентское моделирование, вычислительное

ment. L.; N.Y.: Routledge, 2000; *Foss N.J., Mah-nke V.* (eds.). *Competence, Governance, and Entrepreneurship: Advances in Economic Strategy Research*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2000; *Foss N.J., Loasby B.J.* (eds.). *Economic Organization, Capabilities and Co-ordination: Essays in Honour of G.B. Richardson*. L.; N.Y.: Routledge, 1998; *Foss N.J.* (ed.). *Resources, Firms, and Strategies: A Reader in the Resource-Based Perspective*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1997; *Foss N.J., Knudsen C.* (eds.). *Towards a Competence Theory of the Firm*. L.; N.Y.: Routledge, 1996.

¹⁶ См., например: *Tsoukas H., Knudsen C.* (eds.). *The Oxford Handbook of Organization Theory*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2003; *Foss N.J., Knudsen C.* (eds.). *Towards a Competence Theory of the Firm*. *Maki U., Gustafsson B., Knudsen C.* (eds.). *Rationality, Institutions, and Economic Methodology*. L.; N.Y.: Routledge, 1993.

¹⁷ См., например: *Dosi G., Orsenigo L., Labini M.S.* *Technology and Economy // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg*. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 678—702; *Dosi G., Nelson R., Winter S.* (eds.). *The Nature and Dynamics of Organizational Capabilities*. N.Y.: Oxford University Press, 2000; *Dosi G.* *Innovation, Organization and Economic Dynamics: Selected Essays*. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2000; *Dosi G., Teece D.J., Chytry J.* (eds.). *Technology, Organization, and Competitiveness: Perspectives on Industrial and Corporate Change*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1998; *Dosi G., Giannetti R., Toninelli P.A.* (eds.). *Technology and Enterprise in a Historical Perspective*. Oxford: Clarendon Press; N.Y.: Oxford University Press, 1992; *Dosi G., Pavitt K., Soete L.* *The Economics of Technical Change and International Trade*. N.Y.: Harvester Wheatsheaf, 1990.

¹⁸ *Restak R.* *The Secret Life of the Brain*. Washington, DC: Joseph Henry Press, 2001.

¹⁹ *Lomi A., Larsen E.R.* (eds.). *Dynamics of Organizations: Computational Modeling and Organization Theories*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2001.

моделирование, они меня захватывают. Мне интересны люди, которые работают в этой области, например, те экономисты, которых я упоминал, — группа Ходжсона и ряд других.

Любопытно поговорить с коллегами, работающими на экономических факультетах. Например, несколько месяцев назад я спросил своего приятеля в университете Дьюка, читаются ли у них какие-нибудь курсы по эволюционной экономической теории. Тот засмеялся и ответил, что они даже не задумывались об этом. То же — и в университете Северной Каролины. Авторов, интересующихся эволюционной экономической теорией, не столь приветствуют среди экономистов, как, например, тех, кто публикуется в «American Economic Review» и занимается математическим моделированием.

— Скажите, а существует ли у вас какой-то взаимный интерес между экономическими и социологическими факультетами, и вообще налажены ли какие-то отношения между ними?

— Некоторые экономисты участвуют в работе Центра исследований населения университета Северной Каролины [Carolina Population Center]²⁰, где вместе с социологами изучают, например, проблемы рождаемости и хозяйственного развития в так называемых странах третьего мира. Иными словами, изредка экономисты и социологи пересекаются в области прикладных исследований, как это происходит в рамках Центра исследований населения. Прямых связей между экономическими и социологическими факультетами, в общем, нет, все общение осуществляется только посредством участия в подобных проектах.

— А Вы сами приглашаете экономистов на свои семинары?

— Тоже нет — по двум причинам. Эти ребята вообще-то не так много знают о предпринимательстве. Они думают, что предпринимательство — это венчурный капитал. Когда я им объясняю, что венчурный капитал используется только для совсем новых предприятий, они не понимают, о чем я говорю. Приходится их образовывать, объяснять, как на самом деле возникают предприятия, откуда они берут деньги. Это довольно унылое занятие — иметь дело с типичными экономистами: они почти совсем ничего не знают о демографии фирм.

Например, в первой главе моей книги приводятся статистические данные. И когда я читаю лекции, рассказывая об эволюционном подходе (я читал их в Финляндии, Германии, американских бизнес-школах — в южной Калифорнии, Уортоне, Гарварде и других), я предлагаю небольшой тест: сколько фирм в вашей стране? Акции скольких из них предлагаются на фондовом рынке? Сколько фирм насчитывают более 1 тыс. работников? Какова доля фирм, где занято более ста человек? Сколько было первичных размещений акций в прошлом году? Иными словами, я просто даю мой обычный тест. Для тех, кто занимается индустриальной экономической теорией, изучает жизнь фирм в рамках того или иного хозяйства, это самые тривиальные вопросы. Как и вопросы, на которые должен знать ответ, скажем, демограф, изучающий Китай: каковы в этой

²⁰ <http://www.cpc.unc.edu/>

стране, уровне здоровья, уровень смертности, численность населения и т.д. Так вот, экономисты не могут ответить на мои вопросы.

Они утратили широту горизонта. Примерно четыре года назад, выступая в Академии менеджмента перед теоретиками рынков труда, я задал им десять вопросов. Лишь трое или четверо из них дали более трех правильных ответов. Так что экономисты очень смутно представляют себе динамику хозяйств, и это их невежество усугубляется тем, как они воспринимают свои макромоделли. Когда они рассуждают о хозяйстве, они попросту не видят фирм. Это, конечно, не полное невежество, но весьма заметное. Именно поэтому авторы из круга Джеффри Ходжсона, которых я назвал, для меня гораздо интереснее, чем все экономисты и их семинары.

— **Мой последний вопрос — по поводу будущего. Какие области экономической социологии кажутся Вам наиболее перспективными для будущих исследований?**

— Как я уже отмечал, здесь следует обратить внимание на несколько обстоятельств. Первое: мне очень интересна работа небольшой, но искренне увлеченной группы авторов, следующих эволюционному подходу. Особенно приятно, что эти исследования не ограничены рамками одной страны, в них участвуют не только американцы и не только европейцы — это кросс-национальные исследования.

Думаю, со временем эволюционная парадигма закрепится в социальных науках так же, как она закрепилась в естественных науках. Например, сегодня человеку, не знакомому с эволюционной теорией, невозможно стать уважаемым биологом. Если вы не владеете эволюционной теорией, невозможно заниматься генетикой, биоинформатикой. Вся теория кодирования генов построена на эволюционном процессе, в ходе которого они появились. Социальные науки отстают в этом отношении. И дело обстоит так: либо социальные науки станут более внимательно относиться к эволюционной теории, либо они утратят свое значение и постепенно будут вытеснены естественными науками. Так в известной степени и произошло с биологией и психологией: появились эволюционная биология, эволюционная психология (у нас на факультете психологии проводятся исследования мозга)... Полагаю (это и надежда, и прогноз), что эволюционный подход станет более влиятельным. Может быть, не в ближайшие пять лет — но лет через десять, двадцать...

Второе: сейчас в экономической социологии стало возможным получить поддержку проектов, которые очень близки мне по духу. Как раз по поводу одного из таких проектов я вчера был в Вашингтоне. Один фонд дает нам деньги на проведение трех волн панельного исследования 5 тыс. новых фирм в США.

— **Вновь созданных фирм?**

— Да, на основе базы данных «Dun & Bradstreet»²¹. Мы планируем собрать данные по выборке фирм, работающих в сфере высоких техноло-

²¹ Международная база данных «Dun & Bradstreet International Business Locator» является крупнейшим источником информации о существующих в мире компаниях: она охватывает свыше 28 млн. частных и государственных компаний в более чем 200 странах мира. Возможен поиск компании по названию,

гий. Это будет примерно 5 тыс. фирм, мы будем наблюдать за ними в течение трех лет. Фонд также финансирует еще одно исследование, продолжающее проект, в котором я участвовал в 1990-е годы, — о молодых предпринимателях, людях, только начинающих свое дело²².

— В чем основная идея проекта? Проследить уровень «смертности» среди фирм, выявить причины их успеха или неудачи?

— В исследованиях новых фирм мы рассматриваем вопросы эффективности экономической информации, изучаем, как формируются команды, как распределяются ресурсы, усилия и вознаграждения внутри команды, как поддерживается справедливость. Эти вопросы еще не изучались в таком масштабе и на основе репрезентативной выборки. Мы анализируем также проблемы ликвидности и финансовых ограничений. Интересно посмотреть, как увеличивается первоначально ограниченный доступ фирм к рынкам кредита. В результате мы сможем выявить роль кредитных карт, банков, некоммерческих организаций — и все это на основе национальной репрезентативной выборки. Интересно взглянуть, из какого рода семей приходят в фирму люди, как происходит формирование команды и процесс найма — откуда берутся первые служащие, как они интегрируются в компанию. Словом, это две действительно замечательные базы данных, они стоят миллионы долларов. С таким размахом исследования организаций прежде не проводились.

— Кстати, если говорить о вновь созданных фирмах, то в России есть принципиальное различие между малыми независимыми фирмами и аффилированными структурами, созданными крупными компаниями. У нас никогда не знаешь, с кем в этом смысле имеешь дело, и не понятно, как это выяснить? Подобные отпочкования могут быть скрытыми, когда новые фирмы представляют себя как независимые, будучи на самом деле придатками крупных компаний. В России это весьма распространенное явление.

— Вы имеете в виду дочерние компании?

— Статус таких фирм часто нельзя выявить через отношения собственности. Просто крупная компания ставит туда своих людей, дает им стартовый капитал. В результате новая фирма оказывается зависимой структурой — не в смысле формальных прав собственности, а с точки зрения происхождения и источника первоначального капитала, что в России проследить весьма непросто.

— Мне кажется, американская система несколько более прозрачна в этом отношении. Это зависит от того, является ли ваш бизнес корпоративным. Если да, то вы должны указать собственников. Существуют законы, регулирующие, какого рода информацию корпорация должна обнародовать. Несмотря на это корпорация еще может что-то скрыть. Но ес-

расположению и номеру телефона. Предоставляется следующая информация: классификация деятельности компании согласно стандартному классификатору отраслей [SIC]; размер компании (объем продаж, чистая стоимость активов, количество служащих); тип собственности; краткие сведения о руководстве; расположение головного офиса и офиса в интересующей стране; полная контактная информация. Подробнее см.: <http://www.dnbib1.com/mddi/ibl/>. — *Прим. перев.*

²² Речь идет о проекте «Молодые предприниматели и социальные сети» [«Nascent Entrepreneurs and Social Networks»] (совместно с Нэнси Картер [Nancy Carter]). На основе данных Консорциума исследований предпринимательства [Entrepreneurship Research Consortium] изучались гендерный состав и структура внутренних отношений во вновь созданных фирмах. Подробнее см.: <http://www.unc.edu/~healdric/Home3.html>. — *Прим. перев.*

ли вы становитесь государственной компанией... Правда, в США всего лишь 20 тыс. государственных компаний, большинство компаний — частные.

Конечно, и в США можно сделать нечто, аналогичное сказанному Вами о России: если вы частная компания, если у вас нет государственных держателей акций, вы можете учреждать разные субсидируемые дочерние, сестринские и тому подобные компании. Конечно, мы это понимаем, и в нашем исследовании молодых предпринимателей мы спрашивали, например, создается ли эта компания для бывшего работодателя или на свой страх и риск. Что касается базы данных «Dun & Bradstreet», возможно, нечто подобное скоро появится и в России. В сущности, одна из причин, почему американские данные так хороши, связана с достаточной эффективностью рынков кредитования. Мне кажется, у вас они еще не столь развиты.

— Верно.

— А в США каждая фирма, каждая компания, обращающаяся за кредитом — например, на покупку оборудования, на капитальное строительство и т.д., — идет в банк и должна предоставить информацию о своих активах. Банк не даст кредит, если вы не подтвердите свою кредитоспособность. А первичный отчет о кредитоспособности готовится как раз структурами «Bradstreet». Если вас еще нет в их базе данных, к вам приходят их сотрудники (или звонят, если вы — крупная компания), разговаривают с людьми, оценивают вашу кредитоспособность. То же делает и отдел малого бизнеса компании «American Express». Собирается множество данных: о вашей кредитоспособности, о вас лично, о вашей компании. И например, если вы — дочерняя компания, если кто-то финансировал вас, то логично сообщить об этом. Поэтому если структура вашего капитала включает деньги со стороны, об этом будет соответствующая пометка, и при получении кредита это работает на вас.

— И Вы хотите сказать, что эти данные доступны широкой публике, аналитикам?

— Да.

— Дело в том, что в России некоторыми данными такого рода располагают налоговые органы, но эта информация абсолютно закрыта, они никогда ее не раскрывают.

— В США это тоже невозможно, они ведут себя точно так же.

— Но я говорю не об отдельных компаниях. Они не открывают даже агрегированные данные.

— Знаете, база данных «Dun & Bradstreet» — частная, вы просто платите за информацию. Я могу завтра прийти и сказать: «Дайте мне, пожалуйста, отчеты о кредитоспособности всех фирм данного округа, которые производят то-то и то-то...»

— И сколько примерно это будет стоить?

— Это зависит от того, какой объем информации вас интересует.

— И все-таки: речь идет о сотнях, тысячах долларов?..

— Это зависит от числа компаний: одно дело — пять фирм, другое — две тысячи. ...На самом деле мы сталкивались с этим. Мы запрашивали информацию на 5 тыс. фирм, и это стоило нам не так дорого по тем временам — 12 тыс. долл. Не знаю, сколько это стоило бы сегодня.

— **Получается, примерно по два с небольшим доллара за сведения о компании?**

— Да. Но это уже устаревшая информация, мы не обращались туда в последнее время. В этом году нас финансирует фонд, они дают нам на это кучу денег, за все заплатят сами, так что я понятия не имею, сколько это будет стоить в этом году.

Суть в том, что кредитные рынки в США довольно эффективны именно потому, что частные компании собирают информацию о вашей кредитоспособности. Поэтому мы можем получить сведения об объеме продаж, уровне прибыли, числе служащих, именах руководителей — вся эта информация содержится в базе данных. За нее надо заплатить, но главное, она там есть. Имея возможность обратиться к базе данных «Dun & Bradstreet», исследования компаний проводить значительно легче.

— **Да, это огромное преимущество.**

— Но это означает также и другую динамику. Взять, к примеру, недавние скандалы вокруг компаний «Тусо» и «Елгон», мошенничество внутри компании, явно покрываемое, как оказалось, некоторыми инвестиционными и другими банками, а также бухгалтерскими фирмами. Но если не принимать во внимание такие исключения...

— **А после таких скандалов люди не начинают скептически относиться к качеству данных?**

— Мы используем данные иного масштаба. Кроме того, наши 5 тыс. фирм — это лишь малая толика в море фирм. В США более 7 млн. компаний, имеющих наемных работников, из них лишь 20 тыс. выпускают акции на фондовый рынок. Поэтому если вы занимаетесь изучением хозяйства... — кстати, это мой третий тезис относительно будущего.

Мне кажется, что экономсоциологов объединяет то, что многие из них осознают ограничения тех типов выборки, которые предлагаются коллегами из бизнес-школ. 500 крупнейших компаний — это еще далеко не все. Есть множество других интересных вопросов о том, как работают хозяйства. И здесь требуется информация о средней, типичной, модельной компании. Я считаю это полезным направлением развития.

Меня очень волнует будущее экономической социологии. В этой области ставится много интересных вопросов, работают одни из лучших исследователей. Проблема, которую мы упоминали ранее — об оттоке специалистов-социологов в бизнес-школы, — связана с тем, что они могут больше платить, там лучше условия труда, им удалось переманить многих хороших социологов. Проблема же, с которой сталкиваются социологи в самих бизнес-школах, заключается в том, что там

им трудно полноценно продолжать свою работу, у них нет последователей. Одна из будущих опасностей для экономической социологии связана с тем, что многие бизнес-школы требуют, чтобы их аспиранты, обучающиеся по программе Ph.D., помимо организационной теории прослушали и ряд курсов за рамками своей специальности, чтобы сначала они получили степень магистра делового администрирования (МВА). Но они никогда не будут глубоко разбираться в вопросах социологии, не получают того, что дала бы им настоящая социологическая подготовка.

– **Иначе говоря, возникает опасность получения пусть и широких, но поверхностных знаний?**

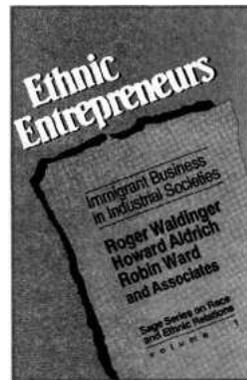
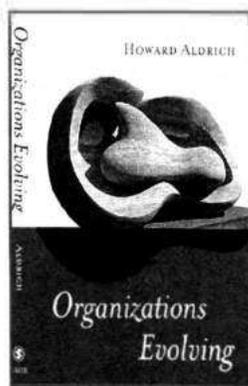
– Да. Об этом много говорит Дик Скотт. Вот уже двадцать лет он сетует по поводу перехода многих социологов в бизнес-школы. Он считает, что это ограничивает горизонты социологии, сводит все к тем узким вопросам, которыми занимаются в бизнес-школах.

– **Большое спасибо.**

Основные публикации Х. Олдрича

- Олдрич Х.* Предпринимательские стратегии в новых организационных популяциях // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 211–225; см. также: *Олдрич Х.* Предпринимательские стратегии в новых популяциях организаций // Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3. № 2. С. 139–154.
- Уолдинггер Р., Олдрич Х., Уорд Р.* Этнические предприниматели // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 340–365.
- Aldrich H.E.* Entrepreneurship // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 451–477.
- Aldrich H.E.* Who Wants to Be an Evolutionary Theorist? // Journal of Management Inquiry. 2001. Vol. 10. June. P. 115–127.
- Aldrich H.E.* Organizations Evolving. L.: Thousand Oaks: Sage Publications, 1999.
- Aldrich H.E.* Paradigm Incommensurability: Three Perspectives on Organizations // Rethinking Organization: New Directions in Organizational Theory and Analysis / Ed. by M.I. Reed, M.D. Hughes. Newbury Park, CA: Sage, 1992. P. 17–45.
- Aldrich H.E.* Using an Ecological Perspective to Study Organizational Founding Rates // Entrepreneurship: Theory and Practice. 1990. Vol. 14. No. 3. P. 7–24.
- Aldrich H.E.* Organizations and Environments. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1979.
- Aldrich H.E., Carter N.M.* Social Networks // The Handbook of Entrepreneurial Dynamics: The Process of Organizational Creation / Ed. by W.B. Gartner, K.G. Shaver, N.M. Carter, P.D. Reynolds. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2004.
- Ruef M., Aldrich H.E., Carter N.M.* The Structure of Organizational Founding Teams: Homophily, Strong Ties, and Isolation Among U.S. Entrepreneurs // American Sociological Review. 2003. Vol. 68. No. 2. April. P. 195–222.
- Aldrich H.E., Sakano T.* Unbroken Ties: How the Personal Networks of Japanese Business Owners Compare to Those in Other Nations // Networks, Markets, and the Pacific Rim: Studies in Strategy / Ed. by M. Fruin. N.Y.: Oxford Press, 1998.

- Ray Reese P., Aldrich H.E.* Entrepreneurial Networks and Business Performance: A Panel Study of Small and Medium-Sized Firms in the Research Triangle // *International Entrepreneurship* / Ed. by S. Birley, I.C. MacMillan. L.: Routledge, 1995. P. 124–144.
- Waldinger R., Aldrich H.E., Ward R.* Ethnic Entrepreneurs: Immigrant Business in Industrial Societies / With the collaboration of J. Blaschke et al. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1990.
- Aldrich H.E., Waldinger R.* Ethnicity and Entrepreneurship // *Annual Review of Sociology*. 1990. Vol. 16. P. 111–135.
- Kalleberg A.L., Marsden P.V., Aldrich H.E., Cassell J.W.* Comparing Organizational Sampling Frames // *Administrative Science Quarterly*. 1990. Vol. 35. No. 4. P. 658–688.
- Aldrich H.E., Kalleberg A.L., Marsden P.V., Cassell J.W.* In Pursuit of Evidence: Five Sampling Procedures for Locating New Businesses // *Journal of Business Venturing*. 1989. Vol. 4. No. 6. P. 367–386.

Уолтер Пауэлл¹

18 сентября 2001 г.

«Мне кажется, сети и институты сопоставимы, хотя работ, в которых они соединены, прямо скажем, немного».

Уолтер Пауэлл — один из лидеров сетевого и одновременно нового институционального анализа. Его исследования фирм в сфере биотехнологий находятся на фронтире современной экономической социологии.

Мы встретились в его рабочем кабинете в Стэнфорде. Пауэлл оказался весьма общительным и приятным человеком. Все называют его не иначе как Вуди (и он сам называет себя исключительно так). В процессе разговора он сказал, что у него есть аспирантка из России, занимающаяся экономической социологией. Мою фамилию, по словам Вуди, она не знала. Было немного обидно. Впрочем, ее фамилию Вуди тоже не вспомнил. Видимо, у нас, экономсоциологов, какие-то проблемы с памятью. Позднее Вуди интересовался, нет ли для него в России какого-то интересного объекта исследования, имея в виду анклав биотехнологической промышленности. Я рассказал о подмосковном Пущино. Но, по имевшейся у меня тогда информации, состояние там тяжелое, чтобы рассматривать Пущино как всемирно значимое «кубло» биотека. Может, в будущем город возродится. И тогда, не сомневаюсь, Вуди неумолимо повлечет в Россию.

— Вы, без сомнения, — один из ведущих исследователей в области теории организаций и экономической социологии. Скажите, считаете ли Вы себя экономсоциологом?

— В значительной степени да, я считаю себя экономсоциологом. Причем в большей степени, чем исследователем организаций. Коллеги порою затрудняются в попытках отнести мою работу к тому или иному направлению, хотя бы потому, что в организационной теории я, видимо, институционалист, а в экономической социологии занимаюсь изучением сетей. Кому-то такое сочетание кажется противоречивым, как будто

я в результате пытаюсь объединить соперничающие между собой логики объяснения. Однако я вовсе так не думаю; скорее, они представляют различные уровни анализа, различные аналитические схемы.

¹ У. Пауэлл [Walter Powell] — профессор организационного поведения и социологии Стэнфордского университета, директор исследовательской сети SCANCOR.

— Как Вам кажется, существуют ли какие-то трения между сетевой теорией и новым институционализмом?

— Мне кажется, это вещи, которые нуждаются в объяснении. Но я не вижу здесь особенных трений. Например, в последние десять лет моя работа в значительной степени была направлена на понимание развития и распространение коммерческой сферы в науках о живом. Это сфера, которая прорастала через связи, сети и сотрудничество. И в одной из наших недавних работ, в которой сравниваются Соединенные Штаты и Европа, мы показали, что существуют своего рода каналы, через которые развиваются сети. А эти каналы определяются институциональными моделями — национальными системами инноваций, ставками финансирования, правительствами, культурообусловленным пониманием того, что университетские преподаватели должны делать, а чего не должны. Так что существуют совершенно реальные различия, которые, как мне кажется, играют важную роль в процессе формирования институтов посредством сетей. И в формировании самих сетей тоже.

Мне кажется, сети и институты сопоставимы, хотя работ, в которых они соединены, прямо скажем, немного. Однако, если вспомнить классическую статью Марка Грановеттера [Mark Granovetter] об укорененности [embeddedness]², то ведь в ней он так и не дал ее точного объяснения. Он говорит об укорененности в социальной структуре, в структуре отношений (т.е. относительно членов своей группы), об укоренности в структуре родства, в семейной структуре, укоренности в бизнес-институтах. Так что главное впечатление, которое складывается в результате этих рассуждений, состоит в том, что укорененность — многоуровневое явление [multilevel phenomenon].

— Вопрос по поводу современной экономической социологии. Как бы Вы охарактеризовали ее основные исследовательские направления и методологические подходы? Вы уже упомянули два из них...

— Давайте начнем с вопроса о подходах. Мне кажется, в экономической социологии происходят две вещи. Есть направление работы, которое представлено практически исключительно структуралистскими понятиями — такими, как сетевые позиции. Например, утверждает, что сети играют детерминирующую роль; они рассматриваются как некая сила, которая стоит за значительной частью хозяйственной деятельности.

Другая группа авторов (в отличие от исследователей сетей) гораздо больше внимания уделяет вопросам политики (здесь развитие порою движется довольно странными путями). Сюда относятся такие люди, как Майкл Шварц [Michael Schwartz], Майк Юсим [Mike Useem]. В некоторых своих ранних работах они писали о роли банков в экономике США; их действительно интересовала политическая сторона экономической социологии³.

² Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. P. 481—510. См. также перевод: Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131—158.

³ Mintz B., Schwartz M. The Power Structure of American Business. Chicago: University of Chicago Press, 1985; Useem M. The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business

— Вопросы власти [power dimension]?

— Да, вопросы власти. В сфере властных отношений сети играют решающую роль. Однако в некоторых случаях сети все больше изображают (и об этом писал А. Стинчкомб [Arthur Stinchcombe]) геометрию социальных отношений, структуру пространства, зависящую от обстоятельств и не имеющую содержательного наполнения. Так что есть исследователи, проводящие такую сильную структуралистскую линию. И тому есть причина. Неплохо иметь удобное объяснение, особенно если так много можно получить только лишь из утверждения о том, что позиция в социальной структуре объясняет нечто. Однако, как мне кажется, в данном случае не всегда понятно, что эта позиция означает в более широком смысле. За этим вопросом скрывается еще одна непростая, так и не разрешенная проблема экономической социологии (правда, Сведберг лучше рассказал бы об этом, и Вы наверняка спрашивали его): кто-то считает экономическую социологию конкурентом неоклассической экономической теории, а кто-то считает их взаимодополняющими течениями.

Мне кажется, вокруг этих вопросов остается много напряжения. Есть люди, которые принципиально не хотят иметь дело с кем бы то ни было из экономистов и считают, что сами они предлагают принципиально иные способы интерпретации, объясняют иные вещи и трактуют хозяйственные явления лучше, чем экономисты. И есть другие люди, которые стремятся найти нечто общее, выстроить связи с экономистами. Это и моя собственная позиция — я писал работы совместно с экономистами, я чувствую себя комфортно в общении с эволюционными экономистами [evolutionary economists], некоторыми новыми институциональными экономистами. Я сотрудничаю даже с некоторыми сторонниками эволюционной теории игр [evolutionary game theorists]. Так что я отнюдь не стремлюсь разделить экономическую социологию и основное направление [mainstream] экономической теории, — отчасти потому, что, как мне кажется, этот мейнстрим сейчас претерпевает некоторые (я бы даже сказал, существенные) изменения.

— Да, это так. И все-таки многие говорят, что границы очерчены здесь достаточно четко, даже если имеются в виду работы институционалистов — Уильямсона [Oliver Williamson] и Норта [Douglass North].

— Да, конечно. Что касается Уильямсона, то я бы согласился, что границы либо четко очерчены, либо носят империалистский характер... Знаете, высказывается мнение, что у социологов есть хорошие темы, но совершенно неподходящие методы. А у экономистов методы лучше.

Так что, говорят, позвольте социологам выявлять проблемы, а их разрешение предоставьте экономистам. Некоторые весьма умные люди — Оливер Уильямсон, Боб Гиббонс [Robert Gibbons] — в какой-то степени придерживаются того мнения, что у социологов есть интересные проблемы, но их роль сводится к тому, чтобы

идти в поле, собирая данные, а уж экономисты будут предлагать объяснения. Это один вариант. Но есть и области, в которых связи начинают выстраиваться в обоих направлениях. Знаете, если Вы будете разговаривать с Дагом Нортм сегодня (он где-то здесь, в Стэнфорде, хотя он на пенсии, но я часто его здесь вижу), так вот, Даг Норт 2001 г. — совершенно иной, чем Даг Норт 1990 г.; его исследовательские методы совершенно изменились.

— Да, он иногда говорит как настоящий социолог.

— Верно, акценты существенно сместились. Или если взять, например, Ричарда Нельсона [Richard Nelson], то он никогда не принадлежал к строгим сторонникам неоклассической экономической теории, и сейчас он формально даже не работает на экономическом факультете. А в Дании недавно прошла конференция — через двадцать лет после выхода их совместной с Уинтером [Sidney Winter] знаменитой книги⁴. И в ней участвовали представители самых разных дисциплин.

Знаете, наша работа гораздо в большей степени ориентирована на историю, гораздо больше интересуется институтами. Мне совсем не кажется, что здесь есть какие-то жесткие границы. Но я все чаще вижу — и это одновременно радует меня и отчасти пугает, — что многие экономисты начинают учиться сетевому анализу. Им действительно интересно попробовать новые способы изучения сетей.

— Возможно, дело не в жестких методологических границах, а в том, что многие экономисты не признают того, что было сделано в этой области до них. Они просто не особенно интересуются социальными науками.

— Мне кажется, границы можно воспринимать тройным образом. Думаю, Вы согласитесь, что с точки зрения содержания, предметного наполнения границы уже не столь четкие, и люди занимаются исследованием очень схожих проблем. По-прежнему есть существенные различия в исходных посылах [ordering assumptions]; и это зачастую связано с отношением к методологическому индивидуализму, способности акторов к калькуляции и накоплению знания [calculability or knowability of actors]. Так что есть различия в исходных посылах. Но я признаю, что существуют «перебежчики» — слишком сильное слово, — но все-таки с обеих сторон есть такие перебежчики. Со стороны социологии есть такие люди, как Виктор Ни [Victor Nee] и Мэри Бринтон [Mary Brinton]. В представленной в их книге версии нового институционализма актор действует очень рационально⁵...

— Виктор Ни входит в общество, основанное Рональдом Коузом [Ronald Coase] (ISNIE), работает там весьма активно.

— Да, это один из моментов, которые я хочу подчеркнуть. Кто-то из социологов переходит в другой лагерь, а оттуда, наоборот, некоторые (например, Норт и Нельсон) приходят к социологам. Вы затронули важный вопрос: сколько люди должны знать

⁴ Nelson R.R., Winter S.G. An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1982. См. также перевод: Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002.

⁵ Brinton M.C., Nee V. (eds.). The New Institutionalism in Sociology. Stanford: Stanford University Press, 2001.

о работе друг друга. И мне кажется, ответ здесь не очевиден. Например, Боб Гиббонс. Я восхищаюсь его работой, но он один из тех, кто говорит: «Социологи находят интересные проблемы, которые я могу решить». И он читает очень много работ по социологии, поскольку его интересуют эти проблемы. Другие авторы, по сути, ближе к социологии, но практически не знают, что в ней происходит. Поэтому мне кажется, это интересная область, в которой ведется междисциплинарная работа, и здесь еще многое предстоит сделать. Когда я говорю о проблеме труда или о политической науке, или когда антрополог рассуждает о труде и о социологии, мы обычно отстаем лет на пять. Так что даже лучшие намерения оказываются нереализованными.

— **А какие книги и статьи Вы считаете наиболее интересными, важными, озадачивающими, новаторскими для экономической социологии за последние несколько лет, например, за два — четыре года, т.е. если не брать классику?**

— Например, совсем недавно по итогам конференции в издательстве «Russell Sage» вышла книга «Рынки и сети»⁶. Это целенаправленная попытка свести эти проблемы воедино: за работой экономиста здесь следует работа социолога, за работой социолога — работа экономиста. Поднимаются очень важные вопросы, затрагивающие состояние всей дисциплины. И можно понять, что же волнует мир. Мне кажется, это одна из лучших книг, отвечающих на подобные вопросы, одна из немногих книг общего характера, написанных на теоретическом уровне, — в ней исследуются исходные посыпки, основополагающие механизмы. Практически все прочие заинтересовавшие меня работы выходили в журналах, но мы их оставим в стороне. Что же касается книг, то во многих из них поднимаются вопросы, касающиеся сферы действия. Есть работы о здравоохранении, работы о природе товарных рынков и рынков ценных бумаг. Это если говорить о крупных, сложных по составу работах. Когда я преподаю экономическую социологию, я пользуюсь новыми книгами, среди них, например, книга Мишеля Каллона «Законы рынков»⁷. Другое дело, когда мы смотрим на рынок интеллектуальных продуктов, финансовые рынки, примитивные формы торговли, — здесь предстоит еще много работы. Одна из книг, которая определенно будет способствовать дальнейшему развитию экономической социологии, — это книга Нила Флигстина «Архитектура рынков»⁸.

— **Согласен. А как Вам кажется, какие предметные области и темы в экономической социологии будут в ближайшее время развиваться наиболее активно?**

— Вообще-то я могу говорить только о своей работе... Но мне кажется, что одним из таких направлений может стать исследование торговли и сферы услуг, торговли и знаний, торговли и товаров, которые нельзя сходу расписать по графам «доход-расход» и посмотреть, что именно было обменено.

⁶ Rauch J.E., Casella A. (eds.). *Networks and Markets*. N.Y.: Russell Sage, 2001.

⁷ Callon M. (ed.). *The Laws of the Markets*. Oxford; Maiden, MA: Blackwell Publishers, 1998.

⁸ Fligstein N. *The Architecture Of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

В своей преподавательской работе я часто цитирую фразу Бернарда Шоу, она звучит примерно так: «У меня есть яблоко, и у тебя есть яблоко. Если я дам тебе яблоко, у тебя будет два яблока, а у меня — ни одного. Но если вместо яблока обмениваться идеями, то в результате у каждого из нас будет две идеи». Так что типы обмена изменились. Видно, что все больше людей пытаются понять сущность врожденных качеств [natural properties], приобретенных навыков [skills], то, как происходит торговля ими. Мне это кажется очень интересной проблемой. Одним из исходных положений макроэкономики могло бы быть наличие, наряду с конвергенцией обществ на уровне хозяйственной деятельности и ее результатов, все больших разнообразия и специализации. Развивается сфера услуг. Понять это — серьезная задача, и ее пытается решить экономическая теория роста. Но то же происходит и в социологии: здесь исследуются схемы, модели, формы сотрудничества, различные типы деятельности. Люди пытаются понять, каким образом происходит обмен идеями. Это — несомненно — одна из основных областей.

— Десять лет назад в Вашей с Полом Димаджио книге «Институциональный анализ»⁹ Вы отметили, что новый институционализм занимается преимущественно изучением некоммерческой деятельности, общественным сектором. Прошло десять лет — что-нибудь изменилось в этом отношении? Есть ли здесь какие-то крупные сдвиги?

— Я бы не сказал, что они «крупные», но значительные. Можно заметить, что теперь гораздо больше внимания уделяется основным сферам хозяйства — рынкам труда, сфере здравоохранения, финансовым рынкам. Пожалуй, эти три области изучаются наиболее активно. Много внимания уделяется роли права — тому, как закон формирует рынок, общественный сектор и совершаемые в нем действия, как связаны изменения в правовой сфере и изменения природы бизнес-практик. В этой связи можно упомянуть работы Фрэнка Доббина [Frank Dobbin]: в них рассматривается, как конструируются и трактуются правила рынка, анализируются такие явления, как доверие.

Произошло весьма и весьма заметное смещение от простого изучения общественного сектора и функционирования отдельных институтов к анализу более фундаментальных, ключевых экономических единиц. То есть теперь занимаются не автомобильной или сталелитейной промышленностью, люди обратились к изучению сферы финансовых услуг. И здесь много хороших работ. Но мне кажется, нам нужно пойти дальше, рассуждать не просто о том, как практики будут распространяться от отрасли к сектору, и далее к фирме, а о различных путях распространения этих практик. Появляется все больше ценных работ, которые посвящены не просто диффузии [diffusion], а восприимчивости [susceptibility] к новым практикам; рассматриваются вопросы о том, является ли происходящее лишь поверхностной адаптацией или же изменения

⁹ Powell W.W., DiMaggio P.J. (eds.). *The New Institutionalism in Organizational Analysis*: Chicago: University of Chicago Press, 1991.

затрагивают ключевые элементы организаций. Книга Дага Гатри «Дракон в европейском костюме»¹⁰ — хорошая работа о том, как все китайские фирмы на поверхностном уровне усваивают западные практики ведения бизнеса, чтобы лучше вести торговлю и мобилизовать ресурсы западных фирм. Речь идет о таком их усвоении, что даже несмотря на отсутствие в Китае реальных гражданских прав, работники эти права получают, поскольку фирма усвоила западные практики ведения бизнеса. В работе показано, как эти западные способы ведения бизнеса неравномерно проникают в китайские фирмы. Мне кажется, это и есть те направления, в которых институциональный анализ особенно преуспел, где он позволил ближе подойти к решению проблемы. Именно здесь развиваются связи между организационной теорией и экономической социологией.

— **Но они по-прежнему существуют порознь.**

— Да. Знаете, если говорить цинично, то мы не слишком погрешили бы против истины, сказав, что организационная теория переместилась в бизнес-школы, а экономическая социология обосновалась на факультетах социологии. Но мне не хотелось бы здесь преувеличивать.

— **Экономическая социология выросла из организационной теории (по крайней мере, здесь, в США) и осталась в сфере социологии.**

— Да, она осталась здесь. А организационная теория из нее ушла. Мой коллега Дик Скотт [Dick Scott] говорит, что молодых социологов, исследующих организации, уже просто нет. Все, кто занимается социологией рынков, работают в бизнес-школах. Я вовсе не говорю, что работа в бизнес-школе портит людей. Однако же одно важное следствие этой работы все-таки есть. Работая в бизнес-школе, вы сосредоточены прежде всего на фирмах, а не на организациях в целом. Экономсоциологов же интересуют хозяйственные явления, наблюдаемые и в частных клубах, и в бизнес-фирмах, и в государстве, и в международных организациях — в разного рода местах. Многие из этих вопросов совершенно выпадают из поля зрения американских бизнес-школ. То же касается и Европы, хотя общественный сектор играет там гораздо большую роль в хозяйственной жизни.

— **Большое спасибо.**

¹⁰ Guthrie D. Dragon in a Three-Piece Suit: The Emergence of Capitalism in China. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

- Пауэлл У., Смит-Дорр Л.* Сети и хозяйственная жизнь // *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики* / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 226–280.
- Powell W.W., Smith-Doerr L.* Networks and Economic Life // *The Handbook of Economic Sociology* / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 379–402.
- Powell W.W., White D.R., Koput K.W., Owen-Smith J.* Network Dynamics and Field Evolution: The Growth of Inter-organizational Collaboration in the Life Sciences // *American Journal of Sociology*. 2005. Vol. 110. No. 4. January. P. 1132–1205.
- Powell W.W., Grodal S.* Networks and Innovators // *The Oxford Handbook of Innovation* / Ed. by J. Fagerberg, D. Mowery, R. Nelson. Oxford: N.Y.: Oxford University Press, 2005. P. 56–85.
- Porter K., Bunker K., Powell W.W.* The Institutional Embeddedness of High-Tech Regions // *Clusters, Networks, and Innovation* / Ed. by S. Breschi, F. Malerba. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Owen-Smith J., Powell W.W.* Knowledge Networks as Channels and Conduits: The Effects of Spillovers in the Boston Biotechnology Community // *Organization Science*. 2004. Vol. 15. No. 1. January. P. 5–21.
- Powell W.W., Snellman K.* The Knowledge Economy // *Annual Review of Sociology*. 2004. Vol. 30. P. 199–220.
- Powell W.W., Koput K.W., Bowie J.I., Smith-Doerr L.* The Spatial Clustering of Science and Capital: Accounting for Biotech Firm-Venture Capital Relationships // *Regional Studies*. 2002. May. Vol. 36. No. 3. P. 299–313.
- Powell W.W.* The Little Bookshop Around the Corner Isn't There Anymore // *Contemporary Sociology*. 1999. Vol. 28. No. 2. March. P. 135–138.
- Powell W.W.* Learning from Collaboration: Knowledge and Networks in the Biotechnology and Pharmaceutical Industries // *California Management Review*. 1998. Spring. Vol. 40. No. 3. P. 228–240.
- Powell W.W., Owen-Smith J.* Universities and the Market for Intellectual Property in the Life Sciences // *Journal of Policy Analysis and Management*. 1998. Spring. Vol. 17. No. 2. P. 253–277.
- Powell W.W., Clemens E.S.* (eds.). *Private Action and the Public Good*. New Haven: Yale University Press, 1998.
- Powell W.W., Koput K.W., Smith-Doerr L.* Interorganizational Collaboration and the Locus of Innovation: Networks of Learning in Biotechnology // *Administrative Science Quarterly*. 1996. Vol. 41. No. 1. March. P. 116–145.
- Baum J.A.C., Powell W.W.* Cultivating an Institutional Ecology of Organizations: Comment on Hannan, Carroll, Dundon, and Torres // *American Sociological Review*. 1995. Vol. 60. No. 4. August. P. 529–538.
- Powell W.W., Smith-Doerr L.* Networks and Economic Life // *Handbook of Economic Sociology* / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 368–402.
- Powell W.W., DiMaggio P.J.* (eds.). *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Powell W.W.* (ed.). *The Nonprofit Sector: A Research Handbook*. New Haven: Yale University Press, 1987.

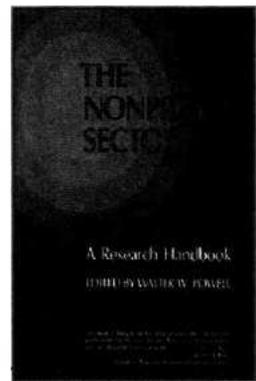
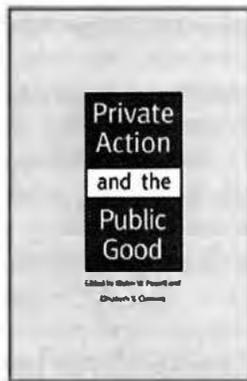
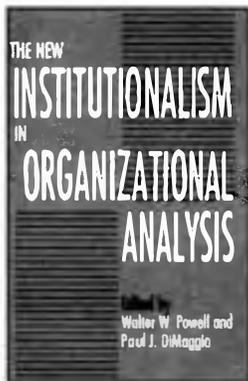
Powell W.W. Hybrid Organizational Arrangements: New Form Or Transitiona // California Management Review. 1987. Vol. 30. No. 1. Fall. P. 67–88.

Coser L.A., Kadushin C., Powell W.W. Books: The Culture and Commerce of Publishing. Chicago: University of Chicago Press, 1985 (1982).

Powell W.W. Getting into Print: The Decision-Making Process in Scholarly Publishing. Chicago: University of Chicago Press, 1985.

Powell W.W., Robbins R. (eds.). Conflict and Consensus: A Festschrift in Honor of Lewis A. Coser. N.Y.: Free Press; L.: Collier Macmillan, 1984.

DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. No. 2. April. P. 147–160.

Ричард Сведберг¹

18 сентября 2001 г.

«Даже сейчас, я думаю, люди все еще не вполне осознают, что существует длительная традиция экономической социологии. Они по-прежнему смотрят прежде всего на работы, которые начали появляться в конце 1980-х, в 1990-е годы.»

Ричард Сведберг — человек номер один в истории экономической социологии. Именно он очертил рамки новой экономической социологии, реконструировав стоящую за ней традицию, издал лучшие сборники работ в этой области, выступил одним из основателей Европейской исследовательской сети по экономической социологии. А изданная им вместе с Нилом Смелсером в 1994 г. «Хрестоматия по экономической социологии»² — сборник оригинальных работ в данной области, в котором интегрированы ее достижения более чем за четверть века, — стал важнейшей вехой в институционализации экономической социологии.

Наша встреча состоялась в Стэнфордском университете, куда Сведберг приехал в качестве приглашенного исследователя [visiting scholar] сроком на один академический год. Стэнфорд — райское место, похожее на хороший средиземноморский курорт. Но несмотря на идиллическое окружение, Ричард сохранял довольно скептическое (холодно-скандинавское) отношение к происходящему, намекая, что не все так хорошо, как выглядит. Однако при этом он не скрывал, что подумывает насовсем перебраться в США из Швеции (что впоследствии и произошло). Прощаясь, он обещал выслать мне только что выпущенное им вместе с М. Грановеттером новое издание хрестоматии «Социология хозяйственной жизни»³. Когда я вернулся в Москву, книга уже лежала у меня на столе. Надо учиться обязательности...

— Вас называют главным историком экономической социологии, и Ваш вклад в институционализацию этой дисциплины огромен. Поэтому я не спрашиваю, считаете ли Вы себя экономсоциологом. Но скажите, когда это случилось, когда Вы сказали себе, что «да, эта область называется экономической социологией, и это моя область».

— Когда примерно в начале 1980-х годов я читал социологию, я вдруг понял, что в ней есть огромная дыра, просто огромная структурная дыра, если использовать выражение Рональда Бёрта [Ronald Burt] — именно там, где могла бы быть экономичес-

¹ Р. Сведберг [Richard Swedberg] — с 2002 г. профессор социологии Корнельского университета; ранее работал в Стокгольмском университете.

² Smelser N., Swedberg R. (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.

³ Granovetter M., Swedberg R. (eds.). The Sociology of Economic Life. 2nd ed. Boulder: Westview Press, 2001 [1992].

раю социология. К тому времени я прочел достаточное количество работ Макса Вебера и других классиков социологии, чтобы понимать, что существует некоторая область под названием «экономическая социология». Для Вебера это была *Wirtschaftssoziologie*, для Дюркгейма — *sociologie économique*, но нет сомнений, что они имели в виду одно и то же. Добавим еще Карла Манхейма. Нет сомнений, что на всем протяжении истории своей дисциплины социологи время от времени занимались экономической социологией.

Одна из первых моих работ — «Экономическая социология: прошлое и настоящее» — вышла в журнале «Современная социология» в 1986 г.⁴ В ней я попытался предельно тщательно осветить все возможные моменты истории социологии, где могла бы присутствовать экономическая социология. Я старался также понять, почему она исчезла и почему люди пытались вернуть ее обратно (как, например, это делали Толкотт Парсонс [Talcott Parsons], Нил Смелсер [Neil Smelser], Уилберт Мур [Wilbert Moog] и ряд других в конце 1950-х — начале 1960-х годов). Понять, как возникла огромная зияющая дыра. Было совершенно очевидно, что социологи «потеряли» традиционную экономическую социологию и что мы можем возродить ее.

Примерно в то же время я повстречал Марка Грановеттера. Думаю, впервые мы с ним встретились в 1985 г., когда он опубликовал свою знаменитую статью об укорененности⁵. И вот когда мы с ним познакомились, мы и решили подготовить хрестоматию по экономической социологии. Получилась, как Вы знаете, «Социология хозяйственной жизни»⁶.

Несомненно, это была чрезвычайно заманчивая идея — попробовать восполнить существующий огромный пробел. Ведь ты первый и можешь сделать все самое интересное! Вы называете меня историком экономической социологии — да, это так. Но один из побудительных мотивов быть «историком экономической социологии» как раз в том и состоит, чтобы найти для нее какое-то идеологическое обоснование, иметь основания утверждать, что Макс Вебер поддерживал развитие экономической социологии. Чтобы потом никто не мог прийти и сказать, что ее не существует. Чтобы мы могли ею заниматься. Так

что занятие историей экономической социологии в тот момент было своего рода шитом — способом выстроить традицию экономической социологии и сказать: «да, здесь есть традиция».

Даже сейчас, я думаю, люди все еще не вполне осознают, что существует длительная традиция экономической социологии. Они по-прежнему смотрят прежде всего на работы, которые начали появляться в конце 1980-х, в 1990-е годы. Именно в них они пытаются найти истину и руководство к действию. И для них это и есть истина. Однако здесь отсутствует то тщательное обоснование экономической со-

⁴ Swedberg R. *Economic Sociology: Past and Present* // *Current Sociology*. 1986. Vol. 35. No. 1. P. 1—221.

⁵ Granovetter M. *Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness* // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. No. 3. November. P. 481—510. Перевод см.: Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики* / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131—158.

⁶ Granovetter M., Swedberg R. (eds.). *The Sociology of Economic Life*. Boulder, CO: Westview Press, 1992.

цели, которое мы находим у Макса Вебера. Просто люди склонны в очередной раз изобретать колесо, и оно выходит у них довольно угловатым.

— **А какие основные методологические подходы, направления исследований Вы бы выделили в нынешней экономической социологии?**

— Думаю, какие-то подходы уже существуют, а какие-то должны развиваться, возможно, более активно. Например, сравнительный исторический подход мог бы быть более четко выражен, нежели мы это видим сегодня. Работа в данном направлении ведется (например, здесь есть Брюс Керратерс [Bruce Carruthers], Фрэнк Доббин [Frank Dobbin]). Но этого пока недостаточно.

Если говорить о существующих направлениях, то есть, например, такой пограничный подход, как экономическая социология рационального выбора. Его основы заложил Джеймс Коулман [James Coleman]. А продолжает сейчас эту работу Виктор Ни [Victor Nee] в Корнельском университете.

— **Скажите, после Коулмана именно Виктор Ни становится значимой фигурой для социологии рационального выбора или кто-то еще?**

— Да, сейчас, без сомнения, это Виктор Ни. Он готовит конференцию — «Экономическая социология капитализма» в Корнеле. И это он организовал секцию на конференции по неоинституциональной экономике⁷. Думаю, у него достаточно амбиций, и он имеет ясные планы в этом отношении. Я имею в виду, что он стремится приблизить экономсоциологов к таким авторам, как Даглас Норт и др. Это заметно, например, в книге «Новый институционализм в социологии» под редакцией Виктора Ни и Мэри Бринтон⁸. Так что есть такой подход.

Есть также сетевой подход. Здесь, вне всякого сомнения, следует назвать Марка Грановеттера, Брайана Уци [Brian Uzzi]. Грановеттер, правда, не станет говорить, что он относит себя к сетевому подходу. Он скажет, что принадлежит к школе структурной экономической социологии, т.е. к теоретической школе, идущей от Хэrrисона Уайта [Harrison White], где сети действительно являются частью исследовательской программы, но одновременно это не единственный метод, которым можно пользоваться. В своей самой последней работе⁹ Грановеттер акцентированно говорит о структурной экономической социологии — чего он раньше не делал. Тем не менее остается фактом, что многие приверженцы сетевого подхода занимаются именно экономической социологией.

Традиционно указывают на существование культурологического подхода. Сюда можно было бы отнести Пола Димаджио [Paul DiMaggio] и Вивиану Зелизер [Viviana Zelizer]. Но я не уверен в отношении этого подхода, т.е. я не уверен, что социологи четко знают, что такое «культура». У них слишком многое попадает в данную категорию. Нет сомнений, это чрезвычайно талантливые люди, они делают

⁷ Речь идет о Ежегодной конференции ISNIE (сентябрь 2001, Беркли). Подробнее см.: Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 5 (<http://www.ecsoc.msses.ru>). — Прим. науч. ред.

⁸ Brinton M.C., Nee V. (eds.) *The New Institutionalism in Sociology*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1998; Stanford, CA: Stanford University Press, 2001.

⁹ Речь идет о докладе М. Грановеттера «Социальные сети, доверие, власть и институты в экономике» на упомянутой выше конференции ISNIE. — Прим. науч. ред.

интересную работу. Но мне кажется, что всякая социология без определенного духа — это не социокультурная социология [cultural sociology], а всякая действительно одухотворенная социология, пытающаяся вникнуть во все детали и т.д., — это социокультурная социология. Тем не менее есть школа, которую называют «культурологической экономической социологией» или «экономической социологией культуры».

Что мы еще забыли? Есть интересные попытки встроить феноменологию в экономическую социологию. Этим занимается, во-первых, немецкая исследовательница Карин Кнорр-Цетина [Karin Knorr-Cetina], она работает в Университете Констанца. У нее скоро выйдет статья в «Американском журнале социологии» [American Journal of Sociology], в которой она активно использует идеи Альфреда Шюца¹⁰. А во-вторых, — Патрик Асперс [Patrik Aspers], Вы его, конечно же, знаете. Его диссертация только что была опубликована в качестве монографии. Он сообщил мне, что книга вышла, она посвящена фотографии моды в Швеции и называется «Рынки в сфере моды»¹¹. Патрик очень наблюдателен и очень осмысленно реализует идеи Шюца. Что все это значит? Это значит, что используется радикальный субъективистский подход. Иными словами, экономисты не спрашивают людей, как они видят хозяйство, — они просто оперируют исходными посылами о среднем идеальном акторе, который реагирует на определенные обстоятельства определенным образом. Последователи Шюца придерживаются противоположного подхода и утверждают: «Мы поверим только тому, что видят сами акторы». Так что, как пишет Шюц, а за ним Кнорр-Цетина и Асперс, в феноменологическом исследовании вы начинаете с так называемого исследования первого порядка. Сначала вы выясняете, как акторы видят свою хозяйственную деятельность. Затем вы переходите к «абстракциям второго порядка»: аналитик, социолог берет полученный материал и пытается его как-то интерпретировать. Патрик, например, пытается показать, что рынки действуют по совершенно иным принципам, нежели те, что описываются в стандартном анализе спроса и предложения. Нельзя сказать,

что это школа в строгом смысле. Это, скорее, просто интересный подход. И пожалуй, на этом мне стоит остановиться.

— Проводите ли Вы различие между сетевым подходом и новой институциональной социологией?

— Новый институционализм, видимо, включает в себя несколько различных подходов: он варьируется от нового институционализма экономистов, в значительной степени ориентированного на теорию рационального выбора (среди этих авторов — Даглас Норт [Douglas North], Оливер Уильямсон [Oliver Williamson] и др.) до того, что мы называем «новой институциональной социологией». Последняя чрезвычайно далека от теории рационального

¹⁰ См. также: Knorr-Cetina K., Bruegger U. The Market as an Object of Attachment: Exploring Postsocial Relations in Financial Markets // Canadian Journal of Sociology. 2000. Vol. 25. No. 2. P. 141—168. <http://www.arts.ualberta.ca/cjscopy/articles/knorr.html>. Перевод см.: Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. P. 445—470.

¹¹ Aspers P. Markets in Fashion, A Phenomenological Approach. Stockholm: Stockholm University Press, 2001 (а также 2-е доп. изд.: L.: Routledge, 2005). См. также: Aspers P. A Market in Vogue, Fashion Photography in Sweden // European Societies. 2001. Vol. 3. No. 1. P. 1—22.

выбора и сосредоточена вокруг работ Джона Мейера [John Mayer] (факультет социологии Стэнфордского университета). Единственное, что их объединяет, — в рамках обоих направлений считается, что институты имеют важное значение. Есть подобные школы также и в политической науке. И общее для них всех — важность того, что называется «институтами». Думаю, что если кто-то хочет в этом разобраться, надо сначала понять, что такое «институт», каково его значение, действительно ли институты так важны, как о них говорят. Например, Дуглас Норт в своей книге об институтах пишет, что институты — это правила¹². И это совершенно иной подход к институтам, чем, например, подход Джона Мейера. Так что, в целом, надо посмотреть сначала, есть ли в этом смысл вообще, а затем — есть ли смысл в исследуемых институтах.

Несколько дней назад в Беркли на конференции ISNIE, в которой Вы тоже участвовали, я анализировал работы Вебера и Шумпетера и утверждал, что, с их точки зрения, для развития сильного, здорового капитализма одних институтов недостаточно. Я считаю, что все институциональные течения очень многое упустили из виду. Конечно, легко говорить, что кто-то что-то упустил. Но я убежден, что пришло время сделать следующий шаг — пойти дальше анализа институтов. Мне кажется, институты были столь популярны потому, что в несоциологических социальных науках был так слабо развит анализ социальной структуры. Поэтому понятие института их представителей просто заворожило — им казалось, что это ключ к решению столь многих проблем. Между тем это совсем не так. Я думаю, пора еще раз, более внимательно, задуматься о том, что действительно имеет значение. Это моя личная точка зрения.

— Я хотел бы уточнить одно обстоятельство в отношении новой экономической социологии. Мне кажется, что иногда ее связывают с сетевым структурным анализом, представленным в работах Марка Грановеттера и др., а иногда с более широким направлением — социологией рынков. А в каком смысле Вы используете это понятие — узком или широком?

— Думаю, что более правильно использовать его в широком смысле. А еще правильнее будет сказать, что к нему принадлежат люди, которые начали заниматься экономической социологией в США в середине 1980-х годов. Как мы знаем, в эту группу входят и сторонники культурологического подхода, и те, кто работает в рамках сетевого подхода.

Разумеется, каждый может определять понятия как угодно. Главное, как вы это делаете. Но я думаю, что если вернуться назад и посмотреть на разные прошлые конференции, мы обнаружим, что есть люди, которые всегда были связаны с экономической социологией, — например, Пол Димаджио и Вивиана Зелизер. И они с самого начала весьма категорически высказывались против того, чтобы сводить социальный анализ

¹² North D.C. Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. Cambridge N.Y.: Cambridge University Press, 1990.

и экономическую социологию к анализу их конкретных работы, в которых они об этом пишут. Например, возьмем введение Димаджио и Зукин [Sharon Zukin] к книге (не помню точно название, кажется, «Структуры капитала»¹³). В этой работе Димаджио и его соавтор утверждают, что точно так же, как мы говорим об укорененности экономики в социальных сетях (они называют это структурной укорененностью), можно говорить и о ее укорененности в культуре (т.е. о культурной укорененности). И точно так же культура укоренена в политике. Схожие аргументы приводит и Вивиана Зеллизер. Вообще, Зеллизер и Димаджио считаются одними из ключевых фигур новой экономической социологии. И полагаю, стоит к ним прислушаться и задуматься о содержании экономической социологии, о том, стоит ли ею заниматься в такой форме, как это делают сейчас.

Что касается меня, то я сейчас пишу книгу по экономической социологии¹⁴. Это не столько ее история, сколько попытка осмыслить наиболее яркие достижения классической и современной социологии. Порою я ловлю себя на том, что использую термин «новая экономическая социология» главным образом в историко-хронологическом описании. А когда я говорю о том, что происходит в социологии сейчас, то пишу «современная экономическая социология». Я делаю так, потому что не отношу таких авторов, как, например, Вы, к новой экономической социологии. Я не отношу к ней и Бурдые, и Тевено, и Кнорр-Цетину, и т.д. Я полагаю, что все эти исследователи сформировались за пределами Соединенных Штатов — в странах, где есть собственные сильные традиции.

— **Вы считаете, что новая экономическая социология — американское явление?**

— Да, это американское явление. Я единственный неамериканец, кто занимался этим с самого начала. Но я очень американизирован, — я прожил в США пятнадцать лет. И когда велись разговоры об экономической социологии, речь шла не о том, что она берет начало в шведской или российской социологии. Об этом никто не говорил. Речь шла о Соединенных Штатах. Мы с Вами находимся в самом сердце экономической социологии, отсюда она и начиналась. Социология складывалась вокруг США, вокруг англосаксонской традиции — в этом нет сомнений.

— **Я тоже в этом не сомневаюсь. Но сейчас начинают говорить о своего рода ренессансе экономической социологии в Европе. Что Вы думаете по этому поводу?**

— Совершенно верно. Как раз это я и пытаюсь понять. Экономическая социология развивается сейчас за пределами Соединенных Штатов. Взять, например, новые работы в области социологии денег. Когда-то можно было назвать Вивиану Зеллизер, может быть, Уэйна Бейкера [Wayne Baker] и других американцев. Теперь же здесь есть представители других стран: несколько человек в Германии, несколько в Англии и т.д.

¹³ Zukin S., DiMaggio P.J. (eds.). *The Structure of Capital: The Social Organization of the Economy*. N.Y.: Cambridge University Press, 1990.

¹⁴ Swedberg R. *Principles of Economic Sociology*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.

этому вместо того, чтобы говорить о новой экономической социологии, мне кажется более правильным сослаться просто на современную экономическую социологию. И конечно, в Европе идет ее возрождение.

— А не могли бы Вы более подробно охарактеризовать это возрождение применительно к конкретным областям исследования и странам?

— Думаю, можно просто идти от страны к стране и перечислять конкретных людей. Если взять, например, последний номер журнала «Европейские общества» [European Societies]¹⁵ по новой экономической социологии, там можно будет найти кого-то из этих людей. Это, например, Дженс Беккерт [Jens Beckert] в Германии, Патрик Асперс в Швеции, Найджел Додд [Nigel Dodd] в Англии, и т.д., список можно продолжать. Это не сложное упражнение, думаю, оно по силам каждому. Сложнее давать оценки. И здесь, я полагаю, если не считать США, то страной с самой сильной и интересной традицией экономической социологии является Франция. Почему Франция? Потому что там есть собственная внутренняя очень интересная традиция. Это и работы Бурдьё на протяжении уже тридцати — сорока лет, и работы Болтански [Luc Boltanski]. Есть также несколько французских экономистов, которым близка социологическая перспектива. Например, Вы, наверное, знаете, что Тевено [Laurent Thévenot] первоначально был экономистом. И так далее. Сегодня, если вы хотите читать хорошие книги по экономической социологии, то, конечно, следует обратиться к работам американцев. Но необходимо так же внимательно относиться и к французским работам. Кроме того, есть люди, оказавшиеся в экономической социологии довольно неожиданно. Например, Кнорр-Цетина — чрезвычайно талантливый человек. И она пришла из области, совершенно не связанной с экономической социологией. Она, насколько я знаю, занималась социологией науки и начала изучать финансовые рынки, потому что это показалось ей интересным.

— Какие книги или статьи по экономической социологии Вы назвали бы самыми значительными за последние два — четыре года?

Может быть, самыми неожиданными, в чем-то удивительными или новаторскими?

— Без сомнения, здесь лидируют американцы. При этом я думаю, что американцам не особенно удается сказать что-то новое, т.е. все основные, самые интересные вещи (например, работа «Откуда берутся рынки?» Хэrrисона Уайта, статья Марка Грановеттера об укорененности, статья Нила Флигстина о рынках как политике, работа Вивианы Зеллизер о множестве типов денег) написаны уже довольно давно¹⁶. И я не вижу, чтобы за последние три-четыре года в экономической социологии в США появилось что-то новое.

¹⁵ См. тематический номер, посвященный экономической социологии: European Societies. 2001. Vol. 3. No. 3. — Прим. науч. ред.

¹⁶ White H. Where do Markets Come From? // American Journal of Sociology. 1981. Vol. 87. P. 517—547; Fligstein N. Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institutions // American Sociological Review. 1996. Vol. 61. No. 4. August. P. 656—673 (см. также перевод: Флигстин Н. Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. С. 185—210); Zelizer V. The Social Meaning of Money. N.Y.: Basic Books, 1994 (см. также перевод: Зеллизер В. Социальное значение денег / Пер. с англ. А.В. Смирнова, М.С. Добряковой под науч. ред. В.В. Радаева. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

А что касается важных новинок, то, например, это книга Бурдье «Социальные структуры хозяйства»¹⁷ и «Введение в феноменологический подход», т.е. работы Кнорр-Цетины и Асперса¹⁸. Это две важные новинки. Пожалуй, это все, что я могу сейчас сразу вспомнить.

— **И последний вопрос: какие темы, направления в экономической социологии, с Вашей точки зрения, будут наиболее перспективными в ближайшем будущем?**

— Например, есть ряд областей, которые, как я уже говорил, Патрик Асперс в минуту вдохновения назвал структурными дырами в экономической социологии. Я полагаю, что выявить эти дыры и заполнить их было бы очень неплохо. Среди них, например, социология потребления — она всегда стояла несколько в стороне от экономической социологии и никогда не была по-настоящему в нее интегрирована.

— **Она относится скорее к культурологической теории?**

— Нет, не думаю, здесь есть разные направления. Если говорить о социологии потребления, то, с одной стороны, это нечто старомодное, довольно скучное. А с другой стороны, есть маркетинговые исследования, ориентированные на экономическую теорию, — это может быть просто захватывающим. Опять же, есть постмодернистское направление — критика консьюмеризма (работы Бодрийара и др.). Существует много различных ответвлений, но все они довольно далеки от экономической социологии.

Думаю, исследования труда и занятости тоже еще пока довольно далеки от нее. В индустриальной социологии можно было бы использовать классический метод включенного наблюдения. Например, Дэвид Старк [David Stark] здесь занимает промежуточное положение. Но если сравнивать, например, его и Майкла Буравого [Michael Burawoy], то Старк все-таки перебрался в лагерь экономсоциологов, а Буравой — нет. Думаю, они здесь являются своего рода символическими фигурами. Иными словами, социология труда, индустриальных отношений все еще не интегрирована в экономическую социологию.

Далее, стратификация и те ее разделы, которые могли бы войти в экономическую социологию, но до сих пор в нее не вошли. Например, изучение того, как зарабатываются состояния и затем передаются от поколения к поколению, однозначно должно принадлежать к области экономической социологии.

Так что один из ответов на Ваш вопрос состоит в том, что если бы кто-то занялся исследованием данных областей, то экономическая социология смогла бы многое объяснить. Получились бы интересные результаты. Вот, например, Вы сегодня говорили о налогах, социологии налогообложения. Это очень важная тема. Ведущей фигурой здесь сейчас является Джон Кэмпбелл [John L. Campbell] (Дартсмутский колледж)¹⁹.

Не менее важная структурная дыра — это тема гендера и хозяйства. Если другие темы, о которых я

¹⁷ Bourdieu P. Les structures sociales de l'économie. Paris: Editions du Seuil, 2000.

¹⁸ Имеется в виду книга: Aspers P. Markets in Fashion, A Phenomenological Approach. Stockholm: City University Press, 2001 (а также 2-е доп. изд.: L: Routledge, 2005).

¹⁹ См., например: Campbell J.L. Fiscal Sociology in an Age of Globalization: Comparing Tax Regimes in Advanced Capitalist Countries // The Economic Sociology of Capitalism / Ed. by V. Nee, R. Swedberg. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 391—418.

говорил, не являющихся междисциплинарными, то здесь речь идет о междисциплинарности. Масса работ, значимых для экономической социологии, публикуется в различных феминистских журналах, в изданиях, посвященных истории женских движений, и т.д. Это чрезвычайно интересно. И это тоже необходимо так или иначе интегрировать в экономическую социологию.

Один из способов интеграции — просто читать как можно больше разной литературы, смотреть, что может быть важно для экономической социологии. И если вы хороший читатель и обладаете достаточными знаниями, вы сделаете хорошую работу. При этом хотелось бы, чтобы представители этих разных направлений, в свою очередь, тоже активно работали в экономической социологии. И надо подумать о том, как сделать эту область привлекательной для них. Надо не просто говорить, что ваши темы помогут развитию экономической социологии, но также то, что, когда, например, вы читаете экономическую социологию, ваш курс будет более интересным, если добавить в него элементы социологии потребления, социологии труда, различные аспекты стратификации, гендерных исследований. Об этом стоит подумать. Это серьезный план на будущее. Если же этого не сделать, то мы так и останемся со старым видением хозяйства, со старой экономической социологией. Ведь сейчас вы не видите многого из того, что происходит на фабриках, в системе труда в целом, вы не видите судеб поколений, не видите того, как распределяются доходы, и т.д.

И конечно же, есть те области, о которых мы уже немного говорили: например, экономическая социология особенно не занимается исследованием развивающихся стран. У нее есть своего рода средний уровень, она сосредоточена прежде всего на исследовании отдельных аспектов капитализма. У нас еще не было конференции по экономической социологии капитализма. И одна из причин — в том, что есть много исследований рынков, фирм и т.д., но много ли мы знаем о капитализме как системе? Очень мало. И большинство людей не задаются этим вопросом.

Так что остается целый ряд тем и вопросов, которые еще не изучались достаточно внимательно и над которыми необходима дальнейшая работа.

— Большое спасибо.

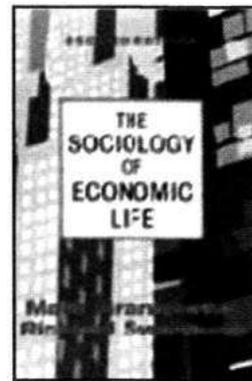
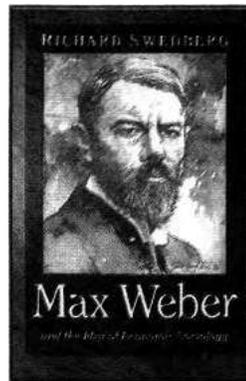
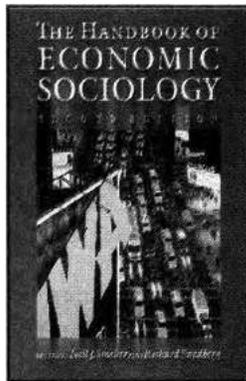
Основные публикации Р. Сведберга

Сведберг Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 111–130.

Смелсер Н., Сведберг Р. Социологический подход к анализу хозяйства // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 25–58.

Swedberg R. Principles of Economic Sociology. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.

- Swedberg R.* New Developments in Economic Sociology. Cheltenham: Edward Elgar, 2005.
- Swedberg R.* The Max Weber Dictionary: Key Words and Central Concepts. Stanford: Stanford Social Sciences, 2005.
- Swedberg R.* (ed.). *Entrepreneurship: The Social Science View.* Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Swedberg R.* *Max Weber and the Idea of Economic Sociology.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998.
- Swedberg R.* *New Economic Sociology: What Has Been Accomplished, What Is Ahead // Acta Sociologica.* 1997. Vol. 40. P. 161–182.
- Swedberg R.* *Histoire de la sociologie économique.* Paris: Desclée de Brouwer, 1994.
- Swedberg R.* (ed.). *Explorations in Economic Sociology.* N.Y.: Russell Sage Foundation, 1993.
- Swedberg R.* *Joseph A. Schumpeter – His Life and Work.* L.: Polity Press, 1991.
- Swedberg R.* *Major Traditions of Economic Sociology // Annual Review of Sociology.* 1991. Vol. 17. P. 251–276.
- Swedberg R.* *Economics and Sociology – Redefining Their Boundaries: Conversations with Economists and Sociologists.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.
- Swedberg R.* *Economic Sociology: Past and Present // Current Sociology.* 1987. Vol. 35. P. 1–221.
- Smelser N.J., Swedberg R.* (eds.). *The Handbook of Economic Sociology.* 2nd rev. ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.
- Nee V., Swedberg R.* (eds.). *The Economic Sociology of Capitalism.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.
- Granovetter M., Swedberg R.* (eds.). *The Sociology of Economic Life.* 2nd ed. Boulder, CO: Westview Press, 2001 [1992].
- Hedstrom P., Swedberg R.* (eds.). *Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory.* Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Smelser N.J., Swedberg R.* (eds.). *Handbook of Economic Sociology.* N.Y.: Princeton University Press: Russell Sage Foundation, 1994.

Нил Смелсер¹

25 сентября 2001 г.

«За последние двадцать — тридцать лет главные теоретические идеи действительно принадлежат европейцам».

Нил Смелсер — несомненно, один из наиболее известных в России социологов. Его хорошо и просто написанный учебник по социологии широко используется поступающими на социологические факультеты и студентами младших курсов. Интересы Смелсера всегда выходили за рамки экономической социологии, тем не менее его вклад в развитие этой науки трудно переоценить. Еще в студенческие годы (небывалый случай!) он стал соавтором знаменитого Толкотта Парсонса по книге «Хозяйство и общество», которая сегодня считается систематическим изложением так называемой «старой экономической социологии». Многого было сделано им впервые. Он написал первый учебник «Социология хозяйственной жизни» в 1963 г.², издал первый сборник по экономической социологии в 1965 г.³, стал одним из трех основателей Комитета «Хозяйство и общество» в Международной социологической ассоциации (ISA) в 1986 г. Важную роль сыграл Смелсер и в институционализации современной экономической социологии в 1990-е годы. Поэтому интервью с ее патриархом представляет для нас особый интерес.

Беседа состоялась в рабочем кабинете профессора Смелсера в Беркли, куда он вернулся после периода работы в Стэнфордском университете. Это было на следующий день после его возвращения из отпуска. К сожалению, запланированная им поездка с супругой в экзотическую Норвегию сорвалась из-за трагических событий 11 сентября 2001 г. И семья Смелсеров провела эти дни на родном западном побережье. Во время разговора Нил с искренним удовольствием вспоминал о своей поездке в Москву и Новосибирск в 1999 г. и просил передать сердечный привет Татьяне Ивановне Заславской.

— Вы по праву считаетесь одним из отцов-основателей экономической социологии, хотя Ваши нынешние профессиональные интересы гораздо шире. Тем не менее, полагаю, Вы по-прежнему связываете себя с экономической социологией. Помните ли Вы, с чего это началось? Когда Вы впервые осознали себя экономсоциологом?

— Пожалуй, это произошло еще в студенческие годы — случайно, благодаря общению с Толкоттом

¹ Н. Смелсер [Neil Smelser] — почетный профессор социологии Университета Калифорнии в Беркли, США.

² Smelser N.J. The Sociology of Economic Life. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1963.

³ Smelser N.J. (ed.) Readings on Economic Sociology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1965.

Парсонсом, который был моим главным учителем и наставником в университете. Я немного знал его еще с младших курсов. Он приехал в Англию, в Кембридж в 1953 г. в качестве профессора имени Маршалла [Marshall Professor]. Так случилось, что я в это время учился в Оксфорде. Меня всегда интересовала экономическая теория. Не то чтобы она мне особенно нравилась, но интерес у меня к ней был. И еще в бакалавриате я прослушал курс экономической теории и экономической социологии. А в Оксфорде я получал тогда второе образование — изучал политическую теорию, философию и экономику. Так что я получил соответствующее формальное образование, прежде чем начал называть себя экономсоциологом. Мне казалось, что аналитически это самая сильная область социальных наук и ее важно знать.

Парсонс в период преподавания в Кембридже вновь заинтересовался экономической теорией, и его лекции того времени были посвящены интеграции социологической и экономической теории. Он знал, что я в Оксфорде и что я знаю о современной экономической теории гораздо больше него. Он тогда только начинал обращаться к экономическим вопросам, недавно прочел Дж. Кейнса и с традицией экономического анализа в целом был незнаком. Так что после завершения своего курса лекций он связался со мной и предложил высказать критические замечания по их поводу. Я обнаружил в его лекциях множество пробелов, поскольку он упустил из виду многие разделы экономической теории. Вдобавок меня смущал характер самой аргументации. В результате я написал весьма смелый (для молодого человека двадцати трех лет от роду) ответ, в котором прямо приводился длинный перечень всех этих недостатков. Вместо того чтобы попытаться опровергнуть мою критику, Парсонс очень заинтересовался моими замечаниями и пригласил меня на несколько дней в Кембридж — обсудить некоторые моменты более детально. Мы провели несколько плодотворных бесед. Потом мы поехали в Солсбери, где он вел летний семинар, и я там тоже провел неделю. Тогда мы уже не только обсуждали мои критические замечания, но начали активно разрабатывать новые теоретические идеи. Это была чрезвычайно увлекательная интеллектуальная работа. А затем, когда я вернулся в Гарвард учиться дальше, Парсонс предложил мне стать его соавтором.

— Книги «Хозяйство и общество»?⁴

— И я написал ее вместе с ним, учась на старших курсах университета, что в общем-то необычно. Мне это весьма льстило. Работа с Парсонсом послужила толчком, кристаллизующим моментом, она сформировала меня. Поэтому, когда пришло время выбирать специализацию, я выбрал стратификацию и экономическую социологию. Так что я начал заниматься этим еще до получения университетского диплома.

— А в то время существовало название «экономическая социология»?

— Думаю, да.

— Или говорили скорее о «хозяйстве и обществе»?

⁴ Parsons T., Smelser N.J. *Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory*. L.; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1984 [Glencoe, IL: Free Press, 1956].

— Нет, в Гарварде одна из специализаций называлась именно так — «экономическая социология».

— **Интересно.**

— Позднее, в своей диссертации, которая была посвящена индустриальным отношениям в Великобритании, я попытался найти применение экономической социологии, рассматривая социальные изменения и их связь с изменениями в индустриальной сфере. Правда, я тогда включил в общую аналитическую схему также изменения в обществе и семье, поскольку все это было взаимосвязано. А затем, совершенно случайно, мне предложили написать книгу.

— **«Социологию хозяйственной жизни»⁵.**

— Да, это была одна из самых крупных серий в издательстве «Prentice-Hall», ее редактором являлся Алекс Инкелес [Alex Inkeles]. Основываясь на своих предыдущих работах в области экономической социологии, я выбрал для книги название «Социология хозяйственной жизни». В общем-то, она могла бы называться и «Экономической социологией». Здесь, как мне кажется, нет принципиальной разницы. И эта книга, или учебник (в значительной степени это был учебник), являлась попыткой систематического описания данной области.

Это было весьма любопытное время в истории экономической социологии. Когда я писал книгу, экономическая социология находилась в несколько «замерзшем» состоянии. И для меня это открыло возможность придать ей определенную форму. Думаю, это было достаточно важно. Через десять лет вышло второе издание книги. В те времена эта область развивалась довольно вяло, но вызвала определенный интерес. Так что я занялся этой областью и продолжал писать понемногу. В моих основных работах, написанных позднее, используется экономическая и экономсоциологическая аргументация. И хотя мои интересы всегда были значительно шире, я воспринимал данное поле как свое, считал своего рода долгом заботиться об этой области, которая пока не вызывала массового интереса.

А затем, в 1990-е годы все разгорелось с новой силой — вышла наша работа со Сведбергом...

— **«Хрестоматия по экономической социологии»⁶.**

— Да.

— Ричард Сведберг и Марк Грановеттер несколько дней назад говорили мне, что через пару лет вы планируете новое издание этой хрестоматии и что в нее будут внесены некоторые изменения и дополнения.

— Мы решили подготовить второе издание, мы уже составили план, наместили главы, присмотрели новых авторов, — все они дали согласие. Здесь многое будет иначе. Пожалуй, треть книги составят новые главы, — ведь проводятся новые исследования. Вот и авторы будут новыми (не все, конечно, но новые тоже будут). Мы выбрали также новых авторов для освещения старых тем. Работа ведется активно, мы уже заручились поддерж-

⁵ Smelser N.J. The Sociology of Economic Life. 2nd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976 [1963].

⁶ Smelser N.J., Swedberg R. (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton, NJ: Princeton University Press; N.Y.: Russell Sage Foundation, 1994.

кой Фонда Рассел Сейдж и примерно через год проведем конференцию авторов хрестоматии. К тому времени все главы в черновом варианте уже должны быть готовы, мы будем вносить коррективы (в первый раз делалось именно так). А затем, месяцев через девять или через год книга должна выйти в свет.

— **Интересно, что же будет включено в качестве новых глав? Дело в том, что ваша «Хрестоматия» уже есть в российских библиотеках. Будут ли это самые последние работы или же вы выберете какие-то уже опубликованные, наиболее известные статьи?**

— Нет, ни один материал ранее не публиковался.

— **Не публиковался? Они будут написаны специально для этой книги?**

— Да, все пишут специально для нашей книги. Пожалуй, единственное исключение — работа Пьера Бурдьё. Он предложил общую аналитическую схему экономической антропологии, нас она заинтересовала, и мы попросили его написать целую главу об этом. Мы переведем ее на английский, и это будет одна из новых глав нашей хрестоматии. Но это единственная новая глава, которая не будет совершенно новой. Кто-то из авторов работ, вошедших в первый сборник, умер (например, Джеймс Коулман [James Coleman]), и мы вносим изменения в структуру подачи материала. Это касается не одного Коулмана, а в целом трактовки рациональности и экономической теории, политической науки и социологии. У нас будет новая глава Виктора Ни [Victor Nee], который пишет...

— **Об институционализмах?**

— Да, об институционализмах и об истории экономической теории, особенно об экономическом институционализме и социологическом институционализме, вместе об этих двух началах. ...У нас будет статья Вивианы Зелизер [Viviana Zelizer] из Принстона.

— **О социологии денег?**

— Она хочет написать о культуре и потреблении, и статья очень логично встраивается в структуру хрестоматии. У нас будет и глава по социологии денег, но написанная не ею. Ее напишет...

— **Возможно, Найджел Додд [Nigel Dodd]?**

— Нет, мы попросили не его, а американца Брюса Керратерса [Bruce Carruthers] (да, мне кажется, это Керратерс). До этого у нас никто не писал о социологии денег. Мы также договорились относительно социологии банковского дела и кредитования. О них напишут Марк Мизраки [Mark Mizguchi] (как и в первом издании) и Линда Стернз [Linda Stearns]. В нашем плане очень интересная новая глава, написанная историками экономической мысли. Это будет нечто подобное «социоэкономическим аспектам классической жизни в Греции и Риме». Это просто великолепно — такая замечательная идея! Еще одна новая глава связана с возникновением интереса, которого прежде не было (он и сейчас еще полностью не сложился, но исследователи все чаще обращаются к этой теме): я имею в виду роль эмоций в хо-

зыйственных поведений. В формальных организациях значение эмоций отнюдь не малое. И ведутся исследования эмоциональных аспектов экономических решений.

— Эти исследователи пришли из социальной психологии?

— Из психологии и социологии, а также из антропологии. Это еще не сложившаяся область. Но мы договорились с коллегой в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе и поставили задачу примерно так: «Знаете, это новая область, мы пока не знаем точно, куда все это движется, но...»

— А как зовут автора?

— Ее зовут Мейбл, и, насколько я знаю, они со Сведбергом собираются пожениться. Но я оцениваю ее работу независимо от рекомендаций Сведберга, я пригласил ее просто потому, что меня очень интересуют нерациональные стороны хозяйственной жизни.

Другая сфера приложения моих интересов в области экономической социологии — серия теоретических эссе о мотивации хозяйственного поведения. Сюда входят и критика хозяйственной рациональности, и анализ некоторых других подходов. Это иное направление моих интересов в данной области, и ему будет посвящена совсем новая статья. Видите ли, эта область так быстро развивается. И второе издание «Хрестоматии» совершенно оправдано. Что же касается первого ее издания, оно оказалось весьма полезным и помогло кристаллизовать наши достижения, накапливавшиеся примерно с 1970-х годов. Но сейчас вокруг столько всего происходит, появляется столько молодых исследователей. Мне кажется, социология хозяйственной жизни и социология культуры — это наиболее динамично развивающиеся области в нынешней социологии. И меня это радует. Ведь когда появилась наша с Парсонсом книга, этой области не уделялось особенного внимания.

— Еще по поводу нового издания «Хрестоматии»: ведь вы, вероятно, просматривали все основные работы в данной области, по крайней мере, то, что может показаться важным...

— Сведберг здесь знает очень много, у него очень широкие интересы.

— А могли бы Вы назвать самые последние работы в области экономической социологии (книги и статьи), которые заслуживают внимания, чем-то озадачивают, заставляют задуматься, предлагают новые решения? Если брать работы, вышедшие за последние два — четыре года?

— Ну, я не уверен, что могу... Я уже упомянул некоторых авторов — В. Зелизер, Н. Флигстин. Вы говорили с ним?

— Да, конечно. Он подарил мне свою новую книгу, это очень интересная работа.

— Да, он пишет очень интересные вещи. Особенно интересны точки соприкосновения между социологией и правом, экономической социологией и правом. Между экономической теорией и правом уже выстроено немало связей. Мне кажется, тот факт, что он занимается... Какую книгу он подарил Вам — «Архитектура рынков»? Или что-то другое?

— Да, свою последнюю книгу — «Архитектура рынков»⁷.

— Социология рынков — очень интересное направление. Сведберг

написал работу об этом. И интерес здесь не только со стороны социологии, но и со стороны экономической теории. Экономисты сами теперь интересуются этой областью гораздо больше, чем раньше. Раньше рынок был для них некоей данностью, а теперь они заинтересовались институциональными аспектами рыночного поведения. ...И в скобках я бы заметил, что многие важные вещи приходят в экономическую социологию именно из экономической теории.

— Совершенно согласен.

— Экономисты изменились. Например, такая фигура, как Оливер Уильямсон [Oliver Williamson]. Он, кстати, здесь, в Беркли.

— Да, мы встречались, я брал у него интервью.

— У него как раз особый подход. При этом он еще в большей степени следует экономической аргументации. Я бы не назвал его экономсоциологом...

— Он бы и не согласился. Но его влияние очень велико, идеи Уильямсона активно критикуются экономсоциологами.

— Для первого издания «Хрестоматии» он написал об экономике транзакционных издержек (эта работа, однако, не войдет во второе издание). Вдобавок, его идеи так или иначе обсуждаются и в других главах.

Я уже упоминал В. Зелизер. Ее исследования культурных аспектов денежных отношений весьма и весьма увлекательны. Она провела несколько новых исследований, посвященных культурным аспектам потребительского выбора. Ее особенно интересуют этнические и культурные различия в потребительском поведении, те смыслы, которые придают ему различные категории потребителей. Это очень интересное направление.

Димаджио продолжает работать, хотя его интересы гораздо шире. Он пишет на разные темы, и его работа заслуживает внимания.

Мне кажется, жизнь здесь продолжает бить ключом, потому что ведется много исследований глобализации, международного развития хозяйственных форм.

— Да, я помню, примерно десять лет назад в интервью с Ричардом Сведбергом Вы сказали, что социология международных отношений будет развиваться...

— Да, будет развиваться все более активно. И произошел настоящий взрыв. Правда, литература здесь не особенно хорошего качества. Я имею в виду, что в аналитическом отношении она не особенно сильна. И само понятие глобализации — идеологически столь нагруженная вещь, что никто толком не знает, что же оно означает. Оно

очень размыто, включает буквально все. Потому-то литература по глобализации и не помогла пока что решить какие-либо проблемы. У глобализации есть чуть ли не религиозный оттенок, нечто сродни

⁷ Fligstein N. The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

социальному движению. Я всегда выступал против такого «тотального» стиля мышления.

Примерно год назад я читал лекцию в Польше, в Кракове. Это была международная конференция, посвященная 600-летию Краковского университета. И я выступал на тему глобализации. «Посмотри вперед, начинается XXI век, — говорили мне. — Что сможет рассказать социология о меняющемся мире?» Я много внимания уделил тогда этой теме, я говорил, что глобализация — это серьезное дополнение к процессам социальных изменений, которые мы наблюдали до сих пор. Мы понимаем, что многому можем научиться, лучше понять вопросы глобализации, читая литературу о построении институтов, наций и т.д. Глобализацию не следует рассматривать как нечто совершенно новое, скорее это трансформация уже существующего. Это было основной мыслью моего выступления, я приводил много разных примеров (хотя в основном из экономической области).

— **Еще один вопрос. Когда я говорил с Ричардом Сведбергом, он отметил, что американская экономическая социология по-прежнему остается наиболее развитой, наиболее влиятельной. Но он предположил, что новые веяния придут сюда, как правило, из Европы.**

— Теоретические?

— **Да, теоретические.**

— Возможно, он прав. Если взглянуть на общее развитие социологии, как оно происходило в Европе и Соединенных Штатах, мы обнаружим, что в Западной Европе в период фашизма и Второй мировой войны социология практически сошла на нет (например, в Германии она вовсе исчезла). Затем, где-то через двадцать лет после войны произошло общее возрождение социологии. Но она уже строилась по американской модели: больше практических исследований, довольно мало теории — весьма эмпирически ориентированная социология. За последние же двадцать — тридцать лет главные теоретические идеи действительно принадлежат европейцам. Здесь и Н. Луман, и некоторые французские социологи. Вспомним М. Фуко, А. Турена, П. Бурдьё — все это гораздо более интересные источники теоретических идей, чем любая американская теория (в США теория в целом «обмельчала»). Опять же крупные немецкие авторы — Й. Хабермас и Н. Луман, из британцев — Энтони Гидденс, хотя его вклад и не столь значителен, как этих европейцев. Работы итальянцев — В. Феррари [Vincenzo Ferrari], А. Мартинелли [Alberto Martinelli] — также имеют теоретическую направленность. Американские социологи, конечно, реагируют на эти теоретические идеи, активно интересуются ими. Но творческое начало со временем переместилось к европейским исследованиям. Не думаю, что так будет всегда, но...

— **Своего рода возвращение к истокам, ведь первоначально все шло из Европы...**

— Да, верно. Мне кажется, дело еще и в особом стиле континентального мышления. Европейцы заново утвердили свое господство

в нашей области. Может быть, эта мысль и стояла за высказыванием Ричарда Сведберга. Я не знаю, как трактовать эту тенденцию применительно к экономической социологии, поскольку большинство авторов работают в Соединенных Штатах. Здесь и скандинавы, и французы, и немцы, но они не играют ведущей роли.

— **Я хотел бы перейти к последнему вопросу, он касается как раз международных отношений. Много лет назад в рамках Международной социологической ассоциации [ISA] Вы основали знаменитый ныне исследовательский комитет «Хозяйство и общество». Насколько я знаю, сейчас Вы не очень активно участвуете в организационной деятельности этого комитета, но все-таки, как бы Вы оценили его нынешнее положение и перспективы дальнейшего развития?**

— У комитета очень сильные позиции, очень сильные. Это одна из ведущих исследовательских групп в Международной социологической ассоциации. Что касается истоков, то нас было тогда трое, мы отвечали за его формирование. С одной стороны, А. Мартинелли и я начали организовывать то, что, как мы полагали, впоследствии могло бы стать частью такого комитета. С другой стороны, Ф. Кардоза [Fernando Henrique Cardoso], разрабатывавший свою теорию развития, высказался за создание специального исследовательского комитета в рамках Международной социологической ассоциации. Руководство ISA попросило нас все это объединить. И мы объединили, каждый из нас старался помочь другому. С Кардозой прекрасно работать вместе, это очень трезвый исследователь и человек. А с Мартинелли мы и раньше работали вместе, так что у нас получилась хорошая группа. Она сформировалась довольно легко. И если посмотреть на модель рекрутирования в руководство ISA, что мы видим? Два президента — Кардоза и Мартинелли, вице-президент — Арнольд Сэйлз [Arnold Sales] (он теперь возглавляет направление по организации исследовательских комитетов). Так что те из нас, кто тогда наиболее активно работал в комитете «Хозяйство и общество», наиболее преуспели и в политической карьере в ISA в целом. Не знаю, как это объяснить, но этот комитет всегда был и по сей день остается одним из наиболее энергичных и интеллектуально активных.

— **А когда он был основан?**

— Думаю, в 1986 г. он был учрежден в качестве исследовательского комитета, но работа началась лет за шесть до того, примерно в 1980 г. И с тех пор он остается сильным и активным. В него входят самые разные люди из разных стран. Вы ведь тоже входите в него теперь?

— **Да, я представляю Россию и принимаю участие в его деятельности, но я знаю, что это довольно непростая задача — побудить ведущих исследователей к участию в Ассоциации.**

— Кстати, я буду с Харри Маклером [Harry Makler] организовывать одну из секций, посвященных коррупции. Это в программе по

экономической социологии на конгрессе в Брисбане. Вы ведь едете в Брисбан?

— Да, я руковожу одной из секций, так что, несомненно, еду.

— Я хотел бы рассказать Вам еще кое-что, возможно, это покажется интересным. Я знаю, что Вы пытаетесь представить общую картину экономической социологии. Мне кажется, в ее истории важную роль сыграло марксистское мышление. По вполне очевидным причинам Маркс никогда не пользовался особенной популярностью среди американских социологов. Даже на заре истории американской социологии марксизм и социализм воспринимались весьма враждебно. Отчасти это было связано и с проблемой конкуренции: американские основатели социологии были особенно заинтересованы в определенном типе реформ и считали социализм слишком идеалистичным, слишком абстрактным, слишком тоталитарным. А американская реформа была более либеральной. Затем произошел всплеск интереса к Марксу и марксизму, и здесь особенно выделяются несколько авторов, писавших примерно во время Второй мировой войны. Например, Роберт Линд [Robert Lynd] и Ч. Райт Милз [Wright Mills] черпали свои идеи именно в марксизме. И считалось, что оба они работают несколько в стороне от основного направления американской социологии. Затем, в 1960-е годы повсюду началось «шевеление». Традиционная экономическая социология — с исследованиями индустриальных отношений, хозяйственных организаций, профсоюзов — попала под атаку левых взглядов. И марксистский подход был чересчур консервативен, чересчур апологетичен и ограничен, чтобы его можно было применить к американской системе. Он будто возвращал социологическое мышление лет на десять — двенадцать назад. Поднялась новая волна критической социологии, в том числе в экономической социологии. Ею начинали активно заниматься молодые исследователи. Влияние Маркса и Вебера на экономическую социологию в это время было наиболее сильным, так как их идеи позволяли охватить всю систему, увидеть более общий контекст экономического — а не просто индустриальные отношения или прочие более мелкие аспекты. Затем неожиданно, где-то в начале 1980-х годов наряду с марксизмом в социологии начали появляться (сначала в Восточной, потом в Западной Европе) статьи, написанные на основе марксистских идей. В США этот интерес к Марксу утих несколько позднее. Он постепенно шел на убыль.

Когда я читал лекции в 1989 г., мне хотелось как-то обсудить эту тему. Мы разговаривали со студентами много часов, и никто не задал вопроса, о котором можно было бы сказать, что он возник на основе марксовой теории. Никто. Тогда-то я и пошутил, сказав, что сегодня остались два центра марксистской социологии — в Беркли и в Колумбийском университете. Это шутка, но это связано с тем фактом, что... Мне кажется, марксизм снова лишился своего влияния в экономической социологии. Есть некоторые авторы... (например, Майкл Бур-

вой [Michael Burawoy], Эрик Райт [Eric Wright]), которые по-прежнему работают в русле марксизма. Но в целом он уже в прошлом...

— Да, но есть много таких исследователей в Европе.

— Всекие нео- и постмарксисты. Я думаю, здесь имеет место общий кризис левых. Он гораздо шире, чем вся социология. Он связан с американской и британской политикой, вообще с политикой в Европе в эпоху М. Тэтчер и Р. Рейгана. Левые взгляды становятся все менее популярными. Современная экономическая социология эклектична. И в этом одна из ее проблем. Лелеются надежды, что вот придет какой-то гениальный европеец — как думает Сведберг, — и дело сдвинется в сторону интегрирования. Если сегодня заниматься экономической социологией, то это должна быть теоретическая работа в области экономической социологии, попытка понять множество направлений, в которых она движется...

— Большое спасибо.

Основные публикации Н. Смелсера

- Смелсер Н., Сведберг Р.* Классическая традиция экономической социологии // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 25—58.
- Парсонс Т., Смелсер Н.* Взаимосвязь хозяйства и общества // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 105—110.
- Смелзер Н.* Социология. М.: Феникс, 1994.
- Smelser N.J.* Looking Back at 25 Years of Sociology and the Annual Review of Sociology // Annual Review of Sociology. 1999. Vol. 25. P. 1—18.
- Smelser N.J.* The Public Representation of Culture and History // The American Behavioral Scientist. 1999. Vol. 42. No. 6. P. 913—921.
- Smelser N.J.* The Social Edges of Psychoanalysis. Berkeley, CA: University of California Press, 1998.
- Smelser N.J.* Problematics of Sociology: The Georg Simmel Lectures, 1995. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Smelser N.J.* Sociology. 5th ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1995 [1991, 1988, 1973, 1967].
- Smelser N.J.* Effective Committee Service. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1993.
- Smelser N.J.* The Marshall Lectures and Economy and Society // Sociological Inquiry. 1991. Vol. 61. No. 1. P. 60—67.
- Smelser N.J.* Social Paralysis and Social Change: British Working-Class Education in the Nineteenth Century. Berkeley: University of California Press; N.Y.: Russell Sage Foundation, 1991.
- Smelser N.J.* (ed.). Handbook of Sociology. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1988.
- Smelser N.J.* (ed.). Contemporary Classics in the Social and Behavioral Sciences / With a foreword by R.K. Merton; preface by E. Garfield. Philadelphia: ISI Press, 1987.

- Smelser N.J.* Comparative Methods in the Social Sciences. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976.
- Smelser N.J.* The Sociology of Economic Life. 2nd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976 [1963].
- Smelser N.J.* (ed.). Marx, Karl, 1818–1883. On Society and Social Change / With selections by F. Engels. Chicago: University of Chicago Press, 1973.
- Smelser N.J.* Sociological Theory: A Contemporary View. N.Y.: General Learning Press, 1971.
- Smelser N.J.* Essays in Sociological Explanation. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1968.
- Smelser N.J.* (ed.). Sociology, an Introduction. N.Y.: Wiley, 1967.
- Smelser N.J.* (ed.). Readings on Economic Sociology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1965.
- Smelser N.J.* Theory of Collective Behavior. N.Y.: Free Press of Glencoe, 1963.
- Smelser N.J.* Social Change in the Industrial Revolution; An Application of Theory to the British Cotton Industry. Chicago: University of Chicago Press, 1959.
- Smelser N.J.* Social Change in the Industrial Revolution; An Application of Theory to the Lancashire Cotton Industry, 1770–1840. L.: Routledge & Kegan Paul, 1959.
- Smelser N.J., Swedberg R.* (eds.). The Handbook of Economic Sociology. 2nd rev. ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.
- Smelser N.J., Wilson W.J., Mitchell F.* (eds.). America Becoming: Racial Trends and Their Consequences. Washington, DC: National Academy Press, 2001.
- Smelser N.J., Baltes P.B.* (eds.). International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Amsterdam, N.Y.: Elsevier, 2001.
- Smelser N.J., Alexander J.C.* (eds.). Diversity and its Discontents: Cultural Conflict and Common Ground in Contemporary American Society. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.
- Smelser N.J., Swedberg R.* (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton, NJ: Princeton University Press; N.Y.: Russell Sage Foundation, 1994.
- Haferkamp H., Smelser N.J.* (eds.). Social Change and Modernity. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Munch R., Smelser N.J.* (eds.). Theory of Culture. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Martinelli A., Smelser N.J.* (eds.). Economy and Society: Overviews in Economic Sociology. L.: Newbury Park: Sage Publications, 1990.
- Luce D.R., Smelser N.J., Gerstein D.R.* (eds.). Leading Edges in Social and Behavioral Science. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1989.
- Mecca A.M., Smelser N.J., Vasconcellos J.* (eds.). The Social Importance of Self-Esteem. Berkeley: University of California Press, 1989.
- Parsons T., Smelser N.J.* Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory. L., Boston: Routledge & Kegan Paul, 1984 [Glencoe, IL: Free Press, 1956].
- Makler H., Martinelli A., Smelser N.J.* (eds.). The New International Economy. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1982.
- Smelser N.J., Erikson E.H.* (eds.). Themes of Work and Love in Adulthood. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- Smelser N.J., Content R.* The Changing Academic Market: General Trends and a Berkeley Case Study. Berkeley: University of California Press, 1980.

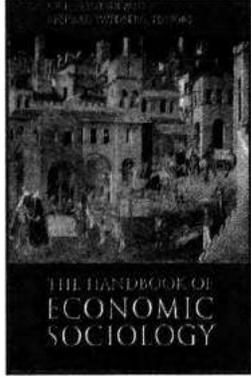
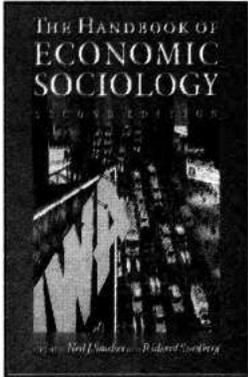
Smelser N.J., Warner R.S. Sociological Theory: Historical and Formal. Morristown, NJ: General Learning Press, 1976.

Smelser N.J., Almond G. (eds.). Public Higher Education in California. Berkeley: University of California Press, 1974.

Smelser N.J., Smelser W.T. (eds.). Personality and Social Systems. 2nd ed. N.Y.: Wiley, 1970.

Smelser N.J., Lipset S.M. (eds.). Social Structure and Mobility in Economic Development. Chicago: Aldine Pub. Co.; L.: Routledge & Kegan Paul, 1966.

Lipset S.M., Smelser N.J. (eds.). Sociology, the Progress of a Decade; a Collection of Articles. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1961.

Дэвид Старк¹

30 июня 2001 г.

«Самое интересное, что происходит сейчас в социологии, и в частности, в экономической социологии, — это ее пересечение с исследованиями науки и технологий».

Дэвид Старк, несомненно, является одной из наиболее ярких фигур в современной экономической социологии. Прежде всего он известен в связи с теорией организаций и сетевым подходом. Кроме того, он считается одним из ведущих специалистов по проблемам посткоммунистических хозяйств Восточной Европы (в первую очередь, Венгрии). Незадолго до интервью мы пили кофе в одном из амстердамских баров поблизости от университета, где проходила конференция Общества по развитию социэкономике (SASE). Выяснилось, что у Дэвида две дочери-близняшки тинейджерского возраста. Он говорил о них с неподдельной радостью и каким-то удивлением. Этот разговор невольно вспомнился мне 11 сентября 2001 г., когда самолеты протаранили высотные здания в Нью-Йорке, где живет Дэвид. В ответ на мое письмо он написал, что с ним и его семьей все в порядке. Хотя был шанс, что он сам мог оказаться в тот день в соседнем здании вместе со своим аспирантом, но по каким-то обстоятельствам встреча была перенесена.

— Дэвид, Вы называете себя экономсоциологом. А когда Вы начали осознавать себя в таком качестве? Когда Вы начали читать курсы именно по экономической социологии?

— Полагаю, это началось, когда я читал курсы по теории организаций в Университете Висконсина еще в середине 1980-х годов. Но когда я мысленно возвращаюсь в то время, мне кажется, что тогда я еще не считал себя экономсоциологом. Должно быть, это произошло позднее — в самом конце 1980-х — начале 1990-х годов. Впрочем, нет,

¹ Д. Старк [David Stark] — профессор социологии и международных отношений, руководитель Центра организационных инноваций Колумбийского университета, США.

не так, теперь я вспомнил. Я начал считать себя экономсоциологом, когда я работал над статьей «Труд, стоимость и справедливость» [Work, Worth, and Justice]. Это было в 1986 г. в Париже. В основу работы было положено эмпирическое исследование, проведенное мною на венгерских фабриках. А до того момента я считал себя, в первую очередь, социологом политики и социологом организаций.

Перемена произошла во время сотрудничества с одним из студентов Пьера Бурдые — французским социологом Люком Болтански [Luc Boltanski] (который в то время тоже не считал себя экономсоциологом) и экономистом Лораном Тевено [Laurent Thévenot]. Мы много разговаривали, в том числе все больше — о взаимодействии между экономической теорией и социологией. И когда я писал «Труд, стоимость и справедливость», я, наверное, как раз прочел работу Марка Грановеттера² и подумал: «О, да, я занимаюсь экономической социологией!»

— Как бы Вы определили основное течение (или течения) экономической социологии? Какие течения образуют сегодня современную экономическую социологию как самостоятельную дисциплину?

— Полагаю, одна из проблем экономической социологии как раз и состоит в том, что, насколько я могу судить по своей работе, это область, которая уже точно знает, каковы ее основные течения. Я думаю, что говорить об окончательной сформированности несколько преждевременно, но на данный момент в число основных направлений включаются: сетевой анализ, экологическая теория организаций, институционализм и, наверное, некоторые версии социологии рационального выбора.

К примеру, на факультете социологии Колумбийского университета была вакансия преподавателя экономической социологии. И каждый из кандидатов на это место (это все были молодые аспиранты, желавшие получить место ассистента) начинал разговор так: «Я исследую разные темы». Они начинали говорить: «Я экономсоциолог, и сейчас я работаю в рамках сетевого анализа, экологической теории организаций и институционализма». Да, и еще теории рационального выбора упоминались в различных комбинациях. И я, послушав все эти речи, а также почитав кое-что, пришел к выводу, что это еще очень молодое поле. Оно действительно молодое, ему всего лишь десять лет, и лишь половину этого времени оно существует в качестве самостоятельного поля.

Конечно, в то же время экономическая социология продолжает одну из наиболее давних социологических традиций. И то, что в столь юные свои годы она «замыкается» на достаточно ограниченном числе направлений, можно считать проявлением силы. Разумеется также, мною были названы не все направления, а только то, что бросается в глаза в первую очередь. И все же число этих направлений весьма ограничено. А линии водораздела прочерче-

² Речь идет о статье: *Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. Nov. P. 481—510. См. также перевод: Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131—158.*

ны четко и недвусмысленно. Я сейчас пытаюсь изменить создавшееся положение, задаться вопросом: а знаем ли мы уже наверняка, каковы будут основные подходы в данном поле? Может быть, у экономической социологии есть время разработать новые типы идей, и они подтолкнут нас к новому витку развития?

— Если я правильно понимаю, люди, как правило, идентифицируют себя одновременно с несколькими полями, говоря: «Я работаю в традиции сетевой теории и институционализма». Как, например, дело обстоит в Вашем случае? Вы, вероятно, относите себя не к какому-то одному полю, а сразу к нескольким. Кстати, какие это поля?

— Да, конечно, я не отношу себя к одному полю. Я бы сказал, что отчасти я использую наработки сетевого анализа, отчасти я институционалист. Но я уже начал задумываться над тем, являюсь ли я по-прежнему институционалистом.

— А теория организаций?

— В общем, да. Я думаю, что почти вся экономическая социология так или иначе связана с теорией организаций. В упомянутой мною третьей категории я выделил собственно организационную экологию [population ecology of organizations]. Она также оказала на меня влияние.

— А могли бы Вы указать на какие-то наиболее примечательные события в области экономической социологии? Например, не появились ли какие-то книги или статьи, скажем, за последние два — четыре года, которые можно назвать особенными, необычными, важными?

— Конечно, есть какие-то очевидные вещи. Как, например, работа Хэррисона Уайта «Откуда берутся рынки?»³ — она вполне заслуживает того, чтобы стать классикой. Правда, это довольно давняя работа.

— Да, она вышла двадцать лет назад.

— Верно, двадцать лет назад. Вы спрашиваете о чем-то более новом, что меня заинтересовало?

— Да, поскольку классику мы все более или менее знаем. А вот с новыми работами все не столь однозначно.

— Давайте поставим вопрос несколько иначе: какие наиболее интересные направления возникают сейчас в рамках экономической социологии? И я скажу Вам то, что говорю сейчас своим студентам. Я говорю им, что самое интересное, что происходит сейчас в социологии и, в частности, в экономической социологии, — это ее пересечение с исследованиями науки и технологий. Я имею в виду здесь, например, работы французских исследователей науки и технологий, особенно Бруно Латура [Bruno Latour] и Мишеля Каллона [Michel Callon].

Что дают нам эти исследования? Они обращают наше внимание на вещи, на физические артефакты, существующие вокруг нас. Если взять, к примеру, сетевой анализ (в его стандартном американском или западноевропейском варианте, который авторы, подобные Латуру, критикуют за присущий ему социологизм), то получается, что мир составляют

³ White H. Where do Markets Come From? // American Journal of Sociology. Vol. 87. 1981. P. 517—547.

только люди, и все. А Латур говорит, что мир, помимо людей, состоит и из множества вещей. И что социологию следует понимать как распределение связей [assignments of associations], не сводимых лишь к отношениям между людьми. Это целый ансамбль связей: прежде всего человека с человеком, организаций с организациями, но также человека с вещами, человека с идеями, это также связи идей с вещами. И вот вся эта общая структура связей должна стать объектом исследования социологии. Именно тогда сетевой анализ становится анализом сетей, которые включают людей и неодушевленные предметы — артефакты, изобретения, технологию, элементы знания, объективированные в окружающем мире. Я еще не использовал эти рассуждения в моих собственных исследованиях, но пытаюсь заинтересовать этим студентов.

— **Интересы Мишеля Каллона более широки, насколько я помню из его расширенного введения к «Законам рынков»⁴. А кроме этой книги, могли бы Вы назвать какие-то еще работы Бруно Латура и Мишеля Каллона, на которые следует обратить внимание?**

— Что касается Латура, думаю, хорошая отправная точка здесь — его работа «Мы никогда не были современными»⁵, эту книгу легко найти. Другая книга — «Наука в действии»⁶. Добавим «Пастеризацию Франции»⁷ — это замечательное исследование.

— **Насколько я знаю, Вас давно интересует французская экономическая социология. (Кстати, Лоран Тевено не определяет себя однозначно как экономосоциолог.) А как у Вас возник такой интерес?**

— Французская социология меня интересует давно. Еще в 1983 г. Л. Болтански и П. Бурдьё пригласили меня во Францию. Кроме того, я давно слежу за исследованиями Бурдьё и других французских социологов. Думаю, они делают очень интересную и необычную работу. Так что, если у меня и есть какие-то особые пристрастия, то это — Франция. Я считаю, что работы французских социологов отличаются особенным творческим подходом, они особенно интересны.

— **Могли бы Вы назвать какие-то области, темы, которые кажутся Вам наиболее перспективными в экономической социологии? Какие-то подходы?**

— Я назвал бы здесь два важных новых направления. Об одном я уже говорил. А второй связан с отказом от рассуждений о сетях как о чем-то статичном и с переходом к более динамичному их пониманию. Некоторые уже занимаются этим. В полной мере данная тема еще не разработана; думаю, у сетевого анализа есть реальное будущее, причем это касается не только совершенствования уже существующих методов и теорий, но и подлинного продвижения вперед. Это рассмотрение сетей в динамических терминах.

⁴ Callon M. (ed.). The Laws of the Markets. Oxford: Blackwell, 1998.

⁵ Latour B. Nous n'avons jamais été modernes: essai d'anthropologie symétrique. Paris: Editions La Decouverte, 1991; Latour B. We Have Never Been Modern / Transl. by C. Porter. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993; Latour B. Wir sind nie modern gewesen: Versuch einer symmetrischen Anthropologie. Berlin: Akademische Verlag, 1995.

⁶ Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.

⁷ Latour B. The Pasteurization of France / Transl. by A. Sheridan, J. Law. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.

— Своего рода реструктуризация сетей?

— То, как сети формируются, как меняются стабилизирующие их факторы, как они воспроизводятся, переходят из одного состояния в другое. Я пытаюсь это делать на примере Венгрии, где мне удалось собрать данные о структуре собственности крупнейших пятисот фирм, действовавших в венгерской экономике в течение последних десяти лет. Полагаю, это будет интересным и полезным исследованием, поскольку данные весьма конкретны, а тема чрезвычайно серьезна и важна⁸. Подобные лонгитюдные исследования дадут нам реальную возможность проследить, как сети складываются, трансформируются, а затем, возможно, распадаются и исчезают.

Я надеюсь, что в ходе этого анализа возникнут новые вопросы. Придут другие исследователи сетей, посмотрят и скажут: «Пожалуй, я знаю новый метод, и вам стоит к нему присмотреться, поскольку он поможет гораздо лучше понять ваши данные». Думаю, этому будет сопутствовать и то, что происходит уже сейчас, т.е. визуализация наших данных, когда мы уже не просто будем читать тексты, написанные аналитиками сетей, но и будем обращаться к их веб-сайтам, чтобы познакомиться с моделями двухмерных и иногда квазитрехмерных пространств. Думаю, это вполне вероятно.

— **Начинаем с рисунков, затем переходим к демонстрации фильмов?**

— Да, и думаю, это будет играть важную роль. Полагаю, визуализация — это не просто способ представления результатов. Это также и способ самовыражения, позволяющий читателю, наблюдателю, пользователю найти нужную ему модель. Надеюсь, это будет чрезвычайно увлекательным.

Другая область касается вопросов новой экономики. Знаете, для некоторых идея новой экономики — это нечто когда-то появившееся и уже ушедшее в прошлое. В целом, я полагаю, что проблема данной интерпретации в том, что здесь смешивают понятия: «новая экономика» сводится к «www.XXX.com». Считают, что когда эта «точка com» обвалится, новой экономики не станет. Возможно, термин «новая экономика» стал столь тесно ассоциироваться с этим явлением «точка com», что уже никогда не обретет полноценного значения. Но дело не в термине. Дело в процессах, происходящих в мире. Так что изучение форм знания и проблем оценивания [valuation], которые стоят перед людьми не только в условиях фондовых рынков и не только при капитализме, касается всех видов знания. Как мы оцениваем фирму, как мы оцениваем «стоимость» [worthiness] работников, обладающих знанием? Что должно быть единицей оценивания? Например, если реальными активами фирмы являются не просто ее физические активы, но ее активы в сфере знания, и если мы не можем даже представить эти активы в сфере знания как нечто самостоятельное, не зависимое от сетей, в которые они встроены. Какова тогда единица оценивания этих

⁸ Одна работа по материалам данного исследования подготовлена и переведена на русский язык: *Старк Д., Ведреш Б.* Социальное время сетевых пространств: анализ последовательности формирования сетей и иностранных инвестиций в Венгрии, 1987—2001 гг. // *Экономическая социология.* 2005. Т. 6. № 1. С. 14—45; или: *Российский журнал менеджмента.* 2005. Т. 3. № 3. С. 43—80.

активов в области знания — активы, выходящих за границы фирмы в традиционном понимании? Это будет очень интересной задачей.

И эту задачу пытаются решить не только социологи. В США есть периодический деловой журнал, который называется «Рекомбинантный капитал».

Или еще одна проблема. Есть особый тип услуг. Вы обращаетесь к базе данных, даете им название компаний, а они описывают вам сети, альянсы, в которые включены эти компании. Вам дадут не просто список, но и обеспечат доступ к веб-сайту, где Вы сможете работать с различными видами двухмерных и квазитрехмерных пространств, моделей, форм этих сетей. И это не просто новая игрушка в академической среде. Доказательство тому — подписка, и чрезвычайно дорогая — порядка трех тысяч долларов в одном из случаев (т.е. четыреста долларов в месяц). Вы можете платить за ограниченное почасовое пользование или, например, назвать им пять компаний и заплатить триста долларов — есть разные варианты. Очевидно, что у этих услуг есть рынок. Они бы ушли из бизнеса, если бы для них не было рынка. Но ребята, производящие и приобретающие эти данные, выстраивающие алгоритмы, работающие с веб-сайтами, безусловно, уверены, что рынок для них есть, что в финансовом сообществе, в деловом мире есть люди, которые скажут: «Нам недостаточно знать, что вы прилежно трудитесь в своей фирме, мы должны посмотреть не только на то, кто у вас занимает ведущие позиции, какова ваша финансовая основа, что вы производите и как осуществляются исследовательские работы, но и на ваши связи, на место фирмы в сетях».

— Да, это вполне разумно, но в российской действительности мне трудно представить, что возможно получить подобную информацию на коммерческой основе. Как правило, ее не разглашают.

— А в США связи открыто торгующих фирм не являются секретом, все их альянсы, которые хоть в какой-то степени формализованы, регистрируются в АСС⁹, так что информация о них есть в открытом доступе. И вы просто нанимаете группу исследователей, которые следят за деловой прессой в определенной сфере, и можете дополнительно узнать все прочие связи интересующей вас фирмы — в том числе менее формализованные, хотя и вполне реально существующие. Можно получить такие данные и по России, они могут быть несколько иными, но это не означает, что мы имеем дело с совершенно другим явлением. Так что, как я говорил, для термина «новая экономика» решающую роль играют вопросы оценивания.

Затем следуют вопросы технологии. Мне кажется, было бы ошибочным утверждать, что новые информационные и компьютерные технологии, а также интерактивные технологии коренным образом изменят организации, как это предсказывают технологические детерминисты или утописты. Но, думаю, столь же ошибочно было бы полагать,

⁹ Administrative Committee on Coordinati-
оп. — Прим. перев.

что новые интерактивные технологии никак не коснутся уже известных нам организационных форм.

Что от нас требуется, — так это понять, как можно применять эти новые технологии, как их использовать новыми, прежде не просчитывавшимися способами, как они влияют на реальное функционирование организационных форм.

Вкратце я могу это описать, сославшись на опыт моего собственного факультета в Колумбийском университете и рассказав, что мы пытаемся делать сейчас. В самом конце 1930-х или, скорее, даже в начале 1940-х годов факультет возглавлял Роберт Мертон [Robert Merton]. И он поставил тогда две параллельные исследовательские задачи. Первая была направлена на изучение истоков и функционирования бюрократии. Вместе со своими студентами (прежде всего, с Питером Блау [Peter Blau], Алвином Гоулднером [Alvin Gouldner], Джеймсом Коулманом [James Coleman], каждый из которых, кстати сказать, в свое время стал президентом Американской социологической ассоциации) он начал с помощью ряда методов исследовать происхождение и функционирование бюрократии. Блау использовал малые группы, Коулман — опросы, Гоулднер — этнографию. Они изучали то, как возникла бюрократия, какие именно ее формы развивались, что это значит вообще — «бюрократическая организация»?

В то же время Мертон организовал параллельный проект — это было первое систематическое исследование массовой коммуникации. Вместе со своим коллегой Полом Лазарсфельдом [Paul Lazarsfeld] они открыли Бюро радиоисследований. Первые контракты они заключили с Государственным департаментом США во время Второй мировой войны. Мертон и Лазарсфельд задались вопросом: можем ли мы, социологи, помочь союзникам? Например, когда Госдепартамент США снимает фильмы, нацеленные на привлечение максимального числа людей на сторону союзников, уверены ли мы, что эти фильмы производят желаемый эффект? В то время производители фильмов приходили к какому-нибудь высокому чину в Госдепартаменте, и тот говорил: «Да, пожалуй, это стоящий фильм». Это называлось пропагандой. Однако Мертон спросил: «А уверены ли мы, что наша аудитория видит то же, что и мы?» В результате они открыли Бюро радиоисследований, в задачи которого входил анализ текстов на радио и рекламных роликов на телевидении. Они организовали первые фокус-группы, давали им прослушать минутные рекламные ролики и спрашивали: «Что вы услышали, что вам понравилось, какие мысли это у вас вызвало, какие ассоциации?» Они собирали по несколько человек в специальных кабинках и показывали им фильм. Перед человеком было две кнопки — красная и зеленая. Когда ему что-то нравилось или, наоборот, не нравилось, он нажимал ту или другую из них. Соответственно можно было точно отследить реакцию человека. Так что задолго до того, как теоретики начали формально говорить о реакции аудитории, Лазарсфельд и Мертон проводили систематические исследования в этой области.

Но вернемся к нашему разговору. Чем занимались Мертон и его коллеги? Они исследовали происхождение и функционирование

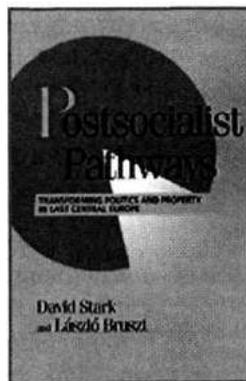
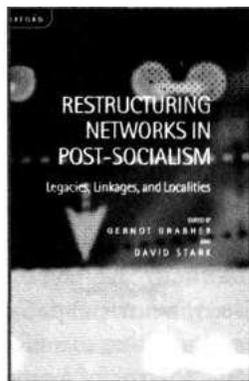
бюрократии в эпоху массовой коммуникации. Что делаем мы? Нас интересует происхождение и функционирование организации, построенной на множестве связей [collaborative organization]. Не бюрократии. Конечно, бюрократия есть и сейчас, но есть также и новые, основанные на связях не-бюрократические формы, и мы еще не вполне понимаем эти новые формы — менее иерархизированные, более гибкие, структурированные скорее горизонтально, нежели вертикально. И мы занимаемся этим уже не в эпоху массовой коммуникации. Конечно, массовая коммуникация существует и поныне. Но мы живем в новую эпоху интерактивных средств массовой информации, основанных на связях [collaborative media]. Они раньше исследовали массовое производство и массовую коммуникацию. Мы теперь исследуем производство и коммуникацию, основанные на связях [collaborative production and collaborative communication]. И Боб Мертон сразу это уловил: когда я рассказал ему, он сразу загорелся, поддержал такой подход. Для Мертона и Лазарсфельда эти два исследования могли быть параллельными. Для нас же они должны быть сопряженными. Потому что в нашу эпоху организационная структура [design] неотделима от структуры цифрового интерфейса. В организации происходит все больше и больше взаимодействий, выходящих за ее границы, в онлайн-режиме существуют рабочие места, работают электронная почта, Интернет, веб-сайты, и мы должны исследовать все это, ибо это неотъемлемая часть организационной формы. Так что, полагаю, впереди еще много увлекательной работы по исследованию Интернета, его роли в осуществлении связей между людьми, по исследованию новых форм коммуникации, новых моделей сетей между сообществами, потребителями и т.д., будет исследоваться также и то, что происходит внутри, в рамках организаций. Да, впереди еще много увлекательного.

— Большое спасибо.

Основные публикации Д. Старка

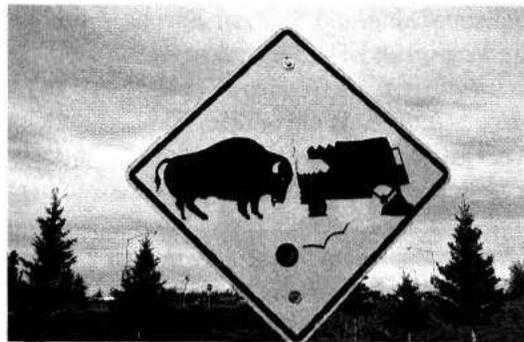
- Старк Д., Ведреш Б.* Социальное время сетевых пространств: анализ последовательности формирования сетей и иностранных инвестиций в Венгрии, 1987–2001 гг. // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 1. С. 14–45. <http://ecsoc.msses.ru>; или: Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3. № 3. С. 43–80.
- Старк Д.* Гетерархия: неоднозначность активов и организация разнообразия в постсоциалистических странах // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 47–95.
- Старк Д.* Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма // Вопросы экономики. 1996. № 6. С. 4–24.
- Stark D.* For a Sociology of Worth // Конференция «Экономическая социология на пороге третьего тысячелетия». Москва. Январь 2000 г. Переработанный вариант см.: Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 2. С. 7–36 (<http://www.ecsoc.msses.ru>).

- Stark D.* Recombinant Property in East European Capitalism // *American Journal of Sociology*. 1996. Vol. 101. No. 4. January. P. 993–1027.
- Stark D.* The Great Transformation? Social Change in Eastern Europe // *Contemporary Sociology*. 1992. Vol. 21. No. 3. May. P. 299–304.
- Stark D.* La valeur du travail et sa retribution en Hongrie // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1990. Vol. 85. November. P. 3–19. На английском языке см.: *Work, Worth, and Justice*. <http://www.sociology.columbia.edu/faculty/stark/worth>
- Stark D.* Coexisting Organizational Forms in Hungary's Emerging Mixed Economy // *Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe* / Ed. by V. Nee, D. Stark. Stanford: Stanford University Press, 1989. P. 137–168.
- Stark D.* Rethinking Internal Labor Markets: New Insights from a Comparative Perspective // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. No. 4. August. P. 492–504.
- Stark D., Bruszt L.* One Way or Multiple Paths: For a Comparative Sociology of East European Capitalism // *American Journal of Sociology*. 2001. Vol. 106. No. 4. November. P. 1129–1137.
- Stark D., Bruszt L.* Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Grabner G., Stark D.* (eds.). Restructuring Networks in Post-Socialism: Legacies, Linkages, and Localities. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1997.
- Grabner G., Stark D.* Organizing Diversity: Evolutionary Theory, Network Analysis and Post-socialism // *Regional Studies*. 1997. Vol. 31. No. 5. July. P. 533–544; или: *Restructuring Networks in Post-Socialism: Legacies, Linkages, and Localities* / Ed. by G. Grabner, D. Stark. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1997. P. 1–32.
- Bruszt L., Stark D.* Remaking the Political Field in Hungary: From the Politics of Confrontation to the Politics of Competition // *Journal of International Affairs*. 1991. Vol. 45. No 1. Summer. P. 201–245.
- Nee V., Stark D., Selden M.* (eds.). *Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe*. Stanford: Stanford University Press, 1989.

Лоран Тевено¹

Март 2002 г.

«Мне хотелось бы подчеркнуть, что экономическая теория — это часть социальных наук. Она опирается на ту же программу исследования, что и социология».

Лоран Тевено — один из лидеров экономической теории конвенции во Франции. Это институциональное направление набирает все большую популярность среди экономосоциологов по обе стороны Атлантики. Постепенно знакомятся с данным направлением и российские исследователи — в немалой степени благодаря первым переводам, появившимся в «Вопросах экономики», «Журнале социологии и социальной антропологии», электронном журнале «Экономическая социология» и книгах «Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу» и «Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики»². При этом неоднократно приходилось слышать о трудностях, связанных с пониманием данной концепции, с которыми сталкиваются читатели. Мы надеемся, что публикация интервью Л. Тевено поможет хотя бы отчасти прояснить некоторые вопросы.

Данное интервью было записано во время одного из приездов Лорана Тевено в Москву, где он читает лекции во Французском колледже. В то время мы завершали перевод его новой статьи. И, пользуясь случаем, я пытался уточнить у автора перевод некоторых неоднозначных понятий, — например, «порядок обоснования ценности» или «домашний способ координации». Нужно сказать, что это довольно забавное упражнение — обсуждать на английском языке то, как лучше перевести термины с французского на русский...

¹ Л. Тевено [Laurent Thévenot] — руководитель научных программ Высшей школы исследований в социальных науках, ведущий научный сотрудник Центра изучения занятости, Франция.

² Тевено Л. Организованная комплексность: конвенции координации и композиция экономических образований // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 19—46; или: Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 281—300.

— Прежде всего я хотел бы спросить, связываете ли Вы себя в какой-то степени с экономической социологией? Конечно, я знаю, что Вами и Люком Болтански разрабатывается направление, известное как экономическая теория конвенций [economic theory of conventions], или новый французский институционализм. И тем не менее, считаете ли Вы себя хотя бы в какой-то степени экономосоциологом?

— Да, несомненно. Но прежде всего, мне кажется, стоит подчеркнуть, что во Франции разработки,

называемые собственно экономической социологией, появились относительно недавно: 5–10 лет назад, даже, пожалуй, не более пяти. А прежде эта область развивалась просто в силу сотрудничества между экономистами и социологами.

Мы обсуждали этот вопрос с Ричардом Сведбергом в Стокгольме. Интересно было проследить эволюцию данной области в разных европейских странах. Во Франции она сложилась на стыке экономики (в частности, направления, разрабатываемого институциональными экономистами) и социологии. Вообще в этой области экономической теории влияние социологии достаточно велико. Поэтому между институциональными экономистами и социологами возникло сотрудничество. Правда, это не было социологией, которая все более обращалась к изучению хозяйства. Критическая позиция вырабатывалась, скорее, внутри самой экономической теории, а не так, как обычно бывает, когда социологи принимаются критиковать исходные посыпки неоклассической экономической теории. Я думаю, что во Франции это была открытая дискуссия с экономистами.

Вы упомянули экономическую теорию конвенций, которой мы занимаемся с Люком Болтански. Но в целом это более общий проект, в который вовлечены и другие ведущие исследователи — Оливье Фавро [Olivier Favreau], Франсуа Эмар-Дюверне [François Eymard-Duvernay], Андре Орлеан [André Orléan]. Если говорить о сути проблемы, подходить более широко, чем просто рассматривать отношения между экономистами и социологами, то как раз вышла интересная книга Франсуа Досса [François Dosse], в ней многое объясняется (и она уже переведена на английский³). В ней описывается реорганизация французских социальных наук и философии в целом за последние двадцать лет. При этом основное внимание уделяется экономической теории и социологии. И я бы сказал, что результаты всей этой более чем пятнадцатилетней работы весьма близки к тому, что называют экономической социологией. Они связаны, сопоставимы с нею, особенно в критике экономической модели конкуренции — модели, которой не хватает анализа ее исходных посылок. И далее мы подходим к очень значимому моменту, который и важен для нашей критики основного направления экономической теории, и близок к экономической социологии, — это анализ институтов и посредствующих связей [mediation], особенно с точки зрения качества товаров и услуг. Ведь и Дж. Акерлоф [George Akerlof], М. Спенс [Michael Spence] и Дж. Стиглиц [Joseph Stiglitz] — эти знаменитые нобелевские лауреаты — в своих исследованиях отталкивались от того факта, что ключевой проблемой является информация; прежде в модели общего равновесия этой проблеме не уделялось достаточного внимания.

И мы тоже изучаем эти проблемы, рассматриваем процесс обретения товаром/благом особого качества [«qualification»]. Это социальный процесс

³ Dosse F. Empire of Meaning: The Humanization of the Social Sciences. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

в классическом смысле, как понимал его П. Бурдьё, и как он в целом понимается в социологии. Нам необходимо понять, что в основе координации между людьми лежат товары. Для экономической теории это очевидно. Социологи также подчеркивают необходимость такого конструирования. Мне кажется, мы достаточно интенсивно занимаемся анализом этого процесса, который мы называем «обретением качества». И конечно же, это еще один способ подойти к изучению координации.

Еще одно замечание. Мне хотелось бы подчеркнуть, что экономическая теория — это часть социальных наук. Она опирается на ту же программу исследования, что и социология, — с точки зрения объяснения артефактов, выстроенных человечеством для обеспечения координации. И это полностью противоречит позиции Л. Вальраса, который говорит, что политическая экономия должна стать естественной наукой. Он считает науки о нравах — науками о координации между человеческими существами. И говорит, что экономическая теория, напротив, — естественная наука. Да, сегодня нам это кажется очень странным заявлением. И возможно, у экономсоциологов в целом и у нашей исследовательской группы в частности есть основания сказать: нет, хозяйственные процессы — это процессы координации между людьми, точно такие же, как любые другие социальные процессы. Просто экономисты анализируют цену товаров (предметов), а социологи этим, как правило, не занимаются.

Наконец, последнее — проблема агента и действия. Вы, конечно, знаете теорию Марка Грановеттера о «пересоциализованности» многих социальных, в том числе социологических течений. Мы также исследуем этот предположительно коллективный характер социального действия. Конечно, мы не считаем индивида неким рациональным, все и вся оптимизирующим агентом с фиксированными социальными отношениями. Вместо этого мы поместили в центр нашей исследовательской программы вопрос взаимодействия между людьми — нечто неочевидное с точки зрения координации. Эта координация и является для нас основным вопросом.

— **Если я не ошибаюсь, у Вас экономическое образование, Вы учились экономике или, точнее, экономической статистике. А когда Вы пришли к социологическому пониманию экономической теории?**

— Это моя собственная маленькая история. Но вообще-то она также связана с более общей масштабной (коллективной) тенденцией, зародившейся в стенах нашего Института статистики и экономических исследований (INSEE) — французской организации, проводящей исследования в области экономики, социологии, статистики. Примечательно, что всеми этими исследованиями занимается один институт. Многие из людей, которых я упоминал, работают как раз в нем. Так же как и я, они учились экономике. Однако в этом институте есть и социологи. И у нас были достаточно тесные отношения с ними, в какой-то момент нам была близка и социология Бурдьё — в ней используют

ся экономические термины. Вообще-то это целая проблема, потому что на самом деле эта терминология...

— **Терминология форм капитала?**

— Именно. Как раз недавно вышла интересная работа Оливье Фавро, где критически анализируется эта проблема. Это направление было для нас интересным, ведь в нем рассматриваются экономические вопросы. Так что именно тогда и именно поэтому я начал изучать социологию, сначала с Бурдьё, а потом с Люком Болтански, который как раз тогда работал над своей книгой «Les Cadres»⁴, где данный вопрос занимает центральное место. Моя биография в этом отношении несколько отличается от биографии моих коллег — я более серьезно занялся социологией. Но все мы соглашались, что этим двум дисциплинам следует выстроить более тесные отношения между собой, не просто слепить их в нечто нераздельное, но попытаться понять, что лежит в основе каждой из них, проанализировать их связь.

— **Если говорить о Франции, какие методологические подходы в ней развиваются, помимо экономической теории конвенций? Вы упомянули Бурдьё. А какие авторы, какие еще направления кажутся важными и какие из них близки лично Вам?**

— В экономической социологии во Франции? Давайте не обязательно только во Франции, хорошо?

— **Согласен.**

— Просто это позволит лучше ответить на вторую часть Вашего вопроса — о том, как я вижу нашу теорию по отношению к другим направлениям. Основой являются не социальные группы. Об этом говорилось уже Грановеттером в его критике «пересоциализованности». Об этом говорится и в нашей критике социологического наследия Бурдьё — ведь его теория построена именно вокруг групп, точнее, классов. В этом отношении она является марксистской.

— **Постмарксистской.**

— Да, постмарксистской. Так что помимо этих течений, помещающих в центр социальные группы или классы, есть другое направление, развитое прежде всего в американской экономической социологии (да и в американских социальных науках в целом). В нем в центр помещаются индивиды и их практики. И в основе лежит тот факт, что поведение индивидов определяется интересами. Можно использовать также термин «стратегия».

— **Вы имеете в виду разного рода теории рационального выбора?**

— И их тоже.

— **Или в более общем ключе?**

— Я говорю о людях, которых Вы уже интервьюировали. Вы считаете, они не занимаются теориями рационального выбора?

— **Мне кажется, нет.**

— Ну, не все из них. Но некоторые, мне кажется, занимаются как

раз этими теориями.

— **Это, скорее, новый институционализм.**

⁴ Boltanski L. Les cadres: la formation d'un groupe social. Paris: Editions de Minuit, 1982.

- Все они изучают интересы индивидов. Вы не согласны?
- Да, согласен, но делают это под иным углом зрения, нежели

теоретики рационального выбора. Здесь совсем другой подход.

— Возьмем, например, Пола Димаджио [Paul DiMaggio]: агент, по его мнению, имеет интерес, который неким образом инкорпорируется в практики. Это означает, что существует не только рациональный расчет. В любом случае речь идет о том, что побуждает к действию, — это и есть центральный элемент анализа. Мне кажется, что им является интерес, который движет индивидом. Причем не с точки зрения рациональной организации.

— Да, я тоже так думаю.

— Но мне кажется, что в нашей теории конвенций делается другой акцент, если говорить о координации как центральном элементе анализа. На наш взгляд, этот элемент присутствует и в социологии, и в экономической теории. Да, интерес — это хорошо, но, как нам кажется, он описывает лишь один тип координации. А если взять другой тип, то характеристика действия с точки зрения интереса уже будет неадекватной, и следует искать другой способ описания. Поэтому в нашей работе мы принимаем некий допустимый уровень легитимных конвенций как основу координации публичных отношений — это верхний уровень анализа. Но есть также и его нижний уровень — персонализированные, неколлективные практики. И на нижнем уровне опять-таки невозможно описать поведение агентов просто с точки зрения интереса. Это не критика понятия интереса, мы используем его практически в том же смысле, что и американские институциональные социологи или Бурдые (причем идея габитуса могла бы даже более активно использоваться американцами). Но на первое место все же выходит понятие «практики». В обоих случаях интерес может быть неявным, и в обоих случаях за ним стоит агент. Нам кажется, это хорошее объяснение определенного типа взаимодействия. И нам следует придерживаться более плюралистического подхода к анализу типов взаимодействия, используемых хозяйственными организациями.

Возвращаюсь теперь к первой части Вашего вопроса. Мы изучаем организацию при помощи методологии, которая пытается выявить различные типы координации, имеющие место в организации, и найти компромисс между ними. А в других течениях и при других методологических подходах, которые я упоминал ранее, рассматривается компромисс между людьми и интересами. Или между интересами и людьми. Так что, мне кажется, единицей анализа должен быть не интерес и не агент, а тип координации.

— Каково в этом смысле Ваше отношение к сетевому подходу, который также весьма популярен в США и в котором в качестве единицы анализа выступают не агенты, а связи между ними? Ведь он отличается от вашего подхода. Каково Ваше отношение к нему?

— Да, конечно, я не упомянул этот подход, который, несомненно (так же как и наш), отвергает индивидуальный интерес и мотивацию

в качестве единичного анализа. И Вы правы, в сетевом подходе основное внимание действительно уделяется связям. Это огромная область исследований, сосредоточенная на изучении связей. Наша критика (она касается не всего сетевого анализа, а некоторых его направлений) единственно состоит в том, что в нем не слишком тщательно проводится различие между типами связей. И сила сети заключается как раз в уравнивании различных связей, выстраивании схем, графов. Конечно, можно делать и то, и другое. Я имею в виду, можно и строить схемы, и давать качественную оценку связи.

— Да, например, проводятся различия между сильными и слабыми связями.

— Конечно, можно делать и то, и другое.

— Но в целом это скорее количественный анализ.

— Совершенно верно. Мы вовсе не против количественного анализа, проблема не в этом. Просто количественный анализ требует нахождения эквивалентности — а это, как Вы знаете, было нашей первой исследовательской темой. Эквивалентность соотносится с определенным способом координации. Другой способ координации не примет данную эквивалентность. А мы, занимаясь своими исследованиями, порою приписываем той или иной эквивалентности контекст, к которому она не принадлежит... Между нашей теорией конвенций и работами Франсуа Эмара-Дюверне, Оливье Фавро и Хэррисона Уайта много общего. Конечно, Дэвид Старк очень заинтересован в такого рода сетевом анализе. Уайт, например, использует сети для анализа отношений по поводу прав собственности в рамках фирмы. Его интересуют различия в портфелях акций разных фирм. Но опять-таки, в сетевой теории есть риск увидеть эквивалентность там, где ее на самом деле нет. Хотя в целом это безумно интересно, это очень влиятельная теория с точки зрения объяснения не только интересов индивидов, но и их связей.

— Если все-таки вернуться к Франции, что Вы скажете о работах Алена Турена [Alain Tourain]? Они были весьма популярны в России и не только. Например, его исследования в области социологии труда, его метод социальной интервенции. Вам интересно это направление? Как бы Вы его оценили?

— Если говорить об экономистах, то это влияние не особенно заметно. Хотя, конечно, следует сказать, что в экономической социологии есть очень влиятельная традиция, но она идет от М. Крозье [Michel Crozier] и Э. Фридберга [Erhard Friedberg]. Они занимаются изучением хозяйственных организаций, в том числе и полевыми исследованиями. Их концепция во многом также построена на идее об агенте, движимом интересами. Но они очень много внимания уделяют и правилам, по которым играют люди, их стратегиям. Так что, мне кажется, говоря об экономической социологии, следует упомянуть и их работу, она по-прежнему идет весьма динамично. Это целое исследовательское направление. Я активно общался с одним из таких авторов, который сейчас ушел в социологию образования.

— Значит, некоторые отошли от этой области.

— Но, мне кажется, они вернутся. Они занимаются изучением трудовых отношений.

— **Sociologie du travail [социологией труда].**

— Да, и это очень интересное новое направление. У нас есть очень старая традиция социологии труда, связанная прежде всего с работами Ж. Фридмана [Georges Friedman]. Конечно, она тоже очень интересна. Эта традиция появилась примерно в 1960-е годы, и тогда она развивалась очень динамично. А сейчас в ней появляются новые элементы, в последнее время особенно в области когнитивной теории познания. Вышло несколько специальных выпусков журнала «Sociologie du travail», в которых поднимаются вопросы трудовых отношений с точки зрения деятельности в целом и когнитивной деятельности в частности. Это целое новое направление. Оно очень отличается от того, что было в 1950-е—1960-е годы — анализа классов и классового сопротивления. Отошла в тень и иерархическая модель, которая являлась тогда основой для изучения трудовых отношений.

— Скажите, а какие книги и статьи в экономической социологии и в смежных областях (не только французских авторов) показались Вам наиболее важными, интересными, неожиданными, подводящими к новым идеям, — если говорить о работах, появившихся недавно, два — четыре года назад?

— Мне кажется, самые интересные работы вышли в сборниках под редакцией Ричарда Сведберга. Я имею в виду также и специальные выпуски журнала, подготовленные после организованной им конференции.

— Вы говорите о журнале «European Societies»?

— Нет, о журнале «Social Theory». Есть и еще один журнал. Почти все они появились именно после той конференции. Мне кажется, это было очень интересно — первая возможность для европейцев сравнить свои различные традиции экономической социологии (не все из которых даже называются экономической социологией). Затем, мне кажется интересной книга Эдварда Фулбрука «Интерсубъективность в экономической теории»⁵.

— Мне не знакома эта книга.

— Возможно, это не экономическая социология как таковая. Конечно, я также изучал работы американских экономсоциологов, которых Вы упоминали. Я не говорю о них, поскольку уверен, что Вы знаете все эти работы.

— Очень забавно, но люди называют разные книги. Это просто удивительно.

— Пожалуй, мне трудно дать какой-то список книг или статей.

— Меня интересует не какой-то длинный перечень работ, а то, что понравилось именно Вам, что удивило или озадачило. Не библиографический список.

⁵ Fullbrook E. (ed.). Intersubjectivity in Economics: Agents and Structures. L.; N.Y.: Routledge, 2001.

— За последние три-четыре года? Я должен подумать.

— **Хорошо. И мой последний вопрос: какие направления исследований и темы кажутся Вам наиболее перспективными в ближайшем будущем?**

— Мне кажется, здесь следует указать на связь между старой политической философией и теорией справедливости. Я имею в виду, что эти области, на мой взгляд, не охвачены экономической социологией. Конечно, институты — часть ее исследовательской схемы. Но мне кажется, их специфика зачастую не учитывается в наших подходах. И точно так же, как мы поступили в случае с экономической теорией, столь же серьезно нам следует отнестись и к другим областям знания, интегрировать их в наши исследования, — я имею в виду право и политику, политическую философию. Не следует от них отказываться. Возможно, я рассуждаю как бывший экономист, но серьезным пробелом в экономической социологии является ее недостаточное внимание к особенностям рыночной координации. Мне кажется, то же касается и права: нам следует не просто рассматривать институты как практики (при этом, разумеется, практики тоже необходимо изучать), но обратиться к анализу особенностей правовых образований. В этом смысле мы все теснее начинаем работать с нашими коллегами-правоведами.

— **Вы работаете вместе с юристами?**

— Совершенно верно.

— **Должен признаться, для нас это настоящая проблема, именно в области права исследователи работают несколько обособленно.**

— Ну, не все...

— **И у них свой особый стиль мышления, очень формальный.**

— Знаете, здесь то же самое, что и с экономической теорией, — надо просто попасть на правильного человека. Среди правоведов тоже есть авторы, по-настоящему рефлексивно воспринимающие эту область знания. Недавно у нас в Париже был совместный семинар, на котором выступил английский правовед, очень интересный автор. Я могу показать Вам его работы. Это не экономическая социология, но они очень интересны, в них анализируется фирма с точки зрения правовых практик. Правоведы в таком анализе обычно опираются на принципы формального права, а он использует обычное право, применяемое в Великобритании при анализе предприятия, строит теоретические модели. Мы разговаривали с ним после семинара, его интересует также и вопрос стратификационных порядков. Но у него иная точка зрения на них, он анализирует их под правовым углом зрения, и в этом смысле наше сотрудничество очень интересно.

— **Большое спасибо.**

Тевено Л. Организованная комплексность: конвенции координации и структура экономических преобразований // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 19–46; или: Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 281–300.

Тевено Л. Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 1. С. 88–122. <http://ecsoc.msses.ru>

Тевено Л. Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 84–109 (<http://ecsocman.edu.ru/jssa>).

Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 69–84.

Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83. <http://ecsocman.edu.ru/jssa>

Lamont M., Thévenot L. (eds.). Rethinking Comparative Cultural Sociology: Repertoires of Evaluation in France and the United States. Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

Conein B., Thévenot L. (eds.). Cognition et information en société. Paris: Editions de l'Ecole des hautes études en sciences sociales, 1997.

Thévenot L. Strategies, intérêts et justifications: A propos d'une comparaison France – Etats-Unis de conflits d'aménagement // Techniques, territoires et sociétés. 1996. No. 31. P. 127–149.

Thévenot L. L'action en plan // Sociologie du Travail. 1995. Vol. 27. No. 3. P. 411–434.

Thévenot L. Un pluralism sans relativisme? Theories et pratiques du sens de la justice // Justice sociale et inégalités / Ed. by J. Affichard, J.-B. Foucauld. Paris: Ed. Esprit, 1992. P. 221–253.

Thévenot L. L'action qui convient // Les formes de l'action / Ed. by P. Pharo, L. Quere. Paris: Ed. de l'EHESS, 1990.

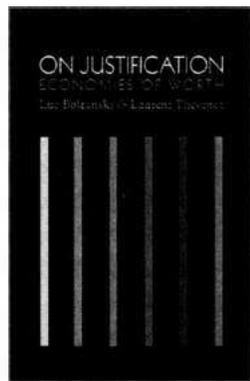
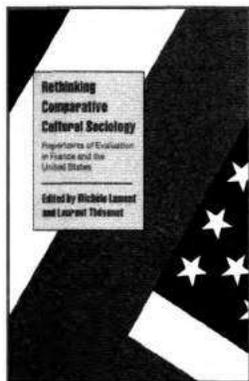
Thévenot L. La politique des statistiques: Les origines sociales des enquêtes de mobilité sociale // Annales Economie Société Culture. 1990. No. 6. P. 1275–1300.

Thévenot L. Rules and Implements: Investment in Forms // Social Science Information. 1984. Vol. 23. No. 1. P. 1–45.

Conein B., Dodier N., Thévenot L. Les Objets dans l'action: de la maison au laboratoire. Paris: Editions de l'Ecole des hautes études de sciences sociales, 1993.

Boltanski L., Thévenot L. (eds.). Les Economies de la grandeur. Paris: Presses universitaires de France, 1987.

Salais R., Thévenot L. (eds.). Le Travail: marches, règles, conventions. Paris: INSEE: Economica, 1986.

Карло Тригилия¹

Июль 2002 г.

«Наша задача не в том, чтобы сказать, что экономическая социология лучше, чем все другие направления. Наша задача — путем сравнительного анализа показать все разнообразие форм хозяйственных организаций».

Карло Тригилия является главным редактором журнала «Stato e Mercato» («Государство и рынок») — основного академического рупора итальянской экономической социологии. В 2001 г. книга К. Тригилия «Экономическая социология» (1998) была переведена на английский язык и выпущена издательством «Blackwell». В ней суммируются классические и современные направления экономико-социологической теории.

Интервью с Карло Тригилия состоялось в разгар лета в чудесном уголке северной Италии на вилле Фонда Рокфеллеров рядом с городком Белладжио. Мы сидели в старой башне, ставшей частью гостевого дома. За одним окном виднелись террасы ухоженного средиземноморского сада, за другим — плескались тихие воды озера Комо. Самое время поговорить об экономической социологии!

— Не так давно Вы опубликовали книгу «Экономическая социология», сначала на итальянском, затем на английском². На этом основании мы вправе заключить, что Вы считаете себя экономсоциологом. Поэтому мой первый вопрос: когда и как это началось? Когда Вы осознали, что область, в которой Вы работаете, — экономическая социология?

— Я считаю себя экономсоциологом с самого начала своей профессиональной карьеры, с тех пор, как писал диссертацию, — она была посвящена проблеме хозяйственного развития южной Италии. Это направление исследований в Италии было тесно связано с проблемами развития малых фирм и индустриальных районов. Мы тогда считали, что это экономическая социология.

— А как Вы пришли к этому названию — «экономическая социология»? Что послужило толчком?

¹ К. Тригилия [Carlo Trigilia] — профессор экономической социологии в Университете Флоренции, Италия.

² Trigilia C. Economic Sociology: State, Market, and Society in Modern Capitalism. Oxford; Malden, MA: Blackwell, 2002; Trigilia C. Sociologia economica: Stato mercato e società nel capitalismo moderno. Bologna: Il Mulino, 1998.

— У нас это словосочетание появилось в 1970-е годы, когда начали читаться курсы по экономической социологии. Первые кафедры экономической социологии были основаны в конце 1970-х. И я работал с коллегами, занимавшимися, с одной стороны, проблемами рынка труда и развития малых фирм, а с другой — трудовыми отношениями. Эти две темы и были первыми основными направлениями развития экономической социологии в Италии. В какой-то момент они объединились, и родился журнал «Государство и рынок» [Stato e Mercato]. Это произошло в начале 1980-х, точнее в 1981 г. Я тогда был еще довольно молод и начал работу, рецензируя рукописи, затем стал помощником редактора и, наконец, — редактором журнала. В этом журнале, как в зеркале, отражены два основных направления развития экономической социологии в Италии: с одной стороны, трудовые отношения, проблема неокорпоративизма и плюрализма, с другой — развитие малых фирм, гибкая специализация. Отсюда видно, что развитие экономической социологии в Италии в значительной степени шло вслед за развитием эмпирических исследований. В этом заключается ее особенность. Итальянская экономсоциология выросла не столько из теоретических дискуссий (они начались позднее), сколько из конкретной исследовательской проблематики.

— **Ваша книга «Экономическая социология» посвящена и классической, и современной социологии. А каковы, на Ваш взгляд, основные линии водораздела в этой области с точки зрения подходов, тенденций, направлений?**

— Вы имеете в виду социологию в целом или только экономическую социологию?

— **Только экономическую социологию.**

— Тогда давайте я просто вкратце обрисую структуру книги, и это даст Вам представление о том, что я думаю по этому поводу. Прежде всего, мне кажется важным связать прошлое и настоящее, увидеть ключевые подходы в экономической социологии, проследить ее развитие начиная от классиков и при этом связать ее с более новыми работками. Мне кажется, это очень важно для институционализации данного направления. Важно, чтобы и другие исследователи, и студенты осознали, что здесь есть такие общезначимые подходы. И что между прошлым и настоящим нет никакого разрыва.

Что же касается более современных работок и проблематики исследований, думаю (я говорил об этом вчера на семинаре), что важной частью экономической социологии является сравнительная политическая экономия (хотя это спорный вопрос, и американские, а в какой-то степени и европейские коллеги с этим не согласны). Многие полагают, что сравнительная политэкономия — это одно, а экономическая социология (новая американская экономическая социология) — совсем другое.

Поэтому в своей книге я говорю о возрождении экономической социологии в ходе международной дискуссии о хозяйственном развитии и о том, что хозяйственную проблематику следует связать с институ-

циональными объяснениями инфляции 1970-х годов, с дебатами по поводу неокорпоративизма и плюрализма. Мне кажется, это важное направление анализа, основанное на дискуссии по поводу кризиса государства благосостояния; здесь же впоследствии возникли дискуссии по поводу множества типов капитализма, слияния «капитализмов». Это макроуровень анализа.

Есть также два направления на микроуровне. Одно ориентировано, скорее, на эмпирические исследования (как я говорил, именно оно наиболее развито в итальянской экономической социологии) и связано с проблемой распада фордистской модели организации и возникновением новых, постфордистских моделей, а также, в целом, различных организационных форм хозяйства (я имею в виду дебаты по поводу организационной гибкости, идеи Ч. Сейбела и т.д.³). Мне кажется, все это следует каким-то образом инкорпорировать в традиционную экономическую социологию, хотя некоторые коллеги, особенно американцы, возможно, не считают это своей задачей.

Другое направление зародилось в начале 1980-х годов и до сих пор активно развивается в Соединенных Штатах. На мой взгляд, оно в большей степени ориентировано на теорию, — в том смысле, что это своего рода реакция социологов на атаку со стороны некоторых экономистов (в частности институциональных и особенно тех, кто занимается теорией трансакционных издержек) и на их попытки объяснить разнообразие организационных форм на микроуровне. Очень важную роль здесь сыграла дискуссия между О. Уильямсоном и М. Грановеттером.

Помимо этого, в новой экономической социологии есть деление на структуралистский и новый институциональный подходы. Конечно, и тот, и другой являются частью новой американской экономической социологии. И оба они стараются противостоять попыткам институциональной экономической теории объяснить формы хозяйственной организации. Но дальше они расходятся. Предполагается, что структуралисты (М. Грановеттер и в какой-то степени Дж. Коулман) гораздо ближе к теории рационального действия. И весь этот анализ сетей, персональных связей, основанных на развитом социальном капитале, — лишь дополнение к прочим ресурсам акторов, которые в принципе действуют рационально. Мне кажется, это верно и в отношении Грановеттера.

— Да, в отношении Коулмана я уверен. А вот по поводу Грановеттера как-то сомневаюсь.

— В моей книге есть фрагменты как раз об этом, я покажу Вам. Из них следует, что он принимает теорию рационального действия, согласно которой необходимо анализировать то, как акторы используют свои связи для формирования действий, реакций и т.д. В любом случае, это предмет для обсуждения.

Другое направление представлено новым институционализмом. И здесь гораздо больше внимания уделяется культурному измерению, хотя и в ином

³ Piore M., Sabel C. The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity. N.Y.: Basic Books, 1984.

ракурсе, нежели в старой традиции, когда культура рассматривалась в рамках теории действия, причем с сильным нормативным акцентом (я имею в виду старую теорию Т. Парсонса, согласно которой культура весьма влиятельна, но нормативна и заключается прежде всего в ценностях). Конечно, неонституционализм построен на развитии символического интеракционизма, этнометодологии и тому подобных течений, у них иной подход к культуре и ее проблемам.

Я же полагаю, что следует попытаться объединить эти два направления. Давайте я приведу пример, который позволит лучше объяснить мою точку зрения. Возьмем, скажем, роль социальных сетей (назовем их социальным капиталом, хотя это и предмет отдельной дискуссии). Мы видим, что этот социальный капитал может иметь позитивные и негативные последствия для хозяйственного развития, быть «плохим» или «хорошим». Это совершенно наглядно в случае социального капитала мафии, — он важен для ее функционирования. Так вот даже если опираться на идею Р. Патнэма о том, что социальный капитал играет позитивную роль и что гражданственность [civicness] связана прежде всего с доверием⁴.. Впрочем, оставим это сейчас. Я просто хочу сказать, что мы должны понять, при каких условиях сети или социальный капитал имеют позитивные последствия для хозяйственного развития. И следует отличать эту ситуацию от той, в которой воздействие сетей негативно. Не следует ограничиваться просто анализом структуры социального капитала. Иными словами, необходимо изучать не просто свойства этих связей, сильных и слабых, а встраивать эти связи в культуру, в которой они укоренены, сопрягать их с ролью других институциональных сфер — например, с политикой. И здесь как раз важно соотносить сети (структурный подход) и институциональный подход. Ведь если вы хотите понять, что передается по этим сетям, вам необходимо учесть, в какой культуре они укоренены. Например, важно, встроены ли они в культуру протестантизма или сект, которые восстали против традиционного порядка в начале XIX столетия, или в культуру мафии или какую-либо другую.. Так что культура важна для понимания того, что передается по этим сетям. И для этого мы должны попытаться объединить два этих течения.

— И такая попытка к объединению этих двух подходов вполне четко прослеживается здесь, на наших обсуждениях в Белладжии. А каков вклад европейской социологии в это направление? Европа чем-то отличается?

— Вклад европейской экономической социологии? Мне кажется, что пока ее основной вклад, скорее, в области политической экономии, особенно сравнительной политической экономии. И самая последняя работа в этом отношении связана с попыткой лучше увязать макро- и микроуровни. Я имею в виду дискуссию по поводу различных капитализмов. Любопытно последнее исследование, например, работы Дэвида Соски-

⁴ Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.

са [David Soskice], Рональда Дора [Ronald Dore], Вольфганга Штрека [Wolfgang Streeck]⁵. Что в них важного? В них предпринимается попытка связать микро- и макроуровни анализа. Например, с одной стороны, то, как политическая экономия формируется под воздействием системы репрезентации интересов; а с другой стороны — то, как на микроуровне институты влияют на инновационные процессы, рынки труда, трудовые отношения, контроль за заработной платой и т.д. Я считаю, что основной вклад состоит именно в этом. И опять-таки, можно предположить, что данное течение экономической социологии выиграло бы, будь оно более внимательным к теоретическим дискуссиям, которые ведутся в другом лагере — среди сторонников новой экономической социологии. Именно эту линию я пытаюсь провести в своей книге: между этими двумя направлениями должно быть больше общения (что сейчас здесь, в Белладжио, и происходит).

— Если взять последние три-четыре года, какие книги и статьи в области экономической социологии показались Вам наиболее важными, интересными, необычными? Если говорить о новых, а не о классических работах.

— За последние три-четыре года? Определенно, это книга Питера Холла и Дэвида Соскиса⁶. Затем книга Рональда Дора о капитализме фондовых рынков и капитализме благосостояния⁷. Все эти работы посвящены проблематике различных типов капитализма и являются важным вкладом в это направление. Затем проблема хозяйственного развития и социального капитала — здесь важна книга Питера Эванса «Укорененная автономия»⁸. Для меня она особенно важна, поскольку в ней говорится о вещах, которые и я пытаюсь анализировать, изучая локальное хозяйственное развитие и социальный капитал.

— Да, эта книга хорошо известна.

— Кто еще? Несомненно, те несколько книг, которые мы только что обсуждали на семинаре.

— Нила Флигстина и Хэрисона Уайта⁹?

— Да. Возвращаясь к первому направлению, политэкономии, я бы упомянул книгу Госты Эспин-Андерсена о социальных основах постиндустриальных хозяйств¹⁰. Есть также менее известная работа Фрица Шарпфа (директора Экспертного института им. Макса Планка в Германии) об интеграции Европейского союза¹¹. Я сейчас не помню ее точного названия. Это книга очень интересна: с позиций сравнительной политэкономии автор показывает проблемы европейской модели, европейской интеграции. Очень интересная книга. Интересна она еще и потому, что в ней предпринимается попытка выйти за рамки стереотипов в дебатах по поводу различных типов капитализма и мощи англосаксонского

⁵ Crouch C., Streeck W. (eds.). Political Economy of Modern Capitalism: Mapping Convergence and Diversity. L.: Sage, 1997.

⁶ Hall P., Soskice D. Varieties of Capitalism. The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford: Oxford University Press, 2001.

⁷ Dore R. Stock Market Capitalism vs. Welfare Capitalism. Japan and Germany Versus the Anglo-Saxons. Oxford: Oxford University Press, 2000.

⁸ Evans P.B. Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation. Berkeley: University of California Press, 1995.

⁹ White H.C. Markets from Networks: Socio-economic Models of Production. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002; Fligstein N. Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

¹⁰ Esping-Andersen G. Social Foundations of Postindustrial Economies. Oxford: Oxford University Press, 2001.

¹¹ Scharpf F.W. Governing in Europe. Effective and Democratic? Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1998.

капитализма. Например, она показывает, что для понимания европейской ситуации в этом отношении важно нечто иное, нежели исследование ослабления конкурентоспособности перерабатывающих отраслей промышленности (т.е. дело не в том, чтобы удержать позиции перерабатывающих отраслей в международной конкуренции). Ведь если посмотреть на сектора, участвующие в международной конкуренции, то здесь позиция европейских фирм вовсе не плоха по сравнению с позицией американских и британских фирм. Я бы сказал, что в каких-то отношениях она даже лучше. Проблема итальянского и европейского хозяйства связана со сферой частных услуг. Возможно, эта книга не особенно известна среди экономосоциологов, но...

— **Мой последний вопрос — по поводу будущего. Какие темы исследований в области экономической социологии кажутся Вам сегодня наиболее перспективными?**

— Меня самого очень интересуют проблемы локального хозяйственного развития. Думаю, это важная область, в исследование которой экономосоциологи могут привнести немало ценного. Кроме того, это область (и мы говорили об этом сегодня утром), для анализа которой экономисты не располагают достаточным инструментарием: ведь здесь необходимо внимание и к роли культуры этих институтов. Мне кажется, нам следует применить сравнительный подход к изучению локального институционального контекста производства — того, что мы и наши коллеги в Европе называем «местными товарами, обеспечивающими общую конкурентоспособность» [local collective competition goods]. Как эти товары влияют на возможности хозяйственного развития? Мне кажется, это важный вопрос.

Еще одно направление — это, конечно, дискуссия о слиянии форм капитализма либо, напротив, об их множественности, в том числе о внутренних вариациях хозяйственных организаций. Я имею в виду, что нам следует здесь использовать более тонкие инструменты. Примерно об этом говорят Дэвид Соскис и Ричард Уитли [Richard Whitley]¹². Иными словами, у нас уже достаточно средств, чтобы показать, что нет единственного наилучшего пути — возможно существование множества ситуаций равновесия, т.е. одни формы капитализма лучше приспособлены к одним вещам, а что-то им удастся хуже. Это означает, что нам следует более пристально анализировать внутреннюю организацию каждой формы капитализма и оценить, в каких секторах и видах деятельности та или иная из них оказывается более эффективной, чем другие, — более инновационной, более динамичной. И каковы ее социальные последствия. В этом смысле можно будет говорить, например, о том, что да, действительно, благодаря своим институциональным формам англосаксонский капитализм более успешно внедряет радикальные хозяйственные инновации; зато европейские, а также японские и азиатские формы капитализма лучше приспособлены к тому, чтобы справляться с социальными последствиями.

Мне кажется, задача экономической социологии

¹² Whitley R. Divergent Capitalisms. The Social Structuring and Change of Business Systems. Oxford: Oxford University Press, 2000.

состоит в том, чтобы выполнить грамотный, трезвый сравнительный анализ, который позволит объяснить существование различных видов хозяйственной деятельности, разбросанных в пространстве и во времени. И если получится, это позволит нам внести важный вклад и в политические дебаты, в формирование политики: мы сможем показать, что одна модель имеет одни последствия (не только экономические, но и социальные), а другая — другие. А это опять-таки связано со всем разнообразным наследием экономической социологии, начиная со времен Макса Вебера и других классиков. Иными словами, наша задача не в том, чтобы сказать, что экономическая социология лучше, чем все другие направления. Наша задача — путем сравнительного анализа показать все разнообразие форм хозяйственных организаций, их сильные и слабые стороны, то пересечение множеств, которое образовано хозяйственным динамизмом, ростом, доходами и социальными последствиями. Если мы сумеем сделать нечто подобное, это будет важным вкладом в построение более рефлексивной теории общества.

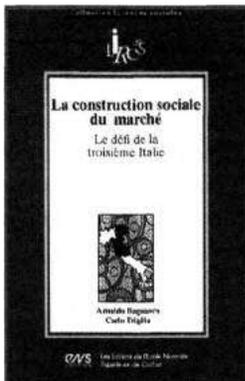
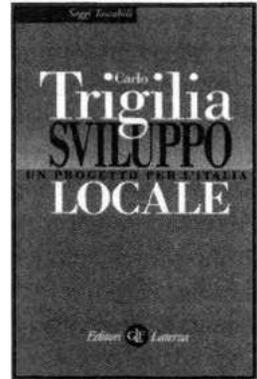
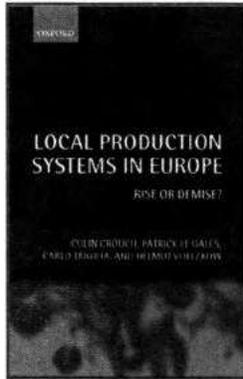
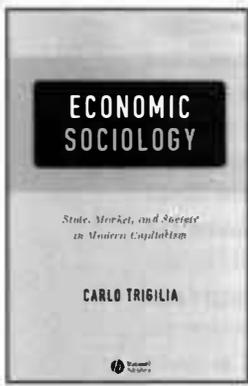
— **Большое спасибо.**

Основные публикации К. Тригилии

- Triglia C.* Economic Sociology: State, Market, and Society in Modern Capitalism. Oxford; Malden, MA: Blackwell, 2002.
- Triglia C.* Sociologia economica. Bologna: Il Mulino, 2002 (1998).
- Triglia C.* Italy: The Political Economy of a Regionalized Capitalism // South European Society and Politics. 1997. Vol. 3. P. 52–79.
- Triglia C.* Dinamismo privato e disordine pubblico. Politica, economia e societa locali // Storia dell'Italia Repubblicana. Vol. II. T. I. Torino: Einaudi, 1996.
- Triglia C.* (ed.). Cultura e sviluppo: l'associazionismo nel Mezzogiorno. Catanzaro: Meridiana libri, 1995.
- Triglia C.* Sviluppo senza autonomia. Effetti perversi delle politiche nel Mezzogiorno. Bologna: Il Mulino, 1992.
- Triglia C.* Grandi partiti e piccole imprese: comunisti e democristiani nelle regioni a economia diffusa. Bologna: Il Mulino, 1986.
- Amendola M., Antonelli C., Trigilia C.* (a cura di). Per lo sviluppo. Processi innovativi e contesti territoriali Bologna: Il Mulino, 2005.
- Magnatti P., Ramella F., Trigilia C., Viesti G.* Patti territoriali. Lezioni per lo sviluppo. Bologna: Il Mulino, 2005.
- Crouch C., Trigilia C., Le Gales P., Voelzkov H.* Local Production Systems in Europe: Rise or Demise? Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2001.
- Bagnasco A., Piselli F., Pizzorno A., Trigilia C.* Il capitale sociale. Istruzioni per l'uso. Bologna: Il Mulino, 2001.
- Bagnasco A., Trigilia C.* La construction sociale du marché: le defi de la troisieme Italie / Transl. from Italian by T. Berthet, C. Marengo. Paris: Editions de l'ENS, 1993.
- Bagnasco A., Trigilia C.* (eds.). Societa? e politica nelle aree di piccola impresa: il caso della Valdelsa. Milano: F. Angeli, 1985.

Triglia C. et al. Il Sistema politico locale: istituzioni e societa? in una regione rossa / Ed. by M. Fedele. Bari: De Donato, 1983.

Bagnasco A., Messori M., Triglia C. Le problematiche dello sviluppo italiano. Milano: Feltrinelli economica, 1978.

Хэррисон Уайт¹

31 июля 2002 г.

«На мой взгляд, было бы очень полезно, если бы те, кто занимается экономической социологией, по крайней мере некоторые из них, были знакомы с традиционной экономической теорией, могли оперировать ее понятиями и инструментарием».

Хэррисон Уайт — «живой классик». Многие считают, что именно с его статьи «Откуда берутся рынки», опубликованной в 1981 г.², и ведется отсчет так называемой новой экономической социологии. В то же время его труды постигла довольно странная судьба. В отличие от его современника аспиранта Марка Грановеттера, которого охотно и часто цитируют, про Хэррисона Уайта многие говорят, что признают значение его трудов, но при этом не понимают его специфического языка. И ни с одним переводом нам так не пришлось помучаться, как с текстом его статьи³. Но когда в 2000 г. Уайт приехал в Москву на организованную нами международную конференцию «Экономическая социология на пороге третьего тысячелетия», выяснилось, что говорит он настолько же ясно, насколько трудно пишет. Данное интервью — еще одно тому подтверждение.

Мы встретились вскоре после выхода в свет книги Уайта «Рынки из сетей», в которой была подытожена его концепция рынков⁴. Он писал ее более пяти лет (еще за два года до опубликования книги он прислал мне ее черновой вариант). Харрисон охотно говорил о своем прошлом: о том, что его не читали, или читали, но не понимали; о том, насколько случайными порою оказывались наиболее важные вещи. Уайт — человек чрезвычайно широких интересов, и в любой беседе трудно предугадать, какой поворот она примет в следующий момент.

— Хэррисон, Ваша статья «Откуда берутся рынки» стала классикой экономической социологии. А когда Вы начали называть эту область экономической социологией?

— О, это произошло не по моей инициативе. Мне самому всегда нравился термин «социальная экономика», но в те времена кто-то использовал его в другом смысле⁵. Вообще-то я никогда особенно не задумывался о названии дисциплины, которой занимался, а потом мне понравилось название «экономическая социология». Пожалуй, это произошло тогда, когда его начали использовать Нил Флигстин

¹ Х. Уайт [Harrison White] — профессор социологии Колумбийского университета, США.

² White H. Where Do Markets Come From? // American Journal of Sociology. 1981. Vol. 87. P. 517—547.

³ Уайт Х. Рынки и фирмы: размышления о перспективах экономической социологии // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 96—118.

⁴ White H.C. Markets from Networks: Socio-economic Models of Production. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.

⁵ Речь идет об Амитаи Этциони, создавшем Общество по развитию социозкономики (под-

и другие. А я просто занимался изучением явлений, которые обычно считают экономическими. Мне казалось, что экономисты двигались в правильном направлении, и я решил пойти за ними. Я весьма интенсивно изучал экономическую теорию в колледже (экономику фирмы и т.п.). И очень в ней разочаровался. Точнее, я занимался не собственно экономической теорией, а скорее исследованием производственных организаций, индустриальной социологией, при этом мои основные интересы в фундаментальной теории были связаны с системами родства и сетями. Мне казалось, что это — самое важное, и я не особенно интересовался собственно экономической теорией и тем, что к ней относилось. Наверное, меня больше интересовала социальная стратификация. Я уделял много внимания изучению систем родства и индустриальной социологии, организационным системам контроля. Я пытался также изучать рынки и прослушал в колледже несколько курсов, но они были ужасны. Такое впечатление, что их авторы не особенно разбирались в том, о чем они говорили. По крайней мере, мне это было неинтересно.

А затем произошел один случай. Я тогда уже много лет работал в Гарварде, и мне удалось получить грант от Национального научного фонда на реализацию междисциплинарной программы математического моделирования, в которой принимали участие самые разные специалисты — биологи, химики, экономисты, политологи, социологи, антропологи и так называемые экологи. В исполнительном комитете вместе со мной были биолог Стивен Гуд, который, к сожалению, недавно умер, и экономист Ричард Зекхаузер [Richard Zeckhauser]. Мы проводили семинары на факультете, у нас была группа аспирантов с разных кафедр, мы ставили перед ними интересные задачи. Словом, мы работали над множеством тем, и опять-таки это не была собственно экономическая теория, — например, мы занимались очень интересными вопросами биологической экологии. Среди нас был очень умный биолог, который отчасти занимался и экологией. Так вот он придумал экономическую теорию развития популяции американского лося и методом линейного программирования проанализировал данные, полученные за год полевых исследований. Я знал также многих экономистов, активно занимавшихся операционным анализом и линейным программированием, всеми этими стандартными процедурами.

А потом произошел этот случай со статьей о рынках. Очень известный экономист Майкл Спенс [A. Michael Spence] участвовал в нашем семинаре вместе с Кеннетом Эрроу [Kenneth Arrow] и многими другими экономистами. Он показал нам свою интересную статью о сигналах⁶. Она меня очень заинтересовала, и мне показалось, что я могу предложить другую интерпретацию этой проблемы. Я активно занялся ею, написал ряд рабочих материалов

робнее см.: Радаев В.В. Краткие размышления по поводу 13-й Ежегодной конференции Общества по развитию социоэкономики (SASE) // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 4. С. 148—149. <http://www.ecsoc.msses.ru>.

⁶ См.: Spence M. Job Market Signaling // Quarterly Journal of Economics. 1973. Vol. 87. No. 3. P. 355—374; Spence M. Market Signaling: Informational Transfer in Hiring and Related Processes. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974.

в рамках данной программы. Правда, они никогда не были опубликованы, и я был несколько разочарован, мне казалось, я никогда не смогу заинтересовать этим экономистов.

Но примерно через полгода или через девять месяцев я вдруг обнаружил еще одно обстоятельство. Спенс не только ошибся, но и упустил важную часть анализа. Ведь хотя он и был просто блестящим экономистом, но действовал в рамках обычной схемы и в результате упустил то, что мне, наоборот, показалось очень важным. Тогда я написал об этом, причем, как я говорил, никто в этом особенно не нуждался — социологи обычно не читают такие работы, а экономисты им не рады. Думаю, решающую роль в опубликовании статьи сыграл Бёрт Сингер [Burt Singer], который занимался статистикой. Я показал ему свою работу. Она выглядела не вполне обычно, но он ею заинтересовался, и ее опубликовали в «American Journal of Sociology» в 1981 г. И тогда я подумал, что, может, стоит попробовать и дальше работать в этом направлении. Ведь к 1980 г. многое уже было мною написано.

Одновременно вместе с Бобом Иклесом [Robert Eccles] и многими другими я занимался исследованием систем контроля в крупных организациях и хозяйстве, преподавал соответствующие курсы с Иклесом и Джоном Пэджетом [John F. Padgett], который сейчас работает в Институте Санта Фе. Мне казалось, что вот сейчас люди заинтересуются этим, однако, насколько я знаю, и через несколько лет статью никто не прочел. Ну, и тогда я занялся другими вопросами.

— Да, но позднее эту работу, наконец-то, признали. Не знаю, конечно, читают ли ее, но признание она в итоге получила.

— В том-то все и дело: никто и не знал о ее существовании. А затем группа авторов (в том числе Барри Уэллман [Barry Wellman]) задумала подготовить книгу о сетевом анализе. И Уэллман предложил мне применить мою рыночную модель к анализу сетей. Ведь на самом деле первоначально моя рыночная модель описывала не сети, она имела гораздо более экономический характер. Но я всегда интересовался сетями и понимал, что все так или иначе завязано в сети. И я занялся этим. Вторым редактором сборника был Стив Берковиц [Steven Berkowitz], мне кажется, он очень хороший редактор. Он заставил меня задуматься. В результате я написал главу для их книги⁷.

— Это было в 1988 г.?

— Да, в 1988-м. Знаете, была еще одна вещь, о которой я забыл упомянуть. Еще одно разочарование. Я тогда восхищался работой Тома Бернса [Tom Burns] — выдающегося социолога, работавшего в Эдинбургском университете. Он написал прекрасную книгу, которую, пожалуй, можно назвать экономической социологией менеджмента. А его диссертация была посвящена инновациям, точнее, управлению инновациями. Это замечательная книга, в ней много нового, этнографическая работа, написанная на основе полевых исследований⁸. Словом, я долгое время восхищался

⁷ Wellman B., Berkowitz S.D. (eds.). Social Structures: A Network Approach. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1988 (1996, 1997).

⁸ Burns T., Stalker G.M. The Management of Innovation. L.: Tavistock Publications, 1966 (1961); доп. изд.: Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1994.

его работой, мы обменивались различными схемами и часто виделись. Если говорить о сетях, следует добавить, что Том Бернс во многом помог Ирвину Гофману [Erving Goffman]. При этом в какой-то момент Гофмана поддерживал также Том Шеллинг [Thomas Schelling] — прекрасный человек, экономист, но, на мой взгляд, и обществовед; т.е. его кругозор значительно шире, чем у обычного экономиста. При этом Шеллинг отнюдь не был математиком. Все они не были математиками. Это своего рода побочное направление в исследовании сетей. Затем Эдинбургский университет решил организовать юбилейное издание работ Бернса. Тогда я занимался блок-моделями (в то время это было очень популярное направление в Гарварде). И у меня появилась идея модели связи с поставщиками [backward model]. Я написал об этом и очень гордился своей работой. Отправил ее в Эдинбург, надеясь, что она будет включена в этот юбилейный сборник. Но Джон Пэджет, занимавшийся его подготовкой, так и не собрал его; сборник не был опубликован. И это было последней каплей. Выходит, что первые мои работы просто исчезли. То же отчасти произошло с Уэлманом и Берковицем.

Одновременно я занимался и другими темами. Меня интересовали идентичность и контроль, крупные системы, мы работали с преподавателями бизнес-школ (а это люди особого рода). В частности, среди них был Боб Иклес. Вскоре я уехал из Гарварда, где провел более двадцати лет. Я развелся с женой и отправился в Аризону, а потом в Колумбийский университет. Я возглавлял там один центр (мы сами создали его). Затем появился швед Ричард Сведберг (не помню точно, когда это было, но кажется, это был второй год моей работы в Колумбийском университете, я еще занимался там организацией семинара). И он предложил идею диалога с экономистами и социологами.

— Конечно, я читал эту книгу.

— Да, это были «Диалоги»⁹. Книга оказалась очень интересной, особенно интервью с Аматией Сенон и Джорджем Акерлофом. Кажется, Спенса не было в этой книге, — я не помню главы о нем.

— Да, насколько я помню, его не было.

— Но там было представлено много других интересных людей. Кроме того, я работал тогда над книгой «Идентичность и контроль»¹⁰. А когда закончил ее, то принялся за работу о социальных силах в искусстве, и в ней было больше об идентичности¹¹. Тогда же я понял, что самое важное направление — это лингвистика. Просто если вы хотите

заниматься фундаментальной социальной наукой, вы должны понимать сущность языка, на котором делается эта наука. Я очень интенсивно занимался этим много лет, и к 1995 г. опубликовал несколько работ.

Потом произошел еще один случай. Я был в творческом отпуске в Париже. Точнее, я приехал туда для работы с Аленом Деженом [Alain Degenne] (как Вы знаете, мои более ранние интересы были

⁹ Swedberg R. (ed.). *Economics and Sociology. Redefining Their Boundaries: Conversations with Economists and Sociologists*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

¹⁰ White H.C. *Identity and Control: A Structural Theory of Social Action*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.

¹¹ White H.C. *Careers and Creativity: Social Forces in the Arts*. Boulder, CO: Westview Press, 1993.

связаны с моделями и мобильностью). Это прекрасный французский исследователь сетей и статистик, статистический социолог, в частности, у него есть труды по безработице¹². Мы встречались с ним в его офисе в Национальном центре научных исследований [CNRS]. Там был также Эммануэль Зеггер, с которым я встречался и раньше, но мы не были хорошо знакомы. Словом, я работал и был вполне счастлив, собирался познакомиться с Б. Коненом [Bernard Conein] и другими французскими лингвистами — там есть известная традиция, идущая от Э. Бенвениста. Я погрузился в лингвистику. При этом, работая, я, конечно, предполагал, что произойдет то же, что и с моей рыночной моделью. У лингвистов свои тропы, свои стили мышления, и их не особенно интересовали мои мысли. Но мне все равно очень нравилось в Париже.

А затем появился человек по имени Фавро [Olivier Favreau]. Впоследствии я вспомнил, что мы встречались с ним и раньше, сразу после того, как я уехал из Гарварда, но я тогда как раз разводился и не придавал значения этой встрече. Словом, Фавро в тот раз обратился ко мне с вопросом о моей работе, сказал, что читал ее и хотел бы посмотреть рабочие материалы, на которые я ссылался. Я ответил что-то вроде того, что мне сейчас некогда. Потом я забыл об этом; и вот через десять лет он снова объявился. Знаете, это прекрасный, очень здравомыслящий человек.

— Да, я читал его работы.

— Я никогда прежде не слышал такого ясного изложения моей рыночной модели: со всей своей французской четкостью Фавро все разложил по полочкам. Он очень хорошо ее понял и показал (а ведь французское направление исследований — совсем другое, особенное), что существуют совершенно естественные соответствия между различными типами рынков. Оказалось, что во французской социологии конвенций есть своя теория рынков, не имеющая ничего общего с моделями, — они говорят об особых типах рынков. И Фавро показал просто удивительное сходство между нашими теориями. Я не знаю никого другого, кто мог бы его заметить и показать.

Я как раз тогда уже собирался возвращаться в США, занимался работами по лингвистике, одна из них была опубликована на французском языке, однако Фавро был очень убедителен, к тому же у меня, наконец, появился слушатель, и я согласился с его предложением еще поработать в Париже, да и моя нынешняя жена обожает Париж (мы бываем там каждый год) — так что через год мы вернулись. У Фавро в то время родилась идея организовать летнюю школу. И тогда я понял, что это все вполне серьезно, что мне стоит снова этим заняться. Я ведь никогда не работал толком над разделом о сетях. Ну, я и помахал ручкой Уэллману с Берковицем, сказав себе, что через год у меня будет книга (это был примерно 1996 г.). А в 2002 г. она вышла¹³. Так что большую роль в этом деле сыграл Фавро. Но не только он,

¹² Degenne A., Forse M. *Introducing Social Networks*. L.: Thousand Oaks: Sage, 1999.

¹³ White H.C. *Markets from Networks: Socio-economic Models of Production*.

просто Фавро был старшим в группе, там еще были Эмар-Дюверне [François Eymard-Duverney], два аспиранта — целая группа французских экономистов.

Наконец, еще одна причина, по которой я отвлекся от лингвистики, была связана с тем, что работа над книгой заняла много времени. Просто по поводу моей предыдущей книги — «Идентичность и контроль» — все жаловались, что не могут ее читать, ничего не понимают, она для них бесполезна, не ссылались на нее. Так что на этот раз я решил сделать книгу понятной. Мне помогал редактор, и я переписывал, переписывал, переписывал... Просто уйма времени ушла на это. Затем во время моего второго творческого отпуска (это был 2000 г.) я понял, что людям ее все равно сложно читать, даже если я напишу все понятно, — необходимо отойти от этих уравнений и всех этих операций с данными.

Важно и то, что единственное место, где я получил какой-то отклик на «Идентичность и контроль», — это Франция (правда, и Германия тоже, но моей жене не нравится Германия). Поэтому контакты ограничились Францией. Дежен написал прекрасную работу на французском об «Идентичности и контроле». К сожалению, он так и не опубликовал ее. Но он понял мою книгу, и его аспирант тоже ее понял.

В то время произошел еще один случай. Французы попытались применить идеи социальной организации к работе крупных фирм, занимавшихся изготовлением вина, — того первоклассного вина, которое делают в Лангедоке. Получилась очень интересная работа. А потом выяснилось, что она была сделана для руководителя этой фирмы: он оказался очень интересным человеком и понял идеи, изложенные в «Идентичности и контроле». Очень важно было понять, как экономически происходит этот переход от столового вина к другим видам вина. И чем больше я думал об этом, тем больше понимал, что есть множество видов вина и соответственно — множество различных рынков вина. И с аналитической точки зрения это совершенно различные рынки. Так что там было над чем подумать.

В результате я стал проводить во Франции довольно много времени, у нас была небольшая квартирка в Монпелье, я работал с группой Фавро, написал еще несколько работ, выступал на семинаре в Стэнфордской бизнес-школе. В этих нескольких работах я попытался пойти дальше своей книги, вывести более практические уравнения, в которые люди могли бы подставлять свои данные. Отчасти я также хотел понять следующий уровень секторов хозяйства — не просто рынков и фирм, но и отраслевой уровень. Я очень интенсивно работал над этим. Не знаю, может быть, моя работа опять будет выбиваться из общего русла. Но по крайней мере теперь это направление экономической социологии представлено. И если даже мои труды никто не читает, то по крайней мере, они включены в стандартную программу экономической социологии, их цитируют.

— Да, несомненно. В связи с этим вопрос по поводу экономической социологии. Эта область несколько разнородна, есть разные ее

течения. А какие направления, на Ваш взгляд, являются основными для нынешней экономической социологии?

— Действительно, давайте оставим мою рыночную модель, она вообще появилась случайно, я мог бы никогда ее не закончить, — ведь есть еще так много вещей, которые очень важны для экономической социологии и которые меня в разное время так или иначе интересовали. Например, из классических возьмем работы Роберта Фолкнера [Robert Faulkner], который работал с Уэйном Бейкером [Wayne Baker] и занимался социологией труда. У него есть великолепные исследования, основанные на использовании блок-моделей. Мне кажется, это и есть экономическая социология. На мой взгляд, мой интерес к социологии искусства как-то с этим пересекается. Не следует считать экономическую социологию какой-то особенно сухой наукой. Мне не хотелось бы давать здесь никаких определений, но, знаете, можно сказать, что экономическая социология выросла из исследований труда.

На мой взгляд, было бы очень полезно, если бы те, кто занимается экономической социологией, по крайней мере некоторые из них, были знакомы с традиционной экономической теорией, могли оперировать ее понятиями и инструментарием. Такие примеры есть, — скажем, Уэйн Бейкер. Я встретил его, когда он зарабатывал себе на жизнь прикладными исследованиями. А затем он начал работать с Бобом Иклесом в Гарвардской бизнес-школе.

Думаю, стоит упомянуть и то, что я примерно десять лет занимался прикладными исследованиями городских систем, урбанизмом. Они позволили мне заработать денег на летний дом, но помимо прочего, это было и очень интересно для меня. Я изучал также изменение вакансий в сфере жилья. Единственное, о чем я жалею (и в этом упрекал меня мой студент), — что мы ничего из этого не опубликовали. Но я тогда не был на это настроен, у меня была своя академическая работа. А сейчас я это понимаю. Впрочем, одна работа все-таки появилась, в ней говорилось о том, каким будет рынок жилья. С тех пор прошло уже десять лет, и, оказывается, я верно предсказал, каким будет этот рынок в современных США. И мне кажется, это и есть экономическая социология.

О чем я жалею и что я считаю слабостью экономической социологии — это то, что мы никогда особенно не работали с людьми, занимающимися маркетингом и рекламой. Мне кажется, они делают много оригинального, в их работе много творческих моментов (ведь это чистая случайность, что я занялся исследованием организаций, управленческим контролем и т.д.). Я знал некоторых исследователей из сферы маркетинга, время от времени читал их работы и восклицал: «Вот это да!..» Отчасти это касается и сферы искусства.

Поэтому, как мне кажется, не стоит постоянно придерживаться одних и тех же тем. При этом определенные темы должны быть всегда, и, несомненно, труд — одна из них. Я полагаю также, что должны быть знания и в области традиционной экономической теории — ведь это часть нашего культурного багажа, ею многое объясняется.

Кроме того, среди основных тем, несомненно, должен быть класс. Я ведь много занимался и социальной стратификацией, начинал с исследований социальной мобильности. В последние десять – двадцать лет я совсем отошел от этой проблематики. Но эти темы, безусловно, являются важной частью экономической социологии. Правда, они могут подвергаться политическому влиянию, — из-за этого происходит деление на разные социальные страты и т.д. (хотя я сам так не думаю). Мне кажется, что нет особого смысла изучать социальную стратификацию и при этом не пытаться связать ее с экономическими идеями. Исследования распределения доходов, неравенства (особенно классового) имеют развитую традицию в США, и я много этим занимался. Но я не принимал участия в политических баталиях. А вот что меня несколько беспокоит, так это наша Американская социологическая ассоциация, которая без особых на то причин воздвигла все эти стены. Ведь у нас же сейчас столько разных секций — секция по социологии организаций и профессий, секция по стратификации...

— А теперь и по экономической социологии...

— Совершенно верно, теперь и по экономической социологии. А я участвовал также в создании секции по математической социологии. Мы активно разрабатываем теорию и методологию, но все это более общие проблемы, переходить к практическим вопросам сложнее. Я только что разговаривал с Эндрю Эбботом [Andrew Abbot], у него есть некоторые мысли по этому поводу. Знаете, очень трудно переступить через установленные границы, люди так старательно размечают их своими флагами. Но Уэйн Бейкер очень успешно работал в этом направлении. А Вивиана Зелизер [Viviana Zelizer] была первым председателем секции (просто прекрасным, надо сказать), у нее были очень интересные идеи. Она привносит вопросы, связанные с культурой. И несомненно, Вивиана может рассказать об этом гораздо больше; она активно занимается социологией культуры. Мне кажется, все идет замечательно, пока люди не начинают разграничивать: это — социология культуры, а это — экономическая социология. Такое деление не имеет особого смысла. Словом, я был очень рад заняться экономической социологией.

— А если взять последние несколько лет — три-четыре года, — какие книги или статьи привлекли Ваше внимание, какие работы Вы назвали бы наиболее интересными, новаторскими, пробуждающими мысль? Если говорить только о недавних работах.

— Если взять только последние несколько лет? Это, например, работы Джона Дауни [John Downy] и его более молодых коллег. Мне кажется, что их работа очень интересна и оригинальна: они обычно связывают себя скорее с организационной социологией. Затем, мне кажутся интересными работы Дж. Подольны [Joel Podolny] и Э. Цукермана [Ezra Zuckerman]. Опять-таки, французские работы — например, Люка Болтански [Luc Boltanski] и... имя вылетело из головы (его на нашей конференции нет)...

— Мишель Каллон [Michel Callon]?

— Да, Каллон. Его работы очень интересны. У них там работает целая группа. Я также слежу за работами по стратификации в разных журналах. Интересны работы немцев и скандинавов, которые занимаются системными теориями в духе тех, что разрабатывались в Санта Фе.

Не уверен, относится ли это впрямую к экономической социологии.

Есть еще одна сложность. Сказать по правде, я мучительно пытаюсь вернуться к лингвистике. Я много ею занимался, там есть совершенно удивительные вещи. У Майкла Халлидея [Michael Halliday] есть прекрасная книга о функциональной грамматике¹⁴. Знаете, эти частицы, союзы — о них написано множество монографий.

Мне интересны также исследования дискурса. Здесь есть замечательные философы, работающие в прагматической традиции, при этом многие из них занимаются и анализом дискурса. Интересно возникновение таких явлений, как креольские языки и пиджины. Ведь при анализе дискурса вы наблюдаете за людьми и за их грамматикой. Это один из самых важных моментов — понять грамматику. Для этого необходимо проведение сравнений, тут участвуют все типы языков. Есть интересные работы Д. Бикертонна [Derek Bickerton], он опирался на более ранние работы известного социолингвиста Уильяма Лабова [William Labov], но использовал более масштабные данные. К сожалению, он ушел в религию и больше не занимается этими вопросами.

Что же касается экономической социологии, то если вы действительно хотите понять, скажем, что происходит в российском бизнесе, одна из самых важных вещей — слушать деловых людей, слушать, как они говорят, анализировать их грамматику, арго, слова, которые они используют. Это и анализ дискурса, и анализ грамматики. Моя первая работа при подготовке диссертации была выполнена на основе исследования промышленной фирмы в Питсбурге, в ней рассматривалось, как в этой фирме осуществляется научно-исследовательская деятельность. И уже тогда я заинтересовался тем, как деловые люди рассказывают о своей работе, я записывал их фразы. Это было важно с точки зрения культуры, позволяло понять их культуру. В таких исследованиях полезен также сетевой анализ. Особенно интересно то, что сами они не задумываются над тем, какие слова используют, они просто разговаривают. Важно исследовать, как они говорят, какова их грамматика, каковы ее особенности в различных профессиональных группах и среди капиталистов (в том числе среди венчурных). Я проводил такие исследования. Венчурный капитал — это особая сфера, непременно следует заняться изучением лингвистики венчурного капитала. Например, на шансы стать венчурным капиталистом влияет и принадлежность индивида к определенному социальному классу, и многие другие вещи, но отчасти это связано и с тем, как меняется их образ мышления, — они начинают мыслить особым образом. Они очень эффективно взаимодействуют друг с другом, очень легко усваивают новое, учатся думать и говорить по-

¹⁴ Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. L.: E. Arnold, 1994 (1985).

другому. И если вы просто можете их слушать — и слышать, то сможете многое понять. Вам не придется задавать им вопросы, составлять анкету. Просто научитесь понимать их язык. Так что я стараюсь этим заниматься, хотя это и непросто.

Как я уже говорил, я занимаюсь также и другими проблемами, они связаны преимущественно с исследованиями рынков вина. Есть пара исследователей в Колумбийском университете, которые также изучают эти рынки, мы работали вместе с ними на юге Франции. Есть интересные работы более этнографического характера.

— **Мой последний вопрос — по поводу будущего. Какие области экономической социологии кажутся Вам наиболее перспективными? Например, какие темы Вы посоветовали бы выбрать своим аспирантам?**

— Мне бы не хотелось таким образом направлять их. Потому что для творческих людей важно выбрать то, что интересует их самих.

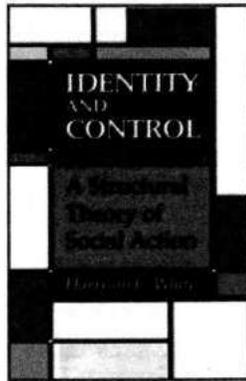
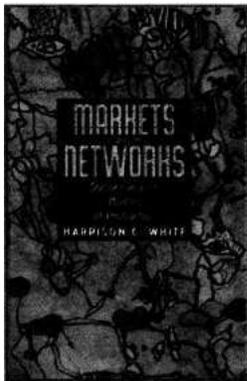
— **Да, это так. Но тем не менее какие темы или направления, на Ваш взгляд, будут наиболее активно развиваться в ближайшие несколько лет?**

— О, таких направлений много, нам потребуется много людей, много ресурсов. Например, мало кто в должной мере интересовался работами Эрика Лайфера [Eric Leifer], а это, несомненно, экономическая социология. У него есть прекрасная книга о формировании команд высшей лиги, она вышла в издательстве Гарвардского университета¹⁵. Затем ряд работ Джона Пэджета. Я имею в виду не последние его работы о Медичи, а труды по фискальной социологии. Мы сегодня не говорили об этом, но налоги — очень важный срез общества, а у Джона Пэджета есть прекрасные работы на эту тему. У него есть также замечательные работы о том, как принимаются решения в суде. Почему бы не отнести это к экономической социологии? А в Принстоне есть молодой социолог Брюс Уэстерн [Bruce Western], он написал диссертацию о том, что одним из основных факторов, влияющих на американский рынок труда, является число людей, сидящих в тюрьмах. Все эти направления мне кажутся очень интересными. Огорчает лишь то, что их исследователи никак не связаны между собой, не используют наработки друг друга. Конечно, это не означает, что мы все вместе должны исследовать одну проблему. Но, двигаясь в разных направлениях, мы должны следить за работой друг друга. Например, у нас есть секция по экономической социологии, и, на мой взгляд, имеет смысл побуждать работающих в ней коллег интересоваться также вопросами стратификации, культуры, организации труда. Вероятно, в России та же проблема.

— **Да, пожалуй. Большое спасибо.**

¹⁵ Leifer E. Making the Majors: The Transformation of Team Sports in America. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.

- Уайт Х.* Рынки и фирмы: размышления о перспективах экономической социологии // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 96–118.
- White H.C.* Markets from Networks: Socioeconomic Models of Production. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.
- White H.C.* Markets and Firms: Notes toward the Future of Economic Sociology // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 4. С. 13–27.
- White H.C.* Careers and Creativity: Social Forces in the Arts. Boulder, CO: Westview Press, 1993.
- White H.C.* Identity and Control: A Structural Theory of Social Action. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.
- White H.C.* Where Do Markets Come From? // American Journal of Sociology. 1981. Vol. 87. P. 517–547.
- White H.C.* Chains of Opportunity; System Models of Mobility in Organizations. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.
- White H.C.* An Anatomy of Kinship; Mathematical Models for Structures of Cumulated Roles. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1963.
- White H.C.* Research and Development as a Pattern in Industrial Management: A Case Study of Institutionalization and Uncertainty. N.Y.: Arno Press, 1980.
- White H.C., White C.A.* Canvases and Careers: Institutional Change in the French Painting World / With a new foreword and a new afterword. Chicago: University of Chicago Press, 1993; N.Y.: Wiley, 1965.

Клэр Уоллес¹

24 сентября 2003 г.

«Именно трансформации в странах Центральной и Восточной Европы выдвигают все новые и новые проблемы, которые принципиально важны для экономической социологии».

Клэр Уоллес — одна из наиболее активных европейских исследователей, занимающихся компаративными проектами в посткоммунистических странах. Практически с момента образования европейской исследовательской сети по экономической социологии она принимала участие в ее работе, хотя интересы Клэр всегда были несколько шире. В 2001 г. она стала главным редактором журнала Европейской социологической ассоциации «European Societies». И это пошло ему на пользу.

Клэр — на редкость энергичная женщина. Она всегда удивляла меня тем, что, посещая массу конференций, каждый раз выступала не с одним, а с двумя-тремя докладами на разные темы. Интервью было записано в Мурсии (Испания) на очередном Конгрессе Европейской социологической ассоциации. На встречу она пришла со своей помощницей — видимо, для моральной поддержки.

— Клэр, насколько я знаю, Вы участвовали в работе Европейской исследовательской сети по экономической социологии [European Economic Sociology Research Network] с момента ее основания. Поэтому, полагаю, Вы считаете себя экономсоциологом — по крайней мере, основные Ваши работы можно отнести к этой области, не так ли?

— Дело в том, что в Великобритании нет такой дисциплины — экономическая социология, ее просто не существует. Есть множество более узких предметов. Так что нельзя сказать, что я занималась экономической социологией. Позднее я участвовала в работе нескольких ваших секций, и они показались мне очень интересными. Я обнаружила близ-

¹ К. Уоллес [Claire Wallace] — декан факультета социологии Института перспективных исследований в Вене, Австрия.

кие мне аспекты экономической социологии, некоторые идеи были очень полезными. Но в Великобритании не принято идентифицировать себя с экономической социологией.

— Скорее с индустриальной социологией, социальной стратификацией?

— Совершенно верно. Есть целые направления социологии, которые можно отнести к экономической социологии — однако они не выступают под этим именем.

— Я только что встретил Дж. Гершуни [Jonathan Gershuny], который преподавал социологию хозяйственной жизни в Великобритании еще в 1991 г. Правда, это редкий случай. Но, я слышал, в Манчестерском университете появились авторы, подготавливающие учебник по экономической социологии. Как Вам кажется, не происходят ли здесь какие-то сдвиги?

— Возможно. Но, мне кажется, эта область гораздо более развита, например, в США или в России — именно как предметная область. И тому, что вы называете экономической социологией, мы даем другие названия: социология рынков труда, социальная стратификация, социология труда, социология организаций и т.д. Все это можно отнести к экономической социологии в качестве ее частей. Быть может, в результате распространения идей — в рамках вашей исследовательской сети, на различных международных конгрессах — данная область как таковая утвердится и в Великобритании. Тем не менее это не та область, которая первой придет в голову, когда говоришь о британских исследованиях. И я стала экономсоциологом, когда подключилась к вашей исследовательской сети.

— Значит, Вы ощущаете себя экономсоциологом в полной мере только здесь — на европейских конгрессах?

— Точно.

— Вы — человек широких интересов и хорошо разбираетесь в направлениях европейских и американских исследований. На Ваш взгляд, какие основные методологические подходы образуют ядро современной экономической социологии?

— Насколько я себе это представляю, есть целая область экономической социологии — организационные исследования. Здесь работают в стиле Оливера Уильямсона [Oliver Williamson], изучая организации, компании, фирмы, то, как они меняются. В рамках этого подхода работают и многие британские авторы, например, Анна Поллерт [Anna Pollert]. В принципе, ее можно было бы назвать экономсоциологом. Ее исследования посвящены именно этой проблематике — изменениям в организациях, организационным структурам, социальным отношениям в организациях. Таким образом, это одно направление.

Другое направление — исследования рынков труда.

— Ваше любимое?

— Да, верно. Здесь рассматриваются структура и изменения на рынках труда. Например, я сейчас изучаю изменения, связанные с уве-

личением их гибкости [flexibilization]. Изучаются аспекты частичной занятости, изменение моделей труда и моделей занятости. Все это, в сущности, является экономической социологией.

— Среди экономико-социологических областей две наиболее важные области в британской социологии связаны с исследованиями стратификации и трудовых отношений.

— Да, эти два направления в Великобритании не относят к экономической социологии, однако, мне кажется, это действительно экономическая социология.

Есть также ряд экономистов, интересующихся социологической проблематикой. Все началось с распространения новой институциональной экономической теории. Экономисты поняли тогда, что существует множество социологических и даже политических переменных, которые важны и которым в экономической теории не уделялось должного внимания. Например, вместе с экономистами мы участвовали в проекте, реализованном при поддержке Европейского банка реконструкции и развития, — их интересовали развитие и трансформации в Восточной и Центральной Европе. Экономисты обнаружили, что при помощи одних только неоклассических моделей невозможно объяснить множество различий между странами Восточной и Центральной Европы и то, почему многие преобразования в них пошли не так, как задумывалось. Тогда они заинтересовались такими вопросами, как доверие или социальный капитал, и решили привлечь нас, социологов. Так что в экономической теории есть целое направление, разрабатывающее проблемы социологического и политологического характера. И отсюда выросло особое направление экономической социологии — начало ему положили «дружески настроенные» экономисты. Например, я пересекалась во Всемирном банке со Стивеном Кнэком [Stephen Knack], он занимался исследованиями трансформации в Румынии и других странах (да, пожалуй, во всем мире, но я знакома именно с его работами о странах Центральной и Восточной Европы). Словом, в таких организациях, как Европейский банк реконструкции и развития и Всемирный банк, есть подобные группы экономистов. Возможно, они есть и в академических учреждениях, но мне довелось с ними встречаться именно в международных организациях. И они понимают, что многие проблемы, с которыми они сталкиваются в странах Центральной и Восточной Европы, нельзя объяснить при помощи классических экономических моделей. Поэтому они начали обращаться к более социологическим парадигмам. И в результате мы получаем интеллектуальную подпитку от этого направления.

Интересные идеи предлагаются и такими авторами, как Джонатан Гершуни, Ричард Сведберг и Нил Смелсер, — которые занимаются социологией, но также интересуются и экономической проблематикой в рамках социологии, мотивацией и культурой, которые стоят за различными экономическими стратегиями. Словом, мне кажется, есть

различных направления — в том числе более ориентированная на социологию экономическая теория.

— Да, небольшая ее часть...

— А некоторые социологи начинают все больше интересоваться экономическими вопросами.

— Вы упомянули социальный капитал и доверие как важные ныне темы. Скажите, а сетевой подход, ассоциируемый с этими понятиями, тоже набирает силу в Великобритании, как, например, в США, где он является одним из двух наиболее крупных направлений?

— Мне кажется, проблема социального капитала действительно стала очень популярной в Великобритании, однако здесь не использовался сетевой подход.

— Скорее более институциональная ориентация?

— Да. Конечно, исследователи здесь интересуются проблемой доверия. При этом они занимаются изучением сетей, но не рисуют все эти графы и диаграммы, как это зачастую делается в сетевой социологии. Скорее речь идет об анализе тех связей, на которые люди могут опереться: много ли тех, к кому они могут обратиться, на кого они могут положиться, насколько защищенными они чувствуют себя в своем окружении — такого рода вопросы.

— Это ближе к концепции Карла Поланьи, не так ли? Своего рода стратегии выживания людей, «субстантивная экономика» в противовес «формальной экономике»? Нечто в этом духе, как в работах Гершуни, которого Вы упоминали?

— Да, верно.

— Насколько я знаю, он последователь идей Поланьи.

— Да. Но в целом идеи Поланьи не особенно популярны в Великобритании. Например, я познакомилась с ними, только когда начала участвовать в международных европейских исследованиях. На европейцев он оказал более сильное влияние.

Я бы хотела добавить еще несколько слов о том, откуда у меня возник интерес к экономической социологии. Это связано с трансформациями в Восточной и Центральной Европе. Появился целый ряд новых парадигм, возникли новые интересы — например, к изучению стратегий домохозяйств. И именно тогда экономическая социология начала обретать свой вес. Мне кажется, именно поэтому она стала более влиятельной в начале 1990-х годов — по крайней мере, насколько я могу судить по своим наблюдениям.

— Важное место в британской социологии занимает Британское панельное обследование домохозяйств², которое организовывали сначала Тони Коксон [Anthony Coxon], а затем Джонатан Гершуни.

— Да, оно очень важно.

— А многие ли авторы пользуются его данными?

— Не могу сказать.

— Возвращаясь к британской и европейской социологии: скажите, пожалуйста, есть ли у евро-

² British Household Panel Survey.
<http://iserwww.essex.ac.uk/ulsc/bhps/>

пейской экономической социологии (и индустриальной социологии) какие-то особенности по сравнению с американской? Европейцы чем-то отличаются?

— Не скажу, что я так хорошо знаю американскую социологию, чтобы судить об этом. Впрочем, вряд ли кто-то хорошо знает всю американскую социологию. Что касается меня, то я имела дело лишь с небольшими ее фрагментами. Я скорее могу говорить о различиях между Европой и Великобританией, эта тема мне ближе. И я бы сказала, что парадигма экономической социологии сформировалась именно в результате развития европейской социологии, а сейчас, видимо, она начинает набирать силу в британской социологии. Возможно, развитие будет идти в этом же направлении. Думаю, именно трансформации в странах Центральной и Восточной Европы выдвигают все новые и новые проблемы, которые принципиально важны для экономической социологии, — например, проблему социального капитала или понимания социальных последствий хозяйственных изменений. Равно как и экономических последствий социальных изменений.

— Я знаю, Вы участвуете в сравнительных исследованиях, которые проводятся в восточноевропейских странах, и работаете с восточноевропейскими социологами. Как Вы считаете, у восточноевропейской экономической социологии есть какие-то особенности по сравнению, скажем, с австрийской или британской социологией?

— Мне кажется, экономическая социология в Центральной и Восточной Европе очень сильна. Например, на мою работу очень повлияли идеи Эндре Шика [Endre Sik], который, несомненно, принадлежит к лагерю экономсоциологов. Он ввел важные идеи в европейскую социологию. Насколько я знаю, он известен и в США, проводит там довольно много времени. Так что одно направление берет начало в его работах. Он занимался исследованием социальных сетей, рыночных транзакций и роли рынка, а также тем, как люди осуществляют рыночные расчеты.

— Интервью с Эндре Шиком как раз будет опубликовано в следующем номере нашего журнала³. На мой взгляд, венгры — одни из самых сильных социологов в Восточной Европе. Они активно переводили свои работы на английский язык — в результате их знают. А кого еще в Восточной Европе Вы бы выделили?

— Еще, конечно же, Дьердя Ленгеля [Geörgy Lengyel]⁴. Но он тоже представляет венгерскую экономическую социологию.

Важны Ваши работы и Ваш журнал, — мне кажется, это замечательный журнал. Важны также конференции и семинары, которые Вы организуете, и Ваши исследования. Да, мне кажется, Ваша российская школа здесь играет очень важную роль.

Думаю, есть и другие люди, о которых мы не так много знаем, потому что они не публикуют работ на

³ Шик А. Интервью // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 5. С. 7—14. См. с. 214—221 в данной книге.

⁴ Ленгель Д. Интервью // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 12—17. См. с. 88—95 в данной книге.

английском языке, не выступают на международных конференциях, и мы просто не пересекаемся с ними. Например, я не могу сразу вспомнить украинских социологов.

В Чешской республике работает Иржи Вечерник [Jiří Večeřník]. Он занимается изучением рынков, там сложилась целая школа, которая отличается от венгерской школы. Его больше интересуют изменения на рынке труда. Возможно, и в Польше есть своя школа, но я просто не знаю об этом.

— А если вернуться к сравнительным исследованиям, которые Вы упоминали, — каковы их особенности? В чем преимущества и недостатки таких исследований в Восточной Европе?

— Я считаю, что сравнительные исследования — это очень важное направление, ведь изменения в разных странах происходят по совсем разным моделям. И сравнивая различные траектории этих изменений в странах Центральной, Восточной и Западной Европы, вы сможете лучше их понять.

Правда, проводить сравнительные исследования очень непросто. Потому что даже если у вас есть данные обследований, которые считаются объективными, мы все, тем не менее, хорошо знаем о проблемах, с которыми сталкиваемся, как строятся вопросы, как респонденты их понимают и как потом интерпретируются результаты. Здесь могут получаться несопоставимые вещи. Необходимо иметь надежных партнеров в разных странах. Просто хороших данных недостаточно. Нужны также хорошие специалисты, которые помогут объяснить, почему здесь сложилась именно такая модель. Это необходимо даже для количественных исследований, которые считаются объективными. Я считаю, очень важно сотрудничать с исследователями из других стран, так как они помогают прояснить, что же происходит. И конечно, это еще более важно для качественных исследований. Это непростая задача... Впрочем, Вы должны хорошо это знать — ведь Вы же проводили качественные исследования стратегий домохозяйств?

— Я занимался и количественными, и качественными исследованиями, старался сочетать эти методы. А чему были посвящены Ваши качественные исследования?

— Мы изучали вопросы здравоохранения, проводили крупное исследование условий жизни в странах СНГ. И в рамках этих проектов были модули с применением качественных методов, мы провели множество интервью в разных странах — с экспертами, с обычными людьми. Сравнительные исследования — очень непростая задача. Ведь по большому счету нет четко установленных методов проведения сравнительных качественных исследований. Приходится изобретать собственные. Во многом ситуация изменялась уже по ходу исследований, принимались решения по поводу того, как систематически и объективно сопоставить результаты качественных исследований в разных странах. Это до сих довольно редко практикуется, исследователи чаще занимаются собственными странами и ограничиваются интервью, ко-

торые берут сами. А для сравнительных исследований требуется сотрудничество с теми, кто брал эти интервью в других странах, — если, конечно, вы не владеете в совершенстве языками всех стран, где проводятся исследования.

— Да, это не всякому по плечу... А если вернуться к развитию экономической социологии, индустриальной социологии, исследованиям рынков труда, встречались ли Вам в последнее время работы, которые показались особенно важными, неожиданными, стимулирующими, влиятельными? Если брать не классику, а последние три-четыре года?

— Если следовать моему определению экономической социологии (включающему области, которые Вы, возможно, к ней не отнесли бы), то прежде всего это сборник под редакцией Сведберга и Смелсера...

— Вы имеете в виду «Хрестоматию»?⁵

— Да. Она многим помогла сформировать представление об экономической социологии.

— Этот сборник действительно очень известен. (Кстати, в следующем году они собираются опубликовать новое ее издание, во многом переработанное⁶.) Я согласен, это действительно лучшая хрестоматия на сегодняшний день. Но она вышла почти десять лет назад. А как обстоит дело с более новыми работами — европейскими, британскими? Что бы Вы отметили? Я знаю, о новых работах говорить труднее, нежели о тех, которые появились раньше.

— Значит, «Хрестоматию» Вы относите к работам, вышедшим давно?

— Ну, ведь прошло почти десять лет.

— Да, Вы правы. Мне кажется, работы Марка Грановеттера пользуются большим влиянием. Не знаю, есть ли у него книги. Точнее, много лет назад у него вышла книга — о поиске работы⁷, очень интересная книга. А потом он писал статьи, некоторые из которых получили большой резонанс.

— Он начал писать новую книгу много лет назад, но еще не закончил ее.

— Да, его работы очень важны. Даже не столько его книга, сколько предложенные им парадигмы и идеи.

Еще есть, например, такой автор, как Анна Поллерт — Вы ее не знаете. Это чешско-британский социолог. Она много занималась изучением организаций, организационных изменений в Чешской республике, анализировала роль профсоюзов в изменении трудовых отношений в переходных странах. А еще раньше она написала большую книгу о организационной гибкости [flexibility] в Западной Европе. Так что она занимается вопросами организационных изменений и трудовыми отношениями. Мне кажется, ее работы очень важны⁸.

— А кто еще в Великобритании? Пять-шесть лет назад я хорошо знал британскую социологию,

⁵ Smelser N., Swedberg R. (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.

⁶ Smelser N.J., Swedberg R. (eds.). The Handbook of Economic Sociology, 2nd rev. ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.

⁷ Granovetter M. Getting a Job: A Study of Contact and Careers. Cambridge: Harvard University Press, 1974. (Переиздание: University of Chicago Press, 1995.)

⁸ Pollert A. Transformation at Work in the New Market Economies of Central Eastern Europe. L.: Sage Publications, 2000; Gilbert N., Burrows R., Pollert A. (eds.). Fordism and Flexibility: Divisions and Change. N.Y.: St. Martin's Press, 1992; Pollert A. Girls, Wives, Factory Lives. L.: Macmillan, 1981.

но сейчас, боюсь, могу быть не в курсе последних разработок. Каковы сейчас основные направления исследований?

— Есть очень интересные работы об изменениях на рынке труда Ж. О'Рейли, К. Фейгин, К. Хаким, С. Кларка [Jacqueline O'Reilly, Colette Fagan, Catherine Hakim, Simon Clarke]. Все они изучали изменение моделей труда, отношений между домохозяйством и рыночным трудом, мотивацию выхода или невыхода на рынок труда⁹. Это развитая традиция в британской социологии. На мой взгляд, здесь были написаны хорошие работы. Кэтрин Хаким — несомненно, очень важная фигура.

— Да, она недавно опубликовала пару книг о трудовых отношениях.

— Извините, я забыла упомянуть Дж. Гершуни. У него же только что вышла книга о бюджетах времени¹⁰.

— Верно. И, насколько я знаю, она будет обсуждаться на этом конгрессе.

— Да, Гершуни обязательно надо назвать. Правда, не знаю, считает ли он себя экономсоциологом. Вам лучше спросить об этом его самого¹¹. Ведь социология хозяйственной жизни — это немного другой предмет.

— Мне кажется, Гершуни все-таки относит свои работы к экономической социологии. Скажите, а британские социологи интересуются работами французов? Я имею в виду экономическую теорию конвенций, которая становится все более влиятельной, или работы Пьера Бурдьё.

— Пьер Бурдьё пользуется большим влиянием. Французская теория регулирования тоже стала весьма популярной в британской социологии. Да, мне кажется, к французской социологии есть немалый интерес.

— Теория регулирования популярна до сих пор? Ведь она появилась двадцать лет назад.

— Да. По ней публикуются учебники. Впрочем, я какое-то время уже не преподаю в британских университетах, так что не знаю наверняка, ссылаются ли на нее сейчас.

— Насколько я помню, на многих конференциях Вы выступали в качестве представителя Австрии, и я какое-то время думал, что Вы австрийка. А Вы сами считаете себя жительницей Австрии или Великобритании?

— Я жила в Австрии с семилетнего возраста, училась там. Но моя работа была связана главным образом с международными проектами, и нельзя сказать, что я занималась исследованиями Австрии. Хотя мы и провели несколько исследований, посвященных работе агентств по временному трудоустрой-

⁹ См., например: O'Reilly J. (ed.). *Regulating Working-Time Transitions in Europe*. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2003; O'Reilly J., Fagan C. (eds.). *Part-Time Prospects: An International Comparison of Part-Time Work in Europe, North America and the Pacific Rim*. L.; N.Y.: Routledge, 1998; Hakim C. *Key Issues in Women's Work: Female Heterogeneity and the Polarisation of Women's Employment*. L.: Atlantic Highlands, 1996; Hakim C. *Social Change and Innovation in the Labour Market: Evidence from the Census SARs on Occupational Segregation and Labour Mobility, Part-Time Work and Student Jobs, Homework and Self-employment*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1998.

¹⁰ Gershuny J. *Changing Times: Work and Leisure in Postindustrial Society*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2000; Gershuny J., Berthoud R. (eds.). *Seven Years in the Lives of British Families: Evidence on the Dynamics of Social Change from the British Household Panel Survey* / Institute for Social and Economic Research. Bristol: Policy Press, 2000.

¹¹ К сожалению, запланированное интервью с Дж. Гершуни на конгрессе не состоялось — он заболел. — *Прим. сост.*

ройству и гибкости австрийского рынка труда. В целом я занимаюсь сравнительными исследованиями, участвую в международных проектах. Уже долгое время эти проекты посвящены странам Центральной и Восточной Европы. Выходит, что хотя я и жила какое-то время в Австрии, меня едва ли можно отнести к представителям австрийской социологии. Я бы скорее сказала, что я из Великобритании — я долгое время (более 10 лет) преподавала там в разных университетах. Затем я четыре года провела в Чешской республике — преподавала в Центральном европейском университете. Потом снова вернулась в Австрию. Словом, я бы назвала себя англичанкой: и образование мое получено в Великобритании, и в качестве точки отсчета в своей научной деятельности я ориентируюсь преимущественно на британскую социологию.

— И мой последний вопрос: какие предметные области и темы в рамках экономической социологии кажутся Вам наиболее перспективными и интересными на ближайшие несколько лет? Например, чем бы Вы порекомендовали заняться аспирантам в течение ближайших лет?

— Я считаю, очень интересна экономическая социология миграции. Например, то, чем занимается Алехандро Портес [Alejandro Portes]. Мне кажется, в Европе сейчас появляются оригинальные разработки в этой области в связи с новыми моделями миграции, ее новыми волнами. Интересно исследовать использование рынком домашнего труда [the outsource in domestic labor], участие женщин-мигранток в рабочей силе, изменение моделей рынка труда, то, как различные группы мигрантов участвуют в работе меняющихся рынков труда в Европе.

Да, я забыла упомянуть еще одну вещь. Я ведь пришла в экономическую социологию отчасти из феминистских исследований. В Великобритании в рамках феминистской социологии давно существовал особый подход к анализу рынков труда. Например, меня всегда интересовали не просто рынки труда, но то, как работа на них связана с работой вне рынка — скажем, с работой по дому или в неформальной сфере, с разного рода социальной работой в рамках сообщества, которая зачастую (если не исключительно) выполняется женщинами. Этот подход позволяет взглянуть на хозяйственную жизнь и труд под несколько иным углом зрения. И когда я говорю о социологии труда, я имею в виду более широкое определение данной области, включая не только рабочие места на рынке труда, но и работу, которую люди выполняют за его пределами, их неформальную занятость. Так что мои взгляды на экономическую социологию сформировались отчасти под влиянием этого подхода. И многие из авторов, которых я ранее упоминала, работают в рамках этого направления. Кстати, именно поэтому меня интересовали стратегии домохозяйств: ведь в этом случае можно рассматривать домохозяйство как единое целое, а не просто как совокупность отдельных индивидов, анализировать то, как это целое орга-

низует труд на рынке труда и за его пределами. Несомненно, это очень важно для стран Центральной и Восточной Европы, где многие люди выходят на рынок труда. Для анализа их хозяйственного поведения и стратегий выживания очень важно изучить то, что они делают за рамками формальной экономики. Поэтому я заинтересовалась стратегиями домохозяйств.

Не знаю, насколько другие Ваши собеседники интересуются этим подходом. А для меня это было очень важно. Я занималась не просто социологией труда, но социологией хозяйственных отношений, т.е. гораздо более широкой темой. И она стала шире именно потому, что я подошла к ней с позиций феминистской теории. Она позволяет понять, что рынок труда — это лишь часть того, что движет миром. А традиционная социология труда, как правило, не рассматривает эти вопросы. Когда же подходишь с таких более общих позиций, экономическая социология оказывается очень удачной перспективой. Мне кажется, просто социология труда или просто социология организаций — это слишком узкий предмет. Именно поэтому для меня так важна экономическая социология. Но, получается, у меня несколько иной взгляд на нее, чем у многих других людей.

— Мне кажется, Вы совершенно верно указали на проблемы неформальной экономики в связи со стратегиями домохозяйств. Они важны, конечно, не только для Восточной Европы, но для нее — особенно.

— Да. Здесь на меня очень повлияли работы Гершуни, которого я встретила на ранних этапах своей карьеры. Я заимствовала у него это более широкое определение хозяйственных отношений, в которых труд выступает лишь как один из элементов. И для меня это стало очень важным.

Я уже упоминала миграцию, экономическую социологию миграции. Мне кажется, в Европе в связи с этим встает ряд новых вопросов — прежде всего в сфере домашнего и надомного рыночного труда. Ведь в Испании, Австрии, Польше, Чешской республике появились целые армии женщин-мигранток, работающих в рамках домохозяйств, — они присматривают за престарелыми людьми, за детьми и т.п. В этой связи открывается особое направление исследований гендера и миграции — через призму хозяйственных отношений домохозяйств: как домохозяйства организуют свое время и свой труд, который все в большей степени выполняется чужими людьми? Это не всегда иностранцы, но их в этой сфере становится все больше и больше.

— То же самое происходит и в России.

— Да, наверно.

— Причем развитие в этом направлении идет довольно стремительно.

— Мне кажется, это очень интересное направление исследований — то, о котором вчера говорила Саския Сассен [Saskia Sassen], — отношения между глобальным и локальным на уровне организации

домохозяйства, то, как домохозяйства организируют свой повседневный труд. Зачастую это связано с глобальными изменениями — например, появлением мигрантов, готовых выполнять работу по дому, заниматься уборкой. Прежде эта работа выполнялась членами домохозяйства или семьи (расширенной семьи) и была связана с семейными отношениями.

Словом, я считаю очень важной экономическую социологию миграции и изучение новых аспектов миграции — то, как она связана с домашним трудом и организацией труда в рамках домохозяйства. Отсюда вытекают и вопросы о рынке труда: ведь если меняются схемы на рынке труда, то меняется и ситуация у людей внутри домохозяйства. Это все взаимосвязано, сплетено в единый узел. И на мой взгляд, экономическая социология может его распутать, если будет изучать не просто миграцию, не просто домашний труд, не просто рынки труда, но их взаимосвязи, социальные отношения между мужчинами и женщинами, между поколениями, между приезжими и коренным населением. Все эти проблемы очень важны, и экономическая социология — как широкая перспектива — будет весьма полезной для их изучения. Так что, несомненно, это направление ожидает весьма интересное будущее.

Не исчерпаны также и вопросы, связанные с изучением социального капитала, — он продолжает оставаться важной областью анализа, здесь еще предстоит многое сделать. Однако не всегда ясно, что же такое социальный капитал и какого рода влияние он оказывает на хозяйственное развитие. Влияние, по всей видимости, есть, но причины его неясны. И по этому вопросу ведется дискуссия, которая, думаю, продлится еще какое-то время.

Очень интересная тема — стратегии домохозяйств. Я как раз написала об этом статью. Эта тема особенно важна, поскольку одна из целей Европейского союза — вовлечь как можно больше женщин в состав рабочей силы. При этом имеется и другая цель — повышение рождаемости, что, конечно же, противоречит первой цели. Стратегии домохозяйств описывают то, как индивиды организуют свой труд в рамках домохозяйства, как они ухаживают за детьми, какую роль в этом играет государство и каково соотношение ролей государства и домохозяйства (семьи). Изучение стратегий домохозяйства — это, как мне кажется, ключевая тема для анализа социально-экономических изменений.

Кроме того, я считаю, для экономической социологии очень важны вопросы, связанные с изучением переходных хозяйств стран Центральной и Восточной Европы.

— Некоторые коллеги утверждают, что интерес к странам Центральной и Восточной Европы пошел на убыль, что сейчас их изучение уже не так важно.

— Это не так. Мне кажется, оно очень важно. Траектории изменений в этих странах совершенно различны. Например, различия между

Чешской республикой и Украиной просто огромны. Я думаю, предстоит еще немало работы, чтобы объяснить последствия экономического перехода, реакцию людей на хозяйственные изменения и то, как их действия влияют на эти изменения. На мой взгляд, эта тема еще далеко не исчерпана. Вовсе нет.

- **Давайте надеяться на это.**
- Да, чтобы на многие годы вперед мы были обеспечены работой!
- **Конечно! Большое спасибо.**

Основные публикации К. Уоллес

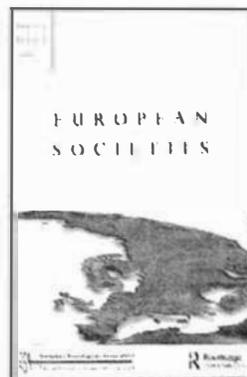
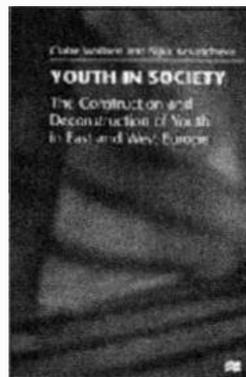
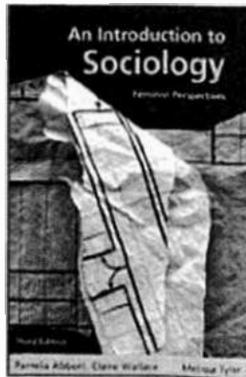
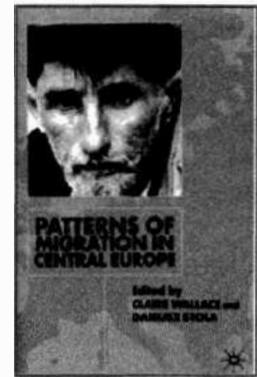
- Wallace C.* Household Strategies: Their Conceptual Relevance and Analytical Scope in Social Research // *Sociology*. 2002. Vol. 36. No. 2. P. 275–292.
- Wallace C.* Opening and Closing Borders. Migration in East-Central Europe // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2002. Vol. 28. No. 4. P. 603–625.
- Wallace C.* Misunderstandings and Misleading Stereotypes: a Western Feminist Goes East // *Soundings*. 2000. Vol. 16. Autumn. P. 144–167.
- Wallace C.* Investing in Social Capital. The Case of Small Traders in Central and Eastern Europe // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1999. Vol. 23. No. 4. P. 751–770.
- Wallace C.* Young People and the Division of Labour in Farming Families // *Sociological Review*. 1994. Vol. 42. No. 3. P. 501–530.
- Williams A.M., Balaz V., Wallace C.* International Labour Mobility and Uneven Regional Development in Europe: Human Capital, Knowledge and Entrepreneurship // *European Urban and Regional Studies*. 2004. Vol. 11. No. 1. P. 27–46.
- Stola D., Wallace C.* (eds.). *Patterns of Migration in Central Europe*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, N.Y.: Palgrave, 2001.
- Helve H., Wallace C.* (eds.). *Youth, Citizenship and Empowerment*. Burlington, VT: Ashgate, 2001.
- Haerpfer C., Milosinski C., Wallace C.* New and Old Security Issues in Central and Eastern Europe // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. No. 6. P. 989–1011.
- Sik E., Wallace C.* The Development of Open Air Markets in East-Central Europe // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1999. Vol. 23. No. 4. P. 697–714.
- Wallace C., Kovacheva S.* *Youth and Society: the Construction and Deconstruction of Youth in Europe*. N.Y.: St. Martin's Press, 1998.
- Litrig B., Wallace C.* Möglichkeiten und Grenzen von Fokus-Gruppendiskussion für die sozialwissenschaftliche Forschung // *Forschungsnotiz Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. 1998. No. 23 (3). S. 88–102.
- Abbott P., Wallace C.* *An Introduction to Sociology: Feminist Perspectives*. 2nd ed. L.; N.Y.: Routledge, 1997.
- Abbott P., Wallace C.* Women Farmers in South West England // *Journal of Gender Studies*. 1996. Vol. 5. No. 1. P. 49–62.
- Wallace C., Kovacheva S.* Youth Cultures and Consumption East and West: an overview // *Youth and Society*. 1996. Vol. 28. No. 2. P. 189–214.
- Wallace C., Palyanistsya A.* East-West Migration in the Czech Republic // *Journal of Public Policy*. 1995. Vol. 15. No. 1. P. 89–109.

Jones G., Wallace C. Youth, Family and Citizenship. Buckingham: Philadelphia Open University Press, 1992.

Abbott P., Wallace C. (eds.). Gender, Power and Sexuality. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 1991.

Abbott P., Wallace C. (eds.). The Sociology of the Caring Professions. L.; N.Y.: Falmer Press, 1990.

Wallace C., Cross M. (eds.). Youth in Transition: Education, Employment and Training. L.; N.Y.: Falmer Press, 1990.

Нил Флигстин¹

19 сентября 2001 г.

«В целом я хотел бы ликвидировать этот разрыв — между людьми, занимающимися политэкономией, и теми, кто изучает конкретный рынок. И думаю, новый институциональный подход может в этом помочь».

Нил Флигстин — один из ведущих исследователей, работающих в русле нового институционализма, автор так называемого «политико-культурного» подхода к анализу рынков. В 2001 г. Флигстин выпустил свою книгу «Архитектура рынков», которая, несомненно, стала одним из главных событий в современной экономической социологии.

Мне уже приходилось бывать прежде в офисе Флигстина в Беркли. Но на этот раз мы встретились в особой ситуации. Вскоре Нилу предстояла серьезная операция, и ее последствия были не очевидны. Он был очень открыт и довольно спокойно говорил об этом малоприятном событии. Чувствовалось, что он действительно «confident» (впоследствии стало известно, что операция прошла успешно, уверенность оказалась не напрасной). Накануне разговора он подарил мне свою «Архитектуру рынков», в которой суммированы его основные взгляды. Заглянув в начало книги, я сразу начал ее читать. Редкий случай...

— Вы, без сомнения, один из ведущих экономсоциологов. Поэтому, я полагаю, Вы идентифицируете себя именно с этой областью исследований. А с чего это началось? Когда Вы впервые ощутили себя в таком качестве?

— Произошла забавная вещь. Наверное, я всегда был экономсоциологом, просто для этого сначала не было названия. Приходишь на работу в университет, а названия для твоей дисциплины нет. Думаю, так произошло со всеми, кто работает сейчас в данной области: их всегда интересовали вопросы укорененности хозяйства в обществе, и, следовательно, они всегда считали это частью своей работы. Но не думаю, что для таких исследований была выделена специальная область. — видимо, пока не появилась статья Хэррисона Уайта [Harrison White], которая заставила всех взглянуть на теорию рынков с социологической точки зрения.

— «Откуда берутся рынки?»

¹ Н. Флигстин [Neil Fligstein] — профессор социологии в Университете Калифорнии в Беркли, США.

— Да, статья «Откуда берется рынок?»². Но знаете, я уже тогда думал в этом направлении, делал какую-то работу, я уже практически сформулировал для себя идеи книги, которая вышла в конце 1980-х — начале 1990-х годов — «Трансформация корпоративного контроля»³. Я много читал по истории бизнеса. Так что я тогда уже действительно работал в этом направлении. И наверняка, так делали и другие. Я уже думал, что именно эта область меня интересует. Это подходящий ответ?

— Да, вполне.

— Думаю, момент, когда экономическая социология стала уже коллективным предприятием, наступил позднее, — пожалуй, в конце 1980-х — начале 1990-х годов. И здесь важную роль сыграла статья Марка Грановеттера об укорененности⁴. Это было своего рода обобщение многих других работ, сделанных к тому времени, — моих и работ других людей, которые также интересовались фирмами и рынками. Многие из них первоначально занимались теорией организаций. И я полагаю, что люди, интересовавшиеся теорией организацией, на самом деле были экономосоциологами. Мне кажется, Пол Димаджио [Paul DiMaggio] и Вуди Пауэлл [Walter Powell] на самом деле были экономосоциологами, хотя они и придерживались точки зрения институциональной экономической теории. Их первые работы были посвящены полиграфической и издательской промышленности. Затем Пол много занимался исследованием собственности, при этом его интересовала также структура капитализма. И таких работ было немало, так что к 1980-м годам уже сложился определенный консенсус. Затем, конечно, вышел сборник Ричарда Сведберга, который он составил на основе интервью и биографических источников⁵. Думаю, именно тогда мы поняли, что есть такая особая область. Пожалуй, на этом я и остановлюсь.

— Есть разные классификации основных направлений исследования в экономической социологии. А какие области исследования кажутся Вам наиболее важными?

— Я бы сказал, есть три таких области. Две из них пересекаются, третья стоит особняком. К тем, что пересекаются, я отнес бы авторов, занимающихся социологией отдельного рынка или отрасли промышленности, т.е. тех, кто исследует фирмы, их связи, иногда — их клиентов, иногда — поставщиков, при этом часто берут за основу сетевой подход. Подобный анализ достаточно распространен. Во многом это исследование социальной структуры промышленности. Так что это первое направление — исследование социальной структуры рынка.

Второе направление более связано с политической экономией: здесь людей интересует роль государства в работе рынка, отношения между рыночными и государственными акторами. Это связано

² White H.C. Where do Markets Come From // American Journal of Sociology. 1981. Vol. 87. P. 517—547.

³ Fligstein N. The Transformation of Corporate Control. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

⁴ Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. November. P. 481—510. Перевод: Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131—158.

⁵ Swedberg R. Economics and Sociology — Redefining Their Boundaries: Conversations with Economists and Sociologists. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

с вопросом о том, как работают конкретные рынки. Таково второе направление. При этом первое и второе направления сложным образом переплетаются.

И третье направление для меня (т.е. вообще-то их, видимо, четыре) — то, которое я бы назвал направлением, ориентированным на изучение потребления, на социологию потребления. К сожалению, оно менее всего интегрировано в нашу область, что довольно забавно. И например, Вивиана Зелизер [Viviana Zelizer] (одна из представительниц того, что я называю социологией потребления) испытывает те же чувства — по крайней мере, в отношении США. Думаю, проблема отчасти состоит в том, что существует своего рода водораздел между конечными потребителями вещей и их непосредственными производителями. А это связано в том числе с характером этих исследований, с теорией. Подобное разделение мне кажется неудачным. Например, мне очень интересно и потребление, и производство. Но, видимо, вопросы, связанные с потреблением, люди отложили в сторону. Хотя, конечно, есть работы таких авторов, как Пьер Бурдьё [Pierre Bourdieu], в которых потребление рассматривается с социологических позиций.

— Предложенная Вами классификация построена на различии областей исследования, предметных областей. А как обстоит дело с методологическими подходами? Какие подходы Вы бы выделили?

— Знаете, вообще-то я из тех людей, которые полагают, что методология означает правильный подбор инструмента при подходе к проблеме. Я действительно не вижу серьезных, качественных методологических различий между подходами во всех этих областях — между этнографическим или историческим подходами... Методологические различия не кажутся мне столь принципиальными, сколь предметные, теоретические различия.

— Однако во время нашего предыдущего разговора Вы говорили с позиций институционализма, причем Ваши слова в адрес сетевого подхода звучали довольно критично, и подобное резкое разграничение этих подходов было даже несколько неожиданным для меня.

— Да, но я не думаю, что я вижу здесь методологические различия... Может быть, если взять методологию на уровне эпистемологии...

— На более инструментальном уровне?

— Да. Думаю, моя критика в ее методологической части направлена именно на инструментальный уровень, на то, что у вас непременно должны быть все переменные. По крайней мере, часть моей критики касается того, что вы всегда должны быть уверены, что зафиксировали все переменные. И если вы собираетесь исследовать отрасль промышленности, группу фирм или какие-то их взаимодействия, вы должны убедиться, что в анализ включены все формальные институциональные отношения между государством и фирмами, а также всякие неформальные отношения и элементы, связанные с культурой. И тогда вы пытаетесь понять структуру рынка. А структуры рынка — это не только связи и отношения. Это также акторы, стремящиеся сохранить

существующее положение, и акторы, заинтересованные в изменениях [incumbents and challengers]. Нужно увидеть, как действует конкуренция на каком-то конкретном рынке, и то, как люди реагируют на подобное ее действие; наконец, увидеть то, что поддерживает данную рыночную структуру. На мой взгляд, если вы собираетесь исследовать рынок, вам следует проанализировать все эти моменты. Вы должны учесть все переменные. Это замечание методологического характера, и такое методологическое различие действительно есть. Вы это имели в виду?

— Да. Скажите, считаете ли Вы новый институциональный подход в социологии особой областью исследований?

— Да. Мне кажется, новый институциональный подход нацелен на понимание действия на рынке. Это способ соединить общую политическую экономию и подход, ориентированный на изучение рынка. В целом я хотел бы ликвидировать этот разрыв — между людьми, занимающимися политэкономией, и теми, кто изучает конкретный рынок. И думаю, новый институциональный подход может в этом помочь. Ведь новый институционализм утверждает значимость правил и законов, а политико-экономы верят в значимость неформальных отношений. Поэтому они должны согласиться с тем, что институты играют важную роль, и поверить в социальное конструирование рынков. Да, новый институционализм — это самостоятельная теоретическая традиция, которая поможет устранить этот разрыв. Я хотел бы видеть две эти части — политэкономия и исследование конкретных рынков — вместе. Потому что, мне кажется, это откроет нам путь к пониманию многих явлений, в том числе таких, как глобализация, переходные периоды в нынешних постсоциалистических хозяйствах и др.

— Считаете ли Вы политико-экономический подход макроподходом по сравнению с исследованием конкретных рынков? Или речь идет просто о том, что он направлен на рассмотрение вопросов власти, государства и т.п.?

— Думаю, политическая экономия — это скорее макроподход. Но в значительной степени он сосредоточен на государстве. Такая точка зрения коренится в политической социологии. Мой коллега Питер Эванс [Peter Evans], на мой взгляд, лучший в этой области. Да, политэкономия сосредоточена на государстве. Исследование здесь обычно начинается с государства и акторов в государстве, с попытки понять, как они регулируют тот или иной сектор хозяйства, — таким образом, в целом исследование получается перевернутым с ног на голову. Вмешательство государства в хозяйственный процесс оказывает какое-то влияние. И задается вопрос, как ему следует правильно вмешиваться. В итоге развивается множество концепций правильного вмешательства в хозяйственный процесс. Думаю, в целом это макроподход...

И еще одно обстоятельство в связи с институционализмом. Мне кажется, что политико-экономический подход упускает более низкий, мезоуровень. А рынки реагируют на действия государства именно на

этом уровне. Я определенно думаю, что существует процесс взаимной отдачи между построением государства и построением рынка. И опять-таки здесь полезна институциональная позиция — вы можете увидеть динамику этого процесса, увидеть рыночных акторов, которые пытаются что-то сделать, как-то выжить и повернуть события по-своему. Например, возьмем нашу авиационную промышленность на прошлой неделе (после событий 11 сентября 2001 г.), — руководители всех авиакомпаний Америки обсуждают ситуацию с президентом Джорджем Бушем, и тот пытается стабилизировать ее, выделив примерно 20 млрд. долларов. Думаю, это классический случай, когда все перевернуто с ног на голову. Причем это не редкость. Такое случается довольно часто в большинстве капиталистических стран. И в этом случае у авиакомпаний есть совершенно законный аргумент, что их бизнес понес убытки, и совершенно не по их вине. Получается, что это отнюдь не погоня за прибылью.

— Мы называем это форс-мажором.

— Да, да. И другая сторона вопроса заключается в том, что правительство так же признает, что транспортная система — одна из ключевых областей. В хозяйстве много таких ключевых областей, но, без сомнения, воздушный транспорт в Америке играет огромную роль для бизнеса. Миллионы людей, занимающихся бизнесом, летают на самолетах ежедневно. Поэтому нужно следить за тем, чтобы эта система работала гладко. Наверное, это тот самый случай, дающий шанс для политико-экономического подхода, когда время от времени рыночные акторы приходят к государству и ждут от него какого-то действия. А государство при этом находится в состоянии глубокого хозяйственного кризиса и вынуждено соглашаться. Эдакий любопытный перевертыш. И неудивительно, что в ситуации крупных кризисов мы сталкиваемся с явлениями, происходящими задом наперед, вниз головой. Например, я совершенно уверен, что далее страховые компании пойдут к правительству. И штат Нью-Йорк уже обратился к правительству.

— И к нему будет длинная очередь.

— Да, к правительству будет длинная очередь.

— Возвращаясь к экономической социологии в целом, какие недавно появившиеся книги или статьи показались Вам неожиданными, озадачивающими, новаторскими, заставляющими задуматься? Если взять последние три-четыре года?

— Мне многие работы нравятся. Я вообще-то читаю достаточно широкий круг литературы, так что мне нравится многое. Думаю, написаны интересные сравнительные вещи о «капитализмах». Недавно вышла книга под редакцией Колина Крауча [Colin Crouch] и др.⁶ Есть интересные работы в политической науке, — например, книга Дэвида Фогеля [David Vogel] о дерегуляции и ререгуляции⁷. Книга Линды Вайс [Linda Weiss] о государстве [governments], продолжающем оставаться частью процесса регулирования хозяйст-

⁶ Crouch C., Eder K., Tambini D. (eds.). *Citizenship, Markets, and the State*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2001.

⁷ Vogel D. *Barriers or Benefits? Regulation in Transatlantic Trade*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 1997.

ва⁸. Это книги, написанные в русле макроподхода с позиций политической науки. Опять же, недавно вышла книга Ричарда Уитли [Richard Whitley] о системах бизнеса⁹.

— **О разных капитализмах.**

— Да, о капитализмах. Думаю, много интересных работ посвящено переходным периодам. Работы о Китае просто озадачивают. Например, если взять три книги, недавно написанные американцами (Дэвидом Уэнком [David Wank], Дагом Гатри [Doug Guthrie] и Лизой Кейстер [Lisa Keister]), — все они посвящены организации бизнеса в Китае¹⁰. Когда читаешь эти книги, кажется, что в них рассказывается о трех разных мирах. Единственное, в чем сходятся авторы, — это в том, что в Китае есть сельское хозяйство и что ситуация очень нестабильна. Все зависит от того, что именно вы исследуете в Китае. И ситуация там кажется мне очень непонятной и интересной. Думаю, экономическая социология может немало почерпнуть из изучения опыта таких переходных хозяйств.

Мне очень нравятся Ваши статьи, нравится, чем Вы занимаетесь, — попыткой увидеть изнутри проблемы, с которыми сталкивается бизнес, понять его точку зрения на эти проблемы. Мне кажется, это правильный подход. И на его основе будет легко выстроить и макро-

экономический подход к проблемам переходного периода — только это будет взгляд снизу. И даже такой подход к исследованию институтов (снизу) позволяет увидеть необходимость прав собственности. Ведь то, что у вас есть закон, еще не означает, что у вас есть права собственности. И думаю, очень важно изучать эти явления с точки зрения рыночных акторов и с противоположной стороны. Так что переходные хозяйства многому нас научат.

Что касается американских статей, то мне очень нравятся работы Брайана Уэзи [Brian Uzzi]¹¹. На мой взгляд, в них поднимаются очень интересные вопросы о том, какую функцию выполняют сети на рынке и что за ними стоит. Уэзи не уверен, что это определяется погоней за прибылью. Может быть, это попытка стабилизировать рыночные отношения или сделать их более эффективными. Иными словами, он пытается понять роль сетей.

Другой автор, Тоби Стюарт [Toby Stewart], работает скорее в традиции популяционной экологии [population ecology]. Но у него также есть очень интересные работы о фирмах, занимающихся высокими технологиями. Он анализирует то, почему капиталисты вкладывают сюда деньги, рассматривает перспективы выживания таких фирм. Он проделал очень интересную работу, которая заставляет задум-

⁸ Weiss L. (ed.). *States in the Global Economy: Bringing Domestic Institutions Back In*. N.Y.: Cambridge University Press, 2002.

⁹ Whitley R. *Divergent Capitalisms: The Social Structuring and Change of Business Systems*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1999. См. также: Whitley R. (ed.). *Competing Capitalisms: Institutions and Economics*. Northampton, MA: Edward Elgar Pub., 2002.

¹⁰ Wank D.L. *Commodifying Communism: Business, Trust, and Politics in a Chinese City*. Cambridge [England]; N.Y.: Cambridge University Press, 1999; Guthrie D. *Dragon in a Three-Piece Suit: The Emergence of Capitalism in China*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999; Keister L.A. *Chinese Business Groups: The Structure and Impact of Interfirm Relations During Economic Development*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2000. См. также: Gold T., Guthrie D., Wank D. (eds.). *Social Networks in China: Institutions, Culture, and the Changing Nature of Guanxi*. N.Y.: Cambridge University Press, 2002.

¹¹ Uzzi B. *Embeddedness in the Making of Financial Capital: How Social Relations and Networks Benefit Firms Seeking Financing* // *American Sociological Review*. 1999. Vol. 64. No. 4. August. P. 481—505; Uzzi B. *Social Structure and Competition in Interfirm Networks: The Paradox of Embeddedness* // *American Science Quarterly*. 1997. Vol. 42. No. 1. March. P. 35—68; Uzzi B. *The Sources and Consequences of Embeddedness for the Economic Performance of Organizations: The Network Effect* // *American Sociological Review*. 1996. Vol. 61. No. 4. August. P. 674—699.

матерья над мюгом. Стюарт получил и неожиданный результат: проект финансируется наиболее успешными венчурными капиталистами, у него больше всего шансов выжить. И это неожиданный результат, потому что его трудно интерпретировать. Можно говорить о легитимности [legitimacy] и зависимости от первоначально избранного пути [path dependency]. А можно предположить, что венчурные капиталисты просто-напросто покупают лучшие компании. И мне кажется, это один из основных вопросов экономической социологии: какова социальная структура, способствующая возникновению столь высокой степени неопределенности? Или, может быть, роль социальной структуры сводится к повышению эффективности? Я думаю, работа Стюарта очень полезна в этом отношении, это очень интересный вопрос для экономической социологии.

— **Мой последний вопрос: на Ваш взгляд, какие области и направления исследования будут наиболее перспективными для экономической социологии в ближайшем будущем?**

— Возвращаясь назад, я считаю очень интересными исследования переходных хозяйств. Наверное, людям кажется, что они разобрались в стабильных явлениях. И что они хотели бы сделать, — так это пойти туда, где все находится в движении. Им кажется, что нестабильная, незавершенная ситуация может их большему научить. Так что, когда они видят переходные хозяйства или, допустим, возникновение новых отраслей промышленности, их тянет туда. Им кажется, что это дает шанс увидеть социальный процесс, — то, как он возникает, нарастает подобно набегавшей волне. Я называю это старым английским словом [pgressive] — растущая волна. Людям кажется, что они могут здесь многому научиться. И я тоже думаю, что это полезно, что мы многому можем научиться в таких ситуациях возникновения/нарастания.

Хотя мы при этом упускаем из виду то, как эти ситуации приходят к стабильному состоянию. Помните, что Вебер писал о рутинизации харизмы? Думаю, в жизни рынка происходит немало подобных вещей. Один из наиболее интересных вопросов — как фазы становления превращаются в более рутинные, более стабильные фазы развития. Надо попытаться теоретически выявить, как они влияют на процессы становления и стабилизации/дестабилизации на рынках. За решение этого вопроса пока никто особенно не брался. Но, несомненно, здесь имеет место особый тип социального процесса. И мне кажется, если исследователи приглядятся к нему, они поймут, что и здесь можно многое для себя открыть.

Когда разговариваешь с людьми из мира бизнеса, они всегда рассказывают, как динамичен их бизнес, и т.д., и т.п. Думаю, в какой-то степени это действительно так. Но возьмем какой-нибудь стабильный бизнес — например, производство безалкогольных напитков. Компании «Пенси» и «Кока-Кола» — мой любимый пример. Можно поговорить с руководителями этих фирм, они будут рассказывать вам, что их компания всегда ощущает страшное давление конкуренции, что во-

круг ведётся настоящая война, и т.д. Но все, что происходит на американском рынке последние сорок лет, связано только с маркетингом.

И вот мы в Америке сегодня покупаем продукты компании «Пепси», на следующей неделе — «Кока-Колы», и так продолжается уже сорок лет. Хотя, конечно, за это время они покупали права на все большее и большее количество товаров, которые становились продуктами компании «Пепси» или компании «Кока-Кола».

Вот так работает рынок. Конечно, здесь есть конкуренция. Но совершенно очевидно, что это игра, уже ставшая стабильной. Это совершенно иная игра, чем та, что имеет место при возникновении рынка (например, персональных компьютеров), когда никто не знает, что произойдет в следующий момент, с какими продуктами придется конкурировать; все непонятно. А здесь совершенно другой процесс. И размышления на эту тему могут оказаться очень полезными. Если мы пытаемся изучать переходные хозяйства, нам следует сначала понять, что же мы видим, — открытие рынка или что-то другое. Тогда мы поймем их гораздо лучше.

Второе направление возможных исследований связано с правилами и соглашениями. Это попытка лучше понять, при каких условиях создание закона или правил является погоней за прибылью и какие условия позволяют получить прибыль. Это одна из проблем, которыми я занимаюсь и которые кажутся мне очень интересными. Один из моментов в сравнительном изучении «капитализмов» — то, что способов организации капиталистических обществ, ведущих к экономическому росту, множество. И вероятно, существует и множество крайностей, когда имеет место откровенная погоня за прибылью, — как в Африке, во многих частях Азии. Там есть подобный тип капитализма. Несомненно, такие ситуации есть. Но попадая в Западную Европу, США или развивающиеся [emerging] азиатские общества, оказываешься совсем в другой ситуации. И вопрос в том, существуют ли «правильные» правила и каковы они, какие правила действительно необходимы и ведут к экономическому росту.

Я думаю, в конечном счете должно появиться целое направление нормативной экономической социологии, — если экономическая социология вообще собирается куда-либо двигаться. Потому что кто-нибудь обязательно придет и спросит нас: «А какая от вас польза, ребята? Вы можете дать мне какой-то совет?» И будешь чувствовать себя неуютно, если не сможешь дать совета по поводу происходящего.

Так что второе направление исследований, которые я бы выделил, касается того, какую роль играют правила (и играют ли вообще) в создании условий для погони за прибылью. И как это вписывается в нормативный анализ. Это своего рода рубеж. Мне кажется, что нормативная сторона важна уже сейчас, но она станет еще важнее. Ведь мы всячески критикуем какие-то элементы экономической теории. А я

думаю, что наша область должна не просто находить теоретические инструменты, но и создавать нормативные инструменты. А если она этого не делает, не создаст какого-либо нормативного инструмента, она перестанет быть особо полезной. Она должна суметь ответить на вопрос: «А зачем это?» Мы одновременно и избегаем этого, и стремимся к этому, здесь предстоит еще много работы.

— Большое спасибо.

Основные публикации Н. Флигстина

- Флигстин Н.* Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 185–210.
- Флигстин Н.* Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 119–156; Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 4. С. 28–55. <http://www.ecsoc.msses.ru>
- Fligstein N.* States, Markets, and Economic Growth // Economic Sociology of Capitalism / Ed. by R. Swedberg, V. Nee. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 119–143.
- Fligstein N.* The Political and Economic Sociology of International Economic Arrangements // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg, 2nd rev. ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 183–204.
- Fligstein N.* Stability, Efficiency, and the National Organization of Production // Networks and Markets / Ed. by J.E. Rauch, A. Casella. N.Y.: Russell Sage, 2001. P. 143–154.
- Fligstein N.* The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.
- Fligstein N.* Fields, Power, and Social Skill: A Critical Analysis of The New Institutionalisms // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 1. С. 4–25. <http://www.ecsoc.msses.ru>
- Fligstein N.* Markets, Politics, and Globalization // The 1996 Uppsala Lectures in Business. Uppsala, Sweden: Uppsala University Press, 1997.
- Fligstein N.* Social Skill and Institutional Theory // American Behavioral Scientist. 1997. Vol. 40. P. 397–405.
- Fligstein N.* The Economic Sociology of the Transitions from Socialism // American Journal of Sociology. 1996. Vol. 101. No. 4. January. P. 1074–1081.
- Fligstein N.* Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institutions // American Sociological Review. 1996. Vol. 61. No. 4. August. P. 656–673.
- Fligstein N.* Networks of Power or the Finance Conception of Control? // American Sociological Review. 1995. Vol. 60. August. P. 500–503.
- Fligstein N.* The Social Construction of Efficiency // Decision Making: Alternatives to Rational Choice Models / Ed. by M. Zey. L.: Sage Publications, 1992. P. 72–98.
- Fligstein N.* The Structural Transformation of American Industry: An Institutional Account of the Causes of Diversification in the Largest Firms // The New Institutionalism in

Organizational Analysis / Ed. by W. Powell, P. DiMaggio. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 311–336.

Fligstein N. Organizational, Demographic, and Economic Determinants of the Growth Patterns of Large Firms // *Comparative Social Research: A Research Manual* / Ed. by C. Calhoun. Greenwich, CT: JAI Press, 1991. Vol. 12. P. 19–44.

Fligstein N. The Transformation of Corporate Control. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

Fligstein N. The Intraorganizational Power Struggle: The Rise of Finance Presidents in Large Corporations, 1919–1979 // *American Sociological Review*. Vol. 52. 1987. P. 44–58.

Fligstein N. The Spread of the Multidivisional Form, 1919–1979 // *American Sociological Review*. 1985. Vol. 50. P. 377–391.

Fligstein N. Going North, Migration of Blacks and Whites from the South, 1900–1950. N.Y.: Academic Press, 1981.

Stone A., Sandholtz W., Fligstein N. (eds.). The Institutionalization of Europe. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Fligstein N., McNichol J. The Institutionalization of the European Union // *European Integration and Supranational Governance* / Ed. by A. Stone, W. Sandholtz. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Fligstein N., Mara-Drita I. How to Make a Market: Reflections on the Attempt to Create a Single Market in the European Union // *American Journal of Sociology*. 1996. Vol. 102. P. 1–33. Reprinted in: *European Union Law: Texts and Analysis* / Ed. by D. Chalmers. Aldershot, U.K.: Ashgate Publishing, 1998.

Fligstein N., Byrkjeftot H. The Logic of Employment Systems // *Social Differentiation and Social Inequality* / Ed. by J. Baron, D. Grusky, D. Treiman. Boulder, CO: Westview Press, 1996. P. 11–35.

Fligstein N., Freeland R. Theoretical and Comparative Perspectives on Corporate Organization // *Annual Review of Sociology*. 1995. P. 21–43.

Fligstein N., Markowitz L. The Finance Conception of the Corporation and the Causes of the Financial Reorganization of Large Corporations, 1979–1989 // *Sociology and the Public Agenda* / Ed. by W.J. Wilson. Greenwich, CT: JAI Press; Newbury Park, CA: Sage Publications (ASA Presidential Volume Series), 1993. P. 185–206.

Fligstein N., Brantley P. Bank Control, Owner Control, or Organizational Dynamics: Who Controls the Large Corporation? // *American Journal of Sociology*. 1992. Vol. 98. P. 280–307.

Fligstein N., Dauber K. Changes in Corporate Organization // *Annual Review of Sociology*. 1989. Vol. 15. P. 73–96.

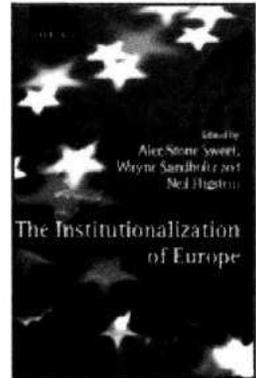
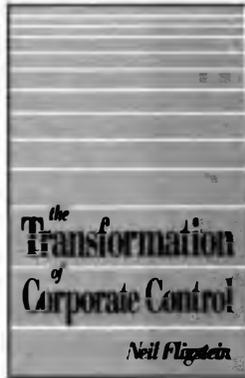
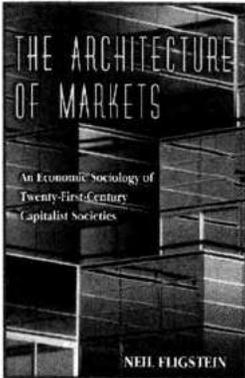
Fligstein N., Fernandez R. Worker Power, Firm Power and the Structure of Labor Markets // *Sociological Quarterly*. 1988. Vol. 29. P. 5–28.

Fligstein N., Fernandez R. Educational Transitions of Whites and Mexican-Americans // *Hispanics in the U.S. Economy* / Ed. by G.J. Borjas, M. Tienda. Orlando: Academic Press, 1985. P. 161–192.

Fligstein N., Fernandez R. Educational Attainment of Hispanics in the U.S. // *Hispanics in the United States: A New Social Agenda* / Ed. by P.S.J. Cafferty, W.C. McCready. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1985. P. 113–146.

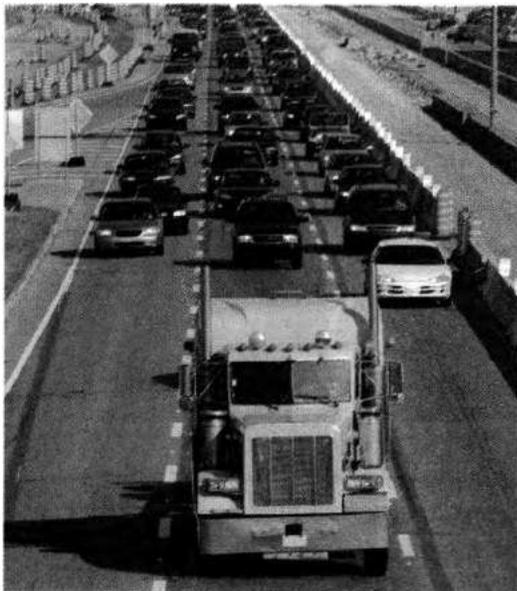
Fligstein N., Hicks A. Re-evaluating the Uses of Status: The Case of Earnings Determination // *Social Science Research*. 1984. Vol. 13. P. 90–110.

Fligstein N., Wolf W. The Impact of the Censoring Problem on Estimating Women's Occupational Attainment Equations. Madison: University of Wisconsin-Madison, 1976.

Андре Шик¹

8 июля 2002 г.

«В целом, в какую сторону я бы ни отходил от своих первоначальных интересов, оказывалось, что это экономическая социология».

Андре Шик — ведущий венгерский социолог, один из самых оригинальных восточно-европейских исследователей, организатор крупнейшего венгерского панельного обследования домохозяйств, проводившегося в 1990-е годы.

Впервые мы встретились в начале 1990-х годов в круглой башне исследовательского центра Университета Эссекса в Великобритании. Там Андре изучал опыт проведения британского панельного исследования домашних хозяйств, чтобы вскоре запустить подобное исследование в Венгрии. А интервью было записано много лет спустя на другом конце земного шара — в далекой Австралии. Мы сидели в небольшом кафе на верхней «палубе» Конгресс-Центра. А внизу шумел Всемирный конгресс социологов.

— **Вы, без сомнения, один из ведущих экономсоциологов Восточной Европы. И полагаю, Вы считаете себя экономсоциологом. Как это началось? Когда Вы поняли: то, чем я занимаюсь, — это экономическая социология?**

— Я принадлежу к числу людей, у которых не одна, а несколько идентичностей. Так что Вы ставите вопрос совершенно правильно. Мне потребовались определенные силы и время, чтобы понять, какая же из моих идентичностей — главная. К тому же время от времени они менялись. Наверное, это просто был некоторый органичный процесс, в результа-

¹ А. Шик [Endre Sik] — сотрудник центра социальных исследований TARKI в Будапеште, Венгрия.

те которого я пришел к выводу, что то, чем я занимаюсь, — это экономическая социология. Это был вывод инструментального характера. По образованию я сельскохозяйственный инженер, т.е. не имею ничего общего с экономической социологией. И в университете я совершенно не занимался экономической теорией. Моя докторская (Ph.D.) диссертация (правда, она была написана позднее) была посвящена исследованию сетей или взаимопомощи между домохозяйствами. Я просто следовал здравому смыслу, обращая внимание на эти сети и их роль для домохозяйств, на то, как они позволяли увеличить трудовой потенциал домохозяйств. Теперь я читаю курс об этом, он представляет собой разновидность экономики труда [labor economics].

Затем, почти случайно, мои интересы коснулись и других аспектов экономической социологии — исследований безработицы и гибкости рынка труда, домашнего труда (в связи с принятием решений по поводу взаимоотношений домохозяйств с рынком труда), а также сетевого анализа и социального капитала. Мне кажется, что последний — тоже ресурс, правда, не такой традиционный, как те, что изучает экономическая теория.

Еще одно интересующее меня направление — исследования миграции. И это тоже часть экономической социологии, поскольку я занимаюсь изучением финансовой политики и политики на рынке труда, которые определяют поведение на этом рынке. В целом, в какую сторону я бы ни отходил от своих первоначальных интересов, оказывалось, что это экономическая социология.

— **Все мы знаем, насколько важны слова сами по себе. Когда произошло признание Вами экономической социологии как таковой, когда появилось наименование — «экономическая социология»?**

— Это результат или побочный продукт различных семинаров и конференций, которые я в то время посещал.

— **Разные люди рассказывали мне сходную историю: «Я занимался этим много лет. Потом прочел какую-то работу, скажем, Ричарда Сведберга, и понял, что, да, это экономическая социология».**

— Абсолютно верно. Когда-то я писал свою первую диссертацию... Не знаю, помните ли Вы Ульфа Химмельштрадта [Ulf Himmelstradt]. Он тогда был ведущей фигурой в шведской экономической социологии. Ричард Сведберг тоже был связан с этим проектом. Так вот, когда я описал тему моей диссертации, он отнес ее к разделу «Экономическая социология» в первом из трех томов «Современной социологии». И мне было лестно, что меня отнесли к экономсоциологам. Вы правы, мою работу действительно совершенно случайно отнесли к экономической социологии. Позднее это получило более институционализированную форму. Я тогда стал уже достаточно зрелым исследователем, вошел в комитет Международной социологической ассоциации и стал более формально заниматься этим на публичном уровне. Я тогда просмотрел состав различных исследовательских групп и решил присое-

рентиться не к группе по социологии труда [sociology of work], а к группе по экономической социологии, потому что социология труда была в то время чересчур идеологизирована — в отличие от экономической социологии.

И (опять-таки совершенно случайно) я обратился к исследованию неформальной экономики. В 1970-е годы ею интересовались Иван Селеньи [Ivan Szelenyi] и Рей Пал [Ray Pahl], и эта область исследований тоже была отнесена к экономической социологии. Да, с моей стороны это был осмысленный шаг.

— **Как Вы считаете, каковы сейчас основные методологические и теоретические подходы в рамках экономической социологии?**

— Во-первых, определенно — структуралистская социология. Парадигма социального капитала важна и сама по себе, и в силу того, что позволяет решить проблему связи между макро- и микроуровнями анализа. А это важно, если изучаемый нами актор — не индивид и не общество.

— **Вы говорите о мезоуровне?**

— Да, это мезоуровень. Есть серия книг под редакцией Барри Велмана и Стивена Берковица², которая была классифицирована как структурная социологическая теория [structural sociological theory].

Во-вторых, мне кажется очень полезной теория зависимости от первоначально избранного пути [path dependency], она придает проблемам динамический элемент. Мне кажется, она особенно полезна для исследования стабильных или медленно изменяющихся элементов общества, которые пока изучены и объяснены недостаточно в силу массового распространения транзитологии в данном регионе. А теория зависимости от первоначально избранного пути позволяет увидеть проблему в реальной исторической перспективе (а не в той упрощенной версии, которую используют Дэвид Старк³ и другие).

— **Таким образом, получаются сетевой подход и теория зависимости от первоначально выбранного пути, взятая в историческом ракурсе.**

— Обе теории работают на мезоуровне. Первая — структуралистская, вторая — историческая. И обе они в определенном смысле институциональные. Я бы сказал, обе являются частью институциональной социологии.

— **До сих пор Вы говорили о Ваших собственных интересах в рамках экономической социологии. А каковы, на Ваш взгляд, основные направления современной венгерской экономической социологии, какие подходы в ней пользуются наибольшим методологическим и теоретическим влиянием?**

— Новый институционализм в его различных ипостасях. Что еще? Плодотворно развивается структуралистская социология, особенно в исследовании индустриальных районов [industrial

² Wellman B., Berkowitz S.D. (eds.). Social Structures: A Network Approach. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1988; Norwood, NJ: Ablex Pub., 1996; Greenwich, CT: JAI Press, 1997.

³ См., например: Stark D. Ambiguous Assets for Uncertain Environments: Heterarchy in Post-Socialist Firms // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 2. С. 7—34, а также перевод статьи: Старк Д. Гетерархия: неоднозначность активов и организация разнообразия в постсоциалистических странах // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 2. С. 115—132; или в кн: Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 47—95.

(districts] и социального капитала как формы некоммерческого сектора. Я думаю, в Венгрии также развивается традиционная экономика труда, ведется социологическое исследование проблем, скрытых в стратегиях хозяйственной жизни и домашнего производства [domestic production].

— А существует ли четкая грань между экономикой труда [labor economics] и социологией труда [sociology of work]?

— Социология труда очень традиционна, она никуда не ведет. А экономика труда хорошо развита в Венгрии. Мне кажется, это неравновесные направления.

— **Вы имеете в виду экономику труда в неоклассическом понимании?**

— Нет, не в обычном неоклассическом понимании. Экономика труда открыта и для модификаций институционального характера. Это не только экономическая теория. У нас — молодых политологов и социологов — в свое время были неплохие шансы найти что-то интересное в социологии и политике.

— Если взять последние, скажем, три-четыре года, какие книги или статьи показались Вам наиболее интересными, важными, может быть, что-то натолкнуло Вас на какие-то новые мысли? Речь идет не о классике, а о последних работах.

— Есть, например, очень хороший сборник под редакцией Рея Пала.

— **Вы имеете в виду «О труде»? Но это было в середине 1980-х годов, т.е. почти пятнадцать лет назад⁴.**

— Да, Вы правы. Но в любом случае это очень хороший сборник. А из других работ — «Рынки и иерархии» Уильямсона⁵, «Социальный капитал» Нэн Лин [Nan Lin]⁶.

— Да, эта книга вышла недавно.

— Опять же, книга о подпольной экономике [underground economy] под редакцией Эдварда Фейджа [Edward Feige]⁷.

— **Это та, что написана вместе с Катариной Отг?**

— Нет, это новая. А первое издание появилось в начале 1990-х годов. Что еще? Я не могу так сразу сказать, мне надо подумать.

— **Да, это один из наиболее трудных вопросов.**

— Вот, пожалуй, еще «Хрестоматия по экономической социологии» [Handbook of Economic Sociology]⁸.

— **Под редакцией Смелсера и Сведберга?**

— Да. Это ключевая вещь. И мне она действительно понравилась. В ней много нового. Затем работа по структуралистской социологии Берковича и Велмана (я уже упоминал ее). И «Структурные пустоты» Рональда Бёрта⁹.

— **Да, но это опять-таки начало 1990-х годов. Теперь она уже стала классикой. А если взять са-**

⁴ Pahl R. (ed.). On Work. Historical, Comparative and Theoretical Approaches. Oxford: Basic Blackwell, 1988.

⁵ Williamson O.E. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. N.Y.: The Free Press, 1975.

⁶ Lin N. Social Capital: A Theory of Social Structure and Action. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

⁷ Feige E.L. (ed.). The Underground Economies: Tax Evasion and Information Distortion. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1989; Feige E.L. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach // World Development. 1990. Vol. 18. No. 7. 1990. С. 989—1002.

⁸ Smelser N., Swedberg R. (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.

⁹ Burt R.S. Structural Holes: The Social Structure of Competition. Cambridge: Harvard University Press, 1992.

мы свежие работы? Я знаю, что это непростою вопрос. И почти все называют разные имена и разные книги.

— Вот, есть еще новая книга о социальном капитале, изданная Всемирным банком. Авторы — И. Шерагелдин и П. Дасгупта¹⁰. Это новая, чрезвычайно интересная работа.

— А было ли что-то среди недавно опубликованных работ, что удивило Вас или привлекло внимание, показалось неожиданным? **Может быть, что-то выходило в Венгрии?**

— О, много всего. Но мне трудно сейчас сказать.

— **Вопрос по поводу будущего. Какие области исследований и какие методологические направления экономической социологии кажутся Вам наиболее перспективными? Что бы Вы порекомендовали Вашим аспирантам?**

— Во-первых, исследования миграции. В начавшемся столетии это будет весьма актуальной проблемой. Миграция в контексте глобализации, в контексте новых технологий, в контексте стратегической политики [policy format]. Появляются новые международные агенты, и это прекрасный пример для анализа хозяйственного поведения. Ведь в процессе миграции акторы меняют абсолютно все. Например, возникает такой вопрос: от чего зависит успех мигранта? Или вопрос социального и политического характера: что более вероятно — ассимиляция или интеграция мигрантов? На все эти вопросы еще предстоит ответить.

Во-вторых, это правда, что домашнее производство как форма хозяйства отстывает в прошлое. Соответственно встает вопрос о том, какие новые формы производственных систем будут развиваться. И именно по этой причине в качестве единицы анализа избирается фирма.

Важны также исследования деформализации [informalization] и различных форм увеличения гибкости [flexibilization]. Речь идет не просто об увеличении гибкости труда, но и об увеличении его гибкости в домашнем хозяйстве и на рынке труда. Интересны вопросы глобализации капитала, индустриальных районов, сокращения размеров производства, модификации системы привлечения внешних ресурсов [outsourcing], интересна культура этих новых форм. Это требует согласованных международных исследований.

— **А неформальная экономика? Насколько я помню, это одна из Ваших основных тем?**

— Да, я уже говорил о деформализации. Мне кажется, что та классическая неформальная экономика, что возникла в зазоре между формальной и неформальной экономикой в развивающихся странах, долго не просуществует. Зазор уменьшается, ножницы скоро сомкнутся. Но в западных странах возникли новые неформальные образования —

по мере того, как они экспериментируют в процессе поиска новых решений. Поэтому мне кажется, в условиях всемирных изменений такой дуалистиче-

¹⁰ Dasgupta P., Serageldin I. (eds.). Social Capital: A Multifaceted Perspective. Washington, DC: World Bank, 2000.

ский подход к делению на формальную и неформальную экономیکی долго не продержится. Возникают новые формы права и общества, они взаимопереплетаются, делятся на множество сегментов. С институциональной точки зрения они хрупки и непостоянны, с ними труднее управляться. Однако их исследование оказывается более полезным, нежели прежние исследования неформальной экономики.

— **Вопрос на несколько другую тему, которая должна быть интересна российским экономосоциологам. Не могли бы Вы вкратце рассказать о венгерском панельном исследовании домохозяйств?**

— Разумеется. Панель организовали два выдающихся венгерских социолога — Рудольф Андорка [Rudolf Andorka] и Тамаш Колоши [Tamas Kolosi]. Они были весьма влиятельны даже при коммунизме (точнее, это был не коммунизм, а социализм). Я работал с Колоши в Институте социальных наук Центрального Комитета Венгерской Коммунистической рабочей партии. Тогда мы провели первое исследование домохозяйств. Это еще не была лонгитюдная панель, но именно тогда, в 1986 г. мы провели сплошной опрос членов вошедших в выборку домохозяйств. Тогда мы разработали базовый вопросник, в котором затронули все основные проблемы. Затем в лонгитюдном исследовании домохозяйств эти вопросы были использованы в доработанной форме. Как только мы собрали информацию, был учрежден независимый неправительственный исследовательский фонд — Национальный исследовательский фонд Венгрии [National Research Fund of Hungary]. Р. Андорка стал его председателем (он и Колоши были тогда в очень хороших отношениях).

— **Оба занимались исследованиями стратификации и мобильности.**

— Совершенно верно. Так что им удалось собрать огромную сумму денег, которой хватило на то, чтобы начать исследование и провести первые три волны. А в соответствии со стандартами панельных исследований этого достаточно, чтобы начать проект.

— **Когда оно было начато?**

— Первая волна прошла в 1992 г. Затем было еще шесть волн, последняя — в 1998 г. К тому времени у нас закончились деньги. Первоначально в выборку вошло примерно 2 тыс. домохозяйств (6 тыс. человек). К 1998 г. она сократилась примерно в два раза, но это нормально. И чтобы двигаться дальше, для сохранения репрезентативности нам приходилось пополнять выборку домохозяйств.

Когда я работал в Институте социальных наук, существовала целая сеть панельных исследований (ее ядро располагалось в Люксембурге). Я провел также несколько месяцев в Колчестере (Эссекский университет, Великобритания) — организационном центре британского панельного исследования домохозяйств [British Household Panel Survey].

— **Да, я помню, мы с Вами встречались в круглом здании этого Центра много лет назад.**

— Совершенно верно. Там я изучил технические детали, необходимые для успешного проведения панельного исследования домохозяйств. Чему-то мы научились и у немцев (тогда — ГДР) — у них тоже

была панель. Это определило содержание примерно двух третей вопросов (сюда входит вопросник для домохозяйств и вопросник для индивидов). Содержание оставшейся трети, особенно в первой волне, определялось рынком. Эту треть нам удалось продать.

— **Наподобие omnibusного исследования?**

— Да, примерно. Но это не было настоящим omnibusом, потому что эта треть — лишь малая часть, и удалось продать лишь немного. Наше исследование стоило дороже, чем стандартное omnibusное исследование. Тем не менее какие-то расходы мы таким образом покрыли. Здесь не было особых стандартов.

— **Получается, что исследование на 100% было профинансировано Национальным исследовательским фондом Венгрии? У вас не было внешних, международных источников финансирования?**

— Нет. За исключением тех нескольких месяцев, что я провел в Колчестере. Они были профинансированы Фондом Ноу-хау [Know-Now Fund]. Но это было вложение в человеческий капитал.

— **Интересно. Например, аналогичный российский мониторинг, RLMS, целиком был осуществлен на американские деньги.**

— Нет, у нас ничего подобного не было.

— **А насколько активно полученными данными пользовались венгерские и зарубежные исследователи?**

— Активно. Ими пользуются и сейчас. Я помню, что в то время их активно использовал Всемирный банк для своих исследований бедности. Были также запросы и от венгерских исследователей. В какие-то годы (например, с 1993 по 1996 г.) это были единственные доступные нам данные. Обычно мы анализировали данные в ноябре. В январе мы передавали их парламентским комитетам. Их использовали также министерства, занимающиеся социальными вопросами и вопросами семьи. Сейчас эти данные становятся уже историей, и их используют главным образом аспиранты для своих диссертаций. Теперь больше внимания уделяется техническим деталям. Впрочем, даже сейчас иностранцы обращаются за ними.

— **Тогда почему же все остановилось? Как я понял, у вас закончились деньги. А как же поддержка государства, международных организаций?**

— Возможно, мы недостаточно умело занимались поисками источников финансирования. Я тогда руководил исследовательским подразделением. Кое-что мне удалось продать, но не особенно много. А потом Андорка умер.

— **Да, я знаю.**

— **А Колоши ушел в бизнес.**

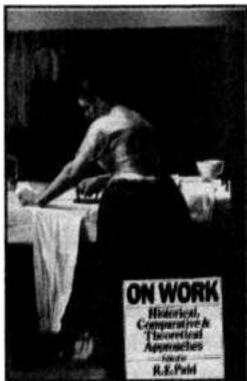
— **В самом деле?**

— Он по-прежнему работает в TARKI¹¹, но для получения международной поддержки это уже не играет особой роли. Россия более важна для международного рынка. Венгерская трансформация не так важна. Это маленькая страна.

— **Большое спасибо.**

¹¹ Подробнее см.: <http://www.tarki.hu>

- Sik E.* Family, Household and Inter-household Network Coping with Economic Crises [Семья, домохозяйство и сети межхозяйственных отношений в период преодоления экономических кризисов]. Препринт WP4/2002/02. М.: ГУ ВШЭ, 2002. http://www.hsc.ru/science/preprint/WP4_2002_02.htm
- Sik E.* «Slave Market» on the Moscow Square // The Social Impact of Informal Economies in Eastern Europe / Ed. by R. Neef, M. Stanculescu. Ashgate: Aldershot, 2002. P. 231–247.
- Sik E.* The Urban Informal Economy in Contemporary Mongolia // Working paper commissioned by UNDP and ИЛО. 2001.
- Sik E.* The Spatial Distribution of Informal Marketplaces and Informal Foreign Traders in Contemporary Hungary // Underground Economies in Transition / Ed. by E.L. Feige, K. Ott. Ashgate: Aldershot, 1999. P. 275–306.
- Sik E.* Measuring the Unregistered Economy in Post-Communist Transformation // Eurosocial Report. 1995. No. 52.
- Sik E.* Network Capital in Capitalist, Communist and Post-Communist Societies // International Contributions to Labour Studies. 1994. No. 4. P. 73–93.
- Sik E.* From Multicolored to Black and White Economy // International Journal of Urban and Regional Research. 1994. Vol. 18. No. 4. P. 46–70.
- Sik E.* Reciprocal Exchange of Labour in Hungary // On Work. Historical, Comparative & Theoretical Approaches / Ed. by R.E. Pahl. Oxford: Blackwell, 1988.
- Sik E., Remond G.* Coping Strategies in Central European Countries // Poverty in Transition Economies / Ed. by S. Hutton, G. Redmond. L.: Routledge, 2000. P. 266–287.
- Sik E., Wallace C.* The Development of Open-air Markets in East-Central Europe // International Journal of Urban and Regional Research. 1999. Vol. 23. No. 4. December. P. 697–714.
- Sik E., Wellman B.* Network Capital in Capitalist, Communist and Post-Communist Countries: The Case of Hungary // Networks in the Global Village / Ed. by B. Wellman. Boulder, CO: Westview, 1999. P. 225–254.
- Sik E. et al.* Hidden Economy in Hungary: Hidden Economy As It Is Seen Through the Households. Budapest: Hungarian Central Statistical Office, 1998.
- Fullerton M., Sik E., Toth J.* (eds.). From Improvisation Toward Awareness? Contemporary Migration Politics in Hungary. Budapest, 1997.
- Adelman Y., Sik E., Tessenyi G.* (eds.). The Genesis of a Domestic Regime: The Case of Hungary. Toronto: York Lane Press, 1994.
- Sik E., Tarjanyi J., Zavec T.* The Sociological Characteristics of Refugees // The Genesis of a Domestic Regime: The Case of Hungary / Ed. by Y. Adelman, E. Sik, G. Tessenyi. Toronto: Toronto York Lane Press, 1994. P. 25–38.

Джордж Акерлоф¹

25 сентября 2001 г.

«Наша задача — взять упрощенную модель мира, а затем всячески усложнять и достраивать ее».

Джордж Акерлоф, автор знаменитой статьи «Рынок «лимонов»², не является экономсоциологом. Это экономист, известный своими попытками вовлечения социологических переменных в неоклассический экономический анализ и когда-то назвавший свой подход «психо-социо-антропо-экономикой».

Наша беседа состоялась в его рабочем кабинете на следующий день после конференции по новой институциональной экономике в Беркли (США), где он выступил с большим докладом, посвященным попытке интегрировать в экономическую модель социологическую категорию идентичности. Акерлоф оказался очень живым человеком, действительно проявляющим интерес к весьма широкому кругу явлений. Вскоре после нашей беседы он получил Нобелевскую премию по экономике. Интересно, как бы выглядело данное интервью после получения премии...

¹ Дж. Акерлоф [George Akerlof] — нобелевский лауреат (2001 г.), профессор экономики в Университете Калифорнии в Беркли, США.

² Акерлоф Дж. Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 91—104. <http://ec-socman.edu.ru/thesis>; Akerlof G.A. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // Quarterly Journal of Economics. 1970. Vol. 84. No. 3. August. P. 488—500.

— На пленарном заседании последней конференции Международного общества новой институциональной экономики [ISNIE] Вы представили работу «Экономика образования: чему можно научиться у социологии». Если говорить не об этом конкретном выступлении, а поставить вопрос несколько шире: чем Вам как экономисту может быть полезна социология?

— Я думаю, что для экономистов, пожалуй, самой важной темой являются экономические модели. А социологи, как мне представляется, смотрят не просто на денежные модели, а на то, что самим людям кажется наиболее важным. Самое главное для меня из того, чему я могу научиться у социологии, — это ее внимание к идентичности [identity]. Я думаю, это один из факторов, который считается ключевым в социологии и которому экономисты пока не уделяли достаточного внимания. Это одна из тех категорий, которых недостает экономической теории и математике. Экономисты, когда вообще ее замечают, делают неверные предсказания. Вероятно, для экономики организаций исследование вопросов идентичности может стать особым направлением развития и позволить по-новому увидеть теорию принципала — агента [principal — agent theory]. Ведь эта теория утверждает, что люди должны получать вознаграждение в соответствии с чем-то измеряемым, т.е. в соответствии со своим вкладом, поскольку он может быть измерен. Но загвоздка в том, что когда мы так поступаем, встает проблема внешней и внутренней мотивации [extrinsic and intrinsic motivation], можно сказать, что следование теории принципала — агента задевает людей и оскорбляет их идентичность. И вероятно, не стоит делать того, что предписывает нам стандартный экономический анализ, т.е. не стоит определять вознаграждение человека на основании его трудового вклада. Многие считают, что способы вознаграждения людей и способы их деления на группы гораздо более замысловаты.

— Вы известны как экономист с очень широким кругом интересов, в который входит и социология. За какой литературой по социологии Вам удастся следить — пусть не подробно, но хотя бы в общих чертах?

— Думаю, это началось с посещения нескольких университетских курсов по социологии. Если бы меня попросили назвать моих любимых социологов, пожалуй, я бы назвал Р. Мертона [Robert Merton] и Дж. Хоманса [George Homans]. Мне кажется, что работа, которой я занимаюсь, представляет собой попытку инкорпорировать социологию в экономический анализ. И в процессе этой работы я, вероятно, поступаю так же, как и большинство социологов. В принципе, я знаком с основами и классикой социологии. А с чего я обычно начинаю — например, если взять тему идентичности, — я читаю все, что могу, по этой теме.

— В одной из своих последних работ Вы ссылаетесь также на социологов Джеймса Коулмана [James Coleman] и Криса Дженкса [Chris Jencks], хотя это связано с конкретными проблемами образования. Если я не ошибаюсь, Вы впервые затронули вопрос о более общей психо-социо-антропо-экономической теории 17 лет назад, в своей «Книге сказок экономического-теоретика»³. Как бы Вы назвали этот предмет сегодня?

³ Akerlof G.A. An Economic Theorist's Book of Tales: Essays that Entertain the Consequences of New Assumptions in Economic Theory. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1984.

— Думаю, здесь уже возникла некая целостность, которая называется бихевиористской экономической теорией. И насколько я вижу, помимо меня в этом направлении работает много других людей. Это превратилось в одну из развитых областей. Буквально сегодня я разговаривал с Робертом Кингом [Robert King], который организует конференцию при поддержке журнала по монетарной экономике [Journal of Monetary Economics] и бихевиористской макроэкономике. Так что есть и такие конференции... Мне кажется, это одно из наиболее важных и интересных направлений в экономической теории. Полагаю, что когда я писал ту самую «Книгу сказок», нас (людей, которые этим занимались) было очень мало, и не уверен, что мы тогда вообще были знакомы друг с другом. А сейчас люди, которым занимались этим и раньше, как-то объединились.

— **Некоторые говорят, что между экономической теорией и социологией есть своего рода разделение труда: социологи производят интересные данные этнографического характера и ставят интересные проблемы, которые расширяют круг исследуемых вопросов, но при этом они не располагают адекватной методологией, чтобы ответить на эти вопросы, — это уже скорее прерогатива экономистов.**

— По моему мнению, экономисты слишком увлекаются статистическими методами. Они считают свою работу очень научной, потому что в ней много математики и статистики. А мне кажется, что есть немало наук, в которых математика и статистика не используются вовсе. Вместо этого внимание уделяется более детальному исследованию отдельных объектов. И когда мы добираемся до структур индивидуального уровня, подобных, например, кристаллам, мы можем представить себе и общую структуру целого. Примеры такого анализа есть в химии или, даже в большей степени, в биологии, — например, когда люди занимаются изучением ДНК. Возьмите антропологов и социологов — их работа заключается в проведении этнографических исследований, изучении вещей в мельчайших подробностях. А причина, почему следует поступать именно таким образом, почему именно эта методология может оказаться верной, состоит в том, что, подобно случаю с ДНК, мы увидим, каким образом индивидуальные объекты воспроизводят самих себя. В конце концов, в обществе мы исследуем то, что воспроизводится в рамках сообществ [communities]... Чтобы какие-то единицы были способны к воспроизводству, у них должны быть общие характеристики. И неважно, каким образом и что именно мы исследуем: полагаю, используя аналогию с биологическими клетками, когда мы углубляемся в изучение человеческого тела, — у всех у нас есть ДНК... То же касается и социальных организаций, исследования их сущности. Если вы изучаете вещи в мельчайших подробностях, вы в результате узнаете их основополагающие черты.

Мне кажется, преимущество социологических и антропологических исследований во многом состоит в том, что они обнаруживают эти детали. А экономисты склонны полагать, что мы должны изучать

некие статистические общности. Конечно, могут сказать, что наилучший путь — использовать все доступные нам методы исследования.

Но, думаю, экономисты видят процессы слишком сглаженными. По моему, они еще не поняли, что изучая вещи в самых мельчайших подробностях, можно увидеть их общую структуру, а в ней — то, что позволяет ей воспроизводиться.

— А как бы Вы оценили влияние новой институциональной экономики на развитие этого процесса? И вообще, каково ее влияние на основное течение экономической теории?

— Новая институциональная экономика пытается реализовать именно эту цель. У нас теперь гораздо более объемное видение того, как действуют социальные институты, — именно благодаря новой институциональной экономике. Особенно благодаря трудам Оливера Уильямсона [Oliver Williamson] (я все-таки работаю в Беркли). Похоже, в них заложено много ключевых позиций для экономической теории.

— Возможно, Вы знаете, что Ваша знаменитая статья «Рынок «лимонов»» была переведена на русский язык в начале 1990-х годов. Она привлекла внимание не только экономистов, но и экономсоциологов. В связи с этим, какие, по Вашему мнению, работы экономистов могли бы быть интересны социологам и которые экономсоциолог обязательно должен прочесть? Я имею в виду недавно написанные работы, не классику.

— Первое, что приходит на ум, — это работы Дэниэля Канемана и Амоса Тверски⁴. Есть интересные работы Мэтью Грейвена⁵ о честности в играх. В них пишется, что люди охотно улыбаются тем, кто улыбается им, и склонны вести себя грубо с теми, кто грубит им самим. Мне кажется, интересны работы по теории принципала — агента.

Экономическая теория хороша тем, что она порождает интересные нулевые гипотезы. Одна из них заключается в том, что люди в принципе беспокоятся преимущественно о себе (хотя это только одна из гипотез). Люди беспокоятся о себе, но при этом чувствительны к действиям окружающих. Думаю, эта гипотеза полезна и социологам — ведь здесь им есть что сказать. Потому что значительная часть социологии как раз о том, что люди не просто пекутся исключительно о своем благе. Она прежде всего изучает группы и групповые взаимодействия. А с другой стороны, она анализирует то, как формируются личность и вкусы людей. Экономисты в какой-то степени занимаются подобными исследованиями, но мне кажется, в большинстве своем мы исходим из того, что вкусы неизменны...

Что, по моему мнению, важно для социологии, но еще не привлекло достаточного ее внимания, — это работа Мертона о бюрократической личности⁶. Мне кажется, она имеет принципиальный характер.

⁴ Kahneman D., Tversky A. On the Reality of Cognitive Illusions // Psychological Review. 1996. Vol. 103. No. 3. July. P. 582—589; Kahneman D., Tversky A. Loss Aversion in Riskless Choice: A Reference-Dependent Model // The Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106. No. 4. November. P. 1039—1064; Tversky A., Slovic P., Kahneman D. The Causes of Preference Reversal // The American Economic Review. 1990. Vol. 80. No. 1. March. P. 204—218.

⁵ См., например: Graven M.P. Statements and Payments // PC Magazine. 2000. July; и его другие статьи в этом журнале.

⁶ Merton R. Bureaucratic Structure and Personality // Social Forces. 1940. Vol. 18. P. 560—568; Merton R. et al. (eds.). Reader in Bureaucracy. Glencoe, IL: Free Press, 1952.

Экономисты не осознают идею о том, как формируется личность, которая столь внушительно представлена у Мертона.

Еще одна интересная статья, точнее, серия статей — это работы Дэвида Лейбсона о гиперболических скидках⁷, а также его статья о намеках⁸. Суть последней в том, что когда люди получают какой-то намек, исходный толчок, они зачастую начинают поступать так, как, возможно, не поступили бы, не будь этого толчка, причем выбирают путь, который, вполне вероятно, даже не является для них наиболее выгодным.

— **И еще один вопрос. Если говорить о будущем, какие предметные области кажутся Вам наиболее перспективными для мультидисциплинарного анализа?**

— Пожалуй, начну с того, над чем я сейчас работаю (а работаю я над этим, наверное, потому, что мне это кажется перспективным). Так вот я изучаю вопросы инкорпорирования идентичности в экономическую теорию. Это ведь мультидисциплинарная проблема? Впрочем, мне самому это не вполне ясно. Потому что отчасти я занимаюсь переводом на язык экономистов того, что сделано социологами. А социологи в глубине души признают, что это их терминология. И неудивительно, что здесь у них возникает ответная реакция: «мы всегда это знали». Мне кажется, такая реакция социологов естественна. Но, наверное, ответ состоит в том, что людям полезно узнать то, что они знали всегда. Именно поэтому, например, я и написал статью об образовании — ту самую, что Вы упоминали. Хотя эта статья является, в сущности, обзором литературы. И я не знаю, есть ли какие-либо социологические концепции, которые связывали бы воедино все разрозненные части процесса образования.

Экономисты нацелены на построение моделей. И у этого есть свои основания. Польза же моделей заключается в том, что они позволяют упрощенно взглянуть на мир. Многие думают, что это неправильно — видеть упрощенную картину мира. Однако такой вариант хорош в качестве отправной точки. Упрощенное видение мира заключается в том, что человек предстает в виде скелета. И для каких-то целей такое представление полезно. Наша задача — взять упрощенную модель мира, а затем всячески усложнять и достраивать ее. Своего рода наживление мяса на кости.

— **Путем добавления новых переменных...**

— Да. И мы можем увидеть, как каждая из этих переменных вырастает из некоей основы-скелета. И что еще хорошо в таком подходе —

так это то, что вы можете повесить на скелет все что угодно. И увидеть, как себе это представляют разные люди. Ведь маленькие девочки, в сущности, играют с такими же моделями: у них есть модель человеческого тела, и они наряжают его в разные одежды.

— **А игра постепенно все более усложняется.**

— Совершенно верно. Думаю, именно таким образом и следует воспринимать любую хорошую мо-

⁷ Laibson D. Life-Cycle Consumption and Hyperbolic Discount Functions // European Economic Review. 1998. Vol. 42. No. 3—5. May. P. 861—871; Laibson D. Golden Eggs and Hyperbolic Discounting // The Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112. No. 2. May. P. 443—478.

⁸ Laibson D. A Cue-Theory of Consumption // The Quarterly Journal of Economics. 2001. Vol. 116. No. 1. February. P. 81—120.

дель. Модель — это нечто, от чего вы отталкиваетесь, это такая же игрушка. Вы надеваете на нее разные одежды и видите, сколь разные получаются результаты. Это одна причина использования моделей. Но есть и другая причина. Работа экономистов (и, возможно, так же работают большинство или даже все исследователи) заключается в том, что у нас есть свои представления о тех или иных вещах. Эти представления кодифицированы в терминах наших моделей. А в них центральное место занимают цены и мотивы. Экономисты уделяют этим переменным больше внимания, чем не-экономисты. Мы склонны воспринимать вещи только с точки зрения цены и денежной политики, т.е. политики, имеющей в своей основе денежные мотивы. Мы не думаем (или редко думаем) о политике с точки зрения социологических мотивов или проблем идентичности.

— **Потому что их сложно измерить?**

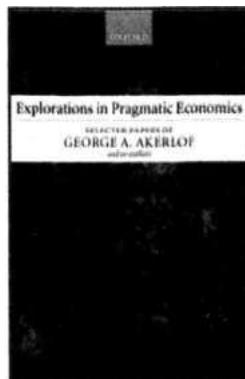
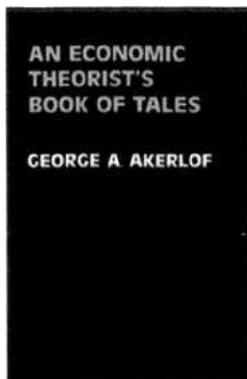
— Да, наверное, поэтому. Впрочем, нет, не только потому, что их сложно измерить. А потому, что они попросту блокируют наши модели. И сейчас, когда я прочел книги по социологии, где говорится об идентичности, я могу объяснить, что это такое в терминах экономической теории. Я говорю: «Да, здесь дело касается вкусов людей». Экономисты же до последнего времени не понимали, как формируются эти вкусы или эти идентичности. И возможно, это была одна из потенциально наиболее важных стратегических переменных для изучения разных стран, фирм, школ, практически любой другой организации. Речь идет о том, как люди определяют себя относительно данной страны, фирмы, школы или некоммерческой организации. Видимо, это не менее важно, чем мотивационные структуры, представленные в денежной терминологии.

Мне кажется, одна из причин, почему следует развивать модели, которые объединяли бы социологию и экономическую теорию, и почему это может быть интересно для социологов, состоит в том, что в социологии существует заметная тенденция к более позитивному восприятию так называемой рациональной парадигмы экономистов. Но если социологи к этому придут, тогда им придется отказаться от многого из того, на что они потратили как минимум целое столетие, исследуя области, для которых рациональная парадигма не вполне подходит. Поэтому одна из причин возможной заинтересованности социологов в инкорпорировании социологии в экономическую теорию заключается именно в том, что социологи едва ли станут отказываться от тех важных и замечательных вещей, которые ими уже открыты.

— **Большое спасибо.**

- Akerlof Дж.* Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 91–104. <http://ecsocman.edu.ru/thesis>
- Akerlof G.A.* Explorations in Pragmatic Economics: selected papers of George A. Akerlof (and co-authors). Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Akerlof G.A.* Behavioral Macroeconomics and Macroeconomic Behavior // American Economic Review. 2002. Vol. 92. No. 3. June. P. 411–434.
- Akerlof G.A.* Economics and Identity // Quarterly Journal of Economics. 2000. Vol. 115. No. 3. August. P. 715–754.
- Akerlof G.A.* Near-Rational Wage and Price Setting and the Long-Run Phillips Curve; Comments and Discussion // Brookings Papers on Economic Activity. 2000. No. 1. P. 1–60.
- Akerlof G.A.* Men without Children // The Economic Journal. 1998. Vol. 108. No. 47. March. P. 287–310.
- Akerlof G.A.* Social Distance and Social Decisions // Econometrica. 1997. Vol. 65. No. 5. September. P. 1005–1028.
- Akerlof G.A.* New Mothers, Not Married // The Brookings Review. 1996. Vol. 14. No. 4. Fall. P. 18–22.
- Akerlof G.A.* The Macroeconomics of Low Inflation // Brookings Papers on Economic Activity. 1996. No. 1. P. 1–76.
- Akerlof G.A.* Procrastination and Obedience // American Economic Review. 1991. Vol. 81. No. 2. May. P. 1–19.
- Akerlof G.A.* Rational Models of Irrational Behavior // American Economic Review. 1987. Vol. 77. No. 2. May. P. 137–143.
- Akerlof G.A.* An Economic Theorist's Book of Tales: Essays that Entertain the Consequences of New Assumptions in Economic Theory. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1984.
- Akerlof G.A.* Gift Exchange and Efficiency-Wage Theory: Four Views // American Economic Review. 1984. Vol. 74. No. 2. May. P. 79–84.
- Akerlof G.A.* Loyalty Filters // American Economic Review. 1983. Vol. 73. No. 1. March. P. 54–64.
- Akerlof G.A.* The Short-Run Demand for Money: A New Look at an Old Problem // American Economic Review. 1982. Vol. 72. No. 2. May. P. 35–40.
- Akerlof G.A.* Pitfalls in Markov Modeling of Labor Market Stocks and Flows // Journal of Human Resources. 1981. Vol. 16. No. 1. Winter. P. 141–152.
- Akerlof G.A.* The Economics of «Tagging» as Applied to the Optimal Income Tax, Welfare Programs, and Manpower Planning // American Economic Review. 1978. Vol. 68. No. 1. March.
- Akerlof G.A.* The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // Quarterly Journal of Economics. 1970. August. P. 488–500.
- Akerlof G.A., Yellen J.L., Katz M.L.* An Analysis of Out-of-wedlock Childbearing in the United States // Quarterly Journal of Economics. 1996. Vol. 111. No. 2. May. P. 277–318.
- Akerlof G.A., Romer P.M., Hall R.E., Mankiw G.N.* Looting: The Economic Underworld of Bankruptcy for Profit // Brookings Papers on Economic Activity. 1993. No. 2. P. 1–60.
- Akerlof G.A. et al.* East Germany in from the Cold: The Economic Aftermath of Currency Union; Comments and Discussion // Brookings Papers on Economic Activity. 1991. No. 1. P. 1–87.

- Akerlof G.A., Yellen J.L.* The Fair Wage-Effort Hypothesis and Unemployment // *Quarterly Journal of Economics*. 1990. Vol. 105. No. 2. May. P. 255–284.
- Akerlof G.A., Yellen J.L.* Fairness and Unemployment // *American Economic Review*. 1988. Vol. 78. No. 2. May. P. 44–50.
- Akerlof G.A., Yellen J.L.* Efficiency Wage Models of the Labor Market. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1986.
- Akerlof G.A., Yellen J.L.* Can Small Deviations from Rationality Make Significant Differences to Economic Equilibria? // *American Economic Review*. 1985. Vol. 75. No. 4. September. P. 708–722.
- Akerlof G.A., Yellen J.L.* Unemployment Through the Mirror of Memory // *Quarterly Journal of Economics*. 1985. Vol. 100. No. 3. August. P. 747–774.
- Akerlof G.A., Dickens W.T.* The Economic Consequences of Cognitive Dissonance // *American Economic Review*. 1982. Vol. 72. No. 3. June. P. 307–320.
- Akerlof G.A., Main B.G.M.* An Experience-Weighted Measure of Employment and Unemployment Durations // *American Economic Review*. 1981. Vol. 71. No. 5. December. P. 1003–1022.
- Akerlof G.A., Main B.G.M.* Unemployment Spells and Unemployment Experience // *American Economic Review*. 1980. Vol. 70. No. 5. December.
- Akerlof G.A., Milbourne R.D.* The Short Run Demand for Money // *Economic Journal*. 1980. Vol. 90. No. 360. December.
- Akerlof G.A., Main B.G.M.* Maximum Likelihood Estimation with Pooled Observations: An Example from Labor Economics // *International Economic Review*. 1980. Vol. 21. No. 3. October.

Оливер Уильямсон¹

20 сентября 2001 г.

«Мне кажется, делать прогнозы, ясные с логической точки зрения, гораздо труднее, чем многие себе представляют. И эмпирическая проверка — не такое простое занятие, как его себе многие представляют».

Оливер Уильямсон — один из двух (наряду с Д. Нортон) бесспорных лидеров новой институциональной экономической теории. Его труды стали объектом массивной критики со стороны новых институционалистов в экономической социологии и одновременно широких заимствований с их стороны. Сам же он относится к экономической социологии весьма критично. Мы встретились в здании Школы бизнеса в Беркли (где преподает Уильямсон) после завершения очередной ежегодной конференции Международного общества новой институциональной экономики (ISNIE), президентом которой он на тот момент являлся. Уильямсон рассказал, что накануне он баллотировался в местный суд на место присяжного, но не был избран. В итоге он испытал смесь облегчения (не нужно будет тратить время на заседания в суде) и легкой досады (видимо, воспринимал это достаточно серьезно).

— Несколько дней назад прошла ежегодная конференция Международного общества новой институциональной экономики, и на ней впервые работала специальная секция по экономической социологии, на которую были приглашены Марк Грановеттер и Ричард Сведберг. Вы президент этого Общества, и, вероятно, идея организации такой секции принадлежала Вам?

— Нет, ее организовал Виктор Ни [Victor Nee]. Сам он не смог при-

сутствовать². Но Виктор активно участвует в работе Общества, и мы приглашаем к участию в нем социологов. Поэтому мы были рады, когда Виктор взял инициативу на себя. Да, это не было моим предложением, это была идея Виктора. Я был в программном комитете. И обрадовался, когда увидел, что удалось организовать такую секцию. Но напрямую я этим не занимался.

¹ О. Уильямсон [Oliver Willamson] — почтенный профессор бизнеса, экономики и права в бизнес-школе Хаас Университета Калифорнии в Беркли, США.

² Конференция состоялась спустя несколько дней после трагических событий 11 сентября 2001 г. — террористической атаки на Всемирный торговый центр и Пентагон, и многие участники не смогли прибыть на конференцию. — Прим. науч. ред.

— Хотя Вы и не являетесь экономическим социологом, но внесли серьезный вклад в развитие экономической социологии, на Вас здесь очень много ссылаются. Есть и немало критики. Следите ли Вы за какой-то литературой по экономической социологии?

— Избирательно. Я стараюсь следить за тем, что кажется мне серьезной критикой, за тем, что говорят люди, и с учетом того, насколько моя работа вписывается в общее направление. Но я не прилагаю особых усилий к тому, чтобы быть в курсе всего и чутко реагировать абсолютно на все замечания.

— В работе упомянутой секции по экономической социологии, которую Вы возглавляли, принимал участие Марк Грановеттер. В 1985 г. он написал свою знаменитую статью об укорененности³ — в ней содержится определенная критика в Ваш адрес. И сейчас он выступал с довольно критических позиций по отношению к Вашему подходу. Вы согласны хотя бы с какими-то из его замечаний? Насколько серьезными они Вам кажутся?

— С одной стороны, мне кажется, что социологии есть что привнести в исследование экономических организаций. В частности, думаю, мой интерес и мой подход к изучению экономических организаций были бы иными, если бы я не учился у Дирка Киерта [Dirk Cyert], не слушал лекции Герберта Саймона [Herbert Simon], Джеймса Марча [James March] и других авторов, занимающихся исследованием фирмы. Мне кажется, это интересная область знания в социальных науках. Например, в моих работах по экономической теории транзакционных издержек я исходил из того, что контекст, фон [background conditions] — это вещи очевидные. А социологи приходят и говорят, что это не так, что они различаются, и эти различия важны. И что если вы имеете дело с высокоразвитыми культурами, вы можете делать то, что невозможно в условиях существования менее развитых культур. Мне кажется, это верно. И я не стал бы этого оспаривать. Напротив, это полезные взгляды, и их следует иметь в виду.

В целом я думаю, что экономика организаций должна присматриваться к любым закономерностям — где бы они ни проявлялись. Если вы рассказываете мне об организации то, чего я еще не знаю, то это оказывает влияние и на мое исследование контрактных отношений в организации. Я хочу этому научиться. И когда я это пойму, возможно, увижу способы инкорпорировать эту идею в экономическую [economizing] схему анализа. Это может оказаться полезным и эвристичным и с точки зрения экономической теории, которой я занимаюсь.

Мне кажется, многие критики страдают близорукостью, — в том смысле, что они постоянно обнаруживают нечто, чему приписывают экономические, или экономизирующие, черты. Но тогда встает вопрос: может быть, есть более мощная альтернатива? А мы лишь говорим, что ситуация, в которой мы

³ Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. November. P. 481—510. Перевод: Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131—158.

оказались, не являются «наилучшей» [first best], как ее называют экономисты, что это лишь гипотетическая модель. Мы не видим всей возможной эффективности. Но думаю, гипотетическая эффективность, которая зачастую используется как особый тип исходных посылок, на самом деле (за исключением функции проставления необходимых ссылок) не является продуктивным способом исследования экономических организаций. Я давно собираюсь исследовать экономические организации с позиций сравнительного институционализма — с учетом возможных альтернатив. И если я буду описывать эффективность, я хочу это делать по отношению к возможной альтернативе. Я хочу описать то, каким образом мы можем реализовать эту более мощную потенциальную альтернативу применительно к данному случаю. А ведь это можно сделать. И это поможет нам лучше понять комплексный характер организаций.

— **В новом исследовательском направлении, которое получило название нового институционализма в социологии (здесь в том числе активно работает и Виктор Ни; точнее, он занимается и социологией, и экономикой), имеет место явное и интенсивное заимствование терминов и даже концепций из словаря новой институциональной экономической теории. Во многих случаях социологи просто помещают их в другой контекст. А как Вам кажется, есть ли встречное движение, — заимствует ли новая институциональная экономика какие-то понятия у социологии?**

— Да, например, «доверие».

— **Действительно, о доверии говорят все.**

— Мне кажется, что «доверие» — это хорошее слово, но его надо использовать более научно. А если использовать его в широком, всеобъемлющем смысле, не давая при этом четкого определения и не сумев рационально объяснить последствия того или иного явления, то это выглядит неудовлетворительно. И мне кажется, многое из того, что проходит под маркой доверия, следует изучать как проблему надежных обязательств [credible commitment] или их отсутствия. И есть гораздо более научный способ исследования этой проблемы. Если вы можете выявить факт, лежащий в основе того или иного обязательства, которое дают акторы, вы можете использовать этот механизм, понимая, хорошо он работает или не очень. Это стоящее начинание. А когда вы используете широкое понятие доверия, не учитывая операциональный контекст, вы не столько предлагаете людям научный подход, сколько просто «расплываетесь»... Мне кажется, этот проект должен быть ориентирован на построение прогнозов, и следует проверять, подтверждаются ли эти прогнозы полученными данными. В такой области легко делать выводы глобального характера. Но, на мой взгляд, нужны более точные, более научные выводы.

Мы должны воспринимать себя как исследователей экономических организаций, и я намерен развивать именно это направление. Моя организационная теория принимается другими авторами. Она

позволяет исследовать проблемы организаций системным образом. Прежде этого не получалось. А теперь эти авторы говорят своим коллегам: «Да, эта теория позволяет делать прогнозы, и мы хотим ее проверить». А когда-то многие смеялись в ответ! Им никогда не приходило в голову, что можно как-либо проверить, например, кредитные организации. Организации рассматривались просто как нечто, о чем можно порассуждать, — не столько наука, сколько забава. А я так не думаю. И не думаю, что другим следует воспринимать их таким образом. Мне кажется, что исследователи уже начали более научно подходить к организациям. Хотя пока мы не особенно продвинулись в этом направлении.

— Хотелось бы уточнить одно обстоятельство, касающееся собственно новой институциональной экономики. В экономической социологии, например, есть четкое деление на американскую экономическую социологию и европейскую. Как Вам кажется, существует ли подобное различие между американским и европейским направлениями новой институциональной экономики?

— Вы думаете, здесь должно быть различие?

— Если говорить, например, об экономической социологии: ее американская ветвь более ориентирована на теорию организаций, функционализм, популяционную экологию и т.д. Таковы ее корни. А европейская экономическая социология более антропологична (в широком смысле), более ориентирована на культуру, больше внимания уделяет идеям Маркса и Вебера. Есть ли схожие тенденции в новой институциональной экономике? Или она стала чем-то более целостным?

— Я считаю, что гораздо более полезным способом изучения той или иной проблемы является строгое, четко очерченное и фокусированное исследование. А разного рода политические дискуссии, которыми увлечены марксисты и не-марксисты, меня не слишком интересуют.

— Сейчас есть несколько исследовательских направлений, и создано несколько обществ — Международное общество новой институциональной экономики, Общество развития социоэкономики, Исследовательский комитет по экономической социологии. Все они очень критически (хотя и каждое по-своему) относятся к неоклассической экономической теории. Членство в этих организациях порою пересекается, однако они существуют порознь. Как Вы считаете, какова будет ситуация в будущем? Будут ли эти направления сближаться (в методологической и организационной плоскостях), или же поле будет становиться все более фрагментированным?

— Знаете, примерно год назад я был на конференции в Далласе. Там присутствовала группа европейских исследователей; многие из них были социологами, но все подчеркивали разницу между своим подходом и новой институциональной экономической теорией, называя себя неинституциональными экономистами, т.е. налицо были яв-

меня пригласили приехать на эту конференцию, я, в общем, был к этому готов, но мне хотелось, чтобы ее участники представляли больше различных направлений, чтобы в программу были включены люди, которые занимались экономикой транзакционных издержек (включая и европейских, и американских исследователей). Организаторы согласились с этим предложением и расширили представительство. И теперь мы обмениваемся статьями. Мы постоянно сталкивались с тем, что американские теории экономических организаций более ориентированы на построение прогнозов и зачастую — на их эмпирическую проверку. Мне кажется, делать прогнозы, ясные с логической точки зрения, гораздо труднее, чем многие себе представляют. И эмпирическая проверка — не такое простое занятие, как его себе многие представляют. Есть серьезные исследователи, у которых нет особого желания идти в поле и разбираться, как организован мир. И не надо сводить теории к инструментам каких-то других теорий. С этой точки зрения мне показалось, что уже до окончания конференции позиция некоторых критиков теории транзакционных издержек несколько изменилась. Критики признали, что на самом деле эти люди занимаются не тем, о чем они думали. Это не какая-то кучка идеологов. Они работают вполне серьезно. И более того, они могут предложить нечто неожиданное, поставить какую-то проблему. Когда они сталкиваются с какой-то проблемой, они просто говорят: «Прогнозы важны, они задают общие рамки последующей эмпирической работы, предоставляют эмпирическую схему, которая еще не была нами реализована», а затем идут и реализуют ее. Думаю, что если их интересуют те же явления, что и нас, и если у них при этом получаются иные прогнозы и данные, то мы все больше будем интересоваться вопросами, которые пока просто обсуждаем друг с другом, не подчиняясь каким-то стандартам.

— **Я обычно прошу людей назвать последние наиболее интересные работы в их предметной области. Я имею в виду книги, статьи, которые вышли в последние два — четыре года и которые показались необычными, озадачивающими, может быть, новаторскими? Могли бы Вы назвать такого рода работы?**

— Знаете, если говорить о новаторских элементах, то с позиций собственной работы я могу назвать то, что было особенно важно, что заложило основы и позволило увидеть изучаемые механизмы более отчетливо, проанализировать проблемы на более глубинном уровне. Но мне кажется, что во многих отношениях то, как этот процесс происходит, и то, что он описывает, определяется тем, что мы хотим увидеть. А мы хотим увидеть скромную, небольшую, частную, конкретную работу. И в большинстве своем наша работа именно такова. Есть какая-то экономическая организация, и мы принимаемся ее исследовать на микроаналитическом уровне, на уровне деталей механизмов. И полагаю, Вы можете сказать: «В конечном счете нужно формировать аналитическую схему. И не то чтобы я с этим не согласен.

Просто мы хотим работать более строгим образом». Думаю, истина, правда состоит именно в этом. Что же касается статей, которые мне показались новаторскими за последнее время...

— Или которые показались Вам чем-то примечательными, оказали влияние на Вашу работу или на область Ваших исследований.

— Боюсь, я не тот человек, которого стоит спрашивать о том, какая статья радикально изменила его последующую работу.

— Пусть не радикально. Я понимаю, это не простой вопрос, мы все знаем классику, а вот последние работы нам назвать значительно сложнее.

— Не знаю, недавняя ли это работа, но мне бы хотелось, чтобы мои близкие друзья воспринимали ее более серьезно. Я говорю о моей статье в «Administrative Science Quarterly»⁴. Мне хотелось бы повлиять на то, как теоретики организаций ее воспринимают. Она была опубликована в 1991 г. (не помню, как она называлась, но это было точно в «Administrative Science Quarterly»). В ней описывается несколько механизмов, которые до той поры не привлекали достаточного внимания, — в частности, процессы адаптации, центрирующие экономическую организацию. В ней выделяются разные виды адаптации: автономная и совместная [cooperative]. Показывается, что адаптация отвечает за изменение относительного соотношения автономной и совместной адаптации во всей системе. В ней также высказывается мысль о том, что альтернативные режимы управления поддерживаются особыми контрактными режимами, вовлекающими в этот процесс контрактное право и принуждение к соблюдению правил, а также дифференцированное принуждение к их исполнению, в том числе различия, которые возникают внутри самой организации.

Рассматривается, например (в противоположность точке зрения А. Алчиана [Armen Alchian] и Х. Демсеца [Harold Demsetz]), почему фирмы отнюдь не пытаются противостоять рыночному спросу. Исследователи реагировали на какую-то мою критику. Например, Оливер Харт [Oliver Hart] говорит, что фирмы и рынки во многом различаются, и объясняет, почему это происходит. И мне кажется, что несколько объяснений предлагаются и в моей работе.

Важная и интересная работа проделана П. Милгромом [Paul R. Milgrom]. В частности, он изучает отношения занятости. Хотя я не думаю, что теория трансакционных издержек, с помощью которой исследуются экономические явления, рассматривается здесь на более общем уровне.

Интересные работы есть у Дэвида Крепса [David Kreps]⁵. Он чрезвычайно интересен как математик-экономист и особенно как теоретик игр. Многие полагают, что роль экономической теории трансакционных издержек сводится к тому, что она подарила новые взгляды теоретикам игр, которые они могут просто взять и реализовать. В книге Саланьи

⁴ Williamson O.E. Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete // Administrative Science Quarterly. 1991. Vol. 36. No. 2. June. P. 269—297.

⁵ Kreps D.M. Intrinsic Motivation and Extrinsic Incentives // American Economic Review. 1997. Vol. 87. No. 2. May. P. 359—365; Kreps D.M., Baron J.N. Consistent Human Resource Practices // California Management Review. 1999. Vol. 41. No. 3. Spring. P. 29—54.

[Bernard Salanié] по контрактной экономической теории⁶ отмечается вклад Коуза и мой вклад в выведение такого рода заключений. Суть в том, что в рамках самой экономической теории транзакционных издержек есть много новых решений, которые теоретики игр пока что не замечали. Дэвид Крепс — одно из исключений, он просто потрясающе раздвигает границы теории игр и находит новые решения в рамках теории транзакционных издержек. Эти решения еще предстоит формализовать, встроить в схему экономической теории транзакционных издержек. Но знаете, наверное, если сложить мою статью, работы Л. Холсон [Laura M. Holson], Милгрота и Крепса, можно будет по-новому концептуализировать некоторые из поставленных вопросов, в частности, некоторые моменты, касающиеся репутации. Правда, некоторые из них просто связаны с тем, отвечает ли нынешняя формальная теория контрактов потребностям дополнительной работы, которая позволила бы выработать тщательно выверенные способы эмпирической проверки. В этой связи мне представляется, что пока у нее недостаточно предсказательных возможностей и возможностей эмпирической проверки. Поэтому здесь предстоит решение важных и интеллектуально непростых вопросов.

Мне кажется, что порою формальная теория контрактов нацелена на неверные проблемы и что, по сути, она препятствует развитию критической мысли. Существуют серьезные вопросы, к изучению которых исследователи пока не обращаются вовсе. Новая работа Баррингтона Дэвиса, которая скоро выйдет, несколько ограничена, однако в ней рассматриваются фиксированные цены и контракты с нулевыми издержками, а анализ выполнен таким образом, что экономическая теория транзакционных издержек кажется здесь чрезвычайно уместной и продуктивной.

— **Большое спасибо.**

⁶ Salanié B. The Economics of Contracts: A Primer. 2nd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 2005 (1997).

- Уильямсон О.И.* Вертикальная интеграция производства: соображения по поводу неудач рынка / Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 411–442.
- Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996.
- Williamson O.E.* The Economics of Governance // *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. No. 2. May. P. 1–18.
- Williamson O.E.* The Theory of the Firm as Governance Structure // *Journal of Economic Perspectives*. 2002. Vol. 16. No. 3. P. 171–195.
- Williamson O.E.* The Lens of Contract: Private Ordering // *American Economic Review*. 2002. Vol. 92. No. 2. May. P. 438–424.
- Williamson O.E.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. 38. No. 3. September. P. 595–614.
- Williamson O.E.* Public and Private Bureaucracies // *Journal of Law, Economics and Organization*. 1999. Vol. 15. P. 306–342.
- Williamson O.E.* Transaction Cost Economics: How It Works; Where It Is Headed // *The Economist*. 1998. Vol. 146. P. 23–58.
- Williamson O.E.* The Institutions of Governance // *American Economic Review*. 1998. Vol. 88. P. 75–79.
- Williamson O.E.* The Making of Economic Policy: A Transaction-Cost Politics Perspective // *The Economic Journal*. 1997. Vol. 107. No. 445. November.
- Williamson O.E.* The Economics of the Business Firm: Seven Critical Commentaries // *Journal of Economic Literature*. 1997. Vol. 35. No. 1. March.
- Williamson O.E.* Economic Evolution: An Enquiry into the Foundations of New Institutional Economics // *Economic Journal*. 1996. Vol. 106. No. 439. November.
- Williamson O.E.* (ed.). *Industrial Organization*. Cheltenham, UK; Brookfield, US: Elgar Pub., 1996.
- Williamson O.E.* Transaction Cost Economics and the Evolving Science of Organization // *The Makers of Modern Economics*. Vol. II / Ed. by A. Heertje. Aldershot, UK; Brookfield, US: Edward Elgar, 1995.
- Williamson O.E.* *The Mechanisms of Governance*. Oxford: Oxford University Press, 1996. Transl. into Italian by M. Turvani, and reprinted by F. Angeli.
- Williamson O.E.* Hierarchies, Markets, and Power in the Economy: An Economic Perspective // *Industrial and Corporate Change*. 1995. No. 4. P. 21–49.
- Williamson O.E.* Visible and Invisible Governance // *American Economic Review*. 1994. Vol. 84. No. 2. May. P. 323–327.
- Williamson O.E.* Calculativeness, Trust, and Economic Organization // *Journal of Law and Economics*. 1993. Vol. 36. P. 453–486.
- Williamson O.E.* Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives // *Administrative Science Quarterly*. 1991. Vol. 36. P. 269–296.
- Williamson O.E.* *Organization Theory: From Chester Barnard to the Present and Beyond*. N.Y.: Oxford University Press, 1995 (1990).
- Williamson O.E.* *Economic Organization: Firms, Markets, and Policy Control*. N.Y.: New York University Press, 1986.
- Williamson O.E.* *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*. N.Y.: The Free Press, 1985. Transl. into Spanish by E.L. Suarez and reprinted

by *Cultura Economica*, 1989; transl. into Italian by M. Turvani, 1987; transl. into German and reprinted by J.C.B. Mohr, 1990; transl. into Russian by V. Katkalo et al. and published by Lenizdat, 1995; transl. into French by R. Coeurderoy, E. Mainant and published by InterEditions, 1994; transl. into Polish and published by Polish Scientific Publishers, 1998.

Williamson O.E. *The Economics of Discretionary Behavior: Managerial Objectives in a Theory of the Firm*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall Press, 1964. Reprinted by Markham Publishing Co., Chicago, Illinois, 1967; reprinted by Eurospan Ltd., 1974; transl. into Japanese and reprinted by Chikura, 1981; Chapter 4 is reprinted in: *Readings of Industrial Economics: Theoretical Foundations* / Ed. by C.K. Rowley, L., 1971.

Williamson O.E. *Corporate Control and Business Behavior: An Inquiry into the Effects of Organization Form on Enterprise Behavior*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1970. Transl. into Japanese and reprinted by Maruzen Co., Ltd., 1974.

Williamson O.E. *Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications*. N.Y.: The Free Press, 1975. Transl. into Japanese and reprinted by Nippon Hyoronsha Publishing Company, 1980. Chapter 2 has been translated into Italian and reprinted in: *Organizzazione and Mercato* / Ed. by R.C.D. Nacamulli, A. Rugiadini. Bologna, 1985. P. 161–186. Transl. into Spanish by E. Nino de la Silva and reprinted by *Cultura Economica*.

Williamson O.E. *Transforming Merger Policy: The Pound of New Perspectives* // *American Economic Review*. 1986. Vol. 76. No. 2. May. P. 114–120.

Williamson O.E. *Credible Commitments: Further Remarks* // *American Economic Review*. 1984. Vol. 74. No. 3. June.

Williamson O.E. *Credible Commitments: Using Hostages to Support Exchange* // *American Economic Review*. 1983. Vol. 73. No. 4. September. P. 519–541.

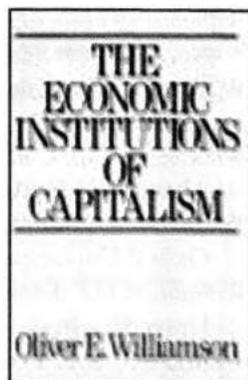
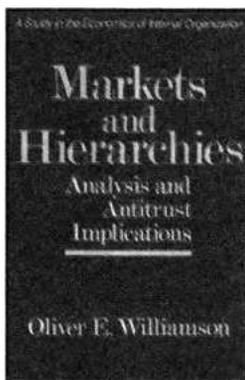
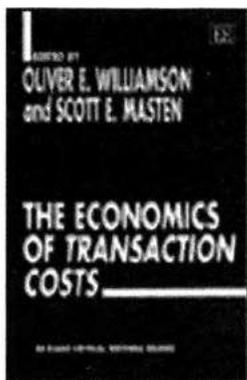
Williamson O.E. *The Modern Corporation: Origins, Evolution, Attributes* // *Journal of Economic Literature*. 1981. Vol. 19. No. 4. December. P. 1537–1569.

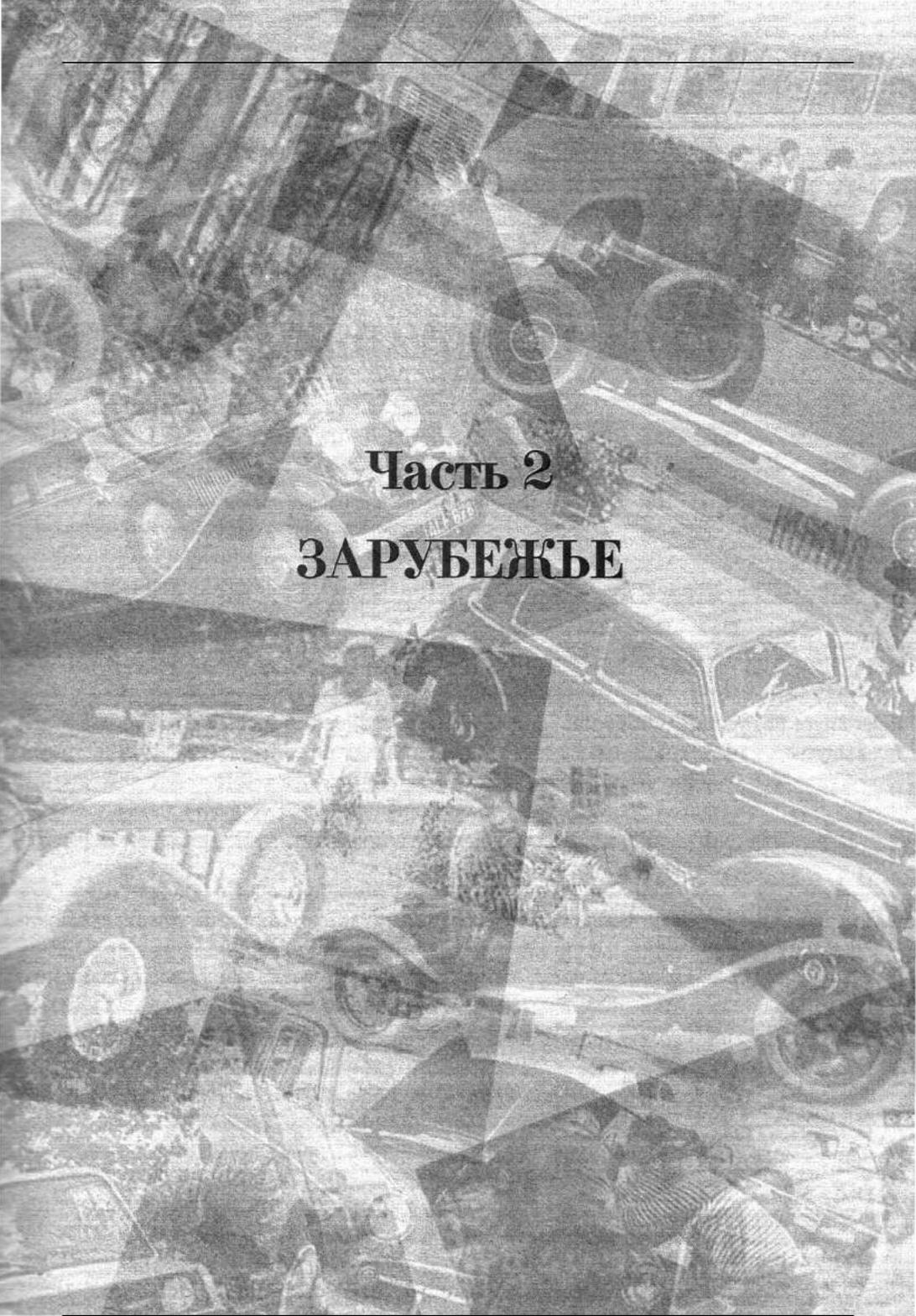
Williamson O.E. *Predatory Pricing: A Strategic and Welfare Analysis* // *Yale Law Journal*. 1977. Vol. 87. No. 2. December.

Williamson O.E., Masten S.E. (eds.). *The Economics of Transaction Costs*. Cheltenham, UK; Northampton, MA: E. Elgar Pub., 1999.

Williamson O.E., Masten S.E. (eds.). *Transaction Cost Economics*. Aldershot, UK; Brookfield, US: Edward Elgar, 1995.

Williamson O.E., Winter S.G. (eds.). *The Nature of the Firm: Origins, Evolution, and Development*. N.Y.: Oxford University Press, 1991.

Часть 2
ЗАРУБЕЖЬЕ

*Найджел Додд
Кафедра социологии Лондонской школы экономики
и политических наук*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ^{1,2}

**Rolls-Royce Phantom II Continental.
Год выпуска — 1933**

Традиционно экономическая социология в Великобритании была сосредоточена на исследовании труда, занятости, индустриальных отношений, с одной стороны, и теории организаций — с другой.

Традиционно экономическая социология в Великобритании была сосредоточена на исследовании труда, занятости, индустриальных отношений, с одной стороны, и теории организаций — с другой. Обе эти области прочно институционализированы, полноценно представлены в составе научных кафедр и бизнес-школ, в программе ежегодных конференций и на страницах специализированных журналов. Однако в последнее время все большее число исследователей начало подвергать

сомнению однозначную трактовку понятий экономика/хозяйство [economy] и экономическое действие. Первой попыткой систематизировать подобные мнения в Великобритании стали работы Джона Голдторпа и др. о «политической экономии инфляции», появившиеся в конце 1970-х — начале 1980-х годов [Goldthorpe 1978; см. также дискуссию Голдторпа с М. Смитом: Smith 1982, 1985; Goldthorpe 1983].

¹ **Источник:** *Dodd N. Economic Sociology in the UK // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2000. Vol. 2. No. 1. October. P. 3—13. <http://econsoc.mpifg.de/>. Пер. с англ. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев.*

² Я благодарен Патрику МакГаверну [Patrick McGovern], Бриджит Хаттер [Bridget Hutter], Гвинет Хокинс [Gwynneth Hawkins] и Андреа Менникену [Andrea Mennicken] за их помощь и советы при написании этой статьи.

Возрождение интереса к исследованию ключевых понятий хозяйственной жизни, несомненно, произошло под влиянием новой экономической социологии. Однако представители данного направления связаны и с такими областями, как бухгалтерский учет и финансы, социально-правовые исследования, география и социальная/культурная теория. При этом, в отличие от США, в Великобритании прямое взаимодействие между экономической социологией и господствующей экономической теорией развито слабо. В данной статье я сначала остановлюсь на двух основных традициях экономической социологии, а затем перейду к анализу бухгалтерского учета, регулирования и исследования хозяйственной жизни и культуры — т.е. новых подобластей, связь которых с экономической социологией установилась позднее. В конце обзора я затрону последние теоретические достижения в изучаемой сфере.

1. Труд, занятость и промышленность

Социология труда, занятости и индустриальных отношений является одной из наиболее развитых подобластей экономической социологии в Великобритании. Представители данного направления преподают на ведущих академических факультетах, участвуют в ежегодных встречах, подобных Международной конференции по трудовому процессу, публикуют свои работы в специализированных журналах — таких, как «Труд, занятость и общество», «Гендер, труд и занятость» и «Британский журнал индустриальных отношений» [Work, Employment and Society; Gender, Work and Employment; British Journal of Industrial Relations]. Преподавание индустриальной социологии имеет давние традиции на социологических факультетах в Великобритании, однако ее уже нельзя считать самостоятельной подобластью. Более того, ведущие фигуры все чаще соблазняются работой (и, по-видимому, лучшими заработками) в бизнес-школах — например, в Манчестере, Астоне и Уорвике.

Часть работы, осуществляемой в рамках того, что мы привыкли называть индустриальной социологией, сосредоточена на изучении профсоюзов [см., например: Ackers, Smith, Smith 1996]. Пожалуй, наиболее заметной на этом поприще является попытка Джона Келли осуществить теоретический анализ поля с точки зрения «теории мобилизации». Келли пытается объяснить, как индивидуальное чувство несправедливости может быть трансформировано (посредством мобилизации) в коллективное действие. Его подход многогранен и использует наработки традиционных исследований трудовых отношений, социологической теории (в частности, марксизма, работ М. Шортера [M. Shorter] и Ч. Тилли [Ch. Tilly] по мобилизации) и политической социологии [см. Kelly 1998]. Саймон Кларк исследовал реструктуризацию угледобывающей промышленности, реструктуризацию занятости

и формирование рынка труда, а также меняющиеся гендерные отношения и гендерную идентичность. В настоящее время, в сотрудничестве с международными профсоюзными организациями, он изучает развитие профсоюзов в России [Clarke 1990, 1993, 1999].

Предметом многих исследований британских экономических социологов по-прежнему является сам трудовой процесс. Существенную работу в этом направлении проделали Пол Эдвардс [P. Edwards] и Пол Томпсон [P. Thompson], пытавшиеся ревизовать марксистские подходы к социологии труда. Томпсон страстно выступает против растущего влияния подходов в духе М. Фуко к социологии, изучающей поведение на рабочем месте: с его точки зрения, подобные подходы выводят на первый план поведение менеджеров, при этом не уделяется должного внимания «непокорному рабочему» [Thompson, Ackroyd 1995; сравнительный анализ по этому вопросу см.: Thompson et al. 1995]. В центре недавней работы Криса Смита — влияние транснациональных корпораций на организацию труда и трудовые отношения; Смит не соглашается с теоретиками глобализации [например: Kenney, Florida 1993], предполагающими, что новая «производственная парадигма» была экспортирована японскими корпорациями в такие страны, как Бельгия и США, которые все более к ней склоняются [Smith, Elger 1997; Elger, Smith 1994; Smith, Meiksins 1995].

Должно быть, к немалому разочарованию Томпсона, последним мощным течением в рамках экономической социологии в Великобритании стало изучение новых управленческих практик, таких, как «тотальный контроль качества» [total quality management — TQM]. Тон был задан более ранними исследованиями Стивена Хилла [см.: Hill 1991; Hill, Wilkinson 1995; Rosenthal, Hill, Peccei 1997]; в настоящее время широко известны работы Дэвида Найтса по изучению розничной торговли и финансовых услуг. Найтс утверждает, что отношения, связанные с властью и идентичностью, которые возникают под влиянием «подспудного» стремления к краткосрочной выгоде, могут основательно пошатнуть позиции подобного управленческого подхода, несмотря на его подчеркнутое внимание к максимальной вовлеченности работника в трудовой процесс [Knights, McCabe 1998, 1997; Kerfoot, Knights 1995; более общий обзор см.: Knights, Murray 1994]. Что касается обрабатывающей промышленности, то во второй половине 1990-х годов социологов интересовало прежде всего изучение «неприбыльного производства» [lean production] [обзор по этой теме см.: Stewart 1999].

Самой крупной исследовательской инициативой, получившей поддержку правительства, стала совместная программа под названием «Будущее труда» [The Future of Work], в которой участвуют четырнадцать самостоятельных исследовательских коллективов Великобритании. Например, Стивен Хилл [Stephen Hill], Патрик МакГаверн [Patrick McGovern], Колин Миллз [Colin Mills] и Майкл Уайт [Michael White] в течение пяти лет проводят исследование изменений в отно-

шениях занятости за последние двадцать лет. Более конкретно, их интересуют проблемы «работа и семья», меняющиеся формы контроля и его возможная интенсификация со стороны работодателей, гендерная сегрегация [см.: Hill et al. 2000b]. Предполагается, что проект будет опираться на работу Данкена Гэлли, чьи исследования продолжают знаменитую традицию, идущую от Дэвида Локвуда [Lockwood 1958], и включают: слияние различных категорий работников [Gallie 1996a]; тенденцию к «повышению квалификации» [upskilling], а не к «деквалификации» [deskilling] [Gallie 1996b]; а также — и здесь он уже выходит за пределы своего поля — процесс перехода к рынку в бывших странах государственного социализма [Gallie, Kostova, Kuchar 1999]. В последней работе Хилла рассматриваются гибкие технологии и экономическая трансформация в Болгарии [Hill, Harris, Martin 1997, 2000; Hill, Martin, Vidinova 1997]. А МакГаверн предпринял попытку исследовать управление человеческими ресурсами, карьеры менеджеров, а также проблемы футбольных кадров в Ирландии [McGovern 1998, 1999, 2000; McGovern, Hope-Hailey, Stiles 1998].

Приближаясь к экономике труда, Джилл Рубери [Jill Rubery] рассматривает последствия дерегулирования рынка труда [labour-market deregulation], тем самым открыто критикуя широко известную модель конкуренции за рабочие места [job competition], предложенную Л. Ту-роу [Thurow 1976]. Она утверждает, что подобное дерегулирование не только не повышает эффективность рынка труда, но и может вести к появлению «пустых рабочих мест» [junk jobs], ибо устранение традиционных институтов рынка труда ослабляет возможности работодателей по обеспечению длительной подготовки работников [Rubery 1996]. Одним из основных методологических различий между социологией труда и занятости, с одной стороны, и экономикой труда — с другой, применительно к Великобритании является то, что в первом случае внимание уделяется прежде всего исследованию отдельных случаев [case-studies], в то время как во втором случае акцент делается на аналитическом моделировании. Пол Эдвардс, однако, высказывается за более тесное сочетание двух этих подходов [Edwards 1994].

Анализ изменений в сфере регулирования занятости, профессиональной структуре и практик занятости привлекает все большее внимание к проблеме гендера. Это происходит по мере того как британские социологи начинают исследовать такие тенденции, как растущая вовлеченность женщин в состав рабочей силы (отчасти объясняемая развитием сферы услуг), появление новых технологий, а также ослабление традиционных моделей гендерного разделения труда [см.: Crompton, Gallie, Purcell 1996]. Розмари Кромптон и Кейт Пурсел являются ведущими фигурами в этой области, в то время как Джилл Рубери (экономист, чьи работы часто публикуются в социологических изданиях) занимается главным образом вопросами равной оплаты труда и равных возможностей [см.: Rubery 1998; Rubery, Smith, Fagan 1998]. В работе Кромптон рассматриваются не только сами изменения в ха-

рактуре участия женщин в рабочей силе, но и то, как эти изменения могут влиять на организацию их личной и домашней жизни [Crompton, Harris 1998]. Подходя к проблеме с другой стороны, Джилл Данн исследует устройство домашней и трудовой жизни родителей одного пола, предполагая, что сексуальная идентичность может играть решающую роль в формировании их трудового опыта [Dunne 1998]. Однако наибольшую известность в области исследований гендера и занятости в последние годы получили, пожалуй, работы Кэтрин Хаким. В серии количественных исследований — вызвавших, кстати, всплеск интереса и за пределами академической среды, — она анализировала причины, которые стоят за решением о возвращении на работу женщин с маленькими детьми [Hakim 1996, 1997, 2000].

2. Теория организаций

Теория организаций [organization studies] — это еще одна хорошо развитая подобласть экономической социологии в Великобритании. Здесь издаются, например, «Исследования организаций» [Organization Studies] — журнал, основанный Европейской группой по исследованию организаций [European Group for Organizational Studies], и новый (весьма популярный) журнал «Организация» [Organization].

Сторонний наблюдатель может сразу не уловить соотношения между социологией организаций, теорией организаций и организационной (институциональной) экономической теорией. Однако по этому вопросу велось немало дискуссий, все они представлены в работе Майкла Ролинсона «Организации и институты» [Rowlinson 1997]. Ролинсон обращает внимание на различие между организационной экономической теорией и теорией организаций (которая развивается под влиянием социологии). Он утверждает, что хотя об их слиянии речь пока не идет, диалог был бы более плодотворным, если бы экономисты проявляли большую рефлексивность в отношении ценностных суждений, которые неявно присутствуют в их моделях. Ролинсон признает, что организационная экономическая теория отошла от неоклассической экономики. Однако он предполагает, что экономисты (например, Оливер Уильямсон) все еще недостаточно убедительны в своем объяснении организационных изменений (иными словами, не уделяют достаточного внимания эволюционному подходу). Ранее Родерик Мартин подверг новую институциональную экономику еще более жесткой критике. Признавая, что у этого подхода есть свои преимущества на микроуровне, он, однако, утверждает, что в отношении ограниченной рациональности, власти, ценностей, норм и организационных изменений он являет собой весьма упрощенное, квазибихевиористское объяснение человеческого поведения. Взамен Мартин предлагает дальнейшее развитие подхода «взаимозависимых интересов» [interest-interdependence], предложенного Джеймсом Коулманом [Martin 1993].

Другой известный социолог в данной области Кристел Лэйн попыталась подойти к исследованию отношений между организациями с теоретической точки зрения [Lane 1995]. Основной темой в работе Лэйн является доверие. Сопоставляя исследования различных «контрактных сред» [contractual environments], она пытается совместить социально-правовое и экономическое объяснения контрактных отношений и отношений между фирмами [см.: Deakin, Lane, Wilkinson 1994]. Позднее, развивая выдвинутую Н. Луманом концепцию доверия и его отношения к неопределенности, Лэйн предполагает, что взаимные ожидания фирм и взаимодействие между ними будут основываться на доверии скорее в тех случаях, когда деловые отношения глубоко укоренены в промышленных ассоциациях и регулятивной среде (как, например, в Германии). Напротив, там, где степень укорененности не так велика (например, в Великобритании), больше вероятность того, что власть возьмет на себя эту координирующую роль, опираясь на закон в качестве своего инструмента [Lane 1997; Lane, Bachmann 1997].

3. Бухгалтерский учет, финансы и регулирование

На некоторых британских факультетах финансов и бухгалтерского учета работают исследователи (в том числе, например, Питер Миллер [Peter Miller] и Майкл Пауэр [Michael Power]), чью деятельность правомерно отнести к социологии или увязать с недавними дискуссиями в области новой экономической социологии. Не последнюю роль здесь играет и то, что хотя бухучет и аудит занимают ныне центральное место в экономической организации, социологи пока не уделяли им достаточного внимания.

В популярной книге М. Пауэра «Общество аудита» рассматриваются причины и следствия повсеместного распространения аудита, который автор характеризует как «технология недоверия» [technology of mistrust]. Рассуждая о том, повышает ли аудит веру организации в себя, он говорит, что аудиторские проверки, навязывающие свои собственные ценности, зачастую ведут к дисфункциональным последствиям для инспектируемой организации [Power 1997]³. В книге выводится полезный социологический подход к аудиту, развивается предложенное Шапиро⁴ понятие «контроля над контролем» [control of control].

В работе географов Найджела Трифта и Эндрю Лейшона поднимаются другие значимые для экономической социологии вопросы — пространственной конфигурации финансовых центров и «технологического воплощения» знания [см.: Leyshon, Thrift 1999, 1996, 1997].

³ См. также его работу «От общества риска к обществу аудита»: <http://www.uni-bielefeld.de/sozsys/deutsch/leseproben/power.htm>. — *Прим. перев.*

⁴ Видимо, имеется в виду: Shapiro A.L. The Control Revolution: How the Internet is Putting Individuals in Charge and Changing the World. N.Y.: Public Affairs. 1999. — *Прим. перев.*

Однако наиболее важным событием для развития экономической социологии в Великобритании стало, пожалуй, то, что представители таких направлений, как социально-правовые исследования и управление [government], разработавшие социологический подход к проблемам регулирования в области здравоохранения, безопасности и охраны окружающей среды, начали обращать внимание и на некоторые сферы хозяйственной жизни — например, финансовые рынки и институты. Вдобавок, подобно тому, как в свое время они поставили под вопрос традиционные трактовки определения, действия и сферы влияния закона, теперь они поднимают вопросы, касающиеся концептуализации хозяйственной жизни в целом. Именно эта констелляция интересов различных дисциплин и их растущее внимание к феномену риска и привели к созданию в Лондонской школе экономики Центра по анализу риска и регулирования [CARR]. Стоит отметить, что один из директоров нового Центра, Бриджит Хаттер, — социолог, причем отличающаяся растущим интересом к проблемам экономической социологии [см.: Hutter 1997, 2001].

4. Культура и хозяйство

Изучение потребительства (консюмеризма) в Великобритании, а также растущий интерес к постмодернистской теории способствовали тому, что в рамках экономической социологии сложилась подобласть, в центре внимания которой находится связь между хозяйственной жизнью и культурой. Это направление значительно теснее связано с культурной и социальной теорией, нежели прочие течения британской экономической социологии. А когда исследователи обращаются к экономическим последствиям развития Интернета и так называемой новой экономики [new economy], они оказываются вовлеченными в изучение средств массовой информации. Работы в данной области публикуются главным образом в таких журналах, как «Теория, культура и общество» [Theory, Culture and Society] и, несколько реже, «Хозяйство и общество» [Economy and Society].

К числу известных социологов, занимающихся исследованиями культуры и экономики, относятся Поль Дю Гэ, последователь «бирмингемской школы» культурной социологии, и Дон Слейтер, анализирующий рынок, общество потребления, а затем Интернет. Дю Гэ рассматривает вопросы личности [self] и идентичности в контексте работы, бюрократии и потребительского поведения. В книге «Потребление и идентичность на работе» он пишет, что в современном обществе грань между нашей идентичностью как работников, с одной стороны, и потребителей — с другой стороны, все больше стирается — главным образом в силу мощного воздействия организационной реформы [Du Gay 1996]. Анализируя торговую марку «Sony Walkman», он выводит понятие «культурных контуров» [circuits of culture] [Du Gay et al. 1997].

Проблема идентичности рассматривается также в работах Питера Миллера и Николаса Роуза, пытающихся уравновесить модель потребителя, в которой тот предстает, с одной стороны, как находчивый и творческий искатель удовольствий и, с другой стороны — как жертва искусственно навязываемых ему потребностей, фундаментальным образом подрывающих его собственное «я». Опираясь на исследования Тавистокского института человеческих отношений и разрабатывая далее темы идентичности и управления [governance], Миллер и Роуз утверждают, что желания потребителей существуют в «экономике страстей» [passional economy], где на удовлетворение человеческих желаний и потребностей направляются различные формы психологического знания и где так или иначе можно просчитать саму человеческую субъективность [Miller, Rose 1995, 1997]. Обращаясь к проблеме под иным углом зрения, Б. Файн и Э. Леопольд на первое место ставят отдельный товар, а не потребителя. На основе исследований индустрии моды они утверждают, что товар создает собственную «систему обеспечения» [system of provision], вертикально интегрируя процессы производства, распределения, маркетинга и непосредственно потребления [Fine, Leopold 1993]. В работе Дона Слейтера, напротив, представлен более широкий взгляд на понятия потребителя и рыночного общества, включающий и исторический анализ. Суть его воззрений в том, что все эти «общности» [entities], даже сама экономическая стоимость, всегда зависят от модернистского и постмодернистского сознания и культуры и укоренены в них [Slater 1997a, 1997b; Slater, Tonkiss 2000].

Джон Ло, известный читателю прежде всего своими работами по технологии и теории акторов и сетей [actor-network theory], исследовал также связь между культурой и экономическим действием [economic agency]. По его мнению, экономический либерализм возможен лишь там, где экономический дискурс переплетается с иными видами логики и дискурса — например, с административным и управленческим учетом [management accounting] [Law 2000]. Что касается теории культуры, то Саймон Вортэм попытался применить постмодернистскую и постструктуралистскую философию (например, работы Ж. Дерриды об обмене) для того, чтобы представить экономическую теорию как определенную форму культурного дискурса [Wortham 1997]. В рамках политической экономии недавно вышла работа Эндрю Сэйера о связи между моральной и политической экономией: в духе А. Смита автор исследует вытеснение моральных чувств экономическими мотивами [Sayer 1997, 2000a]. Он написал также статью об укорененности и доверии на рынках [Sayer 2000b].

5. Теория

Многие авторы, работающие в области экономической социологии, полагают, что для развития данного поля было бы очень полезно провести глубокое теоретическое исследование поверх границ,

разделяющих экономическую теорию и социологию. Одна из основных сложностей здесь, конечно же, в том, что эти дисциплины говорят на совершенно разных языках. Тем не менее Джеффри Ходжсон [Geoffrey Hodgson] и Джеффри Ингэм [Geoffrey Ingham] — британские авторы, чьи работы представляют интерес для экономосоциологов — по образованию экономисты, а Питер Абелл [Peter Abell] — ведущая фигура в математической социологии. Прежде чем перейти к анализу работ этих исследователей, стоит отметить ряд недавних теоретических разработок, ибо они напрямую связаны с собственно экономической теорией. Джон Уилкинсон основывается в своих рассуждениях на положениях французской теории регулирования [regulation theory] и в особенности теории конвенций. Он пытается рассмотреть процессы возникновения, укрепления и трансформации различных моделей экономической координации в контексте агропищевой промышленности [Wilkinson 1997]. В несколько более критичной манере Грэм Томпсон [Graham Thompson] утверждает, что современная экономическая теория — ортодоксальная и неортодоксальная — демонстрирует высокую степень неопределенности, стоит нам обратиться к экономическому анализу начала XX столетия, характеризующемуся мощным развитием международных контактов и возрождением теорий крупномасштабных экономических циклов [исследования по данной проблематике применительно к Великобритании см.: Hirst, Thompson 2000]. Особенный интерес для Томпсона представляет то, что он называет «секуляризацией экономического» [secularization of the economic], — особое состояние, при котором все виды частных и государственных организаций при самых разных политических системах и идеологиях должны демонстрировать свою эффективность и конкурентоспособность [Thompson 1997]. Однако, по мнению Бена Файна, проблема состоит не в экономической неопределенности, а в экономическом империализме — стремлении экономистов «колонизировать» другие социальные науки. При этом, утверждает Файн, падение популярности основного течения экономической теории среди британских студентов дает нам возможность усилить позиции периферийных течений в области исследований хозяйственной жизни — таких, как радикальная политическая экономия [Fine 1999; а также Thompson 1999].

Давнее назначение Джеффри Ингэма преподавателем социологии на экономический факультет Кембриджского университета (впоследствии он перешел на факультет социальных и политических наук) символически показывает условность границы между экономической теорией и социологией. Хотя ранние работы Ингэма носят скорее исторический характер (например, в его книге «Разделенный капитализм» рассматривается происхождение и развитие лондонского Сити [Ingham 1984]), постепенно он все более обращается к концептуализации денег и их теоретическому пониманию. В отличие от таких социологов, как Бен Файн и Костас Лапавистас [Costas

Laravitsas]⁵, Ингэм полагает, что наше понимание природы денег будет неверным, если мы будем считать их действие просто функцией требований, накладываемых капиталистическим способом производства. В целом Ингэм согласен с В. Зелизер [Zelizer 1994] в том, что деньги имеют особые социальные значения, соответствующие контексту, в котором они используются; он разделяет и точку зрения Н. Додда [Dodd 1994]: в социологических целях денежные системы следует рассматривать как сложные структуры или сети, объединяющие тех, кто делает, предлагает и пытается контролировать деньги, с теми, кто их использует. Однако подход Ингэма более историчен; он предполагает, что, в частности, кредитные деньги следует считать самостоятельной производительной силой, которая и сформировала капиталистическое хозяйство, — развитие шло именно в этом направлении, а не наоборот, как считает К. Маркс [Ingham 1994, 1996a, 1998, 1999; его любопытные замечания по поводу новой экономической социологии см.: Ingham 1996b].

Теория рационального выбора, по крайней мере за пределами Оксфорда, несомненно, станет чрезвычайно популярной в Великобритании, и на многих факультетах социологии это уже произошло. В своей недавно вышедшей книге «О социологии» Дж. Голдторп объединяет результаты проделанной им обширной работы по изучению классовой мобильности с дискуссиями в рамках его «теории рационального действия» [Goldthorpe 2000]. В ряду ведущих теоретиков в этой области находится и Питер Абелл, недавно организовавший в Лондонской школе экономики теоретический семинар, в работе которого участвуют социологи и специалисты по другим дисциплинам — управлению, менеджменту, бухгалтерскому учету. В последних работах Абелла рассматривается неформальная структура организаций, самозанятость и предпринимательство, теория рационального выбора [Abell 1996a, 1996b, 1997, 2000].

На данный момент работы Джеффри Ходжсона являются, пожалуй, наиболее целенаправленной попыткой из всех, что предпринимались на этом поприще британцами, поместить экономические и социологические вопросы в единую теоретическую схему. Пожалуй, его работы также более откровенно, чем прочие британские исследования, ориентированы на новую экономическую социологию, развивающуюся в США. Диапазон интересов Ходжсона достаточно широк: он писал об институтах, об эволюции, позднее — об утопии [Hodgson 1988, 1993a, 1998, 1999]. Его работа «Экономика и утопия» противостоит господствующим экономическим теориям, которые не уделяют внимания альтернативным способам хозяйственной организации, считая их не только морально несостоятельными, но и неэффективными. Ходжсон полагает, что эти альтернативы не следует считать статичными — как утопии; напротив, их нужно включить в динамичные структуры обучения [dynamic systems of learning] — он называет их «эвотопиями» [evotopias], продолжая тем самым

⁵ Их недавнюю дискуссию с В. Зелизер см.: [Zelizer 2000].

своей более ранние рассуждения о «филогенезе» и «эволюционной экономической теории» [Hodgson 1993b]. Подход Ходжсона применим ко многим эмпирическим темам, затронутым в данной статье: к исследованию новых форм труда и экономических институтов, более тонкому анализу связи между хозяйственной жизнью, политикой и культурой. И хотя его книга носит теоретический характер, в ней ясно показано, что смысл «обучающейся экономики» [learning economy] можно понять только при условии более глубокого исторического и эмпирического исследования.

Именно это взаимодействие теоретического анализа на пересечении экономической теории и социологии, с одной стороны, и скрупулезные эмпирические исследования экономических институтов и поведения — с другой стороны, и составляют лучшую и наиболее интересную часть работ в области экономической социологии — как в Великобритании, так и в Европе в целом. Общевропейский диалог еще раз доказывает, что на обеих границах — между экономикой и социологией, с одной стороны, теорией и эмпирическими исследованиями — с другой, — исследования будут развиваться и дальше.

Литература⁶

- Abell P.* A Model of the Informal Structure (Culture) of Organizations: Help, Trust, Rivalry and Team Spirit // *Rationality and Society*. 1996a. Vol. 8. No. 4. P. 433–452.
- Abell P.* Economic and Organization Theories: Are They Compatible? Introduction // *Rationality and Society*. 1996b. Vol. 8. No. 4. P. 363–369.
- Abell P.* Self-Employment and Entrepreneurship: A Study of Entry and Exit // James S. Coleman / Ed. by J. Clark. L.: Falmer Press, 1996c.
- Abell P.* Sociological Theory and Rational Choice Theory // *The Blackwell Companion to Social Theory* / Ed. by B.S. Turner. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2000. P. 223–244.
- Ackers P., Smith C., Smith P.* (eds.). *The New Workplace and Trade Unionism: Critical Perspectives on Work and Organization*. L.: Routledge, 1996.
- Clark J.* (ed.). James S. Coleman. L.: Falmer Press, 1996.
- Clarke S.* The Marxist Theory of Overaccumulation and Crisis // *Science and Society*. 1990. Vol. 54. Winter. P. 442–467.
- Clarke S.* Popular Attitudes to the Transition to a Market Economy in the Soviet Union on the Eve of Reform // *Sociological Review*. 1993. Vol. 41. No. 4. P. 619–652.
- Clarke S.* Perceptions of Organizational Safety: Implications for the Development of Safety Culture // *Journal of Organizational Behavior*. 1999. Vol. 20. No. 2. P. 185–198.
- Corbridge S., Thrift N., Martin R.* (eds.). *Money, Power and Space*. Oxford: Blackwell, 1994.
- Crompton R., Harris F.* Gender Relations and Employment: the Impact of Occupation // *Work, Employment and Society*. 1998. Vol. 12. No. 2. P. 297–315.

⁶ Здесь и далее: некоторые работы в оригинальных текстах были обозначены в статусе «в печати». За время подготовки данной книги к публикации они были изданы, и мы приводим точные выходные данные. Поэтому возможны расхождения между датой написания обзора (более ранней) и выхода в свет упомянутой в нем работы (более поздней). — Прим. перев.

- Crompton R., Gallie D., Purcell K. (eds.). Changing Forms of Employment: Organizations, Skills and Gender. L.: Routledge, 1996.
- Deakin S., Lane C., Wilkinson F. Trust or Law? Towards an Integrated Theory of Contractual Relations between Firms // Journal of Law and Society. 1994. Vol. 21. No. 3. P. 329–349.
- Dodd N. The Sociology of Money: Economics, Reason and Contemporary Society. Cambridge: Polity Press, 1994.
- Du Gay P. Making Up Managers: Bureaucracy, Enterprise and the Liberal Art of Separation // British Journal of Sociology. 1994. Vol. 45. No. 4. P. 655–674.
- Du Gay P. Consumption and Identity at Work. L.: Sage, 1996.
- Du Gay P., Hall S., Janes L., Mackay H., Negus K. Doing Cultural Studies: The Story of the Sony Walkman. L.: Sage, 1997.
- Dunne G.A. Pioneers Behind Our Own Front Doors: Towards Greater Balance in the Organization of Work in Partnerships // Work, Employment and Society. 1998. Vol. 12. No. 2. P. 273–295.
- Edwards P. Review Article: Economic Theory, the Labour Market and Inequality // Work, Employment and Society. 1994. Vol. 8. No. 2. P. 273–287.
- Elger T., Smith C. Global Japanization? The Transnational Transformation of the Labour Process. L.: Routledge, 1994.
- Fine B. A Question of Economics: Is It Colonizing the Social Sciences? // Economy and Society. 1999. Vol. 28. No. 3. P. 403–425.
- Fine B., Leopold E. The World of Consumption. L.: Routledge, 1993.
- Fine B., Lapavistas C. Markets and Money in Social Theory: What Role for Economics? // Economy and Society. 2000. Vol. 29. No. 3. P. 357–382.
- Gallie D. New Technology and the Class Structure: The Blue-collar / White-collar Divide Revisited // British Journal of Sociology. 1996a. Vol. 47. No. 3. P. 447–471.
- Gallie D. Skill, Gender and the Quality of Employment // Changing Forms of Employment: Organizations, Skills and Gender / Ed. by R. Crompton, D. Gallie, K. Purcell. L.: Routledge, 1996b. P. 133–159.
- Gallie D., Kostova D., Kuchar P. Employment Experience and Organizational Commitment: an East-West European Comparison // Work, Employment and Society. 1999. Vol. 13. No. 4. P. 621–641.
- Goldthorpe J.H. The Current Inflation: Towards a Sociological Account // The Political Economy of Inflation / Ed. by P. Hirsch, J.H. Goldthorpe. Oxford: Martin Robertson, 1978. P. 186–214.
- Goldthorpe J.H. Sociology of Inflation: A Comment // British Journal of Sociology. 1983. Vol. 34. No. 4. P. 498.
- Goldthorpe J.H. On Sociology: Numbers, Narratives, and the Integration of Research and Theory. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Gratton L., Hope-Hailey V., Stiles P., Truss C. (eds.). Strategic Human Resource Management. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Hakim C. Key Issues in Women's Work: Female Heterogeneity and the Polarisation of Women's Employment. L.: Athlone Press, 1996.
- Hakim C. Social Change and Innovation in the Labour Market: Evidence from the Census SARs on Occupational Segregation and Labour Mobility, Part-Time Work and Student Jobs, Homework and Self-Employment. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Hakim C. Work-Lifestyles in the 21st Century: Preference Theory. Oxford: Oxford University Press, 2000.

- Hill S.* Why Quality Circles Failed But TQM Might Succeed // *British Journal of Industrial Relations*. 1991. Vol. 29. No. 4. P. 541–568.
- Hill S., Wilkinson A.* In search of TQM // *Employee Relations*. 1995. Vol. 17. No. 3. P. 8–25.
- Hill S., Harris M., Martin R.* Flexible Technologies, Markets and the Firm: The case of FMS // *Innovation, Organizational Change and Technology* / Ed. by I. McLoughlin, M. Harris. L.: International Thompson Business Press, 1997.
- Hill S., Martin R., Vidinova A.* Institutional Theory and Economic Transformation: Enterprise Employment Relations in Bulgaria // *European Journal of Industrial Relations*. 1997. Vol. 3. No. 2. P. 229–251.
- Hill S., Harris M., Martin R.* Decentralization, Integration and the Post-Bureaucratic Organization: The Case of R&D // *Journal of Management Studies*. 2000a. Vol. 37. No. 4. P. 563–586.
- Hill S., McGovern P., Mills C., Smeaton C., White M.* Why Study Contracts? Employment Contracts, Psychological Contracts and the Changing Nature of Work / Department of Sociology, London School of Economics. 2000b.
- Hirsch P., Goldthorpe J.H.* (eds.). *The Political Economy of Inflation*. Oxford: Martin Robertson, 1978.
- Hirst P., Thompson G.* Globalization in One Country? The Peculiarities of the British // *Economy and Society*. 2000. Vol. 29. No. 3. P. 335–356.
- Hodgson G.M.* *Economics and Institutions: A Manifesto for Modern Institutional Economics*. Cambridge: Polity Press, 1988.
- Hodgson G.M.* *Economics and Evolution: Bringing Life Back Into Economics*. Cambridge: Polity Press, 1993a.
- Hodgson G.M.* Theories of Economic Evolution: A Preliminary Taxonomy // *The Manchester School*. 1993b. Vol. 61. No. 2. P. 125–145.
- Hodgson G.M.* *Evolution and Institutions: On Evolutionary Economics and the Evolution of Economics*. Cheltenham: Edward Elgar, 1998.
- Hodgson G.M.* *Economics and Utopia: Why the Learning Economy Is Not the End of History*. L.: Routledge, 1999.
- Hutter B.M.* *Compliance: Regulation and Environment*. Oxford: Clarendon, 1997.
- Hutter B.M.* *Regulation and Risk: Occupational Health and Safety on the Railways*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2001.
- Ingham G.* *Capitalism Divided? The City and Industry in British Social Development*. L.: Macmillan, 1984.
- Ingham G.* States and Markets in the Production of World Money: Sterling and the Dollar // *Money, Power and Space* / Ed. by S. Corbridge, N. Thrift, R. Martin. Oxford: Blackwell, 1994.
- Ingham G.* Money is a Social Relation // *Review of Social Economy*. 1996a. Vol. 54. No. 4. P. 507–529.
- Ingham G.* The New Economic Sociology // *Work, Employment and Society*. 1996b. Vol. 10. No. 3. P. 549–564.
- Ingham G.* On the Underdevelopment of the Sociology of Money // *Acta Sociologica*. 1998. Vol. 41. No. 1. P. 1–17.
- Ingham G.* Capitalism, Money and Banking: A Critique of Recent Historical Sociology // *British Journal of Sociology*. 1999. Vol. 50. No. 1. P. 76–96.
- Kennedy M., Florida R.* *Beyond Mass Production: The Japanese System and its Transfer to the US*. Oxford: Oxford University Press, 1993.

- Kelly J.* Mobilization Theory: A New Paradigm for Industrial Relations? L.: Routledge, 1998.
- Kerfoot D., Knights D.* Empowering the Quality Worker: The Managerial Evangelism of Total Quality in Financial Services // Making Quality Critical / Ed. by A. Wilkinson, H. Willmott. L.: Routledge, 1995.
- Knights D., McCabe D.* How Would You Measure Something Like That? Quality in a Retail Bank // Journal of Management Studies. 1997. Vol. 34. No. 3. P. 371–388.
- Knights D., McCabe D.* Dreams and Designs on Strategy: A Critical Analysis of TQM and Management Control // Work, Employment and Society. 1998. Vol. 12. No. 3. P. 433–456.
- Knights D., Murray F.* Managers Divided. L.: Wiley, 1994.
- Lane C.* Industry and Society in Europe: Stability and Change in Britain, Germany and France. Aldershot: Edward Elgar, 1995.
- Lane C.* The Social Regulation of Inter-firm Relations in Britain and Germany: Market Rules, Legal Norms and Technical Standards // Cambridge Journal of Economics. 1997. Vol. 21. P. 197–215.
- Lane C., Bachmann R.* Co-operation in Inter-firm Relations in Britain and Germany: The Role of Social Institutions // British Journal of Sociology. 1997. Vol. 48. No. 2. P. 226–253.
- Law J.* Economics as Interference // Department of Sociology Online Papers. Centre for Science Studies. University of Lancaster. 2000. <http://www.lancs.ac.uk/fss/sociology/papers/law-economics-as-interference.pdf>
- Lee R., Wills J.* (eds.). Geographies of Economies. L.; N.Y.: Arnold, 1997.
- Leyshon A., Thrift N.* Financial Exclusion and the Shifting Boundaries of the Financial System // Environment and Planning. 1996. Vol. 28. P. 1150–1156.
- Leyshon A., Thrift N.* Money/Space: Geographies of Monetary Transformation. L.: Routledge, 1997.
- Leyshon A., Thrift N.* Lists Come Alive: Electronic Systems and the Rise of Credit-Scoring in Retail Banking // Economy and Society. 1999. Vol. 28. No. 3. P. 434–466.
- Lockwood D.* The Blackcoated Worker. L.: George Allen & Unwin, 1958.
- Martin R.* The New Behaviourism: A Critique of Economics and Organization // Human Relations. 1993. Vol. 46. No. 9. P. 1085–1101.
- McGovern P.* HRM, Technical Workers and the Multinational Corporation. L.: Routledge, 1998.
- McGovern P.* HRM Policies and Management Practices // Strategic Human Resource Management / Ed. by L. Gratton, V. Hope-Hailey, P. Stiles, C. Truss. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- McGovern P.* The Irish Brawn Drain: English League Clubs and Irish Footballers, 1946–1995 // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. No. 3. P. 401–418.
- McGovern P., Hope-Hailey V., Stiles P.* The Managerial Career After Downsizing: Case Studies from the «Leading Edge» // Work, Employment and Society. 1998. Vol. 12. No. 3. P. 457–477.
- McLoughlin I., Harris M.* (eds.). Innovation, Organizational Change and Technology. L.: International Thompson Business Press, 1997.
- Miller P., Rose N.* Production, Identity, and Democracy // Theory, Culture and Society. 1995. Vol. 24. P. 427–467.
- Miller P., Rose N.* Mobilizing the Consumer: Assembling the Subject of Consumption // Theory, Culture and Society. 1997. Vol. 14. No. 1. P. 1–36.
- Nava M. et al.* (eds.). Buy This Book: Contemporary Issues in Advertising and Consumption. L.: Routledge, 1997.

- Power M.* The Audit Society: Rituals of Verification. Oxford: Clarendon, 1997.
- Rosenthal P., Hill S., Peccei R.* Checking Out Service: Evaluating Excellence, HRM and TQM in Retailing // *Work, Employment and Society*. 1997. Vol. 11. No. 3. P. 481–503.
- Rowlinson M.* Organizations and Institutions: Perspectives in Economic Sociology. Basingstoke: Macmillan Business, 1997.
- Rubery J.* The Labour Market Outlook and the Outlook For Labour Market Analysis // *Changing Forms of Employment: Organizations, Skills and Gender* / Ed. by R. Crompton, D. Gallie, K. Purcell. L.: Routledge, 1996. P. 23–39.
- Rubery J.* Equal Pay in Europe? Closing the Gender Wage Gap. Basingstoke: Macmillan, 1998.
- Rubery J., Smith M., Fagan C.* National Working-time Regimes and Equal Opportunities // *Feminist Economics*. 1998. Vol. 4. No. 1. P. 71–101.
- Sayer A.* The Dialectic of Culture and Economy // *Geographies of Economies* / Ed. by R. Lee, J. Wills. L.; N.Y.: Arnold, 1997. P. 16–26.
- Sayer A.* Moral Economy and Political Economy // *Studies in Political Economy*. 2000a. Vol. 61. P. 79–104.
- Sayer A.* Markets, Embeddedness and Trust: Problems of Polysemy and Idealism // *Department of Sociology Online Papers*. Centre for Science Studies. University of Lancaster. 2000b. <http://www.lancs.ac.uk/fss/sociology/papers/sayer-moral-economy-political-economy.pdf>
- Slater D.* Consumer Culture and Modernity. Cambridge: Polity, 1997a.
- Slater D.* Consumer Culture and the Politics of Need // *Buy This Book: Contemporary Issues in Advertising and Consumption* / Ed. by M. Nava et al. L.: Routledge, 1997b.
- Slater D., Tonkiss F.* Market Society and Modern Social Thought. Cambridge: Polity Press, 2000.
- Smith C., Elger T.* International Competition, Inward Investment and the Restructuring of European Work and Industrial Relations // *European Journal of Industrial Relations*. 1997. Vol. 3. No. 3. P. 279–304.
- Smith C., Meiksins P.* Systems, Society and Dominance Effects in Cross-National Organizational Analysis // *Work, Employment and Society*. 1995. Vol. 9. No. 2. P. 241–267.
- Smith M.R.* Accounting for Inflation in Britain // *British Journal of Sociology*. 1982. Vol. 33. P. 301–329.
- Smith M.R.* Accounting for Inflation in Britain (Again) // *British Journal of Sociology*. 1985. Vol. 36. P. 77–80.
- Stewart P.* Labour in Uncertain Worlds: The Return of the Dialectic? // *Work, Employment and Society*. 1999. Vol. 13. No. 1. P. 133–146.
- Thompson G.* Where Goes Economics and the Economies? // *Economy and Society*. 1997. Vol. 26. No. 4. P. 599–610.
- Thompson G.* How Far Should We Be Afraid of Conventional Economics? A Response to Ben Fine // *Economy and Society*. 1999. Vol. 28. No. 3. P. 426–433.
- Thompson P.* All Quiet on the Workplace Front? A Critique of Recent Trends in British Industrial Sociology // *Sociology*. 1995. Vol. 29. No. 4. P. 615–633.
- Thompson P., Wallace T., Flecker J., Ahlstrand R.* It ain't what you do, it's the way that you do it: production organization and skill utilization in commercial vehicles // *Work, Employment and Society*. 1995. Vol. 9. No. 4. P. 719–742.
- Thurow L.* Generating Inequality. L.: Macmillan, 1976.
- Turner B.S.* (ed.). *The Blackwell Companion to Social Theory*. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2000.

Wilkinson A., Willmott H. (eds.). *Making Quality Critical*. L.: Routledge, 1995.

Wilkinson J. A New Paradigm for Economic Analysis? Recent convergences in French social science and an exploration of the convention theory approach with a consideration of its application to the analysis of the agrofood system // *Economy and Society*. 1997. Vol. 26. No. 3. P. 305–339.

Wortham S. *Bringing Criticism to Account: Economy, Exchange and Cultural Theory* // *Economy and Society*. 1997. Vol. 26. No. 3. P. 400–418.

Zelizer V. *The Social Meaning of Money*. N.Y.: Basic Books, 1994.

Zelizer V. *Fine Tuning the Zelizer View* // *Economy and Society*. 2000. Vol. 29. No. 3. P. 383–389.

Анос Рона-Тас

Университет Калифорнии в Сан-Диего

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ВЕНГРИИ¹

Ikarus 630.

Год выпуска — 1965

Парадоксально, но самый серьезный вызов для экономической социологии состоит в относительной экономической успешности Венгрии.

Начиная с 1960-х годов Венгрия всегда была страной хозяйственных экспериментов.

Разные волны реформ либерализации при социализме превратили страну в образчик рыночного социализма. Радикальное переустройство хозяйства в 1990-е годы также стимулировало интеллектуальную работу экономсоциологов.

Развитие эмпирической социологии в Венгрии всегда вдохновлялось более проблемами, нежели теориями. Если же эмпирические работы и следовали теории в годы социализма, то это был марксизм (хотя и не всегда впрямую), он обращал внимание на вопросы, порождавшиеся практиками, которые, как считалось, коренились в марксистской теории. Социализм был особой формой социального устройства, легитимность которого практически целиком основывалась на утверждении о превосходстве над капитализмом. Выдвигались даже критерии измерения этого превосходства. Равенство, материальное процветание, справедливость, отсутствие фундаментальных социальных различий, рациональность — вот лишь некоторые из благ, обещанных социализмом. В результате всякое исследование, ставившее под вопрос успехи социализма в достижении этих целей, подвергало сомнению и легитимность лежащей

¹ **Источник:** *Rona-Tas A. Economic Sociology in Europe: Hungary // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2002. Vol. 3. No. 2. October. P. 32—39. <http://econsoc.mpifg.de/>. Пер. с англ. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев.*

в его основе социальной системы. Ныне не так понятно, почему эти режимы столь болезненно реагировали, например, на вдруг появляющиеся публикации социологов о результатах исследования бедности или статьи о вкладе домохозяйств в сельскохозяйственное производство — в то время как большинство людей, живших при этих режимах, прекрасно знали о существовании бедности, а миллионы — выращивали на заднем дворе собственные помидоры и морковь. Однако поскольку единственным обоснованием социализма было доказательство его превосходства (а последнее предполагало его способность искоренить бедность и наладить эффективное крупномасштабное сельскохозяйственное производство), в этих исследованиях неявно поднимались фундаментальные вопросы о социальной системе в целом. Таким образом, при социализме плоды социальных наук воспринимались далеко не безразлично.

Поскольку публичная сфера была полна ограничений и находилась под неусыпным контролем партийного государства, пространством для публичного дискурса стала социология. В своих публикациях социологи обращались не только к академическому сообществу, но и ко всей образованной публике в целом. Социологические труды мгновенно расходились не только среди самих социологов и бдительных партийных работников, но и среди физиков, инженеров, врачей, школьных учителей и творческой интеллигенции. Статьи, которые сегодня выходили бы под маркой политической журналистики, публиковались в жанре социальных наук, оформлялись необходимыми примечаниями, библиографией и теоретическими ссылками. Дискуссии велись не столько по поводу методологии или теоретических нюансов, сколько по поводу политического подтекста написанного.

До 1989 г. между социальными дисциплинами в Венгрии не было четкой дифференциации. Экономическая теория, политология (носившая тогда название науки о государстве и праве) и социология стремились к тому, чтобы отделить себя от своих марксистских собратьев — политэкономии, научного социализма, диалектического и исторического материализма [Vockman 1999]. Институциональные войны за сферу влияния в университетах, исследовательских институтах, в Венгерской академии наук, дебаты по поводу программы социальных наук для средней школы разворачивались вокруг этой идеологической границы, а не между самими дисциплинами.

С распадом системы государственного социализма в области этих дисциплин произошли радикальные изменения. Марксизм, некогда тяжело довлевший над ними, затонул, подобно Атлантиде, не оставив и следа. Появилась свободная публичная сфера, где политический дискурс уже не должен был маскироваться под социальную науку. Некоторые обществоведы начали делать карьеру в политике или в области экспертизы. Социальные науки больше сосредоточивались на самих себе, больше внимания стали уделять методологии. С падением Берлинской стены и «железного занавеса» западные идеи и модели

социальных наук наводнили Венгрию, и в последнее время дисциплинарные границы начали укрепляться академическими вариантами «колючей проволоки» и «минных полей».

Экономическая социология до 1989 г.

В отличие от США, где экономическая социология развивалась в форме явного или скрытого спора-соперничества с экономической теорией, в Венгрии она исторически никогда не враждовала с экономической теорией. Когда две эти силы объединились в своей критике марксизма, дисциплинарная граница между ними стала почти незаметной. Поскольку регулярная университетская подготовка социологов не велась до середины 1960-х годов, некоторые социологи получили ученую степень в области экономической теории. Беспрепятственный переход из экономики в социологию и обратно облегчался еще и тем фактом, что венгерские экономисты, помимо прочего, разделяли традиции институционализма и эмпиризма. Они не особенно интересовались дедуктивным моделированием, а если и интересовались, то в центре их внимания были институциональные образования государственного социализма [Kornai 1980]. Их модели вскрывали дисфункции [malfunctions] социалистических институтов. Я. Корнаи — пожалуй, самый известный экономист эпохи социализма — считал социалистическую экономику частью социально-политико-экономической системы [social-political-economic system] [Kornai 1992].

В последние десятилетия господства государственного социализма венгерская экономическая социология сложилась в качестве достаточно динамичной области знания, и в ее рамках были написаны одни из лучших социологических работ в социалистическом лагере. Это было время периодических экспериментов в сфере экономической и, в меньшей степени, политической либерализации. Относительная открытость венгерского варианта позднего социализма позволяла западным исследователям работать в Венгрии, а венгерским ученым — выезжать за границу. Венгерская экономическая социология интегрировалась в западное, по крайней мере, в американское академическое сообщество. Венгрия стала играть роль одной из призм, через которые исследовался государственный социализм. Так, работы Ивана Селеньи [Ivan Szelenyi], Дэвида Старка [David Stark], Майкла Буравого [Michael Burawoy] позволили выстроить надежную связь между исследованиями в Венгрии и дебатами в американской социологии. Британские социологи — такие, как Найджел Суэйн [Nigel Swain] и Крис Хан [Chris Hahn] — также обращались к исследованию Венгрии. Все это привело к тому, что в англоговорящем мире специфический опыт данной небольшой страны стал оказывать непропорционально большое влияние на интерпретации посткоммунистической экономической трансформации не только в Центральной Европе, но также в России и даже в Китае [Kennedy 2001].

В своем кратком и, совершенно очевидно, выборочном обзоре я остановлюсь на четырех основных областях, в которых венгерская экономическая социология особенно преуспела, а именно на: исследованиях «второй экономики» [the second economy], организации социалистической фирмы, политической экономии планирования и социальной стратификации.

После проведения в жизнь в начале 1980-х годов мер по либерализации «вторая экономика» (мелкий, неформальный частный сектор в рамках социализма) стала одной из центральных тем венгерской экономической социологии [см.: Rona-Tas 1997]. Открытие этого мира хозяйства — с его собственной логикой, отличной от той, что господствовала в планируемом и управляемом государством социалистическом хозяйстве, — породило целый ряд исследований, выполненных на мировом уровне. «Вторая экономика» в Венгрии была глубоко укоренена в социальных отношениях и охватывала такие виды деятельности, как личные подсобные хозяйства [Szelenyi 1988; Kovach 1987; Juhász 1988], мелкое ремесленное производство [Kuczi, Vajda 1990], вторичная занятость, мелкая торговля, оказание частных потребительских услуг, частное строительство жилья [Sik 1984], образование мелких деловых товариществ [business partnerships]. Происходившие здесь транзакции должны были полагаться почти исключительно на личные связи и обыденные нормы, так как социалистическое государство неохотно предоставляло какое-либо правовое обеспечение подобной деятельности. Хотя «вторую экономику» часто считали рыночной экономикой [Kemeny 1982] и рациональной формой использования труда [Gabor, Galasi 1981], ее фундаментально социологический характер никогда не подвергался сомнению.

В то время как исследования «второй экономики» были сосредоточены на «малых формах», социология организаций пыталась глубже понять работу гигантских социалистических фирм. Здесь исследователей интересовали громадный размер компаний [Schweitzer 1982], процесс труда, трудовые отношения на предприятиях [Hethy, Mako 1989; Burawoy, Lukacz 1992]. Допустив «вторую экономику» в социалистическую фирму в начале 1980-х годов, государство позволило компаниям привлекать на субподрядной основе мелкие деловые товарищества, которые были образованы их собственными работниками внутри фирмы, — это делало грань между «первой» и «второй экономикой» весьма размытой [Sziraczky 1989; Stark 1989; Laky 1984].

Выпускалось также много работ по политэкономии планирования, исходивших из идеи о том, что социалистические фирмы — не просто марionетки в руках плановиков, но обладают определенной автономией [Bauer 1978; Szalai 1989, Voszka 1988]. В них планирование представлялось как сложный процесс торга [bargaining], сопровождающегося действием социальных и политических сил, которые часто приводят к непредвиденным последствиям на уровне хозяйственной системы в целом.

Наконец, проводилось много исследований в области социальной стратификации. В основном они были организованы двумя исследовательскими группами: одной руководил Рудольф Андорка [Rudolf Andorka] (Центральное статистическое бюро); другой — Тамаш Колоши [Tamás Kolosi] (сначала в Партийном институте социальных исследований, затем — в исследовательском институте TARKI²). Первоначально для того чтобы показать существование системного экономического неравенства, исследователи должны были отказаться от анализа механизмов его появления. Разграничивая социальную стратификацию и социальную структуру, они сосредоточивали свое внимание на исследовании первой и практически не уделяли внимания второй. В некоторых ранних работах по социальной стратификации напрямую выдвигались марксистские утверждения о социальных классах, однако в последние десятилетия государственного социализма исследователей больше интересовали вопросы социальной мобильности [Simkus, Andorka 1982; Andorka, Kolosi 1984; Kolosi 1987] и экономической дифференциации, в том числе проблемы бедности [Vokor 1986]. К тому времени в исследованиях стратификации уже не обходились стороной механизмы появления неравенства — стало уделяться внимание исследованию «второй экономики», процессам на рынке труда [Galasi, Sziraczky 1985] и социальной психологии материальных ожиданий [Tardos 1988].

Постсоциалистическая эпоха

Распад государственного социализма и начало постсоциалистической трансформации радикально изменили набор проблем, составляющих предметную область венгерской экономической социологии. Прежние формы планирования, «второй экономики» и социалистической фирмы сошли на нет, уступив центральное место экономическому переходу к рыночному хозяйству. Исследования организаций уже были нацелены на выявление того, как компании адаптируются к радикально изменившейся среде с точки зрения своей внутренней организации [Whitley, Czaban 1998], процесса труда [Czaban, Whitley 1998], поведения, основанного на принципах сотрудничества [Casbina, Leveleki 2000; Gal 2000], уплаты налогов [Toth, Semjen 1998], а также того, как все это влияет на успешность компании в целом [Lengyel 1999, 2000]. Много интересных работ выполнено на основе идущего ныне панельного исследования предприятий (оно было начато в 1992 г. и охватывает примерно 400 фирм в обрабатывающей промышленности).

Многие авторы обращаются к исследованию приватизации. Некоторых интересует сам процесс как таковой [Gyukits, Szanto 1998; Stark, 1992, 1996; Antal-Mokos 1998]. Другие исследуют его последствия — такие, как те-

² Информационный центр социальных исследований [Tarsadalomkutatasi Intezet Rt]. См.: <http://www.tarki.hu>. — *Прим. перев.*

кучность управленческих кадров [Böröcz, Rona-Tas 1995] и формирование сетевых связей между компаниями [Vedres 2000a, 2000b].

Изучение предпринимательства образует еще одну благодарную область исследований. Несмотря на то что в Венгрии занятие предпринимательством как основной деятельностью — новое явление посткоммунистического периода, исследования малого предпринимательства во многом обязаны более раннему анализу «второй экономики». Поскольку рыночные условия при социализме либо отсутствовали вовсе, либо были развиты в недостаточной мере, предпринимательство оказывалось глубоко укоренено в социальных отношениях. Длительная исследовательская традиция обращается к анализу природы предпринимательства, описанию работы малых предпринимателей и логики их действий в контексте недостаточно сложившихся рыночных условий [Kuczsi 2000; Laki 1998; Rona-Tas 2002; Letenyei 2001].

Другое интересное направление — рекрутирование предпринимателей [Robert 1996; Rona-Tas 1994; Lengyel 1997—1998]. Здесь рассматривается, какой тип ресурсов или капитала необходимо мобилизовать, чтобы основать предприятие при отсутствии действующего финансового рынка. В значительной степени под влиянием работы Пьера Бурдьё о различных формах капитала (культурного, человеческого, социального и политического) [Eyal et al. 1998] исследователи проанализировали различные способы его мобилизации, необходимой для создания прибыльного предприятия [Rona-Tas 1998].

Во время как исследования процесса рекрутирования предпринимателей сосредоточены на выявлении детерминант экономического успеха, исследования стратификации больше заняты поиском факторов возникновения бедности и рассмотрением все увеличивающейся пропасти между бедными и богатыми. Одним из источников данных об изменениях в области неравенства является начатое в 1992 г. венгерское панельное исследование 2 тыс. домохозяйств на базе случайной выборки [Andorka, Speder 2001; Speder 1998]. Отчеты, написанные по результатам этого исследования, демонстрируют существенное увеличение дифференциации и рост бедности в 1990-е годы. Во многих работах присутствует стремление понять этот процесс путем изучения рынка труда в целом и явлений безработицы, частичной занятости и нетипичной работы в частности.

Наконец, появилась интересная работа о неформальных рынках [Sik 1999; Czako, Sik 2001] и личных сетях, рассматриваемых как активы [Sik, Wellman 1999]. Исследователями за пределами Венгрии предпринимались попытки разработать более общие теории посткоммунистической трансформации, однако влияние этих теорий в Венгрии весьма ограничено. Эти авторы склонны уделять основное внимание трансформации отношений собственности и делают попытку обнаружения и теоретического обоснования третьего пути — промежуточного варианта между социалистической административно-командной экономикой и рыночным капитализмом [Böröcz 1993; Stark, Bruszt 1997; Eyal et al. 1998].

За последнее десятилетие в венгерской экономической социологии произошли важные изменения. Исследовательские институты стали играть более заметную роль в проведении новых исследований, в то время как роль университетов в этом процессе уменьшилась. В период серьезных финансовых затруднений университеты переживают стремительное увеличение набора студентов — по сравнению с 1980-ми годами количество студентов выросло в 2 раза, причем число тех, кто изучает социологию, — в 10 раз. Университеты все в меньшей степени остаются исследовательскими центрами, превращаясь в фабрики по производству дипломированных специалистов [credential factories]. В этих условиях они стремятся укреплять границы своих дисциплин и тем самым противостоять снижению профессионального уровня. В результате экономическая социология, как и прочие междисциплинарные течения, теряет свои позиции в высшем экономическом образовании. Факультеты экономики безоговорочно следуют неоклассической экономической теории, и счастливые времена сотрудничества экономической теории и экономической социологии уходят в прошлое. Экономисты стремительно теряют интерес к социологии, в то время как со стороны социологов появился пока незначительный, но все возрастающий интерес к теории рационального выбора.

Поскольку исследовательские институты все более активно вовлекаются в прикладные исследования, теоретически амбициозных работ, — которые, как правило, делаются в ресурсных и исследовательских центрах, — немного, и зачастую они проводятся учеными, занимающими хорошо оплачиваемые позиции в зарубежных университетах. Если в Венгрии исследования и связаны с теорией, то преимущественно это происходит путем проверки заимствованных идей на отечественных данных. А в условиях продолжительного отсутствия интереса к теории в венгерской экономической социологии ведется очень мало дискуссий, и процесс накопления знания идет весьма вяло. Отсутствие связной теоретической схемы явилось одной из многих причин, по которой попытки экономической социологии сформулировать связный план посткоммунистической хозяйственной трансформации оказались столь неудачными.

Тем не менее неблагоприятные условия существования венгерской экономической социологии во многих отношениях оказались ей на руку. Утрата массовой аудитории в сочетании с усилением конкуренции с экономической теорией привела к продвижениям в области методологии. Публикуемые работы становятся все более солидными и тщательно сделанными. Вследствие дефицита финансовых средств исследователи зачастую обращаются к иностранным, в том числе международным источникам финансирования. А это вынуждает их изучать зарубежную литературу и проводить межнациональные срав-

нения. Новые работы значительно менее ограничены узкорегиональными рамками, чем работы десятилетней давности.

Парадоксально, но самый серьезный вызов для экономической социологии состоит в относительной экономической успешности Венгрии. Сейчас, через двенадцать лет после крушения коммунизма, Венгрия является одним из лучших учеников посткоммунистической трансформации. Начиная с 1960-х годов Венгрия всегда была страной хозяйственных экспериментов. Разные волны реформ либерализации при социализме превратили страну в образчик рыночного социализма. Радикальное переустройство хозяйства в 1990-е годы также стимулировало интеллектуальную работу экономсоциологов.

Постепенная интеграция в Европейский союз не позволила Венгрии породить новую форму организации своего хозяйства, и страна готовится занять в Европейском сообществе нормальное, а значит, ничем не примечательное место. Венгерская экономическая социология периода позднего социализма пользовалась популярностью и была релевантной; причем ее релевантность осталась за ней и в посткоммунистическую эпоху. И ей еще предстоит найти свое новое место в мире посткоммунистической нормальности.

Литература³

- Andorka R., Kolosi T.* (eds.). *Stratification and Inequalities*. Budapest: Institute for Social Sciences, 1984.
- Andorka R., Speder Z.* *Poverty in Hungary in 1992–1995 // The Small Transformation. Society, Economy and Politics in Hungary and the New European Architecture / Ed. by G. Lengyel, Z. Rostovanyi*. Budapest: Akademiai Kiado, 2001. P. 126–159.
- Antal-Mokos Z.* *Privatisation, Politics, and Economic Performance in Hungary*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Bauer T.* *Investment Cycles in Planned Economies // Acta Oeconomica*. 1978. Vol. 28. No. 3–4. P. 422–455.
- Bockman J.K.* *Economists and Social Change: Science, Professional Power, and Politics in Hungary, 1945–1995 // Doctoral Dissertation*. University of California, San Diego, 1999.
- Bokor A.* *Deprivation in Hungary // Economy and Society in Hungary / Ed. by R. Andorka, L. Bertalan*. Budapest: Karl Marx University, 1986. P. 185–202.
- Böröcz J.* *Simulating the Great Transformation: Property Change under Prolonged Informality in Hungary // Archives Européennes de Sociologie*. 1993. Vol. 34. P. 81–106.
- Böröcz J., Rona-Tas A.* *Formation of the New Economic Elites: Hungary, Poland and Russia // Theory and Society*. 1995. Vol. 24. No. 5. P. 751–781.
- Burawoy M., Lukács J.* *The Radiant Past: Ideology and Reality in Hungary's Road to Capitalism*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Csabina Z., Leveleki M.* *Vallalatok kooptativ magatartasa a hazai feldolgozo iparban [Cooperative behavior of companies in manufacturing]* // Szociologiai Szemle*. 2000. Vol. 2. P. 51–70.

³ Работы, обозначенные «звездочкой» (*), содержат аннотации на английском языке.

Czaban L., Whitley R. The Transformation of Work Processes in Emergent Capitalism: The Case of Hungary // *Work, Employment and Society*. 1998. Vol. 12. No. 1. P. 47–72.

Czako A., Sik E. Characteristics and Origins of the COMECON Open-Air Market in Hungary // *The Small Transformation. Society, Economy and Politics in Hungary and the New European Architecture* / Ed. by G. Lengyel, Z. Rostovanyi. Budapest: Akademiai Kiado, 2001. P. 104–123.

Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. Making Capitalism Without Capitalists. The New Ruling Elites in Eastern Europe. L.: Verso, 1998.

Gábor R.I., Galasi P. A «masodik» gazdaság [The «Second» Economy]. Budapest: Kozgazdasági és Jogi Kiado, 1981.

Gal R.I. Puha költségvetési korlát, a szerződéses kezeleése és a notorius megbízhatatlanság [Soft budget constraints, the handling of contracts and notorious unreliability]* // *Szociológiai Szemle*. 2000. No. 1. P. 3–23.

Galasi P., Sziracski G. (eds.). Labour Market and Second Economy in Hungary. N.Y.: Campus, 1985.

Gyukits G., Szántó Z. Privatizáció és társadalmi tőke. Gazdasági folyamatok társadalmi beágyazottsága egy kórházi osztály privatizációs kísérleteinek példáján [Privatization and social capital. The social embeddedness of economic processes in the privatization of a hospital unit]* // *Szociológiai Szemle*. 1998. No. 3. P. 83–98.

Hethy L., Mako C. Patterns of Workers' Behavior and the Business Enterprise. Budapest: Institute of Sociology of the Hungarian Academy of Sciences, 1989.

Juhász P. Zsakutcaban van-e a magyar mezőgazdaság? [Is Hungarian agriculture on a deadend street?] // *Medvetanc*. 1988. No. 1. P. 197–211.

Kemény I. The Unregistered Economy in Hungary // *Soviet Studies*. 1982. Vol. 34. No. 3. P. 349–366.

Kennedy M.D. Postcommunist Capitalism, Culture and History // *American Journal of Sociology*. 2001. Vol. 106. No. 4. P. 1138–1151.

Kolosi T. Tagolt társadalom: struktúra, retegződés, egyenlőtlenység Magyarországon [Stratified Society: Structure, Stratification and Inequality in Hungary]. Budapest: Gondolat, 1987.

Kornai J. Economics of Shortage. Amsterdam: North-Holland, 1980. См. также: *Корнай Я. Дефицит* / Пер. с венг. С. Березиной и др.; предисл. О. Богомолова. М.: Наука, 1990.

Kornai J. The Socialist System. The Political Economy of Communism. Princeton: Princeton University Press, 1992. См. также: *Корнай Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма*. М.: НП журн. «Вопросы экономики», 2000.

Kovács I. A mezőgazdasági kisárutermeles üzemi formái [The types of agricultural small commodity production] // *Szociológia*. 1987. No. 4. P. 513–553.

Kuczsi T. Kisvállalkozás és társadalmi környezet [Small Entrepreneurship and Social Environment]. Budapest: Replika, 2000.

Kuczsi T., Vajda A. A kisvállalkozók társadalmi összetétele [The Social Composition of Small Entrepreneurs]. Budapest: Munkaugyi Kutató Intézet, 1990.

Laki M. Kisvállalkozás a szocializmus után [Small Enterprise after Socialism]. Budapest: Kozgazdasági Szemle Alapítvány, 1998.

Laky T. Small Enterprises in Hungary: Myth and Reality // *Acta Oeconomica*. 1984. Vol. 32. No. 1–2. P. 39–63.

Laky T. A kisvállalkozások növekedésének korlátai [Limits of growth for small enterprises]* // *Szociológiai Szemle*. 1998. No. 1. P. 23–40.

Lengyel G. Entrepreneurial Incentivations in Hungary, 1988–1996 // International Journal of Sociology. 1997–1998. Vol. 27. No. 4. P. 36–49.

Lengyel G. (ed.). Siker, Halasztás, Penzugyi Fegyelem. A Vallalati Panelvizsgalat Tapasztalataiból [Success, Delay, and Fiscal Discipline. From the Results of the Panel Study of Firms]. Budapest: BKE, 1999.

Lengyel G. (ed.). Bizalom, tulajdon, nyereség. A vállalati panelvizsgalat elemzése-gazdasági szereplők és magatartások [Trust, Property, Profit. The Analysis of the Panel Study of Firms – Economic Actors and Behavior]. Budapest: BKE, 2000.

Letenyei L. Rural Innovation Chains. Two Examples of the Diffusion of Rural Innovations // Review of Sociology. 2001. No. 1. P. 85–100.

Robert P. Vallalkozók és vállalkozások [Entrepreneurs and enterprises] // Tarsadalmi Riport 1996 [Social Report 1996] / Ed. by R. Andorka, T. Kolosi, G. Vukovich. Budapest: TARKI, 1996.

Rona-Tas A. The First Shall Be Last? Entrepreneurship and Communist Cadres in the Transition from Socialism // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 100. No. 1. P. 40–69.

Rona-Tas A. The Great Surprise of the Small Transformation: The Demise of Communism and the Rise of the Private Sector in Hungary. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1997.

Rona-Tas A. Path-Dependence and Capital Theory: Sociology of the Post-Communist Economic Transformation // East European Politics and Societies. 1998. Vol. 12. No. 1. Winter. P. 107–131.

Rona-Tas A. The Worm and the Caterpillar: The Small Private Sector in the Czech Republic, Hungary and Slovakia // The New Entrepreneurs of Europe and Asia: Patterns of Business Development in Russia, Eastern Europe, and China / Ed. by V. Bonnell, T. Gold. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2002.

Schweitzer I. Vállalatnagyság [Firm size]. Budapest: Kozgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1982.

Sik E. «Small is Useful» or the Reciprocal Labour Exchange in Hungary // On Labour Economics. Working Paper No. 5. Budapest: Karl Marx University, 1984.

Sik E. «Emberpiac» a Moszkva teren [«Slave market» on Moscow Square]* // Szociológiai Szemle. 1999. No. 1. P. 97–119.

Sik E., Wellman B. Network Capital in Capitalist, Communist, and Postcommunist Countries // Networks in the Global Village. Life in Contemporary Communities / Ed. by B. Wellman. Boulder, CO: Westview, 1999. P. 225–253.

Simkus A., Andorka R. Inequalities in Educational Attainment in Hungary, 1923–1973 // American Sociological Review. 1982. Vol. 47. No. 6. P. 740–751.

Speder Z. Poverty Dynamics in Hungary during the Transformation // Economics of Transition. 1998. Vol. 6. No. 1. P. 1–21.

Stark D. Coexisting Organizational Forms in Hungary's Emerging Mixed Economy // Remaking of the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe / Ed. by V. Nee, D. Stark. Stanford: Stanford University Press, 1989. P. 137–168.

Stark D. Path Dependence and Privatization Strategies in East Central Europe // East European Politics and Societies. 1992. Vol. 6. No. 1. P. 17–54.

Stark D. Recombinant Property in East European Capitalism // American Journal of Sociology. 1996. Vol. 101. P. 993–1027. См. также: Старк Д. Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма // Вопросы экономики. 1996. № 6. С. 4–24.

Stark D., Bruszt L. Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

- Szalai E.* Gazdasági mechanizmus, reformtorekvések és nagyvállalati érdekek [Economic mechanism, reform attempts and the interest of large firms]. Budapest: Kozgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1989.
- Szelenyi I.* Socialist Entrepreneurs. Embourgeoisement in Rural Hungary. Madison: Wisconsin University Press, 1988.
- Sziraczki G.* Internal Subcontracting in Hungarian Enterprises // Alternatives to Capitalism / Ed. by J. Elster, K.O. Moene. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 39–60.
- Tardos R.* Meddig nyujtoz(ko)dunk? [How high do (should) we aspire?] Budapest: Kozgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1988.
- Tóth I.J., Semjen A.* Tax Behaviour and Financial Discipline of Hungarian Enterprises // The Hungarian SME Sector Development in Comparative Perspective / Ed. by L. Csaba. Budapest: Kopint-Datorg, 1998. P. 103–134.
- Vedres B.* Constellations of Economic Power // Connections. 2000a. Vol. 23. No. 1. P. 44–59.
- Vedres B.* A tulajdonosi halozatok felbomlása [The dissolution of ownership networks] // Kozgazdasági Szemle. 2000b. Vol. 47. September.
- Voszka E.* Reform és átszervezés a nyolcvanas években [Reform and reorganization in the 1980s]. Budapest: Kozgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1988.
- Whitley R., Czaban L.* Institutional Transformation and Enterprise Change in an Emergent Capitalist Economy: The Case of Hungary // Organization Studies. 1998. Vol. 19. No. 2. P. 259–328.

*Дженс Беккерт
Берлинский свободный университет*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ГЕРМАНИИ¹

Mercedes-Benz 170.
Производился с 1931 по 1936 г.

Германия относится к числу стран, где экономическая социология имеет наиболее мощные корни.

Германия относится к числу стран, где экономическая социология имеет наиболее мощные корни. Во всем мире Карл Маркс, социологи Макс Вебер и Георг Зиммель несомненно считаются классиками экономической социологии. Более того, при жизни Вебера и Зиммеля экономическая наука в Германии все еще была тесно связана с социологическими проблемами. И только в 1930-х годах влияние немецкой исторической школы ослабло. Существовавший вплоть до этого времени взаимный интерес социологов и экономистов к соседней области знаний можно проследить, например, в работах А. Лёве «Экономика и социология: предложение о сотрудничестве в социальных науках» [Löwe 1935] и К. Манхейма «Человек и общество в эпоху реконструкции» [Mannheim 1935]. Обе эти книги были опубликованы в 1935 г., когда их авторы уже были вынуждены покинуть страну.

В послевоенной немецкой социологии столь сильной традиции экономической социологии уже

¹ **Источник:** *Beckert J. Economic Sociology in Germany // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2000. Vol. 1. No. 2. January. P. 2—7. <http://econsoc.mpifg.de/>. Пер. с англ. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев.*

нет. Хотя в 1970-е и 1980-е годы какие-то отдельные работы (например, Ханса Альберта [Hans Albert] и Клауса Хайнеманна [Klaus Heinemann]) и выходили под маркой экономической социологии, эта область знания оставалась на обочине немецкой социологии. Это не означает, что экономические проблемы не были важны. Однако начиная с 1950-х годов развитие веберовской экономической социологии происходило в рамках индустриальной социологии, которая затрагивала также и смежные области знания, такие, как социология рынка труда и социология образования. Исследования Хорста Керна [Horst Kern] и Михаэля Шумана [Michael Schumann], Вернера Зенгенберге-ра [Werner Sengenberger], Вальтера Мюллер-Йентча [Walter Müller-Jentsch], Арндта Зорге [Arndt Sorge] и других получили национальное и международное признание. В 1970-е годы центральное место в индустриальной социологии все более явно занимала нормативная цель улучшения положения рабочих в рамках трудовых отношений. В 1970-е годы здесь так же, как и повсюду, вырос интерес к марксистской политической экономии. Ныне же индустриальная социология и политэкономия практически утратили свое влияние. В результате образовалась пустота, которую могла бы заполнить экономическая социология.

В настоящее время экономическая социология в Германии является собой крайне разнородное и пока слабо организованное поле. Хотя в рамках Немецкой социологической ассоциации и образована секция экономической социологии, лишь немногие ведущие немецкие экономсоциологи участвуют в ее работе. Объясняется это (по крайней мере, отчасти) тем, что большинство нынешних экономсоциологов начинали свою деятельность в сфере общей социологической теории или индустриальной социологии и пока не стремятся к новой идентификации в качестве экономсоциологов. Несмотря на общую неоднородность экономической социологии, в ней можно выделить четыре области научных интересов. Я вкратце охарактеризую каждую из них; при этом я сконцентрирую внимание лишь на самых последних публикациях. Поэтому список называемых мною книг и статей далеко не полон.

1. Социология денег

Одна из основных областей интереса немецких экономсоциологов связана с исследованием денег. Корни этого интереса восходят к соответствующим работам Вебера и Зиммеля, а также к предложенной Т. Парсонсом концептуализации денег как обобщенного средства коммуникации [a generalized media of communication]. Эта идея Парсонса обрела популярность в немецкой экономической социологии, прежде всего, благодаря поздней работе Никласа Лумана [Luhmann 1988], а также в связи с различением понятий системы и жизненного мира, предложенным Юргеном Хабермасом [Habermas 1981].

Согласно Луману, посредническая функция денег выступает в качестве основного социального инструмента, который облегчает социальную координацию, помогая преодолеть проблему двойственной оценки ситуации. Это достигается путем сведения релевантной для экономического обмена коммуникации к вопросу о том, согласен ли партнер по этому обмену заплатить определенное количество денег за тот или иной товар. Все прочие соображения здесь утрачивают какую-либо силу. Деньги помогают отделить собственно акт экономического обмена от личных качеств партнеров по обмену и от соображений морального характера. Следовательно, — как это уже подчеркивал Вебер, — деньги являются основным средством дифференциации современных хозяйств.

Экономическая социология Лумана получила достаточно широкий отклик в Германии — как одобрительный, так и критический. В ряду наиболее ярких сторонников системно-теоретического направления в экономической социологии находится Дирк Беккер, бывший студент Лумана. В его исследованиях рассматривается, помимо прочего, функционирование рынков [Baecker 1988] и банков [Baecker 1991]. Идеи Лумана вызвали также и критическую реакцию. Книгу Хайнера Хансмана (Берлинский свободный университет) «Деньги и работа», в которой анализируется связь между деньгами и трудом в капиталистических экономиках, можно привести в качестве примера работы по экономической социологии, выполненной в пику лумановской концептуализации денег [Ganßmann 1996]. Хансман исходит из центральной роли, которую играют деньги в организации и функционировании современных экономик. Однако при этом он отвергает концепции, трактующие деньги как нечто, не имеющее исторических корней в «реальной экономике». Ранняя версия его отдельных рассуждений по этому вопросу была опубликована на английском языке в журнале «Хозяйство и общество» [Ganßmann 1986].

Другая в высшей степени примечательная работа по социологии денег написана Кристофом Дойчманном (университет Тюбингена) [Deutschmann 1999]. Понимание капиталистической динамики Дойчманн предлагает строить на принципах функционирования денег. Деньги не просто «полезны» для покупки тех или иных предметов. Обладание деньгами составляет также и основу индивидуальной свободы. Отталкиваясь от зиммелевского понятия денег как «абсолютного средства», Дойчманн проводит аналогию между деньгами и Богом, отмечая, что и то, и другое выступает конечным ориентиром. Деньги сами по себе являются целью. Смысл денег — только в их количественном увеличении, которое требует их постоянного инвестирования.

Отсюда проистекают два следствия. Во-первых, религия представляется не просто инструментальным средством для развития капитализма, как у Вебера. Вместо этого сам капитализм рассматривается как, в сущности, религиозное образование. Во-вторых, деньги высту-

пают как основное средство объяснения капиталистической динамики. Необходимость выгодного вложения денег требует постоянного обновления продуктов. Экономика переходит от ситуаций, характеризующихся высокой степенью неопределенности и возможностью извлечения высоких прибылей, к относительно предсказуемым ситуациям, сулящим низкие доходы. Это движение объясняется циклом «созидательного разрушения», порождающего неопределенность, с которой сталкиваются акторы. Эта неопределенность может быть временно нейтрализована в процессе социального взаимодействия в силу появления опосредующих социальных структур. Рассуждая о процессах институционализации, Дойчманн отталкивается от выводов, сделанных в рамках институциональной теории организации. Он систематично соединяет дискуссию о деньгах с концепцией неопределенности как конститутивной проблемы экономической социологии.

2. Политика, институты и экономика

Второе направление немецкой экономической социологии находится на стыке экономики и политики. К нему могут быть отнесены исследования Вольфганга Штрека, Фрица Шарпфа (Институт Макса Планка, Кельн), а также многие работы Клауса Оффе (Гумбольдский университет, Берлин). Однако сами эти авторы, как правило, свою работу к экономической социологии не относят. Я очерчу лишь общие контуры этого направления, поскольку, вероятно, именно эта область знания наиболее известна в мировом научном сообществе и соответствующие работы легко найти на английском языке. Вольфганг Штрек анализирует воздействие властных политических систем на функционирование экономики. Особое внимание он уделяет исследованию влияния таких посреднических институтов, как системы коллективных договоров, профсоюзные организации и ассоциации работодателей, а также последствиям правового регулирования в целом [Streeck 1999]. Подобный институциональный подход он применяет не только к анализу индустриальных отношений и социальной политики государства в Германии, но также к проблемам, сопровождающим процесс интеграции Европейского союза, и к пониманию процесса глобализации.

Клаус Оффе, придерживающийся в значительной мере схожих теоретических воззрений, в последних своих работах избрал скорее противоположную географическую ориентацию — на Восток. Сразу после распада коммунистических режимов в Восточной Европе Оффе [Offe 1994] заинтересовался социологической трактовкой процесса трансформации восточноевропейских экономик и политических систем. Он ввел в оборот некоторые важные понятия, характеризующие связь между демократией и развитием капиталистических экономических структур.

Вполне понятно, что трансформационные процессы, происходящие в Восточной Германии, вызвали немалый интерес немецких экономосоциологов. Все содержание проделанной ими работы невозможно описать несколькими словами, поэтому здесь я приведу лишь два примера. Первый – это исследование Пауля Виндольфа и Себастиана Шифа из университета Триера: в рамках сетевой теории здесь исследуются структуры собственности и явление переплетенного директората в крупных восточногерманских фирмах [Windolf, Schief 1999].

Эмпирическое исследование показало, что большая часть фирм принадлежит западногерманским владельцам и что в сети переплетенного директората доминирующее положение также занимают западные менеджеры. Это приводит к появлению «структурных пустот» в сети восточногерманских компаний: они оказываются связанными между собой посредством западногерманских менеджеров, которые подчиняют эти компании внешнему структурному влиянию Западной Германии. Другой пример – выполненное Михаэлем Томасом и Рудольфом Водерихом исследование восточногерманских малых предпринимателей [Thomas, Woderich 1997]. Авторы пришли к выводу, что проинтервьюированные ими самозанятые восточные немцы едва ли имеют что-либо общее с моделью предпринимателя, нарисованной Шумпетером: они не заинтересованы в расширении своей компании путем проведения рискованных операций (например, с помощью получаемых кредитов кредитов), предпочитая защитные стратегии выживания. В Восточной Германии решение стать «предпринимателем» в значительной мере является следствием отсутствия возможностей для применения своих сил на рынке труда. И это объясняет, почему ментальность опрошенных предпринимателей столь схожа с культурными установками наемных работников.

3. Социология и экономическая теория

Еще одно направление немецкой экономической социологии представлено авторами, которые в своих рассуждениях отталкиваются от проблем, поставленных микроэкономической теорией. Они исследуют границы экономических трактовок и пытаются найти социологические ответы на поставленные вопросы. Ответы на экономические вопросы становятся социологическими, если они не сводятся к проблеме относительных цен. Причем это не означает, что экономические аргументы отвергаются полностью – ведь сочетание социологического и экономического объяснений может оказаться особенно продуктивным. Как выяснилось, с точки зрения социологии двумя наиболее интересными проблемами являются проблемы экстерналий и отношений «принципал – агент». Йоханнес Бергер (университет Маннгейма) среди прочего проанализировал воздействие экономической системы на природную среду; поскольку негативные воздействия на

экологию не отражаются на ценах, то оптимальный уровень ее загрязнения не может регулироваться рынком [Berger 1999]. Бергер предлагает включить в анализ социальные нормы, или экологическое сознание, в качестве единственного *действительно* релевантного параметра, объясняющего поведение компаний и государства по отношению к окружающей среде. Проблемы принципала и агента особенно активно начали обсуждаться экономистами в силу развития новой микроэкономики. Однако проблема «моральных стимулов» задолго до этого обсуждалась в рамках социологических теорий. Примером здесь может служить проблема мобилизации труда в марксовской теории стоимости. Бергер рассматривает эту проблему в интересной статье, названной «Почему рабочие трудятся?» [Berger 1995]. Свои рассуждения по поводу утилитаристских и дюркгеймианских подходов к данной проблеме он завершает не просто констатацией важности моральных ресурсов. Он также ставит вопрос о том, каков должен быть социальный контекст действия, чтобы акторы могли рассчитывать на то, что предпринятые ими шаги к сотрудничеству не будут использованы им во вред.

Свою собственную работу я бы тоже отнес к этой категории. В статье 1996 г. я анализирую специфически социологический вклад в исследование экономических проблем [Beckert 1996]. Влиятельная социологическая традиция отводит проблеме центральную роль в социологическом анализе экономических явлений ценностей. Моя статья отталкивается от этой традиции. В ней утверждается, что неопределенность представляет собой важнейшую конституирующую проблему экономической социологии. В то время как неоклассическая традиция в экономической теории переформулирует ситуации неопределенности как ситуации риска (что позволяет оптимизировать решения, основанные на просчитывании вероятности), социология обращает внимание на последствия такой ситуации: акторы здесь лишены возможности для выработки оптимальных решений. Именно в силу возникновения проблем, вызванных неопределенностью, акторы должны полагаться на социальные механизмы (такие, как институты, обычаи, сети и власть) для структурирования взаимодействий в экономических контекстах. Это направление впоследствии было доработано, и в анализ были включены также явления кооперации и инновации как следующих этапов разворачивания действия, для понимания которых необходимо отвлечься от принятой в экономической теории посылки о максимизации [Beckert 1997].

4. Социология рынков

В последнее время социологический анализ рынков стал еще одним направлением экономической социологии в Германии. Примером может служить книга Клауса Кремера (университет Мюнстера) «Рынок общества» [Kraemer 1997]. Работа Кремера написана под сильным

влиянием предложенной Георгом Зиммелем модели социации [Vergesellschaftung] и роли, которую в ней играет обмен. Он ставит вопрос о социальных и культурных последствиях, возникающих в современных обществах в результате распространения регулируемых рынком отношений обмена. Кремер исследует влияние рынка на примере нескольких социологически значимых проблем, таких, как: властные отношения в обществе, использование природных ресурсов, конструирование идентичности участниками рынка. Его рассуждения вносят вклад в социологическое понимание культурных последствий рынка (в экономической теории этот вопрос практически не рассматривается).

Работа Кремера продолжает традицию макросоциологического анализа экономических институтов. Урс Брюггер и Карин Кнорр-Цетина (университет Св. Галлена и университет Билефельда) в своем анализе финансовых рынков следуют микросоциологическому направлению. Широко известны работы Кнорр-Цетины по изучению микроструктуры процесса научных исследований. В статье «Глобальные микроструктуры: виртуальные общества финансовых рынков» предпринимается попытка проанализировать роль, которую играет непосредственное взаимодействие трейдеров («лицом к лицу» или «лицом к экрану») для образования глобальных финансовых рынков [Bruegger, Knorr-Cetina 2002]. Брюггер и Кнорр-Цетина исследовали деятельность трейдеров зарубежных бирж на примере глобального инвестиционного банка в Цюрихе. В центре их внимания оказались прежде всего компьютерные протоколы «разговоров» между трейдерами, в которых отражены их предложения и достигнутые соглашения. Эти «разговоры» происходили не «лицом к лицу», а «лицом к экрану»².

Взаимная эквивалентность этих ситуаций в структуре коммуникации делает анализ разговоров (И. Гоффман) полезным инструментом для понимания структуры рассматриваемого финансового рынка с позиций микросоциологии. Для участников рынка сам рынок становится сосуществующим Другим. Основная идея Брюггера и Кнорр-Цетины такова: «то, что непосредственное физическое окружение перестает играть решающую роль при определении глобальных сфер, не означает, что микросоциальные процессы в целом становятся все менее значимыми». Это, на первый взгляд, парадоксальное словосочетание — «глобальные микроструктуры» — свидетельствует о уверенности авторов в том, что микроструктуры могут быть оторваны от их локальных контекстов и будут жизнеспособны в сферах, характеризующихся глобальными масштабами.

Работы по экономической социологии в Германии демонстрируют возрождение интереса к этой сфере и обещают хорошие перспективы ее дальнейшего развития. Ранее периферийный интерес к экономическим проблемам занял центральное место, и можно надеяться, что все большее число наиболее

² См. также работу авторов на данную тему на русском языке: Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 445—468.

видных ученых сочтет для себя привлекательной эту область социологического знания. Есть надежда, что развитие экономической социологии в других европейских странах, а также в США положительно скажется и на ее дальнейшем развитии в Германии.

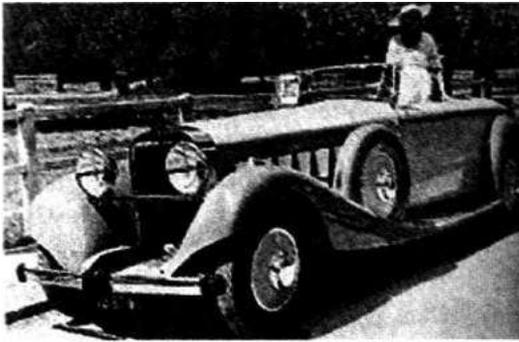
Литература

- Baecker D.* Information und Risiko in der Marktwirtschaft. Suhrkamp Verlag: Frankfurt, 1988.
- Baecker D.* Womit handeln Banken? Eine Untersuchung zur Risikoverarbeitung in der Wirtschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1991.
- Beckert J.* What Is Sociological about Economic Sociology? Uncertainty and the Embeddedness of Economic Action // *Theory and Society*. 1996. Vol. 25. P. 803–840.
- Beckert J.* Grenzen des Marktes. Die sozialen Grundlagen wirtschaftlicher Effizienz. Frankfurt a. M.: Campus Verlag, 1997. Перевод на английский язык: *Beckert J.* Beyond the Market: The Social Foundations of Economic Efficiency / Transl. by B. Harshav. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.
- Berger J.* Die Wirtschaft der modernen Gesellschaft. Strukturprobleme und Zukunftsperspektiven. Frankfurt a. M.: Campus Verlag, 1999.
- Bruegger U., Knorr-Cetina K.* Global Microstructures: The Virtual Societies of Financial Markets // *American Journal of Sociology*. 2002. Vol. 107. No. 4. P. 905–950.
- Deutschmann C.* Die Verheißung des absoluten Reichtums. Zur religiösen Natur des Kapitalismus. Frankfurt a. M.: Campus Verlag, 1999.
- Gaßmann H.* Money – a Symbolically Generalized Medium of Communication? On the Concept of Money in Sociology // *Economy and Society*. 1986. Vol. 17. P. 285–316.
- Gaßmann H.* Geld und Arbeit. Frankfurt a. M.: Campus Verlag, 1996.
- Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1981.
- Kraemer K.* Der Markt der Gesellschaft. Zu einer soziologischen Theorie der Marktvergesellschaftung. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997.
- Löwe A.* Economics and Sociology. A Plea for Co-operation in the Social Sciences. L.: George Allen & Unwin, 1935.
- Luhmann N.* Die Wirtschaft der Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1988.
- Mannheim K.* Man and Society in an Age of Reconstruction. L.: Routledge & Keagan Paul, 1935.
- Offe C.* Der Tunnel am Ende des Lichts. Erkundigungen der politischen Transformation im neuen Osten. Frankfurt a. M.: Campus Verlag, 1994.
- Paul A.* (ed.). Ökonomie und Anthropologie. Berlin: Berlin Verlag, 1999.
- Streeck W.* Korporatismus in Deutschland. Zwischen Nationalstaat und Europäischer Union. Frankfurt a. M.: Campus Verlag 1999.
- Thomas M., Woderich R.* Berufliche Selbständigkeit – ein innovatives Erwerbsmuster im strukturellen Wandel? // *Berliner Debatte Initial*. 1997. No. 8. P. 49–71.
- Windolf P., Schief S.* Unternehmensverflechtung in Ostdeutschland // *Kiülnner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 1999. Vol. 51. No. 260–282.

Хавьер Искьердо

*Национальный университет дистанционного образования,
Мадрид*

ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ? ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ИСПАНИИ¹

Hispano-Suiza J12.
Год выпуска — 1936

В испанском социологическом сообществе по-прежнему доминирует старомодная «защитная» исследовательская политика, нацеленная на то, чтобы ограничить экономические вопросы, рассматриваемые социологами, сугубо нерыночными явлениями.

Введение

В испанском социологическом сообществе по-прежнему доминирует старомодная «защитная» исследовательская политика, нацеленная на то, чтобы ограничить экономические вопросы, рассматриваемые социологами, сугубо нерыночными явлениями (такими, как заключение коллективных договоров или система социальных пособий). Действительно, почти вся экономическая социология в Испании существует в рамках других академических разделов, где по одну сторону исследовательского спектра находятся индустриальные отношения и социология труда², по другую — новая политическая экономия³.

¹ **Источник:** Izquierdo J.A. «Less is More»? Economic Sociology in Spain // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2000. Vol. 2. No. 3. June. P. 13—20. <http://econ-soc.mpifg.de/>. Пер. с англ. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев.

² Вероятно, по данному направлению в международном сообществе наиболее известны работы Хуана-Хосе Кастильо о разделении труда между фирмами [Castillo 1990], о новых тенденциях в социологии труда [Castillo 1999], а также публикации Карлоса Прието о стратегиях контроля рабочей силы и политике занятости [Prieto 1993, 2000; Prieto, Homs 1995]. Исследования бизнес-организаций лучше всего представлены в работе Х.А. Гармендия, посвященной сравнительному изучению «культуры фирм» [firm cultures] [Garmendia 1998].

³ Наиболее представительным примером этого направления является выполненное

Не так давно появилась работа, отличающаяся исключением из общей тенденции: учебник Мариано Фернандеса-Ангито, в котором дается критический анализ материалов, опубликованных за последние двадцать лет на английском языке под рубрикой новой экономической социологии [Fernandez-Anguita 1998]. Если, опираясь на эти материалы (а также следуя принципам, выдвинутым секцией по экономической социологии Американской социологической ассоциации), мы примем столь строгие критерии определения соответствия того или иного исследования духу новой экономической социологии, то таких работ остается очень немного. Я в данной работе поступил именно так. Чтобы представить содержательный обзор современной экономической социологии в Испании, я решил отказаться от сложившегося формата всеобъемлющего обзора. Вместо того чтобы быстро пробежаться по всей огромной массе литературы, я более подробно представляю небольшую, тщательно составленную выборку из пяти работ по экономической социологии, являющихся (по крайней мере, для меня) ориентирами в этом поле. Данные работы были отобраны постольку, поскольку в них сочетаются теоретические и эмпирические исследования по основным направлениям экономической социологии. По ходу описания я буду ссылаться и на другие значимые работы.

1. Католический дух современного испанского капитализма

Карлосом Бойхом сравнительное исследование влияния различных политико-идеологических переменных на построение макроэкономической политики в Великобритании и Испании в 1980-е годы [Boix 1997]. Социологическому сообществу, интересующемуся работой коллег в других странах, хорошо известны также исследования Виктора Перес-Диаса и Хосе Маравалля о переходных периодах и экономическом развитии в странах демократии [Perez-Diaz 1993; Maravall 1995]. Известны также работы Альваро Эспина о политике в области конкуренции и реформе закона о банкротстве [Espina 1998, 1999]. К данному направлению можно отнести и новаторское исследование профессии экономиста в Испании, выполненное Мауро Гилленом [Mauro Guillén].

⁴ Вслед за новаторской работой К. Мойи появилось еще несколько теоретических и эмпирических работ. О предпринимательской культуре см. исследование М. Ромеро, посвященное бизнес-этике женщин в Испании [Roero 1990]. Гипотеза о религиозной основе идеологии капитализма развивается в работах А. Бильбао о классическом экономическом мышлении и христианском теологическом дискурсе [Bilbao 1997]. См. также специальный выпуск журнала «Политика и общество», посвященный вопросам социологии и экономики [Política y Sociedad 1996].

В 1975 г., в тот самый год, когда пришел конец диктатуре Франко, вышла книга Карлоса Мойи «Экономическая власть в Испании (1939—1970)», ставшая канонической моделью для последующей работы в области экономической социологии⁴ [Moia 1975]. Этот амбициозный социологический проект, нацеленный на поиск источников традиционалистских и модернистских установок у представителей предпринимательской элиты эпохи Франко в национальном католицизме, вырос из исследовательской проблемы, на первый взгляд, не связанной с этим вопросом. Во введении к своей книге Мойя отмечает, что его первоначальная цель состояла в том, чтобы найти культурологическое объяснение любопытному замечанию, сделанному в одном интервью в 1969 г. будущим управляющим Банка Испании (на момент интервью — директором исследовательского отдела Банка) Л. Анхелем Рохо [L. Angel Rojo]. «Хотя многих это и раздражает, тем не менее остается фактом, что индустриализация в этой стране про-

изошла в период по 1939 г. То, что обычно называют индустриальным взлетом, произошло в Испании после Гражданской войны, и никак не раньше. Это развитие не было автономным, оно направлялось сверху» [цит. по: Моуа 1975: 9].

В духе Макса Вебера Мойя разрабатывает идеальный тип национальной экономической элиты с тем, чтобы объяснить, как авторитарная политика привела к хозяйственной модернизации. Прежде всего, он указывает на традиционалистскую «финансовую аристократию». Из своей штаб-квартиры в здании Совета Банка Испании собственники этого старого (главным образом банковского) капитала помогали финансировать победы армии Франко. Позднее в роли реального стратега, стоявшего за индустриальным взлетом, о котором говорил Рохо, выступала финансовая аристократия, входившая в состав созданного в 1941 г. Национального института промышленности [Instituto Nacional de Industria].

Отталкиваясь от этой исходной проблемы, Мойя переходит к описанию нового типа экономической элиты, вышедшей на авансцену во время второй половины периода авторитарного правления генерала Франко. Эта социальная группа «технополитиков» [technopols], современных бизнес-менеджеров теоретически определяется как идеальный тип рациональной бюрократии и эмпирически идентифицируется с создателями успешного Плана экономической стабилизации 1959 г. Оказавшись в составе нового, созданного под французским влиянием Центрального бюро планирования [Secretaría General del Plan], эта новая административная «корпоративная католическая» элита государственных чиновников руководила второй волной экономического развития, закончившейся нефтяным кризисом 1970-х годов.

В данной модели явственно различим отзвук теории Вебера, когда автор указывает на наличие особой национальной католической идеологии, из которой модернистски ориентированная часть экономической элиты и черпала символические инструменты, помогавшие ей на практике оправдывать проведение экономических реформ — которое в противном случае было бы авторитарным. «Для развития бюрократическо-предпринимательской этики католического испанского общества духовные истины “Пути” [Camino] — главной работы основателя движения “Opus Dei” [Промысел Божий]⁵, монсиньора Хосе Мария Эскриба де Балагера [María Escrivá de Balaguer] — могли сыграть ту же конституирующую роль, которую, согласно идее Макса Вебера, сыграла кальвинистская этика для развития “духа капитализма”» [Моуа 1975: 176]. Этот новый, наполовину поэтический, наполовину научный «корпоративный католический» дискурс «Opus Dei», распространенный набиравшей силу экономической элитой, был представлен как «символический синтез, призванный примирить в теории и на практике традиционалистские ценности, принесшие победу в 1939 г., с требова-

⁵ Религиозное движение, созданное в 1928 г.

ниями неокатолической модернизации». Кроме того, (католическая) экклезиастская вера движения «Opus Dei» и особенно «дезорганизованная организация» (как называл ее Эскриба де Балагер) актов сострадания и аскетизма его членов, давала этому нецерковному религиозному движению эффективное средство рационализации индивидуального поведения в соответствии с требованиями бюрократической корпорации... Таким образом, эта форма религиозности оказывала в высшей степени функциональное воздействие на «мотивационную структуру» нового корпоративного класса управленцев [executive class], помогая соотносить их профессиональные запросы с требованиями организации» [Моуа 1975: 179—180].

2. Профессиональные ассоциации как агентства занятости

Анализ социальных сетей является центральным для нового социологического подхода к исследованию рыночной конкуренции, имеющей в своей основе статусные различия. И говоря об испанской экономической социологии, нельзя не привести пример исследования, выполненного в традиции сетевого анализа. Вдохновленный вышедшей в 1974 г. и ставшей классической книгой Марка Грановеттера «В поисках работы»⁶, Феликс Рекэна провел в г. Малаге выборочный опрос (609 респондентов), нацеленный на исследование личных контактов, процессов поиска и нахождения работы, и по его результатам представил описание особой социальной структуры локальных рынков труда [Requena 1991a, 1991b]⁷.

Весь массив данных об отношениях в этой сфере, полученных в результате опроса, практически целиком соответствует выдвину-
тым ранее Грановеттером гипотезам об основных структурных осо-

бенностях рынков труда. Прежде всего исследования в Малаге подтвердили такую известную особенность социальной структуры рабочих мест, как соотношение параметров плотности/эффективности в сетях личных контактов «своих» и «чужих» [insiders/outside]. Молодые новички в большинстве своем ссылались на «семейные контакты» как особый и почти единственный тип ресурса, используемого для вхождения на рынок труда. А о связях с «друзьями и коллегами», о более диверсифицированном и эффективном использовании социального капитала, который зависит от опыта работы на данном рынке, можно было говорить только относительно взрослых индивидов, вращавшихся на рынке уже достаточно долгое вре-

⁶ Granovetter M. Getting a Job: A Study of Contacts and Careers. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974 (1985, 1995). — Прим. перев.

⁷ В данном случае выбор работы был совсем не сложным — это, по сути, единственное в Испании эмпирическое исследование рыночной структуры, выполненное с позиций сетевого анализа! Среди других интересных работ в традиции сетевого анализа — структурная модель путей управления и коммуникации [command and communication lines] в рамках государственных административных иерархий Нарсисо Писарро [Pizarro 1990]; а также исследование коммуникативных сетей и развития организационной культуры Хосе Луиса Молина [Molina 1995]. В теоретической плоскости Писарро разработал оригинальную сетевую модель экономической эксплуатации [Pizarro 2000].

Кроме того, социальные сети мужчин оказывались более плотными, чем социальные сети женщин.

Второй структурной особенностью рынков труда, которая, как показали полученные Рекэной данные, оказалась верной и для Испании, является точная связь между сетью личных контактов и *типом* занятости. Исследование продемонстрировало, что эффективность неформальных контактов при распределении рабочих мест [job allocation] уменьшается прямо пропорционально повышению уровня образования/квалификации, необходимого для занятия данной позиции. Неформальные каналы наиболее эффективны для поиска работы, не требующей высокого уровня образования/квалификации. И хотя институциональные каналы распределения рабочих мест (т.е. государственные агентства занятости) по-прежнему играют какую-то роль применительно к наемному труду (30%), в сфере самозанятости действуют преимущественно неформальные каналы (только 5,6% респондентов использовали информацию государственных агентств, когда начинали свой бизнес).

Среди значимых результатов исследования можно отметить полученную оценку среднего числа контактных «шагов», необходимых для того, чтобы связать одного человека с другим на локальном рынке труда. При поиске работы по неформальным каналам респонденты задействовали самое большее три личных контакта, причем в подавляющем числе случаев (86,9%) для получения информации о работе было достаточно активизировать одну прямую личную связь (с родственником, другом или соседом). Опосредованная двухшаговая процедура (приятель друга) потребовалась в 11% случаев. И только 2,2% респондентов указывали на необходимость трехступенчатых шагов (например, знакомый приятеля друга) и, следовательно, вмешательство относительно «удаленного» посредника.

Наиболее оригинальный результат исследования в Малаге получен относительно роли контекстуальных факторов (таких, как особенности пространственного расположения) для вплетения социальных отношений в процесс повышения цены своего труда на рынке. «Именно во время досуга складываются неформальные сети социальных контактов. Респонденты, отмечавшие, что они много времени проводят в барах, кафе и подобных заведениях, имели сети более плотные и широко распределенные по различным уровням отношений, чем сети тех, кто реже посещает подобные места» [Requepa 1991a: 137]. Возможно, этот результат подтверждает существующее у нас на уровне здравого смысла представление о том, что сделки заключаются не на рынке или в кабинете, а в барах и ресторанах. Этот вывод не удивит никого, кто хотя бы раз прошелся по деловой части испанского города! В конце концов, как поется в песне популярного рок-певца Хоакина Сабины: «В одном только Антон Мартене [районе в центральной части Мадрида] больше баров, чем во всей Норвегии».

3. Добывающая промышленность и память: подход к региональной экономической политике как социальной системе

В последнее десятилетие для испанца, называющего себя экономосоциологом, стало привычной практикой проводить эмпирические исследования под прикрытием той или иной передовой «социальной теории» (будь то теории М. Фуко, П. Бурдьё, Н. Лумана и, позднее, Б. Латура)⁸. Среди наиболее выразительных работ в этом жанре — работа Хосе М. Гарсия-Бланко о внутренних стратегиях развития как диссипативных, самореферентных системных структурах⁹.

Основываясь на лумановской теории аутопойетических систем, автор разрабатывает понятие социальной памяти, смоделированное, согласно теории И. Пригожина¹⁰, как «диссипативная структура». Эта структура призвана по-новому, не в панглоссианском ключе объяснить, почему и «старомодные» кейнсианские стратегии по стимулированию

спроса, и все множество «новомодных» теорий по стимулированию предложения потерпели неудачу при попытках усилить внутренние источники экономического развития регионов. «Хотя формирование и использование памяти и является потребностью любой самореферентной системы, это не особое ее умение, а всего лишь побочный продукт действия операций, воспроизводящих данную систему» [García-Blanco 1998: 103]. Если система смоделирована как организационно закрытое, самовоспроизводящееся устройство [machinery] для поглощения внешних колебаний в высшие уровни комплексности, первоочередной функцией памяти является не столько запоминание, сколько забывание, поскольку «только способность забывать не дает системе заблокировать саму себя в результате отслеживания всех событий собственной истории и позволяет ей сохранять достаточно сил для концентрации внимания и, в случае социальных систем, — для коммуникации» [Там же: 103–104].

Объясняющая сила этой теоретической модели проверяется на прототипическом случае промышленного спада в провинции Астуриас на севере Испании. Современная хозяйственная структура и возможности этого региона, специализировавшегося в XIX в. на добывающей промышленности и черной металлургии, и поныне несет на себе отпечатки политики протекционизма и корпоративизма. Поддерживаемые узко специализированной, воинственно настроенной рабочей силой с четкой статусной

⁸ Теория символического насилия Бурдьё использовалась Энрике Мартен-Криадо и Х. Искьердо в исследовании политики человеческого контроля [Martin-Criado, Izquierdo 1993]. Тезис Фуко о передовом либеральном правлении [advanced-liberal governmentality] разрабатывался на примере политики «участия» в целях искоренения бедности в Мексике [Vascones 2000] и в программах развития интеллектуального капитала ОЭСР [Luque 2001]. Пионерные работы Фабиана Муньеса о разнородной (компьютерной, экономической, правовой, политической) технологии работы биржевых автоматов навеяны парижской социологической передовой теорией акторов и сетей, выдвинутой Б. Латуром и М. Каллоном [Muniesa 2000a, 2000b].

⁹ Придерживаясь основной модели самореферентных рыночных хозяйств Лумана и Беккера, Гарсия-Бланко использует также и мотивы из «Общества риска» Ульриха Бека для объяснения возникающих на испанских рынках труда явлениях «гибксплуатации» — гибкой эксплуатации [flex-ploitation] [García-Blanco 1991].

¹⁰ Пригожин (Prigogine) Илья Романович (род. 25 января 1917 г. в Москве) — бельгийский физик и физикохимик. Инициатор применения методов теории неравновесных процессов в биологии. В 1947 г. сформулировал одну из основных теорем теории неравновесных процессов, получившую название теоремы Пригожина: стационарному состоянию системы (в условиях препятствующих достижению равновесного состояния) соответствует минимальное производство энтропий. Если таких препятствий нет, то производство энтропии достигает своего абсолютного минимума — нуля // Большая советская энциклопедия. — Прим. перев.

идентичностью, сильные региональные профсоюзы по-прежнему пользуются влиянием в ходе переговоров и при реализации политических инициатив. Им удалось этого добиться при помощи последовательных программ реформ и реиндустриализации. Если смотреть на проблему с исторической точки зрения, то автор считает «вполне понятным», что члены социальной формации, «традиционно решавшие экономические проблемы путем политической защиты», склонны полагать, что «поддержание их производственной деятельности и определенного уровня дохода» требует сохранения системы экономического протекционизма.

Осознав провал предшествовавших кейнсианских программ привлечения частного инвестиционного капитала при помощи налоговой и финансовой политики, национальное и региональное правительства разработали новые рецепты в области региональной экономической политики. В заключительной части своей работы Гарсия-Бланко (в рамках концепции, представляющей мировую рыночную экономику как социальную систему) рассматривает парадоксы этого нового режима экономической политики, сами принципы внутреннего развития, в равной степени поддерживаемые ортодоксальной макроэкономикой, ориентированной на предложение, и неортодоксальным мышлением в русле институционального эволюционизма. Если мы принимаем, что предшествующее теоретическое моделирование парадоксальных, диссипативных действий по поддержанию способности аутопойетической социальной системы иметь память, верно, то заявленная политическая цель построения самоподдерживающейся экономической деятельности в рамках региона достижима только в том случае, если искомая экономическая система «способна порождать диссипативные структуры». Если взять конкретный пример такой старой индустриальной области, как Астуриас, то это означает, что «традиционную стабильность ее узко специализированных экономических структур следует заменить способностью использовать широкий спектр внешних колебаний для производства функциональных устройств все возрастающей комплексности» [García-Blanco 1998: 112].

Из этой системной интерпретации понятия эндогенного (внутреннего) развития региона вытекают некоторые в высшей степени сложные рекомендации для практического построения региональной политики. Гарсия-Бланко приходит к выводу, что это возможно только на уровне парадоксов: «для переживающего упадок индустриального региона, появившегося, набравшего силы и окрепшего под крылом государственной инициативы и защиты, будущая политика внутреннего развития должна исходить из идеи о том, что *отсутствие* общего, до мелочей продуманного плана развития является залогом начала составления плана развития». В самом деле, эффективную стратегию экономического возрождения региона «следует направить в децентрализованное и самостоятельное русло» [Там же: 114–115].

Чего отчаянно не хватает радикальным экономистам для проработки альтернативных вариантов экономической политики, так это данных — они недоступны традиционной прикладной макроэкономике и системе национальных счетов. Чтобы создать более совершенные инструменты для управления политикой спроса, нам нужны воспроизводимые данные о том, что происходит *вне* «хозяйства». Иными словами, нужна детальная информация о природе и контексте повседневной деятельности. Поскольку социальное исследование моделей «распределения времени» [time allocation] может дать ключ к пониманию истинной рыночной стоимости нерыночных видов деятельности, это чрезвычайно полезный инструмент для тех беспокойных прикладных экономистов, которые пытаются при расчете ВВП учитывать и стоимость неоплачиваемой производственной деятельности.

В 1991 г. в своей статье «Время и испанское хозяйство» Анхелес Дюран, используя оригинальные массивы данных, полученных в результате обследований бюджетов времени, выдвигает предложения по построению именно этого типа инструментов новой экономической политики¹¹ [Durán 1991a]. В статье представлен широкий обзор и дается теоретическое обоснование новых исследовательских методов (таких, как социальные обследования бюджетов времени) для того, чтобы разработать надежную практическую процедуру расчета влияния различных «скрытых факторов производства» на валовой внутренний продукт. Наиболее важный из этих факторов — работа внутри домашнего хозяйства — по-прежнему остается в значительной степени (не)заметной, (не)производительной сферой ежедневной деятельности женщин, — обособленной социально и недооцененной экономически.

Дюран иллюстрирует свою теоретико-методологическую картину несколькими яркими, хотя и предварительными, данными относительно размера неденежного сектора испанской национальной экономики, рассчитанными на основе имеющейся социальной статистики бюджетов времени. Согласно этим данным, в течение 1980-х годов испанские потребители в рабочие дни тратили в среднем 0,63 часа в день на потребление рыночных товаров. Эти затраты времени связаны главным образом с покупкой еды и товаров повседневного пользования. При этом они составляют 23,6% от общего времени труда, вложенного в *производство* тех самых потребляемых рыночных товаров. «Можно сказать, что все продукты национального производства продаются по цене, составляющей всего 76,4% от общей суммы производственных затрат, — оставшаяся часть реализуется вне денежного сектора [Там же: 36].

Наконец, в работе пристально рассматривается один из секторов неформальной экономики — неоп-

¹¹ Новаторской была также работа Э. Санчис, в которой описывается особая социокультурная и экономическая структурная механика, определяющая циклическую динамику сокрытия реальной экономической трансакции от (фискальной) государственной бухгалтерии [Sanchis 1998].

лачиваемая деятельность, поддерживающая скрытые издержки формального [institutional] сектора здравоохранения. Этот пример используется для проверки гипотезы о радикально гендерном и радикально несправедливом экономическом содержании неденежного производства [Durán 1991b]. Данные по системе здравоохранения показывают, что хотя институциональные виды деятельности и имеют место в производстве услуг в этой области, огромный спрос на трудовые ресурсы, порожденный численностью больных и нетрудоспособных, удовлетворяется в значительной степени за пределами формальной системы здравоохранения — т.е. в сфере добровольной, неоплачиваемой работы. Отдельные данные по гендерному экономическому неравенству в этом случае еще более выразительны: в 72% случаев заболеваний и в 79% случаев нетрудоспособности домохозяйки вынуждены самостоятельно удовлетворять тот спрос, который не удовлетворяет формальный сектор [Durán 1991a: 44–45].

В рамках этого методологического направления была разработана одна из наиболее сильных исследовательских программ. В том числе на основе социологических моделей «неформальной экономики» Р. Пала [Ray Pahl], А. Баньяско [Arnaldo Bagnasco] и Дж. Гершуни [Jonathan Gershuny], в последних эмпирических исследованиях реального вклада женщин в национальный доход были получены интересные экономические данные¹². Программа исследования моделей распределения времени и гендерного разделения труда в неденежном секторе испанской экономики увязывается с теоретическими наработками в области гендерных исследований. Недавно опубликованы основательные концептуальные наработки по анализу взаимодействия между экономической социологией и гендерными исследованиями [см., например: García-Sainz 1998]. В их основу положены неаристотелевские категории — такие, как концепция «труда» Ханны Арендт, — призванные восполнить разрыв между экономической системой и хозяйственным жизненным миром.

5. Статистика численности населения и налоговая паранойя: объяснение стихийно случившегося политико-экономического «эксперимента нарушения»

В завершение я хочу привести пример важной исследовательской программы испанской экономической социологии в области качественного социологического исследования стилей жизни и практик потребления — как пример направления исследований, которое в 1960-е–1970-е годы развивалось главным образом за пределами академического общества. Наиболее выдающимся, хотя и не вполне прямым (но, с моей точки зрения, наиболее ориги-

¹² По оценкам Кристины Гарсия-Сайнс и др., более 60% общей численности женского населения Автономного региона Мадрида заняты нерыночной хозяйственной деятельностью, основная составляющая которой — труд в домашнем хозяйстве — занимает примерно 41 час в неделю. Обзор наиболее важных теоретических и эмпирических результатов этой исследовательской программы см. во введении А. Дюран к специальному выпуску журнала «Политика и общество», посвященному неденежной экономике [García-Sainz et al. 1995; Política y Sociedad 1997].

нальным в испанской экономической социологии последнего десятилетия) вкладом в эту программу¹³ является работа Анхеля де Лукаса, профессора социологии потребления в университете Комплутенс Мадрида. Эту работу, опубликованную в 1992 г. под длинным названием «Социальные установки и представления населения Автономного региона Мадрида в отношении переписи населения 1991 г.», можно понимать как вариации на тему рассуждений Джеймса О'Коннора о налоговом кризисе государства¹⁴. Живые вариации на тему работы О'Коннора почти на пальцах представлены в эмпирическом исследовании этнометодологического «эксперимента нарушения» исходных принципов национальной системы статистической информации в экономике.

Если процедура выборов в США пошла под пристальное внимание общественности в результате небрежного дизайна избирательных бюллетеней во Флориде, то в Испании в 1991 г. такую роль сыграл новый дизайн стандартизованного вопросника для переписи населения — совершенно неожиданно он вынудил всю государственную машину тягаться с не менее мощным давлением общественности. Неожиданным было то, что значительное число респондентов отказалось отвечать на вопросы анкеты. Де Лукас исследовал это явление, анализируя записи групповых бесед с рядовыми гражданами. Всего было организовано семь встреч, в которых принимали участие по восемь человек, и каждая группа представляла собой «структурную выборку» определенной социальной части испанского населения (работников физического труда, новых средних городских классов, мелкой сельской буржуазии и т.д.).

Социологический дискурсивный анализ Де Лукаса дал, казалось бы, тривиальное объяснение отказу отвечать на вопросы переписи: поскольку новый дизайн вопросника был настолько *очевидно ориентирован* на компьютерную обработку данных, его очень легко можно было встроить в уже существовавшую, но прежде никак себя не проявлявшую «параноидальную картину [испанского] государства» [De Lucas 1992: 116].

В ходе групповых дискуссий не объясненный ранее и не подававшийся объяснению отказ отвечать на, казалось бы, невинные вопросы переписи был представлен как четко обоснованный (абстрактным) страхом, что базой данных переписи воспользуется еще какой-нибудь государственный институт (в частности, Министерство финансов). Второй темой, всплывшей в ходе бесед, стали прямые жалобы на законность выполнения этой государственной функции Испанским национальным институтом статистики [Instituto Nacional de Estadística — INE].

Популярные ссылки на современные информационные технологии также усиливали страх перед государственной бюрократией, незримо присутствовавшей в этих групповых дискуссиях. Самое интересное, что индивиды (главным образом,

¹³ См. [Alonso, Conde 1994], а также специальный выпуск «Политики и общества», посвященный социологии потребления [Política y Sociedad 1994].

¹⁴ O'Connor J. The Fiscal Crisis of the State. N.Y.: St. Martin's Press, 1973. — *Прим. перев.*

специалисты-горожане и госслужащие среднего уровня), модернизирувавшие лучшее понимание и административных процедур государственной бюрократии, и технических возможностей новых информационных технологий, выражали наиболее сильное недоверие новому вопросу переписи. Эти люди часто «высказывали убеждение, что информация переписи будет проанализирована *при помощи компьютера* и, в сочетании с другими официальными данными, станет использоваться для всевозможных административных проверок индивидов, особенно для контроля за уплатой налогов» [De Lucas 1992: 116]. Де Лукас называет такое состояние *паранойей* — взглядом, (не)верно воспринимающим разнообразные государственные агентства как единый организм «с Казначейством¹⁵ [Hacienda] во главе». Это политический монстр, который использует все имеющиеся данные и превращает все виды информации о каждом отдельном налогоплательщике, собранной административными органами, в опасное «Дело №...», предназначенное для автоматического надзора.

Литература

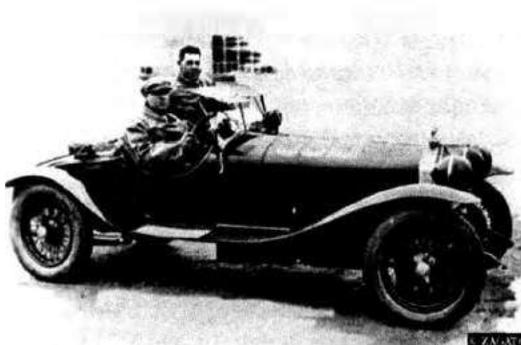
- Alonso L.E., Conde F. La historia del consumo en España. Madrid: Debate, 1994.
- Bascones L.M. Solidaridad: las disciplinas de la participación // Unpublished working paper. 1998.
- Bilbao A. Economic Rationality and Secularization // Revista Española de Investigaciones Sociológicas (REIS). English edition. 1997. P. 225–243.
- Boix C. Partidos políticos, crecimiento e igualdad. Madrid: Alianza, 1997.
- Castillo J.J. Informatización, trabajo y empleo en las pequeñas empresas españolas // Revista Española de Investigaciones Sociológicas. 1990. Vol. 49. P. 161–189.
- Castillo J.J. Sociology of Work at the Crossroads // Current Sociology. 1999. Vol. 47. No. 2.
- De Lucas A. Actitudes y representaciones sociales de la población de la Comunidad de Madrid en relación con los Censos de Población y Vivienda de 1991. Madrid: Consejería de Economía CAM, 1992.
- Durán M^a.A. El tiempo y la economía española // Información Comercial Española. 1991a. Vol. 695. P. 9–47.
- Durán M^a.A. La conceptualización del trabajo en la sociedad contemporánea // Revista de Economía y Sociología del Trabajo. 1991b. Vol. 13–14. P. 8–22.
- Espina A. Empresa, competencia y competitividad. Madrid: Fundación Argentaria-Visor, 1998.
- Espina A. La Reforma del Derecho Concursal y la Eficiencia Económica. Madrid: Colegio de Economistas, 1999.
- Fernández-Anguina M. Sociología económica. Madrid: CIS, 1998.
- García-Blanco J.M^a. Riesgos y peligros del trabajo en la sociedad moderna // Revista de Occidente. 1993. November. P. 91–108.
- García-Blanco J.M^a. Declive económico y políticas regionales: el caso de Asturias // Revista Española de Investigaciones Sociológicas. 1998. Vol. 83. P. 87–119.
- ¹⁵ Разговорное название Национальной службы контроля доходов.

- García-Sainz C.* Trabajo y participación económica. La actividad de las mujeres madrilenas. Madrid: CAM, 1995.
- García-Sainz C.* Construcción del concepto de trabajo // *VVAA*. Derecho, participación política y empleo. 1998. Vol. 2.
- Garmendia J.A.* Training and evolution of the occupational structure in the information society with reference to Spain // *Revista Española de Investigaciones Sociológicas (REIS)*. English edition. 1998. P. 53–68.
- Guillén M.F.* La profesión de economista. Barcelona: Ariel, 1989.
- Luque E.* Whose Knowledge (Economy)? // *Social Epistemology*. 2001. Vol. 15. No. 3. P. 187–200.
- Maravall J.M^e*. Los resultados de la democracia. Madrid: Alianza, 1995.
- Martín-Criado E., Izquierdo A.J.* Elementos para una sociología económica de la gestión empresarial de la fuerza de trabajo // *Sociología del Trabajo*. 1993. Vol. 17. P. 121–145.
- Molina J.L.* Análisis de redes y cultura organizativa // *Revista Española de Investigaciones Sociológicas*. 1995. Vol. 71–72. P. 249–263.
- Moya C.* El poder económico en España (1939–1970). Madrid: Tucar, 1975.
- Muniesa F.* Performing Prices // *Facts and Figures: Economic Representations and Practices* / Ed. by H. Kalthoff, R. Rottenburg. Marburgo: Metropolis Verlag, 2000a. P. 289–312.
- Muniesa F.* Un robot walrasien // *Politix*. 2000b. Vol. 52. P. 121–154.
- Pérez-Díaz V.* La primacía de la sociedad civil. Madrid: Alianza, 1993.
- Pizarro N.* Los métodos de estudio de las organizaciones administrativas. Madrid: Coloquio, 1990.
- Pizarro N.* Regularidad relacional, redes de lugares y reproducción social // *Política y Sociedad*. 2000. Vol. 33. P. 167–198.
- Política y Sociedad*. 1994. Vol. 16. Monográfico sobre Sociología del consumo.
- Política y Sociedad*. 1996. Vol. 21. Monográfico sobre Sociología y economía.
- Política y Sociedad*. 1997. Vol. 22. Monográfico sobre Economía no monetaria.
- Prieto C.* The Management of the Work-Force: A Sociological Criticism of Prevailing Fashions // *International Journal of Human Resource Management*. 1993. Vol. 4. No. 3. P. 611–660.
- Prieto C.* Il lavoro in Europa: trasformazioni, tendenze e logiche in gioco // *Il lavoro nei paesi d'Europa. Un'analisi comparativa* / Ed. by F. Bianchi, P. Giovannini. Milán: Franco Angel, 2000. P. 7–23.
- Prieto C., Homs O.* Formation, emploi et compétitivité // *Sociologie du Travail*. 1995. Vol. 4. P. 557–575.
- Requena F.* Redes sociales y mecanismos de acceso al mercado de trabajo // *Sociología del trabajo*. Nueva Epoca. 1991a. Vol. 11. P. 117–140.
- Requena F.* Redes Sociales y mercado de Trabajo. Elementos para una Teoría del Capital Relacional. Madrid: CIS, 1991b.
- Romero M.* La actividad empresarial femenina en España. Madrid: Instituto de la Mujer, 1990.
- Sanches E.* (ed.). La otra economía. Trabajo negro y sector informal. Valencia: IVEI, 1988.

Филиппо Барбера

Факультет социальных наук, университет Турина

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ИТАЛИИ¹

Alfa-Romeo 6C 1750.

Год выпуска — 1929

До сих пор итальянская традиция находилась в большей мере под влиянием политической экономики (макроуровень анализа), нежели новой экономической социологии (микроуровень анализа).

Опираясь на три основных очерка о состоянии дел в итальянской экономической социологии, мы можем выделить две главных области интереса: (а) индустриальные районы [industrial districts] и развитие Италии; (б) индустриальные отношения и «социальное регулирование экономики» [Martinelli 1985; Bonazzi 1992; Regini 1996a]². Обе эти темы тесно связаны с особенностями итальянской модели развития, и обе они имеют скорее эмпирическую, нежели теоретическую ориентацию. Тем не менее, как будет показано в заключительном разделе данной работы, в последнее время возникла также и дискуссия по некоторым теоретическим вопросам [см., например: Mingione 1997; Trigilia 1998; Mingione, Laville 1999]. Здесь я не буду касаться индустриальной социологии, анализа рынка труда и социологии труда, поскольку все эти темы развиваются по своим собственным традиционным траекториям.

¹ **Источник:** Barbera F. Economic Sociology in Italy // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2000. Vol. 2. No. 2. January. P. 13—18. <http://econsoc.mpifg.de/>. Пер. с англ. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев.

² В подготовке данного обзора автору помогли Р. Азариан [R. Azarian], С. Бертолини [S. Bertolini], М. Фоллис [M. Follis], М. Реджини [M. Regini], Р. Скьяроне [R. Sciarrone], Р. Сведберг [R. Swedberg], К. Тригилия [C. Trigilia] и О. Видони Гвидони [O. Vidoni Guidoni].

Эта область знания всегда развивалась весьма активно, ее развитие во многом продолжается и по сей день. В дискуссии доминируют две взаимосвязанные проблемы: анализ так называемой «третьей Италии», выполненный прежде всего в работах А. Баньяско [Arnaldo Bagnasco] и К. Тригилия [Carlo Trigilia], а также исследование развития Италии. Изучением «третьей Италии» занимались также и экономисты (Дж. Бекаттини [Giacomo Becattini] и С. Бруско [Sebastiano Brusco]), что повлияло на становление таких важных понятий, как «индустриальные районы» и «гибкая специализация», — оба они широко используются ныне в международном сообществе [Piore, Sabel 1986].

В своей работе А. Баньяско показывает, что развитие средних и северо-восточных регионов Италии шло по пути, отличному и от северо-западной «фордистской» модели, и от поддерживаемого государством юга [Bagnasco 1977]. Малые и средние предприятия, развитая предпринимательская деятельность и хорошие экономические показатели всегда имели в своей основе доверие, реципрокные отношения и разделяемую участниками взаимодействия локальную идентичность. По словам Баньяско и Тригилия, институциональные предпосылки, существовавшие в этих регионах, позволили сложиться коммунитарному [communitarian] типу рыночного поведения вместо индивидуалистического типа [Bagnasco, Trigilia 1984, 1985; Trigilia 1986, 1997]. Наиболее важные из этих предпосылок таковы: существование прежних форм малого предпринимательства в сельском хозяйстве, особая связь между городскими и сельскими районами, роль расширенной семьи [extended family] и гомогенная политическая субкультура [Paci 1999]. Баньяско описывает этот феномен в терминах «социального конструирования рынка» [Bagnasco 1988]. В одноименной книге он затрагивает также ряд теоретических вопросов, имеющих отношение к экономической социологии, однако не выстраивает законченной теории. Его социологические объяснения очень «историчны»: он рассматривает прежде всего отдельные события, редко поднимаясь до уровня обобщений. Тригилия также обращается к важным теоретическим проблемам, когда он пытается рассмотреть теорию трансакционных издержек О. Уильямсона с позиций новой экономической социологии [Trigilia 1989]. Однако, как он полагает, основной задачей экономической социологии является изучение исторической случайности [historical contingency] и объяснение разнообразия экономических форм. Развивая тезис Раймона Будона и желая отмежеваться от чисто исторического подхода, Баньяско и Тригилия заявляют, что экономическая социология должна заниматься построением «локальных моделей», а не выводить общие законы [Boudon 1986].

Самые последние направления в дискуссии об индустриальных районах нацелены на понимание способности последних противостоять

новым экономическим проблемам, и здесь уже делаются однозначные ссылки на новую экономическую социологию [Parri 1997a, 1997b].

Например, Леонардо Парри показывает, что в некоторых районах институты возникают не в качестве «эффективного решения» той или иной экономической проблемы (как это предполагает Уильямсон). Вместо этого процесс построения институтов требует решения ряда проблем коллективного действия. Используя эвристическим и неформальным путем теорию игр, Парри показывает, как социальные ресурсы (например, социальный капитал и институциональное лидерство) могут способствовать разрешению этих проблем коллективного действия. Парри также пытается выявить возможные пути эволюции районов Италии и механизмы их воспроизводства.

Вторая тема — развитие Италии — относится прежде всего к югу страны. Наиболее важные результаты этой дискуссии таковы. Во-первых, некорректно говорить о «южном вопросе», поскольку юг характеризуется достаточной степенью «внутреннего разнообразия» [internal variance], и все происходящее невозможно свести к одной модели [Mutti 1994a]. Во-вторых, отсталость юга объясняется не только экономическими факторами. В рамках «нового сравнительного политэкономического подхода» Тригилия показывает значимость также и социополитических переменных для развития регионов южной Италии [Trigilia 1992]. В-третьих, экономическому развитию способствуют не только «универсалистские», но и «партикуляристские» действия некоторых элит [Mutti 1994b]. В целом в случае с Италией нелегко делать обобщения, о чем свидетельствует также и критика в адрес амбициозной трактовки развития Италии Р. Патнэмом³ [Mutti 1998; Bagnasco 1999].

Еще одна область научного интереса — проблемы безработицы, неформальной экономики и классовой структуры [Accornero, Carmignani 1986; Reuner 1984; Paci 1983]. Я не стану останавливаться на этом подробнее, отмечу лишь, что эти вопросы связаны с темой развития Италии и могут предлагать плодотворные интерпретации ситуации в этой стране [Gallino 1998].

2. Индустриальные отношения и социальное регулирование экономики

Многих итальянских социологов интересовала проблема так называемой «многоликости капитализма» [diversity of capitalism] и места итальянского капитализма среди этих разнообразных моделей [Regini 1997]. В 1981 г. был основан журнал «Государство и рынок» («Stato e Mercato»), его авторы исследовали отношения между политикой и рынками [Bordogna, Provasi 1984], индустриальные отношения [Cella, Treu

³ В своей работе об итальянской политике «Чтобы демократия сработала» Патнэм развивает тезис о том, что качество работы демократического правительства во многом определяется жизнеспособностью гражданского общества [Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem, 1996; Putnam R. Making Democracy Work. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993]. — Прим. перев.

1998], процесс «политического обмена» [political exchange] между государством и профсоюзами [Regini, Lange 1987; Regini 1995]. В этой дискуссии участвовали также и некоторые экономисты (например, М. Сальвати [Michele Salvati], М. Сантагата [Marco Santagata]).

По мнению Дж. Бонацци, итальянских исследователей занимают прежде всего две темы [Bonazzi 1992]. Во-первых, они отмечают неадекватность категории «неокоorporатизма» [neo-corporatism] для анализа итальянской ситуации и пытаются заменить ее понятием «политического обмена». Последний позволяет понять приватизацию общественного сектора, произошедшую в Италии после Второй мировой войны. Под «политическим обменом» понимается то, что государство не регулировало экономическую систему, а было подчинено частным интересам, нацеленным на приобретение общественных ресурсов [Amato 1976]. Однако необходимо добавить, что, по мнению других авторов, при определенных условиях «политический обмен» может поддерживать и общественные интересы.

Во-вторых, рассуждая о связи между индивидуальными и организованными интересами, не следует считать, будто интересы индивида подчинены общим интересам профсоюзных организаций или будто эти интересы сливаются в некое единое целое. Скорее итальянские авторы подчеркивают разнообразие этих связей. В действительности проблема «политического обмена» и проблема связи между индивидуальными и организованными интересами тесно связаны между собой. По сути, в ситуации «политического обмена» и государство, и организованные интересы (например, выраженные профсоюзами), действуют на «политическом рынке» и следуют логике обмена. Профсоюзы агрегируют индивидуальные интересы и доносят до государства этот социальный консенсус, а государство затем выстраивает политику, благоприятную для рабочего класса. Однако этот обмен страдает «временной асимметрией» [asymmetrical temporality]: консенсус складывается одновременно, в то время как политика требует длительной разработки и внедрения. Профсоюзы должны агрегировать достаточно большое число индивидуальных интересов, которые и составят основу социального консенсуса. По причине же «временной асимметрии» они также должны поддерживать отношения доверия с представителями индивидуальных интересов, которые они представляют [Regini 1995]. Таким образом, неокоorporатистская стратегия нацеливания организаций, участвующих в процессе принятия общественных решений и сочетающих интересы рабочего класса с общими интересами, оказывается проблематичной.

3. Современные теоретические дискуссии

Начиная с 1990-х годов некоторые исследователи пытались привнести в итальянскую экономическую социологию и теоретические мотивы. Одни исследовали общую связь между хозяйством и обще-

ством [Mingione 1991]; другие остановились на работах отдельных авторов [Martinelli 1986; Cella 1997]; кто-то пытался анализировать узкие теоретические вопросы [Mutti 1992, 1998; Magatti 1997]. Некоторые материалы можно найти в антологиях [Addario, Cavalli 1991; Martinelli, Smelser 1990; Magatti 1991, 1995].

Схематически упрощая картину, я выделяю три основные темы в новых теоретических дебатах в Италии. Первая касается эпистемологических следствий территориальной проблематики итальянского развития. Например, А. Баньяско рассматривает теории Р. Патнэма и Ф. Фукуямы, противопоставляя их затем теории Дж. Коулмана. Он пишет, что Патнэм и Фукуяма используют детерминистскую парадигму при изучении явлений доверия и социального капитала, они рассматривают социальный капитал как продукт исторического развития (Патнэм) или как результат культуры сотрудничества [cooperative culture] (Фукуяма). Коулман же, по оценке Баньяско, напротив, помещает социальный капитал в интеракционистскую парадигму и тем самым помогает нам понять, как создаются доверие и социальный капитал. Баньяско привлекает внимание к социальным механизмам: по его мнению, они являются лучшей эпистемологической площадкой среднего уровня [middle-ground] для диалога между теорией и эмпирическим исследованием. Аналогично, Тригилия утверждает, что экономической социологии следует заниматься построением «локальных моделей» вместо выведения общих законов [Trigilia 1998].

Вторая теоретическая проблема, волнующая итальянских экономосоциологов, связана с концепцией социального капитала. Например, утверждается, что эта концепция становится более полезной, если она включает в себя традицию политической экономии. Предпринималась также попытка посмотреть на возможное применение понятия социального капитала в исследовании итальянского общества [Stato e Mercato. 1999. No. 3]. Антонио Мутти предлагает исследовать то, как легитимные политические системы способны порождать доверие, стремление к сотрудничеству и развитие посредством позитивных и негативных стимулов [Mutti 1998]. Доверие, пишет Мутти, — это не просто продукт истории и гражданского общества, оно также может целенаправленно формироваться государством. В своей работе Паоло Барбьери увязывает макромоделли капитализма благосостояния [welfare capitalism] с ролью сетей в регулировании рынка труда и воспроизводстве неравенства [Barbieri 1998]. Другие исследователи акцентируют внимание прежде всего на связи между социальным неравенством и социальным капиталом [Bianco 1996; Bianco, Eve 1999]. Они особенно подчеркивают необходимость разграничивать «коллективный» и «индивидуальный» социальный капитал. Первый описывает структурные и нормативные особенности данного общества, в то время как второй подразумевает ресурсы, находящиеся в распоряжении индивидов. Наконец, в работе Рокко Скьяроне о социальном капитале это понятие используется для исследования мафиозных орга-

низаций [Sciarrone 1998]. Развивая экономическую теорию мафии, предложенную Диего Гамбетта, Сьяроне утверждает, что криминальный и властный бизнес во многом основан на способности мафии воспроизводить социальный капитал и ресурсы не только в традиционных, но также в новых и нетрадиционных областях [Gambetta 1994; Sciarrone 1998].

Наконец, третья теоретическая тема касается укорененности [embeddedness] экономического действия. В итальянских дискуссиях понятие укорененности рассматривается по-разному, что подтверждает факт превращения концепции укорененности в «своего рода исследовательскую программу» [conceptual umbrella]. Здесь можно выделить три различных подхода.

1. Энцо Минджиони предлагает распространить понятие укорененности до макроуровня, а точнее — обратиться к нему как исторически случайной композиции регулятивных принципов [Mingione 1999]. По его словам, переход к постфордистскому (или «фрагментированному» [fragmented]) обществу нельзя анализировать теми же концептуальными инструментами, что и фордистское (или «интенсивное») общество. Разрыв между ними слишком велик, и необходим более подходящий набор регулятивных принципов или иной подход к идее укорененности.

2. Мауро Магатти рассматривает проблему на микроуровне [Magatti 1997, 1999]. Он пытается проанализировать связь между новой экономической социологией и новым институционализмом. В последнем социальное действие подчинено рутинным практикам [routines], когнитивным схемам [cognitive maps] и габитусу, и все они связаны с институциональным окружением. По мнению Магатти, в этой концепции не всегда адекватно оценивается возможность калькулируемого действия, по-прежнему существующего на институционализованных рынках. Новая экономическая социология, напротив, уделяет больше внимания проблеме калькуляции и, следовательно, лучше подходит для анализа рыночной динамики.

3. Наконец, в еще одной работе по проблеме укорененности — Массимо Фоллиса — рассматривается аналитическая сторона этого понятия, что особенно полезно при анализе рынка труда [Follis 1998]. Фоллис полагает, что теория укорененности М. Грановеттера не позволяет нам увидеть особые механизмы, управляющие взаимодействием на рынке труда. В частности, он показывает, как межличностные сети могут основываться на нескольких различных механизмах — таких, как информация, репутация, доверие и реципрокность.

В целом в итальянских дискуссиях можно отметить размежевание между подходами, сфокусированными главным образом на проблемах микроуровня, и теми, что рассматривают происходящее на макроуровне. До сих пор итальянская традиция находилась в большей мере под влиянием политической экономии (макроуровень анализа), нежели новой экономической социологии (микроуровень анализа). Зная, что

наиболее значимые продвижения в экономической теории затрагивают именно микроуровень, можно было бы предположить, что в Италии экономическая теория и экономическая социология чрезвычайно далеки друг от друга. Однако это не совсем так. Например, эволюционный подход к анализу индустриальных районов, предложенный Л. Парри, легко вступает в диалог с эволюционной экономической теорией, хорошо развитой в Италии [Dosi, Egidi 1991]. Тем не менее, за немногими исключениями [Bagnasco, Negri 1996; Cella 1997], анализ на микроуровне еще недостаточно развит в итальянской экономической социологии.

Подводя итог, можно сказать, что сильная традиция политической экономии в Италии может в будущем выступать и как ограничение, и как ресурс автономного развития экономической социологии. Она может препятствовать ему, но может и обогащать экономическую социологию. И, в целом, последние дискуссии указывают скорее на второй путь. К примеру, предложение Мутти обратить внимание на то, как легитимное государство способно формировать доверие и социальный капитал в гражданском обществе посредством соответствующих стимулов, свидетельствует о том, что две традиции — экономической социологии и политической экономии — могут плодотворно сотрудничать друг с другом.

Литература

- Accornero A., Carmignani F.* I paradossi della disoccupazione. Bologna: Il Mulino, 1986.
- Addario N., Cavalli A.* (eds.). Economia, politica e società. Bologna: Il Mulino, 1991.
- Amato G.* Economia, politica e istituzioni in Italia. Bologna: Il Mulino, 1976.
- Bagnasco A.* Tre Italie. Bologna: Il Mulino, 1977.
- Bagnasco A.* La costruzione sociale del mercato. Bologna: Il Mulino, 1988.
- Bagnasco A.* Trust and Social Capital // Companion to Political Sociology / Ed. by K. Nash, A. Scott. Oxford: Blackwell, 1999.
- Bagnasco A., Negri N.* Classi, ceti, persone. Napoli: Liguori, 1996.
- Bagnasco A., Trigilia C.* (eds.). Società e politica nelle aree di piccola impresa. Il caso di Bassano. Venezia: Arsenale Editrice, 1984.
- Bagnasco A., Trigilia C.* (eds.). Società e politica nelle aree di piccola impresa. Il caso della Valdelsa. Milano: Angeli, 1985.
- Barbieri P.* Regolazione istituzionale e redistribuzione dello stigma. Stato, mercato e reti sociali nei processi di avviamento al lavoro come fattore di esclusione sociale // Rassegna Italiana di Sociologia. 1998. No. 2.
- Bianco M.L.* Classi e reti sociali. Risorse e strategie degli attori nella riproduzione delle diseguaglianze. Bologna: Il Mulino, 1996.
- Bianco M.L., Eve M.* I due volti del capitale sociale. Il capitale sociale individuale nello studio delle diseguaglianze // La nuova sociologia economica. Prospettive europee / Ed. by E. Mingione, J.L. Laville // Sociologia del lavoro. 1999. No. 73.
-

Bonazzi G. Lo stato dell'arte nella sociologia economica italiana // Percorsi della sociologia italiana / Ed. by L. Gallino. Milano: Franco Angeli, 1992.

Bordogna L., Provasi G. Politica economica e rappresentanza degli interessi Bologna: Il Mulino, 1984.

Boudon R. Theories of Social Changes. Cambridge: Polity Press, 1986.

Cella G. Le tre forme dello scambio. Bologna: Il Mulino, 1997.

Cella G., Treu T. (eds.). Le nuove relazioni industriali Bologna: Il Mulino, 1998.

Dosi G., Egidi M. Substantive and Procedural Uncertainty // Evolutionary Economics. 1991. No. 4. P. 145–168.

Follis M. Perché contano i contatti personali sul mercato del lavoro? // Granovetter M. La forza dei legami deboli e altri saggi. Napoli: Liguori, 1998.

Gambetta D. Sicilian Mafia. The Business of Private Protection. Cambridge: Harvard University Press, 1993.

Gallino L. Se tre milioni vi sembrano pochi. Torino: Einaudi, 1998.

Lange P., Regini M. State, Market and Social Regulation. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Magatti M. (ed.). Azione economica come azione sociale. Nuovi approcci in sociologia economica. Bologna: Il Mulino, 1991.

Magatti M. (ed.). Potere, mercati e gerarchie. Bologna: Il Mulino, 1995.

Magatti M. Sociologia economica e teoria sociale // Stato e mercato. 1997. Vol. 51. No. 3. P. 457–493.

Magatti M. L'istituzionalità della vita economica: tre livelli analitici // La nuova sociologia economica. Prospettive europee / Ed. by E. Mingione, J.L. Laville // Sociologia del lavoro. 1999. No. 73.

Martinelli A. Lo sviluppo ineguale della sociologia economica italiana // Quaderni di sociologia. 1985. No. 4–5.

Martinelli A. Economia e società: Marx, Weber, Schumpeter, Polanyi, Parsons e Smelser. Milano: Edizioni di Comunità, 1986.

Martinelli A., Smelser N.J. (eds.). Economy and Society: Overviews in Economic Sociology. L.; Newbury Park: Sage Publications, 1990.

Mingione E. Fragmented Societies: A Sociology of Economic Life Beyond the Market Paradigm. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

Mingione E. Sociologia della vita economica. Roma: Nuova Italia Scientifica, 1997.

Mingione E., Laville J.L. (eds.). La nuova sociologia economica. Prospettive europee // Sociologia del lavoro. 1999. No. 73.

Mingione E. Gli itinerari della sociologia economica italiana in una prospettiva europea // La nuova sociologia economica. Prospettive europee / Ed. by E. Mingione, J.L. Laville // Sociologia del lavoro. 1999. No. 73.

Mutti A. Sui rapporti tra sociologia economica e teoria economica // Sociologia del lavoro. 1992. No. 45.

Mutti A. I sentieri dello sviluppo // Rassegna Italiana di Sociologia. 1994a. No. 1.

Mutti A. Il particolarismo come risorsa // *Rassegna Italiana di Sociologia*.

1994b. No. 4.

Mutti A. Capitale sociale e sviluppo. La fiducia come risorsa. Bologna: Il Mulino, 1998.

Paci M. La struttura sociale italiana. Bologna: Il Mulino, 1982.

Paci M. Alle origini dell'imprenditorialità e della fiducia interpersonale nelle aree ad economia diffusa // *La nuova sociologia economica. Prospettive europee* / Ed. by E. Mingione, J.L. Laville // *Sociologia del lavoro*. 1999. No. 73.

Parri L. I giochi della cooperazione tra piccoli imprenditori. I consorzi di vendita come istituzioni // *Quaderni di sociologia*. 1997a. Vol. 41.

Parri L. Risultati di azione umana ma non di progetto umano: i distretti industriali per Hayek e la Scuola Austriaca // *Un paradigma per i distretti industriali* / Ed. by C.M. Belfanti, T. Maccabelli. Brescia: Grafo, 1997b.

Piore M., Sabel C. The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity. N.Y.: Basic Books, 1986.

Regini M. Uncertain Boundaries: The Social and Political Construction of European Economies. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Regini M. Il davvero in crisi la sociologia economica? // *Sociologia del lavoro*. 1996. No. 61.

Regini M. Social Institutions and Production Structure: The Italian Variety of Capitalism in the 1980s // *Political economy of Modern Capitalism: Mapping Convergence and Diversity* / Ed. by C. Crouch, W. Streeck. L.: Sage, 1997.

Reyneri E. (ed.). Doppio lavoro e città meridionale. Bologna: Il Mulino, 1984.

Sciarrone R. Mafie vecchie, mafie nuove: radicamento ed espansione. Roma: Donzelli, 1998.

Triglia C. Small Firms Development and Political Subcultures in Italy // *European Sociological Review*. 1986. Vol. 2. No. 3.

Triglia C. Economia dei costi di transazione e sociologia. Cooperazione o conflitto? // *Stato e mercato*. 1989. No. 25.

Triglia C. Sviluppo senza autonomia. Effetti perversi delle politiche nel Mezzogiorno. Bologna: Il Mulino, 1992.

Triglia C. Italy: The Political Economy of a Regionalized Capitalism // *South European Society and Politics*. 1997. No. 3.

Triglia C. *Sociologia Economica. Stato, mercato e società nel capitalismo moderno*. Bologna: Il Mulino, 1998.

Тон Корвер

Тилбургский университет, Нидерланды

ГОЛЛАНДСКИЙ ПОДХОД: ВСЕГО ПОНЕМНОГУ, ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В НИДЕРЛАНДАХ¹

DAF-66.

Производился с 1972 по 1975 г.

...Нельзя сказать, что экономическая социология в Нидерландах отсутствует (она развивается достаточно оживленно). Однако какой-то объединяющей структуры в виде кафедр, учебных и исследовательских программ, а также специального финансирования не существует.

1. Конец социологии

А. Неудавшаяся профессионализация

На академическом рынке Нидерландов социология занимает маргинальные позиции. Достигнув пика своего развития в 1960-х — начале 1970-х годов, к концу XX столетия масштабы распространения социологии (а вместе с ней и политической науки) сильно сократились. В 1965 г. социологией занималось чуть более трети всех студентов, изучающих социальные науки (666 человек). С тех пор их число постоянно уменьшалось: в 1999 г. социологию выбрали менее 4% студен-

тов, начавших обучение социальным наукам (253 человека). Очевидно, что на позиции социологии не повлияло и абсолютное увеличение нового набора в университеты, поскольку реальное число абитуриентов, собирающихся ее изучать, начиная с 1970-х годов

¹ **Источник:** *Korver T. A Dutch Treat: Economic Sociology in the Netherlands // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2001. Vol. 2. No. 2. January. P. 2—8. <http://econsoc.mpifg.de/>. Пер. с англ. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев.*

неизменно сокращалось. В результате исчезла сама возможность обучения и специализации в области *экономической* социологии. В 1960-е и 1970-е годы в голландских университетах было несколько кафедр по данной проблематике.

Сегодня не осталось ни одной из них² (в какой-то степени можно сослаться на кафедры социологии организаций и индустриальных отношений; однако их тематика стала неотъемлемой частью новых учебных программ, в частности, в сфере бизнес-образования). Кроме того, в последние десятилетия существенно сократилось число университетов, предлагающих обучение социологии в целом.

В то же время популярность таких дисциплин, как психология, экономика, право за данный период не изменилась, а ряда областей знания — даже возросла (бизнес-образование и изучение политики) [business and policy studies]. Это привело некоторых исследователей [Glebbeck, De Vos 2000] к заключению, что успех той или иной дисциплины зависит от ее профессионального статуса и идентичности [Van Rossum 1985]. В этом отношении социология предстает как не вполне «полноценная» профессия, поскольку нацелена прежде всего на академические исследования, и ей не хватает теории, которая связывала бы ее со сферой практической политики³. Это следует и из профессионального кодекса голландских социологов, в котором подчеркивается значимость научной ответственности, а социальная ответственность не упоминается вовсе. Таким образом, неудавшийся процесс профессионализации, приведя к формированию неполноценного профессионального статуса, способствовал ослаблению социологической дисциплины и в результате — исчезновению кафедр экономической социологии.

Б. Теоретический тупик

Самостоятельной голландской традиции в социологической теории нет и не было никогда (возможно, исключение составляет метод социографии). Большинство социологических кафедр возникли после Второй мировой войны. Работавшие на них исследователи активно заимствовали зарубежные теоретические перспективы, в частности, немецкие и американские, в меньшей степени — французские. Особен-

ным влиянием пользовался функционализм, хотя его позиции и не были бесспорными, особенно в Амстердаме, где начиная с 1960-х годов развивалась особая форма социологии — фигурационная социология [figurational sociology], возникшая на основе работ Норберта Элиаса. Тем не менее в Голландии так называемый грядущий кризис социологии, если использовать выражение А. Гоулднера, не встретил на своем пути противодействия серьезной теоретической или исследовательской социологической традиции. В результате голландская социология

² После публикации обзора в «Ньюслеттере» автор уточнил, что впоследствии была открыта кафедра экономической социологии в университете Эразмус (Роттердам). Возглавляет кафедру проф. Юстус Венман [Justus Veenman], чьи профессиональные интересы связаны в первую очередь с социальным и экономическим положением (этнических) меньшинств. — *Прим. сост., перев.*

³ Эту точку зрения разделяют многие, однако возникает вопрос, почему экономисты, занимающиеся общей теорией и весьма преуспевшие при этом в практической деятельности, могут обходиться без такой теории, а социологи — нет.

оказалась совершенно беззащитной перед влиянием таких дисциплин, как философия науки или социальная философия, что еще более ослабило вероятность становления в рамках социологии собственного четкого и согласованного ядра. Второе следствие подобной ситуации — усиленное развитие эмпирического, индуктивного стиля социологических исследований с акцентом на изощренных методах анализа данных, с одной стороны, и приверженностью довольно спонтанным ad hoc теоретическим решениям — с другой. В определенной степени этот социологический стиль ориентирован на практическую деятельность [policy-oriented] (невзирая на отсутствие достаточной связи теории и практики, о чем говорилось выше).

Для экономической социологии особенно важно одно из объяснений неразвитости социологической теории в целом. Оно проистекает из идеи о том, что возникшее разделение труда в социальных науках, и в особенности трансформация классической политэкономии в неоклассическую экономическую теорию и оттеснение классической социологии в образовавшуюся нишу, является коренной причиной теоретического тупика в социологии⁴. Соответственно выход из него может состоять в повторном воссоединении экономической и социологической теории и исследований, что предполагает разработку единой модели человека в соответствии с принципами жесткого методологического индивидуализма [Arts 1976; Lindenberg 1986; Wippler 1987]. Это должно привести в экономическую теорию общество в качестве аналитического приоритета (и тем самым вернуть ее к задачам, поставленным классической политэкономией), а в социологию — индивидуальное действие в качестве теоретического приоритета (и тем самым обеспечить ей перспективу устойчивого развития теории). Идея возвращения к шотландской политэкономии и моральной философии XVIII в. (А. Смит, А. Фергюсон) была подхвачена очень продуктивной исследовательской школой — Межуниверситетским центром теории и методологии социальных наук [InterUniversity Center for Social Science Theory and Methodology — (ICS)], имеющим отделения в университетах Гронингена, Утрехта и Наймегена. Его амбициозная цель — создать общую теорию социальной науки, при этом потребность в создании такой подобласти, как экономическая социология, отодвигается на задний план.

Очевидно, что социология в Нидерландах все еще находится в поиске сфер практического применения (вспомните сетования по поводу ее незавершенного профессионального развития) и теории (свидетельство тому — склонность к шотландским идеям о природных склонностях и невидимой руке рыночного общества).

⁴ Похоже, что в конце XIX столетия появилась, но так и не была удовлетворена потребность в социологической теории, которая рассматривала бы не только следствия, но и причины явлений; возник также разрыв между новой, более строго очерченной экономической теорией и противопоставленной ей социологией.

Наконец, можно отметить, что голландская социология не является ни подходящей базой для будущего развития, ни, следовательно, идеальной средой для процветания экономической социологии. Что это, если не конец?

2. От социологии к бизнесу и политике...

В голландской социологии традиционно существовали лакуны, где наука и практика [policy] были переплетены практически изначально. Речь идет о социологии труда и индустриальных отношений, а также о социологии рынков труда. Любопытно, что эти подобласти социологии постепенно превратились в экономическую социологию. Встраивание исследований рынков труда в более широкую социологическую схему («хозяйство и общество») особенно заметно в работе Й. Ван Везеля из Тилбургского университета (см. раздел 4 данной работы)⁵. В русле такого подхода, когда исследования труда и индустриальных отношений включаются в сферу экономической социологии, написан один из немногих вводных текстов по экономической социологии в период расцвета социологии в Голландии [Van Zuthem 1973]⁶. Представленная в нем социологическая перспектива и ориентированность на политику объясняется изначальной нацеленностью автора на проблему распределения власти в условиях двойственности (экономических) норм эффективности и (социальных) норм справедливости. В теоретическом плане это введение довольно аморфное. Если теория и занимает в нем какое-то место, то лишь как эхо структурного функционализма Т. Парсонса. Основное внимание уделяется сторонам, вовлеченным в экономический процесс (работодателям, работникам, потребителям), т.е. «социальной интеграции». В результате и «системная интеграция», и основания теории действия на микроуровне рассматриваются достаточно поверхностно.

Более смелые попытки сформировать новую экономическую социологию (или социологическую экономическую теорию) также в 1970-е годы были предприняты в Гронингском университете. Ведущей фигурой здесь выступал Тьерк Хуппс [Huppes, 1976]. В данном случае поставленная цель интеграции этих двух дисциплин была достигнута, и впервые была подчеркнута, с одной стороны, важность адекватной теоретической схемы, которая должна основываться на теориях «социального обмена» и которую иллюстрирует гипотеза «аномии и инфляции» [Huppes 1976], а с другой стороны — необходимость учиться друг у друга методологии и способам сбора и анализа данных [Gadourek 1976]. В то же время теория и методология в данном случае были чрезвычайно далеки друг от друга, и энтузиазм экономистов по отношению к этому начинанию был, в лучшем случае, вялым.

Эта инициатива относительно скоро угасла. В итоге социологии вообще и Гронингскому университету в частности пришлось дожидаться, пока Межуниверситетский центр теории и методологии социальных наук возродит интерес к интеграции экономики и социологии. Это не означает, что в Гронингене отказались от изучения хозяйственных яв-

⁵ Последняя крупная работа ван Везеля называется «Хозяйство и общество» (Economie en Samenleving) [Wezel van, Havekes 1995].

⁶ Речь идет о «Введении в экономическую социологию» [Inleiding in de economische sociologie]. В 1984 г. ван Зутем опубликовал исправленный и дополненный вариант «Введения» с новым названием — «Люди и власть в экономической жизни; введение в экономическую социологию» [Mensen en macht in het economisch leven; een inleiding in de economische sociologie].

лений. Активная группа социологов под руководством Ф. Лулофса [F. Lulofs] выполнила ряд хороших исследований в области социологии рынков труда, индустриальных отношений, социальной политики предприятия (в том числе управления человеческими ресурсами) и неравенства [Buitendam 1987]. Однако уже после того как Лулофс стал почетным профессором, одни социологи из этой группы начали сотрудничать с ICS, а другие перешли в активно развивавшийся тогда сектор бизнес-образования.

Параллельно всем этим событиям происходило и сокращение численности социологической «клиентуры». Ситуация усугублялась тем, что, если не считать центров постдипломного образования, подобных ICS, социологи могли искать работу только за пределами своей дисциплины. В результате центр исследования возможной взаимосвязи между экономикой и социологией сместился в сторону недавно основанного Маастрихтского университета, и в частности — его факультета экономических наук. Похоже, сотрудники этого факультета были весьма заинтересованы в изучении возможностей интегрирования достижений психологии и социологии в новую учебную и исследовательскую программу экономической теории [Keizer, Soeters 1987]. В центре их внимания оказалась предпосылка о «неполноте информации» [incompleteness of information], связанная с понятиями ограниченной рациональности [bounded rationality], поведения, удовлетворяющегося первым приемлемым вариантом [satisfying behavior]⁷ и транзакционных издержек, а также возникающее в результате пространство для сотрудничества между социальными и бихевиористскими науками. Это особенно заметно в экономической теории бизнеса (например, в бухгалтерском учете [Poel van de 1987], исследовании организаций [Douma, Schreuder 1992] и маркетинге), но также и в общей экономической теории (особенно в теоретико-концептуальных и эмпирических исследованиях полезности, формирования и упорядочивания предпочтений [Praag van et al. 1979, 1985]⁸) и макроэкономике (изучении рациональных ожиданий, инфляции [Keizer 1982] и функционирования рынков труда [De Neubourg 1987]). Кроме того, в тра-

диции «новой политической экономии» с ее акцентом на экономике общественного сектора [Winden van 1983]⁹ заметны тенденции к обогащению экономических подходов достижениями социальных и бихевиористских наук. В целом, однако, все это остается в рамках «экономки плюс» (по-прежнему придерживающейся образа стратегического актора), а не нового социального направления экономической теории (включающего понятия не только стратегического действия, но и действия на основе аффекта, традиций и ценностей).

Одной из наиболее перспективных точек соприкосновения этих двух дисциплин (по крайней мере,

⁷ Речь идет о тезисе Г. Саймона о выборе первого подходящего варианта поведения. — *Прим. науч. ред.*

⁸ Во избежание недоразумений поясняем, что Бернард ван Праг не работает в Маастрихте. Прежде он работал в Лейденском университете, а сейчас возглавляет кафедру на экономическом факультете в Амстердамском университете.

⁹ Как и Б. ван Праг, Франц ван Винден прежде работал в Лейденском университете. После завершения работы над диссертацией он переехал в Амстердам, где до сих пор и пребывает. Ван Винден — один из немногих голландских экономистов, занимавшихся исследованиями в русле относительно молодой «экспериментальной экономики».

так это предсказывалось [Keizer, Soeters 1987: 43]) — является расширением академического сектора в области исследований бизнеса и политики.

Поскольку на этих факультетах проблемы практики ставятся во главу угла, формирование мульти- и даже междисциплинарного подхода не только вероятно, но и неизбежно. Это предсказание оказалось верным. Бизнес-образование стремительно развивается, и на соответствующих кафедрах проводятся лучшие исследования по значимым для экономической социологии темам. Помимо Маастрихта, здесь следует упомянуть Гронинген¹⁰ и Роттердам¹¹.

Тем не менее, несмотря на их значимость для экономической социологии, эти разработки достаточно далеки от самой дисциплины. Конечно, это еще не конец истории. И в экономической теории, и в исследованиях бизнеса можно заметить растущий интерес к понятиям «доверие» и «солидарность». Этот интерес обусловлен как практическими, так и теоретическими проблемами: возможностью установления управляемых партнерских отношений [manageable partnerships], создания сетей, возникновения контактов и длительных отношений, неконтрактных аспектов контрактных взаимодействий, принятия решений в условиях неопределенности, а также оценивания производства и распределения рисков. В силу очевидных причин исследование этих понятий требует объединенных усилий нескольких дисциплин, в том числе социологии.

3. ...И далее к общей теории социального действия

Внимание к понятиям доверия и солидарности привлекли исследователи из ICS при попытках создать общую теорию социального действия¹². Как уже отмечалось, исследования этого центра основывались на критическом подходе и к общей экономической теории, и к социологии. Экономическая дисциплина, с ее теоретической опорой на микроанализ индивидуального поведения, зачастую неспособна сохранять общество в качестве ведущего аналитического понятия. Социология же грешит противоположным недостатком: при объяснении слишком многих социальных явлений не принимается во внимание теоретически ведущая роль индивидуального поведения¹³. Следовательно, интеграция этих двух дисциплин должна идти одним путем, а именно: следует признать, что теоретическим приоритетом обеих дисциплин является теория индивидуального действия, а аналитическим приоритетом — общество.

¹⁰ Ван Виттелостуйн опубликовал результаты масштабного исследования сокращения [downsizing] и его последствий для экономики и общества. Особенное внимание в работе уделяется Нидерландам, хотя в целом автор придерживается сравнительного подхода [Witteloostuijn van 1999].

¹¹ О менеджменте партнерских отношений см.: [Nootboom 1998]. Б. Ноотбоом прежде работал в Гронингене, теперь — в Роттердаме. В работе представлен ясный и оригинальный анализ тонкостей партнерских отношений, опирающийся на теорию ресурсов и транзакционных издержек.

¹² Об основных положениях см.: [Lindenberg 1998; Raub, Weesie 2000; Sanders 2000].

¹³ Приходит на ум старая шутка: вся экономическая теория — о выборе, при котором оптимален лишь один вариант; а вся социология — о том, почему не из чего выбирать. Пере- и недосоциализированные представления о человеке являются теми препятствиями, которые подлежат устранению. Конечно, можно спросить, справедливо ли приписывать экономике и социологии такие концепции и несбалансированные приоритеты. С моей точки зрения, экономика здесь изображена более правдиво, чем социология (достаточно вспомнить лишь таких оригинальных авторов, способствовавших развитию более рефлексивной экономической теории, как Р. Франк, А. Хиршман, Т. Шеллинг и А. Сен).

Пока что основным результатом явилось развитие теории индивидуального действия, и в частности совершенствование структуры аксиоматических посылок экономической теории действия [agency]. На социетальном уровне (при переходе с микро- на макроуровень) результаты пока нельзя назвать впечатляющими; по сути, они зачастую довольно тавтологичны. С другой стороны, обилие диссертаций, книг и статей способствовало развитию социальной теории, близкой неоклассической экономике, значимой для нее¹⁴ и порою неотличимой от нее¹⁵. Последнее замечание достаточно любопытно: «модель человека», преподносящаяся как совместный продукт экономической теории и социологии и описываемая как RREEMM (человек изобретательный, ограниченный, оценивающий, ожидающий, максимизирующий полезность)¹⁶, значительно ближе к экономической аксиоматике — пусть даже и с поправками (отнюдь не новыми) на ограниченность времени и информации, на риск и неопределенность, — чем к типичной социологической проблеме, допустим, двойной случайности или формирования со стороны «Я» стабильных ожиданий относительно «Другого», и наоборот. Если эти проблемы и поднимаются [см., например: Raub, Weesie 2000], то в связи с вопросом о том, как сотрудничество может способствовать становлению длительных социальных отношений (принимаемых как данность) или, напротив, препятствовать им. «Генетический» аспект (как его называют сторонники фигурационной социологии), а вместе с ним — и возможность совершать переход с поведенческого микроуровня на макроуровень общества, здесь развиты слабо¹⁷. Теоретический приоритет индивидуального действия покупается ценой аналитической уступки и экономике, и социологии. Например, такие понятия, как социальный капитал, рассматриваются главным образом в качестве атрибутов и ресурсов индивидов (которые, говоря словами Альберта Хиршмана, «принимают выбор»), а не как отношения, формирующие понятие социального индивида («делающего выбор») [preference taking / preference making].

Опять-таки, связь с экономико-социологической тематикой, может быть, и есть, однако ее нельзя назвать неразрывной. В сущности, ICS следует моде «экономического империализма» эпохи Гэри Беккера, когда экономическая теория и экономическая социология определяются на основании не предмета, а подхода. Можно утверждать, что это направление находится в русле попытки построить общую теорию социального действия, однако оно довольно далеко отстоит от экономической социологии в ее традиционном понимании.

¹⁴ См. например: о связях, сетях и рынках труда [Flap, Tazelaar 1998], о контактах и карьерах [Вохман 1992], о неформальных сетях [Flache 1996], о сетях и доверии [Buskens 1999]. В исследованиях ICS связей и сетей заметно влияние М. Грановеттера и Р. Бёрта. В скобках можно отметить, что положение голландской социологии в международном контексте во многом обязано именно этому направлению исследований.

¹⁵ См., например, исследование рынка труда [Wielers, Schippers 1998].

¹⁶ RREEMM — resourceful, restricted, evaluating, expecting, maximizing man.

¹⁷ Вклад фигурационной социологии в экономическую социологию невелик, но любопытен. Вот два недавних примера: о конкуренции и цивилизации [Stokvis 1999] и о кодах действия [action codes] в голландских рабочих коллективах [Iterson 2000]. В обоих исследованиях показана связь микро- и макро-: Р. Стоквис увязывает идею Й. Шумпетера о предпринимательском действии с изменениями режимов конкуренции и подражаемыми видами зависимости; А. ван Итерсон увязывает коды действия на рабочем месте с долгосрочным развитием социальной и экономической истории Нидерландов (в целом в русле оригинальной попытки Израэля объяснить голландскую республику). Однако, если не считать этих и нескольких других работ, то акцент фигурационной социологии — не на экономической социологии или хозяйстве и обществе.

4. Угасание экономической социологии?

Судьба «хозяйства и общества»

и интегрированная «социоэкономика»

Наиболее явные попытки «оживить» экономическую социологию заметны в Тилбургском университете. Их вдохновителем, вплоть до своего недавнего ухода на пенсию, был Й. ван Везель, профессор социологии, серьезно размышлявший об интеграции экономики и социологии. Однако почти в не меньшей степени он интересовался и изучением равновесия современных дифференцированных и сложных обществ. Его подход опирался главным образом на структурный функционализм с некоторыми отступлениями в сторону системной теории — под влиянием Н. Лумана и особенно Р. Мюнха. В его работе заметны и мотивы разработанной Т. Парсонсом системной схемы AGIL. В его последней книге предложена хорошая основа для общего подхода к экономической социологии, и этот подход используется для сравнительного анализа трудовых систем разных стран [Van Wezel, Havelkes 1995]. Книга характеризуется теоретической смелостью, оригинальным преломлением теории Парсонса, а также применением формальной и субстантивной теорий для сравнительного анализа трудовых систем. Чего ей недостает, так это признания того факта, что, скажем, понятие политического общества в трактовке Э. Дюркгейма или, в данном случае, Т. Парсонса, не является общим знаменателем для различных подсистем общества (хозяйства, политики, сообщества и культуры). Это замечание относится не только к тщательному, насколько это возможно, исследованию ван Везелем финансовых рынков и их влияния на рынки труда, но и, в большей степени, к его исследованию рынков труда и занятости как таковых.

Стоит упомянуть еще одно событие, связанное с ван Везелем. С момента основания Общества развития социоэкономики (SASE) он стремился укрепить его позиции в Нидерландах. В результате незадолго до выхода на пенсию ван Везель представил Тилбургскому университету отчет о работе и предложения по дальнейшему развитию данного направления. В нем содержалась и программа курса по «социоэкономике, который можно было бы читать на факультетах экономики и социальных наук. Отчет и программа активно обсуждались на этих факультетах. Однако никаких действий предпринято не было, и после ухода ван Везеля новых инициатив в этом направлении не возникало. В заключение, имея в виду проработку некоторых важных тем, нельзя сказать, что экономическая социология в Нидерландах отсутствует (она развивается достаточно оживленно). Однако какой-то объединяющей структуры в виде кафедр, учебных и исследовательских программ, а также специального финансирования не существует.

- Arts W.* Geen Procrustusbed? Over de relevantie van de individualistische traditie voor een integratie van economie en sociologie [Not a bed of Procrustus? On the relevance of the individualistic tradition for an integration of economics and sociology] // *Gedrag en Structuur* [Behaviour and Structure] / Ed. by W. Arts et al. Rotterdam: Universitaire Pers Rotterdam, 1976. P. 75–90.
- Boxman E.A.W.* Contacten en Carriere [Contacts and Career]. Amsterdam: Thesis Publishers, 1992.
- Buskens V.* Social Networks and Trust. Amsterdam: Thesis Publishers, 1999.
- Buitendam A.* (ed.). Arbeidsmarkt, Arbeidsorganisatie, Arbeidsverhoudingen [Labour Market, Work Organization and Industrial Relations]. Deventer: Kluwer, 1987.
- Douma S., Schreuder H.* Economic Approaches to Organizations. N.Y.: Prentice Hall, 1992.
- Flache A.* The Double Edge of Networks. Amsterdam: Thesis Publishers, 1996.
- Flap H.D., Tazelaar F.* De rol van informele sociale netwerken op de arbeidsmarkt [The role of informal social networks in labour markets] // *De Flexibele Arbeidsmarkt* [The Flexible Labour Market] / Ed. by H.D. Flap, W.A. Arts. Deventer: Van Loghum Slaterus, 1988. P. 48–64.
- Gadourek I.* Convergence and diversification in the methodologies of economics and sociology // *Economics and Sociology: Towards and Integration* / Ed. by T. Huppés. Leiden: Martinus Nijhoff Social Sciences Division, 1976. P. 96–127.
- Glebbeek A., de Vos H.* Heeft de sociologie een toekomst? [Does sociology have a future?] // *Mens en Maatschappij*. 2000. Vol. 75. P. 277–297.
- Huppés T.* (ed.). *Economics and Sociology: Towards and Integration*. Leiden: Martinus Nijhoff Social Sciences Division, 1976.
- Huppés T.* Economic sociology or sociological economics? // *Economics and Sociology: Towards and Integration* / Ed. by T. Huppés. Leiden: Martinus Nijhoff Social Sciences Division, 1976. P. 27–50.
- Huppés T.* Anomie and inflation // *Economics and Sociology: Towards and Integration* / Ed. by T. Huppés. Leiden: Martinus Nijhoff Social Sciences Division, 1976. P. 128–160.
- Itersen A. van.* Rules of actions in Dutch work organizations // *The Netherlands' Journal of Social Sciences*. 2000. Vol. 36. No. P. 176–187.
- Keizer P.K.* Inflatie als Politiek-Economisch Verschijnsel [Inflation as a Political-Economic Phenomenon]. Leiden: Stenfert Kroese, 1982.
- Keizer P.K., Soeters J.* (eds.). *Economie, Sociologie en Psychologie: Visies op Integratie* [Economics, Sociology and Psychology: Visions on Integration]. Assen/Maastricht: Van Gorcum, 1987.
- Keizer P.K., Soeters J.* The state of the art // *Economie, Sociologie en Psychologie: Visies op Integratie* [Economics, Sociology and Psychology: Visions on Integration] / Ed. by P.K. Keizer, J. Soeters. Assen; Maastricht: Van Gorcum, 1987. P. 15–49.
- Lindenberg S.* How sociological theory lost its central issue and what can be done about it // *Approaches to Social Theory* / Ed. by S. Lindenberg et al. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1986. P. 19–24.
- Lindenberg S.* Solidarity, its microfoundations and macro dependence // *The Problem of Solidarity: Theories and Models* / Ed. by P. Doreian, T.J. Fafaro. Amsterdam: Gordon and Breach, 1998.
- Neubourg C. de.* Naar een theorie van arbeidsaanbod gebaseerd op complexe rationaliteit [Towards a theory of the supply of labour, based on complex rationality] // *Economie, Socio-*

logie en Psychologie: Visies op Integratie [Economics, Sociology and Psychology: Visions on Integration] / Ed. by P.K. Keizer, J. Soeters. Assen; Maastricht: Van Gorcum, 1987. P. 161–184.

Nooteboom B. Management van Partnerships [Management of Partnerships]. Schoonhoven: Academic Service, 1998.

Poel J. van de. Berichtgeving en gedragswetenschappen [Accounting and behavioural sciences] // Economie, Sociologie en Psychologie: Visies op Integratie [Economics, Sociology and Psychology: Visions on Integration] / Ed. by P.K. Keizer, J. Soeters. Assen; Maastricht: Van Gorcum, 1987. P. 133–157.

Praag B.M.S. van et al. The definition and the measurement of Social Reference Spaces // The Netherlands' Journal of Sociology. 1979. Vol. 21. P. 13–25.

Praag B.M.S. van. Linking economics with psychology, An economist's view // Journal of Economic Psychology. 1985. Vol. 6. P. 289–311.

Raub W., Weesie J. The management of matches: a research programme on solidarity in durable social relations // The Netherlands' Journal of Social Sciences. 2000. Vol. 36. No. 1. P. 71–88.

Rossum W. van. De economie als niet-restrictieve discipline? [Economics as a non-restrictive discipline?] // Economische Wetenschappen: Eenheid in Verscheidenheid? [Economic Sciences: Unity in Diversity?] / Ed. by J. Muysken, H. Schreuder. Assen; Maastricht: Van Gorcum, 1985. P. 77–83.

Sanders K. Solidair Gedrag binnen Moderne Arbeidsorganisaties [Solidary Behaviour in Modern Work Organizations]. Tilburg: Dutch University Press, 2000.

Stokvis R. Concurrentie en Beschaving [Competition and Civilization]. Amsterdam: Boom, 1999.

Wezel J. van, Havekes M. Economie en Samenleving [Economy and Society]. Utrecht: Lemma, 1995.

Wielers R., Schippers J. Labour market research; The supremacy of neoclassical economic theory // Work, Organisation and Labour in Dutch Society / Ed. by G. Evers et al. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 37–61.

Winden F.A.A.M. van. On the Interaction between State and Private Sector. Amsterdam: North Holland, 1983.

Wippler R. Sociologie en economie: mogelijkheden voor en grenzen aan integratie [Sociology and economics: opportunities for and limits on integration] // Economie, Sociologie en Psychologie: Visies op Integratie [Economics, Sociology and Psychology: Visions on Integration] / Ed. by P.K. Keizer, J. Soeters. Assen/Maastricht: Van Gorcum, 1987. P. 73–90.

Witeloostuijn A. van. De Anorexiastrategie [The Anorexia-Strategy]. Amsterdam; Antwerpen: De Arbeiderspers, 1999.

Zuthem H.J. van. Inleiding in de Economische Sociologie [Introduction to Economic Sociology]. Amsterdam: De Bussy, 1973.

Zuthem H.J. van. Mensen en Machten in het Economisch Leven [People and Powers in Economic Life]. Deventer: Van Loghum Slaterus, 1984.

Бернар Конвер

Центр социологических и экономических исследований г. Лилля [Centre Lillois d'Etudes et de Recherches Sociologiques et Economiques (CLERSE)] и Университет Лилля-1

Йохан Хайлброн

Центр европейской социологии [Centre de sociologie européenne (CSE)], Париж и университет Эразмус, Роттердам¹

ОТКУДА ПОЯВИЛАСЬ НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ?² (ОБЗОР ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ТРАДИЦИЙ В США)

Ford Model T.

Производился с 1908 по 1927 г.

Как и все вновь возникающие исследовательские области, «новая экономическая социология» является результатом объединения под общим академическим наименованием исследователей, первоначально принадлежавших к весьма различным течениям.

«Новая экономическая социология» — одно из наиболее активно развивающихся направлений американской социологии — очень быстро стала предметом для рассуждений, размышлений, дискуссий и споров, но как таковая еще не анализировалась с социологических позиций. В данной работе мы предлагаем проследить ее происхождение и развитие, задаваясь при этом более общим вопросом: как происходило становление новой отрасли социологии в американской университетской среде? Эндрю Эбботт [Andrew Abbott] недавно отметил, что по-

¹ Авторы благодарят Ричарда Сведберга [Richard Swedberg] и Лоика Вакана [Loïc Wacquant] за их замечания.

² **Источник:** *Convert B., Heilbron J.* Where does the new economic sociology come from? (Рукопись любезно предоставлена нам авторами для перевода.) Пер. с франц. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев.

скольку функционалистская трактовка, представляющая эволюцию специализаций как процесс их все более тонкой дифференциации, не позволяет объяснить возврат к прежним веяниям и циклические колебания, следует заново поставить перед собой вопрос о создании и воссоздании специализаций в рамках уже существующих дисциплин [Abbott 2001]. Представляя со-

бой относительно стабильные академические единицы, специализации встраиваются в ансамбль жестко структурированных национальных и международных институтов (включающих дипломы, кафедры, факультеты, журналы, профессиональные ассоциации) [Heilbron 2004]. Для исследователей они образуют «коллективный капитал» специальных методов и понятий, доступ к которым обеспечивается соответствующим обучением [Bourdieu 2001: 129]. Внутри каждой дисциплины конкуренция за доминирующее определение научной практики порождает ту непрерывную динамику, которая лежит в основе процессов миграции в более перспективные области и которая возвышает одни специальности над другими, предлагая новые классификации и перетасовывая устаревшие рубрикаторы. Американская экономическая социология — свежий пример проявления подобной динамики, на котором можно проанализировать одновременно ее общие механизмы и особые качества, обусловленные как конкретными обстоятельствами, так и специфическим американским контекстом.

Й. Шумпетер описывал отношения, установившиеся между социологией и экономической теорией, как «взаимное игнорирование». Однако долгое время «экономическая социология» являлась общим полем деятельности для множества авторов — и социологов, и экономистов. Словосочетание «экономическая социология» и сам этот проект восходят к концу XIX в. — к тому моменту, когда социальные науки институционализировались в качестве университетских дисциплин и выстраивали свои ключевые предметные блоки. В ряду авторов, внесших свой вклад, пытавшихся определить данную область и выделить ее специфику, — М. Вебер, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Ф. Симиан, М. Хальбвакс, В. Парето, Й. Шумпетер, Т. Веблен³. Однако в ходе последовавшего в XX столетии разделения дисциплин и их соответствующего обособления междисциплинарные области все более вытеснялись на периферию. В рамках социологии экономическая социология постепенно все более маргинализировалась. Социология труда и индустриальная социология охватили ее предмет лишь частично (включив анализ производственных организаций, «человеческих отношений»), предоставив экономистам монополию на исследование структуры рынков, ценообразования, денежной сферы... Аналогичный процесс внутреннего закрытия дисциплины происходил и в экономической теории. Несмотря на то что глашатаи маргиналистской революции показали важность экономической социологии (У. Джевонс) и внесли значительный вклад в ее развитие (В. Парето), последующие поколения экономистов все больше склонялись к мысли о том, что экономическая теория — это наука о рациональном выборе, в то время как социология изучает нерациональные действия. Подобное разграничение оправдывало сложившееся академическое разделение труда, в результате которого институциональный и исторический подходы исчезли из ядра экономической теории.

Как же объяснить восстановление экономической социологии в условиях подобного дисципли-

³ Об истории экономической социологии см.: [Gislain, Steiner 1995; Swedberg 1994].

нарного разделения? Идет ли речь просто о (пере)именовании, проявлении академической дипломатии в университетской среде, в которой до сего момента господствовала экономическая теория, или же о наступлении социологов, стремящихся отвоевать область, ключевую для понимания современного социального мира? Помимо эмпирических вопросов и их интерпретации мы затронем также более общую проблему социальной динамики академических специальностей. Одним из ключевых здесь является вопрос, можно ли объяснить возникновение «новой экономической социологии» в рамках анализа на микроуровне, который господствует в социологических подходах к научным дисциплинам. Показав недостаточность различных микроуровневых подходов, мы продемонстрируем, что только более общий структурный подход к анализу академических областей позволяет понять ту микродинамику, которая привела к созданию новой экономической социологии.

Чтобы проследить происхождение и динамику данной дисциплины, мы обратимся к группе «ключевых авторов», отобранных по принципу их участия в основных для формирования данного академического направления событиях: в публикации трех коллективных сборников⁴ и двух хрестоматий⁵; в работе семинара по экономической социологии, проходившего при поддержке Фонда Рассел Сейдж (см. ниже); их упоминания в числе «ключевых фигур» в первых обзорах зарождающейся дисциплины⁶. Таким образом, в нашу выборку вошел 31 автор, каждый из которых принял участие по крайней мере в двух из названных «событий»⁷ (см. табл. 1). У каждого автора мы запросили автобиографию и перечень публикаций. Чтобы понять структуру внутренних взаимоотношений в группе и ее последующую эволюцию, мы проанализировали практики взаимного цитирования за период 1980–2000 гг. Наконец, у трех авторов мы взяли специальные интервью.

Упадок и возрождение американских социальных наук

⁴ [Zukin, DiMaggio 1990; Friedland, Robertson 1990; Swedberg 1993].

⁵ [Granovetter, Swedberg 1992; Smelser, Swedberg 1994].

⁶ Историческое введение к сборнику «Социология хозяйственной жизни» [Granovetter, Swedberg 1992: 1–28]; а также статья Р. Сведберга «Новая экономическая социология: что сделано и что впереди?» [Swedberg 1997; см. также перевод: Сведберг 2004].

⁷ В этот перечень не включены авторы, участвовавшие в названных «событиях» лишь эпизодически (А. Робертсон, Ш. Зукин), а также представители более молодого поколения, чьи важные работы были написаны позднее, уже в 1980-е гг. (Б. Керратерс, Ф. Доббин, Б. Уци).

Первые работы, в которых говорилось о «новой экономической социологии», появились в США еще в 1970-е годы. В то время этот термин не использовался, и работы, ставшие пионерными для данной дисциплины, были выявлены лишь задним числом. Они появились в период кризиса и последовавшего за ним возрождения американских социальных наук. В 1970-е годы завершилась гегемония парсонсианского функционализма, или, в целом, «главенствующей триады», на протяжении многих лет доминировавшей в американской социологии: Т. Парсонса, Р. Мертон и П. Лазарсфельда [Bourdieu 1988: 773–788].

Bourdieu 2001: 41]. Разрыв с этим ортодоксальным направлением сопровождался чередой попыток обновления данной дисциплины, обусловленных стремительным увеличением численности студентов и аспирантов, ее щедрой финансовой поддержкой и определенным интересом к ней общественности. Отчасти это движение обновления было связано с укреплением позиций «новых левых» и протестными движениями среди американских студентов поколения послевоенного «бэби-бума».

Количество защищаемых в год диссертаций по социологии увеличилось в США со 150 в 1960 г. до более 700 в 1976 г. За эти же годы численность членов Американской социологической ассоциации удвоилась. В 1960–1969 гг. получили распространение образовательные кредиты, в начале 1970-х гг. их стало еще больше⁸. Один из наших респондентов заметил: «В 1960-е — начале 1970-х годов студенты университетов легко могли получить деньги на обучение. Это было просто потрясающе. Кто-то учился бесплатно пять, шесть лет; получал работу, еще не успев доучиться; занимал место преподавателя университета, не имея ученой степени. Я поступил в университет в 1974 г., на моем курсе было 40 человек; в предыдущие два года набирали по 100 человек ежегодно». Примерно с середины 1970-х годов эти показатели (количество диссертаций, численность членов АСА, кредиты на исследования) начали снижаться, и данная тенденция сохранялась по меньшей мере в течение десятилетия. Количество защищенных диссертаций (в 1976 г. — 734) ко второй половине 1980-х гг. уменьшилось примерно до 500. Численность студентов, специализирующихся по социологии, в 1974 г. превысившая 36 тыс., в 1985 г. сократилась до 12 тыс. [D'Antonio 1992].

Одновременно с увеличением численности учащихся и развитием образовательных кредитов в 1970-е годы резко возросло число социологических журналов [Hargens 1991]. В их числе был основанный в 1974 г. Алвином Гоулднером [Alvin Gouldner] журнал «Теория и общество» [Theory and Society], который, объединив представителей самых разных течений, претендовал на роль площадки для теоретического и тематического обновления. Выход первого номера этого журнала означал не только конец «старых интеллектуальных парадигм» и вызов со стороны целого спектра «новых парадигм», но и в не меньшей мере стал откликом на текущую политическую ситуацию (нефтяной кризис, Уотергейт). Другие журналы, в частности «Современная социология» [Contemporary Sociology] (1972 г.), публиковали более умеренные отчеты или обзоры, пытаясь объяснить происходящие в производстве процессы диверсификации и структурной трансформации.

В этом контексте количественного роста, политической борьбы и ускоренного академического обновления развивалось множество новых подходов — от различных течений микросоциологии (этнометодологии, символического интеракционизма, феноменологических подходов) до радикальных дви-

⁸ Детальные данные см. в работе: [Turner, Turner 1990: 138].

жений и критический пересмотр (неомаксизм, феминизм, тьермондизм), постепенно выводящих на такие направления, как сетевой анализ, историческая социология или неинституциональные течения в социологии организаций. Эти новые инициативы предлагались исследователями, занимавшими самое разное положение в университетской среде. Одни из них, как, например, Хэррисон Уайт (см. ниже), уже обладали значительным научным капиталом. Другие представляли молодое поколение ученых, родившихся во время или вскоре после войны, чей научный капитал был более скромным, их исследования проводились в контексте подъема «новых левых» и протестных движений, они пришли в эту профессию благодаря упомянутой выше уникальной демографической ситуации, сложившейся в университетах. Многие из них отказывались ограничивать свою работу рамками одной конкретной дисциплины, выступая, напротив, за междисциплинарный подход или даже — как, например, марксисты или феминистки — за подход, который можно квалифицировать в качестве антидисциплинарного. Говорить о «социальной теории» вместо «социологии» и защищать новый тип «социального ученого», как это делал журнал «Теория и общество», стало одним из способов продемонстрировать разрыв с привычными дисциплинарными и прочими границами, которые для этого нового поколения социальных исследователей утратили смысл.

Что касается экономической теории, то здесь 1970-е годы также ознаменовались развитием множества новых подходов, критикой кейнсианского синтеза. Два течения открыто пересекли границу между экономической теорией и социологией — экономический подход к человеческому поведению (Г. Беккер) и неинституционализм (О. Уильямсон)⁹. Одновременно получило распространение понятие «экономического империализма»; оно было предложено сторонниками данного течения и затем обрело критический смысл¹⁰.

В условиях «кризиса» традиционных социальных и экономических наук, стремительного распространения новых подходов, более или менее стиравших прежние дисциплинарные границы, и подъема «экономического империализма» и появились первые исследовательские работы, которые позднее — к концу 1980-х годов — в результате целенаправленного конструирования приведут к рождению «новой экономической социологии», создадут принципиальные точки отсчета для определения и легитимации этого нового дисциплинарного направления.

Разрозненные инициативы

У истоков дисциплины, которая в конечном счете получит название «(новой) экономической социологии», находятся различные инициативы группы «ключевых авторов», входящих в ядро данного движения. Их перемещения позволяют понять одновременно происхождение

⁹ Книга «Рынки и иерархии» О. Уильямсона вышла в 1975 г. [Williamson 1975], а «манифест» Г. Беккера «Экономический подход к человеческому поведению» — в 1976 г. [Becker 1976].

¹⁰ Программное заявление одного из его сторонников см. в работе: [Tullock 1972]. Впоследствии это выражение было подхвачено в более критическом значении; см., например: [Radnitzky, Berholz 1987].

ние этого движения и логику академических «предпринимателей», которые в 1985–1994 гг. «заново откроют» «экономическую социологию».

В группу «ключевых авторов» входят три поколения социологов: к первому относятся Чарльз Перроу, Артур Стинчкомб и Хэrrисон Уайт, все они защитили диссертации по социологии в 1960 г.; второе поколение включает 20 авторов, которые защитили диссертации в конце 1960-х — в 1970-е годы; наконец, третье поколение представлено 8 авторами, учившимися несколько позднее, нередко — под руководством представителей предыдущего поколения (как, например, Марк Грановеттер или Майкл Шварц). Трех авторов старшего поколения объединяет еще и то, что никто из них не разделял господствовавших в то время функционалистских течений. Они представляют два направления, которые вместе образуют основу новой экономической социологии: социологию организаций, развиваемую Ч. Перроу и А. Стинчкомбом, и сетевой анализ, предложенный Х. Уайтом.

Таблица 1

Перечень ключевых авторов, место и год защиты ими диссертаций, количество взаимных цитирований

Авторы	Место и год защиты диссертации (по социологии, если не указано иное)	Количество взаимных цитирований, кроме автоцитирования, 1980–1990 гг.	Количество взаимных цитирований, кроме автоцитирования, 1991–2000 гг.
Марк Грановеттер [Mark Granovetter]	Гарвардский университет, 1970	86	90
Рональд Бёрт [Ronald Burt]	Чикагский университет, 1977	65	64
Бет Минц [Beth Mintz]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1978	57	21
Майкл Юсим [Michael Useem]	Гарвардский университет, 1970	49	28
Хэrrисон Уайт [Harrison White]	Массачусетский технологический институт, 1955 (теоретическая физика) и Принстонский университет, 1960	45	44
Чарльз Перроу [Charles Perrow]	Университет Калифорнии в Беркли, 1960	44	13
Марк Мизраки [Mark Mizrahi]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1980	36	43
Артур Стинчкомб [Arthur Stinchcombe]	Университет Калифорнии в Беркли, 1960	33	23
Роберт Иклес [Robert Eccles]	Гарвардский университет, 1979	26	17
Пол Димаджио [Paul DiMaggio]	Гарвардский университет, 1979	25	58
Фред Блок [Fred Block]	Университет Калифорнии в Беркли, 1974	21	6
Гэри Гамильтон [Gary Hamilton]	Вашингтонский университет, 1975	16	15
Нил Флигстин [Neil Fligstein]	Университет Висконсин-Мэдисон, 1979	13	30
Чарльз Сейбл [Charles Sabel]	Гарвардский университет, 1987 (управление)	13	9

Авторы	Место и год защиты диссертации (по социологии, если не указано иное)	Количество взаимных цитирований, кроме автоцитирования, 1980—1990 гг.	Количество взаимных цитирований, кроме автоцитирования, 1991—2000 гг.
Пол Хирш [Paul Hirsch]	Мичиганский университет, 1973	12	12
Митчелл Аболафия [Mitchell Abolafia]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1981	11	3
Уолтер Пауэлл [Walter Powell]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1978	11	31
Уэйн Бейкер [Wayne Baker]	Северозападный университет, 1981	10	23
Николь Биггарт [Nicole Biggart]	Университет Калифорнии в Беркли, 1981	8	6
Линда Б. Стернз [Linda B. Stearns]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1983	8	21
Александро Портес [Alejandro Portes]	Университет Висконсин-Мэдисон, 1970	7	8
Маршалл Мейер [Marshall Meyer]	Чикагский университет, 1967	5	6
Майкл Шварц [Michael Schwartz]	Гарвардский университет, 1971	5	0
Вивиана Зелизер [Viviana Zelizer]	Колумбийский университет, 1977	5	17
Пола Ингланд [Paula England]	Чикагский университет, 1975	3	4
Фрэнк Ромо [Frank Romo]	Иельский университет, 1986	3	4
Ричард Сведберг [Richard Swedberg]	Бостонский колледж, 1978	3	9
Роджер Фридланд [Roger Friedland]	Университет Висконсин-Мэдисон, 1977	2	3
Марк Лазерсон [Mark Lazerson]	Университет Висконсин-Мэдисон, 1985	1	1
Патрик Макгуайр [Patrick McGuire]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1986	0	2
Чарльз Смит [Charles Smith]	Университет Брандейс, 1966	0	5

Примечание. Цифры в таблице показывают, сколько раз каждый автор цитировался за указанный период в статьях других 30 авторов выделенной группы. При построении таблицы была использована база Индекса цитирования в социальных науках [Social Science Citation Index]. Применительно к нашим целям этот индекс имеет два недостатка: он учитывает не все работы данных авторов, а только их статьи, опубликованные в определенных журналах; при наличии у цитируемой статьи нескольких авторов учитывается имя только первого (по алфавиту, если авторы не перечислены в ином иерархическом порядке). Если бы не последнее ограничение, то, например, М. Шварц, чья совместная работа с Б. Минц широко цитировалась с 1980 по 1990 гг., в нашей таблице в данный период должен был бы находиться на третьем месте.

Хэrrисон Уайт и его наследие

Оглядываясь назад, понимаешь, что главный очаг «возгорания» новой экономической социологии следует искать на вершине американской университетской иерархии. Речь идет об интеллектуальном проекте Хэrrисона Уайта, который он разрабатывал в Гарвардском

университете начиная с 1960-х годов¹¹. Почти половина наших «ключевых авторов» прямо или косвенно связана с Уайтом, причем более молодые социологи, наиболее активно занимающиеся построением новой экономической социологии, почти все являются его учениками (М. Грановеттер, П. Димаджио, М. Шварц)¹².

Х. Уайт (род. в 1930 г.) в свою бытность еще молодым преподавателем, чьи первые опубликованные социологические работы были посвящены математическому представлению отношений подобия [White 1963a], импрессионистской революции [White 1965], социальной мобильности и рынку труда [White 1970], боролся за нетривиальное использование математических методов в социальных науках [White 1963b] и базирование социологии на ином фундаменте, нежели доминировавший тогда функционализм. Будучи по образованию физиком (свою первую ученую степень Ph.D. он получил по теоретической физике), он обратился к разрешению социологических загадок и конструированию математических моделей (порою «импортируемых» из физики), которые позволили бы объяснить изучаемую им социальную реальность. В то время как Дж. Коулман, другая важная фигура в области математической социологии, просто привнес из микроэкономики в свою книгу «Основы социальной теории» традиционный математический инструментарий [Coleman 1990], Уайт — более изобретательный и амбициозный, менее ориентирующийся на традиционные подходы — похоже, чувствовал себя более свободно в области эмпирических исследований и конструирования моделей, нежели в академических экзерсисах поиска новых теоретических основ (это отчетливо видно из комментариев к его ключевой теоретической работе «Идентичность и контроль» [White 1992]). Тем не менее он стремился найти новый фундамент для социологии, предлагая «структуралистский» подход, основанный на сетевом анализе и позволяющий преодолеть дихотомию атомистических и холистических трактовок социальной реальности.

Интерес к исследованию экономических объектов возник в данном интеллектуальном проекте не сразу. Члены «гарвардской школы» применяли сетевой анализ к рассмотрению разных проблем: социальной стратификации города (Э. Лауман [Edward O. Laumann]), научных сетей (Н. Маллинз [Nicholas C. Mullins]), сетей взаимных знакомств и разрывов (Н. Ли [Nancy Lee]). Даже М. Грановеттер сомневался, какому направлению посвятить свою диссертационную работу: анализу брачного рынка или рынка труда, остановившись в итоге на втором¹³. При этом сам Уайт довольно давно испытывал интерес к изучению хозяйства: прослушанный им в 1952—1953 гг. курс П. Самуэльсона [Paul Samuelson] поселил в нем

¹¹ Именно в рамках курса «Введение в социальные отношения», который Уайт читал в Гарварде с 1965 по 1969 г., он разработал многие понятия своей сетевой теории, именно тогда он привлек многих будущих сторонников «структуралистской» школы.

¹² Среди наших «ключевых авторов» (31 человек) шестеро получили ученую степень в Гарварде (см. табл. 1), из них пятеро являлись аспирантами Уайта (М. Грановеттер, М. Юсим, М. Шварц, П. Димаджио, Р. Иклес); ср.: [Azarián 2003: 213—216]. Второе, более молодое поколение (В. Минц, М. Мизраки, М. Аболафия, Л. Стернз, П. Макугайр), писали диссертации под руководством учеников Уайта — М. Шварца и М. Грановеттера, когда последние были молодыми преподавателями в университете Нью-Йорка в Стоун-Брук. Помимо этого, Уайт оказал огромное влияние, прямое или косвенное, на многих авторов рассматриваемой группы: Р. Бёрт готовил диссертацию в Чикагском университете вместе с другим учеником Уайта — Эдвардом О. Лауманом; Н. Флигстин познакомился с Уайтом, когда они оба были в Аризоне; У. Бейкер защитил диссертацию в Северо-Западном университете, но регулярно обменивался идеями с Уайтом и некоторыми из его учеников.

¹³ Интервью с М. Грановеттером см. в кн.: [Swedberg 1990: 96—114].

человечество, что тема хозяйства уведет его в «неверное направление»: «Я думал, что знаю, почему, но в то время это было не более чем интуитивным ощущением»¹⁴. В то же время в некоторых из первых работ Уайта, посвященных цепочкам мобильности, поднималась проблематика рынка, а именно рынка труда. Но лишь к 1975—1978 гг., в связи с организованным им междисциплинарным семинаром по математическим моделям в социальных и биологических науках, Уайт выдвинул новые экономические теории и сформулировал основы социологического подхода к анализу рынков¹⁵. В конце 1970-х годов он начал исследовать рынки производителей, а также (совместно с Р. Иклесом) проблему «цены и авторитета» внутри многодивизионной фирмы. В 1981 г. выходит его знаменитая статья «Откуда берутся рынки?», которую сегодня многие экономсоциологи считают «настоящим краеугольным камнем, заложившим основы данного поля» [из наших интервью. — *Авт.*]. Анализируя рынки как социальные структуры или используя в качестве доказательств своих гипотез сложные комбинации «цены» и «авторитета» в транзакциях в рамках фирмы или между фирмами, Уайт и его ученики в своих исследованиях преодолевали традиционное разделение труда между экономистами и социологами, когда экономисты занимались изучением рынка и механизма ценообразования, а социологи — изучением организаций. Несомненно, данная инициатива задумывалась также как ответ на наступление экономистов — например, Г. Беккера, который в тот же период занимался изучением традиционно социологических областей. В одной из своих самых первых статей по социологии рынков, вышедшей в 1978 г., Уайт ясно подчеркнул это намерение: «Беккер и другие экономисты начали изучать социологические проблемы, значит, социологи должны заняться изучением проблем экономических»¹⁶.

Оглядываясь назад, гарвардское окружение Уайта можно охарактеризовать как инновационный очаг, нацеленный на возрождение экономической социологии. При этом, если исключить работы самого Уайта, нельзя сказать, что в Гарварде появилось особенно много экономико-социологических работ: из 30 диссертаций, подготовленных под руководством Х. Уайта во время его деятельности в Гарварде (1963—1986 гг.), только работы М. Грановеттера и Р. Икlesa относятся непосредственно к экономической социологии. Можно также упомянуть работы другого ученика Уайта — М. Юсима. Принадлежит к тому же поколению,

что Грановеттер и Шварц, Юсим долгое время занимался социологией элит, изучал роль образовательных институтов в их воспроизводстве [Useem, Miller 1975], а также (вместе с П. Димаджо) системы государственной поддержки науки и искусства [Useem, DiMaggio 1978, 1982]. Затем его интересы сместились в сторону изучения хозяйственной элиты: сначала с точки зрения участия ее представителей в неэкономических институтах (таких, как советы ад-

¹⁴ Интервью с Х. Уайтом см. в кн.: [Swedberg 1990: 79].

¹⁵ [Swedberg 1990: 82]. В этом семинаре принимали участие многие экономисты: С. Марлин [Stephen Marglin], Т. Шеллинг [Tom Schelling], М. Спенс [Mike Spence], Р. Зекхаузер [Richard Zeckhauser].

¹⁶ См. работу Уайта «Рынки как социальные структуры», написанную в поддержку объединения Американской социологической ассоциации в 1978 г., упоминается в: [Swedberg 1990: 17].

министрации музеев), затем — их участия в политической жизни. Юсим выявил существование «внутреннего круга» [inner circle] крупных предпринимателей, которые, по его оценке, образуют политически активный сегмент хозяйственной элиты [Useem 1984].

Группа из Стоуни-Брук

Если первоначально интеллектуальный импульс был задан Х. Уайтом в Гарварде, то наиболее значимые работы первого периода возрождения экономической социологии появились в университете Нью-Йорка в Стоуни-Брук. В иерархии американских университетов Стоуни-Брук очень далеко отстоит от Гарварда¹⁷; это относительно молодой университет (он был основан в 1956 г.), первоначальная функция которого заключалась в подготовке «специалистов в области естественных наук и математики». Программа последипломной подготовки по социологии появилась здесь недавно, с приходом в университет новых фигур — в качестве студентов или преподавателей, которым еще предстояло проявить себя. Занимая невысокие позиции в иерархии американских университетов, Стоуни-Брук приглашал молодых преподавателей, у которых все профессиональные успехи были еще впереди и которые в данной академической позиции видели возможность начать свою карьеру, оставаясь при этом в Нью-Йорке.

Значение «школы из Стоуни-Брук» для возрождения экономической социологии, без сомнения, связано с принципиальной ролью, которую сыграли три одновременно работавших там преподавателя: М. Шварц, М. Грановеттер (оба — ученики Х. Уайта) и Ч. Перроу, специалист по теории организаций, опубликовавший тогда одну из первых работ, которая содержала серьезную критику экономических подходов к анализу организации¹⁸. Таким образом, в Стоуни-Брук сформировалась группа исследователей, в которую вошли сторонники сетевого анализа и социологи организаций и которая впоследствии станет ядром новой экономической социологии.

По словам многих авторов, М. Шварц пользовался значительным влиянием в Стоуни-Брук. В начале 1970-х годов, когда еще слышались отзвуки социальных движений 1960-х, многие марксистски ориентированные студенты объединились вокруг него, поскольку ему был идеологически близок марксизм и одновременно в научном плане он являлся последователем Х. Уайта и специалистом в сетевом анализе¹⁹. Шварц предложил своим аспирантам темы, связанные с анализом структуры американского капитализма и возможностей финансовых институтов. Последние наработки в методике сетевого анализа, и в частности анализ центрированности сети [centricity], разра-

¹⁷ В рейтинге американских университетов, опубликованном в журнале «US News» (2003), Гарвард стоит на втором месте, в то время как Стоуни-Брук вообще не вошел в перечень 50 сильнейших, оказавшись лишь во второй лиге.

¹⁸ См.: [Perrow 1981 (с ответом О. Уильямсона), 1986, 1990]. Например, М. Аболафия строит свои теоретические изыскания, опираясь одновременно на идеи Перроу и Грановеттера; см. введение к кн.: [Abolafia 1996].

¹⁹ В своей книге, написанной на основе диссертации, М. Шварц выражает благодарность, помимо Х. Уайта и нескольких других персоналий, еще многим деятелям и организациям за подсказанные ими идеи: партии «Черная пантера», В.И. Ленину, Мао Цзе-Дуну, К. Марк-

ботаный Филлиппом Бонасичем [Bonacich 1972], позволили Шварцу и его аспирантам заняться исследованием переплетенных директоратов [interlocking directorates], т.е. связями между предприятиями, сложившимися в силу того, что в их советы директоров входили одни и те же лица. В 1978—1980 гг. в Стоуни-Брук диссертации на эту тему защитили Б. Минц, М. Мизраки и П. Мариолис [Peter Mariolis]²⁰. В них демонстрировалась центрированность сети американских предприятий, крупных коммерческих банков и нью-йоркских страховых компаний. Эта тема разрабатывается и по сей день двумя социологами, также выпускниками Стоуни-Брук, — Марком Мизраки и Линдой Стернз.

Именно в Стоуни-Брук в конце 1970-х годов М. Грановеттер опубликовал свои первые теоретические статьи, содержащие критику экономической теории. С того момента, во время своей работы в должности ассистента и доцента в Гарварде, он специализируется на сетевом анализе. Лишь позднее Грановеттер стал защищать принцип социологического подхода к хозяйственным явлениям: сначала в статье, в которой он впервые открыто сопоставил экономический и социологический подходы к предмету, традиционного относимому к сфере хозяйства, — различиям в доходах [Granovetter 1981]; затем — в работе «Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности» [Granovetter 1985], которая станет «манифестом» новой экономической социологии и вместе с работами его коллеги Чарльза Перроу явится критической реакцией на программу О. Уильямсона. Именно в Стоуни-Брук Грановеттер, вместе с Патриком Макгуайром, начал исследование истории производства и распределения электроэнергии. Эта работа продемонстрировала, что принятие одного конкретного решения (о разделе рынка частными фирмами взамен государственной монополии) объяснялось в большей степени социальной структурой индивидуальных связей, нежели экономической эффективностью, что тем самым позволило критически подойти к позициям экономического неонституционализма.

Впрочем, применение сетевого анализа к хозяйственным явлениям не является исключительной монополией Гарварда и Стоуни-Брук. Параллельно Рональд Бёрт (Чикагский университет) предпринял попытки исследовать связи между советами директоров, однако под

иним, нежели М. Шварц и его ученики, углом зрения. Будучи учеником Э. Лаумана, Бёрт в равной мере тяготел к теории рационального выбора (в свое время он также работал ассистентом Дж. Коулмана), нацеленной на пересмотр концепции структурных ограничений через призму социальных сетей [Burt 1982]²¹. В его работе о межорганизационных связях было показано, что эти связи развиваются только при наличии сильного давления со стороны рынка и могут быть интерпретированы как страте-

су, см.: [Schwartz 1976: xi]. Как заметил один коллега: «Ребята из Стоуни-Брук — на самом деле марксисты, решившие заняться сетевым анализом».

²⁰ Результаты исследований легли в основу книг, ставших «классикой» новой экономической социологии: [Mintz, Schwartz 1985; Mizruchi, Schwartz 1987; Mizruchi 1982].

²¹ В этой работе Бёрт описывает акторов, стремящихся максимизировать для себя полезность, будучи при этом структурно ограниченными своей позицией в сетях, в которые они включены.

гии преодоления этих ограничений [Burt 1983]. Одновременно Уэйн Бейкер (Северо-Западный университет) применил сетевой анализ к изучению социальной динамики биржевых торговых площадок — от Парижской фондовой биржи до опционов в Чикаго. Он показал, что размер и форма конкретных сетей взаимодействия между трейдерами влияют на изменение цены опционов. Позднее он занимался также изучением отношений между компаниями (предприятиями и инвестиционными банками [Baker 1990], предприятиями и рекламными агентствами [Baker, Faulkner, Fisher 1998]). При этом, как мы показали выше, Р. Бёрт и У. Бейкер поддерживали контакты с Х. Уайтом и его окружением.

Неоинституциональные течения в социологии организаций

Сетевой анализ хозяйственных явлений стал ключевым течением новой экономической социологии в период ее становления, другое же ее направление дало начало исследованиям, которые, как показывает ретроспективная оценка, также образуют основу этой дисциплины. Речь идет о социологии организаций. Если сетевой анализ четко ассоциируется со Стоуни-Брук, то инновативные течения в области социологии организаций не имеют такой привязки к конкретному месту, они развивались в разных университетах (Висконсин-Мэдисон, Калифорнии в Беркли, Северо-Западном, Чикагском, Колумбийском, Вашингтонском). М. Грановеттер, продвигая вместе с Р. Сведбергом идеи экономической социологии, отмечал в 1985—1986 гг., что социологи организаций исследуют реальную среду, в которой функционирует хозяйство, а значит, для построения новой экономической социологии с ними необходимо сотрудничать [Swedberg 1987: 14].

Открывая возможности карьеры в бизнес-школах, активно развивавшихся в 1970-е годы, социология организаций воспринималась большинством молодых социологов как область динамичных исследований, позволяющая приблизиться к более реалистичному социально-экономическому миру, по сравнению с тем, что предлагали критические или неомарксистские подходы (которые с того времени пошли на убыль).

«Помню, я считал теорию организаций чем-то чрезвычайно скучным. А люди начали интересоваться ситуационными теориями [contingency theory], идеей о существовании механизмов рациональной реакции, теорией о том, что бизнес-школы дают образование и делают деньги с помощью менеджеров, потому что те рационально интерпретируют свою среду. В конце 1970-х годов некоторые начали задумываться об этом. В популяционной экологии утверждалось, что у людей нет выбора, что все дело лишь в эволюционном отборе и характере ресурсов. Джон Мейер [John Meyer] заявил, что дело не в отборе или ресурсах, что все это очень неопределенно и, в сущности, связано с тем,

что об этом рассказывают сами люди, иными словами, что дело в экспертизе и легитимации. ...Все начали понимать, что в центр дискуссии следует поместить организации. Например, если вы хотите отказаться в своих аналитических построениях от социального класса (что, собственно, и произошло), — какова возможная альтернатива? Если социальный класс уже не является определяющим принципом классификации индивидов и элементов в современном обществе, то следует от классов перейти к организациям, т.е. от Маркса — к Веберу. Исследователи искали возможность увидеть проблемы в ином, более конкретном ракурсе, вычленив более явные механизмы» [из наших интервью. — *Авт.*].

Несмотря на то что традиционная социология организаций фокусировалась на внутреннем устройстве последних, в частности, на их бюрократической структуре, новые подходы в социологии организаций, появившиеся в конце 1970-х годов, поставили две группы вопросов: о множественности хозяйственных организаций и о типах межорганизационных отношений.

Первый вызов, который социологи организаций бросили неoinституционалистам в экономической теории, опровергая иллюзию о «единственном оптимальном пути» и простой дихотомии «рынок — организация», был связан с анализом функционирования и эффективности иных типов организаций, помимо крупных интегрированных многодивизионных фирм. Следуя изысканиям А. Стинчкомба, продемонстрировавшего, что ремесленная организация производства [craft organization] в определенных отраслях оказывается не менее рациональной и рентабельной, чем бюрократическая организация, многие социологи начали заниматься изучением новых институциональных конфигураций: «итальянских районов» (М. Лазерсон) или, на более общем уровне, «сетей малых фирм» (Ч. Перроу); «харизматических организаций» — таких, как, например, в сфере сетевого маркетинга компания «Turrgewage», продающая домашнюю утварь по каталогам (Н. Биггарт); а также «азиатских конгломератов» — японских кейрецу и корейских чеболей (Н. Биггарт и Г. Гамильтон)²². Как отмечали ука-

занные авторы, во всех этих случаях учета простых экономических принципов — таких, как экономия от масштаба или трансакционные издержки, — недостаточно для того, чтобы объяснить функционирование данных способов организации, оказывающихся весьма эффективными.

Другим вызовом неoinституционалистам в рамках заявленной темы множественности типов эффективности хозяйственных организаций стало объяснение случаев инверсии [les cas inverses], т.е. организационной конвергенции и однородности. Чтобы понять этот институциональный изоморфизм, следовало изменить русло анализа и в каче-

²² Классическая работа А. Стинчкомба 1959 г. «Бюрократическое и ремесленное управление производством» [Bureaucratic and Craft Administration of Production] переиздана в кн.: [Granovetter, Swedberg 1992]. Работы М. Лазерсона об итальянских районах и Ч. Перроу о «сетях малых фирм» опубликованы в книге: [Swedberg 1993]. Из работ Н. Биггарт см.: [Biggart 1989]; наконец, об азиатском хозяйстве см.: [Hamilton, Biggart 1988; Orrù, Biggart, Hamilton 1997]. Близкие по тематике работы, тоже нацеленные на выявление иных форм хозяйственной организации по сравнению с теми, о которых говорили А. Чандлер и О. Уильямсон, написаны Ч. Сейбелом и М. Пиоре [Sabel, Piore 1984], а также Ч. Сейбелом и Дж. Цейтлином [Sabel, Zeitlin 1997].

стве объекта избрать не отдельную организацию, а пространство меж-организационных отношений, его возникновение и эволюцию. Подобное изменение перспективы позволило показать, что конвергенция организационных форм объясняется не просто их экономической эффективностью, но сугубо социологическими механизмами: знанием ограничений (связанных с зависимостью организаций от окружающей среды), когнитивным или культурным миметизмом (вызываемым неопределенностью и, значит, склонностью следовать организационной модели, представляющей наиболее успешной), а также нормативным изоморфизмом (связанным с диффузией норм, осуществляемой группами профессионалов-экспертов)²³.

Социокультурный подход

Наконец, можно выявить третье направление исследований — социокультурный подход. Он представлен в первую очередь Вивианой Зелизер, работы которой первоначально были продиктованы нравственным протестом против распространяющихся тенденций маркетинга. Этой темой она начала заниматься в Колумбийском университете, проблема поднималась ею на многих конференциях и обсуждалась в междисциплинарном сборнике статей «Рынки и мораль», в который вошла в том числе и статья «Абсолютизация рынка», написанная научным руководителем Зелизер социологом-функционалистом Барнардом Барбером [Barber 1977]. Последовательно выполненные Зелизер исследования страхования жизни, «рынка» детей и социального значения денег связаны с интеллектуальным проектом изучения областей, в которых наблюдаются противоречия между рынками и нравственными ценностями [Zelizer 1979, 1987].

Несмотря на то что в конечном счете социокультурный подход окажется интегрированным в процесс академического строительства «новой американской социологии» (см. ниже), он остается несколько маргинальным подходом. Если распределить количество взаимных цитирований внутри нашей группы «ключевых авторов» по методологическим направлениям, видно, что приверженцев сетевого анализа и неинституционалистов цитируют гораздо чаще — они доминируют с большим отрывом, особенно в 1990-е годы. Представители социокультурного подхода не так многочисленны²⁴, друг друга цитируют мало, и еще меньше их цитируют другие авторы из нашей выборки. Похоже, что работы Вивианы Зелизер играют роль «культурного» противовеса в рамках дисциплины, в которой господствуют в основном формальные и институциональные модели социальных отношений.

²³ См. особенно работы в сборнике под ред. У. Пауэлла и П. Димаджио: [Powell, DiMaggio 1991]. О распространении «неинституционализмов» в разных дисциплинах см.: [Hall, Taylor 1996; DiMaggio 1998].

²⁴ Помимо Зелизер, здесь следует упомянуть Ч. Смита и М. Аболафию. Ч. Смит опубликовал работы о трейдерах и осуществлении продаж в рамках аукционов, однако они не пользовались большим влиянием. М. Аболафия также применил этнокультурный подход к исследованию фондовой биржи, но занимался этой тематикой недолго. Только В. Зелизер предложила фундаментальный интеллектуальный проект, представляющий культурно-исторический подход к изучению хозяйства.

Парадоксально, но на стремительном развитии исследований в области экономической социологии позитивно сказался интенсивный переход социологов в бизнес-школы и школы менеджмента. Начиная с 1976 г. условия на рынке труда для молодых социологов — выпускников академических подразделений американских университетов — стали крайне неблагоприятными. В 1980-е годы бизнес-школы активно развивались (произошел «бум MBA», как назвал этот процесс один из наших респондентов) и приняли на работу множество социологов, особенно специалистов по теории организаций. И этот процесс стимулировал в 1980-е годы развитие экономической социологии.

«В середине 1980-х годов все больше социологов переходило в бизнес-школы. Мы оказывались бок о бок с экономистами, которые порою в штыки принимали нашу работу или попросту игнорировали ее. Пол Хирш рассказывал, что он действовал просто как настоящий антрополог по отношению к “племен” экономистов, с которыми ему довелось работать, пытаясь выявить их исходные посылки и методы. Кто-то из нас решил, что настало, наконец, время хоть в чем-то одержать над ними верх в изучении хозяйства, и к концу 1980-х годов среди социологов (многие из которых работали в бизнес-школах) началось заметное движение по возрождению экономической социологии» [из наших интервью. — *Авт.*].

Примерно половина наших «ключевых авторов» преподают или

когда-либо преподавали в бизнес-школах или школах менеджмента²⁵. Однако, хотя переход в бизнес-школы в свое время и стимулировал развитие экономической социологии, имел место также и эффект «утечки мозгов»: некоторые авторы отказывались, по крайней мере отчасти, от социологических исследований в пользу изысканий в области менеджмента или консалтинговых услуг предприятиям²⁶. Это можно продемонстрировать на примере карьеры У. Бейкера, который, начав с новаторских исследований функционирования «торговых площадок», сегодня наряду с исследовательскими работами публикует «практические руководства» по накоплению «социального капитала», а также на примере М. Юсима, который после работ о хозяйственных элитах сегодня публикует материалы консультативного характера для руководителей предприятий [Baker 1994, 2000; Useem 1998, 2001].

Развитие экономической социологии в бизнес-школах способствовало смягчению критики, которую вызвали некоторые из первых работ, появившихся в 1970-е годы. Сосредоточившись в своих исследованиях на изучении предприятия, организа-

²⁵ П. Димаджио и У. Пауэлл работали в Школе менеджмента и исследований организаций в Йеле [School of Organization and Management]; М. Грановеттер — в Стэнфордской бизнес-школе и Высшей школе менеджмента Дж.Л. Келлога при Северо-Западном университете [Kellogg Graduate School of Management]; Р. Иклес (до того, как он учредил консалтинговое агентство) был профессором Гарвардской бизнес-школы; У. Бейкер и М. Мизраки основали Центр исследований общества и хозяйства в бизнес-школе Мичиганского университета [Center for Society and Esopomy]; М. Юсим возглавляет Центр исследований лидерства и управления изменениями в бизнес-школе Вартона Пенсильванского университета [Center for Leadership and Change Management]; М. Мейер и М. Юсим участвуют в работе Центра экономической социологии и организационных исследований и факультета социологии Пенсильванского университета (PESOS); П. Хирш и Б. Уци преподают в Высшей школе менеджмента Дж.Л. Келлога при Северо-Западном университете; Н. Биггарт — в Высшей школе менеджмента в Университете Калифорнии в Дейвисе; Р. Бёрт — в бизнес-школе Чикагского университета и французской INSEAD.

²⁶ По оценке Ч. Перроу, поле исследований организаций «целиком пропитано интересом со стороны бизнес-школ», см.: [Perrow 2000].

Построение экономической социологии

Поначалу новые попытки анализа экономических вопросов предпринимались в рамках различных интеллектуальных проектов и сосуществовали без выраженных связей между собой. Словосочетание «экономическая социология» еще не использовалось, и анализ взаимных цитирований в нашей выборке «ключевых авторов» показывает, что внутренних водоразделов было больше, чем общих интересов.

Таким образом, представление о внутренних связях можно получить на основе анализа взаимных цитирований в нашей группе из 31 человека. В первый период (1980—1985 гг.), т.е. до выхода в свет «манифеста» М. Грановеттера, четко выделяются четыре подгруппы (см. табл. в приложении).

В первую вошли авторы, не имеющие связей друг с другом и не цитирующие в этот период никого (П. Ингланд, Ч. Сейбел, М. Аболафия, Ч. Смит, В. Зелизер) или к тому времени еще не опубликовавшие никаких работ (Ф. Ромо, П. Макгуайр, М. Лазерсон).

Во вторую — авторы, которые в данный период активно использовали методики сетевого анализа, в первую очередь М. Шварц и объединившиеся вокруг него исследователи из Стоуни-Брук (Л. Стернз, М. Мизраки, Б. Минц), к ним примыкают также Р. Бёрт и У. Бейкер. К этим авторам, которых объединяло использование сетевого анализа, следует добавить и исследователей, связанных с М. Шварцем приверженностью неомарксистскому направлению (Р. Фридланд, М. Юсим, Ф. Блок).

Третья подгруппа образована авторами, представляющими неоинституциональные течения в социологии организаций (П. Димаджио, У. Пауэлл, Н. Биггарт, Г. Гамильгон, Н. Флигстин, Р. Иклес).

Авторов четвертой подгруппы нельзя отнести к какому-то одному методологическому подходу, скорее они объединены по принципу старшинства или степени своего влияния (Ч. Перроу, М. Грановеттер, А. Стинчкомб, А. Портес, П. Хирш, Х. Уайт и М. Мейер). Их часто цитируют (особенно авторы из третьей подгруппы), при этом сами они друг друга цитируют редко (за исключением разве что цитирования Грановеттера, чью роль уже можно сравнить с «федеральным центром»).

Структура цитирований показывает, что представители разных подгрупп не особенно связаны между собой. В частности, авторы из второй подгруппы, в которой взаимных цитирований довольно много, — приверженцы сетевого анализа и (или) марксисты — в первом периоде никогда не цитировали авторов из третьей группы (неоинституционалистов).

С этой точки зрения 1985 г. стал переломным. Можно заметить, что начиная с 1986 г. число авторов, цитируемых коллегами из нашей выборки, достигло 19 (пик пришелся на 1986 г. — 23), в то время как в 1981—1985 гг. таких авторов было 12. После 1985 г. тенденция к объединению берет верх: матрица взаимных цитирований становится более плотной, а их структура, «очищенная» методом выявления структурных эквивалентов, не содержит каких-либо устойчивых разделений.

Таким образом, до 1985 г. можно говорить о различных течениях экономической социологии, между которыми существовали редкие связи. Лишь во второй половине 1980-х годов появляются исследователи, развивающие стратегии перегруппировки и институционализации, в том числе и путем введения общего наименования.

Стратегии институционализации

Среди попыток перегруппировать и переопределить данное исследовательское поле можно выделить несколько типов инициатив. Прежде всего это отдельные эпизоды сотрудничества, зачастую меж- или мультидисциплинарного, которые, впрочем, не были ориентированы на какую бы то ни было стратегию институционализации. Затем появились два институциональных проекта, отчасти конкурирующих между собой: проект Амитаи Этциони [Amitai Etzioni], нацеленный на институционализацию обменов между представителями разных дисциплин, и проект, отстаивающий, напротив, изначальную приверженность социологии при определенной степени открытости другим направлениям.

В числе мультидисциплинарных эпизодов сотрудничества можно упомянуть специальный выпуск журнала «Теория и общество», подготовленный под редакцией Ш. Зукин и П. Димаджио и посвященный «структурам капитала» (1986 г.). В нем были продемонстрированы амбиции журнала (см. выше) в продвижении «социальной теории» и «обществоведа» нового типа. Подчеркивая совершенно новые аспекты экономических вопросов, его авторы следовали в целом в русле двух течений: неомарксистской традиции политической экономии, представленной в данном случае Ш. Зукин, и «неоинституциональному анализу организаций», реализованному П. Димаджио. Оба этих подхода базируются на послышке о том, что хозяйственные явления «укоренены в социальных неэкономических отношениях» и таким образом опровергают неоклассическую модель в экономической теории. Другой пример такого междисциплинарного сотрудничества — сборник Р. Фридланда и А. Робертсона «За пределами рынка» [Friedland, Robertson 1990]. Он появился по следам (по итогам) конференции, проведенной в 1988 г. в Санта-Барбаре (Калифорния, США), и включал результаты очень разных исследований о рынке, объединенных лишь

их критическое отношение к постулатам неоклассической экономической теории и общей целью «переосмысления хозяйства и общества».

Единственной явно выраженной и устойчивой стратегией институционализации данного междисциплинарного проекта стала стратегия А. Этциони, заявившего в 1985 г. о создании «социоэкономики» — «мультидисциплинарной» области, которую в самых общих чертах можно определить как объединение тех, кто при изучении хозяйства стремится учесть и неэкономические переменные. По крайней мере отчасти эта инициатива была продиктована стремлением увязать экономические проблемы с нормативными схемами коммунитаризма [Etzioni 1985, 1986]. Это название распространилось довольно быстро, в том числе и в относительно влиятельной аудитории. В 1988 г. Этциони опубликовал свой «манифест» «Моральное измерение: к новой экономической теории» [Etzioni 1988] и в том же году организовал первую конференцию по «социоэкономике». В следующем году он основал Общество развития социоэкономики [Society for the Advancement of Socio-Economics (SASE)] — международную ассоциацию, курируемую самими известными исследователями; ее основной задачей являлась организация семинаров и междисциплинарных обсуждений. Однако проект Этциони не получил достаточного отклика в социологическом сообществе.

Понятие и само наименование «экономическая социология» развивались параллельно понятию «социоэкономика», но по иной стратегии, нежели та, которой следовал Этциони. Предлагая словосочетание «экономическая социология», его сторонники планировали сформировать сообщество социологов, изучающих хозяйство, с целью реконструировать и продвинуть вперед данное направление. Социоэкономика и экономическая социология могут показаться схожими течениями, однако — по крайней мере в некоторой степени — это разнонаправленные проекты, ориентированные на разные исследования: междисциплинарной стратегии Этциони противопоставлена дисциплинарная стратегия сторонников экономической социологии.

Возникновение наименования

Понятие «экономическая социология» появилось лишь в 1980-е годы. Ни в одной из двух статей (Уайта 1981 г. и Грановеттера 1985 г.), которые сейчас, оглядываясь назад, мы называем «первоисточниками», их авторы не указывали на связь своего проекта с экономической социологией. Уайт предлагает увязать («укоренить») «неоклассическую теорию фирмы с социологическим подходом к рынкам» [White 1981: 518]. Он относит свою работу к традиции исследования «несовершенной конкуренции», начатой Э. Чемберленом. Что касается Грановеттера, то он разрабатывал собственный подход, который, по его мнению, следовал в русле «современной структуралистской социоло-

гии» и в целом мог быт назван «исследованием укорененности» [embeddedness approach], или, применительно к хозяйственным явлениям, «исследованием укоренности в анализе хозяйственной жизни» [embeddedness approach to economic life]²⁷. И лишь в самом конце своей статьи Грановеттер указал на необходимость исследования социологами «хозяйственной жизни» и высказал сожаление по поводу того, что они слишком часто пренебрегают «этим огромным и важным срезом социальной жизни и европейской социологической традиции» (имея в виду традицию, идущую от М. Вебера).

Первый опыт использования термина «экономическая социология» остался почти незамеченным. Так была названа серия семинаров, которые Х. Уайт начиная с 1982 г. в течение нескольких лет проводил в Гарварде [Azarian 2003: 201—212]. Немного позднее это словосочетание появилось у А. Стинчкомба, который выпустил книгу «Экономическая социология» (1983 г.). Занимаясь первоначально социологией организаций, Стинчкомб развивает историческую и сравнительную макросоциологию, в которой хозяйственным организациям отводится примордиальная роль. Он избрал термин «экономическая социология» в качестве общего названия для своей книги потому, что последняя являла собой критику неомарксистского направления, включая таких авторов, как Т. Скокпол [Theda Skocpol], И. Валлерстайн [Immanuel Wallerstein], Э.О. Райт [Eric Olin Wright]. Противопоставляя свою работу этим новым течениям, Стинчкомб стремился защитить принципы социологии, ибо, как он считал, предлагаемый им подход позволяет анализировать хозяйственные структуры более детально, нежели это возможно в рамках неомарксистского анализа [Stinchcombe 1983: 255].

Понятие экономической социологии и подразумеваемые им дисциплинарные требования были сформулированы М. Грановеттером, когда в 1985 г. в рамках проведения одного из «круглых столов» он противопоставил «старую экономическую социологию» (которую он отождествлял с индустриальной социологией и работами Т. Парсонса и Н. Смелсера) «новой экономической социологии». По его мнению, «старая экономическая социология» более или менее ушла в прошлое («неожиданно отмерла»), в то время как начали развиваться новые направления, уже без колебаний атаковавшие микроэкономические постулаты: «Я считаю, с микроэкономикой есть фундаментальные проблемы, и новая экономическая социология должна заявить об этом во всеуслышание, особенно в таких ключевых, традиционно экономических областях, как изучение рыночной структуры, производства, ценообразования, распределения и потребления. Проблема микроэкономики заключается в том, что на самом деле акторы не обособлены друг от друга (не атомизированы), как гласит эта теория, но взаимодействуют друг с другом и включены в структуры взаимодействия, причем последние теоретически играют принципиальную роль для того, что мы имеем на выходе»²⁸.

²⁷ [Granovetter 1985: 493]. Иногда применительно к работам У. Домхоффа и М. Юсима о хозяйственных элитах Грановеттер говорит о «социологическом исследовании бизнеса». Книга Б. Минца и М. Шварца [Mintz, Schwartz 1985] квалифицируется им как «новая марксистская литература о «гегемонии» в бизнесе».

²⁸ Это замечание М. Грановеттера (август 1985 г.) приводится в работе: [Swedberg 1997].

Грановеттер развивает эту точку зрения в своей работе 1988 г., озаглавленной «Старая и новая экономическая социология: история и исследовательская программа»²⁹. В ее исторической части он опирался на работы Р. Сведберга, опубликовавшего в то время программную статью «Парадигма экономической социологии» [Swedberg, Himmelstrand, Brulin 1987] и описавшего историю и возрождение этой области исследований в работе «Экономическая социология: прошлое и настоящее», которая была опубликована в журнале «Современная социология» в 1987 г. [Swedberg 1987] Эти работы позволили Грановеттеру встроить свой проект в традицию, отличную от функционализма, к которому принадлежало направление «хозяйство и общество».

Что касается Сведберга (шведского социолога, защитившего диссертацию в США), то он обосновывает использование словосочетания «экономическая социология», ссылаясь на классиков социологии, а также указывая на его четкую соотнесенность с социологической перспективой. Признавая, что в США данный термин никогда не был особенно распространен³⁰, он отмечает, что словосочетание «хозяйство и общество», до того момента использовавшееся для обозначения этой области исследований, более не отвечает поставленной цели. Хотя оно и стало привычным (по материалам Сведберга, в 1984 г. лишь на одной из сорока социологических кафедр читался курс с таким названием), тем не менее слишком отчетливо ассоциировалось с парсонсианской традицией, а также с академизмом и «научной стерильностью». Работа Сведберга, открыто нацеленная на то, чтобы «вернуть экономической социологии статус автономной дисциплины в рамках социологии» [Swedberg 1994: 28], стала решающим шагом для утверждения ее наименования.

Несмотря на то что периодически использовалось и другое название — «социология хозяйственной жизни», именно словосочетание «экономическая социология» получало все большую популярность. В своей работе «Экономическая теория и социология» (1990 г.) Р. Сведберг представил Грановеттера как «ведущего исследователя в области, которую иногда называют “новой экономической социологией”». В коллективной монографии под редакцией Ш. Зукин и П. Димаджио «Структуры капитала» (1990 г.), в которую (наряду с новыми) вошли тексты, ранее опубликованные в упоминавшемся выше специальном выпуске журнала «Теория и общество», эти работы названы общим термином «экономическая социология»³¹.

Таким образом, инициативы Грановеттера и Сведберга привели к появлению легитимного наименования, имеющего надежный исторический фундамент и указывающего на разрыв с парсонсианской традицией, а также — подчеркивая приверженность социологической дисциплине — на разрыв с критическими или мультидисциплинарными течениями.

²⁹ Опубликована в кн.: [Friedland, Robertson 1990].

³⁰ За исключением упомянутой выше книги А. Стинчкомба и сборника под редакцией Н. Смелсера: [Smelser 1965].

³¹ См. в частности: [Zukin, DiMaggio 1990: 28].

То, что термин «экономическая социология» все чаще использовался в качестве общего наименования, не означает согласия по поводу содержания данного проекта. Как раз напротив, поскольку «ключевые авторы» первоначально получили разное образование и придерживались разных методологических направлений, они, принимая этот общий термин, вкладывали в него свой собственный смысл. И в конце 1980-х годов многие авторы предложили исследовательские программы, конкурирующие между собой³².

Первая попытка определения экономической социологии в данный период принадлежала Р. Сведбергу, У. Химмельштранду и Г. Брулину, опубликовавшим работу, в которой постулатам неоклассической парадигмы систематически противопоставляются постулаты экономической социологии. Сначала они отмечали, что классическая экономическая социология образует сильную теоретическую традицию, которая не получила достаточного развития. Затем, сославшись на инициативу Парсонса и Смелсера, они характеризовали ее как слишком ограниченную для того, чтобы предложить реальную альтернативу экономическому анализу, а не простое дополнение к нему. Они выделили три задачи зарождающейся «новой экономической социологии»: изучение экономической литературы; отбор экономических проблем, важных для того, чтобы предложить альтернативу экономическому анализу; построение неидеологизированных теорий среднего уровня, в которых творческим образом переплетались бы эмпирические и теоретические изыскания [Swedberg, Himmelstrand, Brulin 1987].

Определение экономической социологии, предложенное Грановеттером в его программной статье 1988 г. (1990), наиболее операционально. Оно опирается на практику эмпирических исследований и сформулировано в терминах теории социальных сетей. При этом в нем фиксируется, что актер является «социально укорененным» субъек-

том, а экономическое действие следует объяснять только в привязке к системе отношений, в которую включен этот актер. Согласно этому определению, институты суть социальные конструкции, создание которых также следует рассматривать в терминах сетевого анализа (как это показывают примеры предприятий иммигрантов, а также отрасли производства и распределения электроэнергии). Макросоциологические понятия исключены из этого определения, равно как и отсылки к политическим условиям и культурной среде³³.

Вивиана Зелизер в своей программной статье 1988 г., адресованной в первую очередь Грановеттеру и другим представителям «социоструктурной

³² Например, Грановеттер в своей работе: [Granovetter 1988]; он же в соавторстве с Р. Сведбергом во введении к книге: [Granovetter, Swedberg 1992]; В. Зелизер в работе: [Zelizer 1988]; Ш. Зукин и П. Димаджо во введении к книге «Структуры капитала»: [Zukin, DiMaggio 1990]; Р. Фридланд и А. Робертсон во введении к книге «За пределами рынка»: [Friedland, Robertson 1990].

³³ Если в последнее время Грановеттер и настаивает на сопоставимости своей модели с аналитическими течениями, учитывающими «принципиальную роль, которую оказывают культурные и политические силы на действия и сети индивидов» [Granovetter 2000: 37], то это происходит в связи с изданием его работ на французском языке и затиханием на сегодня борьбы за определение методологического поля и господство на нем.

школы», обратила внимание на то, что их подход совершенно не учитывает культурные факторы. Признавая полезный вклад «социоструктурного подхода к анализу рынков» (представленного работами Х. Уайта, Р. Бёрта, М. Грановеттера), она высказала сожаление, что это было сделано «за счет культурного измерения». В таком невнимании к проблематике культуры Зелизер видела влияние антипарсонсианских настроений, на которых и базируется данное течение; но оно также и залог установления диалога между экономистами и социологами, к которому стремился Грановеттер, по крайней мере, в начальный период. Подход, предложенный Зелизер, — модель «множественных рынков» — скорее строится от противного: это модель, в равной степени удаленная от того, что она называет «культурным и социоструктурным абсолютизмом».

Ш. Зукин и П. Димаджио в своем введении к книге «Структуры капитала» (1990 г.) развили предложенную Грановеттером идею «укорененности». Они выделили четыре формы укорененности: когнитивную, культурную, социальную и политическую, предложив социологическую программу, которая при этом интегрирует политико-экономические исследования с работами когнитивной или социокультурной направленности.

Поддержка Фонда Рассел-Сейдж

То, что после 1985 г. в социологии произошло размежевание, в частности за счет ослабления позиций критических и антидисциплинарных течений (критической теории, неомарксизма и т.д.), связано в значительной степени с поддержкой начинаний М. Грановеттера и Р. Сведберга Фондом Рассел-Сейдж. В конечном счете успех академических проектов зависит не только от того, приняты ли они университетским сообществом, но и в равной мере от возможности мобилизации внешних ресурсов. В США ключевую роль в этом отношении играют крупные фонды, особенно на первом этапе институционализации новых направлений.

Финансовая и символическая поддержка «новой экономической социологии» Фондом Рассел-Сейдж, несомненно, сыграла решающую роль для ее стремительной институционализации. Вся работа этого нью-йоркского фонда посвящена поддержке поведенческих и социальных наук; в 1980-е годы он поддерживал проекты в области «поведенческой экономики», а благодаря присутствию в его Совете Роберта Мертон и Нила Смелсера начал поддерживать и социологические инициативы. В рамках проекта, нацеленного на то, чтобы «открыть экономические вопросы поведенческим и социальным течениям», в 1987 г. Фонд установил контакт с М. Грановеттером [Swedberg 1993: 15–16]. Два года спустя (в 1989 г.) фонд решил поддержать предложенный Грановеттером проект публикации объемного сборника по

экономической социологии и организовать семинар, на котором обсуждалось бы реальное состояние дел в данной области. Серия семинаров была проведена в Нью-Йорке в 1990–1991 г. под руководством М. Грановеттера; на постоянной основе в них принимали участие 16 исследователей из университетов Восточного побережья и Северо-Востока, представлявших разные течения. Некоторые из них получили академические отпуска за счет грантов фонда.

После этой серии семинаров Фонд Рассел-Сейдж поддержал ряд проектов по экономической социологии и выступил издателем или соиздателем серии публикаций: начиная от сборника материалов семинара под редакцией Сведберга [Swedberg 1993] и кончая недавно вышедшей коллективной монографией «Новая экономическая социология: развитие формирующегося поля» [Guillé et al. 2002]. Самой важной публикацией, которая внесла наибольший вклад в академическое становление поля и помогла ему стать самостоятельным направлением, стала, конечно же, хрестоматия по экономической социологии под редакцией Н. Смелсера и Р. Сведберга [Smelser, Swedberg 1994]. Этот монументальный труд (более 800 страниц плотного текста) стал ключевым сборником работ. Формально названная хрестоматией, кратко представлявшей результаты серьезных исследований, книга, тем не менее, стала в большей степени манифестом, перформативным действием, которое фактически дало определение этой дисциплине и сформировало ее³⁴.

Заключение

Как и все вновь возникающие исследовательские области, «новая экономическая социология» является результатом объединения под общим академическим наименованием исследователей, первоначально

но принадлежавших к весьма различным течениям. Заимствование термина, традиционно использовавшегося европейскими «отцами-основателями», позволило возродить эту традицию, а попутно отмежеваться и от прежнего наименования (традиции «хозяйство и общество», дискредитировавшей себя своей тесной связью с парсонсианским направлением), и от междисциплинарных течений (таких, как «социоэкономика» А. Этциони), и от антидисциплинарных течений (таких, как неомарксизм), которые в 1980-е годы сдали свои позиции. Относительное единство «новой экономической социологии» связано прежде всего с таким тройным отмежеванием, а не с наличием общей парадигмы или единого интеллектуального проекта.

«Новая экономическая социология» обрела *научную легитимность*, объединив два новых перспек-

³⁴ Не случайно секция экономической социологии Американской социологической ассоциации последовала предметной классификации, предложенной в хрестоматии. Миссия этой секции была первоначально сформулирована следующим образом: «...развивать социологические исследования производства, распределения, обмена и потребления дефицитных товаров и услуг. Для этого: обмениваться идеями, информацией, ресурсами среди экономсоциологов; стимулировать исследования, полезные как с теоретической, так и с политической точек зрения; осуществлять подготовку студентов и аспирантов; сообщать результаты исследований заинтересованной аудитории, включая политиков. Экономическая социология — это особая подобласть. Она едина в отношении метода и теории. Экономсоциологи используют весь спектр качественных и количественных методов. Здесь нет одного доминирующего теоретического подхода; это поле вбирает в себя разные течения, оно эклектично и плюралистично».

тивных течений: сетевой анализ и неонинституциональный подход к социологии организаций; к ним примыкает третий, более маргинальный, подход — социокультурный. Структура взаимных цитирований в группе «ключевых авторов» явно указывает на то, что в первой половине 1980-х годов между этими подходами было очень мало связей. И если во второй половине 1980-х годов объем взаимных цитирований, т.е. плотность позитивных, полемических и дипломатических контактов, увеличился, то исследовательская плоскость изменилась в значительно меньшей степени. Читая эти работы, замечаешь, что объединение под одним именем не особенно изменило исследовательские практики, равно как и не стерло линий размежевания между приверженцами сетевого анализа, социологами организаций и последователями этнографического или социокультурного подходов. Скорее словосочетание «экономическая социология» позволило объединить довольно разномастные исследования и вписать их в классификацию академических дисциплин, таким образом, получив необходимую поддержку для институционализации. Если подходить с международных позиций, то можно заметить, что за исключением цитирования классиков, особенно Вебера, «новая экономическая социология» построена главным образом на американских работах, практически без ссылок на неамериканские современные исследования. Например, работы Пьера Бурдьё, рассуждавшего о связях между социологией и экономической теорией с самого начала своих исследований в Алжире, похоже, не оказали на нее заметного влияния, на них обратили внимание разве что совсем недавно³⁵.

Институциональную легитимность новая экономическая социология обрела быстро, благодаря Фонду Рассел-Сейдж. Его мощная поддержка, напоминающая о структурных особенностях американской университетской среды, позволила осуществить процесс, который в Европе развивается значительно медленнее и оказывается гораздо менее сфокусированным. Поразительно, но эта стратегия позволила в кратчайшие сроки институционализировать новое направление благодаря публикации хрестоматии, которая в рамках конвенциональной академической классификации объединила авторов, представляющих почти все методологические течения и все области исследований. Таким образом, понятие экономической социологии является в большей степени институциональным, чем интеллектуальным проектом, это скорее внутривнутридисциплинарная коалиция, нежели особая проблематика или единая инициатива. Однако миссия этого альянса не просто в отделении от других течений в рамках социологии. То, что происходит внутри университетских дисциплин, невозможно понять, просто анализируя акты непосредственного взаимодействия между индивидами, связанными между собой сетями взаимных знакомств. Становление «новой экономической социологии» в равной степени напоминает и о том, что следует учитывать структурные условия, в которых осуществляются эти взаимодействия. Сре-

³⁵ См., в частности: [Swedberg 2003].

ди структурных ограничений здесь имел место морфологический эффект — иными словами, эффект перепроизводства дипломов в 1970-е годы, сопутствовавшая ему значительная тематическая и теоретическая дифференциация, а также стратегии объединения, выкристаллизовавшиеся к концу 1980-х годов и отчасти обусловленные неолиберальным поворотом, зарождающимся «империализмом» со стороны экономистов и новыми возможностями, которые появились в связи с распространением бизнес-школ.

Учитывать этот контекст означает не просто обратить внимание на структурные факторы, но и задуматься о более реалистичном и точном объяснении стратегий акторов, а в конечном счете — о возможностях и перспективах их проекта. Если в результате нам кажется, что «новая экономическая социология» заняла особую нишу в рамках современной социологии, то это не просто в силу ее признания в качестве самостоятельной специализации. Содержание новых специализаций в рамках дисциплин, автономия которых по меньшей мере относительна, зависит также и от значения, которое данные специализации могут иметь за рамками этих дисциплин. Отказавшись от иллюзии автаркии и различия микросоциологических моделей, ограниченных внутридисциплинарной динамикой («миграцией» исследователей и «гибридизацией» их ролей), следует учесть и положение — реальное или потенциальное, — которое данные специализации займут в системе дисциплин и, в более широком смысле, в социальном пространстве. В конечном счете экономическая социология отличается от многих иных областей социологических исследований тем, что она выполняет (по крайней мере, потенциально) две ключевые функции, обеспечивающие ей стратегическую позицию в рамках социологии. С одной стороны, она противостоит парадигме, доминирующей в социальных науках, стремясь быть в курсе достижений экономической науки и оперировать моделями рационального актора. В отличие от некоторых более ранних случаев противостояние экономической теории и экономистам уже не является сугубо внешним или метатеоретическим, не предполагает исключительно моральных следствий или эпистемологических посылок относительно экономических моделей. Вместо этого экономическая социология вступает на само поле экономической теории, поле экономических структур и процессов, и ставкой в этой игре выступает эмпирическая обоснованность формулировок и их объясняющая ценность. С другой стороны, эти амбиции идут рука об руку со стремлением по-новому поставить вопросы, лежавшие в основе общественной дискуссии с момента экономического кризиса 1970-х гг. и всплеска неолиберализма. Политическая или гражданская уместность социологического анализа рынков, роли финансов, процессов дерегуляции или глобализации придает экономической социологии совершенно особое звучание — далеко выходящее за ограниченные рамки анализа экономических проблем, принятого в сегодняшних университетах.

- Abbott A.* Chaos of Disciplines. Chicago: Chicago University Press, 2001.
- Abolafia M.Y.* Making Markets. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
- Azarian R.* The General Sociology of Harrison White // Ph.D. dissertation. Department of Sociologie. Stockholm University, 2003.
- Baker W.E.* Market Networks and Corporate Behavior // American Journal of Sociology. 1990. Vol. 96. No. 3.
- Baker W.E.* Networking Smart: How to Build Relationships For Personal and Organizational Success. N.Y.: McGraw-Hill, 1994.
- Baker W.E.* Achieving Success Through Social Capital: Tapping Hidden Resources in Your Personal and Business Network. San Francisco: Jossey-Bass, 2000.
- Baker W.E., Faulkner R.R., Fisher G.A.* Hazards of the Market: The Continuity and Dissolution of Interorganizational Market Relationships // American Sociological Review. 1998. Vol. 63. P. 147–177. См. также перевод: Бейкер У., Фолкнер Р., Фишер Дж. Риски рынка: продолжение и разрыв межорганизационных рачных связей // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 3. С. 27–52; № 4. С. 43–64.
- Barber B.* Absolutization of the Market: Some Notes on How We Got from There to Here // Markets and Morals / Ed. by G. Dworkin, G. Bermant, P.G. Brown. Washington: Hemisphere Pub. Corp., 1977. P. 15–31.
- Becker G.S.* The Economic Approach to Human Behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Biggart N.W.* Charismatic Capitalism. Chicago: Chicago University Press, 1989.
- Bonacich P.* A Technique for Analysing Overlapping Memberships // Sociological Methodology / Ed. by H. Costner. San Francisco: Jossey-Bass, 1972.
- Bourdieu P.* Vive la crise! For Heterodoxy in Social Science // Theory and Society. 1988. Vol. 17. P. 773–788.
- Bourdieu P.* Science de la science et réflexivité. Paris: Editions Raisons d'agir, 2001.
- Burt R.* Toward a Structural Theory of Action: Network Models of Social Structure, Perception and Action. N.Y.: Academic Press, 1982.
- Burt R.* Corporate Profits and Cooptation: Networks of Market Constraint and Directorate Ties in the American Economy. N.Y.: Academic Press, 1983.
- Coleman J.S.* Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
- D'Antonio W.* Recruiting Sociologists in a Time of Changing Opportunities // Sociology and Its Publics / Ed. by T. Halliday, M. Janowitz. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 99–136.
- DiMaggio P.* The New Institutionalisms // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1988. Vol. 154. No. 4. P. 696–705.
- Etzioni A.* Toward Socio-Economics // Contemporary Sociology. 1985. Vol. 14. P. 178–179.
- Etzioni A.* Founding a New Socio-Economics // Challenge. 1986. Vol. 29. No. 5. P. 475–482.
- Etzioni A.* The Moral Dimension: Toward a New Economics. N.Y.: Free Press; L.: Collier Macmillan, 1988.
- Friedland R., Robertson A.F.* (eds.). Beyond the Marketplace. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1990.
- Gislain J.-J., Steiner P.* La sociologie économique (1890–1920). Paris: PUF, 1995.
- Granovetter M.* Towards a Sociological Theory of Income Differences // Sociological Perspectives on Labor Markets / Ed. by I. Berg. N.Y.: Academic Press, 1981.
- Granovetter M.* Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. P. 481–510. См. также перевод: Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131–158.
- Granovetter M.* The Old and the New Economic Sociology: A History and an Agenda // Beyond the Marketplace: Rethinking Economy and Society / Ed. by R. Friedland, A.F. Robertson. N.Y.: Aldine, 1990. P. 89–112.

- Granovetter M. Le marché autrement. Paris: Desclée de Brouwer, 2000.
- Granovetter M., Swedberg R. (eds.). The Sociology of Economic Life. Boulder: Westview Press, 1992.
- Guillén M.F. et al. The New Economic Sociology: Developments in an Emerging Field. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2002.
- Hamilton G., Biggart N.W. Market, Culture and Authority: A Comparative Analysis of Management and Organization in the Far East // American Journal of Sociology. 1988 (supplement). Vol. 94. P. 52–94.
- Hargens L. Impressions and Misimpressions About Sociology Journals // Contemporary Sociology. 1991. Vol. 20. P. 343–349.
- Heilbron J. A Regime of Disciplines: Toward a Historical Sociology of Disciplinary Knowledge // The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age / Ed. by C. Camic, H. Joas. Lanham: Rowman & Littlefield, 2004. P. 23–42.
- Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. 1996. Vol. 44. P. 936–957.
- Mintz B., Schwartz M. The Power Structure of American Business. Chicago: Chicago University Press, 1985.
- Mizruchi M. The American Corporate Network, 1904–1974. Beverly Hills: Sage, 1982.
- Mizruchi M., Schwartz M. (eds.). Intercorporate Relations: The Structural Analysis of Business. N.Y.: Cambridge University Press, 1987.
- Orrù M., Biggart N.W., Hamilton G. The Economic Organization of East Asian Capitalism. L.: Sage, 1997.
- Perrow C. Markets, Hierarchies and Hegemony: A Critique of Chandler and Williamson // Perspectives on Organization Design and Behavior / Ed. by A. van de Ven, W. Joyce. N.Y.: John Wiley, 1981.
- Perrow C. Economic Theories of Organizations // Perrow C. Complex Organizations. 3rd ed. N.Y.: Random House, 1986; работа перепечатана также в специальном выпуске журнала «Теория и общество»: Theory and Society. 1986. Vol. 15. P. 11–45; и сборнике, опубликованном по материалам этого выпуска: Zukin S., DiMaggio P. (eds.). Structures of Capital: The Social Organization of the Economy. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1990. P. 121–152.
- Perrow C. An Organizational Analysis of Organizational Theory // Contemporary Sociology. 2000. Vol. 29. No. 3. P. 469–476.
- Powell W., DiMaggio P. (eds.). The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Radnitzky G., Berholz P. (eds.). Economic Imperialism. The Economic Approach Outside the Field of Economics. N.Y.: Paragon House Publishers, 1987.
- Sabel C.F., Piore M.J. The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity. N.Y.: Basic Books, 1984.
- Sabel C.F., Zeitlin J. (eds.). World of Possibilities: Flexibility and Mass Production in Western Industrialization. Paris: Maison des sciences de l'homme; Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Schwartz M. Radical Protest and Social Structure. N.Y.: Academic Press, 1976.
- Smelser N. Readings on Economic Sociology. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1965.
- Smelser N.J., Swedberg R. (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton: Princeton University Press; N.Y.: Russell Sage Foundation, 1994.
- Stinchcombe A. Economic Sociology. N.Y.: Academic Press, 1983.
- Swedberg R. Economic Sociology: Past and Present // Current Sociology. 1986. Vol. 35. No. 1. P. 1–221.
- Swedberg R. On Economic Sociology. An Interview with Mark Granovetter (1985/86) // Research Report. Department of Sociology. Uppsala University, 1987.
- Swedberg R. Economics and Sociology: Redefining their Boundaries. Conversations with Economists and Sociologists. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.
- Swedberg R. (ed.). Explorations in Economic Sociology. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1993.

- Swedberg R.* Une histoire de la sociologie économique. Paris: Desclée de Brouwer, 1994.
- Swedberg R.* Markets as Social Structures // *The Handbook of Economic Sociology* / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 255–282.
- Swedberg R.* New Economic Sociology: What Has Been Accomplished. What is Ahead // *Acta Sociologica*. 1997. Vol. 40. No. 2. P. 161–182. См. также перевод: *Сведберг Р.* Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? // *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики* / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 111–130.
- Swedberg R.* Principles of Economic Sociology. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
- Swedberg R., Himmelstrand U., Brulin G.* The Paradigm of Economic Sociology // *Theory and Society*. 1987. Vol. 16. P. 169–213.
- Tullock G.* Economic Imperialism // *Theory of Public Choice* / Ed. by J. Buchanan, R. Tollison. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1972. P. 317–329.
- Turner S., Turner J.* The Impossible Science: An Institutional Analysis of American Sociology. L.: Sage, 1990.
- Useem M.* The Leadership Moment: Nine True Stories of Triumph and Disaster and Their Lessons for us All. N.Y.: Random House, 1998.
- Useem M.* Leading Up: How to Lead Your Boss So You Both Win. N.Y.: Random House, 2001.
- Useem M., Miller S.M.* Privilege and Domination: the Role of the Upper Class in American Higher Education // *Social Science Information*. 1975. Vol. 14. P. 115–145.
- Useem M., DiMaggio P.* Social Class and Arts Consumption: The Origins and Consequences of Class Differences in Exposure to the Arts in America // *Theory and Society*. 1978. Vol. 5. P. 141–161.
- Useem M., DiMaggio P.* The Arts in Class Reproduction // *Cultural and Economic Reproduction in Education* / Ed. by M. Apple. L.: Routledge & Kegan Paul, 1982.
- Useem M.* The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the U.S. and U.K. N.Y.: Oxford University Press, 1984.
- White H.C.* An Anatomy of Kinship: Mathematical Models for Structures of Cumulated Roles, Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963a.
- White H.C.* Uses of Mathematics in Sociology // *Mathematics and the Social Sciences* / Ed. by J.C. Charlesworth. Philadelphia: American Academy of Political and Social Science, 1963b.
- White H.C. (with C. White).* Canvases and Careers: Institutional Change in the French Painting World. N.Y.: John Wiley and Sons, 1965.
- White H.C.* Chains of Opportunities: System Models of Mobility in Organizations. Harvard: Harvard University Press, 1970.
- White H.C.* Where Do Markets Come From? // *American Journal of Sociology*. 1981. Vol. 87. No. 3. P. 517–547.
- White H.C.* Identity and Control: A Structural Theory of Social Action. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.
- Williamson O.E.* Markets and Hierarchies, Analysis and Antitrust Implications: A Study in the Economics of Internal Organization. N.Y.: Free Press, 1975.
- Zelizer V.* Morals and Markets: The Development of Life Insurance in the United States. N.Y.: Columbia University Press, 1979.
- Zelizer V.* Pricing the Priceless Child: The Changing Social Value of Children. N.Y.: Basic Books, 1987.
- Zelizer V.* Beyond the Polemics on the Market: Establishing a Theoretical and Empirical Agenda // *Sociological Forum*. 1988. Vol. 3. P. 614–634.
- Zukin S., DiMaggio P.* (eds.). Structures of Capital. The Social Organization of the Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; ранее опубликована в специальном выпуске журнала «Теория и общество»: *Theory and Society*. 1986. Vol. 15. P. 1–10.

Приложение. Взаимные цитирования [в группе ключевых авторов], 1980–1985 гг.

	1	9	24	26	23	16	31	15	5	29	4	6	2	18	19
	Аболафия	Ингланд	Сейбел	Смит	Ромо	Макгуайр	Зелизер	Лазерсон	Стернз	Юсим	Блок	Бёрт	Бейкер	Мицц	Мизраки
1	Аболафия														
9	Ингланд	17													
24	Сейбел		7												
26	Смит			4											
23	Ромо														
16	Макгуайр														
31	Зелизер						2								
15	Лазерсон														
5	Стернз														
29	Юсим									26	2	1		3	2
4	Блок		3								8				
6	Бёрт									1		73			
2	Бейкер	2										1	4		
18	Мицц									3	1	2		8	7
19	Мизраки									2		3		5	7
11	Фридланд									1		2		3	
25	Шварц								1	6	1	4		14	9
7	Димаджио														
13	Гамильтон														
8	Иклес														
3	Биггарт														
22	Пауэлл														
28	Сведберг														
10	Флигстин														
20	Перроу														
12	Грановеттер														
27	Стинчкомб														
21	Портес														
14	Хириш														
30	Уайт														
17	Мейер														

Данные о взаимном цитировании получены в результате обработки Индекса цитирований в социальных науках. Мы использовали метод CONCOR в программе Ucinet для математического анализа сетей в нашей матрице «ключевых авторов». Этот метод позволяет выявить «структурные эквиваленты» согласно сетевой теории, т.е. разбить матрицу на подгруппы (в нашем случае — четыре), объединяя индивидов, которые не обязательно связаны между собой, но включены в одни и те же сети; иными словами, в нашем случае это индивиды, которые цитируют авторов из этой же подгруппы и сами цитируемы ими. После такого разбиения была выстроена квадратная блочная матрица [blocked matrix], в которой значение на пересечении столбцов и строк (где строки указывают источник, т.е. цитирующего автора, а столбцы — направление, т.е. цитируемого автора) показывает количество связей между двумя данными индивидами. Здесь мы учитываем также случаи автоцитирования.

Жуау Пейшоту, Рафаэль Маркеш

*Исследовательский центр экономической социологии
и социологии организаций «Социус»,
Институт экономического и делового администрирования,
Технический университет Лиссабона*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ПОРТУГАЛИИ^{1, 2}

0 SADO 550 (serie 3).

Год выпуска — 1982

*...Институционализация данной области
в некоторых ведущих школах экономики
и менеджмента не означает возникновения
плодотворного диалога между социологией
и экономической теорией или проведения
ими совместных исследований.*

В данной статье мы рассматриваем становление экономической социологии в Португалии. Сначала мы анализируем ее институциональ-

¹ **Источник:** Peixoto J., Marques R. Economic Sociology in Portugal // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2001. Vol. 3. No. 1. October. P. 24—30. <http://econsoc.mprfg.de/>. Пер. с англ. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев.

² Мы хотели бы поблагодарить Сару Фалкау Касака [Sara Falcão Casaca] и Жозе Мануэля Мендеша [José Manuel Mendes], а также других наших коллег по «Социусу» за их замечания по поводу данной статьи. Как и принято в таких случаях, все недостатки работы следует относить на счет авторов.

ный контекст, делаем обзор исследований, которые изначально определены как экономико-социологические или в которых предпринята попытка выстроить прямые связи между экономической теорией и социологией. Затем мы перечисляем другие исследования, тесно связанные с данной областью. Поскольку четко определить статус исследований не просто, список авторов, упоминаемых в данной работе, следует считать незавершенным.

В Португалии социология институционализировалась лишь после 1974 г., когда началась политическая демократизация страны. Если говорить об образовательных дипломах или тематической структуре исследований, то некоторые направления португальской социологии весьма стабильны. Среди них можно назвать индустриальную социологию и социологию труда, исследования города и территориальные исследования, социологию образования и социологию семьи. Экономическая же социология, напротив, упоминается достаточно редко. Есть, однако, и некоторые исключения. С формально-институциональной точки зрения Институт экономического и делового администрирования [ISEG] при Техническом университете Лиссабона может быть назван оплотом экономической социологии в Португалии. В нем еще в 1991–1992 гг. были открыты программы докторской и магистерской подготовки по специальностям «Экономическая социология» и «Социология организаций»; в 1991 г. был создан Исследовательский центр экономической социологии и социологии организаций «Социус» [SOCIUS]³. Среди других институтов, в которых развивается эта новая область, — Школа экономики университета Коимбры, где программа Ph.D. по социологии включает специальность «Экономическая социология», и Институт социальных наук [ICS] при университете Лиссабона, где экономическая социология и социология развития находятся в числе сильнейших исследовательских направлений. За пределами этих институтов наименование «экономическая социология» используется редко. Более того, следует подчеркнуть, что институционализация данной области в некоторых ведущих школах экономики и менеджмента не означает возникновения плодотворного диалога между социологией и экономической теорией или проведения ими совместных исследований.

Хотя в настоящее время развитие экономической социологии — задача, к которой обращаются лишь немногие исследователи, в 1960-е годы планы на этот счет казались более амбициозными. Журнал «Социальный анализ» [«Análise Social»], ориентированный на проблемы современной социологии, в одном из первых номеров поставил своей задачей связать экономическую теорию и социологию. В 1964 г. в своем вступительном слове, посвященном 50-му юбилею Школы экономики (нынешней ISEG), редакция объявила о своем намерении «внести серьезный вклад в расширение спектра исследований в области экономического развития в Португалии; открыть ряд дискуссионных рубрик; при анализе фактов и постановке проблем предоставить место обсуждению вопросов, которым не уделялось внимание прежде» [VVAА 1964: 404]. Прозвучал также призыв к «междисциплинарному диалогу»⁴. Некоторые статьи, опубликованные в «Социальном анализе» в

³ Курсы по экономической социологии и социологии финансовых рынков читаются в Институте также и для студентов, изучающих экономическую теорию, менеджмент и финансы.

⁴ Надо, однако, пояснить специфический контекст, в котором прозвучал этот призыв. Ставилась цель не столько примирить экономическую теорию и социологию (поскольку последняя тогда вообще едва ли существова-

1960-е годы, следуют именно этому руслу. Два специальных выпуска были посвящены теме развития: выпуск 1964 г. — его социальным аспектам, выпуск 1969 г. — его социальным и институциональным особенностям. Наиболее важный вклад внесли Адериту Седаш Нунеш [Adérito Sedas Nunes] (его считают отцом-основателем современной португальской социологии) и Алфреду де Соза [Alfredo de Sousa]; оба они по образованию экономисты. В их работах рассматриваются социальные, культурные и политические аспекты экономического развития, вопросы социальной стратификации и новые классы специалистов [new knowledge classes]; Седаш Нунеш писал также о методах современной социологии, а Соза анализировал различные концепции времени как культурный фактор экономического развития. И также в 1960-е годы журнал опубликовал статью Жана Куизеньера, посвященную «социологии хозяйства» и развивавшую тематику других работ того периода [Cuisennier 1965]. В ней указывалось на решающее значение социальных переменных и поведения агентов для выработки планов развития [planning design].

После 1974 г. специализация в социальных науках усилилась, и попытки вести «диалог» стали более вялыми. Краткий обзор основных португальских социологических журналов позволяет обнаружить лишь незначительное количество работ, напрямую связывающих экономическую теорию и социологию или явно ссылающихся на экономическую социологию. Среди важных исключений — статья Илоны Ковач из Института экономического и делового администрирования, призывающая к более плодотворному диалогу между экономической теорией и социологией, который явился бы ответом на сложность и неопределенность современной эпохи и помог бы сформировать столь необходимый интегративный стиль мышления [Kovács 1985]. В некоторых статьях, опубликованных в «Журнале социальных наук» [Cadernos de Ciências Sociais] (университет Порту), как, например, в работе Жозе Мануэля Морейры [José Manuel Moreira 1986], звучал призыв пересмотреть основные исходные положения неоклассической экономической теории, и в частности понятие рациональности, позитивистскую методологию, отрыв от социальных норм и проблем этики. Жуау Фрейре [João Freire] предлагал обратиться к социологии хозяйственной жизни, уделяя особое внимание исследованию производства, потребления, предпринимательства и финансовых систем (он ставил своей задачей увязать эти темы с произошедшей, наконец, «демократизацией» экономики) [Freire 1991]. Жуау Аррискадо Нунеш (университет Коимбры) посвятил несколько работ анализу идей К. Поланьи о социальном и экономическом способах регулирования хозяйства и социологии хозяйственной жизни [например: Nunes 1994, 1998]. Наконец, такие авторы, как Аделину Торреш [Adelino Torres], Жозе Луиш Кардозо [José Luís Cardoso], Франсиску Луиса [Francisco Louçã], Антониу Алмо-

ла), сколько не допустить институциональных ограничений на пути развития социологии и придать экономическим исследованиям (равно как и политическим дебатам) также и социальное измерение. Более широкая социальная перспектива увеличила критическое возможности этих авторов, а также укрепила позиции разделяемой многими социальной католической доктрины.

довар [António Almodôvar], Фернанду Катпора [Fernando Catroga] и Мария де Фатима Брандау [Maria de Fátima Brandão] исследовали проблему отношений между экономическим и социологическим типами мышления.

Что касается последних исследований — именующих себя экономико-социологическими и выполненными с теоретических позиций экономической социологии, — то большая их часть вполне закономерно выполняется силами Института экономического и делового администрирования, и в особенности силами «Социуса». В чем-то их работа следует традиционным направлениям исследования (например, социологии труда и индустриальной социологии), ряд исследований более тесно связан с тем, что сейчас принято называть новой экономической социологией. К последним мы относим, в частности, работы следующих авторов: Жозе Мария Карвальу Ферейра [José Maria Carvalho Ferreira] (посреднические институты, или организации третьего сектора); Жуау Пейшото [João Peixoto] (международная мобильность высококвалифицированных работников); Анабела Карвальу [Anabela Carvalho] (этническое предпринимательство на примере индийских и исламских этнических групп); Мария Жуау Сантош [Maria João Santos] (трансформация производства в контексте локального развития); Жуау Карлош Граса [João Carlos Graça] (исследование трудов Жозе Фредерику Ларанжу [José Frederico Laranjo] — португальского общественного деятеля, работавшего на рубеже XIX—XX вв.); Рафаэль Маркеш [Rafael Marques] (общая теория реципрокности); Рита Рапозу [Rita Raposo] (закрытые поселенческие сообщества [gated communities] как процесс социального и экономического потребления); Марта Варанда [Marta Varanda] (проблемы коллективного действия малых предпринимателей в секторе традиционного бизнеса; это первая попытка применения сетевого анализа в Португалии)⁵. Некоторые из этих авторов в настоящее время готовят к изданию первую хрестоматию по новой экономической социологии на португальском языке [Marques, Peixoto, 2003].

Именно «Социус» первым организовал научные мероприятия, целиком посвященные вопросам экономической социологии. Первый семинар состоялся в 1995 г. Его результаты воплотились в книге «Между экономической теорией и социологией» [Ferreira et al. 1996].

Ее основные разделы посвящены историческому анализу экономической и социологической мысли, теоретическим дебатам в современной экономической социологии, теоретическому и эмпирическому анализу смежных областей (исследованиям ценностей и развития, бедности и исключения, миграции и предпринимательства). Особый инновационный подход представлен в главах Жуау Аррискаду Нунеша [João Arriscado Nunes] и Карлоша Гонсалеса [Carlos Gonçalves] (университет Порту), посвященных социологии экономической мысли [sociology of eco-

⁵ Среди других важных исследований, выполненных в «Социусе», упомянем работы: Илоны Ковач [Ilona Kovács] о новых моделях производства и организации труда; Марии да Консейсау Сердейра [Maria da Conceição Serdeira] об индустриальных отношениях; Хелены Серра [Helena Serra] о властных отношениях между врачами и медперсоналом в сфере здравоохранения; Софии Бенту [Sofia Bento] о социальных противоречиях, порождаемых новыми технологиями; Сары Фалкау Касака [Sara Falcão Casaca] о гендерной дискриминации на рынке труда и гибкой занятости; Хелены Жерониму [Helena Jerónimo] о науке, этике и религии.

помис]. Используя также свои прежние работы, Нунеш анализирует влияние культуры на экономический дискурс и утверждает, что современное состояние последнего свидетельствует о том, сколь важна роль господствующей риторики (он использует здесь теоретические концепции Д. МакКлоски и А. Кламера). Гонсалес (следуя теории социального конструирования профессий, выдвинутой Л. Болтански) рассматривает медленный и незавершенный процесс институционализации профессии экономиста, контрастирующий со стремительным ростом ее символического статуса. Позднее (в 1998 г.) «Социус» организовал первый португальский Конгресс по проблемам экономической социологии, который собрал около шестисот участников. В качестве основных докладчиков выступили отечественные и зарубежные исследователи.

Прочие темы исследований

Социологию труда и индустриальную социологию нельзя полностью отнести к «экономической социологии», однако они, несомненно, образуют наиболее близкую к ней область, причем эта область прочно институционализирована в португальской социологии. Здесь реализуются образовательные программы разных уровней, присваиваются ученые степени, издаются специальные журналы, постоянно ведутся исследования, организуются семинары, действует профессиональная ассоциация (Португальская ассоциация индустриальной социологии, социологии труда и организаций — APSIOT). В отличие от экономической социологии, эта область уже являлась предметом обзоров, которые делались разными авторами [Rodrigues, Lima 1987; Stoleroff 1992a, 1992b; Ferreira, Costa 1998/1999; Freire 2000]. Все авторы, описывающие португальскую социологию, признают, что индустриальная социология — одно из самых сильных ее направлений; это также одно из самых старых направлений, хотя здесь проводят различие между социологией труда как более зрелой областью и социологией организаций, появившейся позднее. По поводу точного времени возникновения этого направления мнения расходятся. Одни утверждают, что вопросы труда и трудовых отношений были в центре внимания еще в 1960-е годы [Rodrigues, Lima 1987]. Другие считают переломным 1974 г.: именно тогда в этой области появились новые исследовательские темы и теоретические направления [Stoleroff 1992a].

Здесь изучались разные темы. Сразу после 1974 г. это были прежде всего рабочий класс и его требования, профсоюзное движение и политические связи. В тот период был наиболее развит подход, основанный на марксистском структурализме и теории действия (в значительной степени — под влиянием А. Турена). Предметом исследования выступали также инициативы коллективных действий и самоуправления, отношения между технологией, организацией труда [labour organiza-

tion] и процессом формирования навыков, а также история рабочего движения). В 1980-е годы начали появляться новые темы. Среди них: занятость, безработица, увеличение гибкости [flexibilization] трудовых отношений [например: Rodrigues 1998], технологические изменения (в том числе новые информационные технологии), организация труда [work organization], квалификационная структура, профессиональное обучение, модели производства (техноцентричные и антропоцентричные [Kovács, Castillo 1998]), неравенство на рынке труда (в том числе его гендерные аспекты), институциональное регулирование трудовых отношений и социология профессий. Среди наиболее заметных авторов, исследующих эти направления, — Жуау Фрейре, Илона Ковач, Антониу Брандау Мониш [António Brandão Moniz], Жозе Баптиста [José Baptista] (в частности, его поздние работы), Мария Филомена Моника [Maria Filomena Mónica], Мария Жуау Родригеш [Maria João Rodrigues], Мартинуш Пиреш де Лима [Martinus Pires de Lima], Мария Тереза Роза [Maria Teresa Rosa], Мария да Консейсао Сердейра, Алан Столерофф [Alan Stoleroff] и Мария де Лурдеш Родригеш [Maria de Lurdes Rodrigues].

Активная работа велась и в рамках других исследовательских направлений. Во-первых, это касается изучения неформальной экономики. Исследования начала 1980-х годов показали, что неформальная или скрытая хозяйственная деятельность в стране весьма распространена. Были получены просто поразительные данные: макроэкономические индикаторы говорили о глубоком кризисе, а уровень потребления и благосостояния людей возрастал. Одним из первых к изучению этой проблемы обратился Мануэль Виллаверде Кабрал [Manuel Villaverde Cabral 1983]. Анализируя различные индустриализированные сельские районы, он обнаружил, что акторы сочетают стратегии работы в рамках городского и промышленного рынков труда с частичной занятостью в фермерском хозяйстве и получением социальных пособий. Он утверждает, что «...сельская местность чрезвычайно богата стратегиями, которые макроэкономика не могла разглядеть» [Cabral 1983: 222]. Позднее Исабель Лобо применила данный подход к анализу других сфер и также выявила связь социальных и экономических структур с неформальной экономикой и факт вовлеченности акторов — предпринимателей, рабочих и их семей — в неформальные виды деятельности [Lobo 1985]. Эту проблему исследовали и некоторые другие социологи и экономисты (в том числе Мария Жуау Родригеш).

Во-вторых, совместными усилиями социологов, экономистов и географов развивалось смежное направление: исследование территориальных контекстов производства. Эти авторы ставили своей задачей выявить региональные и местные особенности способов производства, регулирования и потребления. Здесь можно выделить исследования Боавентуры де Соза Сантоша [Boaventura de Sousa Santos] и Жозе Рейса [José Reis] (университет Коимбры), а также Фернанду Медейроша [Fernando Medeiros] (университет Парижа и ISEG) [Santos 1985;

Reis 1992; Medeiros 1992]. Сантош выполнил сравнительный анализ различных региональных индикаторов и показал, что капиталистический способ производства не всегда сопровождался формой социального воспроизводства, основанной на наемном труде. Различные стратегии трудового найма сочетались с частичной занятостью в сельском хозяйстве, просьбами о финансовой помощи (в частности, применительно к эмигрантам — обращениями к родственникам прислать деньги из дома) и получением социальных пособий (сохраняя при этом свою территориальную специфику). Жозе Рейс (экономист по образованию) исследовал локальную систему производства в центральной части прибрежных районов Португалии, взяв за основу традицию изучения индустриальных районов. Вскоре после этого он провел исследование связей между государством и хозяйством [Reis 1997]. Медейрош предпринял попытку теоретически обобщить особенности южноевропейских стран, определив их как «общества со множеством пространств» [societies of multiple spaces] и различными формами социальной и экономической локальной структуризации. Среди других авторов, занимавшихся изучением данной проблемы, следует упомянуть Жуау Феррау [João Ferrão] и Родериу Роке Амару [Rodério Roque Amaro].

В-третьих, сложилась определенная традиция исследования экономических элит и предпринимательства. Начало ей еще в 1960-е годы положила новаторская работа Харри Маклера о «промышленной элите» в Португалии (на основе текста его диссертации в Колумбийском университете (США) в 1968 г.) [Makler 1969]. Он исследовал социальные характеристики агентов, управляющих крупными производственными предприятиями, их профессиональные навыки, анализировал традиционный и «менеджеральный» [managerial] подходы к изучению фирмы. В конце 1980-х годов исследования Мануэлы Силва [Manuela Silva], Марии даш Дореш Геррейру [Maria das Dores Guerreiro], Аны Нунеш де Алмейда [Ana Nunes de Almeida], Жуау Феррау, Жозе Мануэля Собрала [José Manuel Sobral] и др. придали направлению новый импульс [Silva 1989; Guerreiro 1996; Almeida, Ferrro, Sobral 1994]. Силва и ее соавторы провели исследование предпринимателей и менеджеров в обрабатывающей промышленности, проанализировали их различные характеристики, установки и поведение. Геррейру исследовала мелкие фирмы и отношения между деловыми и семейными стратегиями. Алмейда, Феррау и Собрал применили комбинированный подход к изучению предпринимательства, объединив в одной аналитической схеме пространство, социальные классы и семью. Дальнейшие исследования в этом направлении велись также Марией Филомена Моника [Maria Filomena Mónica], Нельсоном Лоренсу [Nelson Lourenço], Мануэлем Лижбоа [Manuel Lisboa] и Мафалдой Кардим [Mafalda Cardim].

Наконец, следует упомянуть некоторые другие направления работы — уже сложившиеся и появившиеся относительно недавно. Среди них исследования: посреднических институтов (организаций третьего

сектора) и социального исключения (здесь работают такие авторы, как Жозе Перейринья [José Pereirinha], Карлош Баррош [Carlos Barros], Амилкар Морейра [Amílcar Moreira], Паулу Вариш [Paulo Variz]); государства и коллективного действия (Паулу Тригу Перейра [Paulo Trigo Pereira]); институционального регулирования хозяйства (Мануэль де Лусена [Manuel de Lucena], Карлош Гаспар [Carlos Gaspar], Мария Мануэль Лейтау Маркеш [Maria Manuel Leitão Marques], Антониу Казимиру Ферейра [António Casimiro Ferreira]); проблем развития (Йохен Оппенхаймер [Jochen Oppenheimer] и его коллеги из Центра исследований Африки и развития, а также Института экономического и делового администрирования); ценностей, установок и развития (Мануэль Виллаверде Кабрал); международной миграции, политики и рынков труда (Мария Иоанниш Баганья [Maria Ioannis Baganha]); хозяйства и социологии культуры (Карлош Баррош [Carlos Barros], Педру Кошта [Pedro Costa], Жуау Тейшейра Лопеш [João Teixeira Lopes], Эдуарду Эшперанса [Eduardo Esperança] и Мария де Лурдеш Лима дош Сантош [Maria de Lurdes Lima dos Santos]); потребления (Кристина Матош [Cristina Matos] и Жозе Пейшото Визе [José Peixoto Viseu]); социальных форм использования времени (Эмилия Араужу [Emília Araújo]). В заключение же хотелось бы отметить, что несмотря на упомянутые институциональные дилеммы, экономическую социологию и смежные с ней области в Португалии ожидает многообещающее будущее.

Литература

- Almeida A.N., Ferrzo J., Sobral J.M.* Territórios, empresários e empresas: entender as condições sociais da empresarialidade [Territories, entrepreneurs and firms: the social foundations of entrepreneurship] // *Análise Social*. 1994. Vol. 29. No. 125–126. P. 55–79.
- Cabral M.V.* A economia subterrânea vem ao de cima: estratégias da população rural perante a industrialização e a urbanização [Informal economy arises: rural population strategies towards industrialisation and urbanisation] // *Análise Social*. 1983. Vol. 19. No. 76. P. 199–234.
- Cuisennier J.* Instrumentos e tarefas para uma sociologia da economia [Tasks and tools for a sociology of the economy] // *Análise Social*. 1965. Vol. 3. No. 9–10. P. 103–116.
- Ferreira A.C., Costa H.A.* Para uma sociologia das relações laborais em Portugal [For a sociology of labour relations in Portugal] // *Revista Crítica de Ciências Sociais*. 1998/1999. No. 52–53. P. 141–171.
- Ferreira J.M.C., Marques R., Peixoto J., Raposo R.* (eds.). Entre a Economia e a Sociologia [Between Economics and Sociology]. Oeiras: Celta Editora, 1996.
- Freire J.* Uma economia mais democrática? – Nota de pesquisa [A more democratic economy? – Research note] // *Sociologia – Problemas e Práticas*. 1991. No 9. P. 161–166.
- Freire J.* Companies and organisations: change and modernisation // *Crossroads to Modernity – Contemporary Portuguese Society* / Ed. by A.F. Costa, J.M. Viegas. Oeiras: Celta Editora, 2000.
- Guerreiro M. das D.* Famílias na Actividade Empresarial – PME em Portugal [Families and Firms – SME in Portugal]. Oeiras: Celta Editora, 1996.

Kovács I. Economia e sociologia na era da incerteza: do conflito à cooperação [Economics and sociology in the uncertainty era: from conflict to co-operation] // *Estudos de Economia*. 1985. Vol. 5. No. 4. P. 441–451.

Kovács I., Castillo J.J. Novos Modelos de Produção – Trabalho e Pessoas [New Models of Production – Work and People]. Oeiras: Celta Editora, 1998.

Lobo I. de S. Estrutura social e produtiva e propensão à subterraneidade no Portugal de hoje [Social and productive structure and propensity to informality in contemporary Portugal] // *Análise Social*. 1985. Vol. 21. No. 87–98. P. 527–562.

Makler H.M. A «Elite» Industrial Portuguesa [The Portuguese Industrial Elite]. Lisbon: Fundação Calouste Gulbenkian, 1969.

Marques R., Peixoto J. Nova Sociologia Económica – Uma Antologia [New Economic Sociology – An Anthology]. Oeiras: Celta Editora, 2003.

Medeiros F. A formação do espaço social português: entre a «sociedade-providência» e uma CEE providencial [The constitution of the Portuguese social space: between a «welfare society» and a «providential EEC»] // *Análise Social*. 1992. Vol. 27. No. 118–119. P. 919–941.

Moreira J.M. Crise económica e (cons)ciência económica [Economic crisis and economic (con)science] // *Cadernos de Ciências Sociais*. 1986. No. 4. P. 139–154.

Nunes J.A. A poética e a política da ciência económica: para uma sociologia da economia [Poethic and politics of economic science: for a sociology of economics] // *Notas Económicas*. 1994. No. 2. P. 98–108.

Nunes J.A. A «ciência dos recursos naturais» e a reconverso da economia: zonas de transação e objectos de fronteira [The «natural resources science» and economic revamping: zones of transaction and frontier objects] // *Oficina do CES*. 1998. No. 109. Abril.

Reis J. Os Espaços da Indústria: a Regulação Económica e o Desenvolvimento Local em Portugal [The Industry's Spaces: Economic Regulation and Local Development in Portugal]. Porto: Afrontamento, 1992.

Reis J. O Estado e a economia: novas e velhas questões [State and economy: new and old questions] // *Sociologia – Problemas e Práticas*. 1997. No. 21.

Rodrigues M.J. O Sistema de Emprego em Portugal: Crise e Mutações [The Employment System in Portugal: Crisis and Mutations]. Lisbon: Dom Quixote, 1988.

Rodrigues M.J., Pires de Lima M. Trabalho, emprego e transformações sociais: trajectórias e dilemas das ciências sociais em Portugal [Work, employment and social change: social sciences' paths and dilemmas in Portugal] // *Análise Social*. 1987. Vol. 23. No. 95. P. 119–149.

Santos B. de S. Estado e sociedade na semiperiferia do sistema mundial: o caso português [State and society in the semi-periphery of the world system: the Portuguese case] // *Análise Social*. 1985. Vol. 21. No. 87–89. P. 869–901.

Silva M. (ed.) et al. Empresários e Gestores da Indústria em Portugal [Entrepreneurs and Industrial Manufacturing Managers in Portugal]. 2 vols. Lisbon: CISEP/UTL – Instituto Superior de Economia, 1989.

Stoleroff A. Sobre a sociologia do trabalho em Portugal [On sociology of work in Portugal] // *Sociologia – Problemas e Práticas*. 1992a. No. 11. P. 135–150.

Stoleroff A. Sobre a sociologia do trabalho em Portugal: evolução e perspectiva [On sociology of work in Portugal: trends and forecasts] // *Sociologia – Problemas e Práticas*. 1992b. No. 12. P. 155–169.

VVAA. Aspectos sociais do desenvolvimento económico em Portugal [Social aspects of economic development in Portugal] // *Análise Social*. 1964. Vol. 2. No. 7–8.

Филиз Балоглу
Стамбульский университет

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ТУРЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР¹

Anadol FW 5.
Год выпуска — 1966

Для Турции характерно отношение к экономической социологии и такой дисциплины, как индустриальная социология; более того, мировое развитие хозяйства также считалось частью ее предмета.

Введение

Пятнадцатилетний период после 1923 г. (года образования Республики Турция) ознаменовался вступлением страны в новую эру производства и стал временем поиска «новой социальной идентичности» в социальных науках. Отличительными чертами этого периода явились преимущественно теоретический характер предметного анализа, а также взаимодействие социологии с различными научными дисциплинами и областями знания — философией, политикой и образованием. Замечено, что после основания Стамбульского университета в 1933 г. исследования стали более академичными и продуктивными. В развитие турецкой социологии внесли свой вклад и многие немецкие ученые, нашедшие убежище в Турции в 1940-х—1950-х годах благодаря политике нейтралитета, проводимой во

¹ **Источник:** *Baloglu F. Economic Sociology in Turkey: A Historical Overview // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2003. Vol. 5. No. 1. October. P. 17—27. <http://econsoc.mpifg.de/>. Пер. с англ. Е.С. Фидри, науч. ред. В.В. Радаев.*

время Второй мировой войны. Позже, когда Турция перешла к многопартийной системе, свое воздействие на научные исследования оказала демократизация общества. В 1960-е годы были образованы несколько институтов, значительно повлиявших на развитие социальных наук в Турции, в частности Институт государственного планирования, учреждение которого способствовало развитию исследований на макроуровне. Примечательно, что несмотря на перерыв в развитии социологии из-за политических катаклизмов 1970-х годов, она по-прежнему считалась необходимой дисциплиной в образовательных учреждениях, признавалась ее значимость, а во второй половине 1970-х годов появилось большое число теоретических и прикладных исследований по социологии. В 1980-х годах рост научных исследований во всех дисциплинах стимулировался либеральной экономической политикой. Позже крах Советского Союза, процессы глобализации и возможность вступления в Евросоюз открыли новые горизонты для социологических исследований.

Я склонна утверждать, что на развитие экономической социологии в Турции повлияли вышеуказанные события в ее политической и социальной жизни, а также проводимая страной экономическая политика. Несомненно, что как только перед новообразованной республикой вставал вопрос, какими методами проводить индустриализацию, стимулировать экономическое развитие и устанавливать новый экономический порядок, основные усилия направлялись на его решение. Цель данной статьи — проанализировать исследования трех групп социологов с исторической точки зрения. Замечу, что для Турции характерно отнесение к экономической социологии и такой дисциплины, как индустриальная социология; более того, мировое развитие хозяйства также считалось частью ее предмета. Поэтому нельзя сказать, что работы, рассматриваемые в этой статье, принадлежат исключительно экономической социологии. Однако их значимость заключается в том, что они заложили фундамент для возникновения и последующего развития экономической социологии в Турции. Позже я сосредоточу внимание на современных исследованиях.

Философские основания турецкой экономической социологии

Порою некоторые философы предпочитают изучать социальные проблемы, не смешивая их, но и не отделяя друг от друга. Именно так обстояли дела в случае с Зийя Гёкалпом [Ziya Gökalp], занимавшимся экономической социологией наряду с остальными социологическими направлениями. Гёкалп, взявший за основу своей философии турецкий национализм, поддерживал идею о том, что обществу для экономического процветания необходимо осознать важность национальной солидарности и единства. Он считал индустриализацию экономичес-

ким идеалом, которого можно достичь, лишь следуя теориям «национального хозяйства»² [Kurtkan 1965: 18], и настойчиво утверждал, что в его время принятая в Англии концепция национального хозяйства не являлась универсальной теорией. Поэтому турецким экономистам нужно самим разработать научную программу создания собственной национальной экономики. Определяя значимость национальной культуры и разъясняя отношения между культурой и хозяйством, Гёкалп заявлял, что «в стране с невысоким уровнем экономической жизни не может быть высокоразвитых науки, искусства, философии, этики или религии» [Ülken 1939: 146].

В дальнейшем он дал пояснения относительно экономической системы, которую следует сформировать в Турции: «Турки не могут быть абсолютными коллективистами, поскольку любят свободу и независимость. Однако они поддерживают равенство и, следовательно, не могут действовать и как законченные индивидуалисты». Поэтому Гёкалп считал наиболее подходящей для турецкой культуры системой солидаризм [solidarism]. Согласно его взглядам, частная собственность законна настолько, насколько она поддерживается общественной солидарностью. По мнению Гёкалпа, стремление социалистов и коммунистов искоренить частную собственность неоправданно. Кроме того, обладание собственностью не ограничено частными лицами. Должна существовать и частная, и общественная собственность. Добавочная стоимость, производимая в результате общественного разделения труда и не являющаяся продуктом индивидуальных усилий, принадлежит обществу. Согласно Гёкалпу, индивиду не должны присваивать эту добавочную стоимость. Богатства, накопленные обществом в виде добавочной стоимости, должны использоваться как капитал для создания фабрик и больших фермерских хозяйств, служа на благо всего общества. На полученные от этих предприятий доходы следует открывать специальные школы для бедных, сирот, вдов и вдовцов, больных и инвалидов, для слепых, глухих и немых, а также создавать публичные парки, музеи, театры и библиотеки. Нужно возводить дома, позволяющие сельскому населению жить в здоровых условиях, построить сеть электроснабжения, охватывающую всю страну. Иными словами, усилия общества должны быть направлены на обеспечение его благосостояния посредством борьбы со всеми видами бедности. И даже когда общественное благосостояние достигнет удовлетворительного уровня, нет никакой необходимости обременять население налогами, или, по крайней мере, можно снизить их уровень и количество [Gökalp 1972].

Хотя Гёкалп и придавал большое значение хозяйству как базисной структуре общества, он критиковал философскую теорию К. Маркса о том, что социальные явления в реальности являются отражением экономики. По его мнению, не следует

² Существует мнение, что на подход Гёкалпа сильно повлияло то, что Османская империя не достигла уровня национальной экономики и не стала национальным государством с высокой степенью национального единения. То, что основную экономическую деятельность в Османской империи осуществляли не мусульмане, обрекло ее на неудачу в достижении благосостояния страны и привело к возникновению в первое время широкой пропасти между Турцией и Западом в коммерческом, а затем и в индустриальном капитализме.

пренебрегать воздействием этических, правовых, политических, философских и культурных событий на экономические процессы [Ülken 1939: 146]. В целом, повторю, взгляды Гёкалпа на хозяйство базируются на понятии национальности.

Другая ключевая фигура в турецкой социологии — Принц Сабахаттин. Он был яростным сторонником капиталистической системы хозяйства и ставил своей целью замену коммунальной [communal] структуры Османского общества индивидуалистической социальной структурой, для чего требовалось внедрить в него социальные характеристики индивидуальной социальной структуры. Сабахаттин считал, что земля должна передаваться индивидам в частную собственность. А чтобы облегчить переход к новой социальной структуре и ее принятие обществом, нужно создать «буржуазный класс». Концепция «индивидуального предпринимательства», введенная Сабахаттином, основана на его поддержке капиталистического хозяйства. Успеха может достичь «каждый из индивидов, образующих общество, при условии, что он добивается успеха, полагаясь на собственные силы и организуя свое предприятие, а не на семью или правительство, вне зависимости от того, в каком обществе живет» [Sabahattin 1908: 166]. Сабахаттин поддерживал индивидуальное предпринимательство в частной жизни и централизованное управление в общественной сфере как способы преодолеть наблюдавшееся в то время распадение общества.

По мнению Сабахаттина, формы таких социальных проявлений, как право, хозяйство и этика, варьируются в зависимости от общественной формации. Они не изменяют общественную структуру, напротив, общественные структуры формируют их [Sabahattin 1913: 336—338]. Сабахаттин также заявил, что влияние религии на хозяйственную жизнь относительно и, следовательно, ошибаются сторонники идеи о том, что ислам препятствует прогрессу. Согласно его взглядам, прогресс в Турции затрудняет не религия, а социальная организация общества. Он утверждал, что коммунальная социальная структура сделала индивидов пассивными, поощряя их скорее потреблять, нежели производить, что создавало помехи развитию личности и ее социальных навыков. Постоянный поиск индивидами опор в лице семьи, общества и правительства примитивизирует социальную структуру [Там же: 337—338, 341]. Коммунальная структура связывает индивида не с другими членами общества, а с производством. Иными словами, индивиды вправе ожидать, что частные предприятия и общественная деятельность [social activities] позволят им повысить уровень своего благосостояния. Таким образом, коммунальная структура развивает индивидуальные навыки и личные способности [Там же: 340—341]. Оценивая взгляды Сабахаттина, нужно заметить, что, по сравнению со взглядами других мыслителей того времени, они являлись весьма прогрессивными.

Своими корнями история кафедры экономической социологии на экономическом факультете Стамбульского университета уходит в Институт экономики и социологии [İktisat ve İctimaiyat Enstitüsü], основанный Зияетдином Фахри Финдикоглу. В основном Финдикоглу занимался экономической социологией и методологией. Как следует из его работ, он исповедовал философскую систему, противоречащую марксистскому подходу. Судя по критике марксизма за одностороннее объяснение социальных проблем и событий [Findikoglu 1976: 197], очевидно, что Финдикоглу был близок плюралистический подход. Таким образом, чтобы понять, объяснить социальные и экономические явления и управлять ими, считал он, нужно развивать не моническое или дуалистическое понимание причинной связи, а плюралистическую теорию каузальности [Findikoglu 1970: 73–74].

Объясняя явления с помощью метода многофакторного анализа, Финдикоглу провел сравнение методов Карла Маркса и Макса Вебера: не отрицая значения экономических факторов, он попытался оценить их воздействие на другие социальные проблемы [Findikoglu 1976: 227–228]. Следуя Финдикоглу, можно сказать, что область, в которой «сферы компетенции экономической социологии» и общей социологии наиболее совпадают, может быть обозначена как «социальные проблемы». Увеличивающийся разрыв между верхними и нижними слоями стратифицированного общества является источником этих социальных проблем. Иными словами, если уровень жизни бедных в стране значительно ниже уровня жизни богатых, то существует «социальная проблема», которую необходимо разрешить. Таким образом, капиталистическая система в ее чистой форме не может быть неоправдана в отношении распределения доходов и богатств. Согласно Финдикоглу, разделяющему взгляды Джона Стюарта Милля, эта проблема капиталистического режима ведет к установлению коммунистических, социалистических и кооперативных порядков [co-operatives orders] [Findikoglu 1965: 168].

Исследования, проведенные Финдикоглу, показывают роль некоторых крупных и малых городов в экономической и социальной структуре Турции. Он считал город Карабюк первым центром ее тяжелой промышленности. Сталеплавильный завод этого города послужил платформой для обучения предпринимателей, собиравшихся открывать в Карабюке малые промышленные предприятия. Финдикоглу изучил переход от крупной тяжелой промышленности к мелкой промышленности, анализируя, как рабочие на крупном предприятии получают специальность и начинают свое дело. В то же время данная ситуация показывает социальное движение индивида — от рабочего к бизнесмену [Findikoglu 1962: 57–59]. В целом Финдикоглу внес неоценимый вклад в развитие экономической социологии сотнями своих работ.

Автор первой марксистской работы, к которой мы обратимся в нашем обзоре, — Исмаил Гюшрев Тёкин. Она посвящена проблемам села и сельского хозяйства в Турции. Автор использует исторический материализм (впрочем, не упоминая его прямо) как теоретическую основу, утверждая, что «социальный порядок» в любом обществе базируется на производственных отношениях, определяется их социальными качествами и различен в зависимости от системы. Социальные позиции людей зависят от их роли и участия в процессе производства.

Тёкин определял экономическую систему как «...историческое и социальное развитие, устроенное в соответствии с определенным уровнем техники в ее отношениях с природой, а также с определенным уровнем технического прогресса» [Tökin 1990: 18]³. Но Тёкин дистанцировался от Зомбарта, утверждая, что первейшим и важнейшим элементом системы является не хозяйственный дух, а отношения между человеком и природой, и поэтому считал технологию главным опосредующим фактором. Он доказывал, что изменения в хозяйственной системе происходят в результате диалектического развития отношений между человеком и природой [Там же]. Согласно Тёкину, хозяйственный дух как система дополняется и определяется характеристиками общества.

Взгляды Кавита Орхана Тютенгила, известного своими социологическими суждениями о слаборазвитых странах, основывались на идее «вестернизации» [westernisation] в период Османской империи и после нее, а также на идеологии, поддерживающей ататюркские⁴ принципы [Tütengil 1970].

Исследование слаборазвитых обществ, «проводимое исключительно в экономических терминах, не только дает неполное представление, но и искажает картину». Тютенгил подчеркивал значимость экономической социологии, включая в рассмотрение экономических проблем

демографические, социологические и культурные аспекты. Поскольку в таких обществах спрос определяет предложение и уровень потребления в них интенсивно растет, спрос превращается в фактор, определяющий рыночное предложение. Тютенгил определял эту характеристику хозяйства слаборазвитых обществ как «тупиковость», приводящую к негативным последствиям, представленным внешними силами, например, размещением накопленного обществом капитала в областях, не отражающих его реальных нужд. Это усиливает потребительский крен в слаборазвитых обществах. Тютенгил считал, что развитие невозможно путем построения капиталистической или социалистической системы. Согласно его концепции, применение политики государственного контроля по сути означает развитие капитализма посредством использования институ-

³ Впервые эта работа была опубликована в 1934 г.

⁴ Мустафа Кемаль Ататюрк: первый президент Турецкой республики (1923—1938 гг.). Фамилию Ататюрк («отец турок») он получил от Великого национального собрания Турции в 1934 г. Будучи кадровым военным, Ататюрк находился на военной службе в Сирии и Македонии, участвовал в младотурецком движении. Он стал создателем современной Турции — почти европейского демократического государства, являющегося немаловажным участником НАТО. Именно Ататюрк возложил переход от разваливавшейся Османской империи к современному национальному государству. Он отказался от глобальных претензий Турции на то, чтобы быть гарантом сохранения и распространения ислама. Сила личности Ататюрка сломила мечту о создании новой пантюркской или пантуранской империи. Им была выдвинута концепция «малой Турции» — компактного национального государства. — *Прим. перев.*

тов государства. Таким образом, Тюнгенгил — первый турецкий социолог, который провел систематический анализ экономической отсталости слаборазвитых стран.

Другой философ, публиковавший работы по экономической социологии, — Сабри Ф. Юльгенер, первоначально был экономистом. В своих работах он стремился представить общую картину экономической этики и хозяйственного мышления. Анализируя их, Юльгенер (под влиянием работ Вебера) отметил, что, принимая в расчет множество факторов, будет полезно сосредоточиться лишь на одном из них. Именно с этих позиций он попытался объяснить поведение турок в настоящее время и в прошлом. По мнению Юльгенера, тип человека, «не желавшего понапрасну тратить жизнь, волнуясь о работе, ограниченного традициями и авторитетом в выборе своего поведения, предпочитающего практику единовременных выплат [lump sum]», вскоре исчезнет [Ülgener 1981a: 209]. Указывая на все еще сохраняющиеся негативные черты, он отмечал: «сегодня чрезмерное и показное потребление, которое люди только могут себе позволить, намного опережает их производительные усилия» [Ülgener 1981b: 13].

В своей работе Юльгенер подчеркнул, что людям нравилось жить в достатке в докапиталистический период, но они не захотели прикладывать достаточные усилия для достижения благосостояния, оказавшись лицом к лицу со стремительно развивающимся капитализмом. Бездеятельность и неповоротливость, выраженная девизом «как-нибудь справимся», — последний штрих к этой картине [Там же]. Реальное мышление экономического человека в конкретное время и в конкретной среде оказывается отделенным от хозяйственной этики. И эти исследования хозяйственной этики и мышления достойны упоминания. Согласно Юльгенеру, рациональная жизнь, рациональная наука, рационально организованный труд и профессиональная этика характерны только для Запада, в то время как остальной мир с ними практически незнаком.

В этом же ключе Юльгенер пытался выстроить историческое объяснение тех причин, по которым капитализм не развивался активно в турецком обществе. Главный вопрос, на который он пытался ответить: почему, в то время как в западных обществах происходит экономическое развитие посредством технологических инноваций, такое развитие не наблюдается в обществах Востока? По его мнению, в этих обществах должны произойти изменения в поведении и мышлении как потребителей, так и производителей в пользу рациональности и эффективности, которые и приведут к росту национального дохода, уровня занятости, инвестиций, потребления, сбережений и международной торговли. В заключение упомянем, что Юльгенер искал краеугольный камень экономического развития в характеристиках граждан отдельной страны [Ülgener 1981a, b].

Мехмет Иззет [Mehmet Izzet] — еще один турецкий социолог, применивший социологический подход к изучению хозяйственных явлений. Он отмечал, что общества находятся в постоянном процессе трансформации и прогресса. Люди заселяют земли по религиозным и экономическим соображениям. Потом они образуют кланы, деревни, общины, города и империи. Иззет верил, что движущей силой всех этих преобразований является сотрудничество [co-operation]. С его помощью там, где профессии достигают высокого уровня специализации, образуется наиболее цивилизованный тип обществ. С развитием сотрудничества, ростом общего производства и трансформации меняются и представления о собственности. Обладание собственностью приводит к развитию свободы и индивидуальности. Согласно Иззету, хозяйственные инновации также связаны с развитием теоретической мысли. Нельзя желать изменений в хозяйственной жизни, придерживаясь старых теорий. Это факт. Однако фактом является и то, что наши рассуждения, традиции и законы зависят от хозяйственной жизни. Опираясь на данное утверждение, Иззет доказывал, что экономические инновации составляют важный мотив, побуждающий к трансформации [Izzet 1929: 76–83].

Работа Мехмета Эрёза «Введение в экономическую социологию» [Egöz 1973] имеет огромное значение для данной дисциплины. Такие экономические вопросы, как сотрудничество, производство, стоимость, обмен, перераспределение, собственность и потребление представлены им с социологической точки зрения через обзор обширной литературы. Эрёз детально изучил характеристики турецкого общества и пришел к выводу, что хозяйственное развитие «достигается с помощью жертв и лишений». Он заметил, что для обеспечения развития нужно сначала повысить уровень сбережений тех, чья средняя и предельная склонность к сбережению является, по его мнению, недостаточной.

Хотелось бы также рассмотреть идеи некоторых турецких социологов, активно изучавших проблемы социальных изменений. Мюбеджелль Белик Кирай предпочла изучение небольших и краткосрочных проблем исследованию всеобъемлющих и долгосрочных. Она была уверена в том, что именно первая группа вопросов имеет теоретическое решение. Главное — понять характер краткосрочных изменений и динамику их движения. Опираясь на эти взгляды, она в своей основной и весьма оригинальной работе [Kıray 1964], стремилась определить социальную структуру доиндустриального города Эрегли. Кирай выдвинула концепцию «буферных институтов» [buffer institutions], с помощью которой объяснила то, как «институты и отношения, не проявляющиеся ни в одной из двух базовых структур, но находящиеся в стадии становления, допускают возможность интеграции в условиях относительно более резких и всеобъемлющих изменений» [Там же]. Из нее следовало, что если изменения слишком медленные или слишком резкие, буферные институты могут не возникнуть. Изменения же средней скорости позволяют образоваться таким институтам.

В свою очередь, Амиран Курткан Бильгисев постаралась пролить свет на социальную структуру и изменения, индустриализацию и социальные проблемы мелкой промышленности. Когда вышла ее работа «Экономическое значение мелкой промышленности в Турции» [Kurtkan 1962], в стране преобладало сельскохозяйственное производство. Поэтому Курткан стремилась обосновать необходимость мелкого производства для турецкой аграрной экономики, объясняя преимущества, предоставляемые развитием мелкой промышленности.

Книга Орхана Тюркдогана «Промышленная социология: индустриализация Турции» [Türkdogan 1981] охватывает три периода: Древнюю Турцию, Османскую империю и республиканский период. Отношения между экономическим и коммерческим мышлением турецкого общества и его социальной структурой раскрываются автором через исследование экономических, коммерческих и индустриализационных процессов, рассматриваются в историческом свете. Согласно Тюркдогану, процесс индустриализации можно оценить только после идентификации его идеологии и определения его места в турецком культурном коде.

Наконец, стоит упомянуть Эмре Конгара, который провел множество исследований, посвященных анализу социальной структуры Турции. В его работе «Социальная структура Турции от империи до наших времен» [Kongar 1979], капитализм рассматривается как элемент, способствующий социальным преобразованиям, в ней также содержится анализ истоков капиталистических классов в Турции.

Современная экономическая социология

Отличительной чертой первой волны научных работ по экономической социологии в Турции был их теоретический характер. Сегодняшние же работы базируются на данных полевых исследований. Можно сказать, что гендерные исследования, являющиеся одной из сфер интереса турецкой экономической социологии, — вполне продуктивное поле. Можно привести множество примеров исследований, посвященных этому вопросу⁵. Я же обращаюсь здесь к одной из многих статей, написанной Йилдиз Эджевит [Ecevit 1998]. В ней она, применив гендерный подход, попыталась проанализировать место женщин на рынке труда в целом, и в промышленном секторе в частности. Новизна работы заключается в том, что в ней показываются причины возникновения гендерной идеологии, то, как она влияет на области, в которых применяется, а также то, каким образом используется. Примечательна также исследовательская деятельность, осуществленная в рамках проекта

⁵ *Kandiyoti D. Women and Household Production: The Impact of Rural Transformation in Turkey // The Rural Middle East / Ed. by K. ve P. Glavanis. L.: Zed Books, 1989; Küresellesme A.H. Sanayide Teknolojik Modernizasyon ve Kadın İstihdamı [Globalization, Technological Modernization in Industry and Employment of Women] // Kadın Emegi ve İstihdamındaki Değişimler — Türkiye Örneği / Ed. by F. Özbay. İstanbul: T.C. Devlet Bakanlığı Kadının Statüsü ve Sorunları Genel Müdürlüğü ve İnsan Kaynagını Geliştirme Vakfı, 1998; Çiççi O. Women in the Public Sector // Women, Family and Social Change in Turkey / Ed. by F. Özbay. Bangkok: UNESCO, 1990. P. 105—119; Koray M. Çalışma Yasamında Kadın Gerçekleri [The Facts About Women in Business Life] // Amme İdaresi Dergisi. 1992. Cilt. 25. Sayı. 1.*

«Развитие условий женской занятости» [The Development of Women's Employment], предложенного турецким правительством и Главным управлением проблем и статуса женщин [T.C. Basbakanlik Kadinin Statüsü ve Sorunlari Genel Müdürlüğü] — государственными учреждениями, поддерживающими исследования в этом направлении. Вот некоторые работы из этой серии, призванные повлиять на решение проблем занятости женщин как в городских, так и в сельских районах: «Занятость женщин в сельской местности» [Kirsal Alanda Kadinin Istihdamina Katilim] (2000), «Новые производственные процессы и женская занятость» [Yeni üretim Süreçleri ve Kadin Emegi] (1999), «Социально-экономические и культурные измерения проблем женского участия в деловой жизни городов» [Kentlerde Kadinlari n Is Yasamina Katilim Sorunlari nin Sosyo-Ekonomik ve Kültürel Boyutlari] (May 2000)», «Городские женщины как работницы, готовые к труду и изменениям» [Çalışmaya Hazir Isgücü Olarak Kentli Kadin ve Degisimi] (1999).

Начиная с 1980-х годов потребление — одна из наиболее привлекательных с исследовательской точки зрения областей благодаря новой экономической политике Турции. Проведение либеральной политики привело к заметным изменениям потребительского менталитета турецкого народа. Работы Ахмета Гюнера Саяра [Sayar 1976] и Беглю Дикечлигила [Dikeçligil 1982] имеют теоретический характер. Диссертация Саяра, детально разбирающего взгляды Веблена, и статья Дикечлигила, анализирующего потребление, ознакомили представитель турецкой экономической социологии с взглядами западных социологов. Кроме того, новаторским в своей области является тезис Дикечлигила о связи между стилем жизни и доходом [Dikeçligil 1979].

Рана А. Арсланоглу [Arslanoglu 1999] использует в своей работе концепции А. Аппадурай [Arjun Appadurai], М. Фезерстоуна [Mike Featherstone] и Ж. Бодрийяра [Jean Baudrillard] для изучения времяпровождения в торговых центрах турецких метрополисов. Интерпретируя трансформацию потребления, Явуз Одабаси [Odabasi 1999] заметил, что в некотором смысле концепция «общества потребления» меняет значения в зависимости от разных уровней развития. Автор считает, что крупные торговые центры — это места, куда в большинстве своем приезжают из захолустья и сельской местности скоротать свободное время и где происходят случайные социальные контакты [encounters].

По-прежнему значимы сегодня для экономической социологии темы развития и предпринимательства. Изучив культурные основы развития, Мустафа Э. Эркал в своей работе отметил, что социальные и культурные факторы и детерминанты так же влиятельны, как и экономические [Ekral 2000]. Материалистический и экономический подходы рассматривают человека только как средство производства, изготавливающее продукты и орудия труда, что приводит к недооценке его моральных характеристик. По мнению автора, и либеральный, и марксистский подходы полны недостатков подобного рода. Модель homo

economicus нельзя применить ко всем сферам социальной жизни [Ergal 2000: 52, 3]. Бурхан Балоглу [Baloglu 1987] выявил профиль успешных предпринимателей, опросив 60 президентов советов директоров, являвшихся одновременно владельцами предприятий, названных Стамбульской промышленной палатой [Istanbul Chamber of Industry] в числе «500 лучших промышленных предприятий Турции». Автор подчеркивает значимость культурных ценностей для предприятий и хозяйственных явлений.

Среди социологов, проводивших исследования предпринимательства, следует назвать и Несе Ёзген. Ее статью 2001 г. я считаю серьезным вкладом в анализ концепции бедности [Özgen 2001]. В ней говорится, что люди, живущие за счет собирания мусора, зарабатывают больше, чем можно было бы предположить по индексам уровня жизни в городах, где проводились исследования. Однако автор находит, что эти люди, по сути, исключены из общества, будучи оторванными от городских и универсальных стилей потребления, и что они образовали собственную сеть властных отношений. Исследование Ёзген показывает, что новые структуры, привнесенные глобализацией и новой экономической политикой, приводят к возникновению новых городских классов. Ею также предложена концепция «новой городской бедности» [new urban poverty]. Еще одним интересным примером современных исследований является работа «От пуританства к гедонизму: новая трудовая этика» Вейселя Бозкурта [Bozkurt 2001], в которой утверждается, что параллельно всеобщему распространению культуры потребления в эпоху постмодерна трудовая этика резко смещается от пуританства к гедонизму. Было замечено, что студенты различных факультетов университетов, ставшие объектами исследования, находились под сильным влиянием культуры гедонизма/нарциссизма постмодернистской эпохи. В частности, гедонистские тенденции возрастали в зависимости от увеличения дохода респондентов и нарастающим отрицанием ими мнения, что «работа — самое важное в жизни». Обнаружилось, что пуританские взгляды яростно поддерживали студенты из религиозных школ.

Наконец, рассмотрим работу Фуата Эрджана «Общества и хозяйства» [Ercan 2001], раскрывающую значимость хозяйства для социальной структуры и социальной трансформации. Ее автор подчеркивает, что концепцию хозяйства невозможно определить вне исторического и что более важно, социального содержания [Там же: 179]. Находясь под влиянием Карла Поланьи, он заявляет, что мы должны принять реальность, в которой существуют различные общества и хозяйства.

Нужно заметить, что данный обзор не претендует на охват всех турецких ученых и их исследований. В его основу легли работы по экономической социологии в Турции, которые, насколько мне известно, ранее специально не обобщались. Я стремилась как можно шире охватить исторически наиболее важные, по моему убеждению, исследования ученых, представляющие самые разные точки зрения, принятые в Турции. Несколько работ представлено и в разделе о современных исследованиях. Я надеюсь, что данный обзор послужит основой для последующего обобщения всех работ по экономической социологии в Турции.

Литература

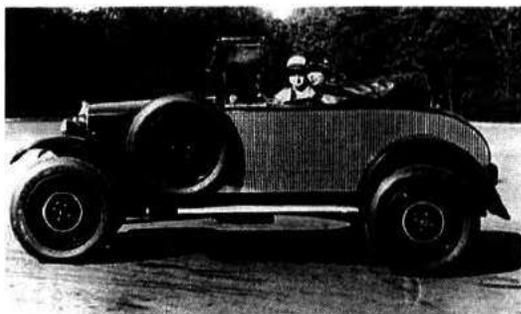
- Arslanoglu R.* Görme, Görünme ve Karsilasmanin Alani Olarak Alisveris Merkezleri [Shopping Centers as Environments of Seeing, Being Seen and Encounter] // 6. Ulusal Sosyal Bilimler Kongresi. Ankara, 1999.
- Baloglu B.* Türkiye’de Tesebbüs Faktörü ve Mütesebbisler [The Factor of Enterprise in Turkey and Entrepreneurs] // Istanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi, Yayinlanmamis Doktora Tezi. Istanbul, 1987.
- Bozkurt V.* Püritanizmden Hedonizme Yeni Çalışma Etiği [From Puritanism to Hedonism: New Ethics of Working]. Istanbul: Alfa Yayinlari, 2001.
- Dikeçligil (Eke) B.* Gelir Seviyesi ile Yasama Tarzi Arasindaki İlişki [The Relations between the Level of Income and Life Styles] // Yayinlanmamis Doktora Tezi, Istanbul Üniversitesi. Istanbul, 1979.
- Dikeçligil (Eke) B.* Tüketimin Sosyolojik Anlami [The Sociological Meaning of Consumption] // Istanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Sosyal Siyaset Konferanslari 31. Kitap. Istanbul, 1982.
- Ecevit Y.* Türkiye’de Ücretli Kadın Emeginin Toplumsal Cinsiyet Temelinde Analizi [The Analysis of the Women’s Waged Labour in Turkey in Terms of Gender Studies] // 75 Yilda Kadınlar ve Erkekler, Tarih Vakfi Bilanço Dizisi, Tarih Vakfi Yayinlari / Ed. by A.B. Hacımirzaoglu. Istanbul, 1998. P. 267–284.
- Ercan F.* Toplumlar ve Ekonomiler [Societies and Economies] // 2. Baski, Baglam Yayıncilik. Istanbul, 2001.
- Erkal M.* İktisadi Kalkinmanin Kültür Temelleri [Cultural Bases of Industrial Development] // Der Yayinlari. 5. Baski. Istanbul, 2000.
- Eröz M.* İktisat Sosyolojisine Baslangıç [Introduction to Economic Sociology]. Istanbul: Filiz Kitabevi, 1973.
- Findikoglu Z.F.* Kurulusunun XXV. Yilinda Karabük [Karabük in its 25th Anniversary of its Foundation], (1937–1962) // Türkiye Harsi ve İçtimai Arastirmalar Dernegi Yayini, Fakülteler Matbaasi. Istanbul, 1962.
- Findikoglu Z.F.* Sosyalizm [Socialism] // Istanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Yayinlari, Fakülteler Matbaasi. Istanbul, 1965.

- Findikoglu Z.F.* Dogu Kalkinmasi ve Erzurum Sehirlesmesi Ile Ilgili Sosyolojik Meseleler [The Development of the Eastern Regions and the Urbanization of Erzurum] // Fakülteler Matbaasi. Istanbul, 1970.
- Findikoglu Z.F.* Karl Marks ve Sistemi [Karl Marx and His System]. Istanbul, Ötüken Yayınevi, 1976.
- Gökalp Z.* Türkçülüğün Esasları [The Bases of Turkism]. Istanbul, 1972.
- Izzet M.* İçtimaiyat [Sociology]. 3. Basım. Istanbul: Devlet Matbaasi, 1929.
- Kiray M.B.* Eregli: Agir Sanayiden Önce Bir Sahil Kasabasi [Eregli: A Seaside Town before the Heavy Industrialization]. Ankara: DPT, 1964.
- Kongar E.* İmparatorluktan Günümüze Türkiye'nin Sosyal Yapisi [Social Structure in Turkey from the Age of Empire to the Present]. 3. Basım. Istanbul: Bilgi Yayınevi, 1979.
- Kurtkan A.* Türkiye'de Küçük Sanayiın İktisadi Ehemmiyeti [The Significance of Small-Scale Industry in Turkey] // Istanbul Üniversitesi, İktisat Fakültesi İktisat Müze ve Arsivi Nesriyatı: 1. Istanbul, 1962.
- Kurtkan A.* Ziya Gökalp ve İktisat Sosyolojisi [Ziya Gökalp and Economic Sociology] // Sosyoloji Konferansları. 5. Kitap. Istanbul Üniversitesi, İktisat Fakültesi İktisat ve İçtimaiyat Enstitüsü. 1965.
- Odabasi Y.* Tüketim Kültürü [Consumption Culture]. Istanbul: Sistem Yayıncılık, 1999.
- Özgen N.* Kentte Yeni Yoksulluk ve Çöp İnsanları [New Urban Poverty and the Scavengers (street waste pickers)] // Toplum ve Bilim. S. 89. Yaz, Birikim Yayınları, Istanbul. 2001. S. 88–101.
- Sabahattin P.* Türkiye Nasıl Kurtarılabilir? [How can Turkey be Saved]. Istanbul, 1913.
- Sabahattin P.* Tesebbüs-ü Sahsi ve Adem-i Merkezîyet Hakkında Bir İkinci İzah [A Second Statement on Personal Enterprise and Central Administration]. Istanbul, 1908.
- Sayar A.G.* Veblen ve Göstermelik Tüketim [Veblen and Conspicuous Consumption] // Yayınlanmamış Doktora Tezi, Istanbul Üniversitesi. Istanbul, 1976.
- Tökin I.H.* Türkiye Köy İktisadiyatı [Village Economics in Turkey]. 2. Baskı. Istanbul, İletişim Yayınları, 1990.
- Tütengil C.O.* Az Gelismenin Sosyolojisi [Sociology of Being Underdeveloped] // Istanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi. Istanbul, 1970.
- Türkdogan O.* Sanayi Sosyolojisi: Türkiye'nin Sanayileşmesi [Industrial Sociology: Industrialization of Turkey]. Ankara: Töre Devlet Yayınevi, 1981.
- Ülgener S.F.* İktisadi Çözülmenin Ahlak ve Zihniyet Dünyası [The World of Ethics and Mentality for Economic Collapse]. Istanbul: Der Yayınları, 1981a.
- Ülgener S.F.* Zihniyet ve Din, İslam, Tasavvuf ve Çözülme Devri İktisadi Ahlakı [Mentality and Religion, İslam, Sufism and Collapse Era Economic Ethics]. Istanbul: Der Yayınları, 1981b.
- Ülken H.Z.* Ziya Gökalp. Istanbul: Kanaat Kitabevi, 1939.

Йохан Хайлброн

Центр экономического и социологического образования
и исследований Лиллуа

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ВО ФРАНЦИИ¹

Peugeot 190.
Год выпуска — 1929

До недавнего времени экономическая социология не существовала в качестве отдельной дисциплины в рамках французской социальной науки... Только после выхода в свет «Хрестоматии по экономической социологии» под редакцией Н. Смелсера и Р. Сведберга (1994) предметное поле и перспективы экономической социологии были ясно очерчены. С той поры она стала самостоятельным предметом обсуждения и во Франции.

До недавнего времени экономическая социология не существовала в качестве отдельной дисциплины в рамках французской социальной науки. В 1980-е годы в социальных науках появлялись различные подходы к анализу хозяйства, однако ни один из них не называл себя экономической социологией. Регулятивная школа [regulation school] возникла как неортодоксальный макроподход, сформированный самыми разными течениями — от неомарксизма до структурной истории школы «Анналов». Экономика конвенций [economics of conventions] применяет интерпретативный микроподход, фокусируясь на экономических акторах и контексте их ситуативно определенного взаимодействия [situated interaction]. Журнал «Revue du MAUSS» (1983)² выступил в качестве междисциплинарной платформы для «антиутилитаристских» течений.

Американская экономическая социология проникла во Францию, главным образом, посредством

¹ **Источник:** Heilbron J. Economic Sociology in France // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2000. Vol. 1. No. 1. October. P. 4—9. <http://econsoc.mpifg.de/>. Пер. с англ. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев.

² Revue du Mouvement Anti-Utilitariste dans les Sciences Sociales. — *Прим. перев.*

этих различных течений. Тем самым она попадает на почву, в значительной степени отличающуюся от американской. Хотя некоторые американские экономосоциологи, в том числе и Марк Грановеттер, участвовали во французских конференциях и семинарах, обсуждение их идей происходило в контексте, в котором «экономическая социология» не обозначалась как особая область знания и исследований.

Только после выхода в свет «Хрестоматии по экономической социологии» под редакцией Н. Смелсера и Р. Сведберга (1994)³ предметное поле и перспективы экономической социологии были ясно очерчены. С той поры она стала самостоятельным предметом обсуждения и во Франции. Факт выпуска в 1997 г. основными социологическими журналами специальных номеров, посвященных проблемам экономической социологии, наглядно демонстрирует растущий интерес к этой области знания⁴.

Ниже я вкратце охарактеризую четыре основных направления, по которым ведется работа в последнее время. С учетом стремительного расширения области интересов исследователей и краткости данного обзора следует учитывать, что здесь представлена лишь часть крупного массива проводимых исследований.

Структурная динамика экономического поля

Первое направление возникло в недрах сети, сформировавшейся вокруг журнала Пьера Бурдьё «Исследования в социальных науках» [Actes de la recherche en sciences sociales (ARSS)]. Как известно, сам Бурдьё давно интересуется социологией и этнографией хозяйственных практик. В частности, в его ранней работе об Алжире рассматривалось расхождение между диспозициями алжирских субпролетариев и запросами капиталистического рынка. Идея Бурдьё о том, что функционирование полей требует специфических диспозиций задействованных на них акторов, по-прежнему остается одной из основополагающих характеристик экономической социологии, представленной в ARSS.

С самого начала в ARSS было опубликовано довольно много статей по экономической социологии, хотя последняя и не была выделена в качестве особой области социального знания. Тематические выпуски журнала были посвящены следующим темам: «Патронат» [1978. No. 20], «Социальный капитал» (1980. No. 31), «Социальное конструирование хозяйства» [1986. No. 65], «Экономика домохозяйства» [1990. No. 80–81], «Экономика и мораль» [1992. No. 94] и, наконец, «Экономика и экономисты» [1997. No. 119]. Одни работы вызвали интерес и за пределами Франции (например, статьи о французской экономической элите и социальном капитале), другие прошли практически незамеченными.

³ Smelser N.J., Swedberg R. (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton, NJ: Princeton University Press; N.Y.: Russell Sage Foundation, 1994.

⁴ См.: Actes de la recherche en sciences sociales. 1997. Vol. 119; Revue française de sociologie. 1997. No. 3; Cahiers internationaux de sociologie. 1997. Vol. 102.

Бурдьё к экономической социологии. В проекте подробно анализируются устройство и функционирование этого сложного рынка. Исходная посылка Бурдьё состоит в том, что покупка дома является одновременно и экономическими, и символическими инвестициями. Она предполагает не только экономические трансакции, но и влечет за собой вложение эмоций — тех, что связаны с семьей и, чаще всего, с биологическим и социальным воспроизводством. Эта специфическая характеристика придает рынку жилья особую структуру, находящую отражение, например, в том, как современные фирмы, действующие в этой сфере, рекламируют свою продукцию, апеллируя к традиционным ценностям. В серии статей последовательно рассматриваются различные аспекты данного рынка: размер, структура и стратегии главных и второстепенных фирм; реальные интеракции между продавцами и покупателями; послевоенная эволюция спроса на жилье и его детерминанты; изменение жилищной политики, проводимой государственными агентствами.

Более поздним примером данного направления исследований является выполненный П. Бурдьё анализ французской издательской деятельности. Здесь мы вновь сталкиваемся с рынком товаров, представляющих собой объект как экономических, так и символических инвестиций. Проанализировав деятельность 61 издательского дома методом множественной корреляции, Бурдьё и его соавторы выявили различные критерии, структурирующие издательское поле во Франции. Первый критерий показывает противостояние старых крупных фирм, уже накопивших все виды капитала (яркий пример — издательство «Gallimard»), и мелких, недавно возникших фирм, не располагающих практически никакими ресурсами. У мелких фирм порою нет ничего, кроме некоторого объема символического капитала в форме признания со стороны писателей-авангардистов, критиков, просвещенных владельцев книжных лавок и информированных читателей. По второму критерию проходит дифференциация издателей в зависимости от структуры их капитала, т.е. относительного веса их финансового и символического капитала. Третий критерий делит издателей на тех, кто публикует небольшое количество переводов (причем обычно с малораспространенных языков), и тех, кто публикует много переводов, прежде всего с английского языка.

В теоретической статье об «экономическом поле» Бурдьё весьма последовательно излагает свою позицию [Bourdieu 1997]. То, что он называет экономическим полем, возникает в результате процесса исторической дифференциации, позволившей экономике функционировать согласно особым законам («бизнес есть бизнес»). Этот особый социальный мир рассматривается, во-первых, как силовое поле действующих акторов. Отношения между этими акторами

(как правило, фирмами) основаны на объеме и составе их капитала. Таким образом, понятие поля здесь отлично от его интеракционистской трактовки, свойственной и теории игр, и сетевому анализу. Во-вторых, экономическое поле определяется как поле борьбы, как противостояние между властью имущими и теми, кто нацелен на изменения. Здесь Бурдьё затрагивает ряд вопросов, касающихся условий и стратегий изменений (и в частности, роли технологического капитала). Конкурирующие акторы или агенты — отнюдь не гомогенные образования: фирмы и прочие институты сами являются полями, на которых соперничают разные группы. Таким образом, во избежание механистической интерпретации динамики полей Бурдьё развивает свои рассуждения дальше и в последней части работы вводит понятие «экономического габитуса», призванного заменить понятие *homo economicus*, которое, по его мнению, слишком схоластично.

Выступая как «социализованная субъективность» [socialised subjectivity], габитус определяет пути, по которым происходят формирование и реализация экономических и прочих интересов. Помимо этой общей модели и ее приложений, стоит также упомянуть еще одно особое направление работы Бурдьё, ибо здесь были получены интересные результаты, не имеющие аналогов в американской экономической социологии. В функционировании полей стратегически важную роль зачастую играют интеллектуалы-эксперты, особенно если они действуют во имя науки и рациональности. Таким образом, социология экономической экспертизы и экономической теории становится неотъемлемой частью экономической социологии. Это рефлексивное направление в американской экономической социологии и в самом деле отсутствует. «Хрестоматия по экономической социологии» 1994 г. была бы более полной, будь в ней раздел, посвященный социологии экономической экспертизы и экономической теории. Много в этой области было сделано членами коллектива под руководством Бурдьё. Ив Дезале и Бриан Гарт исследовали генезис так называемого вашингтонского консенсуса — неolibеральной модели экономической политики, пришедшей на смену кейнсианской модели [Dezalay, Garth 1998]. Фредерик Лебарон также опубликовал работу, посвященную социальному конструированию «экономической нейтральности»; в ее основе лежало исследование Совета по денежному обращению Французского центрального банка [Lebaron 1997a]. Лебарон исследовал также поле экономической теории и выполнил впечатляющий анализ противостояния, наблюдавшегося между ведущими французскими экономистами [Lebaron 1997b].

Внимание к когнитивной стороне экономической практики свойственно также и другим французским исследовательским группам. Направление работы одной из них связано с этнографическим и антропологическим подходами, другой — с историей и социологией экономической мысли.

В 1996 г. специальный выпуск журнала «Истоки» («Genèses»), публикующего материалы в области исторически ориентированной социальной науки, был посвящен «экономической этнографии». Различные статьи, собранные и отредактированные Флоранс Вебер [Florence Weber], объединяет тщательность предложенных в них описаний и наблюдений. Особое внимание уделяется категориям, используемым для описания и классификации экономических практик; как правило, этот подход естественно сочетается в них с исторической перспективой анализа. Статья Ф. Вебер о домашнем хозяйстве начинается с критического анализа статистических опросов, а затем предлагает альтернативную схему анализа. Статья содержит, помимо прочего, оригинальные рассуждения по поводу значимости «персональных отношений». Эрве Шарде [Hervé Sciardet] анализирует транзакции на блошиных рынках. Мари-Франс Гарсиа исследует то, как результаты научных исследований воздействуют на хозяйство, упрочивая или дискредитируя те или иные практики. Эта работа является продолжением опубликованной ею ранее оригинальной статьи о трансформации рынка клубники в провинции Солонь [Garcia 1986]. В этой новаторской статье она описывает все виды инвестиций, потребовавшиеся для конструирования нового типа рынка. И не случайно этот рынок был так близок к модели «чистого рынка», описываемой в учебниках по экономической теории. Молодой консультант из Палаты сельского хозяйства, по сути, смоделировала реальность, опираясь на свои познания, полученные ею в ходе обучения в качестве экономиста.

Мишель Каллон недавно опубликовал свои комментарии к статье Гарсиа в сборнике, посвященном когнитивным основам хозяйства [cognitive framing of the economy] [Callon 1998]. Занимавшийся прежде антропологией науки, Каллон пишет о том, что экономическая теория не столько наблюдает и объясняет экономику, сколько «придает ей форму, определяет и направляет ее». Экономика «укоренена не столько в обществе, сколько в экономической теории». Экономическая теория при этом понимается в самом широком смысле и включает все знания и все практики, относящиеся, допустим, к бухгалтерскому учету или маркетингу. По мнению Каллона, социологии следует остерегаться двух ловушек: достраивания образа homo economicus и разочарования в рынке. «Мы ожидаем от социологии не просто построения более сложной модели homo economicus, а осознания ее упрощенности и скудости данной модели». Homo economicus — это не выдумка; он действительно существует. И задача исследователя — понять, каким образом экономическая теория оснащает калькулирующие структуры, позволяя им осуществлять свои расчеты. Цель антропологии рынков заключена в исследовании «разнообразия форм и распределения калькулирующих структур, а на основе этого — и организованных рынков» [Callon 1998: 51].

Совершенно иначе к вопросу о роли экономического знания подходит Филипп Штайнер [Philippe Steiner]. Получив образование в области и экономики, и социологии, Штайнер опубликовал много работ по истории экономической мысли. В некоторых из них он придерживается социологического подхода. Например, его «Социология экономического сознания» [Steiner 1998], по сути, является интерпретацией в веберовском духе экономического знания в период становления классической политэкономии (1750—1850 гг.). Штайнер рассматривает различные формы экономического знания того времени с точки зрения его рационализации. Следуя веберовской социологии права и религии, он проводит различие прежде всего между формальной и материальной рационализацией.

Формальная рациональность экономической теории не только по-разному толкуется разными экономистами. Зачастую она также противоречит другим формам рациональности, в такой же степени влияющим на понимание хозяйственных процессов. Штайнер также более непосредственно связан с экономической социологией и в настоящее время координирует деятельность небольшой французской сети экономосоциологов. У него есть работа, посвященная экономической социологии как интеллектуальной традиции [Steiner 1995]; в соавторстве с Жаном-Жаком Жисленом [Jean-Jacques Gislain] он написал книгу об экономической социологии в период 1880—1920 гг. [Gislain, Steiner 1995].

Опираясь на ряд основополагающих проблем экономической теории, Штайнер и Жислен анализируют ответы ведущих экономосоциологов на вопросы, которые не могла решить чистая экономическая теория. Книга структурирована по этим темам и рассматривает работы В. Парето, Т. Веблена, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ф. Симиана и Й. Шумпетера. Последняя работа Штайнера, учебник по экономической социологии, — первая работа такого рода на французском языке (вышла в серии учебников «Repères» издательства «La Découverte») [Steiner 1999].

Финансы и социальное исключение

Это еще одна область экономической социологии. Группа ученых из Центра им. Огюста и Лиона Вальраса университета Лион-2 провела значительное количество исследований в этой области, прежде всего, изучая сберегательное поведение и системы микрофинансов. Первоначально сфокусированные на проблемах стран третьего мира исследования были расширены до групп иммигрантов в Европе, а после 1994 г. сосредоточились на финансовых практиках вне пределов обычной банковской и финансовой системы.

В эмпирической работе здесь постоянно ставятся два типа вопросов: какой образ денег, сбережений и финансов формируется в изучае-

мой группе и какого рода финансовые и прочие устройства могли бы предотвратить ее социальное исключение?

Один из последних проектов, «Евро сегодня» (1998 г.), посвящен анализу трудностей, которые могут возникнуть с введением евро в различных социальных группах — пожилых, бедных, неграмотных. Эти социальные и психологические препятствия анализируются в книге Жана-Мишеля Серве [Jean-Michel Servet], нынешнего директора Центра Вальрас. Книга вышла в серии «Sociologie économique» (издательство «Desclée de Brouwer»), где также изданы работы Ричарда Сведберга, Уильяма Джулиуса Уилсона [William Julius Wilson] и Жана-Луи Лавилля [Jean-Louis Laville] (последний к тому же является главным редактором серии).

Другой недавний проект — коллективное исследование локальных систем торгового обмена [local exchange trading systems; LETS — по-английски и SEL — по-французски]⁵. Первоначально возникнув в Канаде в 1970-е годы, эти ассоциации появились в 1980-е годы и во Франции, получив стремительное распространение в последние годы. Несмотря на свое огромное разнообразие, все LETS характеризуются отвержением власти денег и «возвращением экономики гражданскому обществу» [civic re-appropriation of the economy]. Поскольку у них есть собственная валюта, экономика, с которой они в итоге имеют дело, оказывается между реципрокными отношениями обмена дарами и рыночной системой. В книге под редакцией Ж.-М. Серве «Экономика без денег» [Servet 1999] детально описывается история этого движения, анализируются нынешнее функционирование ассоциаций и их вариации, а также обсуждаются перспективы их развития.

⁵ В локальной системе торгового обмена члены сообщества договариваются о взаимном оказании услуг и предоставлении разного рода продуктов («от каждого по способности...»). Несколько человек при этом выполняют административные функции фиксирования транзакций и распространения информации обо всех товарах и услугах, предлагающихся членами сообщества. — *Прим. перев.*

Литература

- Bourdieu P.* Une révolution conservatrice dans l'édition // Actes de la recherche en sciences sociales. 1999. No. 126–127. P. 3–28.
- Bourdieu P.* Le champ économique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1997. No. 119. P. 48–66.
- Bourdieu P. et al.* L'économie de la maison // Actes de la recherche en sciences sociales. 1990. No. 81–82. P. 2–96.
- Callon M.* (ed.). The Laws of the Market. Oxford: Basil Blackwell, 1990.
- Dezalay Y., Garth B.* Le «Washington consensus»: contribution à une sociologie de l'hégémonie de néolibéralisme // Actes de la recherche en sciences sociales. 1998. No. 121–122. P. 3–22.
- Garcia M.-F.* La construction sociale d'un marché parfait: le marché au cadran de Fontaines-en-Sologne // Actes de la recherche en sciences sociales. 1986. No. 65. P. 2–13.
- Gislain J.-J., Steiner P.* La sociologie économique 1890–1920. Paris: Presses Universitaires de France, 1995.
- Lebaron F.* Les fondements sociaux de la neutralité économique: le conseil de la politique monétaire de la Banque de France // Actes de la recherche en sciences sociales. 1997a. No. 116–117. P. 69–90.
- Lebaron F.* La dénégation du pouvoir: le champ des économistes français au milieu des années 1990 // Actes de la recherche en sciences sociales. 1997b. No. 119. P. 3–26.
- Servet J.-M.* L'euro au quotidien. Paris: Desclée de Brouwer, 1998.
- Servet J.-M.* (ed.). Une économie sans argent: les systèmes d'échange local. Paris: Seuil, 1999.
- Steiner P.* Economic Sociology: A Historical Perspective // The European Journal of the History of Economic Thought. 1995. Vol. 2. No. 1. P. 175–195.
- Steiner P.* Sociologie de la connaissance économique: essai sur les rationalisations de la connaissance économique (1750–1850). Paris: Presses Universitaires de France, 1998.
- Steiner P.* La sociologie économique. Paris: La Découverte, 1999.
- Weber F.* (ed.). Ethnographie économique // Genèses: sciences sociales et histoire. 1996. No. 25 (with contributions by F. Weber, H. Sciardet, M.-F. Garcia, L. Sigaud).

Майкл Ноллерт

Университет Цюриха, Институт социологии

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ШВЕЙЦАРИИ¹

Turicum.

Год выпуска — 1908

Уже в конце XIX в. весомое место в исследованиях и преподавании в швейцарских университетах занимали размышления по поводу отношений между хозяйством и обществом.

¹ **Источник:** *Nollert M. Economic Sociology in Europe: Switzerland // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2002. Vol. 3. No. 3. June. P. 53—60. <http://econsoc.mpifg.de/>. Пер. с англ. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев.*

² Вследствие лингвистического и конфессионального разнообразия в стране, а также в силу федералистского характера академической системы, швейцарской традиции социологической теории и исследований как таковой, в сущности, нет [см.: Levy 1989; Zücher 1995]. Швейцарские социологи ссылаются, скорее, на своих коллег, говорящих с ними на одном языке (на севере страны — на немцев, на западе — на французов), чем на соотечественников, говорящих на другом языке.

³ Автор хотел бы поблагодарить Томаса Эберле [Thomas Eberle], Рене Леви [René Levy], Ули Мейдера [Ueli Mäder], Шанталь Маньен [Chantal Magnin], Андреаса Пфойфера

Окидывая историю швейцарской социологии² даже беглым взглядом, мы можем заметить, что уже в конце XIX в. весомое место в исследованиях и преподавании в швейцарских университетах занимали размышления по поводу отношений между хозяйством и обществом. Поэтому в первом разделе данной работы рассматриваются исторические корни современной экономической социологии. Во втором разделе описываются попытки возродить и институционализировать данное направление социологии в швейцарских университетах после Второй мировой войны. А в третьем разделе предлагается краткий обзор текущих исследовательских проектов³. Конечно, список авторов и проектов, упомянутых здесь, не является ни репрезентативным, ни полным.

Без сомнения, наиболее заметной фигурой, занимавшейся внедрением экономической социологии в преподавание и исследования в университетах в Швейцарии, был Вильфредо Парето (1848—1923 гг.). Хотя в 1893 г. Парето был назначен в университет Лозанны преподавать экономическую теорию, он активно выступал за то, чтобы социология была признана в качестве равноправной дисциплины в рамках социальных наук [см. также: Pareto 1986]. Другой, менее известной, фигурой, способствовавшей продвижению экономической социологии был Луи Варен [Louis Wuarin], преподававший социологию, социальную экономику и исследования политических систем в Женевском университете с 1890 по 1921 г. Идея о том, что исследования хозяйства более не должны являться монополией экономической теории, в конце XIX столетия высказывалась не только в Женеве, но и во Фрибурге. Однако в отличие от Женевы эта точка зрения поддерживалась здесь не либеральной буржуазией, а сторонниками католической социальной теории. С учетом этого, быть может, не удивительно, что Каспар Декуртен [Kaspar Decurtins], лидер католического рабочего движения в Швейцарии, соавтор папской энциклики «*Regum Novarum*» (1884—1891 гг.), человек, отвечавший за набор лекторов в основанный в 1889 г. католический университет, назначил отца Альберта Марию Вайса [Albert Maria Weiss] профессором экономической и социальной теории.

В Берне и Базеле, как и в Лозанне, ранние исследования в области экономической социологии проводились преимущественно экономистами. Среди них — украинец Наум Райхенберг (1867—1928 гг.). В 1898 г. он получил в столице должность профессора и поддержал развитие публичной статистики и международного права для защиты рабочих. Ханс Ричл [Hans Ritschl], последователь Роберта Михельса (1876—1936 гг.) — преподаватель экономической теории и статистики в 1914—1928 гг., — весьма активно занимался этим в Базеле. В основе его курса по экономической теории и социологии лежала социология финансов. В Базеле преподавал и Эдгар Сален [Edgar Salin] (1892—1974 гг.), экономист-неоисторик, научный руководитель Толкотта Парсонса (в период написания им докторской диссертации). В международном сообществе он известен как первый редактор междисциплинарного журнала «*Kyklos*»⁴ (издается с 1948 г.) и сторонник идеи о том, что экономической теории следует принимать во внимание структурный и культурный контексты экономического действия [Salin 1967 (1923)].

Среди работавших в Цюрихском университете в то время ученых можно выделить Йозефа Гольдштейна [Josef Goldstein]. В 1889 г. Гольдштейн получил *venia legendi* — право преподавать в университе-

[Andreas Pfeuffer], Алекса Зальвисбергера [Alex Salvisberg], Кристиана Зутера [Christian Suter] и Патрика Цильтенера [Patrick Ziltener] за предоставленную ими информацию.

⁴ «*Kyklos: International Review for Social Sciences*». <http://www.kyklos-review.ch/kyklos/>. — Прим. перев.

те статистику и экономическую политику. Он известен своей работой «Структура профессий и богатство» [*Berufsgliederung und Reichtum*], а также исследованиями населения и структуры профессий во Франции, которые подробно обсуждались в журнале «*Année Sociologique*». Помимо курса «Моральной, социальной и экономической статистики», он также читал курсы «Закономерности в социальной жизни» [*Gesetzmässigkeiten in Gesellschaft*] зимой 1899/1900 г. и «Взаимосвязи хозяйства и технологии» [*Zusammenhänge von Wirtschaft und Technik*] зимой 1904—1905 г. Его карьера резко оборвалась, когда некий Эдуард Зульцер-Циглер (1854—1913 г.), социальный дарвинист, член Национальной Ассамблеи и владелец фабрики, после очередного посещения своей фабрики [студентами Гольдштейна] пожаловался в органы образовательного надзора, что Гольдштейн разрушает «авторитет предприятия» и что большинство участников экскурсии — русские девушки-студентки.

В период между Первой и Второй мировыми войнами швейцарская экономическая социология, как и социология в целом, переживала трудные времена. Несомненным символическим свидетельством ее упадка было присуждение в университете Лозанны в 1937 г. почетной докторской степени Бенито Муссолини, названному в хвалебной речи в его честь «создателем и реализатором оригинальной социологической концепции» [см.: *Zürcher* 1995: 163]. Инициатором этого акта был Паскаль Бонинсени, последователь Парето, отвечавший с 1926 г. за преподавание политической экономии и социологии. Антидемократический и антисоциологический дух 1930-х годов закрепился и во Фрибурге, где в 1933 г. Якоб Лоренц (1883—1946 г.), известный антисоциалист, антилиберал и скрытый сторонник швейцарского корпоратизма, был назначен заведующим кафедрой экономической теории и социологии.

Попытки возрождения после окончания Второй мировой войны

Сразу после окончания Второй мировой войны важный вклад в развитие экономической социологии внесли Морис Эраар [*Maurice Erard*] (университет Нойшателя) и Рихард Ф. Берендт [*Richard F. Behrendt*] (Бернский университет). Экономист Эраар был первым заведующим кафедрой социологии в Нойшателе (с 1954 по 1986 г.). Рьяный сторонник «плюрализма в социологии», начиная с 1948 г. он преподавал не только общую социологию, но и историю экономической теории, статистику и эконометрику. В его наиболее важном исследовании рассматривается деятельность предприятия, а также женская занятость и классовая структура [Erard 1960]. Берендт, руководивший кафедрой в Берне с 1953 по 1965 г., как и Эраар, по образованию экономист. Его исследовательские и преподавательские интересы были свя-

заны преимущественно со взаимодействием экономических и социокультурных факторов в процессах развития [Behrendt 1965]. Хотя, в отличие от Эрара, Берендт был назначен на должность экономиста, а не социолога, он активно участвовал в создании Института социологии и социально-экономических проблем [Institut für Soziologie und sozioökonomische Fragestellungen] в Бернском университете (учрежден в 1960 г.).

В том же году, когда Берендт уехал из Швейцарии в Берлин (тем самым ослабив позиции экономической социологии в Бернском институте социологии), преемником Салена в университете Базеля был назначен экономист Карл Вильям Капп [Karl William Kapp] (который занимал эту должность до 1976 г.). Капп известен своей новаторской социоэкологической работой «Социальные издержки частного предприятия» [Kapp 1950]. Несмотря на отъезд Берендта, социология развития все же была на подъеме — во многом благодаря Петеру Хайнцу [Peter Heintz], который был назначен заведующим кафедрой социологии в Цюрихском университете и исследовательские интересы которого включали, помимо прочего, сравнительный анализ стратификационных моделей в рамках мирового хозяйства [Heintz 1969; Heintz, Heintz 1974]. В конце 1960-х годов экономическая социология заняла важное место и в университетах Базеля и Сент-Галлена. Так, в 1968 г. в Академии торговли в университете Сент-Галлена под руководством Андреаса Миллера [Andreas Miller] был основан социологический семинар, а «экономическая социология» утвердилась в качестве основной дисциплины (вплоть до 1991 г.). В 1969 г. в университет Базеля пришел Пауль Траппе [Paul Trappe]. Как бывший член исследовательского коллектива Берендта, он интересовался вопросами развития в целом [Trappe 1984], и особенно сельской социологией и кооперативами [Trappe 1966].

Активное развитие экономической социологии продолжалось и в 1980-е годы. В 1982 г. на место Эрара был назначен Франсуа Энар [François Hainard], который продолжил его традицию экономической социологии, обратившись к исследованию культурных аспектов хозяйства и проблем миграции [Hainard 1981]. Однако основным местом, где развивалась экономическая социология в 1980-е годы, стал основанный Хайнцем Социологический институт в Цюрихском университете. Уже в 1970-е годы коллеги Хайнца опубликовали результаты различных исследований в области экономической социологии [см., например: Borschier 1976; Höpflinger 1977]. В частности, внимание международного сообщества привлекла работа Фолькера Борншира и особенно его сравнительный анализ последствий деятельности транснациональных фирм на распределение доходов и экономический рост на периферии мирового хозяйства [Borschier, Chase-Dunn 1985]. В 1980-е годы он занимался также исследованием социальной стратификации в Швейцарии и длинными волнами в развитии западных индустриальных обществ [Borschier 1998 (1988)]. В 1990-е годы он об-

ратились к изучению процессов европейской интеграции [Bornschieer 2000a], а также последствий роста, вызванного интеграцией Европы и действием коллективного социального капитала [Bornschieer 2000b]. Укреплению позиций экономической социологии в Цюрихе способствовала преподавательская деятельность Борншира, проекты Фонда всемирного общества [World Society Foundation], финансируемые Хайнцем (умер в 1983 г.). В исследованиях его коллег рассматривались, помимо прочего, экономические кризисы в Мексике [Stamm 1992], циклы задолженности в мировой системе [Suter 1992], неокорпоратизм, индустриальные отношения и группы интересов в Европейском союзе [Nollert 1992/1997], изменения в процессе европейской интеграции [Ziltener 1999] и стратегии развития в Малайзии [Trezzini 2001]. Двое сотрудников Борншира, Ханс Гезер [Hans Geser] и Марлиз Бучман [Marlis Buchmann] (профессор Швейцарского федерального института технологий [ETH] с 1990 г., профессор Цюрихского университета с 1994 г.) вместе со своими коллегами занимались исследованием социологических аспектов хозяйства [см., например: Fluder et al. 1991; Buchmann et al. 1999].

Когда в 1990 г. в Бернский университет пришли работать Клаудиа Хонеггер [Claudia Honegger] и Андреас Дикман [Andreas Diekmann], в нем опять начали проводиться исследования в области экономической социологии. Прежде всего следует отметить, что Хоннегер предпочитает главным образом качественные методы, в то время как Дикман — сторонник количественных методов. Стоит упомянуть исследования Дикмана (проведенные вместе с Йозефом Брюделе и Генриеттой Энгельхарт [Diekmann, Brüdele, Engelhart 1993]), посвященные гендерной дискриминации в области доходов; проект 1998 г. «Обследование швейцарского рынка труда»; а также издание швейцарской версии работы Пьера Бурдьё «Нищета мира» [La misère du monde] [Honegger, Rychner 1998].

После того как в 1991 г. Миллер оставил университет Сент-Галлена, экономическая социология как основной предмет в рамках экономической теории была заменена общим, нефакультетским курсом «Менеджмент социальных процессов». Тем не менее с конца 1980-х годов в рамках социологического семинара под руководством Петера Гросса [Peter Gross] осуществлялось много проектов в области экономической социологии. Среди них стоит упомянуть следующие исследования: компьютеризации малого бизнеса, влияния самозанятых на процессы структурных хозяйственных изменений, апатии наемных работников, политики фирм в отношении пожилых работников, компьютеризации менеджмента, а также этнографические исследования работы японских менеджеров в Швейцарии и валютных дилеров. Интересная работа была выполнена Эмилем Вальтером Бушем [Emil Walter Busch] из Института труда и трудового права (кафедра бизнес-управления).

Без сомнения, особого внимания заслуживают работы Рене Леви [René Levy] (университет Лозанны), посвященные исследованию со-

циальной стратегической, Франсуа-Ксавье Мерьена [François-Xavier Merrien] (университет Лозанны) о проблемах рынков труда и нового государственного управления [new public management], Ива Флюкигера [Yves Flückiger] (экономиста из Женевского университета) по вопросам неравенства доходов, проблемам экономической интеграции и новых форм занятости, Жана Циглера [Jean Ziegler] (профессор Женевского университета с 1972 г.) о голоде в странах третьего мира, Пьера Вайса [Pierre Weiss] (Женевский университет) о занятости и труде, а также исследования бедности Ули Мейдера [Ueli Mäder] (в университете Базеля с 1991 г.). Наконец, следует отметить работу Кристиана Зутера [Christian Suter] (с 1997 г. он работает в ЕТН). Помимо прочих вопросов, он рассматривает связи между глобализацией и изменениями [политических] режимов в Латинской Америке, условия жизни матерей-одиночек и перераспределительные эффекты государства благосостояния. Наконец, хотелось бы подчеркнуть, что с 1998 г. в университете Нойшателя две кафедры называются «Общая и экономическая социология».

Основное направление нынешних исследований

Неудивительно, что в рамках нынешней исследовательской деятельности в университетах⁵ наибольшее внимание обращают на себя рынок труда и проблемы развития. Особенно важны социологические исследования рынка труда в Берне и Цюрихе. Дикман (вместе с Беном Йаном [Ben Jann]) в настоящее время проводит исследование «Будущее трудовой жизни», анализируя объективное положение работающего населения на рынке труда и субъективные оценки людьми своего труда. Кроме того, готовится новая волна исследования «Трудовые ориентации», выполненного в 1997 г. в качестве модуля Международной программы социальных обследований [ISSP]⁶. Рут Мейер Швайцер [Ruth Meyer Scheizer] (коллега Дикмана) отвечает за проведение долгосрочных исследований в рамках проекта «Univox», посвященных основным установкам в отношении работы, трудовых ценностей и восприятия собственной трудовой ситуации. Также в Берне Хоннегер вместе с Шанталь Маньен проводит социологическое исследование страхования от безработицы в Швейцарии — подобная практика принята в региональных центрах занятости. В Цюрихе социологическими аспектами труда занимаются, главным образом, на кафедрах под руководством Гезера и Бучман. Вместе со своими коллегами (например, Урсом Мёли [Urs Meuli]) в сотрудничестве с Швейцарским институтом исследований бизнес-циклов [Swiss Institute for Business Cycle Research (KOF/ETH)] Гезер проводит исследование швейцарских

⁵ Исследовательские институты, существующие не при университетах, едва ли вообще занимаются изучением социологических аспектов хозяйственных явлений. Достойное исключение — основанная в 1991 г. Швейцарская академия развития в Бьель-Бьене [Swiss Academy of Development in Bienne] [см.: <http://www.sad.ch>].

⁶ Отметим, что данные модулей этого обследования хранятся в Едином архиве социологических данных (Независимый институт социальной политики). Доступ к данным — свободный. Подробнее см.: <http://www.soc-pol.ru>. — Прим. перев.

компаний, работающих в промышленности, торговле и сфере услуг. Текущие исследовательские проекты Бучман в Швейцарском федеральном институте технологий нацелены на изучение: изменений трудовых и профессиональных квалификаций (проводится вместе со Стефаном Сакши [Stefan Sacchi]), профессиональной карьеры и карьеры в области образования и занятости (вместе с Сакши, Иреной Криси [Irene Kriesi] и Андреа Пфайфером [Andrea Pfeifer]), труда и идентичности (вместе с Александром Зальвисбергом [Alexander Salvisberg]); важности новых информационных и коммуникационных технологий (вместе с Зальвисбергом). Труд занимает важное место в исследованиях работающих бедных [working poor] Оливье Штайнера [Olivier Steiner] (университет Базеля), Ули Мейдера и Штефана Кутцнера [Stefan Kutzner] (оба из университета Фрибурга); в проекте Жана-Мишеля Бонвена [Jean-Michel Bonvin] (университет Фрибурга), посвященном вопросам политики занятости в Европейском союзе; в качественном анализе установок «белых воротничков» в отношении труда на малых и средних предприятиях, проводимом Франсуазой Мессан-Лоран [Françoise Messant-Laurent] (университет Лозанны) и в проекте Мишель Эрнст [Michèle Ernst] (университет Лозанны) по изучению увеличения гибкости рабочего времени.

Социологические исследования экономического развития и экономического неравенства по-прежнему являются одними из наиболее важных в Цюрихе. Например, Борншир сейчас проводит следующие кросснациональные исследования: влияния деятельности транснациональных фирм на экономический рост и распределительные процессы (вместе с Марком Херкенратом [Mark Herkenrath]); экономической значимости социального капитала, социальных факторов, способствующих распространению Интернета (вместе с Томасом Фолькеном [Thomas Volken]); связи между восприятием социального неравенства и экономическим ростом (вместе с Ханно Шольцем [Hanno Scholtz]). Исследование разных аспектов развития включено также в проекты Кристофа Бошардта [Christoph Bosshardt] о доверии и Клауса Дауба [Claus Daub] о теориях глобализации (оба автора — из университета Базеля).

Помимо указанных двух крупных тем, в Швейцарии реализуется множество социологических исследовательских проектов, имеющих более или менее прямое отношение к экономической социологии. В этой связи необходимо заглянуть в Берн и упомянуть качественное исследование формирования габитуса, ментальности и экономических теорий повседневности молодых предпринимателей, которое проводят Хоннегер и Петер Шальбергер [Peter Schallberger], а также исследование экспансии мышления в русле бизнес-управления — Хоннегер, Сюзанна Бури [Susanne Burri] и Паскаль Юрт [Pascal Jurt].

В Женеве с экономической социологией тесно связаны проекты Флюкигера, в Лозанне — проекты Мерьена (политика социальной интеграции в евро-

⁷ Исследование названо «Изменения в мире труда» [«Wandel der Arbeitswelt»], см.: <http://socio.ch/work/home.htm>

пейские системы коллективного действия). Жана-Ива Пиду [Jean-Yves Pidoux] (экономика культуры), Андре Маха [André Mach] и Томаса Дэвида [Thomas David] (глобализация, неолиберализм и корпоративное управление), Себастьяна Ге [Sébastien Guex] (финансовая политика и банки) и Антуана Кернена [Antoine Kernен] (социальные последствия приватизации в Китае). Сильные связи с экономической социологией обнаруживаются во Фрибургском университете на кафедре социальной работы и социальной политики. Здесь можно назвать проекты: Карри Йоданиса [Carrie Yodanis], посвященные анализу экономических издержек насилия в отношении женщин; Майкла Ноллerta (который работает также в Цюрихском университете) по изучению некоммерческих организаций, предоставляющих социальные пособия; а также транснациональных экономических элит и межкорпоративных сетей [Nollert 1998; Windolf, Nollert 2001]; Алессандро Пелицари [Alessandro Pelizzari] о социологических аспектах нового государственного управления [new public management]. Среди текущих исследовательских работ Зутера обратим внимание на международный проект, посвященный изучению восприятия неравенства, и проект, нацеленный на анализ масштабов скрытой бедности в Швейцарии. Хотя в университете Сент-Галлена социология перенесена с факультета экономики на факультет гуманитарных наук, здесь по-прежнему занимаются и вопросами экономической социологии. Например, можно упомянуть исследования менеджмента Ахимом Борщевским [Achim Borsziewski] и этнографический проект по изучению социальных микроструктур финансовых рынков, который реализуют в университете Констанца Урс Брюггер [Urs Bruegger] и Карин Кнорр-Цетина [Karin Knorr-Cetina] [см.: Bruegger, Knorr-Cetina 2002]⁸. Наконец, следует отметить, что две кафедры в университете Нойшателя по-прежнему верны экономической социологии. Так, помимо исследовательских работ Энара (в частности, изучающего положение мигрантов в отношении работы) и Штульхайса (анализирующего положение молодежи в сложных экономических условиях), исследования проводятся также Эрвином Циммерманом [Erwin Zimmermann] (руководителем швейцарского панельного исследования домохозяйств) и Андреасом Пфойфером (который изучает, например, историю социально-экономической статистики).

Заключительное замечание

Проанализировав историю социологии в швейцарских университетах, мы можем сказать, что уже в конце XIX в. здесь работали экономисты, восприимчивые к новым идеям и подчеркивавшие социальную укорененность хозяйства. За исключением Фрибургского университета, который, в соответ-

⁸ См. также работу авторов на данную тему на русском языке: Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 445—468.

ствии с замыслом своих основателей, должен был стать католическим ресурсным центром, попытке институционализации социологии под-держивались, как правило, либерально-демократическими политическими силами. В результате усиления патриотических, антисоциологических настроений в академической среде, эти попытки стали несколько сдерживаться после Первой мировой войны. На фоне усугублявшегося кризиса высказывалось все больше опасений, что социологический анализ хозяйственных процессов не столько способствует поиску путей его разрешения, сколько поощряет материализм и социальную дезинтеграцию. Почетная докторская степень Муссолини в университете Лозанны и назначение Лоренца во Фрибург, вне всякого сомнения — самая низкая точка в траектории этого развития. К счастью, сразу после Второй мировой войны началось возрождение экономической социологии. Когда в университете Нойшателя начал работать Эрар, на факультет пришли и несколько экономистов, занимавшихся исследованием социологических аспектов хозяйственных процессов. Затем (в частности, на кафедрах социологии в Нойшателе и Цюрихе), экономическая социология стала основным направлением преподавания и исследований. Что касается последних десятилетий, на первый взгляд кажется, что развитие этой дисциплины и далее шло гладко. Однако, как и во многих других странах, оно, к сожалению, было обусловлено не распространением парадигмы «новой экономической социологии» [Swedberg 1997], а интенсивным обращением к сугубо экономическим подходам (например, к теориям человеческого капитала и рационального выбора).

Если говорить о направлениях исследования в Швейцарии, можно выделить две основные темы. Когда в германоговорящей части страны начали работать Берендт, Хайнц и Траппе, а во франкоговорящей — Эрар, Энар и Циглер, анализ процессов экономического развития стал одним из основных направлений исследований в области экономической социологии. В начале 1990-х годов важной темой стали также исследования трудового процесса и рынков труда. Если предположить, что исследования развития и далее будут постепенно терять свою актуальность, то анализ рынков труда превратится в ведущее направление исследований. Что касается превалирования количественных или качественных методов анализа, здесь пока рано делать какие-либо прогнозы. В Цюрихе охотнее анализируют количественные данные, в Базеле и Сент-Галлене отдают предпочтение интерпретативным подходам, а в Лозанне и Берне обе группы методов представлены в равной степени.

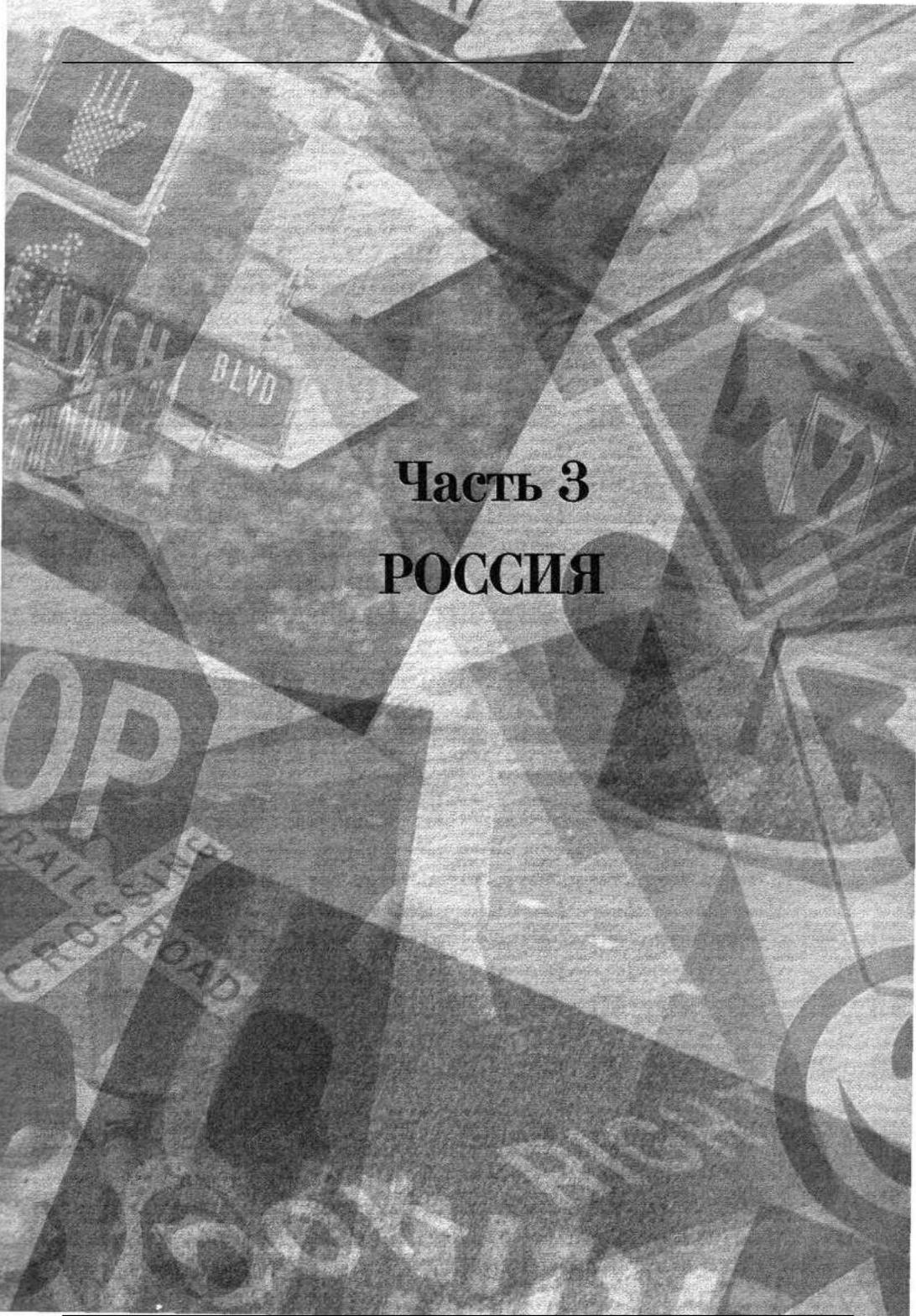
Предложенное здесь описание преподавательской и исследовательской деятельности, а также живой интерес к работе Исследовательского комитета по экономической социологии, образованного в 2000 г. в рамках Швейцарской социологической ассоциации, свидетельствуют о том, что все больше социологов начинают профессионально заниматься экономическими вопросами и уже не боятся вести

diskussion in пределах своей страны. Однако очевидно, что по сравнению с соседними крупными странами (Германией, Францией, Италией) число экономсоциологов здесь останется небольшим. Более того, здесь по-прежнему отсутствует плодотворный диалог между социологией и экономической теорией. Наконец, как ни печально, хотя социологический анализ хозяйственных явлений здесь и не сойдет на нет в обозримом будущем, экономический анализ социальных фактов, несомненно, становится все более популярным в частных и государственных институтах, финансирующих исследования.

Литература

- Behrendt R.F.* Soziale Strategie für Entwicklungsländer. Entwurf einer Entwicklungssoziologie. Frankfurt a. M.: Fischer, 1965.
- Bornschieer V.* Wachstum, Konzentration und Multinationalisierung von Industrieunternehmen. Frauenfeld: Huber, 1976.
- Bornschieer V., Chase-Dunn C.* Transnational Corporations and Underdevelopment. N.Y.: Praeger, 1985.
- Bornschieer V.* Westliche Gesellschaft – Aufbau und Wandel. Zürich: Seismo, 1998 [1988].
- Bornschieer V.* (ed.) Statebuilding in Europe. The Revitalization of Western European Integration. Cambridge: Cambridge University Press, 2000a.
- Bornschieer V.* Befähigung zu Sozialkapitalbildung und wirtschaftlicher Erfolg im entwickelten Kapitalismus – neue Evidenzen aus Ländervergleichen 1980–1997 // Schweizerische Zeitschrift für Soziologie. 2000b. Vol. 26. P. 373–400.
- Bruegger U., Knorr-Cetina K.* Global Microstructures: The Virtual Societies of Financial Markets // American Journal of Sociology. 2002. Vol. 107. No. 4. January. P. 905–950.
- Buchmann M. et al.* Weiterbildung und Beschäftigungschancen. Chur: Rüegger, 1999.
- Diekmann A., Brüderl J., Engelhardt H.* Einkommensunterschiede zwischen Frauen und Männern. Eine Zerlegung des Einkommensabstands mittels der Komponentenmethode // Schweizerische Zeitschrift für Soziologie. 1993. Vol. 19. P. 573–588.
- Erard M.* Elements d'une sociologie de l'entreprise. Neuchatel: Delachaux & Niestlé, 1960.
- Fluder R., Ruf H., Schöni W., Wicki M.* Gewerkschaften und Angestelltenverbände in der schweizerischen Privatwirtschaft. Zürich: Seismo, 1991.
- Hainard F.* Sociologie de la paysannerie. Bern: Peter Lang, 1981.
- Heintz P.* Ein soziologisches Paradigma der Entwicklung mit besonderer Berücksichtigung Lateinamerikas. Stuttgart: Enke, 1969.
- Heintz P., Heintz S.* Die Zukunft der Entwicklung. Bern: Huber, 1974.
- Höpflinger F.* Das unheimliche Imperium. Wirtschaftsverflechtung in der Schweiz. Zürich: Eco-Verlag, 1977.
- Honegger C., Rychner M.* (eds.). Das Ende der Gemütlichkeit. Strukturelles Glück und mentales Leid in der Schweiz. Zürich: Limmat Verlag, 1998.
- Kapp K.W.* The Social Costs of Private Enterprise. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1950.
- Levy R.* Weshalb gibt es (k)eine Schweizer Soziologie? // Schweizerische Zeitschrift für Soziologie. 1989. No. 3. P. 453–487.

- Levy R. et al.* Tous égaux. De la Stratification aux Représentations. Zürich: Seismo, 1997.
- Mäder U.* Armut im Kanton Basel-Stadt. Basel: Social Strategies Publications, 1991.
- Nollert M.* Interessenvermittlung und sozialer Konflikt. Über Bedingungen und Folgen neokorporatistischer Konfliktregelung. Pfaffenweiler: Centaurus, 1992.
- Nollert M.* Verbändelobbying in der Europäischen Union – Europäische Dachverbände im Vergleich // Verbände in vergleichender Perspektive / Ed. by U. von Alemann, B. Weßels. Berlin: Sigma, 1997. P. 107–136.
- Nollert M.* Interlocking Directorates in Switzerland. A Network Analysis // Schweizerische Zeitschrift für Soziologie. 1998. Vol. 24. No. 1. P. 31–58.
- Pareto V.* Cours d'économie politique. Lausanne: Rouge, 1986 [1896–1897].
- Salin E.* Politische Ökonomie. Geschichte der wirtschaftspolitischen Ideen von der Antike bis zur Gegenwart. Tübingen: Mohr, 1967 [1923].
- Stamm H.* Krise und Anpassung in Mexiko: Eine Länderfallstudie zu Aufstieg und Abstieg in der Semiperipherie des Weltsystems. Saarbrücken: Breitenbach, 1992.
- Suter C.* Debt Cycles in the World-Economy: Foreign Loans, Financial Crises, and Debt Settlements. Boulder, Co.: Westview Press, 1992.
- Suter C.* Gute und schlechte Regimes. Staat und Politik Lateinamerikas zwischen globaler Oekonomie und nationaler Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Vervuert, 1999.
- Swedberg R.* New Economic Sociology: What has been accomplished, what is ahead? // Acta Sociologica. 1997. Vol. 40. P. 161–182. См. также: *Сведберг Р.* Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 111–130.
- Trappe P.* Die Entwicklungsfunktion des Genossenschaftswesens am Beispiel ostafrikanischer Stämme. Neuwied: Luchterhand, 1966.
- Trappe P.* Entwicklungssoziologie. Basel: Social Strategies Publications, 1984.
- Trezzini B.* Staat, Gesellschaft und Globalisierung: Entwicklungstheoretische Betrachtungen am Beispiel Malaysias. Hamburg: Institut für Asienkunde, 2001.
- Windolf P., Nollert M.* Institutionen, Interessen, Netzwerke – Unternehmensverflechtung im internationalen Vergleich // Politische Vierteljahresschrift. 2001. Vol. 42. P. 51–78.
- Ziltener P.* Strukturwandel der europäischen Integration. Die Europäische Union und die Veränderung von Staatlichkeit. Münster: Westfälisches Dampfboot, 1999.
- Zürcher M.* Unterbrochene Tradition. Die Anfänge der Soziologie in der Schweiz. Zürich: Chronos, 1995.

Часть 3
РОССИЯ

«Решено было на свой страх и риск заявить новую научную дисциплину, присвоив ей имя экономической социологии».

*Т.И. Заславская.
Экономическая социология —
новое научное направление*

Вадим Радаев

Государственный университет — Высшая школа экономики

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ, ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

В предыдущих разделах книги были представлены основные направления мировой экономической социологии. Теперь необходимо проанализировать ситуацию в современной России. Здесь развитие экономической социологии происходит не менее активно, дисциплина становится все более популярной. Осваиваются новые теоретические направления, проводится множество интересных эмпирических исследований, наблюдается интенсивная институционализация экономической социологии в академическом сообществе. В этом процессе, разумеется, есть и свои особенности, которые мы постараемся рассмотреть далее.

Подробная история возникновения экономико-социологических исследований в советский период не является задачей данной работы. Тем не менее сначала мы коснемся вопроса о специфике экономико-социологических исследований в Советском Союзе, чтобы лучше понять их трансформацию в постсоветское время. А затем будет охарактеризован процесс формальной институционализации экономической социологии в России в 1990-е годы и в начале 2000-х годов.

Методологические основы советской экономической социологии. Термин «экономическая социология» вошел в активный научный оборот в России лишь в середине 1990-х годов. Однако несколько запоздалое появление этого термина не означает, что экономической социологии в России не существовало вовсе, и ее приходилось обустроить на голом месте. Просто до поры она выступала под другими именами (как это происходило и во многих других странах). Зачатки экономической социологии начали формироваться задолго до реформ, а ее отдельные направления развивались достаточно активно, хотя и в весьма специфических формах, присущих советским общественным наукам.

¹ Данный текст построен на основе двух глав из книги: *Радаев В.В.* Экономическая социология: Учеб. пособие. М.: ГУ ВШЭ, 2005. Гл. 25—26.

С методологической точки зрения экономическая социология в СССР базировалась на сложном сочетании двух элементов: ортодоксальной марксистской политической экономии в качестве официальной доктрины и «буржуазной» теории структурного функционализма. Приверженность марксизму всячески подчеркивалась (что отвечало и навязанным правилам игры, и искренним взглядам большинства обществоведов), в то время как функционализм был для многих предметом скрытого увлечения, но держался при этом на безопасном расстоянии.

Существенное влияние буквы и духа марксистской политической экономии и ортодоксального марксизма в целом проявилось в следующих методологических предпосылках, характерных для основной линии советской социологии:

- структурализм (обоснование хозяйственного поведения наличием достаточно жестких структур);
- примат макроподхода (признание основополагающей роли структур на уровне всего общества);
- историцизм (объяснение социальных изменений посредством объективных законов развития макроструктур);
- экономический детерминизм (выведение указанных законов прежде всего из отношений производства).

Ортодоксальная марксистская теория, исходящая из примата экономических отношений над социальными, конечно, не лучшее основание для развития экономической социологии, которая в принципе должна исходить буквально из обратного предположения. Однако ортодоксальный марксизм допускал и обратное влияние «надстройки» (социальных отношений) на «базис» (производственные отношения), и именно это позволяло выстроить нишу для зарождающегося микро-социологического подхода под «крышей» официального учения.

Что же касается увлечения структурным функционализмом, который долгое время воплощал для советских социологов основные достижения западной социологической мысли, то он помогал дотраивать марксистские схемы специальными социальными категориями. Из рук в руки передавались книги функционалистов, присылаемые западными или восточноевропейскими коллегами, а в 1968 г. появился и первый переводной сборник их трудов, сыгравший заметную роль в развитии отечественной социологии [Структурно-функциональный 1968, 1969].

Заметим, что несмотря на, казалось бы, непримиримое противостояние советского марксизма и «буржуазного» функционализма, между ними не было непреодолимой пропасти. Обе парадигмы были выражением достаточно жесткого структурализма, отдавали приоритет (хотя и в разной степени) социетальному уровню анализа, характеризовали

общество как интегрированную стабильную систему², стремились к монистическому объяснению социального порядка. Вдобавок ортодоксальный марк-

² Советская политическая экономия благоволила так называемому «системному подходу», в котором стихийный функционалистский элемент был достаточно силен.

сизм применительно к изучению советского строя начисто лишил себя и властного, и собственнического измерений. Этот «беззубый» марксизм, игнорирующий социальные конфликты и отвергающий любые элементы классовой борьбы в условиях победившего социализма, уже мало что мог противопоставить «всеядному» функционализму. В результате они неплохо уживались. И их причудливый альянс хорошо характеризовал то состояние, в котором советская социология приблизилась к концу советской эпохи.

Отбор отдельных исследовательских направлений также определялся в основном рамками официальной доктрины. Будущая экономическая социология развивалась прежде всего по двум линиям: социологии труда и анализа социально-классовой структуры общества. Именно эти два направления были ключевыми в ортодоксальном марксизме и потому занимали привилегированное положение³.

Не будет большим преувеличением сказать, что экономическая социология в советский период развивалась прежде всего как *социология труда*⁴. Более того, проявилась тенденция выдвинуть «труд» на роль центральной объясняющей категории и представить вообще всю социологию как социологию труда [Социология труда 1993: 62]⁵. Что же касается собственно экономической социологии, то она чаще всего не упоминалась или преподносилась в качестве одной из полутора десятков «внутриотраслевых» социологических дисциплин, занимавшихся изучением процесса труда и производства [Социология труда 1993: 105].

Наряду с исследованиями по социологии труда публиковалось и огромное количество работ, посвященных социально-профессиональным и экономическим аспектам *социальной структуры общества* в рамках развития классовой теории марксизма⁶. Эти исследования также имели явный крен в сторону изучения характера труда и производственных отношений.

В то же время, поскольку ряд явлений в советском хозяйстве отсутствовал или отрицался, многие будущие направления экономической социологии не возникали или ютились на периферии, проходя исключительно по разряду «критики буржуазных теорий». Это касалось, например, социологии предпринимательства и трудовых конфликтов, безработицы и бедности, и др.

Первые научные школы и специфика советской экономической социологии. Появление понятия «экономическая социология» правомерно связывать с развитием *новосибирской экономико-социологической школы* (НЭСШ), возникшей под руководством Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной, где данная дисциплина начала выступать под своим собственным именем⁷. Любопытно, что, по признанию Т.И. Заслав-

³ Среди тех, кто внес свой вклад в советскую экономическую социологию, следует назвать Е.Г. Антосенкова, Ю.В. Арутюняна, Т.И. Заславскую, А.Г. Здравомыслова, Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, Н.И. Лапина, А.К. Назимову, И.М. Попову, Н.М. Римашевскую, Р.В. Рывкину, М.Х. Титму, О.И. Шкаратана, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова и ряд других. Краткий перечень основных работ приведен в книге: [Заславская, Рывкина 1991: 30—31].

⁴ Об истории развития данного направления в России см.: [Кравченко, Щербина 1998: 211—239].

⁵ То же, кстати, было характерно и для советской политической экономики социализма, которая порою объявлялась «политической экономией труда» [см., например: Сорокин 1984: 45—74].

⁶ Обзор этих исследований см.: [Голенкова, Игитханян 1998].

⁷ О развитии данной школы см.: [Социальная... 1999: 15—146].

ской, выбор этого этого имени был произведен самостоятельно (казалось, что термин «экономическая социология» наилучшим образом соответствует тому, что уже делалось исследовательским коллективом новосибирцев на протяжении ряда лет). И лишь через какое-то время были найдены подтверждения в западной экономической социологии (прежде всего, в трудах Н. Смелсера и Р. Сведберга)⁸.

Методологически работы НЭСШ обозначили разрыв с советской политической экономией и выраженный переход на более социологические позиции, под которыми подразумевались позиции структурно-функционализма⁹. Формально этот разрыв начался с обсуждения знаменитого доклада, подготовленного отделом Т.И. Заславской в 1983 г. и вскоре изъятого советской цензурой [О совершенствовании... 2002: 18—40]. В результате разработки предмета экономической социологии возникла концепция «*социального механизма развития экономики*», под которым понималась устойчивая система экономического поведения социальных групп, регулируемого институтами и структурными позициями данных групп. Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной принадлежит и первая серьезная попытка развернутой категоризации экономической социологии в России. Она суммирована в книге «Социология экономической жизни», вышедшей в 1991 г. [Заславская, Рывкина 1991¹⁰]. Упор в ней был сделан на две темы — социальную стратификацию и экономическую культуру. Добавим, что в середине 1980-х годов в рамках новосибирской школы было начато систематическое преподавание курса «Экономическая социология», еще находившегося под сильным влиянием традиционной политической экономии, но по тем временам, безусловно, новаторского.

Подходы к социологическому изучению разных сторон советского хозяйства осуществлялись, конечно, и другими школами исследователей — ленинградскими (В.А. Ядов, О.И. Шкаратан), уфимской (Н.А. Аитов), пермской (З.И. Файнбург), московскими (Л.А. Гордон, Н.М. Римашевская). Свой вклад внесла возникшая в первой половине 1960-х годов на волне «косыгинской реформы» промышленная и заводская социология (В.Г. Подмарков, В.И. Герчиков и др.). Однако значение новосибирской школы в данном случае первостепенно. Здесь воспитаны несколько поколений учеников.

Остановимся подробнее на некоторых особенностях формирования советской экономической социологии. Первая связана со спецификой кадрового состава советских экономсоциологов (и социологов в целом). Она определялась принципиально разнородным образовательным профилем преподавателей и исследователей. Поскольку первые факультеты социологии в стране были открыты лишь в 1989 г., никто

из ведущих специалистов не имел (и не мог иметь) базового социологического образования. В среде будущей экономической социологии оказывались специалисты, получившие образование в смежных областях, среди которых особую роль играли:

⁸ См. интервью с Т.И. Заславской [с. 76—87 в данной книге].

⁹ Там же.

¹⁰ Это был первый том запланированного масштабного труда. К сожалению, второй том работы остался неопубликованным.

- экономика (политическая экономия);
- история;
- философия;
- психология.

Каждая из этих групп имела свои методологические и тематические пристрастия. «Философы» концентрировались на истории социологической теории. «Психологи» занимались изучением трудовой мотивации. «Экономисты» тяготели к проблемам социально-экономической дифференциации. «Историки» проявляли интерес к анализу сдвигов в социальной структуре общества. Подобная разнородность порождала противоречивые эффекты. С одной стороны, экономическая социология обрела способность к более широкому видению и заимствованию элементов из разных сфер социального знания. С другой стороны, это препятствовало выработке теоретических конвенций и объединяющих исследовательских программ.

Что еще отличало советскую социологию? Венгерский экономсоциолог Д. Ленгель ввел различие между парадигмально-ориентированной и проблемно-ориентированной социологией. Первая четко определяет себя по методу, который применяется по отношению к разным объектам. Вторая же заботится в первую очередь о нахождении наиболее острых (актуальных) проблем и имеет относительно размытую методологическую приверженность. Д. Ленгель утверждал, что исследователи в Восточной Европе, в отличие от своих западных коллег, тяготеют в большей степени к *проблемно-ориентированному подходу* — исследователи классифицируются прежде всего по объектным областям (что изучается), а не по парадигмальным пристрастиям (как изучается)¹¹. Мы полагаем, что это в полной мере относится и к российскому академическому сообществу, причем данная черта еще более развилась в постсоветский период.

Экономическая социология в постсоветский период. В перестроечный период возникло два подхода к пониманию «исторического места» экономической социологии. Первый подход пытался сохранить в качестве дисциплинарного «ядра» постсоветскую социологию труда, выделив экономической социологии место ее «рыночного приложения». Такого рода «экономическая социология» как одна из отраслей социологии труда должна была заниматься «новыми явлениями», возникшими в реформенный период, — проблемами предпринимательства, приватизации, маркетинга и т.п. Подобный подход весьма слабо отражал ситуацию в мировой социологии, где роль традиционной социологии труда (особенно в ее марксистских вариантах) заметно снижалась.

Второй подход, предложенный автором данного текста, предполагал иное видение проблемы: экономическая социология становится общим методологическим основанием для множества направлений, вбирая в себя значительную часть традиционной

¹¹ Lengyel G. Economic Sociology in East-Central Europe: Trends and Challenges. Paper presented at the 2nd Conference of the European Sociological Association (Budapest, 30 August — 2 September 1995). См. также интервью с Д. Ленгелем [с. 88—95 в данной книге].

трудоустройственной проблематики. Период экспансии социологии труда завершился, началась экспансия экономической социологии.

Сыграл свою роль в ослаблении внимания к трудовой проблематике и развал заводской социологии, в которой в советское время были заняты тысячи специалистов. В постсоветское время частные компании проявляют значительно больший интерес к маркетинговым и рекламным сюжетам, нежели к вопросам содержания и характера труда работников.

С методологической точки зрения в постсоветский период в экономической социологии произошли следующие изменения:

- утверждение методологического плюрализма;
- появление новых исследовательских направлений;
- освоение опыта западной экономической социологии;
- усиление связи с экономической теорией;
- попытки интеграции экономической социологии как единого направления.

Правда, упомянутые тенденции реализуются в очень разной степени. Но что касается *методологического плюрализма*, то он получил весьма интенсивное развитие на фоне общего снижения влияния марксистской теории. Появилось большое количество новых течений, фактически неизвестных в советское время, что следует считать несомненным плюсом. Возникло и множество новых исследовательских объектов, которые либо отсутствовали ранее в хозяйственных практиках, либо не изучались ввиду идеологических запретов.

Развернулся процесс *освоения западных теорий* (американских и европейских), но он по-прежнему слишком далек от завершения. В течение 1990-х годов обращение к западному наследию во многом ограничивалось «открытием» западной классики — М. Вебера, Г. Зиммеля, Й. Шумпетера. В то же время работы большинства современных авторов (пожалуй, за исключением П. Бурдьё) оставались вне поля зрения и не воспроизводились даже на уровне фамилий. Серьезным ограничением на фоне общего низкого уровня знания иностранных языков выступило фактическое отсутствие вплоть до начала 2000-х годов профессиональных переводов работ ведущих западных экономсоциологов.

Связь с экономической теорией также усиливается слабо. Большинство советских социологов (как, впрочем, и экономистов) имели об экономикс весьма приблизительные представления. И ситуация в среде социологов в этом отношении мало изменилась. Исключение составляет более широкое знакомство с новой институциональной экономической теорией (Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон), благо появились переводы соответствующих трудов. К ним можно добавить труды новой австрийской школы (Л. Мизес, Ф. Хайек). Но этим список зачастую и ограничивается.

Были предприняты также первые попытки *интеграции экономической социологии* как особого исследовательского направления. Об одной из них (новосибирская школа) мы уже говорили. Во второй поло-

вине 1990-х годов появились сразу несколько книг под названием «Экономическая социология». В 1995 г. в Санкт-Петербурге была опубликована книга Ю.В. Веселова, имевшая подзаголовок «История идей» и посвященная преимущественно экономико-социологической классике [Веселов 1995]. В этот же период в Беларуси (по умолчанию причисляемой в обзорных трудах к России) появляется книга Г.Н. Соколовой, продолжающая функционалистскую линию, начатую Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной [Соколова 1998]¹².

В Москве же появились книги В.И. Верховина и В.В. Радаева. Книга В.И. Верховина предлагала то, что можно было бы назвать политико-экономически ориентированным подходом к экономической социологии [Верховин 1998]¹³. Книга В.В. Радаева, в противовес, характеризовалась более явными отсылками к социологической (в первую очередь веберовской) методологии. Она также содержала наиболее полное и систематическое изложение западных теорий (за что автора неоднократно упрекали в «западничестве») [Радаев 1997]¹⁴.

Несмотря на эти первые усилия, вряд ли есть основания утверждать, что к началу 2000-х годов сложилось сколь-нибудь единое представление о характере и общих контурах российской экономической социологии. Вдобавок ее быстрый рост сопровождался *снижением интенсивности профессиональной коммуникации* в российском академическом сообществе. Многие устремились на Запад, предпочитая контакты с зарубежными партнерами связям с соотечественниками из других организаций и регионов. Внимание заметно рассеялось, коллеги стали меньше читать друг друга. При этом число российских профессиональных журналов даже увеличилось, но число читателей каждого из них относительно сократилось. Снизилось и количество внутрirosсийских конференций. Одновременно повысилась степень *фрагментации знания*, поскольку приверженцы отдельных течений на стадии ускоренного обучения западным теориям оказались недостаточно осведомлены о трудах «соседей».

На этом фоне укрепилась тенденция к *регионализации исследований*, когда университетские коллективы и отдельные авторы начали производить свои доморощенные концепции – отчасти как результат плохого знания багажа, накопленного в мировой социологии, отчасти как проявление локального патриотизма¹⁵. Замыкание на подобных парадигмах, разумеется, усиливает фрагментацию социологической дисциплины, которая и так никогда не отличалась особой методологической целостностью.

Институционализация экономической социологии: образовательные и исследовательские центры. В 1990-е годы в России развернулся активный процесс институционализации экономической социологии. Данный процесс проходил не совсем обычно. «Нормальная» логика развития новой дис-

¹² Отметим также выход в Иркутске учебно-методического материала: [Токарская, Озерникова 1995].

¹³ В более поздней книге В.И. Верховина методологический спектр существенно расширяется и становится более «социологичным» [Верховин, Зубков 2002].

¹⁴ Позднее было опубликовано новое издание: [Радаев 2005в]. В этом издании появилось семь новых глав, а остальные главы были существенным образом переработаны.

¹⁵ О доморощенных концепциях см.: [Радаев 2000а, 2001а: Гл. 7].

дисциплины была бы выглядела следующим образом. Сначала появляются первые работы представителей нового направления, которые пытаются доказать его оригинальность и обоснованность. Их появление первоначально сталкивается с безразличием или критикой со стороны академического сообщества, пытающегося встроить новое направление в уже существующие рубрикаторы или дезавуировать его как незначимое. В течение какого-то времени происходит процесс символической борьбы, когда новое направление пытается отстоять свое «место под солнцем» — предлагает новые концепции, реконструирует соответствующую традицию и создает вокруг себя относительно широкие профессиональные коалиции. Когда же под знаменем данного направления удается собрать критическую массу приверженцев и опубликовать заметное число работ, ставится вопрос о формальной институционализации нового направления — включении его в официальные тематические рубрикаторы, создании структурных единиц (кафедр, исследовательских лабораторий, а затем, если повезет, то и целых институтов).

Любопытно, что развитие российской экономической социологии в постсоветский период следовало прямо противоположной логике. Сначала возникло широкое убеждение, что данное направление обладает несомненной ценностью, и началась его активная формальная институционализация. В то же время, по крайней мере на первом этапе, конвенциональные представления о содержании и структуре данной дисциплины, по существу, отсутствовали или ограничивались утверждениями общего плана, наподобие того, что под экономической социологией следует понимать «применение методов социологического изучения общественных институтов к структурам, действиям и субъектам экономической сферы» [Левада 1993: 61]. Работа по реконструкции традиции началась, таким образом, уже после институционального оформления дисциплины.

Как происходила эта формальная институционализация? Усилиями Т.И. Заславской и Н.И. Лапина «Экономическая социология» была утверждена в составе нового поколения *государственных образовательных стандартов*. Вместе со специальностью, по которой могли специализироваться студенты вузов, возникла также новая специальность — «Экономическая социология» (22.00.03), по которой можно было защищать кандидатские и докторские диссертации. В ведущих вузах начали открываться аспирантуры по данному направлению. Создавались кафедры экономической социологии на социологических факультетах — например, в Санкт-Петербургском государственном университете (заведующий — Ю.В. Веселов), Государственном университете — Высшей школе экономики (заведующий — О.И. Шкаратан, позднее — В.В. Радаев), Московском государственном университете.

В итоге *территориальная карта* российских экономико-социологических исследований во многом определилась тем, на какой базе

Формировалась социология в конце 1980-х — начале 1990-х годов — наиболее благоприятная среда закономерно появлялась там, где отпочкование происходило от факультета экономики (Новосибирский государственный университет¹⁶, Санкт-Петербургский государственный университет¹⁷) или факультета менеджмента при сильных связях с экономическим факультетом (Государственный университет — Высшая школа экономики). Куда скромнее обстоят дела в тех случаях, когда социология строилась на развалинах отделений научного коммунизма.

Экономическая социология активно внедрилась в *учебный процесс*. Соответствующий курс в течение многих лет преподавался в Новосибирском и Санкт-Петербургском государственных университетах, Московской Высшей школе социальных и экономических наук (МВШСЭН). В Новосибирске «Экономическая социология» стала одной из двух специализаций, обеспечиваемых кафедрой социологии (ранее заведующий — Ф.М. Бородкин, затем — Т.Ю. Богомолова). Но наиболее развитая и широкая программа учебных курсов по экономической социологии была реализована на кафедре экономической социологии факультета социологии Государственного университета — Высшей школы экономики (ГУ ВШЭ) после ее реорганизации в 1999 г. (заведующий — В.В. Радаев). Здесь «Экономическая социология» является ведущей специализацией на факультете для бакалавров и специалистов. Создана магистерская программа «Прикладные методы социального анализа рынков», в которой предметное ядро составляют курсы по экономической социологии (руководитель — В.В. Радаев), а также магистерская программа по экономической социологии на факультете экономики (руководитель — О.И. Шкаратан).

Серьезную институциональную и финансовую поддержку развитию экономико-социологических учебных дисциплин оказала *Инновационная программа развития образования*, реализуемая Национальным фондом подготовки кадров (НФПК) в рамках образовательного займа Всемирного банка. В ходе этой программы разрабатывались целые пакеты экономико-социологических курсов (или социологических курсов для экономистов) в ряде российских университетов: Государственном университете — Высшей школе экономики, Байкальском государственном университете экономики и права, Волгоградском, Нижегородском государственных университетах, Московской Высшей школе социальных и экономических наук.

Появились новые *исследовательские центры*. В Институте экономики РАН сформировался сначала сектор, а затем Отдел экономической социологии и социальной политики (руководитель — В.В. Радаев) (позднее отдел был переименован). Важным событием стало образование Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО), имевшего свои отделения в Москве, Кемерово, Самаре, Сыктывкаре (руководители — С. Кларк, В.А. Борисов, В.И. Иль-

¹⁶ Для развития социологии в Новосибирске решающую роль сыграла ее изначальная тесная связь с экономическими исследованиями Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР.

¹⁷ Наполовину факультет социологии СПбГУ был образован за счет экономического, а наполовину — за счет философского факультетов.

ин, В.И. Кабалина, И.М. Козина). Под крышей Института мировой экономики и международных отношений РАН обосновался Отдел социально-трудовых проблем (руководители — Л.А. Гордон, Э.В. Клопов). Перебралась в Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН лаборатория М.А. Можинной. Важнейшим центром, постоянно проводящим исследования в области экономической социологии, стал созданный Т.И. Заславской Всероссийский Центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ, позднее Левада-Центр) (руководители — Ю.А. Левада, Л.А. Хахулина). В Московской Высшей школе социальных и экономических наук сформировался Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр) (руководители — Т.И. Заславская, Т. Шанин, В.В. Радаев, позднее — А.М. Никулин). До середины 2000-х годов активно действовал Российский независимый институт социальных и национальных проблем (Н.Е. Тихонова, А.Ю. Чепуренко, впоследствии перешли в ГУ ВШЭ). Близки к экономической социологии большинство работ, выпускаемых новым Независимым институтом социальной политики (руководитель — Т.М. Малева). В начале 2006 г. на факультете социологии ГУ ВШЭ открылась Лаборатория экономико-социологических исследований (руководитель — В.В. Радаев). Сложилась сеть исследовательских центров по всей России, которые за некоторыми исключениями базировались на кафедрах ведущих университетов или были с ними непосредственно связаны. Эти центры не специализировались на экономической социологии (и вообще на каком-либо отдельном направлении), но выполняли в том числе и экономико-социологические проекты.

Возрастает число защищаемых *диссертационных работ* по экономико-социологической проблематике. По специальности 22.00.03 открыты специализированные советы в Москве, Волгограде, Казани, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге, Саратове, Тюмени, Уфе и других городах. Хотя число этих советов пока относительно невелико, и в результате значительная часть диссертаций по экономико-социологической проблематике в начале 2000-х годов защищается формально по другим, ранее утвердившимся специальностям. Так, до половины таких работ проходят по «безразмерной» специальности 22.00.04 — «Социальная структура, институты и процессы», а еще примерно одна пятая — по специальности 22.00.08 — «Социология управления». Специфика ситуации, таким образом, заключается в том, что собственно по специальности «Экономическая социология» в начале 2000-х годов защищалась лишь каждая седьмая диссертация, которая по содержанию может быть отнесена к той или иной экономико-социологической области¹⁸.

Диссертационную активность в начале 2000-х годов проявляли более 70 учреждений из примерно 30 городов России. При этом лидировала, разумеется,

¹⁸ См.: Котельникова З.В. Тематический обзор авторефератов кандидатских диссертаций по экономической социологии за 2000—2005 гг. (см. с. 414—437 данной книги). Если анализировать состав этих диссертаций по содержательному, а не формальному принципу (а именно на этой основе они относились к экономической социологии), то окажется, что наиболее популярными темами диссертаций (по крайней мере, кандидатских) были темы рынка труда и трудовых отношений, предпринимательства и прав собственности, а также работы, посвященные регулирующей роли государства в экономике.

Москва (около 40% всех защит кандидатских диссертаций), на других «призовых» позициях находились Саратов (10%) (благодаря усилиям Саратовского государственного технического университета и команды под руководством В.Н. Ярской-Смирновой и Е.Р. Ярской-Смирновой) и Санкт-Петербург (8%). К сожалению, основная часть защит диссертационных работ проходит в учреждениях, не отличающихся высоким уровнем требовательности к качеству диссертаций — факультетах социологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Российской Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, Московского государственного университета сервиса. Причем первые два заведения обеспечили более 40% всех новоиспеченных кандидатов¹⁹. Многие из упомянутых нами ранее ведущих вузов имеют показатели в десять раз ниже (и в данном случае вряд ли это их позорит).

Экономико-социологическая проблематика регулярно обсуждалась на *научных конференциях и семинарах*. С 1993 г. ежегодно проводится Международный симпозиум «Куда идет Россия?» Интерцентра Московской Высшей школы социальных и экономических наук (руководитель — Т.И. Заславская). И каждый год здесь работает специальная секция, объединяющая экономсоциологов и экономистов социального и институционального направлений. По итогам каждого симпозиума выпускались сборники работ²⁰.

В январе 2000 г. в Москве состоялась крупная и пока в своем роде единственная в России *Международная конференция «Экономическая социология на пороге третьего тысячелетия»*, выстроенная по канонам международных конгрессов. Она была организована коллективом во главе с В.В. Радаевым на базе Московской Высшей школы социальных и экономических наук как промежуточная конференция (Interim Conference) двух наиболее крупных профессиональных социологических ассоциаций — Международной социологической ассоциации (ISA, Комитет RC02 «Хозяйство и общество») и Европейской социологической ассоциации (ESA, Исследовательская сеть по экономической социологии). В конференции приняли участие более ста исследователей из 16 стран и 14 регионов России. На ней выступили такие ведущие ученые, как М. Аболафия, Н. Биггарт, Дж. Гершуни, Э. Минджиони, Д. Старк, Х. Уайт, А. Шик и многие другие [подробнее см.: Рощина 2000].

Немало молодых экономсоциологов влились в российское сообщество посредством *летних школ*. Здесь следует упомянуть в первую очередь программу «Новое поколение» Московского общественного научного фонда (МОНФ), который в 1990-е годы организовал пять всероссийских летних школ. Традиция отчасти была поддержана специальной летней школой для 30 российских экономсоциологов и институциональных экономистов, проведенной в 2002 г.

¹⁹ Котельникова З.В. Указ. соч.

²⁰ Обзор первых семи сборников по итогам симпозиума см.: [Громова 2000]. О 8-м симпозиуме см. вступительный текст Т.И. Заславской: *Экономическая социология*. 2001. Т. 2. № 1. С. 154—158. Обзор работы 9-го симпозиума см.: [Попова 2002]. Полные тексты сборников размещены на Федеральном образовательном портале «Экономика. Социология. Менеджмент»: <http://ecsocman.edu.ru/kir>

Важную роль сыграли также семинары, проводимые в рамках общероссийских конкурсов «Социальная политика: реалии XXI века» (при поддержке Фонда Форда), где основную долю участников составили экономисты и экономсоциологи, а также регулярные конкурсные обсуждения Консорциума экономических исследований и образования (EERC), которые проводились в основном для экономистов, но привлекали также часть экономсоциологов.

Институционализация экономической социологии: базы данных, публикации и переводы. В 1990-е годы повысился спрос на экономико-социологические материалы со стороны *академических журналов*. В журнале «Социологические исследования» соответствующая рубрика была введена еще в 1992 г. Регулярно статьи по экономической социологии печатались в «Мониторинге общественного мнения ВЦИОМ: Экономические и социальные перемены», «Социологическом журнале», «Мире России», «Журнале социологии и социальной антропологии», «Рубеже» и междисциплинарном журнале «Общественные науки и современность». Проявили интерес к данной тематике и экономические журналы. В 1994 г. специальная рубрика «Экономическая социология» появилась в «Российском экономическом журнале» (правда, она просуществовала недолго — всего полтора года)²². Активно печатали экономико-социологические материалы журналы «Вопросы экономики», «Проблемы прогнозирования».

Специальный экономико-социологический журнал долгое время отсутствовал. Он появился лишь в сентябре 2000 г. Это *электронный журнал «Экономическая социология»* (<http://www.ecsoc.msses.ru>) (главный редактор — В.В. Радаев, ответственный редактор — М.С. Добрякова), который был создан при поддержке Московской Высшей школы социальных и экономических наук. Журнал выходит пять раз в год, публикуя новые тексты и переводы, интервью с ведущими мировыми экономсоциологами и дебютные работы молодых исследователей, профессиональные обзоры и рецензии на новые книги, новые учебные программы, информацию об исследовательских проектах и научных конференциях.

Появились новые источники систематизированных *электронных ресурсов* по экономической социологии. Одной из лидерских работ стал новосибирский «Соционет» (С.И. Паринов), работающий в стандартах REPEC и систематизирующий в том числе экономико-социологические ресурсы (<http://www.socionet.ru>). Заметное место занял Аудиториум, созданный при поддержке института «Открытое общество» (<http://www.auditorium.ru>). Среди прочих электронных хранилищ интересен, например, «Либертариум», содержащий тексты по институциональной экономике (<http://www.libertarium.ru>).

²¹ Об этой школе см.: [Шевчук 2002].

²² Речь идет о цикле из 16 статей В.В. Радаева под рубрикой «Экономическая социология» в «Российском экономическом журнале».

В 2001 г. при поддержке Фонда Форда и ГУ ВШЭ был создан *ЭКСОЦЕНТР* (виртуальный центр

ресурсов по экономической социологии) (<http://ecsoc.ru>), который предоставил открытый доступ к лучшим отечественным и зарубежным электронным ресурсам, включая аннотации статей и книг, информацию об ученых и исследовательских центрах, электронных хранилищах и диссертационных работах.

ЭКСОЦЕНТР послужил моделью при создании в 2003 г. более мощного информационного ресурса — *Федерального образовательного портала по экономике, социологии и менеджменту* (<http://ecsocman.edu.ru>), в разработке и наполнении которого приняли участие десятки лучших специалистов из разных вузов Москвы и других городов (основной разработчик — Государственный университет — Высшая школа экономики). Через полгода после своего создания данный портал превратился в один из самых посещаемых профессиональных образовательных ресурсов в России. Тематика портала весьма широка, однако в нем содержатся достаточно развитые разделы по экономической социологии и институциональной экономике. Отметим, что в 2003 г. среди ресурсов портала появились тексты учебных программ, разработанных в рамках программы НФПК.

В результате создания ЭКСОЦЕНТРа и федерального образовательного портала читателям стали доступны в режиме он-лайн полнотекстовые документы ряда важных профессиональных журналов, которые ранее можно было получить лишь в бумажном виде — «Российский экономический барометр», «THESIS», «Общественные науки и современность», «Экономический журнал ГУ ВШЭ».

Особое место в развитии экономико-социологических исследований играют открытые базы *первичных социологических данных*. В первую очередь речь идет о Российском мониторинге экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), организованном на базе Института социологии РАН (руководители — П.М. Козырева и М.С. Косолапов) совместно с университетом Северной Каролины (США), а с 2006 г. — при поддержке ГУ ВШЭ. Мониторинг, более известный в профессиональных кругах как RLMS, отметил в 2003 г. свое десятилетие. Он остается единственным источником социально-экономических панельных данных, собранных на базе пятитысячной национальной выборки домашних хозяйств, который открыт для исследователей. Панельные данные Госкомстата России — более масштабные по объему — вызывают множество нареканий в области методологии и, главное, закрыты для широкого доступа специалистов²³.

Определенную роль в стимулировании исследований в начале 1990-х годов сыграла открытая база данных мониторинга ВЦИОМ, созданная при поддержке Института «Открытое общество» на базе Московской Высшей школы социальных и экономических наук (руководитель — А.О. Крыштановский). Однако данная база не получила должного развития, а со временем ВЦИОМ сократил поток передаваемых «сырых» данных. И но-

²³ В качестве исключения следует назвать данные Национального обследования благосостояния и участия населения в социальных программах (НОБУС), проведенного Госкомстатом РФ в 2003 г. при финансовой поддержке Всемирного банка. Объем выборки составляет 44,5 тыс. домохозяйств (более 11 тыс. респондентов) из 79 регионов РФ.

2000-х годов связываются уже с Единым архивом социологических данных, созданным при поддержке Фонда Форда на базе Независимого института социальной политики (директор — Т.М. Малева) (<http://www.socpol.ru>). Данный Архив предоставляет систематический доступ к первичным данным целого ряда опросных и исследовательских центров.

Наконец, трудно переоценить значение в распространении экономико-социологических идей и институционализации направления в целом *переводов западных классических и современных работ*. Вплоть до начала 2000 годов переводы западных авторов практически отсутствовали, за исключением, пожалуй, серии релевантных публикаций в альманахе «THESIS» в 1993–1994 гг. (тексты К. Поланьи, Ю. Эльстера, П. Вайзе, Г. Саймона и др.)²⁴ и нескольких статей в журнале «Вопросы экономики» (Л. Тевено, Д. Старк) [Старк 1996; Тевено 1997].

Даже с классикой дела обстояли не самым лучшим образом — соответствующие работы М. Вебера, Г. Зиммеля, Т. Парсонса все еще ожидали своего часа. Этот час настал лишь в 2000-е годы. В журналах появились также первые переводы Дж. Коулмана, Р. Сведберга [Коулман 2001; Сведберг 2002]. После долгих задержек вышла «Великая трансформация» К. Поланьи, фундаментальные тома Т. Парсонса и П. Бурдьё [Парсонс 2000; Поланьи 2002; Бурдьё 2001].

Что же касается перевода современных авторов, то по-настоящему систематическая работа началась лишь в 2000 г. коллективом электронного журнала «Экономическая социология». Здесь в каждом номере выходил какой-нибудь новый перевод (основной переводчик — М.С. Добрякова, научный редактор — В.В. Радаев). Так на русском языке впервые появились работы М. Грановеттера, В. Зелизер, Н. Флигстина, Х. Уайта и многих других. Одновременно в каждом номере публиковались интервью с ведущими мировыми экономсоциологами (М. Грановеттер, У. Пауэлл, Р. Сведберг, Н. Смелсер, Д. Старк, Л. Тевено, Х. Уайт, Н. Флигстин и др.) и экономистами, близкими к экономической социологии или оказавшими на нее серьезное влияние (Дж. Акерлоф, О. Уильямсон)²⁵.

Помимо электронных публикаций, эта работа воплотилась в серии «бумажных» изданий. Вышел фактически первый сборник работ ведущих современных экономсоциологов «Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу», в который вошли ранее не публиковавшиеся работы таких авторов, как Н. Биггарт, Д. Старк, Л. Тевено, Х. Уайт, Н. Флигстин [Экономическая... 2002].

Завершена длительная работа по подготовке издания «*Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики*» (при поддержке Института «Открытое общество» и НФПК) [2004]. Хрестоматия включает две дюжины текстов, основную часть которых составляют лучшие работы 1990-х годов. Отдельно упомянем

²⁴ Полные тексты данных статей см. на сайте Института гуманитарных и историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ (<http://www.hse.ru/science/igiti/thesis.shtml>) или на Федеральном образовательном портале по экономике, социологии и менеджменту (<http://www.ecsocman.edu.ru/thesis>).

²⁵ См. специальные рубрики «Интервью» и «Новые переводы» журнала «Экономическая социология» (<http://www.ecsoc.msses.ru>).

Отметим также появление переводов ведущих авторов, работающих в русле новой институциональной экономической теории [Норт 1997; Уильямсон 1996; Ходжсон 2003; Эггертсон 2001]. Эти работы достаточно активно используются экономсоциологами — и позитивно, и в качестве объекта для критики.

Причины институционализации экономической социологии. Какие причины лежат в основе быстрого развития и интенсивной институционализации экономической социологии в постсоветской России? И есть ли основания для оптимизма в отношении ее будущего развития? Нам кажется, что такие основания есть. Более того, экономическая социология в России (как, впрочем, и в некоторых других посткоммунистических странах) имеет более благоприятные перспективы, чем в ведущих западных странах.

Первая причина состоит в том, что под влиянием марксистской политической экономии социально-экономическая (в первую очередь, трудовая и классовая) проблематика занимала важные позиции в развитии советской социологии. В результате были созданы серьезные *теоретические и эмпирические заделы*, которые можно было использовать в реформенный период. Со временем значение этих заделов уменьшается, но на первом этапе наличие относительно длительной исследовательской традиции сыграло позитивную роль.

Вторая причина заключается в том, что в отличие от западных университетов на первом этапе в России *не наблюдалось жесткого разделения между экономистами и социологами*. Это связано, с одной стороны, с тем, что многие экономисты старшего и среднего поколений имели относительно «мягкое», политико-экономическое (не математическое) образование. А с другой стороны, большинство социологов старшего и среднего поколений не получили базового социологического образования и в основном являются выходцами из экономической среды. Напомним, что ряд факультетов социологии появился в результате отпочкования именно от экономических факультетов. В результате экономсоциологи и экономисты институционального направления достаточно легко устанавливали содержательный контакт, и целый ряд исследователей работали сразу на два лагеря, квалифицируясь одновременно как экономисты и экономсоциологи. Эта ситуация, безусловно, благотворно сказалась на развитии экономико-социологических исследований. Но, увы, она не может длиться вечно. По мере профессионализации высшего образования новые поколения экономистов все менее осведомлены о том, что происходит в социологии, а социологи оказываются все дальше от экономической теории в ее современном понимании. И несмотря на попытки отдельных вузов удерживать связи между двумя дисциплинами, разрыв будет

увеличиваться — экономисты и социологи все больше будут говорить на разных языках²⁶.

Третья причина заключается в успешной *формальной институционализации экономической социологии*, которая играет немалую роль. Например, государственные образовательные стандарты хотя более и не являются жестко директивными, продолжают иметь мобилизующее значение. Причем на соответствие государственному стандарту и наличие грифов Министерства образования Российской Федерации (ликвидированного в 2004 г.) ориентировались не только высшие учебные заведения (в особенности региональные), но и ведущие издатели учебной литературы, для которых тиражность изданий во многом связывается с соответствием государственному стандарту.

Четвертая причина видится в наличии в России *внутреннего спроса* на экономико-социологические исследования. В отличие от многих «малых наций», которые еще в советский период активно переходили к профессиональной работе на английском языке (наиболее характерным примером в этом отношении является Венгрия) в России сохраняется серьезный разрыв между работой на «внутренний рынок» и работой «на экспорт». Одна из главных причин этого явления заключается в сохранении языковой проблемы среди основной части специалистов и слабой вестернизированности академического пространства в целом. Английский язык по-прежнему не является основным или даже параллельным средством профессионального общения и публикаций, а также фактически не используется на специальном уровне в сфере высшего профессионального образования. И хотя внутренний (русскоязычный) рынок для социологии не очень обширен, он все же достаточен, чтобы поддерживать экономико-социологические исследования относительно независимо от спроса на них на Западе. Есть также слабая надежда, что наблюдаемое с конца 1990-х годов падение интереса со стороны международного сообщества к российским проблемам и соответствующее сокращение финансирования российских исследований западными фондами будет (хотя бы отчасти) компенсировано государственными источниками финансирования, поддерживающими упомянутый «внутренний рынок» академических работ.

Пятая причина состоит в повышенной степени «*экономизации*» *сознания* российских людей, которая означает, что социально-экономические проблемы устойчиво занимают одно из первых мест среди проблем, волнующих и население, и специалистов. А поскольку нет серьезных оснований предполагать, что эти острые социально-экономические проблемы, касающиеся значительной части населения, будут успешно разрешены в ближайшем будущем, повышенный спрос на

²⁶ Отчасти этот процесс может сдерживаться, как это происходит на факультете социологии Государственного университета — Высшей школы экономики, где экономические дисциплины преподаются в достаточно солидном объеме, и вдобавок несколько социологических дисциплин имеют экономические разработки в качестве весомой составляющей.

экономико-социологические разработки в целом гарантирован.

Шестая причина повышенного спроса на экономосоциологов связана с *интенсивным развитием прикладных исследований рынков*. Правда, следует отметить, что мало кто из работодателей заявляет

потребность в социологах как таковых, всем нужны специалисты в области маркетинга и рекламы, связей с общественностью и управления персоналом. Однако это не означает, что рынок труда для экономсоциологов не сформирован или что он ограничен горсткой опросных социологических фирм. Просто спрос на данного рода специалистов предъявляется под другими именами. И во всех этих прикладных областях молодые экономсоциологи способны находить (и реально находят) свое применение.

Впрочем, в ряде отношений рынок для специалистов по экономической социологии еще только предстоит сформировать. И речь идет отнюдь не только об опросах общественного мнения, а о широких и пока слабо освоенных областях социального анализа, проводимого в рамках государственных, общественных и коммерческих структур. Еще одной из сфер приложения экономико-социологических знаний призваны стать бизнес-школы и сфера дополнительного профессионального образования в целом, которая будет расширяться вслед за развитием рынков.

В целом можно сделать вывод, что процесс институционализации экономической социологии в 1990-е годы начался достаточно активно и ускорился в начале 2000-х годов. Тем не менее степень содержательной интеграции экономико-социологической дисциплины по-прежнему не стоит преувеличивать. Многие исследователи, работающие в данной области, продолжают идентифицировать себя с экономистами или социологами труда. Развитие исследований происходит весьма неравномерно по разным тематическим направлениям.

* * *

Число российских работ по экономической социологии стремительно растет. И необходимо оценить состояние основных направлений исследований в этой области, которая, как будет показано далее, развивается достаточно неравномерно. Сразу оговоримся, что мы не представляем сколь либо полный обзор публикаций по экономико-социологической проблематике, но лишь приводим примеры работ, которые характеризуют то или иное исследовательское направление. В нашем изложении мы будем опираться на два новых оригинальных рубрикатора, разработанных при реализации проекта ЭКСОЦЕНТРА (<http://www.ecsoc.ru>) на основе изучения современной литературы и многочисленных бесед с ведущими специалистами. Первый рубрикатор подразделяет работы по методологическим подходам, а второй — по тематике исследований (см. Приложение).

Видимо, первая попытка анализа общего состояния и отдельных направлений развития постсоветской экономической социологии в России была предпринята в нашем обзоре, подготовленном для фундаментального тома «Социология в России». Обзор был посвящен исследованиям середины 1990-х гг., и этот первый материал мы, несомненно, используем в данной статье²⁷. Теперь пройдем по основным тематическим блокам.

²⁷ Были проанализированы все статьи, вышедшие в 1994—1996 гг. в четырех ведущих журналах, публикующих релевантные тексты.

дологических изысканий в интересующей нас сфере возникли еще в 1980-е годы [Заславская, Рывкина 1984; Левада 1993: 61–70], затем они были возобновлены в середине 1990-х годов [Верховин 1994; Радаев 1994г]. Однако исследования в области методологии экономико-социологического анализа следует считать относительной редкостью. Метатеоретическая работа сегодня «не в чести». И сколь либо оживленной и содержательной дискуссии по поводу специфики экономико-социологического подхода в печати почти не наблюдается [см., например: Радаев 2002а, 2002д]. Основным методологическим течением по-прежнему является функционализм. Куда меньше в явном виде используется веберовская методология, хотя М. Вебер и считается «штатным классиком» [Давыдов 1994; Радаев 1999б]. Сохраняются политико-экономические интерпретации экономической социологии, впрочем, достаточно далекие от «мейнстрима» данного направления [Васильчук 1996]. Встречаются и весьма причудливые сочетания марксизма со старым институционализмом [Синютин 2002]. Почти отсутствуют работы по социологии рационального выбора [Швери 1996], крайне немногочисленны работы, связанные с сетевым подходом [Градосельская 1999, 2004; Барсукова 2003а]. В то же время больше повезло новому институционализму, который развивается в содружестве с институциональными экономистами [Олейник 2000; Радаев 2001в; Экономические... 2003].

Несколько больше работ по *истории экономической социологии*. Однако здесь усилия сосредоточены в первую очередь на изучении классического наследия — К. Маркса (по убывающей), М. Вебера и Г. Зиммеля (по возрастающей). В меньшей степени повезло одному из наиболее интересных классических авторов — В. Зомбарту, который, похоже, был более известен в советское время, нежели сейчас. Российские специалисты только начинают знакомиться с творчеством К. Поланьи.

Еще одна характерная особенность реформенного периода заключалась в активном поиске *российских классиков*. Как правило, речь шла о четырех знаковых фигурах — С.Н. Булгакове, Н.Д. Кондратьеве, М.И. Туган-Барановском и А.В. Чаянове, труды которых были вскоре переизданы [Веселов 1995; Шанин 1995]. В связи с этим нужно заметить, что при всей похвальности патриотических чувств и действительной самобытности указанных авторов, к экономико-социологической традиции они имеют весьма касательное отношение, идет ли речь о философии хозяйства, теории «длинных волн» или политико-экономическом анализе разных хозяйственных укладов.

Куда более важно то, что *современные западные исследования* в области экономической социологии в публикациях отражения не находили, за исключением отдельных ссылок на М. Грановеттера или Р. Сведберга. История мысли как бы остановилась на так называемой «старой экономической социологии», или перспективе хозяйства и общества, пред-

ложенной еще в середине 1950-х годов Т. Парсонсом и Н. Смелсером и развитой впоследствии Н. Смелсером в начале 1960-х годов. Попытки содержательного рассмотрения и систематизации более поздних исследовательских направлений экономической социологии относятся к разряду исключений.

Проблемы предпринимательства и теории организаций. В числе новых предметных областей, которые не могли существовать в советское время, находится изучение *предпринимательства*. В период реформ оно стало одним из наиболее активно развивающихся направлений. На первом этапе (в начале 1990-х гг.) исследователей интересовали в первую очередь сами группы предпринимателей — их социально-демографические и профессиональные портреты, каналы рекрутирования, мотивы, по которым они пришли в бизнес [Бунин 1993; Заславская 1995; Радаев 1993а, 1994б]. В потоке этих исследований оформился интерес к двум особым группам предпринимателей, которые все дальше и дальше расходились друг от друга — бизнес-элиты [Бунин 1994; Авраимова, Дискин 1994; Чирикова 1997] и малые предприниматели [Алимова и др. 1995; Чепуренко и др. 1995; Малый бизнес... 1997; из более поздних работ см.: Малое... 2003].

На втором этапе (вторая половина 1990-х годов), когда группы предпринимателей в основном сложились, интерес начинает смещаться в сторону анализа условий формирования рынков и тех трудностей, с которыми сталкиваются предприниматели при основании и развитии своих предприятий. В центре внимания оказались проблемы входа на рынок, преодоления административных и финансовых барьеров, поддержания контрактных отношений, защиты от посягательств со стороны органов государственной власти и силовых структур. Соответственно, в число ключевых попали проблемы транзакционных издержек, взаимодействия предпринимателей с представителями власти и силовыми структурами [Барсукова 1999; Воздействие... 1998; Радаев 1998г, 1999а, 1998а; Цыганов 1997; Частный... 1998]. Здесь также проявился повышенный интерес к судьбам малого бизнеса, связанный с временным всплеском активности в области политики его государственной поддержки [Орлов 2001; Радаев 1996, 2000б; Чепуренко и др. 1998].

В начале 2000-х годов наступил третий этап исследований предпринимательской деятельности, когда структурные и институциональные основания рынков оказались в целом сформированы. При этом на фоне экономического роста, сопровождающегося интенсивными структурными и институциональными трансформациями, главным объектом изучения становятся правила, которыми руководствуются ведущие участники рынков. Все больший интерес вызывает то, как формируются и изменяются эти правила [Дерябина 2001; Капелюшников 2001а; Олейник 2001; Радаев 2002б, 2002в; Яковлев 2000]. На повестку дня встал вопрос о развитии нового направления — *социологии рынков*, в котором экономическая социология смыкается с новой институциональной экономической теорией. Появилась

Социология рынков тесно связана и с другим направлением — *социологией хозяйственных организаций*. Проекты по данной проблематике были начаты еще в Институте конкретных социологических исследований до его разгрома в 1973 г. [Социальная... 2005], а затем развивались в ВНИИ системных исследований под руководством Д.М. Гвишиани [Гвишиани 1972]. Среди наиболее значимых фигур данного направления следует упомянуть Н.И. Лапина, Н.Ф. Наумову, А.И. Пригожину, В.В. Щербину. А лучшей книгой справедливо считалась монография «Социология организаций», опубликованная А.И. Пригожиным [Пригожин 1980]²⁹. Позднее начали развиваться более прикладные аспекты, связанные с управленческим консультированием и управлением человеческими ресурсами [Щербина 1993]. И в целом данное направление исследований, мигрируя скорее в сторону теорий менеджмента, не оказало столь существенного влияния на развитие собственно экономической социологии, как это произошло в США и ряде других стран.

В реформенный период в середине 1990-х гг. организационная тематика была в основном сосредоточена на проблемах приватизации государственной собственности. При этом многие социологи сконцентрировались на отношении работников и населения в целом к этой приватизации — вопросе куда менее интересном, нежели скрытые и явные механизмы трансформации собственности, которыми занимались в первую очередь экономисты. А в конце 1990-х годов, когда приватизация была в основном завершена, на передний план начали выходить проблемы корпоративного управления этой собственностью [Долгопятова 2001; Предприятия России... 2002; Радыгин 2002; Яковлев 2003] и построения интегрированных бизнес-групп [Паппе 2000].

Постепенно на передний план вышла проблематика *неформальной экономики*, также объединяющая институциональных экономистов и экономсоциологов. В середине 1990-х гг. речь шла лишь о единичных работах. С конца 1990-х гг. их число довольно резко возросло. Обращает на себя внимание периодические публикации статей по соответствующей проблематике в журнале «Вопросы экономики». Появились работы по теории неформальной экономики [Барсукова 2004; Косалс, Рывкина 1998; Латов 2001; Радаев 1999в] и способах ее измерения [Пономаренко 1997; Вопросы... 2003], раскрывалась специфика постсоветской теневой экономики по сравнению с советской. Причем исследования касались и теневой экономики предприятий [Барсукова 2002; Долгопятова 1998; Панях 2000; Радаев 1998г; Яковлев 2000], и неформальной экономики домашних хозяйств [Занятость... 1999; Неформальная... 1999].

²⁸ См. также: [Радаев 2003в, 2003а].

²⁹ Второе издание с не очень существенными дополнениями см.: [Пригожин 1995].

Плавным продолжением данной темы являются проблемы участия в хозяйственной жизни силовых

структур и развития так называемого *силового предпринимательства* [Волков 1999, 2002, 2005; Радаев 1998в], а также влияния *криминальной субкультуры* на хозяйственное поведение [Олейник 2001].

Трудовые отношения и проблемы занятости. Серьезно видоизменилась проблематика *трудовых отношений*. В советской социологии труда изучение этих проблем сводилось во многом к диалектическим упражнениям, характеризующим единство общественных, коллективных и личных интересов при общем примате общественных интересов. Про трудовые конфликты речь, разумеется, всерьез идти не могла. Всплеск подобных исследований произошел в конце 1980-х годов, когда в России развернулось активное шахтерское движение [Борисов 2001; Новые... 1993; Клопов 1995; Крутой пласт... 1999]. Сформировался интерес к изучению роли альтернативных профсоюзов [Козина 2001; Гордон, Клопов 2000: Разд. 3]. Появились и обстоятельные исследования трудовых отношений на уровне предприятия, проведенные в ИСИТО, Институте экономики РАН и Новосибирском государственном университете [Борисов, Козина 1994; Барсуков, Герчиков 1997; Романов 2003; Радаев 1994в; Предприятие и рынок... 1997].

Другая часть бывшей социологии труда в советское время занималась проблематикой условий, содержания и характера труда, крайне осторожно («на цыпочках») подходя к вопросу о социально значимых трудовых различиях. В постсоветский период наиболее актуальными стали *проблемы занятости* — полной и неполной, формальной и неформальной [Четвернина 1995; Шкаратан, Тихонова 1996]. А ключевым вопросом, притягивавшим интерес исследователей рынка труда, стал вопрос о безработице, которой была посвящена весьма значительная доля соответствующих работ [Гимпельсон, Магун 1994; Куприянова 1996; Стэндинг, Четвернина 1993; Хибовская 1996]. Другой характерной чертой исследований рынка труда стало то, что если трудовые отношения оставались уделом экономсоциологов, то рынком труда занимались в большей степени экономисты институционального толка [Гимпельсон, Липпольдт 1996; Государственная... 1998; Капелюшников 2001б; Нестандартная... 2006; Синявская 2005].

Традиционно развитой отраслью еще с давних советских времен были исследования *трудовой мотивации и ценностей*. Они подпитывались из двух разных источников. Первым была политическая экономия, в которой мотивы и ценности встраивались в один понятийный ряд с потребностями и интересами [Здравомыслов 1986]. Вторым источником явилась психология, определявшая мотивы как внутренние побуждения к деятельности. Здесь усилия концентрировались на эмпирическом изучении отношения к труду и удовлетворенности трудом [Человек... 1967]³⁰. В постсоветское время вторая, более плодотворная линия исследований, начатая знаменитым трудом «Человек и его работа», была успешно продолжена [Бессокирная, Темницкий 1999; Лапыгин, Эйдельман 1996; Магун 1996]. При этом объект исследования был расширен

³⁰ Новое издание, дополненное современными материалами, см.: [Здравомыслов, Ядов 2003].

до пределов хозяйственной мотивации (включая, например, предпринимательскую и сберегательную мотивацию [Радаев 1994а, 1995в]), а исследования ценностей, сохранив непрременные социально-экономические элементы, распространились на ранее запретные области, скрепящая экономические, политические и идеологические вопросы³¹.

Потребление и домашнее хозяйство. Относительно развитой отраслью в советское время можно считать *социологию потребления*, хотя многие занимавшиеся ею коллеги склонны были считать себя экономистами [Типология... 1978; Овсянников и др. 1989]. Достаточно упомянуть четыре серии знаменитого таганрогского исследования [Народное... 1991]. Развитие социологии потребления в постсоветский период пошло по нескольким направлениям. Продолжились исследования в области стилей жизни новых (в том числе предпринимательских) групп [Рощина 1995а, 1995б]. Возник специальный проект по измерению Индекса потребительских настроений [Ибрагимова, Николаенко 2005; Ибрагимова, Красильникова, Николаенко 1996]. Появились первые учебные пособия по социологии потребления [Ильин 2000] и отдельные статьи по теории социологии потребления [см., например: Радаев 2005б].

Следует также отметить, что социология потребления активнейшим образом развивается в рамках прикладных *маркетинговых исследований* (например, фирмами «Комкон», «Мониторинг-Ромир», «GfK-RUS»). К сожалению, львиная доля информации и методических разработок по коммерческим причинам не попадают в академическую печать. К тому же здесь производится масса конкретных эмпирических данных (в основном закрытых), а о теоретических разработках, как правило, речь не идет. И дальнейшее развитие этого направления экономической социологии во многом зависит от того, удастся ли соединить социологию потребления с маркетинговыми исследованиями.

По сравнению с потребительской проблематикой *социология финансового поведения* в советское время находилась в полном «загоне», поскольку обществоведы жили в ожидании постепенного отмирания товарно-денежных отношений. Поэтому все, что было связано с деньгами, не пользовалось особой популярностью. Что же касается экономистов, то их интересовали в первую очередь структура доходов и расходов населения. И сегодня мы вынуждены признать, что социологию финансового поведения еще предстоит создать, и сделаны лишь первые шаги в этом направлении³². Особый интерес в реформенный период вызвала проблематика сбережений населения, и появилось немало работ, посвященных не только оценке их объема, но структуре сберегательной мотивации и сберегательным стратегиям [Луценко, Радаев 1996; Радаев 1998б; Сбережения... 1997; Стребков 2001; Хахулина 1995]. Совершенно не развитой остается *социология денег*, если исключить некоторые заходы политико-экономического характера [Васильчук 1995; Верховин 1993]. Появилось также не-

³¹ Наиболее масштабное исследование было проведено группой под руководством Н.И. Лапина в виде трех волн в 1990—2002 гг. [см., например: Лапин 2003].

³² В качестве одной из таких попыток см.: [Ивашиненко 2002].

сколько работ по социологии массового финансового поведения [Кузина 1999; Радаев 2002].

Особый род исследований домашних хозяйств связан с изучением *бюджетов времени*, следующий традиции, идущей еще от С.Г. Струмилина. В советское время подобными трудоемкими исследованиями занималась в Новосибирске группа Г.А. Пруденского [Пруденский 1972]. Дело было продолжено группой В.Д. Патрушева, переместившегося из Новосибирска в московский Институт социологии РАН, а в Новосибирске – группой В.А. Артемова [Артемов 1987; Патрушев 1978, 2000]. В постсоветское время в связи с сокращением финансирования подобные исследования пошли на убыль, хотя частично работы продолжают [Караханова 1999; Патрушев 2003]. Используются также элементы бюджетного подхода при изучении сельских семей и тендерного распределения ролей в домашнем хозяйстве [Барсукова, Радаев 2000; Римашевская и др. 1996; Барсукова 2003б].

Социальная стратификация и тип общества. Изучение *социально-классовой структуры*, как мы упоминали ранее, наряду с социологией труда, было одним из ведущих исследовательских направлений советской социологии. И активное продолжение стратификационных исследований вполне закономерно [Радаев, Шкаратан 1996; Ильин 1996]. Основная часть работ посвящена проблемам социально-профессиональной дифференциации [Трансформация... 1996; Заславская 1996; Тихонова 1999] и дифференциации по материальным признакам [Богомолова и др. 1992]. Продолжают публиковаться работы и по социальной мобильности [Черныш 1994; Богомолова и др. 2002].

В середине 1990-х годов весьма популярной стала тематика исследования *политических и хозяйственных элит*. Самое крупное исследование в этой области было выполнено ВЦИОМ в рамках международного проекта под руководством И. Селеньи [Головачев, Косова, Хахулина 1996]. Длительное время занималась тематикой политических и деловых элит О.В. Крыштановская и А.Е. Чирикова [Крыштановская 2002а, 2002б; Чирикова 1997].

К концу 1990-х годов на передний план выходит проблематика *среднего класса* [Заславская, Громова 1998; Саблина 2000; Средний... 2000; Средний... 1999; Беляева 2001]. Появилось и фундаментальное исследование средних классов в России как результат проекта Московского центра Карнеги (руководитель – Т.М. Малева) [Средние... 2003]. Во многом растущий интерес к российским средним классам соответствует фундаментальным трансформациям деловых стратегий ведущих участников потребительских рынков [об этом см.: Радаев 2003а, 2005а].

Особый интерес сохраняется также к проблематике *бедности* – определению черты бедности, структуры бедных семей, глубины и застойности бедности [Бедность... 1998; Овчарова, Прокофьева 1998; Тихонова 2003; Ярошенко 2001; Бедность... 1994; Чернина 1994; Доходы... 2005], а также адресность поддержки бедных семей [Мисихина 1999].

Есть некоторые работы по теории бедности и андекласса [Ярошенко 1994; Гордон 1994; Балабанова 2002]. В конце 1990-х гг. массовые задержки и невыплаты заработной платы спровоцировали также изучение обширных групп так называемых работающих бедных [Радаев 2000в, 2001б; Kapelyushnikov 2000].

Не получила пока должного развития чрезвычайно актуальная тема этнических отношений в хозяйстве (возможно, ввиду особой деликатности этнических проблем). Тем не менее следует упомянуть появление ряда работ по весьма интересной теме *этнического предпринимательства* [Бредникова, Паченков 2002; Радаев 1993б].

Особое место занимают *крестьяноведческие исследования* [Возми-тель 1994; Калугина 2000; Пациорковский 2003]. Здесь наиболее сильным, несомненно, выглядит коллектив под руководством Т. Шанина, который провел целую серию исследований в ряде российских сел [Рефлексивное... 2002; Виноградский 1996; Штейнберг 1996; Фадеева 2001].

Проявился интерес к проблематике *социального капитала и доверия* в хозяйственных отношениях — одной из наиболее популярных тем в западных социальных науках начала 2000-х годов [Радаев 2003б; Шихирев 2003]. В то же время по-прежнему неразработанным остается направление социологии хозяйственного знания и в том числе изучение *хозяйственных идеологий*³³.

После безуспешных попыток обосновать построение развитого социализма в период перестройки популярной стала тема *моделей социально-экономического развития* — связанная с попытками ответить на вопрос, какое общество мы строим [Бессонова 1994, 1999; Бутенко 1994; Радаев, Шкаратан 1991]. К середине 1990-х годов подобный интерес существенно снизился, но не исчез [Вишневский 2001; Иноземцев 1998; Кирдина 2001; Рывкина 1998].

Наконец, на передний план выходят проблемы *социальной политики*. В первую очередь это связано с началом масштабных социальных реформ в таких сферах, как жилищно-коммунальное хозяйство, пенсионное обеспечение, образование [Баскаков, Баскакова 1998; Бесплатное... 2002; Государственная... 2003; Шишкин 2003; Малева, Сиянская 2005; Российское... 2004; Зубаревич 2005; Бизнес... 2005]³⁴. (О внимании к бедности и адресной социальной поддержке мы уже говорили.) Здесь также имеется благоприятная почва для стратегических альянсов с экономистами.

³³ В качестве исключений см.: [Радаев 1995а, 1995б; Новикова 2001; Пешняк 2002].

³⁴ См. также другие публикации Независимого института социальной политики (<http://www.socpol.ru/publications/>).

ЭКСОЦЕНТРА

Методологические подходы

1. Классика экономической социологии / Classics of economic sociology
2. Социология рационального выбора / Rational choice sociology
3. Организационная экология / Organizational ecology
4. Сетевой подход / Network approach
5. Институциональный подход / Institutionalism
6. Социокультурный подход / Cultural approach
7. Антропологический, этнографический подход / Anthropology and ethnography
8. Исторический подход / Historical approach
9. Политико-экономический подход / Political economy
10. Стратификационный и классовый подходы / Stratification and class
11. Экономико-психологический подход / Economic psychology
12. Компаративный (кросснациональный) подход / Comparative economic sociology
13. Социогеографический / пространственный подход / Spatial approach

Тематика исследований

- A. Методология экономической социологии / Methodology of economic sociology
- B. История экономической социологии / History of economic sociology
- C. Власть и хозяйство. Государство и хозяйство / Power and economy. State and economy
- D. Культура и хозяйство. Хозяйственная этика / Culture and economy. Business ethics
- E. Социальный капитал и доверие / Social capital and trust
- F. Социология рынков / Sociology of markets
- G. Предпринимательство и создание предприятий / Entrepreneurship and start-ups
- H. Права собственности и структуры управления / Property rights and governance structures
- I. Производственная деятельность / Production activity
- J. Трудовые отношения и трудовые конфликты / Labour relations and industrial conflict
- K. Рынки труда. Занятость / Labour markets. Employment
- L. Финансовое поведение. Деньги / Financial behaviour. Money.
- M. Потребление и стили жизни / Consumption and life-styles
- N. Неформальная экономика / Informal economy
- O. Криминалитет и хозяйство / Crime and economy
- P. Социально-экономическая дифференциация. Бедность / Social and economic differentiation. Poverty
- Q. Гендерные отношения и хозяйство / Gender and economy
- R. Этнические отношения и хозяйство / Ethnicity and economy

S. Модели социально-экономического развития / Models of social and economic development

T. Международные связи. Глобализация / International relations. Globalization

U. Хозяйственные идеологии / Economic ideologies

V. Информационные технологии. Интернет / Information technologies. Internet

W. Социальная политика / Social policy

X. Посткоммунистические трансформации / Post-communist transformations

Литература

- Аврамова Е.М., Дискин И.Е.* Социальные трансформации и элиты // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 14–26. <http://ecsocman.edu.ru/ons>
- Алимова Т., Буев В., Голикова В., Долгопятова Т.* Малый бизнес в России: адаптация к переходным условиям // Вопросы статистики. 1995. № 9. С. 42–48, 59–61.
- Артемов В.А.* Социальное время: проблемы изучения и использования. Новосибирск: Наука, 1987.
- Балабанова Е.С.* Стратегии совладения с жизненными трудностями: самостоятельность или зависимость? // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 59–78. <http://www.ecsoc.msses.ru>
- Барсукова С.* Август 1998 г. и отечественное предпринимательство // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 2. С. 28–45. <http://pubs.carnegie.ru>
- Барсукова С.Ю.* Таможня и бизнес: от теневого тандема к легализации // Мир России. 2002. № 2. С. 70–92. <http://ecsocman.edu.ru/mirros>
- Барсукова С.Ю.* Взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003а. № 2. <http://ecsocman.edu.ru/mirros>
- Барсукова С.Ю.* Сущность и функции домашней экономики, способы измерения домашнего труда // Социологические исследования. 2003б. № 12. С. 21–31. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Барсукова С.Ю., Герчиков В.И.* Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего – к частному и разному. Новосибирск, 1997.
- Барсукова С.Ю., Радаев В.В.* Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. № 4. С. 65–102. <http://ecsocman.edu.ru/mirros>
- Баскаков В.Н., Баскакова М.Е.* О пенсиях для мужчин и женщин: социальные аспекты пенсионной реформы. М.: Московский философский фонд, 1998.
- Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М.: Московский центр Карнеги, 1998. С. 15–20. <http://pubs.carnegie.ru>
- Бедность: взгляд ученых на проблему / Отв. ред. М.А. Можина. М.: ИСЭПН РАН, 1994.
- Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001.
- Бесплатное здравоохранение: реальность и перспективы / Под ред. С.В. Шишкина; Независимый институт социальной политики. М.: ООО «Пробел-2000», 2002.
- Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л.* Удовлетворенность работой и удовлетворенность жизнью // Социологический журнал. 1999. № 1–2. С. 86–91.

- Бессонова О.* Радзачная О. Экономика как российская традиция // *Общественные науки и современность*. 1994. № 3. С. 37–48. <http://ecsocman.edu.ru/ons>
- Бессонова О.Э.* Институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999.
- Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер? / А.Е. Чирикова, Н.Ю. Лапина, Л.С. Шилова, С.В. Шишкин (отв. ред.); Независимый институт социальной политики. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
- Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Михеева А.Р.* Социальная структура: неравенство в материальном благосостоянии. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1992.
- Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Ростовцев П.С.* Влияние мобильности населения по доходам на изменение неравенства // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 1. С. 72–86. <http://www.ecsoc.msses.ru>
- Борисов В.А.* Социальное партнерство в России: специфика или подмена понятий // *Социологические исследования*. 2001. № 5. С. 46–55. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Борисов В.А., Козина И.М.* Об изменении статуса рабочих на предприятии // *Социологические исследования*. 1994. № 11. С. 16–29. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Бредникова О., Паченков О.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 2. С. 74–81. <http://ecsoc.msses.ru>
- Бунин И.М.* Социальный портрет мелкого и среднего предпринимательства в России // *Полис*. 1993. № 3. С. 149–154.
- Бунин И.М.* и др. Бизнесмены России: 40 историй успеха. М.: ОКО, 1994.
- Бурдые П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Бутенко А.П.* О характере созданного в России общественного строя // *Социологические исследования*. 1994. № 10. С. 95–102. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Васильчук Ю.А.* Социальные функции денег // *Мировая экономика и международные отношения*. 1995. № 2.
- Васильчук Ю.А.* Эпоха НТР: конвейерная революция и государство // *Полис*. 1996. № 2, 3.
- Верховин В.И.* Структура и функции монетарного поведения // *Социологические исследования*. 1993. № 10. С. 67–73. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Верховин В.И.* Экономическое поведение как предмет социологического анализа // *Социологические исследования*. 1994. № 10. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Верховин В.И.* Экономическая социология. М., 1998.
- Верховин В.И., Зубков В.И.* Экономическая социология. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2002.
- Веселов Ю.В.* Экономическая социология: история идей. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995.
- Виноградский В.Г.* Крестьянские сообщества сегодня (южно-российский вариант) // *Социологические исследования*. 1996. № 6. С. 126–131. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Вишневский А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 2001. <http://ecsocman.edu.ru/db/msg/211085.html>
- Воздействие государственного и местного регулирования на предпринимательство. М.: Институт стратегического анализа и развития предпринимательства, 1998.
- Возьмитель А.А.* Социальные типы фермеров и тенденции развития фермерского движения // *Социологические исследования*. 1994. № 10. С. 43–50. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Волков В.В.* Силовое предпринимательство в современной России // *Социологические исследования*. 1999. № 1. С. 56–65. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Волков В.В.* Силовое предпринимательство. СПб.: ЕУСПб: Летний сад, 2002. № 1–5; 2003. № 1–3 (публикацию книги по главам см.: *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 1. 2003. Т. 4. № 3. <http://www.ecsoc.msses.ru>

- Вопросы количественной оценки показателей ненаблюдаемой экономики в России / Под ред. А.Е. Косарева. М.: ТЕИС, 2003.
- Гвишиани Д.М. Организация и управление. 2-е изд. М.: Наука, 1972.
- Гимпельсон В., Липпольдт Д. Реструктурирование занятости на российских предприятиях // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 7.
- Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 134–149.
- Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура и стратификация // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. С. 104–129. <http://www.auditorium.ru>
- Головачев Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А. Формирование правящей элиты в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1995. № 6; 1996. № 1.
- Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 18–35.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и приобретения в России девяностых. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Государственная и корпоративная политика занятости / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Московский центр Карнеги, 1998
- Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств / Под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
- Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии: Учеб. пособие. М.: Новый учебник, 2004.
- Градосельская Г. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1–2. С. 156–163.
- Громова Р.А. Куда идет Россия? Семь лет в пути // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 2. С. 85–93. <http://www.ecsoc.msses.ru>
- Давыдов Ю.Н. Веберовская социология капитализма // Социологические исследования. 1994. № 10. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Дерябина М. Институциональные аспекты постсоциалистического переходного периода // Вопросы экономики. 2001. № 10.
- Долгопятова Т. Модели и механизмы корпоративного контроля в российской промышленности (опыт эмпирического исследования) // Вопросы экономики. 2001. № 5.
- Долгопятова Т. и др. Неформальный сектор в российской экономике. М.: Институт стратегического анализа и развития предпринимательства, 1998.
- Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / Рук. авт. колл. Л.Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
- Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред. В. Кабалиной, С. Кларка. М.: РОССПЭН, 1999.
- Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004.
- Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 3–12. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 1. С. 7–15.
- Заславская Т.И., Громова Р.А. К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. 1998. № 4. С. 3–22. <http://ecsocman.edu.ru/mirros>
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В. О предмете экономической социологии // Известия СО АН СССР. Сер. Экономика и прикладная социология. 1984. Вып. 1. № 1.

- Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Новосибирск: Наука, 1991.
- Здравомыслов А.Г.* Потребности, интересы, ценности. М., 1986.
- Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Зелизер В.* Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы / Пер. с англ. А.В. Смирнова, М.С. Добряковой под науч. ред. В.В. Радаева. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Зубаревич Н.В.* Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Аналитический доклад / Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2005.
- Ибрагимов Д.Х., Николаенко С.А.* Индекс потребительских настроений / Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2005. <http://www.socpol.ru/publications/>
- Ибрагимов Д., Красильникова М., Николаенко С.* Индекс потребительских настроений // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 6. С. 36–41.
- Ивашиненко Н.Н.* Эволюция взаимодействия финансовых структур и населения России (1987–2002). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2002.
- Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ, 1917–1996 гг. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1996. С. 198–215.
- Ильин В.И.* Поведение потребителей: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2000.
- Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества: постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia – Наука, 1998.
- Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000.
- Капелюшников Р.* «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001а. № 1. С. 138–156.
- Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ, 2001б.
- Караханова Т.М.* Домашний труд и быт городских жителей: 1965–1998 гг. // Социологический журнал. 1999. № 3–4. С. 110–115.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2001.
- Клопов Э.В.* Переходное состояние рабочего движения // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 10–28.
- Козина И.М.* Профсоюзы в коллективных трудовых конфликтах // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 49–55. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Косалс Л.Я., Рывкина Р.В.* Социология перехода к рынку в России. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 84–105.
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139. <http://ecsocman.edu.ru/ons>
- Кравченко А.И., Щербина В.В.* Социология труда и производства // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 211–239. <http://www.auditorium.ru>
- Крутой пласт. Шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общественных перемен / Под ред. Л. Гордона, Э. Клопова, И. Кожуховского. М.: Комплекс-Прогресс, 1999.
- Крыштановская О.В.* Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. 2002а. Т. XI. № 4. С. 3–60. <http://ecsocman.edu.ru/mirros>
- Крыштановская О.В.* Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002 // Социологические исследования. 2002б. № 8. С. 17–49. <http://ecsocman.edu.ru/socis>

- Кузина О.Е. Формирование доверия в массовом инвестиционном поведении // Социологический журнал. 1999. № 1–2. С. 171–181.
- Курьянова З.В. Безработица. Реальность, ожидания, опасения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1996. № 5. <http://ecsocman.edu.ru/vestnik>
- Латин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. 2003. № 4. С. 120–159. <http://ecsocman.edu.ru/mirros>
- Латыгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л. Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. М.: Наука, 1996.
- Латов Ю.В. Экономика вне закона (очерки по теории и истории теневой экономики). М.: Московский общественный научный фонд, 2001. <http://ecsocman.edu.ru/monf>
- Левада Ю.А. Социальные рамки экономического действия // Левада Ю.А. Лекции по социологии. М., 1993. С. 61–70.
- Луценко А.В., Радаев В.В. Сбережения работающего населения: масштабы, функции, мотивы // Вопросы экономики. 1996. № 1.
- Магун В.С. Трудовые ценности российского населения // Вопросы экономики. 1996. № 1. С. 47–62.
- Малева Т.М., Синявская О.В. Пенсионная реформа в России: история, результаты перспективы. Аналитический доклад / Независимый институт социальной политики. М.: Помтур, 2005.
- Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее / Под ред. Е.Г. Ясина, А.Ю. Чепуренко, В.В. Буева. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003.
- Малый бизнес в СНГ и Восточной Европе: трудности роста (середина — вторая половина 1990-х годов) / Под ред. А.Ю. Чепуренко. М.: РНИСиНП, 1997.
- Мисихина С.Т. Социальные пособия, льготы и выплаты в Российской Федерации. Распределение по группам населения с различным уровнем дохода: проблемы и решения. М.: TACIS, 1999.
- Народное благосостояние: тенденции и перспективы / Под ред. Н.М. Римашевской, Л.А. О니кова. М.: Наука, 1991.
- Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.
- Новикова Е.Г. Идеологическая композиция экономических программ КИРФ, «Яблока» и «Единства» // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 2. С. 94–114. <http://ecsoc.msses.ru>
- Новые социальные движения в России (по материалам российско-французских исследований) / Под ред. Л. Гордона, Э. Клопова. Вып. 1, 2. М.: Прогресс-Комплекс, 1993.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
- Овсянников А.А., Петтай И.И., Римашевская Н.М. Типология потребительского поведения. М.: Наука, 1989.
- Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Альтернативные подходы к определению бедности // Куда идет Россия: Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 209–218. <http://ecsocman.edu.ru/kir>
- Олейник А.Н. Институциональная экономика: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2000.
- Олейник А.Н. «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001а. № 5. С. 4–25.
- Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России. М.: ИНФРА-М, 2001б.
- Орлов А. Малое предпринимательство в России: развитие или стагнация? (1992–2001 годы) // Вопросы экономики. 2001. № 10.

- О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии // *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 18–40.
- Панеях Э.* Издержки легальной экономической деятельности: налоговое поведение российских предпринимателей // Конкуренция за налогоплательщика. Исследования по фискальной социологии / Под ред. В.В. Волкова. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 26–48. <http://ecsocman.edu.ru/monf>
- Панте Я.* Олигархи: экономическая хроника, 1992–2000. М.: ГУ ВШЭ, 2000. <http://www.libertarium.ru>
- Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
- Патрушев В.Д.* Использование совокупного времени общества (проблемы баланса времени населения). М.: Мысль, 1978.
- Патрушев В.Д.* Жизнь горожанина (1965–1998). М.: Ин-т социологии РАН, Academia, 2000.
- Патрушев В.Д.* Бюджет времени городского работающего населения США и России (1980–1990-е годы) // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 32–39. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Пацюрковский В.В.* Сельская Россия: 1991–2001. М.: ИСЭПН РАН, 2003.
- Пешняк А.В.* Идеологическая составляющая документов реформирования РАО «ЕЭС России» как способ координации и продвижения интересов // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 96–125. <http://ecsoc.msses.ru>
- Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
- Пономаренко А.* Подходы к определению параметров «теневой экономики» // Вопросы статистики. 1997. № 1.
- Попова И.П.* При каких условиях начинают работать формальные правила в социально-экономической сфере? (Обзор работы секции IX ежегодного международного симпозиума «Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики») // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 135–139. <http://ecsoc.msses.ru>
- Предприятие и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период / Ред. В.И. Кабалина. М.: РОССПЭН, 1997.
- Предприятия России: корпоративное управление и рыночные сделки. М.: ГУ ВШЭ, 2002.
- Пригожин А.И.* Социология организаций. М.: Наука, 1980.
- Пригожин А.И.* Современная социология организаций. М.: Интерпракс, 1995.
- Пруденский Г.А.* Проблемы рабочего и вне рабочего времени. М.: Наука, 1972.
- Радаев В.В.* Российские предприниматели: кто они? // Вестник статистики. 1993а. № 9. С. 3–13.
- Радаев В.В.* Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. 1993б. № 5. С. 79–87.
- Радаев В.В.* Серия статей под рубрикой «Экономическая социология» в «Российском экономическом журнале» (1994. № 8–11; 1995. № 1–4, 7–8, 10–11; 1996. № 1–2, 4–6).
- Радаев В.В.* Внеэкономические мотивы предпринимательской деятельности (по материалам эмпирических исследований) // Вопросы экономики. 1994а. № 7. С. 85–97.
- Радаев В.В.* Новое российское предпринимательство в оценках экспертов // Мир России. 1994б. Т. 3. № 1. С. 36–54. <http://ecsocman.edu.ru/mirros>
- Радаев В.В.* Четыре способа утверждения авторитета внутри фирмы: некоторые результаты обследования предпринимателей // Социологический журнал. 1994в. № 2.
- Радаев В.В.* Что изучает экономическая социология // Российский экономический журнал. 1994г. № 9. С. 49–55.
- Радаев В.В.* Об истоках и характере консервативного сдвига в российской идеологии // Иное: хрестоматия нового российского самосознания / Сост. С.Б. Чернышев. Т. 1. М.: Аргус, 1995а. С. 289–320.

- Радаев В.В.* Хозяйственная система России сквозь призму идеологических систем // Вопросы экономики. 1995б. № 2. С. 30–39.
- Радаев В.В.* Что означает «принять предпринимательское решение» (По результатам опроса предпринимателей) // Общественные науки и современность. 1995в. № 1. С. 33–39. <http://ecsocman.edu.ru/ons>
- Радаев В.В.* Малый и бизнес и проблемы деловой этики: надежды и реальность // Вопросы экономики. 1996. № 7. С. 72–82.
- Радаев В.В.* Экономическая социология: Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Радаев В.В.* Предпринимательство в регионе: состояние малого бизнеса // Региональный подход к промышленной реструктуризации в Томской области РФ. Париж: Организация экономического сотрудничества и развития, 1998а. С. 273–316.
- Радаев В.В.* О наличии сбережений и сберегательных мотивах российского населения // Вопросы социологии. 1998б. Вып. 8. С. 39–54.
- Радаев В.В.* О роли насилия в современных деловых отношениях // Вопросы экономики. 1998в. № 10. С. 81–100.
- Радаев В.В.* Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998г.
- Радаев В.В.* Экономическая социология: состояние и перспективы развития // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Институт социологии РАН, 1998д. С. 253–263. <http://www.auditorium.ru>
- Радаев В.В.* Российский бизнес: структура транзакционных издержек // Общественные науки и современность. 1999а. № 6. С. 5–19. <http://ecsocman.edu.ru/ons>
- Радаев В.В.* Стратификационный анализ постсоветской России: неовебериянский подход // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России / Отв. ред. И.А. Бутенко. Вып. XI. М.: Московский общественный научный фонд, 1999б. С. 46–59. <http://ecsocman.edu.ru/monf>
- Радаев В.В.* Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et Contra. 1999в. Т. 4. № 1. С. 5–24. <http://pubs.carnegie.ru>
- Радаев В.В.* Есть ли шанс создать национальную теорию в социальных науках? // Pro et Contra. 2000а. Т. 5. № 3. С. 202–214. <http://pubs.carnegie.ru>
- Радаев В.В.* Малый бизнес: поддержали и хватит // Эксперт. 2000б. № 36. 25 сентября. С. 12.
- Радаев В.В.* Работающие бедные: велик ли запас прочности // Социологические исследования. 2000в. № 8. С. 28–37. <http://ecsocman.edu.ru/socis>; или Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 1. С. 25–36. <http://ecsoc.msses.ru>
- Радаев В.В.* Как организовать и представить исследовательский проект: 75 простых правил. М.: ГУ ВШЭ: ИНФРА-М, 2001а.
- Радаев В.В.* Кто поможет работающим бедным // Pro et Contra. 2001б. Т. 6. № 3. С. 63–79. <http://pubs.carnegie.ru>
- Радаев В.В.* Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001в. № 3. С. 109–130. <http://ecsocman.edu.ru/jssa>
- Радаев В.В.* Еще раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования. 2002а. № 7. С. 3–14. <http://ecsocman.edu.ru/socis>; или Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 21–35. <http://www.ecsoc.msses.ru>
- Радаев В.В.* Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002б. С. 157–209. <http://www.ecsoc.ru>

- Радаев В.* Российский бизнес: на пути к легализации? // Вопросы экономики. 2002в. № 1. С. 68–87 или Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 1. С. 42–62. <http://www.ecsoc.msses.ru>
- Радаев В.В.* Уроки «финансовых пирамид», или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России. 2002г. Т. XI. № 2. С. 39–70. <http://ecsocman.edu.ru/mirros>
- Радаев В.В.* Что такое экономическое действие? // Экономическая социология. 2002д. Т. 3. № 5. С. 18–25. <http://www.ecsoc.msses.ru>
- Радаев В.* Изменение конкурентной ситуации на российских рынках (на примере розничных сетей) // Вопросы экономики. 2003а. № 7. С. 57–77.
- Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003б. № 2. С. 5–17. <http://ecsocman.edu.ru/ons>; или Экономическая социология. Т. 3. № 4. 2002. С. 20–32. <http://ecsoc.msses.ru>
- Радаев В.В.* Рынок как идеальная модель и форма хозяйства: к новой социологии рынков // Социологические исследования. 2003в. № 9. С. 18–29. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Радаев В.В.* Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003г.
- Радаев В.В.* Динамика деловых стратегий российских розничных компаний под воздействием глобальных торговых сетей // Российский журнал менеджмента. 2005а. Т. 3. № 3. С. 3–26. <http://ecsocman.edu.ru/rjm>
- Радаев В.В.* Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005б. № 1. С. 5–18. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Радаев В.В.* Экономическая социология: Учеб. пособие. М.: ГУ ВШЭ, 2005в.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Власть и собственность // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 50–61. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 150–152. <http://www.ecsoc.ru>
- Радыгин А.* Корпоративное управление в России: ограничения и перспективы // Вопросы экономики. 2002. № 1.
- Рефлексивное крестьяноведение: десятилетия исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А.М. Никулина, В.П. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002.
- Римашевская Н., Ванной Д., Мальшева М.* и др. Окно в русскую частную жизнь: супружеские пары в 1996 г. М.: Academia, 1999. С. 113–153.
- Романов П.В.* Власть, управление и контроль в организациях. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003.
- Российское здравоохранение: оплата за наличный расчет / С.В. Шишкин (рук. авт. колл.), Г.Е. Бесстремьяная, М.Д. Красильникова и др.; Независимый институт социальной политики. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Рощина Я.М.* Досуг московских бизнесменов // Социологический журнал. 1995а. № 3. С. 174–189.
- Рощина Я.М.* Стиль жизни предпринимателя: типы потребительских ориентации // Вопросы экономики. 1995б. № 7.
- Рощина Я.М.* Экономическая социология на пороге третьего тысячелетия // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 1. С. 130–135. <http://www.ecsoc.msses.ru>
- Рывкина Р.В.* Экономическая социология переходного периода. М.: Дело, 1998.
- Саблина С.Г.* Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Социологический журнал. 2000. № 1–2.
- Сбережения населения Российской Федерации: аналитический доклад ИСЭПН РАН. М.: Инфограф, 1997.

- Сведберг Р.* Новая экономическая социология: что сделано и что впереди // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 2. С. 13–35. <http://ecsocman.edu.ru/jssa>
- Синютин М.В.* Институциональный подход в экономической социологии. СПб.: Изд-во НИИХ Санкт-Петербургского государственного университета, 2002.
- Синявская О.В.* Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика / Независимый институт социальной политики. WP/2005/01. М.: Поматур, 2005. <http://www.socpol.ru/publications/>
- Соколова Г.Н.* Экономическая социология. Минск, 1998.
- Сорокин Г.М.* Очерки политической экономии социализма. М.: Наука, 1984.
- Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. Генеральный проект ИКСИ АН СССР (1968–1973): первая публикация / Сост. и общ. ред. Н.И. Лапина. М.: Academia, 2005.
- Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 1999. Разд. 1. С. 15–146. <http://ieie.nsc.ru>
- Социология труда: Учебник / Под ред. Н.И. Дряхлова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины. М.: Изд-во Московского ун-та, 1993.
- Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф, 2003. <http://pubs.carnegie.ru>
- Средний класс в России: количественные и качественные оценки / Авт. коллектив: Е.М. Авраамова, Л.М. Григорьев и др. Бюро экономического анализа. М.: ТЕИС, 2000.
- Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН, 1999. С. 83–95.
- Старк Д.* Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма // Вопросы экономики. 1996. № 6. С. 4–24.
- Стребков Д.* Трансформация сберегательных стратегий населения России // Вопросы экономики. 2001. № 10.
- Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. 1, 2: Пер. с англ. М.: ИКСИ АН СССР 1968, 1969.
- Стэндинг Т., Четвернина Т.* Загадки российской безработицы (по материалам обследований Центров занятости Ленинградской области) // Вопросы экономики. 1993. № 12.
- Тевено Л.* Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 69–84.
- Типология потребления / Под ред. С.А. Айвазяна, Н.М. Римашевской. М.: Наука, 1978.
- Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.
- Тихонова Н.Е.* Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.
- Токарская Н.М., Озерникова Т.Г.* Экономическая социология. Иркутск: Изд-во Иркутской экономической академии, 1995.
- Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Ин-т социологии РАН, 1996.
- Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.
- Фадеева О.П.* Неформальная занятость в сибирском селе // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 2. С. 61–93. <http://ecsoc.msses.ru>
- Хахулина Л.А.* Как население намерено использовать свои сбережения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1995. № 3. <http://ecsocman.edu.ru/vestnik>
- Хибовская Е.А.* Угроза безработицы: положение занятых в негосударственном секторе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 1. <http://ecsocman.edu.ru/vestnik>
- Шевчук А.В.* Летняя школа для институциональных экономистов и экономсоциологов // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 160–161. <http://ecsoc.msses.ru>

Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003.

Цыганов А. Предприниматель и власть: проблемы взаимодействия // Вопросы экономики. 1997. № 6. С. 97–103.

Частный бизнес: становление и развитие в регионах России. М.: Институт стратегического анализа и развития предпринимательства, 1998.

Человек и его работа / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.: Мысль, 1967.

Чепуренко А.Ю. и др. Малое предпринимательство в России: тенденции развития // Малое предпринимательство в контексте российских реформ и мирового опыта / Отв. ред. А.Ю. Чепуренко. М., 1995. С. 5–39.

Чепуренко А.Ю. и др. Малый бизнес после августа 1998 г.: проблемы тенденции, адаптационные возможности // Осенний кризис 1998 года: российское общество до и после / Под ред. М.К. Горшкова. М.: РНИСиНП: РОССПЭН, 1998. С. 177–183.

Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 54–60. <http://ecsocman.edu.ru/socis>

Черныш М.Ф. Социальная мобильность в 1986–1993 годах // Социологический журнал. 1994. № 2.

Четвернина Т.Я. Политика занятости промышленных предприятий России (по материалам обследования МОТ) // Теория и практика управления. 1995. № 2.

Чирикова А.Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М.: Институт социологии РАН, 1997.

Шанин Т. Три смерти Александра Чаянова // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 92–109.

Швери Р. Теоретическая концепция Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социологический журнал. 1996. № 1–2.

Шихирев П.Н. Феномен социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17–32. <http://ecsocman.edu.ru/ons>

Шишкин С.В. Формальные и неформальные правила оплаты медицинской помощи // Мир России. 2003. № 3. <http://ecsocman.edu.ru/mirros>

Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е. Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда // Мир России. 1996. № 9. <http://ecsocman.edu.ru/mirros>

Штейнберг И.Е. Тенденции трансформации власти в постсоветском селе // Социологические исследования. 1996. № 7. <http://ecsocman.edu.ru/socis>

Щербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления. М.: МГУ, 1993.

Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001.

Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002.

Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. В 3 т. М.: Московский общественный научный фонд, 2003. <http://ecsocman.edu.ru/monf>

Яковлев А. Почему в России возможен безрисковый уход от налогов? // Вопросы экономики. 2000. № 11. С. 134–152.

Яковлев А.А. Корпоративное управление и реструктуризация предприятий в России: формальные институты и неформальные интересы собственников // Экономический журнал ВШЭ. 2003. Т. 7. №2. С. 221–230. <http://ecsocman.edu.ru/economics/>

Ярошенко С.С. Синдром бедности // Социологический журнал. 1994. № 2.

Ярошенко С.С. Бедные северного села трансформирующейся России: двойное исключение // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 5. С. 59–78. <http://www.ecsoc.msses.ru>

Kapelyushnikov R. Explanations for Wage Arrears: A Microeconomic Perspective // The Russian Economic Barometer. 2000. № 4. <http://ecsoc.ru/reb>

Зоя Котельникова

Государственный университет — Высшая школа экономики

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР АВТОРЕФЕРАТОВ КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ЗА 2000—2005 гг.

Экономическую социологию в России можно назвать одновременно и традиционным, и молодым научным направлением. Ее активное возрождение началось в советское время, когда закладывались традиции, формировались исследовательские коллективы, основывались теоретические школы, а распространенными темами исследований являлись трудовые отношения, распределение бюджета времени, управление эффективностью труда, урбанизация и т.п. Однако институциональное оформление экономической социологии — процесс недавний, стартовавший в 1988—1989 гг. Именно тогда стали появляться первые профессиональные научные и образовательные центры в данной области¹. Экономическая социология получила свой код в реестре специальностей.

Одним из важных индикаторов развития научной дисциплины является подготовка квалификационных работ, среди которых немалую роль играют кандидатские и докторские диссертации. *Ицель данной работы* состоит в том, чтобы охарактеризовать место экономической социологии в системе социологических наук, а также ее внутреннюю тематическую структуру посредством анализа количественного распределения тем кандидатских диссертаций по экономической социологии за период 2000—2005 гг. в России в целом и по отдельным регионам².

В своем исследовании мы попытались ответить на следующие вопросы: какова доля диссертаций по экономической социологии в общей совокупности кандидатских работ по социологии? Преимущественно

каким темам посвящены кандидатские диссертации в 2000—2005 гг.? Существует ли региональная зависимость в распределении тем? И наконец, какие образовательные и научные учреждения сыграли наиболее значительную роль в расширении корпуса кандидатов социологических наук?

¹ Котельникова З.В. Экономико-социологические центры России // Экономическая социология, 2005. Т. 6. № 3. С. 101.

² В данной работе анализируется совокупность диссертаций, утвержденных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Сложности в пути к элементарному:

описание эмпирического объекта

Первая проблема состояла в том, чтобы определить тематические границы экономической социологии. Иными словами, какие темы диссертационных работ следует относить к экономической социологии?

Разумеется, самый очевидный путь — формальный: взять работы по соответствующей специальности: 22.00.03 «Экономическая социология и демография». Однако такое решение задачи чрезвычайно ограничивает поле возможностей и сильно искажает реальное положение дел по ряду объективных причин. Например, не во всех городах и регионах есть диссертационные советы по этой специальности. А «в ряде случаев диссертационные советы не совсем точно определяют специальность, по которой предстоит защита»³. Поэтому номер специальности не может использоваться как единственный критерий отбора.

Есть еще один способ — экспертный: из всей совокупности кандидатских диссертаций отобрать те, которые, как нам кажется на основании нашего опыта, знаний и просто здравого смысла, относятся к экономической социологии. Но в этом случае сразу возникают вопросы: «Почему.? На каком основании..?»

Мы выбрали третий путь — комбинированный. Взяли все специальности по социологии:

22.00.01 (Теория, методология и история социологии);

22.00.03 (Экономическая социология и демография);

22.00.04 (Социальная структура, социальные институты и процессы);

22.00.06 (Социология культуры, духовной жизни);

22.00.08 (Социология управления).

И уже из этих диссертаций при помощи тематического рубрикатора ЭКСОЦЕНТРА⁴ отобрали те, которые можно отнести к экономической социологии. Итоговое количество анализируемых работ за 2000—2005 гг. составило 909 (см. табл. ПЗ Приложения).

Вторая проблема — организационно-техническая: где и как получить полный список авторефератов кандидатских диссертаций? Диссертанты обязаны присылать их в следующие организации⁵:

- Российская книжная палата — 1 экз.;
- Российская государственная библиотека — 1 экз.;
- Российская национальная библиотека — 1 экз.;
- Государственная публичная научно-техническая библиотека России — 1 экз.;
- Всероссийский институт научной и технической информации — 1 экз.;
- Государственная центральная научная медицинская библиотека Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова (для работ по медицинским и фармацевтическим наукам) — 1 экз.;

³ Москвичев Л.Н. Краткий обзор тематик диссертаций, рассмотренных ВАК России в 1998 г. Социологические науки. // Бюллетень Высшей аттестационной комиссии Министерства образования РФ. 2000. № 3. С. 39.

⁴ См.: http://ecsoc.ru/db/catalog_subj.html (или с. 403—404 данной книги. — Прим. ред.). Поскольку не все темы анализируемых работ можно подвести под ту или иную рубрику классификатора, мы приняли решение скорректировать его и дополнить такими категориями, как: «Социология рынков» (за исключением рынка труда), «Благотворительность. Меценатство», «Маркетинг. Реклама. СМИ», «Прочие».

⁵ Перечень организаций, которым обязательно рассылаются авторефераты диссертаций, см.: http://www.pomorsu.ru/documentations/sp_org.html

- Государственная научная педагогическая библиотека имени К.Д. Ушинского (для работ по педагогическим и психологическим наукам) — 1 экз.

Все диссертации и авторефераты поступают в Российскую государственную библиотеку (РГБ) и Российскую книжную палату. РГБ ведет электронный каталог и базу полнотекстовых диссертаций, которые находятся в открытом доступе (см. <http://diss.rsl.ru/>). Книжная палата публикует два печатных периодических издания: «Летопись диссертаций» и «Летопись авторефератов диссертаций». Согласно официальным требованиям, авторы должны направлять авторефераты диссертаций в *предзащитный* период, но иногда работы поступают в данные организации и *после* защиты. Обработка массива полученных диссертаций также требует времени. Поэтому мы не можем утверждать, что, выполняя настоящий обзор в середине 2006 г., мы располагали полным перечнем тем кандидатских диссертаций за 2005 г.

Наша эмпирическая база составлена на основе трех источников:

- «Летопись авторефератов диссертаций» (все номера за 2001–2002 гг.);
- электронный каталог авторефератов диссертаций РГБ;
- фонд Отдела диссертаций РГБ.

За 2000–2005 гг. мы насчитали 2707 авторефератов диссертаций по социологии. Заметим, что социология наряду с другими общественными и гуманитарными дисциплинами все более прочно утверждается в системе отечественных наук (см. табл. П1 Приложения). Общее число кандидатских диссертаций по социологии с каждым годом поступательно возрастает: от 123 в 1994 г. до 582 в 2004 г.⁶

Таблица 1

Количество авторефератов диссертаций
по социологическим специальностям, 2000–2005 гг.

Специальность	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Теория, методология и история социологии (22.00.01)	41	14	26	31	30	28
Экономическая социология и демография (22.00.03)	41	25	35	47	45	41
Социология культуры, духовной жизни (22.00.06)	42	49	63	68	106	65
Социальная структура, социальные институты и процессы (22.00.04)	155	158	184	166	220	215
Социология управления (22.00.08)	123	98	122	141	181	155
Всего	402	336	430	453	582	504

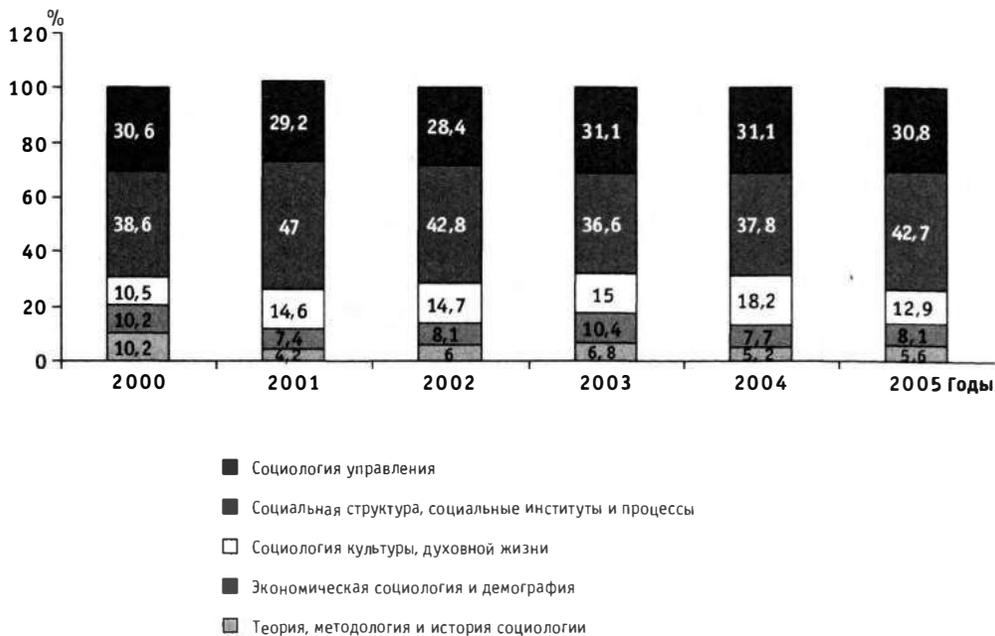
Исключение в этом временном ряду составил лишь 2001 г., на который приходится спад числа утвержденных работ. Он был спровоцирован происшедшими тогда изменениями в ВАК: в 2000 г. вышло распоряжение Правительства РФ о «проведении реструктуризации сети диссертационных советов», основной целью которого было сократить их количество и пересмотреть базовый и резервный соста-

⁶ О некоторых тенденциях в аттестации кадров высшей научной квалификации // Сайт Высшей аттестационной комиссии: http://vak.ed.gov.ru/faq/ors/razd_1.htm

вы. В связи с этим многие диссертационные советы приостановили свою деятельность до утверждения новой сети, что и отразилось на доле выпускаемых работ в 2001 г. Затем ситуация нормализовалась.

Несмотря на увеличение общего количества кандидатских диссертаций по социологии, как мы предполагали, их распределение и прирост по специальностям происходит неравномерно: в 2000—2005 гг. на две специальности — «Социальная структура, социальные институты и процессы» (22.00.04) и «Социология управления» (22.00.08) — приходится примерно 70% защищаемых работ (см. рис. 1). Более того, в 2000—2005 гг. мы наблюдаем уменьшение количества кандидатских работ, относящихся к специальности «Теория, методология и история социологии» (22.00.01): в 2005 г. их число сократилось на 32% по отношению к 2000 г., в то время как, например, число диссертаций по специальности 22.00.04 увеличилось на 43%, а по специальности 22.00.06 — на 54%.

Рис. 1. Структура совокупности кандидатских диссертаций в разрезе социологических специальностей, 2000—2005 гг., %

Количество кандидатских работ обусловлено прежде всего числом диссертационных советов по той или иной специальности, а также активностью этих советов. В настоящее время основной проблемой, по мнению экспертов, являются перекосы в работе диссертационных советов: с одной стороны, существенная доля из них не проводит защиты вообще, а с другой — есть советы-рекордсмены, поставившие дело на поток⁷.

⁷ «Часто организации стремятся создавать советы по специальностям, по которым у них малочисленная аспирантура, редко готовятся доктора наук. Такие советы заведомо будут малозагружены. Так, по итогам обработки отчетов диссертационных советов за 2002 г. 715 докторских советов не провели ни одной докторской защиты, а 83 докторских совета не провели ни одной ни докторской, ни кандидатской защиты. Количество кандидатских советов, не проводивших защиты, — 32. Но наряду с этим не может не беспокоить наличие

По состоянию на 2003 г. в РФ функционировало 76 диссертационных советов по социологии, из которых более двух третей (53) — докторские советы. Мы не располагаем данными относительно более позднего периода, но, по всей видимости, со временем их число возросло (данные о количестве диссертационных советов по отраслям гуманитарных и общественных наук на 1.11.2003 г. см. в табл. П2 Приложения).

По данным портала «Auditorium.ru»⁸, на сегодняшний день 112 организаций, включая 102 вуза и 10 НИИ, ведут подготовку аспирантов и проводят защиты кандидатских работ по социологии, в том числе:

- по специальности 22.00.04 — 67 учреждений;
- по специальности 22.00.08 — 40 учреждений;
- по специальности 22.00.06 — 38 учреждений;
- по специальности 22.00.03 — 32 учреждения;
- по специальности 22.00.01 — 22 учреждения.

Приведенные цифры объясняют, почему так много диссертаций защищается по специальности «Социальная структура, социальные институты и процессы» и так мало — по специальности «Теория, методология и история социологии».

В целом можно сказать, что социология все больше становится дисциплиной, в которой господствуют образовательные учреждения. В меньшей степени задействованы научно-исследовательские организации.

Кроме этого, происходит захват институционального пространства социологии со стороны смежных дисциплин: госуправления, управления персоналом, маркетинга, рекламы, менеджмента и социальной работы, для которых пока не находится места в официальном перечне специальностей ВАК. Например, специальность «Социология управления» (22.00.08) на 60–70% заполнена диссертациями, выходящими за пределы собственно социологии.

И наконец, особенностью отечественной социологии еще с советского времени являются эмпиризм и приоритет прикладных исследований. Теоретические работы по-прежнему остаются на периферии.

Положение экономической социологии в системе социологических наук

Специальность «Экономическая социология» (22.00.03) не относится к числу лидеров по количеству защищенных диссертаций. Одна из причин — сравнительно небольшое число диссертационных советов, действующих по этой специальности на территории РФ. Тем не менее в 2000–2005 гг. ее доля в совокупности всех диссертаций по социологии оставалась стабильной: на уровне 8–10% (см. табл. П3 Приложения).

Если же не следовать формальному пути, а отбирать экономико-социологические работы по содер-

советов-рекордсменов, проведших 50—60 защит, поставив эту деятельность на поток. Особенно это касается общественных и гуманитарных наук. Такие перекосы вызывают озабоченность» [Масич В.А. О Диссертационных советах // Вестник ОГУ. 2003. № 6. С. 201. http://vestnik.osu.ru/2003_6/43.pdf]

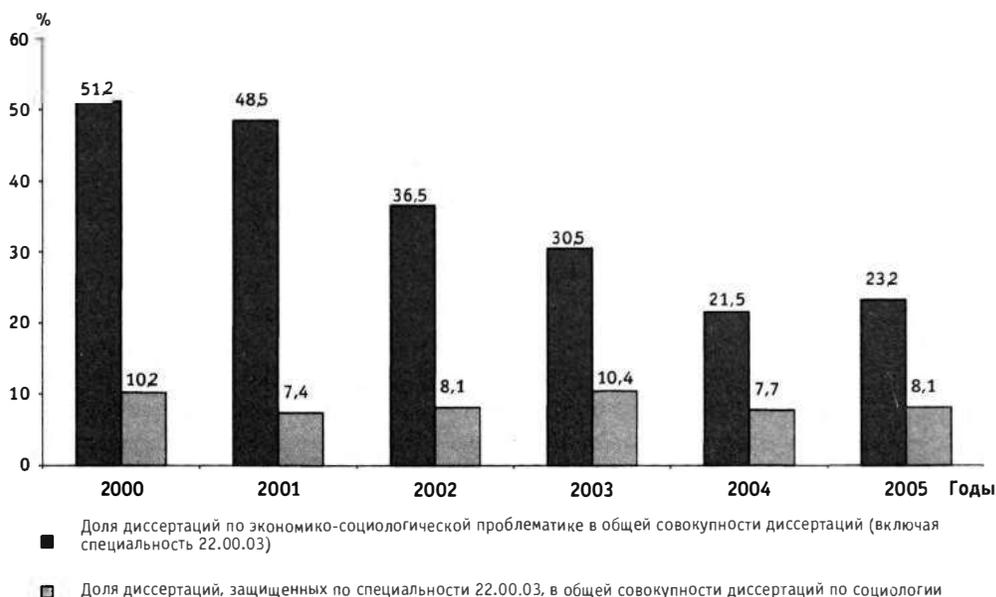
⁸ Аспирантуры и докторантуры в вузах и научных центрах — база данных // <http://www.auditorium.ru/aspirant/database/>

жательным признакам, то их число, в зависимости от года, увеличивается в 3–5 раз. Далее мы будем различать две категории:

- экономико-социологические диссертации, защищенные по данной специальности;
- диссертации по экономико-социологической проблематике, защищенные по всем социологическим специальностям.

По двум этим категориям мы получили следующую картину (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика доли кандидатских работ по экономической социологии, 2000–2005 гг., %

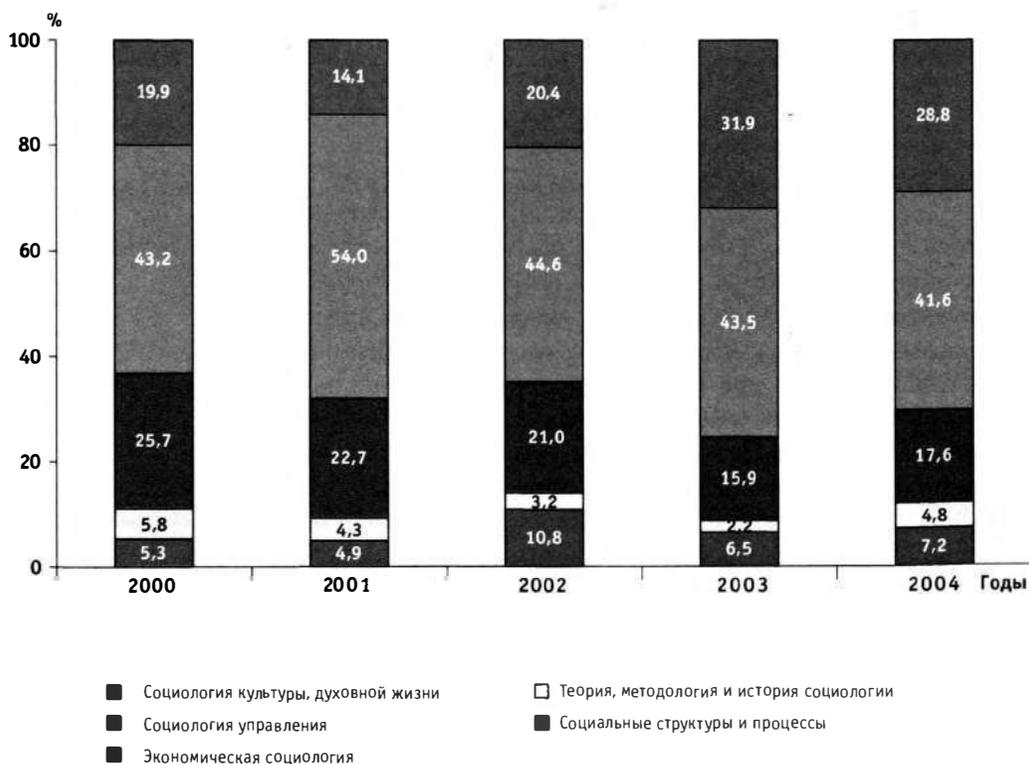
Как видно из рис. 2, несмотря на значительный интерес социологического сообщества к проблемам хозяйственной сферы, на протяжении 2000–2005 гг. при стабильной доле собственно экономико-социологических работ общая доля кандидатских диссертаций по экономико-социологической проблематике постепенно сокращается: на рубеже веков она составляла половину всех диссертаций по социологии, а в 2005 г. упала до 23,2%.

Наблюдаемое уменьшение числа диссертаций по экономической социологии объясняется двумя причинами. Во-первых, в 2000–2005 гг. понемногу расширяется спектр социологических тем: интерес обществоведов к социально-экономическим проблемам в 1990-е годы, обусловленный происходившими в тот период радикальными реформами, пошел на убыль, когда экономическая ситуация относительно стабилизировалась: высвободившееся пространство стало заполняться другими интересами.

Во-вторых, как мы указывали выше, происходит интенсивный процесс перепозиционирования смежных дисциплин относительно социологии вообще и экономической социологии в частности. Если в конце 1990-х годов многие диссертации занимали пограничное положение и их можно было отнести к экономической социологии, то в настоящее время они становятся более специализированными и прикладными, в силу чего более точно и однозначно относятся к смежным с экономической социологией предметным областям (к управлению персоналом, госуправлению).

Итак, рассматриваемые нами диссертации по экономико-социологической проблематике распределяются между специальностями следующим образом: значительная часть работ защищена по специальности «Социальная структура, социальные институты и процессы», за ней следуют «Экономическая социология» и «Социология управления». В целом в 2000–2005 гг. данное распределение не претерпевает серьезных изменений. Отметим лишь уменьшение числа работ по специальности «Теория, методология и история социологии» и, напротив, их увеличение по специальности «Социология культуры» (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение кандидатских диссертаций, написанных по экономико-социологической проблематике по социологическим специальностям, 2000–2005 гг., %

Тематическое распределение кандидатских диссертаций по экономико-социологической проблематике

Нужно сказать, что проанализированная нами совокупность кандидатских диссертаций не отличается особой оригинальностью тем. Здесь изобилуют стандартные обороты: факторы, причины, стратегии, проблемы, институциональные изменения и т.д. Порой, читая формулировки тем, очень сложно определить, о чем же в действительности работа.

Тем не менее в начале и середине 2000-х годов наиболее распространенными темами диссертационных работ стали «Рынки труда. Занятость» (11,8% от общей совокупности); «Трудовые отношения и трудовые конфликты» (9,7%); «Власть и хозяйство. Государство и хозяйство» (9,4%); «Предпринимательство и создание предприятий» (7,4%); «Права собственности и структуры управления» (7,4%) (см. табл. 2).

«Труд — государство — предпринимательство — бедность» — популярность этих предметных категорий очевидна. Здесь играют свою роль и советские традиции (в части трудовой проблематики), и постсоветские модные веяния. При этом стоит отметить, что по таким, казалось бы, ключевым темам, как «Методология экономической социологии» и «История экономической социологии», за весь период защищено всего 4 и 3 работы соответственно.

При сопоставлении тем кандидатских диссертаций в 2000 и 2005 гг. обнаруживаются следующие изменения. Во-первых, проходит пик интереса к таким темам, как посткоммунистические трансформации, права собственности, информационные технологии, которые были особо актуальными в 1990-е годы. Во-вторых, к 2005 г. покидают число лидеров рубрики «Трудовые отношения и трудовые конфликты», «Власть и хозяйство. Государство и хозяйство», «Социальная политика».

В итоге в 2005 г. первые места по популярности занимают: «Рынки труда. Занятость», «Социально-экономическая дифференциация. Бедность», «Культура и хозяйство. Хозяйственная этика», «Маркетинг. Реклама. СМИ», «Социология рынков», «Предпринимательство и создание предприятий», «Потребление и стили жизни». Впрочем, в абсолютном выражении их количество не растет или даже снижается. Количественно выросло только направление «Социология рынков».

Далее рассмотрим некоторые предметные категории более подробно, чтобы понять их внутреннюю тематическую структуру.

Кандидатские диссертации, отнесенные нами к рубрике **«Рынки труда. Занятость»** (107 работ), в большинстве своем посвящены изучению безработицы, адаптации различных социальных групп к условиям рынка труда, профессиональным ориентациям, описанию инфраструктуры региональных рынков труда. Типичные темы таковы:

- Социальное поведение безработных на рынке труда в современной России;
- Особенности безработицы в условиях трансформации общества;
- Поведение на рынке труда как проявление профессиональной компетентности;

Тематическое распределение кандидатских диссертаций
по экономической социологии, 2000–2005 гг.

Предметные рубрики в соответствии с классификатором ЭКСОЦЕНТРА	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2000–2005
Рынки труда. Занятость	27	19	11	15	21	14	107
Трудовые отношения и трудовые конфликты	29	8	27	10	10	4	88
Власть и хозяйство. Государство и хозяйство	17	19	20	11	12	6	85
Предприимчивость и создание предприятий	14	12	9	14	10	8	67
Социально-экономическая дифференциация. Бедность	12	8	13	15	6	13	67
Культура и хозяйство. Хозяйственная этика	9	12	9	9	9	11	59
Социальная политика	17	10	6	8	2	2	45
Потребление и стили жизни	5	8	6	6	5	7	37
Гендерные отношения и хозяйство	5	8	3	6	9	4	35
Права собственности и структуры управления	12	5	7	5	2	3	34
Посткоммунистические трансформации	7	12	6	1	–	3	29
Социология рынков (за исключением рынка труда)	1	2	3	6	5	9	26
Этнические отношения и хозяйство	9	9	3	2	–	2	25
Финансовое поведение. Деньги	5	2	3	4	2	2	18
Информационные технологии. Интернет	7	6	–	–	1	3	17
Криминалитет и хозяйство	3	–	5	2	2	4	16
Неформальная экономика	1	1	2	2	3	4	13
Производственная деятельность	4	–	1	3	1	–	9
Благотворительность. Меценатство	1	1	–	3	3	1	9
Социальный капитал и доверие	–	1	2	–	3	2	8
Хозяйственные идеологии	2	2	2	–	–	–	6
Международные связи. Глобализация	2	1	2	–	–	–	5
Методология экономической социологии	–	1	1	–	1	1	4
История экономической социологии	2	–	1	–	–	–	3
Модели социально-экономического развития	–	–	–	2	–	–	2
Маркетинг. Реклама. СМИ	7	12	4	4	12	8	47
Прочие	8	4	11	10	6	6	45
Всего	206	163	157	138	125	117	906

- Стратегия поведения молодежи на рынке труда: на примере города N ;
- Формирование рынка труда России: социальные и организационно-правовые аспекты;
- Социально-профессиональная ориентация военнослужащих запаса на региональном рынке труда;
- Занятость молодежи в современных условиях: проблемы и пути их решения;
- Занятость московского мегаполиса: социологический анализ.

«Трудовые отношения и трудовые конфликты» (88 диссертаций).

Трудовая проблематика, как мы уже указывали, весьма популярна. И российские исследователи увлечены следующими темами:

- Институционализация договорных трудовых отношений на отечественных предприятиях;
- Производственный коллектив: конфликт взаимодействий;
- Социально-трудовые отношения реформируемой России: сущность и стратегии развития;
- Социально-экономические проблемы мотивации персонала в коммерческих фирмах;
- Мотивационные процессы в сфере труда реформируемой России;
- Трудовая мотивация преподавателей вузов;
- Трудовая мотивация наемных работников в современной России;
- Трансформация системы стимулирования и мотивации работников промышленных предприятий;
- Конфликтогенные процессы: влияние трудовых отношений на духовную жизнь.

«Власть и хозяйство. Государство и хозяйство» — еще одна популярная рубрика (85 диссертаций), в рамках которой можно обозначить два направления. Первое посвящено различным аспектам взаимодействия элитных групп и хозяйства, а второе — государственному регулированию и роли государства в экономике. Здесь характерными можно считать следующие темы:

- Взаимодействие социальных институтов государственной службы и предпринимательства в России;
- Институты и механизмы государственного регулирования рынка рабочей силы;
- Социально-регулятивные механизмы государственного управления фермерством как видом малого предпринимательства;
- Участие государства в становлении новых договорных трудовых отношений;
- Властные структуры региона как фактор развития потенциала села.

«Предпринимательство и создание предприятий» — также весьма популярная тема среди российских социологов в 1990-е годы (67 дис-

сертации). Предпринимательство — новое явление, поставившее перед исследователями такие вопросы, как: «Кто они, предприниматели?» или «Как и откуда рекрутируются группы в данной слои?» Темы работ здесь звучат, например, так:

- Институциональные функции предпринимательства;
- Малое предпринимательство как объект социологического исследования: региональный аспект;
- Предпринимательство как основа формирования среднего класса;
- Факторы развития предпринимательства в условиях реформ;
- Сущность и социально-экономическая роль предпринимательства в современной России;
- Социальная ответственность предпринимателя.

«Социально-экономическая дифференциация. Бедность» (67 диссертаций) — традиционная категория для отечественной социологии, находящаяся в тесной связи с анализом социальной стратификации. Здесь большинство работ посвящено изучению благосостояния и экономического поведения различных социальных групп, например:

- Бедность как объект социологического изучения / как социальное явление;
- Методы исследования и стратегии преодоления бедности;
- Бедные в России: структура, ориентации, установки;
- Динамика экономических статусов в процессе социоструктурной трансформации;
- Имущественные слои современной России;
- «Новые бедные» в России: социокультурный анализ;
- Экономическое поведение «новых бедных» в условиях трансформации России.

В рамках рубрики **«Культура и хозяйство. Хозяйственная этика»** (59 диссертаций) доминируют исследования организационной культуры и культуры управления. Приведем следующие примеры:

- Влияние корпоративной культуры на кадровый потенциал организации;
- Корпоративная культура как фактор устойчивости организации;
- Деловая культура в механизме интеграции бизнес-структур;
- Организационная культура предприятий малого бизнеса;
- Социологический анализ изменений организационной культуры государственной службы;
- Этика предпринимательства в контексте социокультурного процесса трансформирующегося общества.

«Потребление и стили жизни» (37 диссертаций). Работы, которые мы отнесли к данной группе, посвящены преимущественно потребительскому поведению, образу жизни и моде. Среди них:

- Поведение потребителей на рынке услуг;

- Динамика потребительского поведения среднего класса;
- Стратегии потребительского поведения семьи: на примере потребления продовольственных товаров;
- Молодежная мода в одежде в условиях современной России;
- Мода как фактор социализации современной молодежи;
- Мода как фактор формирования стиля жизни;
- Экономическое поведение потребителя в условиях риска на российском рынке;
- Образ жизни современного менеджера.

Остановимся еще на одной рубрике — **«Социология рынков»** (26 диссертаций). Она является новой для социологического анализа, но быстро набирает обороты и, по всей видимости, в перспективе окажется в числе лидеров. Наиболее интенсивное наполнение данной категории приходится на 2004—2005 гг. Кандидатские работы преимущественно защищались по специальностям 22.00.03 и 22.00.04 (12 и 9 соответственно). Здесь встречаются темы, уделяющие внимание в основном сфере услуг, а товарные рынки пока остаются за рамками социологического анализа. Среди характерных примеров:

- Социально-экономический анализ действия фондового рынка;
- Социальный механизм фармацевтического рынка;
- Социальные аспекты формирования рыночного сегмента института образования;
- Основные тенденции развития рынка социологических услуг в России;
- Становление институциональных субъектов рыночной торговли;
- Процесс конкуренции отечественных и иностранных страховых компаний;
- Туризм как элемент рыночной экономики России.

В 1998 г. вышла обзорная статья В.В. Радаева о современном состоянии и перспективах развития экономической социологии в России, где автор попытался прочертить возможные пути ее реструктуризации в постсоветский период¹⁰. Одна из задач работы состояла в аналитическом описании тем публикаций в российских журнальных и монографических изданиях в середине 1990-х годов с целью представить структуру отечественных экономико-социологических исследований. Сопоставляя результаты, полученные В.В. Радаевым, и данные нашей работы, мы констатируем, что со временем научный интерес к предметным областям экономической социологии претерпел несущественные изменения. По-прежнему проблематика рынка труда и предпринимательства будоражит умы профессионального сообщества, а методология и история экономической социологии остаются «не в чести». При этом происходит последовательное

¹⁰ Радаев В.В. Экономическая социология: современное состояние и перспективы развития // Социология в России / Отв. ред. В.А. Ядов. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 253—263.

Распределение экономико-социологических работ по регионам, 2000—2005 гг.

		2001	2002	2003	2004	2005	2000—2005
Москва	84	61	62	49	41	29	326
Саратов	28	10	12	11	18	10	89
Санкт-Петербург	24	10	9	3	9	7	62
Казань	9	11	8	10	8	12	58
Ростов-на-Дону	—	10	14	6	6	4	40
Новочеркасск	6	8	10	3	4	7	38
Уфа	4	7	4	7	5	3	30
Тюмень	3	5	3	4	2	5	22
Хабаровск	—	1	5	11	2	3	22
Екатеринбург	4	2	4	4	4	3	21
Нижний Новгород	2	3	2	4	6	4	21
Улан-Удэ	6	3	3	3	2	4	21
Волгоград	2	4	2	3	3	4	18
Ставрополь	7	4	2	—	—	5	18
Пенза	—	5	6	3	1	1	16
Белгород	8	1	1	—	—	1	11
Майкоп	—	4	3	3	1	—	11
Пермь	2	1	2	2	2	1	10
Барнаул	—	1	1	2	3	1	8
Алматы	6	1	—	—	—	—	7
Владивосток	—	1	—	1	2	3	7
Курск	—	1	1	2	2	1	7
Орел	1	4	—	1	—	1	7
Новосибирск	3	—	—	1	1	1	6
Саранск	1	—	—	1	1	2	5
Владикавказ	—	1	1	1	—	1	4
Красноярск	1	—	—	3	—	—	4
Таганрог	—	2	1	—	1	—	4
Омск	3	—	—	—	—	—	3
Ульяновск	—	—	1	—	—	1	2
Кемерово	1	—	—	—	—	—	1
Краснодар	—	—	—	—	—	1	1
Минск	—	1	—	—	—	—	1
Набережные Челны	—	—	—	—	—	1	1
Нальчик	—	1	—	—	—	—	1
Самара	—	—	—	—	1	—	1
Тамбов	1	—	—	—	—	—	1
Тула	—	—	—	—	—	1	1
Всего	206	163	157	138	125	117	906

расширение тематики эмпирических исследований. И вообще развитие в сильной степени идет по экстенсивному пути — через вовлечение в социологический анализ новых объектов (например, новых рынков).

Распределение кандидатских диссертаций по регионам и типам научных и образовательных учреждений

За рассматриваемый период значительный вклад в воспроизводство научного сообщества внесли образовательные и научные учреждения следующих городов: Москва, Саратов, Санкт-Петербург. Столичные города лидируют по понятным причинам: здесь больше образовательных учреждений и аспирантов. Обращает на себя внимание также активность Саратова.

Среди учреждений есть свои бесспорные рекордсмены по количеству защит. В 2000—2005 гг. в Москве только Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова утверждено 65 кандидатских работ [см. табл. П4 Приложения]; 55 диссертаций аттестовано советами Академии государственной службы при Правительстве РФ; 22 работы — Московским государственным университетом сервиса. Количество кандидатов наук, выходящих из стен этих трех лидирующих организаций, кажется невероятным. Мы воздержимся от оценок возможного качества работ из этого потока, оставляя выводы самому читателю. Для сравнения: в Институте социологии РАН и в Государственном университете — Высшей школе экономики было защищено соответственно 10 и 5 работ (правда, в ГУ ВШЭ диссертационный совет возник несколько позже).

Саратовский государственный технический университет утвердил 38 кандидатских диссертаций, советы Саратовского государственного университета — 20 работ. Третий город, существенно пополнивший ряды исследователей, — Санкт-Петербург, где Санкт-Петербургский государственный университет аттестовал 20 диссертаций, а Санкт-Петербургский университет экономики и финансов — 15.

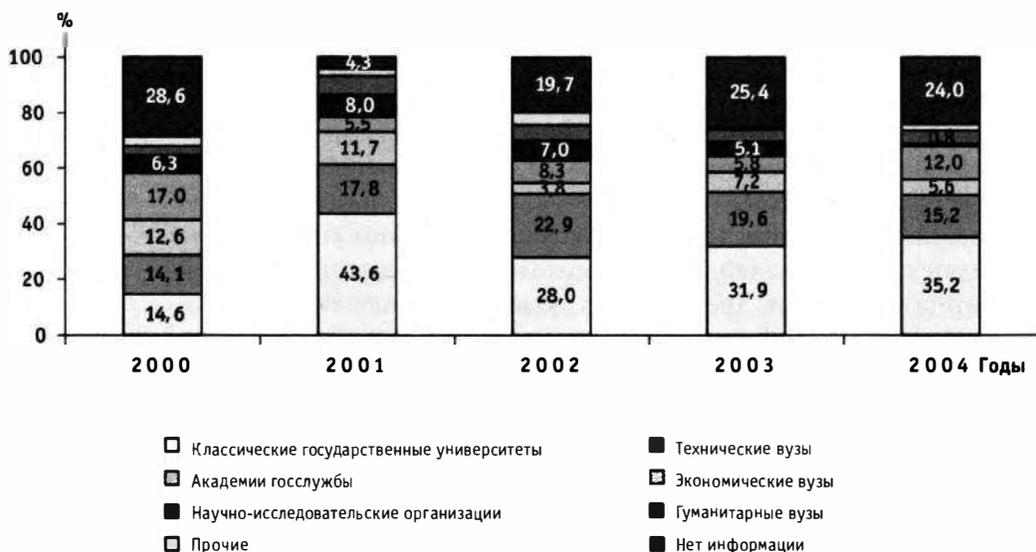
Одна из гипотез автора состояла в том, что деятельность каждого региона или вуза направлена на разработку определенной научной проблематики, поскольку у них есть свои традиции и авторитеты. Предположение не оправдалось. Выяснилось, что региональный фактор не играет особой роли. Все темы распределены по городам относительно равномерно.

Интересным оказалось и распределение кандидатских диссертаций в соответствии с направленностью или специализацией аттестующего учреждения. Все научно-образовательные учреждения мы объединили в семь категорий (табл. 4, рис. 4).

Распределение кандидатских диссертаций экономико-социологической направленности по типам научно-образовательных учреждений, 2000—2004 гг.¹¹

Тип учреждения	2000	2001	2002	2003	2004
Классические государственные университеты	30	71	44	44	44
Технические вузы	29	29	36	27	19
Академии госслужбы	26	19	6	10	7
Экономические вузы	35	9	13	8	15
Научно-исследовательские организации	13	13	11	7	1
Гуманитарные вузы	7	11	9	6	6
Прочие	7	4	7	1	3
Нет информации	59	7	31	35	30
Всего	206	163	157	138	125

Рис. 4. Распределение экономико-социологических работ по типам научно-образовательных учреждений, 2000—2005 гг., %

Как видно из табл. 4 и рис. 4, преобладающее число кандидатских диссертаций утверждено советами классических государственных университетов. Второе место занимают технические вузы, третье — экономические вузы, четвертое — образовательные организации, ведущие профессиональную подготовку государственных служащих.

¹¹ Данные за 2005 г. не включены в анализ в силу дефицита данных.

Хотя различия тематических приоритетов по типам научно-образовательных учреждений статисти-

чески незначимы, все-таки попытаемся представить их распределение в общем виде [см. табл. П5 Приложения]. Большинство работ, аттестованных в государственных университетах, относились к рубрикам: «Рынки труда. Занятость»; «Социально-экономическая дифференциация. Бедность»; «Власть и хозяйство. Государство и хозяйство»; «Гендерные отношения и хозяйства», «Потребление и стили жизни». Диссертанты технических вузов изучали в основном проблемы в рамках тем: «Рынки труда. Занятость», «Трудовые отношения и конфликты», «Предпринимательство и создание предприятий»; «Власть и хозяйство. Государство и хозяйство». Советы экономических вузов выпускали диссертации по темам: «Трудовые отношения и трудовые конфликты»; «Рынки труда. Занятость». В рамках академий государственной службы разрабатывались темы: «Власть и хозяйство. Государство и хозяйство»; «Социальная политика». Тема «Рынки труда. Занятость» стала приоритетной рубрикой для научно-исследовательских организаций.

Заключение

Наша работа продемонстрировала устойчивый интерес профессионального сообщества к экономической социологии. Специальность 22.00.03 (Экономическая социология и демография) совсем недавно включена в официальный перечень специальностей ВАК РФ. Число кандидатских работ по этой специальности небольшое, отчасти в силу того, что специализированных диссертационных советов по экономической социологии не много, хотя они есть в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Новосибирске, Казани, Тюмени, Уфе, Ростове-на-Дону, Волгограде, Курске и других городах.

Специальность 22.00.03 не является лидером по числу работ в общей совокупности диссертаций по социологии, но ее доля заметна и стабильна на протяжении 2000-х годов. Наибольший вклад в более широкий круг работ по экономико-социологической проблематике вносят специальности 22.00.04 (Социальная структура, социальные институты и процессы) и 22.00.08 (Социология управления). Напомним, что именно по этим специальностям в России работает больше всего диссертационных советов. С угасанием экономических реформ и с ростом специализации научных дисциплин в период 2000—2005 гг. общее число экономико-социологических работ постепенно сокращается. Если в начале 2000-х годов оно составляло порядка 50%, то к середине 2000-х годов — уже 23%.

Свыше 30 городов и 70 научно-образовательных учреждений всех направленностей вовлечены в развитие экономической социологии в России. Количественный приоритет остается за Москвой, Саратовом и Санкт-Петербургом. Диссертанты 2000—2005 гг. являются выходцами в основном из образовательных учреждений двух типов: классических государственных университетов и технических вузов. Тематической специализации регионов и типов научно-образовательных учреждений проследить не удалось.

Тематическое пространство кандидатских диссертаций по экономико-социологической проблематике меняется довольно медленно, сказывается инерционность, присущая подготовке квалификационных работ. Влияет и господство в этой области высших учебных заведений, которые продолжают ориентироваться на ригидные государственные образовательные стандарты. Особо сказывается влияние теоретического и эмпирического наследия социологии труда и исследований социально-профессиональной структуры общества. Кроме того, отечественной социологии по-прежнему присуща прикладная направленность. Поэтому в течение всего рассматриваемого периода ведущими объектными областями были «Рынки труда. Занятость», «Трудовые отношения и трудовые конфликты», «Власть и хозяйство. Государство и хозяйство», «Предпринимательство и создание предприятий», «Социально-экономическая дифференциация. Бедность». А такие тематические области, как «Методология экономической социологии», «История экономической социологии», «Модели социально-экономического развития» и «Хозяйственные идеологии», остались в стороне от научного интереса.

Однако внутренняя структура тематического поля экономической социологии все же претерпевает некоторые изменения в 2000–2005 гг. Происходит более четкое размежевание пограничных дисциплин, в результате чего сокращается число работ, относящихся к рубрикам «Социальная политика», «Трудовые отношения и конфликты», «Власть и хозяйство. Государство и хозяйство». Уменьшается интерес социологов к изучению посткоммунистических трансформаций, приватизации — в силу резкого снижения актуальности данных проблем для общества. При этом растет предметная область «Социологии рынков».

В целом отечественная социология сохраняет свою проблемную ориентацию, т.е. «заботится в первую очередь о нахождении наиболее острых (актуальных) проблем и имеет относительно размытую методологическую приверженность»¹². Это означает, что в будущем ее предметная структура (в части диссертационных работ) будет изменяться, с неизбежным временным лагом, вслед за сменой наиболее актуальной социально-экономической проблематики.

¹² Радаев В.В. Экономическая социология в России // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 2. С. 130.

Число кандидатских диссертаций, утвержденных Высшей аттестационной комиссией
в 1993—2003 гг.¹³ (данные ВАК)

Отрасли наук		Количество работ, утвержденных за год										
Код	Название	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
01	Физико-математические	1580	1242	1059	993	1078	1208	1338	1354	952	1175	1187
02	Химические	759	548	462	417	460	451	541	664	636	506	620
03	Биологические	1080	865	811	833	873	865	1106	1333	1009	1216	1366
04	Геолого-минералогические	232	189	168	153	162	160	175	254	122	178	211
05	Технические	4072	3271	2563	2609	2706	2881	3409	4781	3177	3819	4334
06	Сельскохозяйственные	501	405	354	326	413	406	518	674	596	727	667
07	Исторические	537	539	502	509	549	597	608	829	762	817	958
08	Экономические	1272	940	870	924	1123	1336	2069	2709	2635	2586	4318
09	Философские	317	331	301	307	330	380	443	550	487	511	552
10	Филологические	673	535	506	604	637	673	991	1115	867	1123	1063
11	Географические	113	101	90	91	102	105	126	187	81	161	152
12	Юридические	259	257	250	330	407	575	715	1084	977	1604	1459
13	Педагогические	816	793	734	940	1063	1135	1662	2167	1938	2086	2295
14	Медицинские	2415	2034	1944	2074	2251	2664	2892	3429	3294	3704	4222
15	Фармацевтические	60	52	76	41	57	50	48	86	79	77	89
16	Ветеринарные	121	110	96	76	77	96	131	199	164	229	243
17	Искусствоведение	126	90	81	111	95	88	120	114	101	105	91
18	Архитектура	51	27	29	18	17	25	18	30	33	31	37
19	Психологические	185	192	198	213	213	275	416	508	349	537	490
20	Военные	333	262	259	256	239	213	233	231	220	181	173
22	Социологические	110	123	144	137	172	237	294	421	300	430	427
23	Политические	67	58	56	69	96	96	158	202	163	234	275
24	Культурология	—	—	—	1	31	44	89	154	34	57	86

¹³ О некоторых тенденциях в аттестации кадров высшей научной квалификации //

**Число диссертационных советов по отраслям гуманитарных и общественных наук,
по состоянию на 1 ноября 2003 г.¹⁴**

Шифр и наименование отрасли наук	Диссертационные советы		
	Докторские	Кандидатские	Все
07.00.00 – Исторические науки	99	53	152
08.00.00 – Экономические науки	234	135	369
09.00.00 – Философские науки	84	35	119
10.00.00 – Филологические науки	114	51	165
12.00.00 – Юридические науки	62	47	109
13.00.00 – Педагогические науки	152	80	232
17.00.00 – Искусствоведение	23	14	37
19.00.00 – Психологические науки	56	23	79
22.00.00 – Социологические науки	53	23	76
23.00.00 – Политические науки	47	18	65
24.00.00 – Культурология	15	9	24

Таблица 113

Количество авторефератов диссертаций по экономико-социологической проблематике в разрезе
социологических специальностей, 2000–2005 гг.

Специальность	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Теория, методология и история социологии (22.00.01)	12	7	5	3	6	2
Экономическая социология (22.00.03)	41	23	32	44	36	26
Социальная структура, социальные институты и процессы (22.00.04)	89	88	70	60	52	49
Социология культуры, духовной жизни (22.00.06)	11	8	17	9	9	10
Социология управления (22.00.08)	53	37	33	22	22	30
Всего	206	163	157	138	125	117

Сайт Высшей аттестационной комиссии:
http://vak.ed.gov.ru/faq/ors/razd_1.htm

¹⁴ Загузов Н.И. Совершенствование процесса аттестации научных и научно-педагогических кадров // <http://www.edst.msu.ru/conf/docs/zaguzov.doc>

Распределение экономико-социологических диссертаций
по научно-образовательным учреждениям, 2000—2005 гг.

Наименование учреждения	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2000—2005
Нет информации	59	7	31	35	30	111	273
МГУ им. М.В. Ломоносова	9	19	15	12	7	—	62
Российская академия государственной службы при Президенте РФ	25	11	6	9	4	—	55
Саратовский государственный технический университет	10	7	7	8	6	—	38
Южно-Российский государственный технический университет	4	6	9	2	3	1	25
Московский государственный университет сервиса	13	—	4	—	5	—	22
Институт социально-политических исследований РАН	3	5	7	5	—	—	20
Санкт-Петербургский государственный университет	4	8	3	1	4	—	20
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского	2	1	3	2	9	3	20
Ростовский государственный университет	—	6	5	4	4	—	19
Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов	13	—	—	1	1	—	15
Казанский финансово-экономический институт	2	3	3	1	4	—	13
Московская государственная академия труда и социальных отношений	2	2	2	4	3	—	13
Пензенский государственный университет	—	4	6	2	1	—	13
Адыгейский государственный университет	—	5	3	3	1	—	12
Бурятский государственный университет	2	1	2	4	2	—	12
Уральский государственный университет им. А. М. Горького	2	2	1	3	2	2	12
Башкирский государственный университет	—	5	2	2	1	—	11
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского	—	2	1	3	5	—	11
Институт социологии РАН	5	4	2	2	1	—	10
Пермский государственный технический университет	2	1	3	2	2	—	10
Тюменский государственный университет	1	4	1	3	1	—	10
Хабаровский государственный технический университет	—	1	4	5	—	—	10
Казанский государственный технологический университет	1	1	2	3	1	—	8
Московский государственный социальный университет	1	4	2	—	1	—	8
Северо-Кавказский государственный технический университет	2	5	1	—	—	—	8

Наименование учреждения	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2000–2005
Алтайский государственный университет	—	1	1	3	2	—	7
Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина	1	5	—	—	1	—	7
Московская гуманитарно-социальная академия	—	2	2	3	—	—	7
Ростовский государственный педагогический университет	1	1	5	—	—	—	7
Уфимский государственный авиационно-технический университет	1	1	1	3	1	—	7
Академия общественных связей	1	2	2	—	1	—	6
Московский государственный технологический университет «Станкин»	—	1	2	1	2	—	6
Орловская региональная академия государственной службы	1	4	—	1	—	—	6
Волгоградский государственный университет	—	2	—	1	2	—	5
Государственный университет — Высшая школа экономики	—	2	2	1	—	—	5
Институт социально-экономических и правовых наук АНТ	1	3	1	—	—	—	5
Курский государственный технический университет	—	1	1	1	2	—	5
Московская государственная академия приборостроения и информатики	1	1	2	—	1	—	5
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена	1	—	—	1	3	—	5
Современный гуманитарный институт	1	2	2	—	—	—	5
Российский государственный институт интеллектуальной собственности Роспатента	2	1	1	—	—	—	4
Тюменский государственный нефтегазовый университет	—	1	2	1	—	—	4
Белгородский государственный университет	1	1	1	—	—	—	3
Военный университет	1	2	—	—	—	—	3
Казахский государственный национальный университет им. аль-Фараби	2	1	—	—	—	—	3
МГУ им. М.В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки	1	2	—	—	—	—	3
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева	1	—	—	1	1	—	3
Московский государственный институт международных отношений	—	1	1	—	1	—	3
Московский педагогический государственный университет	—	—	—	3	—	—	3
Омский государственный технический университет	3	—	—	—	—	—	3
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)	—	1	—	—	2	—	3
Российский университет дружбы народов (РУДН)	1	1	—	—	1	—	3

Наименование учреждения	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2000–2005
Волгоградская медицинская академия	1	1	–	–	–	–	2
Институт молодежи	2	–	–	–	–	–	2
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН	2	–	–	–	–	–	2
Казанский государственный энергетический университет	–	–	–	1	1	–	2
Московский государственный университет экономики, статистики и информатики	2	–	–	–	–	–	2
Московский гуманитарный университет	–	–	–	–	2	–	2
Новосибирский государственный университет экономики и управления	1	–	–	–	1	–	2
Уральская академия государственной службы	–	–	–	–	2	–	2
Ассоциация международного сотрудничества	1	–	–	–	–	–	1
Башкирский государственный аграрный университет	1	–	–	–	–	–	1
Белгородская государственная сельскохозяйственная академия	1	–	–	–	–	–	1
Белгородская государственная технологическая академия строительства	1	–	–	–	–	–	1
Белорусский государственный университет	–	1	–	–	–	–	1
Волго-Вятская академия государственной службы	–	1	–	–	–	–	1
Волгоградская академия государственной службы	–	1	–	–	–	–	1
Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств	–	1	–	–	–	–	1
Восточно-Сибирский государственный технологический университет	1	–	–	–	–	–	1
Государственный университет управления	–	–	–	–	1	–	1
Дальневосточный государственный технический университет	–	1	–	–	–	–	1
Институт аграрных проблем РАН	–	–	1	–	–	–	1
Институт государственной службы. Пензенский государственный университет	–	1	–	–	–	–	1
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	–	–	–	1	–	–	1
Кавказский государственный технический университет	–	–	1	–	–	–	1
Казанский государственный педагогический университет	1	–	–	–	–	–	1
Казахский государственный университет международных отношений	1	–	–	–	–	–	1
Кемеровский государственный университет	1	–	–	–	–	–	1
Кисловодский университет. Академия оборонных отраслей промышленности РФ	–	1	–	–	–	–	1
Московский институт рекламы, туризма, шоу-бизнеса	1	–	–	–	–	–	1

Наименование учреждения	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2000–2005
Нижегородский государственный технический университет	1	–	–	–	–	–	1
Нижегородский коммерческий институт	1	–	–	–	–	–	1
Пятигорский государственный технический университет	–	–	1	–	–	–	1
Российская таможенная академия ГТК РФ	–	–	1	–	–	–	1
Самарский государственный университет	1	–	–	–	–	–	1
Санкт-Петербургский государственный институт сервиса и экономики	1	–	–	–	–	–	1
Саратовский юридический институт МВД России	–	–	1	–	–	–	1
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина	1	–	–	–	–	–	1
Уфимский государственный нефтяной технический университет	–	1	–	–	–	–	1
Финансово-экономический институт Якутского государственного университета	–	–	1	–	–	–	1
Всего	206	163	157	138	125	117	906

Распределение экономико-социологических тем
по типам научно-образовательных организаций, 2000–2005 гг.

Предметная рубрика	Тип научно-образовательной организации								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Всего
Методология экономической социологии	1				1			2	4
История экономической социологии				1			1	1	3
Власть и хозяйство. Государство и хозяйство	18	17	15	4	5	4	2	20	85
Культура и хозяйство. Хозяйственная этика	11	7	4	6	3	6		22	59
Социальный капитал и доверие		3	1	1	1			2	8
Предпринимательство и создание предприятий	12	14	4	5	4	4		24	67
Права собственности и структуры управления	10	7	5	1	1	2	1	7	34
Производственная деятельность	2	1		1		1		4	9
Трудовые отношения и трудовые конфликты	15	11	9	17	5	4	2	25	88
Рынки труда. Занятость	27	17	6	15	6	4	1	31	107
Финансовое поведение. Деньги	5	4	1	2				6	18
Потребление и стили жизни	15	5		4	1	2	1	9	37
Неформальная экономика		2	1	1			1	8	13
Криминалитет и хозяйство	1	3		2	2			8	16
Социально-экономическая дифференциация. Бедность	17	8	4	5	4	3	3	23	67
Гендерные отношения и хозяйство	16	5	2		2		1	9	35
Этнические отношения и хозяйство	5	6		1	2	3	2	6	25
Модели социально-экономического развития	2								2
Международные связи. Глобализация	2	1					1	1	5
Хозяйственные идеологии	4				1			1	6
Информационные технологии. Интернет	5	1		2			1	8	17
Социальная политика	5	8	11	5	1	3	1	11	45
Посткоммунистические трансформации	14	5			2	1	1	6	29
Маркетинг. Реклама. СМИ	21	4		2	1	2		17	47
Благотворительность. Меценатство	5			1	1		1	1	9
Социология рынков	9	5						12	26
Прочие	16	7	5	4	2		2	9	45
Всего	238	141	68	80	45	39	22	273	906

Примечание:

I – классические государственные университеты;

II – технические вузы;

III – академии госслужбы;

IV – экономические вузы;

V – научно-исследовательские организации;

VI – гуманитарные вузы;

VII – прочие;

VIII – нет информации.

Юрий Веселов

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

Принято считать, что экономическая социология возникла в России в 80-е годы XX в. Иногда даже утверждали, что эта «новая наука» у нас и была создана. На самом деле экономическая социология имеет длительную историю своего формирования и развития, причем как на Западе, так и в России. Мы бы даже утверждали, что с самого начала социологической науки развивается и ее ветвь — экономическая социология. Если вспомнить Конта, то его позитивная социология была создана как нечто противопоставляющееся не только философии, но и политической экономии, именно Конт и заявил о претензиях социологии на изучение хозяйства, при этом обвинив экономистов в схоластике и метафизике. Конт признавал только одну науку, способную изучать экономику, — социологию.

Эта идея была продолжена во французской социологической школе, и уже в 90-х годах Дюркгейм, продолжая критиковать экономистов за их «внушающую уныние» картину экономического человека и общества, выступил с идеей создания экономической социологии как отрасли обществознания². В Германии социальная концепция хозяйства разрабатывалась еще раньше представителями немецкой исторической школы политической экономии (В. Рошером, Г. Шмоллером,

Л. Brentано), поэтому социология хозяйства Вебера и Зомбарта, представленная в начале XX в., воспринималась как само собой разумеющееся; экономическая социология здесь формировалась не как противопоставление экономической науке, а как область, интегрирующая экономику, историю и социологию.

Россия также не стояла в стороне от этого мирового процесса становления экономической социоло-

¹ Перепечатка из: Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 61—68. <http://ecsocman.edu.ru/jssa>

² Дюркгейм в работе 1909 г. «Социология и социальные науки» определил предмет экономической социологии, который заключается, с его точки зрения, в социологическом исследовании институтов производства богатства, институтов обмена и распределения. Ему же принадлежит приоритет в социальном исследовании экономического института разделения труда [Дюркгейм 1909].

гии. Так, уже в 1904 г. в Москве выходит перевод первой монографии по экономической социологии Г. де Греефа «Социальная экономия» в русском изложении («La sociologie économique»). К идеям де Греефа присоединяется М.М. Ковалевский, который сотрудничал с ним в Новом брюссельском университете. Он пишет: «...Хозяйственные явления, изучаемые политической экономией, получают надлежащее освещение только от социологии» [Ковалевский 1997: 127]. Активно разрабатывал он в своей фундаментальной трехтомной работе «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» идею об обусловленности экономического развития социальными факторами, главным образом — ростом населения. Хотя Ковалевский нигде не подчеркивал этого, но по своей природе эта идея носит экономико-социологический характер. В начале века уже в учебных материалах встречается упоминание об экономической социологии, в учебнике социологии 1917 г. московского профессора В.М. Хвостова выделяется специальный раздел «Экономическая социология», куда он относит школу Маркса и Ле Плэ. Наконец, даже историки отечественной социологии (в частности, Н.И. Кареев) уже тогда говорили о наших «социолого-экономистах» [Кареев 1996: 105–110].

Существовали и некоторые интересные параллели в развитии экономической социологии в России и за рубежом. Например, Дюркгейм и Ковалевский практически одинаково определяли главный фактор экономического развития — рост физической и моральной плотности населения. Исследования дарообмена М. Мосса в некоторых аспектах предвосхищаются работой Н.И. Зиберы «Очерки первобытной экономической культуры», вышедшей еще в 1883 г. Идеи немецкой исторической школы поддерживались и развивались А.И. Тюменевым и другими представителями экономистов-историков, а социальная теория хозяйства Р. Штаммлера перекликается с социальной теорией распределения М.И. Туган-Барановского и С.И. Солнцева. Если в США концепция «Хозяйство и общество» («Economy and society») создается Т. Парсонсом и Н. Смелсером в 1950-е годы, то у нас эта традиция появляется в начале века: у П.Б. Струве в его работе 1913 г. «Хозяйство и цена» отдел первый так и называется «Хозяйство и общество». Эта традиция развивается далее Н.Д. Кондратьевым в работе «Основные проблемы экономической статики и динамики», написанной в 1931 г. и опубликованной только в 1991 г. в серии «Социологическое наследие» [Кондратьев 1991]. Были у нас и уникальные образцы изучения хозяйства, аналогии которым вряд ли найдутся, — речь идет о работе С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» (1912 г.). Наконец, нельзя забывать, что вопрос о соотношении экономического и социального был поставлен в историческом споре народников (В.П. Воронцова, Н.Ф. Даниельсона и др.) и марксистов (В.И. Ленина и др.) о судьбах капитализма в России: если первые выбирали социальное развитие вместо экономического, то марксисты настаивали на единстве экономического и социального.

Таким образом, тема экономической социологии в России была известной. И нет сомнений, что ее историю надо начинать с 90-х годов XIX в. или даже раньше, имея в виду, что в историю науки всегда входят ее источники, и первый этап развития науки — это ее предистория, а этап институционализации или всеобщего признания науки не совпадает с этапом ее создания³. Эта идея пока не поддерживается большинством современных экономсоциологов (Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, Г.Н. Соколова говорят только о советской экономической социологии, В.В. Радаев и А.В. Дорин вообще никого из отечественных экономсоциологов не упоминают). Тем не менее некоторые ученые согласны с такой постановкой вопроса: Д.С. Климентьев и Л.Н. Панкова включают в русскую классическую социологию и экономическую социологию, а В.И. Верховин большое внимание в истории экономической социологии уделяет Н. Д. Кондратьеву [Антология... 1996: 150—210; Верховин 1998: 28—35].

В конце 1920-х годов намечается окончательный разрыв «старой социологии» и марксистской науки в СССР, в 1922 г. были высланы П. Сорокин, С. Франк и другие видные социологи старой школы, в 1925 г. было закрыто отделение социологии в Ленинградском университете, лозунги социологов-марксистов Бухарина и Оранского о том, что исторический материализм и есть марксистская теоретическая социология, не очень пригодились, а скоро и сам Бухарин был зачислен в «буржуазный лагерь». Кондратьев, экономист, наиболее близкий социологии, продолжал работать в 1930-е годы уже в заключении в бутырской тюрьме (в 1930 г. Кондратьев был арестован как глава несуществовавшей «Трудовой крестьянской партии» и в 1938 г. расстрелян, по тому же делу был расстрелян и А.В. Чаянов). Даже те, кто объявляли разрыв с «буржуазной социологией» и занимались прикладными исследованиями труда и производства, не смогли уйти от коммунистического террора. Создатель Центрального института труда А.К. Гастев был в 1930-е годы репрессирован, а его институт был, по существу, разгромлен, еще раньше в 1928 г. был закрыт кондратьевский Конъюнктурный институт. Наступил временный перерыв в истории развития социологии и экономической социологии, хотя продолжали работать отдельные ученые. Например, С.Г. Струмилин занимался исследованием бюджетов времени рабочих. В 1930-е годы проводились прикладные

исследования в области научной организации труда, на многих заводах создавались лаборатории психотехники, которые приносили немалые результаты в деле повышения производительности труда.

Подобная тенденция в сторону деидеологизации экономической социологии и развития ее прикладных аспектов была присуща и западной социологии. Во Франции в начале 1930-х годов еще публикуются Ф. Симиан и М. Хальбвакс — последователи дюркгеймовской традиции экономической социологии,

³ Так и историю социологии вряд ли можно начинать с того момента, когда Контом было предложено ее название. Не случайно Р. Арон начинает историю социологии с анализа идей Монтескье, а не Конта [Арон 1993: 36]. Вот что пишет Ю.Н. Давыдов по этому поводу: «Первое, с чем мы столкнулись, задавшись целью реконструировать историю социологической теории... был тот парадоксальный факт, что даже социология вообще, не говоря уже о собственно теоретической социологии... значительно старше... самой себя» [История... 1997: 7].

но после них никто теорией не занимается, и интерес к экономической социологии возрождается только в конце 1950-х — начале 1960-х годов, когда А. Турен и Р. Арон начинают заниматься исследованием труда и индустриального общества, однако классическая дюркгеймовская традиция уже никогда больше не возвращается. В США исследования Э. Мэйо в 1930-е годы гораздо более популярны, чем попытки Парсонса возродить веберовскую традицию «экономики и общества». По сути, только после выхода его совместной работы со Смелсером «Economy and society» в конце 1950-х и работы Смелсера «Sociology of economic life» в начале 1960-х годов, начинается процесс признания экономической социологии в Америке. Такой же разрыв в истории социологии хозяйства был и в Германии, так что Россия в этом плане не исключение.

В конце 1950-х и начале 1960-х годов интерес отечественных социологов вновь обращается к сфере труда, производства, к проблемам свободного времени и быта трудящихся. Г.В. Осипов, А.А. Заворыкин, И.И. Чангли — сотрудники сектора социологических исследований Института философии АН СССР — провели в то время прикладное социологическое исследование новых форм труда на московских предприятиях, и результатом их работы стали не только практические рекомендации, но и теоретические выводы. А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов в то время начинают исследование молодых рабочих и их отношения к труду, в результате чего публикуется ставшая весьма популярной книга «Человек и его работа». В 1960-е годы в Ленинграде В.Я. Ельмеевым обосновывается концепция сочетания экономического и социального развития, создается теория и практика социального планирования, с этого момента термин «социально-экономическое» становится весьма распространенным. Именно после этого стали задумываться о социальных результатах развития экономики, а в политэкономии стала возвращаться концепция человека. Социологи начинают активно заниматься исследованиями труда не только в сфере промышленности, но и в области сельского хозяйства. Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной был организован проект «системного изучения советской деревни».

Таким образом, в 1960-е годы экономика становится объектом пристального интереса социологии, пока все еще «твердо» стоящей на марксистских позициях. Иного еще не позволено, но это не означает, что между социологами не было разногласий и противоречий. Как раз в этом недостатка не было. Так постепенно закладывались основы будущего возрождения экономической социологии, и неслучайно те из социологов, кто занимался экономической проблематикой в 1960-е (Ельмеев, Заславская, Рывкина), будут стоять у ее истоков в 1980-е годы. В 1970-е годы больших новаций в области социологического исследования экономики не было, хотя активно развивалась промышленная социология. профессия «социолог» стала распространенной на заводах — так появились заводской социолог. Публиковались и теоретические работы в этой области. в частности книга В. Подмаркова и А. Величко

«Социолог на предприятии» (1976 г.). Продолжались масштабные исследования, начатые в 1960-е годы. В частности Г.В. Осипов, В.А. Ядов, Т.И. Заславская повторили свои исследования. В русле концепции «человек и его работа» в 1970-х годах Л.А. Гордон и Э.В. Клопов разрабатывали проект «человек после работы», где разбирали проблемы свободного времени и быта рабочих. В Минске Г.Н. Соколовой, которая также впоследствии будет выступать за создание экономической социологии, проводились исследования в области культуры рабочего класса, изучались социальные последствия автоматизации. Благодаря идеям В.Я. Ельмеева в экономическую науку активно внедрялась концепция человека. В.Т. Пуляев в 1979 г. выступил с идеей о том, что главной производительной силой экономики является человек, что пошатнуло технократическое толкование экономики в советской политэкономии. И сегодня эта тема человека в экономической науке имеет свое продолжение, особенно благодаря работам В.С. Автономова [Автономов 1998].

Однако в 1980-е и 1990-е годы социальная тема, считавшаяся официальной в советской политэкономии, из отечественной науки исчезает. Как в свое время после маргиналистской революции западная политэкономия превратилась в «economics», так и у нас произошел поворот от политической (а значит, и социальной) экономики в сторону чистой экономической теории. Наметилось дальнейшее расхождение социологии и экономической науки. Если сравнивать учебники политэкономии 1950-х и 1980-х годов, то заметно изъятие теории общественных формаций из экономики, а в учебниках экономической теории 1990-х социального не осталось практически ничего. Из правильной в целом идеи борьбы с засильем марксистско-ленинской теории получился совсем неправильный вывод — экономика должна быть только экономикой, все политическое и социальное из экономической теории должно быть удалено. Если в западной экономической науке такая позиция — уже прошлый день, там Й. Шумпетер еще в 1954 г. ввел в экономическую теорию экономическую социологию как ее составную часть, то наш экономический «мейнстрим» стоит далеко в стороне от социологии. Внимание к социальным моментам экономической жизни скорее теперь возвращается благодаря распространению неoinституционализма. Среди последних исследований российской экономики и реформ на базе институционализма можно назвать книгу В.Т. Рязанова «Экономическое развитие России» (1998 г.). Есть, правда, и отдельные шаги экономики навстречу социологии в современной практике. Так, в 1990-е годы в Институте экономики РАН при поддержке Л.И. Абалкина создается Центр экономической социологии, но это скорее исключение, чем правило. Разобщенность экономистов и социологов — это реальность сегодняшнего дня. Видимо, пока нет необходимого внутреннего потенциала соединения этих областей знания. Как говорил когда-то А. Маршалл — единая общественная наука желательна, но пока невозможна.

В 1980-е годы отечественная экономическая социология выступает в этап своей институционализации. Тогда впервые ясно было заявлено, что такая отрасль социологического знания необходима, и были даны первые представления о ее предмете. В 1984 г. в Новосибирске Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина выступили с программной статьей «О предмете экономической социологии» [Заславская, Рывкина 1984: 9—20]. Конечно, тогда экономическая социология еще ни в коей мере не претендовала на противопоставление себя экономической науке, речь шла очень осторожно о прикладной социологии хозяйства, которая дополняла бы экономическую теорию. В то же время в Новосибирском университете стал читаться курс экономической социологии, и затем была образована кафедра экономической социологии. Все это свидетельствовало о том, что экономическая социология приобретает статус научной и учебной дисциплины.

Но новосибирская школа была не единственной, кто выступил с идеей экономической социологии. В 1984 г. в Ленинградском университете были открыты на экономическом факультете кафедра и отделение прикладной социологии. Само присутствие социологии на экономическом факультете заставляло заниматься экономической социологией. В.Я. Ельмеев тогда выступил с серией статей, предлагая свое понимание предмета экономической социологии, которое резко отличалось от позиции новосибирской школы [Ельмеев 1988: 49—56]⁴. Если новосибирская школа понимала предмет экономической социологии как применение системы координат социологии к исследованию экономических объектов (в русле традиции Парсонса и Смелсера) и считала экономическую социологию частью социологического знания, то Ельмеев видел экономическую социологию как применение экономического метода к анализу социальных объектов и считал, что она должна быть частью экономического знания [Ельмеев 1998]. Так открывается первая в отечественной науке дискуссия о предмете и методе экономической социологии, хотя обе стороны формально стояли на одних и тех же основаниях — марксистской теории, но наметилось существенное различие в понимании проблемы. Дискуссия не осталась незамеченной и была продолжена уже на страницах журнала «Социологические исследования». В ней приняли участие А.Н. Комозин, М.В. Попов, В.Ю. Кондратьев и др. С одной стороны, дискуссия привлекла внимание к проблеме экономической социологии, что было очень важно в то время, с другой стороны, дискуссия породила разобщенность и даже враждебность разных направлений экономической социологии друг к другу — то, что можно было сделать вместе, не удалось поодиночке. И до сих пор отечественной экономической социологии недостает потенциала интеграции, за разобщенностью часто стоит незнание и непонимание идей друг друга. Тем не менее итог 1980-х — постановка вопроса о предмете экономической социологии и задачах создания соответствующей отрасли социологического знания.

⁴ Теория экономической социологии с позиции материалистического метода В.Я. Ельмеевым изложена в монографии «Воспроизводство общества и человека».

В 1990-е годы наступает, можно сказать, настоящий триумф экономической социологии в России — вряд ли какая-либо отрасль социологии развивалась более успешно в то время. В геометрической прогрессии растет число публикаций, многие журналы, социологические и экономические, выделяют специальные разделы по экономической социологии. Экономическая социология становится полноправной отраслью социологии, кроме того, теперь с ней считаются и экономисты, проводятся конференции и семинары (из самых последних, в июне 1998 г., семинар в СПбГУ и в ноябре — представительная конференция в МГУ). О признании экономической социологии официальной наукой свидетельствует и тот факт, что во многих университетах создаются профильные кафедры и отделения экономической социологии, а в институтах академии наук — соответствующие отделы. В 1990-е годы экономическая социология выходит на уровень не только статей и сборников, но появляются и крупные монографии. В 1991 г. выходит работа Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной «Социология экономической жизни: очерки теории», в 1995 г. — монография Г.Н. Соколовой «Экономическая социология» (2-е доп. изд. в 1998 г.).

В 1998 г. Р.В. Рывкина издает работу «Экономическая социология переходной России: люди и реформы». Но в 1990-е годы звучат и новые имена: В.В. Радаев после большой серии статей по экономической социологии в 1997 г. публикует в Москве монографию «Экономическая социология: курс лекций» (на наш взгляд, именно эта работа является лучшей в своем классе), в том же году А.В. Дорин издает в Минске книгу «Экономическая социология» (на русском языке), в 1998 г. В.И. Верховин (МГУ) публикует монографию «Экономическая социология». Кроме того, в 1990-е годы выходит и целый ряд методических пособий по экономической социологии для студентов.

Какие проблемы более всего волнуют отечественных экономсоциологов? Анализ публикаций в журнале «Социологические исследования» показывает, что одной из самых популярных тем является социология предпринимательства. И если в начале 1990-х годов речь шла о предпринимательстве как особом виде деятельности и о его социальных функциях, о предпринимательском поведении и мотивации, то сейчас, после некоторого перерыва, интерес к предпринимательству выражается в исследовании теневой экономики и силового предпринимательства [Волков 1999]. Большое внимание в экономической социологии уделяется социологии рынка и рыночных реформ, социологии производства и промышленного предприятия, социологии обмена и денег, социологии собственности и социологии потребления. Есть ли перспективы развития экономической социологии в нашей стране? Высказываются разные точки зрения. В.В. Радаев считает, что экономическая социология «обречена на успех», другие проводят мысль о том, что экономическая социология имеет в большой степени своим предметом миф и маловероятно, что она будет успешно развиваться. Вряд ли можно согласиться и с теми, и с другими. Ясно одно — сегод-

ния экономической социологии, как и любая другая новая тема в социологии, переживает всплеск всеобщего интереса, вскоре временный интерес пройдет, и эта отрасль станет рядовой в области социологического знания. Но уже сейчас экономическая социология по-новому предлагает решать важные научные и практические задачи, экономсоциологи существенно изменяют взгляд экономистов на процессы функционирования и развития экономической системы, и экономико-социологические исследования обладают солидным теоретическим и методологическим багажом, важно только не растерять его в будущем.

Конечно, у экономической социологии в России есть много проблем, среди самых существенных мы бы назвали разобщенность экономсоциологов, отсутствие периодических изданий в области экономической социологии, малую заинтересованность ученых практическими вопросами реформирования хозяйства в нашей стране, ограниченную базу эмпирических исследований. Нет и крупных теоретических работ, сравнимых, к примеру, с социальной теорией распределения Туган-Барановского или философией хозяйства Булгакова. Пока нет совместной работы экономистов и социологов над исследованием социальности хозяйства, и разобщенность экономики и социологии сегодня все еще остается реальностью, хотя прикладывается много усилий для ее преодоления. Пока не удастся соединить экономическую социологию и социологию труда: если на словах практически все признают, что социология труда является составной частью экономической социологии, то на деле обе отрасли развиваются сами по себе. Нет и необходимой интеграции экономической социологии с экономической психологией, экономической историей и демографией. Для российской экономической социологии характерна и ее слабая включенность в мировую экономическую социологию, практически нет ни одного перевода на русский язык классиков экономической социологии (может быть, за исключением сокращенного перевода книги Н. Смелсера «Социология экономической жизни», имеющей ограниченный тираж), отсутствуют хрестоматии для студентов по экономической социологии.

Но несмотря на указанные выше проблемы, мы хотим подчеркнуть, что российская экономическая социология сегодня — явление, безусловно, состоявшееся, у нас есть свои исторические традиции социологического исследования хозяйства, есть и новые работы в этой области, исследования наших ученых дают существенные теоретические и практические результаты. Очень важно, что современная отечественная экономсоциология открыта для восприятия разных методологических концепций, и «прощание с марксизмом-ленинизмом» здесь уже состоялось. Благоприятно на будущее экономической социологии влияет и тот факт, что сегодня мы начали специально готовить студентов в этой области (в Санкт-Петербургском государственном университете отделение экономической социологии было открыто в 1997 г.), поэтому у нас есть надежда, что развитие идей экономической социологии

логии будет продолжаться. Мы будем надеяться, что, не теряя своей национальной специфики, российская экономическая социология будет успешно развиваться в русле мировой традиции, способствуя повышению авторитета отечественной социологии в рамках мирового социологического сообщества.

Литература

- Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.
- Антология русской классической социологии / Под ред. Д.С. Климентьева, Л.Н. Панковой. М., 1995.
- Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
- Верховин В.И.* Экономическая социология. М., 1998.
- Волков В.В.* Силовое предпринимательство // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 56–65. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Дюркгейм Э.* Социология и социальные науки. 1909.
- Ельмеев В.Я.* Воспроизводство общества и человека. М., 1988.
- Ельмеев В.Я.* Социология на службе экономики // Вестник ЛГУ. Сер. 5. 1989. № 5. С. 49–56.
- Ельмеев В.Я.* Предмет и источники экономической социологии // Социология экономики и управления / Под ред. Л.Т. Волчковой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
- История теоретической социологии / Под ред. Ю.Н. Давыдова: В 5 т. Т. 1. М.: Наука, 1997.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* О предмете экономической социологии // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. «Экономика и прикладная социология». 1984. № 1. Вып. 1.
- Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
- Ковалевский М.М.* Социология // Сочинения: В 2 т. Т. 1. СПб.: Алетейя, 1997.
- Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. М., 1991. Разд. 1. Общество и хозяйство.

Валерий Якубович

Чикагский университет (США)

Институт сравнительных исследований трудовых отношений

(Москва)

Светлана Ярошенко

Институт социальных и экономических проблем Севера РАН

(Сыктывкар)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ¹

Истоки экономической социологии в России можно обнаружить в 1960—1970-х годах, когда российские социологи активно разрабатывали экономические темы в рамках индустриальной социологии и социологии труда, а экономисты регулярно использовали в своих исследованиях социологическую аргументацию. Вплоть до начала 1980-х годов никто не выделял экономическую социологию как самостоятельную область знания. А в начале 1980-х годов социологи новосибирского Института экономики и организации промышленного производства задумались о том, как назвать новый курс для студентов. Они сформулировали предмет и очертили границы новой дисциплины, равно как и дали ей название, по всей видимости, независимо от своих западных коллег [Социальная траектория... 1999]. Таким образом, формирование области знания, которую ниже мы будем называть старой экономической социологией, произошло за десятилетие до крушения государственного социализма. Однако только на волне социальных и экономических потрясений начала 1990-х годов развитие экономической социологии вышло за пределы относительно изолированных региональных исследовательских центров. По всей стране начали появляться новые кафедры, учебники, курсы, присваивались ученые степени и проводились конференции, имеющие «экономическую социологию» в качестве титула. Эти организационные процессы сопровождались значительными изменениями в содержании дисциплины: львиная доля этих изменений обязана влиянию западной экономической социологии; меньшее воздействие оказало богатое наследие дореволюционной российской социологии. В аналитических целях мы выделяем это новое интеллектуальное течение как новую экономическую социологию. На практике обе традиции —

¹ **Источник:** *Yakubovich V., Yaroshenko S. Economic Sociology in Russia // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2000. Vol. 1. No. 3. June P. 24—28. <http://econ-soc.mpifg.de/>. Пер. с англ. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев.*

старая и новая — тесно переплетаются и зачастую развиваются одними и теми же исследователями. Мы считаем происходящие перемены реинституционализацией российской экономической социологии, которая, демонстрируя зависимость от первоначально выбранного пути, формируется теоретическими и эмпирическими проблемами, характеризующими переход России от государственного социализма к рынку, а также все большей открытостью российского социологического общества внешнему миру.

В этом очерке мы остановимся на основных интеллектуальных течениях, появившихся в результате вышеназванных процессов. Поскольку данная тема достаточно широка, размер статьи ограничен, а границы дисциплины, особенно в ее российском варианте, все еще находятся в стадии формирования, наш обзор неизбежно окажется субъективным и неполным.

Эволюция старой экономической социологии

Тот факт, что новая область знания зародилась в рамках новосибирского Института экономики и организации промышленного производства, т.е. экономического института, обозначает тенденцию, появившуюся в начале 1960-х годов. Мыслящие экономисты видели огромную разницу между постулатами марксистско-ленинской теории социализма с ее картиной динамичного экономического развития на основе государственной собственности и централизованного планирования, с одной стороны, и окружавшей их действительностью, в которой планы зачастую оставались на бумаге, технологические инновации постоянно проваливались, а государственная собственность превратилась в объект частной выгоды, — с другой. Эти наблюдения направили внимание исследователей к рядовым хозяйственным агентам, упрямо отказывавшимся вести себя как послушные винтики в государственной машине. Т.И. Заславская и ее коллеги пришли к заключению, что структурная позиция индивида в процессе производства и его культурные черты влияют на экономическое поведение. Следовательно, основной акцент экономической социологии должен быть сделан на анализе социальной стратификации и экономической культуры [Заславская, Рывкина 1991]. Различия в экономическом поведении можно объяснить дифференциацией акторов в зависимости от отрасли экономики, региона, пола, возраста, этнической принадлежности, семейного положения, образования и квалификации, опыта работы и т.д. В отличие от западной ветви, российская экономическая социология первоначально была нацелена на анализ скорее позиций, чем отношений, и фокусировалась на микро- и мезоуровнях анализа, практически не затрагивая экономической роли таких социетальных институтов, как коммунистическая партия и социалистическое государство.

Эта исследовательская традиция не исчезла и в 1990-е годы. Анализ индивидов и групп как субъектов и объектов социально-экономических реформ по-прежнему опирается в значительной степени на

концептуальные и методологические инструменты и понятия ранней новосибирской школы. В русле этой традиции находится, например, исследование Р.В. Рывкиной [Рывкина 1998], направленное на выявление конкретных хозяйственных агентов, чьи совместные действия привели к провалам в ходе российских реформ, которые проявились в задержках зарплаты, падении уровня жизни, криминализации хозяйства и общества. Это объяснялось коррупцией политических структур, действовавших в интересах тех или иных групп (клик), а не общества в целом. На более общем уровне, полагает автор, советская и постсоветская политические элиты не обладали навыками и интеллектуальными ресурсами для того, чтобы творчески встроить новую экономическую политику в исторически сложившую культурную среду российского общества. И уже достаточно далеко отходя от доперестроечной традиции, Рывкина, анализируя экономическую роль российского государства, приходит к выводу, что именно оно в первую очередь виновно в провале рыночных реформ.

О.Э. Бессонова предполагает, что неудачи реформ следует рассматривать в исторической перспективе [Бессонова 1997]. Она пишет, что на протяжении одиннадцати веков российская экономика была «раздаточной». Такая экономика характеризуется следующими чертами: 1) собственностью наделяются при условии предоставления определенных обязательных услуг, и она может быть конфискована теми, кто стоит у власти, если используется не по правилам или если услуги оказываются неудовлетворительными; 2) материальные ресурсы, необходимые для оказания услуг, предоставляются через институты «раздач»; 3) накопление общественного богатства происходит через институты «сдач»; 4) система административных жалоб являет собой механизм обратной связи, передающий реакцию слуг государю (патрону); наконец, 5) «сдача» и «раздача» координируются системой управления и финансовыми институтами.

Представленная здесь институциональная концепция очень близка к понятию редистрибутивной экономики К. Поланьи [Polanyi 1957]². Единственное различие состоит в том, что у Бессоновой распределение первично по отношению к поставке в центр; Поланьи же считает эти две стороны редистрибутивного механизма одинаково важными. Интересно, что анализ российской экономической организации как образования, стабильного на протяжении столетий, противоречит переформулированному И. Селеньи [Szelenyi 1978] утверждению Поланьи о разграничении традиционного перераспределения в феодальных обществах и рационального перераспределения при государственном социализме.

Появление новой экономической социологии

В новой экономической социологии в России доминирует влияние двух школ: нового институционализма, представленного в работах Р. Коуза, Д. Норта

² См. также перевод: Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 82—104.

и О. Уильямсона, и концепции укорененности экономических отношений в социальной структуре, развиваемой М. Грановеттером, К. Пола́ни и Х. Уайтом. Особенно важными являются работы В.В. Радаева, использующего идеи западной экономической социологии в своей преподавательской и исследовательской работе, а также в книгах. В его исследованиях стратификации, предпринимательства, неформальной экономики и экономики домохозяйства наиболее важные стороны российской экономической действительности рассматриваются с мультипарадигмальных позиций. Новый институционализм служит схемой для анализа проблем, столь острых для России переходного периода, — высоких транзакционных издержек и низкого уровня дисциплины в сфере контрактных отношений. Концепция укорененности используется для анализа неформальности и персонификации, свойственных российским экономическим отношениям.

В предпринятом Радаевым исследовании предпринимательства [Радаев 1998] развенчивается миф о том, что российские деловые практики совершенно лишены этики и основываются на коррупции и насилии. Он показывает слабость и неэффективность попыток государства укрепить дисциплину в сфере контрактных отношений — в силу чего и возникает необходимость их дополнения и замены неформальными механизмами. Однако эти механизмы необязательно криминальны или основаны на насилии; они включают также и стабильные деловые сети, в которых решающую роль играют доверие, реципрокность и лояльность. Для дальнейших исследований наиболее интересен вопрос (имеющий также и серьезные выходы в сферу политики) — при каких условиях развивается тот или иной тип механизмов горизонтальных связей. В качестве первого шага для его решения полезно исследовать размер и плотность сетей, лежащих в основе отношений доверия и реципрокности.

Авторы данного очерка имели возможность заниматься сходными проблемами в рамках эмпирического исследования рынков труда и бедности. Ряд исследований убедительно показывают, что на российском рынке труда роль личных контактов не уменьшается, а, наоборот, увеличивается по сравнению с дореформенным периодом [Clarke 1999; Гимпельсон, Магун 1994; Козина 1997]. Более пристальное изучение рынка труда в российском городе позволяет предположить, что найм работников часто происходит в пределах небольших и плотных сетей, которые, с одной стороны, ограничивают возможности получить работу, а с другой — превращают процесс найма в реципрокный обмен услугами. Можно утверждать, что логика реципрокности здесь вытесняет логику обмена [Yakubovich 2000]³.

Феномен бедности служит хорошей иллюстрацией серьезных и одновременных провалов многих институциональных механизмов. Традиционные российские предприятия и организации, на которых все еще занято большинство населения, выплачива-

³ См. также перевод: Якубович В. Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 210—251. — *Прим. науч. ред.*

ют минимальную зарплату, и то часто с задержками. Обедневшее государство не в состоянии содержать систему социальной поддержки даже на минимальном уровне и, как следствие, обеспечивает ее лишь небольшой группе домохозяйств. Последняя выделена на основе зарегистрированного дохода, который, как правило, совершенно недооценивает уровень их реального благосостояния. Таким образом, на основании этого критерия помощь предоставляется домохозяйствам, которые живут не хуже, чем многие из тех, кто такой помощи не получает. Наконец, те, кто находится в наиболее неблагоприятном экономическом положении, вовлечены в относительно закрытые сети неформального обмена и, оказавшись в подобном замкнутом круге, не имеют возможности улучшить свои позиции [Ярошенко 1998].

Новая экономическая социология в России находится в начальной стадии своего развития. После многих лет оторванности от западной традиции, которую и сейчас нелегко преодолеть в силу языкового барьера, существует огромная потребность в качественных переводах и интерпретации лучших работ западных ученых. Книги Ю.В. Веселова, В.И. Ильина, и особенно В.В. Радаева [Веселов 1995; Ильин 2000; Радаев 1997] отчасти восполняют этот пробел, однако впереди еще предстоит большая работа. Очень важно также быстро освоить уже используемые мировым научным сообществом исследовательские методы. Мы отнюдь не утверждаем, что эти методы совершенны, что нет возможности как-либо их улучшить или изобрести что-то новое. Однако весьма маловероятно, что движение вперед окажется возможным без освоения уже накопленного объема знаний и навыков. В этом смысле особенно ценны усилия американского социолога М. Сваффорда и его российских коллег П.М. Козыревой и М.С. Косолапова. Эта группа организовала и в течение уже почти десяти лет проводит лонгитюдное обследование «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (RLMS), являющееся единственным национальным репрезентативным многоцелевым исследованием российского населения, открытым для всего научного сообщества. Этот проект отвечает стандартам количественных социальных исследований и тем самым помогает устанавливать эти стандарты в России.

Крайняя непродолжительность свободного в идеологическом отношении развития экономической социологии отчасти объясняет теоретический эклектизм этой дисциплины, ее описательный характер, а также поляризацию между безоговорочным принятием западных подходов и таким же полным их отрицанием. На самом же деле наше интеллектуальное наследие уже содержит наиболее фундаментальные предпосылки экономической социологии. В книге, написанной в сталинских застенках в 1930–1932 гг. и впервые опубликованной в 1991 г., экономист с мировым именем Н.Д. Кондратьев рассуждает по поводу русского слова «хозяйство», английский аналог которого, по его мнению, отсутствует. Кондратьев определяет хозяйство как систему отношений внутри реальной группы людей, которая появляется

и воспроизводится в деятельности, направленной на обеспечение средств к удовлетворению потребностей [Кондратьев 1991: 110–113]. Он называет хозяйство предметом экономической теории. В современной российской литературе слова «хозяйство» и «экономика» используются как взаимозаменяемые. Кондратьев же, напротив, полагает, что термин «хозяйство» соответствует содержательному значению [substantive meaning] экономической деятельности по К. Поланьи, в то время как «экономика» соответствует ее формальному значению [Polanyi 1957]. Кроме того, Кондратьев намеренно называет главу, в которой изложены эти идеи, «Общество и хозяйство», утверждая тем самым первичность общества по отношению к экономическим процессам и настаивая на необходимости в анализе экономической деятельности продвинуться дальше формальных рассуждений о соотношении издержек и выгод. Идеи Кондратьева, предвосхитившие на пару десятилетий некоторые основные достижения нашей дисциплины, заставляют нас уверовать в то, что экономическая социология в России обладает потенциалом, достаточным для того, чтобы преодолеть начальные трудности и вступить во взаимовыгодный диалог с западным профессиональным сообществом.

Литература

- Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997.
- Веселов Ю.В. Экономическая социология: история идей. СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т, 1995.
- Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Увольнение на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 134–149.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Новосибирск: Наука, 1991.
- Ильин В.И. Поведение потребителей: Учеб. пособие. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2000.
- Кондратьев И.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. М.: Наука, 1991.
- Козина И.М. Поведение на рынке труда: анализ трудовых биографий // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 55–64. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Радаев В.В. Экономическая социология: курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.
- Рывкина Р.В. Экономическая социология переходной России. М.: Дело, 1998.
- Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Под ред. Т.И. Заславской, З.И. Калугиной. Новосибирск: Наука, 1999.
- Якубович В. Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология: новые подходы к институциональ-

ному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 210–251.

- Ярошенко С.С.* Бедные в социальной стратификации постсоветской России // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1998. № 12. С. 158–174. <http://ecsocman.edu.ru/rubezh>
- Clarke S.* The Formation of a Labour Market in Russia. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 1999.
- Polanyi K.* The Economy as Instituted Process // Trade Market in the Early Empires / Ed. by K. Polanyi, C.M. Arensberg, H.W. Pearson. Glencoe: The Free Press, 1957.
- Szelenyi I.* Social Inequalities in State Socialist Redistributive Economies // International Journal of Comparative Sociology. 1978. No. 19. P. 63–87.
- Yakubovich V.* Institutions, Social Networks, and Market Exchange: Matching Workers and Jobs in Russia // Доклад на международной конференции «Экономическая социология на пороге третьего тысячелетия». Москва. 2000.

Татьяна Заславская

*Международный академический центр социальных наук
(Интерцентр)*

РАЗВИТИЕ НОВОСИБИРСКОЙ ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ КАК ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

1. ИСТОКИ НОВОСИБИРСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (1959–1966 гг.)

1.1. Новосибирский Академгородок — центр сибирской науки

В конце 1950-х годов, когда создавалось Сибирское отделение АН СССР и строился Новосибирский Академгородок, ситуация в стране была достаточно сложной. Правда, темпы развития экономики оставались довольно высокими, уровень жизни населения рос и большинство людей надеялось на перемены к лучшему. Однако добиться по-настоящему значимых сдвигов в эффективности экономики не удавалось. Наиболее доступные ресурсы были использованы, реализация же более глубоких резервов требовала хозяйственных и социальных реформ. В этих условиях все большее внимание и политических лидеров, и ученых стала притягивать к себе Сибирь — эта «природная кладовая», богатства которой были не только не освоены, но и далеко не разведаны. Существование огромных запасов тюменской нефти и газа, якутского золота и алмазов было лишь многообещающей гипотезой, требовавшей научной проверки и подтверждения. Между тем, Сибирь практически не имела своей фундаментальной науки. Изучение ее ресурсов опиралось на крайне ограниченные силы филиалов столичных институтов и sporadических научных экспедиций.

Тогда-то академики М.А. Лаврентьев, С.К. Соболев и С.А. Христианович выдвинули смелую, но, казалось, почти нереальную идею создания в центре Сибири особого междисциплинарного отделения Академии наук как базы мощного и целенаправленного продвижения науки в восточные районы стра-

¹ Подготовлено М.С. Добряковой на основе гл. 1—5 из монографии: *Заславская Т.И., Калугина З.И.* (отв. ред.). Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. Разд. 1. С. 15—146 (<http://ieie.nsc.ru/~rokos/nesch/HistInd.htm>).

ны. Н.С. Хрущев активно поддержал эту идею, создав благоприятные условия для ее претворения в жизнь. В 1957 г. было принято постановление Совета Министров СССР о создании Сибирского отделения АН СССР, а в начале 1958 г. прорублена первая просека в лесу, в дальнейшем ставшая центральной улицей Академгородка. К концу же года в городке уже функционировали несколько институтов, в том числе и альма-матер новосибирской социологии — Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП).

Характерной чертой организации науки в СО АН, как отмечал Б.П. Орлов, «было стремление “сплавить” научную зрелость, исследовательский опыт и широту познаний ученых старшего поколения с пытливостью ума, сообразительностью и бьющей через край энергией молодежи. Такой сплав, синтезирующий то лучшее, чем порознь обладает стар и млад, дает второе дыхание ветеранам и мощный импульс молодой поросли науки»².

Действительно, во главе большинства институтов стояли подлинные гиганты науки, каждый из которых опирался на многочисленных учеников. В конце 1950-х — начале 1960-х годов в городке сильнее всего поражала молодость — не только улиц, жилья, институтов, но и подавляющего большинства жителей. В Сибирь потянулись многие молодые ученые из городов Европейской части страны. Их привлекала прежде всего деятельная творческая атмосфера: открывались новые институты, научные направления, лаборатории, укреплялась материальная база. Рос городок науки, строились жилые дома, замечательный Дом ученых, медицинский городок, торговый центр, гостиница и т.д. Ко всему этому добавлялись изумительные экологические условия: город-парк, окружающие его леса, Обское море с огромным песчаным пляжем, абсолютно чистый и здоровый воздух. Физически и духовно здоровая обстановка рождала оптимизм, уверенность в будущем, звала к инициативе и творчеству.

Но для ученых, посвятивших себя изучению общества, был важен не только природный климат, не меньшую роль играл идеологический. К моменту создания Академгородка он несколько улучшился по сравнению со сталинским временем, но давление на интеллигенцию оставалось чувствительным. <...>

Между тем новосибирский Академгородок представлял собою своеобразный «остров свободы». Здесь открыто и без опаски обсуждались острые социальные и политические проблемы. Приезжим из Москвы или Ленинграда это казалось каким-то чудом. <...> Партийные чиновники редко ездили в Академгородок, расположенный в 30 км от Новосибирска, ибо чувствовали себя здесь явно не в своей тарелке. Большинство неизбежно возникавших коллизий решалось в личных переговорах М.А. Лаврентьева с Ф.С. Горячевым [Первый секретарь Новосибирского обкома КПСС], что гарантировало большинству ученых СО АН независимость от партийной опеки.

² Орлов Б.П. Сибирь сегодня: проблемы и решения. М.: Мысль, 1974. С. 36.

Однако к развитию общественных наук М.А. Лаврентьев относился крайне настороженно. И для этого были реальные основания, так как обществоведы, особенно философы, попортили ему и его коллегам немало крови обвинениями в идеализме и других «ересях». В Академгородке был организован лишь один, причем наиболее «близкий к земле» институт общественного профиля — ИЭиОПП, в состав которого входил и относительно автономный гуманитарный отдел. Позже на его базе был создан самостоятельный Институт истории, философии и филологии. Существовала также постоянная комиссия по общественным наукам при Президиуме СО АН. В целом же для развития общественных наук в Академгородке, на первый взгляд, не было больших перспектив. <...>

1.2. Формирование исследовательских структур

Важную роль в развитии экономико-социологических исследований в Сибири сыграл Г.А. Пруденский, переехавший в Новосибирск из Москвы. Как специалист в области экономики труда, он уделял большое внимание социальной стороне экономики. Среди ранних социально-экономических исследований ИЭиОПП выделялись работы самого Г.А. Пруденского по теоретико-методологическим проблемам изучения социального времени, Л.В. Стародубского — по воспроизводству, распределению и использованию трудовых ресурсов Сибири, В.Д. Патрушева — по проблемам интенсивности и производительности труда, рабочего и внерабочего времени, В.И. Переведенцева и Ж.А. Зайончковской — по трудоустроенности экономики Сибири, миграции и условиям жизни населения.

<...>

В 1962 г. в ИЭиОПП возник и начал быстро расти второй исследовательский коллектив, давший начало современной новосибирской экономической школе, — лаборатория по применению статистических и математических методов в экономике (ЛЭМИ), созданная молодым и многообещающим ученым А.Г. Аганбегяном. Он приехал в Академгородок из Москвы в конце 1961 г. по приглашению Г.А. Пруденского, в 1963 г. защитил докторскую диссертацию, а через несколько месяцев Сибирское отделение и отделение экономики АН СССР избрали его членом-корреспондентом Академии. Для 32-летнего экономиста это был невиданный взлет. Соответственно высока была и популярность Аганбегяна, несомненно, являвшегося харизматическим лидером. О нем говорили в Москве, им интересовались, на него возлагались надежды как на будущего обновителя обветшавшей методологии экономической науки. Это помогло ему в течение двух-трех лет сформировать сильный, дружный и перспективный экономический коллектив, большинство которого составили москвичи, приглашенные им в Новосибирск. Среди них было немало будущих социологов: Ф.М. Бородкин, В.А. Калмык, З.В. Куприянова, М.А. Можина, В.Н. Шубкин, к которым позже присоединились Е.Г. Антосенков, Р.В. Рывкина,

В.Э. Шляпентох и др. Наряду с ЛЭМИ ИЭиОПП в 1962 г. была создана ЛЭМИ НГУ — первая в стране хозрасчетная экономическая лаборатория. Ее научным руководителем был А.Г. Аганбегян, а директором с 1963 г. — М.К. Калмык. ЛЭМИ НГУ сыграла важную роль в развитии экономических и экономико-социологических исследований в Сибири, она помогала научным сотрудникам Академии заключать хозяйственные договоры с заинтересованными организациями, приглашать сотрудников для руководства отдельными темами, оплачивать обработку информации на ЭВМ и пр. В результате облегчалось внедрение в практику управления методов оптимального планирования, социологического анализа, укреплялась материальная база исследований, повышалось благосостояние ученых. Ведущие научные сотрудники работали в ИЭиОПП, а большинство вспомогательного научно-технического персонала получали заработную плату в ЛЭМИ НГУ. При этом сотрудники обеих ЛЭМИ преподавали на экономическом отделении НГУ, а сами лаборатории служили базой стажировки и дипломной практики студентов-экономистов.

< >

1.3. Первые социальные исследования

В развитии социально ориентированных исследований ИЭиОПП была определенная логика, формировавшаяся под влиянием требований, с одной стороны, практики управления и планирования, а с другой — углубления и расширения исследовательских задач. Можно выделить следующую логическую цепочку изучавшихся в тот период проблем: поиск резервов роста производительности труда => обоснование необходимости и путей улучшения условий жизни работников => изучение культуры труда и отдыха работников => исследование влияния этих факторов на эффективность производства и качество жизни населения. Научное направление, связанное с изучением эффективных путей формирования и использования трудовых ресурсов Сибири, в дальнейшем разделилось на две ветви: а) изучение бюджетов времени населения и б) исследование трудовой мобильности работников. Причем первая из этих ветвей осталась в ИЭиОПП, а вторая переместилась в основном в ЛЭМИ СО АН и ЛЭМИ НГУ, фактически представлявшие единую организацию.

Активно велись исследования *рабочего, вне рабочего и свободного времени населения*. Совместно с ЦСУ РСФСР были проведены крупные обследования бюджетов времени в Красноярском крае (1959 и 1963 гг.), Новосибирске (1964 г.), а также в рамках сравнительного международного проекта в Пскове (1965 г.). Наряду с исследованиями академического типа выполнялись и прикладные разработки по договорам с проектными институтами. Результаты этой работы обобщались в коллективных и авторских монографиях, научных отчетах и диссертациях. В 1963–1966 гг. по социально-экономическим проблемам использования времени были опубликованы 9 книг и брошюр,

<...>

Большое внимание уделялось проблемам *формирования трудовых ресурсов территорий* (в первую очередь районов нового хозяйственного освоения) за счет миграции, демографического воспроизводства и повышения квалификационно-образовательного потенциала населения, а также анализу эффективности использования этих ресурсов с помощью разработки балансов труда. Значительное развитие на этом этапе получили исследования миграции населения, показавшие, что преобладание оттока работников из Сибири над притоком связано, в первую очередь, с тяжелыми условиями труда и низким уровнем благосостояния людей, с отставанием развития социальной сферы региона³. Небольшая группа сотрудников (Л.П. Ляшенко, Е. В. Виноградова и др.) начала изучение миграции сельского населения в города: в 1966 г. была проведена пробная экспедиция в два сельских района Новосибирской области для предварительного ознакомления с этой проблемой, апробации готовившегося социологического и статистического инструментария. Но по-настоящему эта работа развернулась на следующем этапе.

Одной из острых социальных проблем сибирского региона была высокая подвижность кадров. <...> Официальная статистическая отчетность объясняла 70–80% всех случаев увольнений «собственным желанием» работников, за которым стояли самые разные обстоятельства. Чтобы разобраться с этой проблемой, следовало выяснить фактические масштабы, причины, факторы и динамические тенденции текучести разных групп работников, обосновать возможные способы управления движением кадров. Появилась потребность в исследовании *трудовых перемещений работников и проблем перемены труда*.

<...>

Большое внимание уделялось и *профессиональным ориентациям выпускников восьмых и десятых классов*. Они изучались коллективом В.Н. Шубкина (Л.Г. Борисова, Ю.Д. Карпов, Ю.А. Коваленко и др.) на базе репрезентативной выборки городских и сельских школ Новосибирской области. <...> Ежегодный характер опросов позволял отслеживать динамические сдвиги как в ориентациях молодежи и престижности в ее глазах разных профессий, так и в особенностях реализации планов различных групп выпускников.

<...>

³ Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964; Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск, 1965; Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1966.

1.4. Освоение социологических методов

Современные ученые критикуют социологические исследования 1960-х годов как упрощенные, политически ангажированные и оторванные от развития мировой социологической мысли. Думается, что

эта оценка внеисторична и потому ошибочна. Дело в том, что советская общественная наука была сознательно и intentionally лишена возможности ставить и изучать острые социальные проблемы. В этой области действовала идеологическая схема, раз и навсегда описавшая советское общество как бесклассовое, бесконфликтное и социально справедливое. Посягательство на эту мифологическую картину рассматривалось как антимарксистская ересь. Официальная экономическая теория носила асоциальный характер, поскольку человек, обладавший рабочей силой, рассматривался ею как обычный ресурс, «производимый», «распределяемый» и «используемый» в зависимости от нужд производства. Между тем уже первые социально-экономические исследования поднимали человека до уровня **активного субъекта** экономики, хотя система его ценностей, потребностей, интересов, мотивов оставалась мало изученной. В этом смысле они были важным шагом вперед и, несомненно, прокладывали дорогу будущим экономико-социологическим исследованиям. <...>

Постепенное усиление социологической ориентации коллектива в этот период ясно видно из печатной продукции. В 1962—1966 гг. сотрудуниками ИЭиОПП СО АН СССР и ЛЭМИ были опубликованы более 20 книг. Часть из них подводила итоги ранее выполненных исследований и носила преимущественно экономический характер⁴. Наряду с этим начали появляться книги, четко ориентированные на социологическую проблематику⁵. Основная же часть изданий этого времени была представлена работами, находящимися на стыке социальной экономики и экономической социологии⁶: ведь почти все новосибирские «социологи» имели экономическое базовое образование и привыкли мыслить соответствующими категориями.

<...>

2. СТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА (1967—1972 гг.)

<...>

2.2 Новая жизнь ИЭиОПП

В 1967 г. тяжело заболевшего и вскоре скончавшегося Г.А. Пруденского сменил на посту директора ИЭиОПП 35-летний член-корреспондент АН СССР А.Г. Аганбегян. Новый директор был полон научных и организационных идей, уверен в творческих возможностях коллектива. Руководство СО АН ставило перед ИЭиОПП задачу содействия социально и экономически эффективному освоению огромных богатств Сибири. В ее решении А.Г. Аганбегян решительно выбрал стратегию, ориентирующуюся на только начавшие тогда осваиваться методы экономико-математического моделирования и прогнозирова-

⁴ Это относится, например, к книгам В.Д. Патрушева «Интенсивность труда при социализме» (М.: Изд-во экономической литературы, 1963) и «Время как экономическая категория» (М.: Мысль, 1966), Г.А. Пруденского «Время и труд» (М.: Мысль, 1964), Т.И. Заславской «Распределение по труду в колхозах» (М.: Экономика, 1966).

⁵ См.: Количественные методы в социологии / Под ред. А.Г. Аганбегяна и В.Н. Шубкина. М.: Мысль, 1966; Научный семинар по применению количественных методов в социологии. Ч. 1 и 2. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1966; Опыт экономико-социологических исследований в Сибири / Отв. ред. В.Д. Патрушев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1966; Социологические исследования: вопросы методологии и методики / Отв. ред. Р.В. Рывкина. Новосибирск: НГУ, 1966.

⁶ Наиболее серьезными работами этого типа были: Внерабочее время трудящихся / Отв. ред. Г.А. Пруденский. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1961; Пруденский Г.А. Время и труд. М.: Мысль, 1964; Методика изучения бюджетов времени трудящихся / Отв. ред. В.Д. Патрушев. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1966.

ния экономических процессов, оптимального планирования и социологического анализа. Но молодые и способные ученые ставили перед собой и другую задачу — использовать материально-технические возможности и относительную свободу Академгородка для качественного рывка в развитии экономической теории, давно переставшей отражать социальную реальность. Поэтому Аганбегян стремился привлечь в институт как можно больше перспективных ученых разного научного профиля. В 1966—1968 гг. в институт пришли такие талантливые ученые социально-экономического профиля, как Р.В. Рывкина, М.А. Розов, Б.Г. Миркин, Р.К. Иванова, Ю.П. Воронов, В.Ф. Чеснокова, И.С. Ладенко и др. Было принято на работу и первое поколение выпускников экономического факультета НГУ: Л.В. Корель, В.М. Пушкарев, Е.Е. Горяченко и др. Одновременно из института уходили работники старшего поколения, начинавшие работу с Г.А. Пруденским. Среди них были люди, не согласные с повышенной ролью, отводившейся новым директором института математическим методам в экономике, некоторым был чужд критический настрой москвичей по отношению к социальной системе, кое-кого не устраивали непривычные методы работы и чрезмерные, на их взгляд, требования к качеству научной продукции. Наконец, увольнялись и по личным причинам, а также из чувства солидарности. В целом за эти годы личный состав института обновился больше чем наполовину. В результате массовой смены кадров коллектив, бесспорно, понес существенные потери, проиграв в опытности и особенно в знании условий Сибири. Но этот проигрыш с лихвой компенсировался молодостью, одаренностью и увлеченностью новых кадров, лучшим знанием современных экономических и социальных теорий и экономико-математических методов, готовностью к решению сложных задач.

Существенно изменилась организационная структура института, в нем были созданы крупные отделы по стратегическим направлениям исследований, среди них — отдел социологических проблем труда и социального планирования трудовых ресурсов (с 1979 г. — отдел социальных проблем), кратко называвшийся социологическим.

Пожалуй, наиболее характерной чертой жизни института в этот период был процесс интенсивного повышения квалификации или расширения области знаний сотрудников — от лаборантов до докторов наук. Для тех, кто был слабо знаком с математикой, читались курсы математического анализа, линейного программирования и т.д. Социологи прилежно изучали математическую статистику, многомерный корреляционный, регрессионный и дисперсионный анализ. Особое внимание уделялось овладению иностранными языками, ибо без этого невозможны полноценные международные связи.

<...>

2.3. Формирование социологического отдела

Социологический отдел ИЭиОПП был образован из нескольких ранее автономных научных групп. Пожалуй, наибольшие основания

для руководства отделом имел В.Н. Шубкин, незадолго до того избранный вице-президентом Советской социологической ассоциации и председателем ее Сибирского отделения, но Аганбегян предложил эту должность мне.

Тогда в состав отдела вошли четыре сектора: социальных проблем города и села (д.э.н. Т.И. Заславская), бюджетов времени населения (д.э.н. В.Д. Патрушев), движения работников в промышленности и строительстве (к.э.н. Е.Г. Антосенков), формирования и использования трудовых ресурсов (к.э.н. Е.Д. Малинин). Вскоре в порядке эксперимента был создан сектор методологии и методики социологических исследований (к.ф.н. М.А. Розов), который должен был помогать остальным секторам совершенствовать методы исследований с общепсихологических позиций. Но замысел не оправдался, так как у «методологов» и «предметников» не оказалось общего научного языка, и в ходе дискуссий стороны оставались при собственном мнении. Стало ясно, что эффективно развивать методологию конкретных исследований можно, лишь зная соответствующие проблемы «изнутри». Сектор был ликвидирован, часть его сотрудников (Р.В. Рывкина, В.И. Герчиков, И.А. Истошин) перешли в «предметные» сектора. Зато в 1969 г. из отдела математических методов в экономике в социологический отдел перешла группа исследователей во главе с Ф.М. Бородкиным, специализировавшихся на математическом моделировании социальных процессов, а также обработке и анализе социологических данных. В 1973 г. отдел пополнился сектором математических исследований (руководитель Б.Г. Миркин), в который вошла и группа Ф.М. Бородкина. В дальнейшем этот коллектив сыграл важную роль в математико-статистическом и программном обеспечении социологических исследований.

Следует признать, что вначале сотрудники вновь образованного отдела ни в научном, ни в социально-психологическом плане не составляли цельного коллектива. Каждый сектор представлял собой малую группу с собственной историей, традициями, нормами и ценностями, своими научными взглядами и, что немаловажно, своим самолюбием. Они были почти не связаны между собой и не особенно интересовались друг другом. Для успешного развертывания исследований необходимо было добиться как научно-организационной, так и социально-психологической консолидации коллектива.

Важную роль при этом сыграло создание и налаживание работы научного совета отдела, который обсуждал и утверждал планы НИР на следующий год и на пятилетку, методические программы и исследовательские проекты, отчеты о командировках и экспедициях, рассматривал и рекомендовал к печати рукописи будущих книг. <...>

Параллельно с научным советом работал теоретико-методологический семинар под руководством Р.В. Рывкиной, где обсуждались актуальные проблемы социологии, заслушивались научные доклады сотрудников по конкретным проблемам, сообщения коллег из Москвы или Ленинграда. Именно на научном совете и методологическом се-

минаре выработывался характерный для новосибирского социологического сообщества стиль межличностного научного общения, основанный, с одной стороны, на гласности управления, коллективном принятии важных решений, высокой требовательности к методам и результатам исследований, свободном и открытом характере критики (включая критику старших младшими, учителей — учениками), а с другой — на уважительном отношении друг к другу.

<...>

Сближению разрозненных секторов способствовали и социологические экспедиции. Это были хорошо подготовленные в организационном и методическом планах длительные выезды в поселки Северного Приобья, сельские районы Алтая, города Сибири и Дальнего Востока.

<...>

2.4. Направления социальных исследований

В первые годы предмет исследований отдела производил впечатление пестроты и случайности, поскольку выбор тематики диктовался не столько логикой развития науки, сколько требованиями социально-экономической практики, преломляющимися через внешние поручения и заказы институту или через собственное понимание отдельных ученых. Вначале с организацией социологического отдела тематика секторов не менялась, каждый из них продолжал исследовать свой традиционный предмет. Необходимость предметной консолидации коллектива была осознана значительно позже, а тогда работа в велась в нескольких почти не связанных между собой направлениях.

На первом этапе наиболее развитым оставалось начатое Г.А. Пруденским и продолженное В.Д. Патрушевым с сотрудниками *изучение времени населения*. Сектор бюджетов времени работал энергично и эффективно, его исследования расширялись и углублялись. <...>

Важным шагом в развитии данного направления явился переход от изучения индивидуальных бюджетов времени к разработке совокупных балансов времени крупных территориальных общностей — регионов, городов и сельских районов. Эта задача была важна и в на-

учном, и в практическом отношениях, но вместе с тем крайне трудоемка: ее решение требовало гигантских массивов информации и сложных методов их обработки. В.Д. Патрушев и его коллеги развили теоретическую концепцию совокупных балансов времени, разработали методику их построения и расчета, сделали первые экспериментальные шаги по реализации этой идеи⁷. К сожалению, для дальнейшего движения в этом направлении не хватило ресурсов (денег, людей, средств обработки данных и пр.), но начало было положено. В целом рассматриваемый период по проблемам бюдже-

⁷ Результаты их пионерной работы отражены в книгах «Проблемы совокупного баланса времени и итоги исследований» (Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1969) и «Основные положения методики построения и расчета совокупного баланса времени населения экономического района (общества)» (Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1971). Помимо названных выше книг, следует отметить также: Статистика бюджетов времени населения. М.: Статистика, 1967; Бюджет времени городского населения / Под ред. Б.Т. Колпакова, В.Д. Патрушева. М.: Статистика, 1971; Методические вопросы изучения бюджетов времени / Под ред. В.А. Артемова. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1972.

тов времени населения были опубликованы 8 книг объемом около 100 п.л.

От прежней структуры института было унаследовано и такое направление исследований, руководимое Е.Д. Малининым, как *формирование и использование трудовых ресурсов Сибири*. Труднедостаточность экономики Сибири и начавшееся освоение Тюменского Севера делали его очень актуальным. В соответствии с характером научных задач здесь широко использовался экспедиционный метод исследования. <...>

Сектор Е.Д. Малинина в течение долгого периода эффективно изучал социально-экономические проблемы промышленного освоения новых районов. Результаты его работы высоко оценивались и учеными, и практиками. Но коллектив этого сектора работал в рамках чисто экономической парадигмы и не видел необходимости обращаться к социологии.

Продолжались исследования проблем движения рабочих кадров в промышленности и строительстве. <...> В 1966—1967 гг. по просьбе первого секретаря Рубцовского ГК КПСС В.Т. Мищенко были проведены широкие исследования текучести кадров на всех шести крупных предприятиях города, включая индустриальный гигант АТЗ. В течение шести месяцев каждый поступающий на работу или увольнявшийся с этих предприятий работник заполнял анкету, указывая обстоятельства, вынуждающие или стимулирующие его к смене места работы. Анализ многих тысяч анкет дал достаточно надежное представление об интенсивности, направлениях и качественной структуре потоков текучести.

В 1968 г. сектор провел на АТЗ комплексное исследование как внутривозовского, так и межзаводского движения кадров. <...> На его основе коллектив разработал комплексную систему мер по закреплению кадров на предприятиях. По инициативе и с помощью В.Т. Мищенко эта система была реализована в масштабе всего города, в результате чего за 2—3 года уровень текучести промышленных кадров снизился примерно на треть (с 25 до 17—18%)⁸. Исследования сектора нашли отражение в целом ряде интересных работ⁹.

Актуальным направлением оставалась и *миграция сельского населения в города*. Дефицит кадров в сельском хозяйстве Сибири, по оценкам отдельных ученых, доходил до 25%, а миграционный отток сельского населения все увеличивался и увеличивался. <...>

Новосибирский обком КПСС еще в начале 1960-х годов обратился в ИЭиОПП СО АН с просьбой выяснить причины чрезмерного оттока сельского населения в города и разработать меры по его снижению. Дирекция поручила эту работу сектору социальных проблем города и деревни. Необходимо было уточ-

⁸ Антосенков Е.Г., Мищенко В.Т. Текучесть кадров в промышленности и пути ее сокращения. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1971.

⁹ Проблемы создания постоянных кадров на машиностроительном предприятии / Под ред. Е.Г. Антосенкова. ИЭиОПП СО РАН. Новосибирск, 1968; Опыт исследования перемены труда в промышленности / Под ред. Е.Г. Антосенкова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1969; Антосенков Е.Г., Куприянова З.В. Текучесть рабочих кадров в строительстве: опыт экономико-социологического исследования. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1970; Отношение к труду и текучесть кадров (По материалам обследования машиностроительных заводов г. Новосибирска) / Под ред. Е.Г. Антосенкова, В.А. Калмык. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1970.

направить масштабы и направления миграции сельского населения, выявить социально-демографическую структуру встречных миграционных потоков (из сел в города и из городов в села), определить основные причины и факторы резкого усиления миграционного оттока селян, проследить за судьбами сельских мигрантов в городах, обосновать возможные меры оптимизации миграции.

<...>

Выполненный анализ привел к выводу, что среди множества причин миграции сельского населения в города, включая и паспортизацию населения, главной был громадный разрыв в уровне социального развития города и села. Городское и сельское население СССР жили как бы в разных веках, и город нещадно эксплуатировал деревню. (Достаточно сказать, что, по данным специальных исследований, состояние здоровья селян было примерно таким, как у горожан старше их на 15—20 лет.) Следовательно, решение проблемы лежало на пути преодоления необоснованных социальных различий в положении городского и сельского населения, формирования на селе социальной среды, отличной от городской, но равноценной и равнопривлекательной. Мы полагали, что решение этой задачи должно опираться на комплексную целевую программу социально-экономического развития села, разработку основ которой были готовы взять на себя. Это предполагало достаточно сложную теоретико-методологическую работу, связанную с представлением сельской местности (или сельского сектора) СССР в качестве целостного объекта управления — специфической подсистемы общества. И в 1971 г. сектор начал разработку этой методологии.

<...>

В 1972 г. было проведено второе социолого-статистическое исследование новосибирского села, заложившее основу будущего пятнадцатилетнего лонгитюда (1967—1982). Программа этого исследования в основном воспроизводила программу 1967 г., что было важно для отслеживания динамики. Однако предмет исследования был расширен в соответствии с изменением научных задач: теперь в центре внимания находились проблемы развития села как целостного социально-экономического объекта, *проблемы сельского расселения*.

<...>

2.6. Методология и методика исследований

Целевые установки и выбор тематики. На этапе становления коллектива тематика его исследований определялась не столько нерешенными проблемами теории, сколько требованиями социальной практики. Дело в том, что западная общественная наука для советских ученых была закрыта, а советская, в сущности, не была наукой. Она выполняла служебные функции поддержки коммунистического учения и связанных с ним идеологических мифов, но не была объектом творческого развития, не порождала требующих проверки гипотез,

не ставила сложных методологических проблем, а следовательно, не задавала новых направлений исследования.

<...>

Новосибирские социологи работали в постоянном контакте с партийными и государственными властями, проектными институтами, крупными предприятиями, обращавшимися к институту за той или иной научной помощью. В этих условиях практическая актуальность темы и наличие значимых для практики выводов рассматривались как обязательные требования к любому исследованию. <...>

Позитивизм и ценностное отношение к Истине. Мотивированность новосибирских социологов к творческому участию в решении социальных проблем региона была связана и с желанием противопоставить господствовавшим идеологическим мифам правду о социальной дифференциации, сложных и противоречивых социальных процессах, острых проблемах и конфликтах якобы беспроблемного и бесконфликтного общества. Мы считали себя ответственными за социальное просвещение общества, посильное противостояние тотальной лжи, пронизывавшей общественную науку.

<...>

Отношение к марксизму. В основе методологии наших исследований, безусловно, лежал марксизм, прежде всего в той его части, которая касается связи экономики с социальной сферой, социально-классовых проблем и влияния социального положения на экономическое поведение людей. Ограниченность этого подхода проявлялась в преимущественном внимании к изучению объективных (материальных, экономических) условий, факторов и результатов исследуемых процессов при значительно меньшем внимании к социокультурным факторам, сознанию индивидов и групп, их ценностным ориентациям, потребностям, мотивациям.

Причем по мере углубления в изучение социальной реальности мы сталкивались все с большим количеством фактов (процессов, явлений), противоречивших букве марксистского учения, отдельным высказываниям классиков или их ортодоксальным трактовкам. С другой стороны, многие элементы западных социологических теорий среднего уровня, с которыми мы знакомились, хорошо соответствовали наблюдаемой нами действительности. Большую помощь в этом отношении оказала, в частности, книга Яна Щепаньского «Элементарные понятия социологии», переведенная нашей сотрудницей В.Ф. Чесноковой и изданная под редакцией Р.В. Рывкиной¹⁰. На некоторое время эта книга служила нам «социологическим букварем». В целом наши отношения с марксизмом носили творческий характер: используя его основные положения как базу, мы стремились отсекал устаревшие, нереалистические элементы этого учения и одновременно «прививать» к нему новые более современные «ветви».

<...>

¹⁰ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Отв. ред. Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1967.

(1973—1980 гг.)

<...>

3.2. Рост квалификационного потенциала отдела

Одной из важнейших идей академика М.А. Лаврентьева, заложенных в основание Академгородка, была необходимость тесного соединения науки с образованием. Он был убежден, что для получения действительно высокой научной квалификации студенты уже со второго-третьего курса должны включаться в серьезную исследовательскую деятельность, постепенно становясь полноправными членами творческих коллективов. Тем более, что наука, со своей стороны, нуждалась в подпитке талантливой молодежью, найти и отобрать которую легче в процессе совместной работы.

В соответствии с этой идеей в Академгородке уже в 1958 г. был создан и начал работать Новосибирский государственный университет. В 1962 г. по инициативе и под руководством А.Г. Аганбегяна на гуманитарном факультете НГУ было создано отделение экономической кибернетики. В 1967 г. оно преобразовалось в экономический факультет, а еще через два года в нем открылась неформальная и как бы негласная специализация по социологии. Сделать ее открытой было нельзя, так как социология не признавалась «марксистской» наукой и, стало быть, не имела права существовать. Студенты, решившие специализироваться по социологии (в разные годы их было от 5 до 15 человек), начиная с четвертого курса слушали систему спецкурсов, готовили и защищали соответствующие дипломные работы. Однако в выдаваемых и им дипломах в графе «Специальность» записывалось «Экономическая кибернетика». Словом, мы жили по Козьме Пруткову, советовавшему «увидев на клетке слона надпись “буйвол”, не верить своим глазам». Трудоустраивать выпускников приходилось «в штучном порядке».

Кадровый состав отдела социальных проблем ИЭиОПП начиная с 1967 г. регулярно пополнялся специализировавшимися по социологии выпускниками экономического факультета НГУ. <...> Дипломные работы наших студентов обычно базировались на вторичном анализе ранее собранных сотрудниками отдела социологических данных — иначе они не успевали бы выполнить работу к сроку. <...>

Своеобразным учебником для студентов и сотрудников, приступавших к обоснованию новых проектов, в середине 1970-х годов стала статья «О принципах и основных элементах программирования исследования трудовой мобильности»¹¹. Она обобщала накопленный к тому

времени сотрудниками отдела исследовательский и преподавательский опыт. Мобильность трудовых ресурсов использовалась в качестве примера, основное же содержание статьи составляло подробное объяснение того, как проектируется прикладное со-

¹¹ Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов / Под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывковой. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974.

циологическое исследование, какие трудности при этом встречаются и как их можно преодолеть.

<...>

Лучшие из лучших выпускников зачислялись в отдел стажерами, а через два года становились научными сотрудниками. Это, в частности, относится к таким сотрудникам, как Г.П. Гвоздева, А.Н. Шапошников, В.М. Алферов, В.И. Федосеев, Н.Т. Нонкин, А.Р. Михеева и др., которые пришли в отдел в 1973–1981 гг.

Кандидатами наук в этот период стали Н. Чернина и Л. Хахулина (1974 г.), В. Герчиков (1976 г.), Л. Трус, З. Калугина и А. Шапошников (1980 г.). Успешно защищались и докторские диссертации. Так, в 1975 г. доктором экономических наук стал Е.Г. Антосенков (по специальности «Экономика труда»), в 1976 г. — Ф.М. Бородкин (по математическим методам в экономике), в 1979 г. — Р.В. Рывкина (по прикладной социологии).

Изменялся состав сотрудников, расширялся предмет исследований отдела, происходили кадровые перестановки. Так, вместо уехавшего в Москву Е.Г. Антосенкова заведовать сектором движения работников в промышленности и строительстве стала З.В. Куприянова, а вместо перешедшего на работу в ИСИ В.Д. Патрушева руководителем сектора бюджетов времени стал В.А. Артемов. В 1979 г. чрезмерно разросшийся сектор социальных проблем города и деревни был разделен на две части: сектор методологии и методики социологических исследований (членкор АН СССР Т.И. Заславская) и сектор трудовых ресурсов и уровня жизни (к.э.н. В.А. Калмык). Автономно работала в этот период группа моделирования социальных процессов под руководством Ф.М. Бородкина. Проблемами математического анализа больших массивов информации успешно занимался сектор Б.Г. Миркина, в состав которого входила группа математической обработки социологических данных (к.физ.-мат.н. В.А. Трофимов).

3.3. Системное изучение и прогнозирование развития села

Главным научным направлением отдела 1970-х годов была разработка методологии системного изучения сложных социально-экономических объектов. Хотя эта работа велась в основном применительно к сельскому сектору, в ней в той или иной мере участвовали все сектора.

<...>

Социально-экономическое моделирование развития села. Необходимо было более глубоко изучить связи между важнейшими прогнозными показателями развития села. Простейшие из них выражались математическими соотношениями, но основное место в интересовавших нас механизмах занимали связи косвенного влияния, примерами которых могут служить зависимость эффективности производства от образования и квалификации кадров, уровня доходов населения — от эффективности сельского хозяйства, миграционного оттока сельских жителей в города — от различий в уровне и качестве

жизни горожан и селян и т.п. Придать таким связям количественную форму достаточно сложно, но для построения надежного социально-экономического прогноза это было необходимо. Так возникла идея построения модели села как подсистемы общества.

<...>

В научном плане работа над комплексным прогнозом села стала первой попыткой изучения внутреннего механизма развития целостного социального объекта. Теоретический аспект этой работы нашел отражение в трех коллективных монографиях¹².

<...>

Одновременно продолжались и углублялись социолого-статистические исследования разных социальных структур и процессов, результаты которых широко публиковались в печати. В 1977 г. было проведено третье социолого-статистическое исследование сибирской деревни по методике, сравнимой с исследованиями 1967 и 1972 гг. В результате ученые получили возможность судить о тенденциях динамического развития деревни уже за десятилетний период.

<...>

3.4. Изучение социально-территориальной структуры села

С середины 1970-х годов в работе новосибирских социологов выделилось новое важное направление, связанное с изучением социально-территориальной структуры сельской местности. Сначала оно велось на уровне Западной Сибири, а затем применительно к стране в целом. Обращение к этой проблеме было связано с тем, что при изучении перспектив развития села как особой подсистемы общества нельзя было ограничиваться рассмотрением проблем инвариантных для всех регионов. Ведь в разных частях страны актуальными представлялись совершенно различные проблемы. В одних республиках и областях село испытывало недостаток рабочей силы и нуждалось в притоке кадров извне, в других — наблюдалась неполная занятость населения, не хватало мест работы для женщин и молодежи. В одних зонах уровень рождаемости не обеспечивал простого воспроизводства населения, а в других наблюдался опережающий рост последнего по отношению к рабочим местам и социальной инфраструктуре. В одних районах уровень образования кадров не обеспечивал эффективного использования техники, а в других квалифицированные работники были вынуждены заниматься простым трудом и т.д.

<...>

Обеспечить согласованное развитие разных элементов территориальной структуры села можно было лишь на основе дифференцированной социально-экономической политики. В связи с этим группа сотрудников и аспирантов (Е.Е. Горяченко, В.И. Федосеев, М.Б. Мучник, С.Г. Крапчан, А.Я. Троцкий) поставила перед собой задачу: комплексно изучить различия в уровне и качестве социально-

¹² Проблемы системного изучения деревни / Под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1975; Методологические проблемы проблемы системного изучения деревни / Под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1977; Методология и методика системного изучения советской деревни / Под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980.

экономического развития сельских территорий страны, выявить зависимость этих различий от природных, экономических, социальных и других объективных условий, раскрыть связи между отдельными социально-экономическими характеристиками сельских территориальных общностей, разработать методологические принципы планомерного управления социальным развитием села с учетом выявленных территориальных различий, разработать на их базе рекомендации органам управления.

<...>

3.5. Изучение движения рабочей силы

<...>

В 1970-х годах сотрудниками сектора были проведены повторные массовые опросы работников промышленности и строительства Новосибирска, чтобы выяснить, как изменилось положение с текучестью кадров по сравнению с серединой 1960-х годов¹³.

<...>

Со временем у научного коллектива отдела возникла потребность обобщить методологические результаты исследований трудовой мобильности — текучести рабочей силы, должностного продвижения работников и миграции населения, проводимых разными секторами. В результате была подготовлена общеотдельская монография «Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов» (Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974), которая стала важным шагом на пути к системному изучению трудовых перемещений работников. Авторы книги стремились преодолеть исторически сложившийся разрыв между экономическими и социологическими исследованиями трудовой мобильности, разработать более широкий предмет, в котором эти подходы были бы связаны в единое целое. В книге фиксировалось место исследований трудовой мобильности в системе разделения научного труда, раскрывалась роль связанных с нею процессов социально-экономического развития общества, вводилось представление о ее внутренней структуре и социальных механизмах. Трудовая мобильность рассматривалась как родовое понятие по отношению к таким формам перемещения работников, как миграция, оборот и текучесть кадров, движение работников внутри предприятия, профессиональная и межотраслевая мобильность. В статье В.А. Калмык излагалась программа изучения трудовой карьеры, которая была (и все еще остается) одним из наименее изученных аспектов трудовой мобильности. Автор анализировала исходные принципы изучения трудовой карьеры начиная с теоретического обоснования классификации изучаемых процессов и кончая формулировкой гипотез, предлагала конкретные методы измерения изучаемого процесса. На основе этой программы было успешно проведено конкретное исследование, посвящен-

¹³ Результаты этой работы освещены в монографии: Антосенков Е.Г., Куприянова З.В. Тенденции в текучести кадров: динамический аспект анализа. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. См. также: Социально-экономические проблемы труда на промышленном предприятии / Под ред. З.В. Куприяновой. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981.

новой адаптации сельских мигрантов к условиям жизни в городах. Важным шагом в сторону расширения преимущественно экономической парадигмы исследований движения рабочей силы была статья Р.В. Рывкиной «К изучению социально-психологических аспектов трудовой мобильности», в центре которой находились субъективные факторы этого процесса: потребности, ценности, престиж разных видов труда, особенности мотивации мобильного поведения.

<...>

Во второй половине 1970-х годов спектр исследований социальных проблем движения рабочей силы продолжал расширяться. Коллектив сектора, используя анкетные опросы, статистику и другие доступные материалы, обратился к анализу демографического потенциала регионов, миграции населения, профориентации и профобучения молодежи, подготовки кадров на производстве, адаптации новичков к профессии и месту работы, балансов квалифицированной рабочей силы. По существу, это означало приближение к совсем новому предмету исследования — факторам и условиям воспроизводства рабочей силы в регионах.

<...>

4. ИЗУЧЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ (1981—1985 гг.)

4.1. Поворот к социологии экономических отношений

В 1980-х годах отдел социальных проблем ИЭиОПП представлял собой мощный высоко квалифицированный коллектив, насчитывающий около 70 научных сотрудников и аспирантов (не считая 10—15 студентов-дипломников, также принимавших участие в исследованиях). В составе отдела работали действительный член АН СССР (Т.И. Заславская, 1981), четыре доктора экономических и философских наук (Ф.М. Бородкин, 1976; Р.В. Рывкина, 1979; И.С. Ладенко, 1982; В.Д. Смирнов, 1984) и более 30 кандидатов наук (В.М. Алферов, О.Э. Бессонова, Т.Ю. Богомолова, Т.Н. Вершинина, Г.П. Гвоздева, В.И. Герчиков, Е.Е. Горяченко, Н.М. Иванина, В.А. Калмык, З.И. Калугина, Л.В. Корель, Ю.Г. Корнюхин, С.Г. Крапчан, Е.В. Косалс, Л.Я. Косалс, З.В. Куприянова, В.А. Лисов, И.Н. Мартынова, Б.Г. Миркин, С.Ю. Павленко, В.М. Пушкарев, П.С. Ростовцев, М.Л. Суховский, В.А. Трофимов, Л.С. Трус, О.П. Фадеева, В.И. Федосеев, Л.А. Хахулина, Н.В. Чернина, М.А. Шабанова, О.В. Шарнина, А.Н. Шапошников и др.).

Научная продукция коллектива пользовалась широкой известностью и высоко ценилась социологическим сообществом. Новосибирские ученые поддерживали контакты с учеными из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Перми, Уфы и других культурных центров России, но особенно тесные — с коллегами из областей и краев Сибири. Дело в том, что отдел социальных проблем ИЭиОПП был головной организацией Сибирского отделения Советской социологической

ассоциации и составлял ее ведущую силу. Сотрудники отдела В.А. Артемов, Ф.М. Бородкин, В.И. Герчиков, С.В. Соболева, Л.А. Хахулина совместно с учеными из других институтов СО АН, преподавателями новосибирских вузов и ведущими социологами Томска, Тюмени, Красноярска, Иркутска, Барнаула, входившими в бюро СО ССА, вели активную научно-организационную деятельность в масштабе Сибири, налаживая творческое взаимодействие ученых этого громадного региона. Немалая роль в этой деятельности принадлежала журналу «Известия Сибирского отделения АН СССР», в рамках которого с 1984 г. стала выходить серия «Экономика и прикладная социология».

<...>

4.3. От экономического поведения к социальному механизму развития экономики

Постепенно в коллективе накапливался все больший опыт исследования экономического поведения. Так, группа Р.В. Рывкиной основательно изучала управленческое поведение работников АПК¹⁴, В.Д. Смирнов — поведение колхозников в сфере труда, распределения и управления, З.И. Калугина — поведение сельских жителей в сфере личного подсобного хозяйства¹⁵, Л.В. Корель — миграционное поведение сельских жителей, и прежде всего их миграцию в города¹⁶, Н.В. Чернина — трудовое поведение работников промышленности¹⁷, З.В. Куприянова, Л.А. Шишкина, В.П. Михайловская, Т.А. Мозырева — разные виды мобильного поведения работников индустриальных отраслей производства строительства¹⁸ и т.д.

<...>

Однако по мере развития исследований экономического поведения все ясней ощущалась неправомерность рассмотрения его в качестве самостоятельного фактора развития экономики. Дело в том, что хотя поведение общественных групп оказывает существенное влияние на этот процесс, множество поведенческих актов, совершаемых каждой группой работников, равно как и всею их совокупностью, не образует системы и потому не может служить объектом целенаправленного управления. Приходило понимание того, что поведение людей — лишь элемент более широкой системы, включающей как его внешние факторы, так и вызываемые им результаты.

Исследования экономического поведения показывали, что его содержание и эффективность определяются: а) хозяйственным механизмом, задающим правила игры в данной сфере; б) социально-экономи-

¹⁴ Рывкина Р.В., Косалс Е.В., Косалс Л.Я., Науков Г.А. Изменение трудовой деятельности и отношения к труду в условиях коллективного подряда. Новосибирск: ИЗИОПП СО АН СССР, 1985; Павленко С.Ю. Проблемы труда руководителей сельскохозяйственных предприятий / Новосибирск: ИЗИОПП СО АН СССР, 1985; Перспективные работники сельского района: условия и образ жизни / Под ред. Р.В. Рывкиной, Л.А. Хахулиной. Новосибирск: ИЗИОПП СО АН СССР, 1985.

¹⁵ Калугина З.И. Поведение населения в сфере личного подсобного хозяйства // Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики. Новосибирск: ИЗИОПП СО АН СССР, 1985.

¹⁶ Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука, 1982.

¹⁷ Чернина Н.В. Опыт социологических исследований трудового поведения в промышленности // Известия СО АН СССР. Сер. «Экономика и прикладная социология». 1987. № 8. Вып. 2.

¹⁸ См., например: Внутривзводское движение и текучесть кадров. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981; Формирование и стабилизация квалифицированных кадров промышленности и строительства. Новосибирск: Наука, 1982; Куприянова З.В., Мищенко В.В. Формирование квалифицированных рабочих кадров в строительстве. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1983; Михайловская В.П. Внутривзводская текучесть рабочих кадров / Под ред. Е.Г. Антосенкова, З.В. Куприяновой. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984; Движение кадров в крупном сибирском городе // материалам исследования текучести в промышленности Новосибирска / Под ред. Е.Г. Антосенкова, З.В. Куприяновой. Новосибирск: Наука, 1985; Мозырева Т.А. Текучесть и стабилизация ИТР на предприятиях Сибири / Под ред. Е.Г. Антосенкова. Новосибирск: Наука, 1986; Вершинина Т.Н. Взаимосвязь текучести и производственной адаптации рабочих / Под ред. З.В. Куприяновой. Новосибирск: Наука, 1986.

ческим положением, формирующим потребности и интересы субъектов; в) особенностями социокультурной среды, определяющими ценностно-нормативные аспекты и их сознания. Конечным же результатом (характеристикой качества) экономического поведения служат сдвиги в территориальном размещении населения и трудовых ресурсов, профессионально-квалификационной структуре работников, качестве общественного труда, его разделении между отраслями и секторами экономики, пропорциях распределения доходов, структуре покупательского спроса, темпах научно-технического прогресса и пр. Система, элементом которой является и в рамках которой реализуется экономическое поведение, охватывает практически всю сферу взаимодействия экономического и социального развития общества. Функции, выполняемые этой системой в процессе общественного воспроизводства, ее относительная целостность и сложное внутреннее строение позволяют интерпретировать ее как *социальный механизм развития экономики*. Изучение подобного механизма представляет намного более сложную задачу, чем анализ конкретных видов и форм экономического поведения.

Под социальным механизмом развития экономики имелась в виду устойчивая система экономического поведения и взаимодействия общественных групп как друг с другом, так и с государством, регулируемая исторически сложившимися социальными институтами, хозяйственным механизмом управления экономикой и текущей деятельностью органов управления. Предполагалось, что главной функцией этого механизма является создание социальных условий для эффективного использования экономических ресурсов, научно-технического и социально-экономического прогресса.

<...>

В развиваемой концепции подчеркивалось, что конкретные варианты социального механизма развития экономики могут обладать разным качеством, т.е. быть более или менее эффективными. Судить об их эффективности можно по результатам экономического и социального развития общества. Первые характеризуются уровнем эффективности и темпами роста производства, вторые — сдвигами в социальной структуре общества и изменением социального качества людей. Разные варианты социального механизма развития экономики формируют разные, соответствующие их качеству социальные типы людей. Особенности этих типов определяются твердо усвоенными, превратившимися в личностные черты нормами поведения в сферах производства, распределения, обмена и потребления.

4.4. Новая научная перспектива

К осени 1982 г. был подготовлен исследовательский проект «Социальный механизм развития социалистической экономики на примере аграрного сектора», теоретическая цель которого заключалась в изучении механизма взаимосвязи экономического и социального развития

аграрного сектора, а прикладная — в обобщении направлений и способов улучшения этого механизма. Авторы проекта считали, что ощутимо приближавшийся кризис советской экономики был обусловлен не столько технологическими или структурными причинами, сколько неспособностью устаревших общественных отношений не только стимулировать эффективную экономическую деятельность, научно-технический и социальный прогресс, равно как воспринимать частичные улучшения отдельных элементов хозяйственного механизма. Отсюда делался вывод о необходимости принципиальной перестройки всей системы социально-экономических отношений, с тем чтобы привести ее в соответствие с изменившейся технологической базой и новым уровнем развития человеческого фактора. Смысл требуемой перестройки виделся в переходе от директивного к индикативному планированию производства и от преимущественно административных методов управления к экономическим методам его регулирования хозяйства.

Учитывая сложность и новизну выдвинутых научных задач, осенью 1982 г. авторы проекта обратились к широкому кругу ученых, изучавших смежные экономические, социологические и правовые проблемы в разных академических институтах, с просьбой ознакомиться с проектом и принять участие в его обсуждении следующей весной на междисциплинарном семинаре в Академгородке. К апрелю 1983 г. были подготовлены концептуальный доклад «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии», концентрированно отражавший идеи проекта, а также «пакет» конкретных докладов по каждому из пяти направлений. Основной доклад предполагалось размножить и раздать участникам семинара, однако он вызвал резкие возражения цензуры. Суть этих возражений была доведена до Президиума Сибирского отделения Академии, который принял сторону цензоров и предложил исключить из доклада с его точки зрения спорные, а с нашей — самые важные положения. Мы не согласились, и доклад был опубликован с грифом «для служебного пользования» под личную ответственность А.Г. Аганбегяна.

На научный семинар по проекту съехались более 100 ученых из 17 городов страны. Доклады сибиряков вызвали большой интерес и трехдневную творческую дискуссию, в процессе которой было высказано множество важных и интересных соображений. Стало ясно, что разрабатываемые новосибирскими социологами идеи близки ученым разного профиля, что сообщество реформаторски мыслящих ученых достаточно широко, многопрофильно и представляет значительную интеллектуальную силу. Для большинства ученых участие в дискуссии стало подлинным «глотком свободы». Однако случилась и неприятность: в суете куда-то исчезли два экземпляра ключевого доклада, что сразу же подняло на ноги КГБ. Поиск пропажи начался с обыска

отделов и служб института. Перетраживалось содержимое каждого стола или стеллажа. То же происходило в местах работы иногородних участников семинара. Были изъяты не только все экземпляры доклада, но и подготовительные материалы к нему, так что мне удалось увидеть его текст только через 7 лет, да и то в лондонской службе «BBC».

Ситуация еще обострилась, когда летом того же года доклад попал на Запад и был опубликован в США и ФРГ. Первой его «открыла» газета «Washington Post», после чего он был тиражирован в большинстве европейских стран в качестве «Новосибирского манифеста» и неоднократно транслирован западными радиостанциями на Союз. Все это вызвало крупный скандал. А в 1983 г. мы с А.Г. Аганбегяном получили по административному и по партийному выговору за безответственное хранение документов и пережили немало других неприятностей. Но одновременно это привлекло к новосибирской экономической социологии такое внимание, о котором и не мечталось. «Новосибирский манифест» был воспринят Западом в качестве первой ласточки, возвещавшей начинающуюся в СССР «весну». Он стал свидетельством идейных и социальных сдвигов в советской системе, которую до тех пор Запад считал не поддающимся изменению «монолитом»¹⁹. Спустя два года, когда гроза прошла и тучи рассеялись, по материалам семинара 1983 г. был опубликован сборник статей «Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики»²⁰. Эта история способствовала не только чисто научному, но и идейно-политическому сплочению коллектива, формированию у большинства его представителей четкой социально-реформаторской позиции.

<...>

* * *

Первая половина 1980-х годов явилась важным, а быть может, и переломным моментом в становлении новосибирской экономико-социологической школы.

5. НОВОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (1985–1990 гг.)

5.1. Новые условия развития социологии

<...>

Наиболее очевидным последствием начавшейся перестройки общества для нашего коллектива стало изменение сравнительной ценности московской и провинциальной научной среды.

¹⁹ На русском языке доклад в открытой печати впервые опубликован в 1997 г. (см.: Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе. Взгляд изнутри. М.: ВЦИОМ — Интерцентр, 1997).

²⁰ Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики / Под ред. Р.В. Рывкиной, Новосибирск: ИзИОПП СО АН СССР, 1985.

В брежневское время символами Москвы для нас служили ЦК КПСС и КГБ, насквозь просматривавшие со Старой площади и Лубянки все, что делалось в обществоведческих институтах. Кипучая, но малоэффективная научная жизнь столицы требовала затрат времени, не компенсируемых расширени-

ем знаний. Провинциальными ученым визиты в Москву позволяли быть в курсе научных событий, поддерживать личные контакты с коллегами,знакомиться с редкими или новыми книгами, но плодотворно работать там было трудно. Напротив, в Академгородке все благоприятствовало научным занятиям: вооруженные современной исследовательской техникой институты, благоустроенное жилье, развитая социальная инфраструктура, прекрасная экология, отсутствие транспортной усталости и, не в последнюю очередь, 30-километровая отдаленность от обкома КПСС. После московской суеты и шумихи хорошо было возвращаться домой к временно прерванной научной работе.

Однако с середины 1980-х годов отдаленность Академгородка от Центра стала оцениваться по-иному. В Москве происходили революционные события, формировалась богатейшая информационная среда, там можно было не только изучать общество, но и участвовать в его преобразовании, эффективно используя свои знания. К тому же Центр нуждался в ученых, готовых активно помогать перестройке. Ощущение того, что основные события происходили теперь в Москве, порождало у части сибирских ученых внутреннюю борьбу между стремлением продолжать находящиеся в разгаре исследования или лично содействовать демократическим переменам.

Ведущие ученые ИЭиОПП один за другим получали приглашения возглавить разные московские институты. Летом 1985 г. вернулись в Москву А.Г. Аганбегян и З.В. Куприянова, за ними потянулись другие. В конце 1987 г. мне было предложено организовать и возглавить Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Как ни трудно было расстаться со своим коллективом, институтом и Академгородком, после некоторых колебаний я приняла предложение и в начале 1988 г. вернулась в Москву, правда, заплатив за это инфарктом. Почти одновременно туда переехали Л.А. Хахулина, Е.А. Дюк, Э.Д. Азарх, а двумя годами позже — Р.В. Рывкина и Л.Я. Косалс. Все они, как и З.В. Куприянова, пришли работать во ВЦИОМ, где образовалась небольшая новосибирская колония. Руководителем отдела социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР был избран доктор экономических наук Ф.М. Бородин. Но вернемся к началу рассматриваемого периода.

5.2. Исследование социальных механизмов развития конкретных сторон и подсистем аграрного сектора

Социально-управленческий механизм развития АПК (Р.В. Рывкина). <...> Объектом этого направления исследования служила производственная подсистема агропромышленного комплекса, причем в центре его внимания находилась не столько *система управления* как таковая, сколько *взаимодействие ее субъектов* — групп, функционировавших на разных уровнях управления. Их активность рассматривалась в тесной связи с действовавшим хозяйственным механизмом: труд руководителей описывался через характеристики их поведения

в сферах планирования, организации производства, материально-технического снабжения; труд специалистов — в связи с использованием ими тех или иных технологий; труд бригадиров — с учетом способов стимулирования труда коллективов и т.п. Эмпирическую базу исследования составили данные, собранные в восьми экспедиционных обследованиях в 1982—1986 гг. Ученые опросили все должностные группы работников АПК: рабочих и колхозников, руководителей среднего звена, главных специалистов и руководителей хозяйств, руководителей индустриальных предприятий и служб, а также РАПО.

<...>

На большом эмпирическом материале авторы показали, что названный механизм «полностью противоречит целям экономической реформы. Во-первых, он противостоит экономическим методам хозяйствования, при которых руководитель должен зависеть не от “верхов”, а от “низов”. Во-вторых, он облегчает возникновение протекционизма и субъективизма в аппарате управления. В-третьих, ориентирует хозяйственных руководителей не на критерии эффективности, а на показатели, облегчающие работу вышестоящих органов. В-четвертых, характеризуется запутанной структурой должностей, размытостью должностных обязанностей. В-пятых, у большинства управленческих групп при огромном объеме ответственности наблюдался дефицит распорядительских прав»²¹. Главными результатами исследования явились: обоснование методологии и методики изучения социально-управленческого механизма развития производства, конкретное описание действовавшей системы управления АПК, а также разработка нормативной модели социального механизма управления производством.

Своеобразным ответвлением и дальнейшим развитием этой работы стало исследование Л.Я. Косалса, направленное на выяснение того, почему советская экономика остается невосприимчивой к новым технологиям, прогрессивным формам и методам управления производством. Анализ опыта распространения и внедрения новых технологий в 47 сельскохозяйственных предприятиях Новосибирской области привел автора к двум главным выводам: 1) причины застоя в обновлении производства надо искать не только на уровне предприятий, но и во всей системе общественных отношений; 2) эти причины носят как экономический, так и социальный характер, они связаны с дефектами социального механизма инновационных процессов, отражающего те стороны технического прогресса, которые опосредуются активностью и взаимодействием людей в сфере обновления производства²².

²¹ Социально-управленческий механизм развития производства. Методология, методика и результаты исследований / Под ред. Р.В. Рывкиной, В.А. Ядова. Новосибирск: Наука, 1989. С. 14.

²² Социальный механизм инновационных процессов / Под ред. Р.В. Рывкиной. Новосибирск: Наука, 1989.

Социальный механизм развития личного сектора АПК (З.И. Калугина). Выделение социального механизма развития личного сектора АПК в отдельное направление исследования было связано, во-первых, с огромной ролью личных подсобных хозяйств населения в обеспечении продовольствием

как самих сельских жителей, так и остальной части общества; во-вторых, с принципиальным различием механизмов развития крупного и мелкого производства; в-третьих, с неоднозначным отношением идеологии, а вслед за нею и науки, к самому факту существования ЛПХ, не говоря уж об их расширении и развитии.

В начале 1980-х годов в личном секторе создавалась четверть валовой и десятая часть товарной продукции сельского хозяйства СССР. Здесь расходовалась примерно половина совокупных затрат труда в этой отрасли. За счет ЛПХ формировалось 25–30% доходов крестьян, а для отдельных типов семей (многодетных, состоящих из пенсионеров, имевших только одного работника и др.) оно было основным источником существования. Ведение личных подсобных хозяйств, являющееся неотъемлемым элементом сельского уклада жизни, существенно влияло на жизнедеятельность, социальные качества, ценностные ориентации и миграционные установки владельцев. Понимая это, руководители хозяйств использовали разные формы помощи ЛПХ для регулирования поведения работников в сфере общественного производства. Характер, масштабы, периодичность и степень платности предоставляемых работникам услуг и ресурсов ставились в зависимость от их участия в производственных делах колхозов и совхозов.

Конкретизируя теоретико-методологическую концепцию социального механизма развития экономики применительно к личному сектору АПК, З.И. Калугина определила набор социальных регуляторов его функционирования и развития — общественно-политических институтов, условий жизнедеятельности населения, а также тех его социальных характеристик, которые наиболее существенно влияют на соответствующий вид поведения. В качестве субъектов этого поведения рассматривались группы семей, различающиеся, с одной стороны, своими размерами и структурой, а с другой — уровнем товарности и доходности личных хозяйств.

Работа опиралась на материалы лонгитюдного социолого-статистического исследования западно-сибирского села, проводившегося в 1967–1987 гг. Наряду с описанием современного состояния, актуальных проблем, тенденций и перспектив развития ЛПХ, величины и структуры затрат труда на его ведение, автор изучила особенности экономического поведения сельских жителей в личном хозяйстве и определяющие его механизмы. Сравнение данных за 1977 и 1982 гг. обнаружило тенденцию к росту числа ЛПХ, расширению их средних размеров, повышению доходности, но вместе с тем к росту трудо- и времязатратности. Значительно (с 14 до 23%) возросла доля семей, ориентирующихся на расширение своих хозяйств. Однако производственные ресурсы ЛПХ использовались не в полной мере. Характеризуя социальный механизм их развития, З.И. Калугина показала, что его важными элементами служат не только государственная политика в данной области, но и то, как эта политика воспринимается и реализуется местными руководителями, стремящимися к сбалансированно-

му, по их представлению, развитию обоих секторов сельского хозяйства. Мощными факторами, регулирующими развитие ЛПХ, оказались, с одной стороны, социально-экономические особенности колхозов, совхозов и поселений (например, наличие и качество свободных земельных участков, пастбищ, сенокосов, рынков сбыта продукции и др.), а с другой — трудовой и финансовый потенциал конкретных семей.

Результаты развития этого направления нашли отражение в двух авторских монографиях²³, одна из которых была защищена в качестве докторской диссертации З.И. Калугиной. <...>

Социальный механизм миграции сельского населения. В 1990 г. М.А. Шабановой было проведено комплексное социолого-статистическое исследование сезонной и постоянной миграции населения в сельском районе, в основу которого легла тщательно проработанная теоретико-методологическая концепция. Исследователю удалось:

а) выявить природу, социально-экономические функции и факторы двух составляющих постоянной миграции в сельском районе — возвратных и первичных перемещений и таким образом раскрыть механизм миграционных взаимоотношений среднеразвитого сельского района с более и менее развитыми территориями, обосновать возможности его улучшения в современных условиях;

б) выяснить природу, факторы, социально-экономические функции и проблемы неорганизованной сезонной трудовой миграции («шабашничества»), разработать предложения по улучшению методов регулирования этого феномена;

в) выяснить связи между постоянной и сезонной миграцией населения в сельском районе, использующем труд приезжих работников, определить направления взаимосвязанного развития этих двух видов миграции в перспективе.

При этом повторном исследовании феномена «шабашничества» (отходничества) особое внимание автора привлекли стихийно пробивавшиеся через препоны административно-командной системы проявления рыночных отношений между участниками процесса. Анализ накопленного сезонными строителями опыта функционирования в теневых рыночных условиях был использован автором для прогнозирования вероятных закономерностей развития рынков рабочей силы в условиях начинавшихся экономических реформ²⁴.

²³ Калугина З.И. Личное подсобное хозяйство сельского населения: проблемы и перспективы. Новосибирск: Наука, 1984; Калугина З.И. Личное подсобное хозяйство в СССР: социальные регуляторы и результаты развития. Новосибирск: Наука, 1991.

²⁴ Шабанова М.А. Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: комплексное социолого-статистическое исследование // Под ред. Т.И. Заславской. Новосибирск: Наука, 1991; Шабанова М.А. Современное отходничество как социокультурный феномен // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 55—63; Шабанова М.А. Отходничество и рынок рабочей силы // Регион: экономика и социология. 1992. № 2. С. 29—39.

5.3. Изучение социально-экономического положения и интересов общественных групп

Социально-территориальная структура аграрного сектора. Во второй половине 1980-х годов анализ социально-территориальной структуры аграрного сектора, как и другие исследования отдела, стал значительно больше ориентироваться на управленческие проблемы. Если прежде ученых инте-

ресовало в первую очередь территориальное устройство аграрного сектора — место, занимаемое им в структуре региона, состав и взаимодействие его типологических элементов²⁵, то теперь к этим вопросам добавились цели и механизмы *управления* процессами формирования территориальной структуры. Эта установка особенно ярко проявилась в работах А.Я. Троцкого²⁶, В.И. Федосеева²⁷, С.Г. Крапчан²⁸, Е.Е. Горяченко.

<...>

Социально-экономическая структура населения. В 1982 г. было проведено четвертое и последнее в лонгитуде социолого-статистическое исследование сибирского села. На этот раз основное внимание ученых акцентировалось на проблемах благосостояния населения, охватывающих широкий спектр условий его жизнедеятельности: занятость, условия труда, уровень и структуру доходов, характер и качество жилья, обеспеченность предметами длительного пользования, соотношение профессионального труда, домашнего труда и свободного времени и др. Разработка и анализ соответствующих данных на четыре момента времени (1967, 1972, 1977, 1982 гг.) позволила достаточно полно охарактеризовать пятнадцатилетнюю динамику уровня и дифференциации благосостояния сельских жителей²⁹.

Дальнейшее развитие эта тематика получила в программе социологического исследования благосостояния населения Сибири, разработанной и реализованной коллективом сектора трудовых ресурсов и уровня жизни (руководитель — В.А. Калмык). Методологической основой этой программы стало представление о благосостоянии как категории, включающей уровень жизни семей, степень удовлетворения их материальных потребностей, а также наиболее распространенные и характерные для соответствующих общественных групп способы удовлетворения потребностей, связанные с особенностями трудового, бытового и досугового поведения. Такой подход позволял наметить точки взаимосвязанного изучения уровня и образа жизни общественных групп, что стало особенно актуальным, когда в 1985 г. сектор разделился на две самостоятельные группы: изучения *уровня жизни* (Л.А. Хахулина) и изучения *образа жизни населения* (В.А. Артемов). Институтские шутники тогда говорили, что в отделе социологии не хватает только группы изучения *смысла жизни*.

<...> Были получены обобщающие «портреты», отражающие благосостояние различных социально-должностных, социально-отраслевых, демографических и территориально-поселенческих групп. Это позволило выявить зависимость благосостояния от социально-экономического положения групп в сферах производства и распределения³⁰.

²⁵ Социально-территориальная структура города и села (Опыт типологического анализа) / Под ред. Т.И. Заславской, Е.Е. Горяченко. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1982.

²⁶ Троцкий А.Я. Социально-экономическое развитие села в условиях урбанизации / Под ред. Т.И. Заславской. Новосибирск: Наука, 1985.

²⁷ Федосеев В.И. Сельское население региона: территориальные различия условий жизни / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1986.

²⁸ Крапчан С.Г. Село Российской Федерации: социально-региональная структура / Под ред. Т.И. Заславской. Новосибирск: Наука, 1989.

²⁹ См.: Современное развитие сибирского села. Опыт социологического изучения / Под ред. Л.А. Хахулиной. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1983.

³⁰ Азарх Э.Д., Балыкова Н.А., Хахулина Л.А. и др. Благосостояние городского населения Сибири: проблемы дифференциации (опыт социологического изучения). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.

В 1989 г., после отъезда Л.А. Хахулиной в Москву, группу изучения уровня жизни возглавила В.С. Тапилина. В 1990—1991 гг. на базе работанной группой программы исследования стратификации населения крупного города по материальному благосостоянию было проведено обследование в Новосибирске³¹. <...>

Две линии традиционных для отдела исследований — благосостояния населения и социально-территориальной структуры региона — соединились и нашли дальнейшее развитие в работе, посвященной роли жилья как фактора территориального перераспределения населения России. <...> Монография Л.В. Корель, В.С. Тапилиной и В.А. Трофимова, в которой представлены результаты этой работы³², была удостоена 2-го места на конкурсе фундаментальных работ СО АН СССР в 1991 г. <...>

Разумеется, сказанное далеко не исчерпывает всего спектра исследований новосибирских социологов в 1980-х годах. В этот период успешно и творчески развивались исследования различных аспектов движения рабочей силы промышленности, использования рабочего и свободного времени населения³³, изучались и моделировались демографические процессы³⁴, проводилась большая работа по совершенствованию методов обработки и анализа социологической информации. Что же касается теоретико-методологических результатов коллективного изучения аграрного сектора, то наиболее полное отражение они нашли в фундаментальной монографии «Социально-экономическое развитие сибирского села»³⁵.

Однако характеристика роли этих исследований в развитии советской социологии составляет специальную научную задачу. Здесь же речь идет о тех направлениях исследований, развитие которых придало новосибирской социологии то «необщее выражение лица», которое заметно отличало и отличает ее от других социологических школ. <...>

³¹ Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Михеева А.Р. Социальная структура: неравенство в области материального благосостояния. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1992.

³² Корель Л.В., Тапилина В.С., Трофимов В.А. Миграция и жилище. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988.

³³ Артемов В.А. Социальное время: проблемы изучения и использования. Новосибирск: Наука, 1987; Применение показателей времени в социально-экономическом планировании города и села // Материалы V научной конференции / Под ред. В.А. Артемова. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1987.

³⁴ Демографическое развитие Сибири (прикладной и теоретический аспекты исследования) / Под ред. С.В. Соболевой. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1987; Соболева С.В. Демографические процессы в региональном социально-экономическом развитии. Новосибирск: Наука, 1988; Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока / Под ред. С.В. Соболевой. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1991.

³⁵ Социально-экономическое развитие сибирского села / Под ред. Т.И. Заславской, З.В. Курпьяновой. Новосибирск: Наука, 1987.

5.5. Формирование новой парадигмы исследования

Возможно, что если бы отдел социальных проблем ИЭиОПП занимался только наукой и не был организатором социологической специализации в НГУ, то его сотрудники так и не задумались бы о том, к какой области науке принадлежат их исследования. Однако в действительности им пришлось поставить перед собой этот вопрос. В 1982 г. академик А.Г. Аганбегян считал нужным включить «главную» дисциплину социологической специализации в общий учебный план экономического факультета НГУ, нам же поручили определить, какой из читаемых на специализации курсов лучше подойдет

для этой цели. Между тем готового курса, пригодного для социологического просвещения студентов-экономистов, в нашем распоряжении не было: основной специализирующей дисциплиной считалась методология и методика социологических исследований, вряд ли соответствовавшая этой цели. Надо было готовить новый курс, позволяющий концентрированно осветить главные направления исследований отдела. В связи с этим и встал вопрос, к какой социологической дисциплине принадлежали эти исследования.

Поскольку социология в СССР находилась на положении «теневой» науки, о ее структуре советские социологи судили, главным образом, по составу исследовательских комитетов Международной социологической ассоциации (МСА). По этому критерию исследования отдела относились к нескольким направлениям: социологии времени, социологии труда, социологии промышленности, социологии села, изучению социальной структуры и социальной мобильности, социологии благосостояния, социологии миграции, математической социологии и др. Причем ни одно из названных направлений не претендовало на центральную роль. Вместе с тем эти исследования, по общему ощущению, обретали все более определенный центр, обеспечивавший их целостность и единство. Им являлась область пересечения и стыковки социологии с экономической наукой. В структуре МСА соответствующее место принадлежало комитету «Экономика и общество», но как для отражения сути наших исследований, так и для наименования академической дисциплины это название казалось неподходящим. Поэтому решено было на свой страх и риск заявить новую научную дисциплину, присвоив ей имя *экономической социологии*.

Естественно поставить вопрос, почему экономическая социология не возникла в СССР еще в начале 1960-х годов, одновременно с социологией труда, социологией промышленности и другими смежными дисциплинами? Думается, что тут действовали два фактора. Во-первых, на Западе первые книги и учебники по экономической социологии вышли лишь в середине 1960-х годов³⁶, так что и там это направление было относительно молодым. Это объяснялось сложившейся там логикой развития экономической науки, лишь постепенно и неохотно соглашавшейся усложнять свое исходное представление о рациональном человеке, стремящемся лишь к экономической выгоде. По мнению В.В. Радаева, развитие западной экономической социологии было органически связано с расширением и обогащением этого представления³⁷. Как бы то ни было, внешних импульсов к разработке данного направления советские социологи не получали.

Что касается личной инициативы ученых по его развитию, то ее проявлению препятствовал другой, уже чисто советский фактор — идеологическое противодействие правящих структур изучению и обсуждению наиболее «горячих» и болевых проблем социалистических обществ. Достаточно сказать, что

³⁶ Smelser N. The Sociology of Economic Life. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1963; Smelser N. (ed.). Readings on Economic Sociology. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1965; Parsons T., Smelser N. Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory. L.: Routledge & Kegan Paul, 1966.

³⁷ См.: Радаев В.В. Экономическая социология: Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997.

по выходе первых же статей новосибирских социологов, обосновывавших новое направление исследования, на них обрушились резкие обвинения, во-первых, в том, что сама идея экономической социологии является «плагиатом у Смелсера» (как будто область науки можно украсть), во-вторых, в попытках «протаскивания» в социологию СССР «буржуазного» научного направления.

Разработка нового курса потребовала ответа на вопросы, о которых раньше не думалось, и прежде всего — определения *предмета и метода* данной науки. Наиболее общий ответ гласил, что экономическая социология — это наука, изучающая экономическую жизнь общества социологическими методами. В процессе дальнейшей работы выяснилось, что метод науки оказывает обратное влияние на характер изучаемого предмета. В связи с этим к предмету экономической социологии были отнесены *закономерности взаимодействия* экономической и социальной сфер общества, а также экономических и социальных процессов (а не просто как экономическая жизнь общества).

Первые «заявочные» статьи новосибирцев, посвященные этому направлению исследований, появились в 1983—1984 гг.³⁸ В них доказывалась научная и практическая актуальность исследования закономерностей экономической жизни общества с помощью методов и категорий социологии, обращалось внимание на возрастающий интерес экономистов к социальным факторам и процессам, а социологов — к сфере экономической жизни, давалось исходное описание предмета и метода данной науки. Дальнейшее развитие эти вопросы получили в опубликованной журналом «ЭКО» статье, направленной на «социологизацию» мышления экономистов³⁹. Позиция автора противостояла доминировавшей тогда (и до сих пор не изжитой) тенденции анализировать экономические явления и процессы, не выходя за рамки собственно экономической парадигмы. Советская экономическая наука, обобщавшая практику централизованного планирования производства, в основном рассматривала человека в двух качествах: как носителя рабочей силы, не обладающего свободой воли и выбора, и как потребителя (покупателя) соответствующей части товаров и услуг. Новосибирские экономсоциологи противопоставляли этому упрощенному подходу взгляд на развитие экономики как *социальный процесс*, субъектами которого являются группы, занимающие разное положение в отраслевой, профессиональной, должностной, территориальной и социальной структурах национального хозяйства. При этом основное внимание уделялось дифференциации их интересов и экономического поведения, типам и формам последнего, механизмам влияния поведения работников на эффективность производства и экономическую динамику. Анализировались факторы, регулирующие экономическое поведение, прежде всего хозяйственный механизм управления экономикой. Статья вызвала активный

³⁸ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. О формировании экономической социологии в Новосибирском научном центре // Новые научные направления и общество. Л.: Наука, 1983; Заславская Т.И., Рывкина Р.В. О предмете экономической социологии // Известия СО АН СССР. Сер. «Экономика и прикладная социология». 1984. Вып. 1. № 1. С. 9—21.

³⁹ Заславская Т.И. Экономика сквозь призму социологии // ЭКО. 1985. № 7.

отклик читателей, отмечавших актуальность поднятых вопросов, высказывавших интересные житейские и научные соображения.

В 1986 г. были опубликованы две принципиальных статьи: «О предмете экономической социологии»⁴⁰ и «Экономическая социология: новое научное направление»⁴¹, в которых рассматривались социальные предпосылки возникновения экономической социологии в СССР, ее первые шаги на советской земле, связанные с «социологизацией» политической экономии и со встречной «экономизацией» социологии. Анализировалась центральная, на наш взгляд, категория экономической социологии — социальный механизм функционирования и развития экономики, характеризовался специфический метод этой науки, направления и перспективы ее дальнейшего развития.

По мнению авторов, экономическая социология исследует, с одной стороны, экономические предпосылки, возможности и ограничения реализации интересов общественных групп, а с другой — социальные факторы и условия функционирования экономики. Причем объектом ее исследований служат не только и *не столько ряды* взаимосвязанных экономических и социальных явлений, сколько конкретные *механизмы связи* экономического и социального развития. Задачей этого научного направления виделось выяснение конкретных путей и способов влияния социальных характеристик общества на развитие экономики, а уровня развития и состояния экономики — на социальные отношения.

Рассматривая метод экономической социологии, авторы стремились показать, какую систему понятий она применяет и как пользуется этими понятиями, чтобы получить требуемые знания о структуре и закономерностях развития изучаемого объекта. Основой языка данной науки они считали категории, выработанные в социологии и вооружающие исследователей той специфической «призмой», которая обеспечивает социальный подход к экономике. Подчеркивалось, что эффективность развития экономической социологии будет зависеть от полноты используемых ею социологических понятий и категорий, от точности вкладываемого в них содержания, от масштабов их практического использования, т.е. от того, какие именно стороны экономики будут подвергаться социологическому анализу и на какой глубине он будет вестись. Авторы выделили и описали четыре типа экономико-социологических понятий, которые: а) фиксируют типы общественно-экономических групп и признаки их положения в обществе; б) характеризуют содержание экономического и социального сознания этих групп; в) описывают виды и способы их социально-экономического поведения; г) отражают связь социальных и экономических процессов.

Что касается особенностей использования понятий экономической социологии для эмпирического исследования действительности, то к ним были отнесены, во-первых, целостный (комплексный) подход к изучению экономического и социального по-

⁴⁰ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. О предмете экономической социологии // Общественные науки и современность. 1986. № 9.

⁴¹ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Экономическая социология: новое научное направление // Будущее науки. Вып. 19. М.: Знание, 1986.

ведения людей, предполагающий использование широкого арсенала средств, начиная с социологических опросов и данных статистики и кончая анализом личных документов; во-вторых, исследование экономического поведения людей в широкой системе детерминирующих факторов; в-третьих, необходимость изучения механизмов управления экономической деятельностью и поведением людей, предполагающего анализ нормативных документов и текущего документооборота организаций управления, предприятий и учреждений обслуживания.

Развитие экономической социологии в Новосибирске не ограничилось теоретико-методологическими вопросами — напротив, главное внимание уделялось исследованиям, ставящим и решающим актуальные экономико-социологические проблемы. В качестве одного из примеров можно привести статью «Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость», опубликованную в официальном органе ЦК КПСС — журнале «Коммунист»⁴². В статье обсуждались наиболее острые для того времени социально-экономические проблемы: социальные причины низкой эффективности экономики, соотношение реальных пропорций и механизмов распределения доходов с представлениями населения о социальной справедливости, функции и взаимодействие платного и бесплатного способов распределения социальных благ и услуг, принципы ценообразования на потребительские товары и пр. Статья вызвала широкую и острую дискуссию, получила большую известность, была переведена на несколько языков, перепечатывалась в российских публицистических сборниках и зарубежных изданиях⁴³. Любопытно, что в 1992 г. редакция журнала обратилась к автору с просьбой вернуться к этой статье и оценить, что в ней осталось правильным, а что стало выглядеть ошибочным. Так появилась статья «Социальная справедливость: шесть лет спустя»⁴⁴. Широкий отклик имели и многие другие работы, посвященные актуальным теоретическим и предметным проблемам экономической социологии. Так, в 1989 г. сборник переводов наших статей был опубликован в США. Основному содержанию предшествовало обширное введение составителя Мюррея Яновича, где анализировался феномен новосибирской экономической социологии⁴⁵. Наиболее же развернутое, хотя далеко не завершенное, отражение рассматриваемые проблемы получили в монографии «Социология экономической жизни»⁴⁶, вышедшей в 1991 г.

В заключение — несколько слов об особенностях новосибирского «варианта» экономической социологии. Вряд ли надо доказывать, что наши представления об ее задачах, предмете, методе и наиболее актуальных проблемах существенно отличались от

⁴² Заславская Т.И. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13; Человеческий фактор развития экономики // Зависит от нас. Перестройка в зеркале прессы. М.: Книжная палата, 1988; Social Justice and the Human Factor in Economic Development // A Voice of Reform. Essays by Tatiana Zaslavskaya. Armonk, N.Y.; L.: M.E. Sharp, 1989.

⁴³ См: A Voice of Reform. Essays By Tatiana Zaslavskaya. Armonk, N.Y., L.: M.E. Sharp, 1989.

⁴⁴ Заславская Т.И. Социальная справедливость: шесть лет спустя // Свободная мысль (ранее — Коммунист). 1992. № 1.

⁴⁵ Заславская Т.И. Актуальные проблемы экономико-социологической теории // Известия СО АН СССР. Сер. «Экономика и прикладная социология». 1987. Вып. 3; Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Экономическая социология: объект, основные категории и методологические принципы конкретных исследований // Методологические проблемы экономической науки. Новосибирск: Наука, 1988; Экономическая социология и перестройка / Под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной. М.: Прогресс, 1989.

⁴⁶ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991.

взглядов Т. Парсонса, Н. Смелера, Р. Сведберга, А. Стинккомба и других западных классиков. Это было обусловлено в первую очередь различием факторов, стимулировавших возникновение и развитие экономической социологии в каждом из случаев. На западе главной задачей данного направления было преодоление слабых мест экономической и социальной теории, развитие новых подходов к ее нерешенным вопросам. Отсюда преимущественно теоретический характер первых основополагающих трудов и более позднее появление попыток приложить новую теорию к практике путем исследования реальных объектов. В нашем случае дело обстояло наоборот: главным стимулом к развитию экономико-социологических исследований в СССР выступала социальная практика со всем множеством ее нерешенных проблем. Ни асоциальная экономическая наука, «освобожденная» от интересов и поведения людей, ни социология, занятая преимущественно изучением социокультурных явлений, не могли убедительно показать, что происходит с экономикой и обществом в целом. В этих условиях становление экономической социологии началось с конкретных исследований социальных проблем экономики. Разумеется, они проводились не только в Новосибирске, его особенность заключалась лишь в том, что здесь этими исследованиями занимался большой коллектив, что именно здесь был впервые осознан их экономико-социологический характер и произнесено имя новой науки. После же этого наступила пора теоретических поисков и обоснований, в основе которых лежало обобщение накопленных результатов исследования конкретных проблем. Поэтому новосибирская экономическая социология отличается от западной (и в какой-то мере московской) сильнейшей ориентацией на познание реальных закономерностей социальной практики (прежде всего, конечно, российской). В этом состоят ее сила и слабость. Сила связана с актуальностью исследуемых вопросов и органической включенностью в жизнь общества, а слабость — в известной ограниченности, связанной с «пропитанностью» проблемами России.

Поскольку структура этой книги нередко вызывает вопросы, хотелось бы пояснить историю ее подготовки и публикации. Идея написать книгу, а может быть, и учебник, по экономической социологии возникла у авторов в середине 1980-х годов. Законченный к концу 1985 г. черновой вариант книги был оформлен как научный отчет, содержавший разделы: 1) предмет и метод экономической социологии; 2) экономическая культура как регулятор функционирования и развития экономики; 3) социальная структура советского общества — экономико-социологический аспект; 4) экономическое поведение общественных групп; 5) хозяйственный механизм как регулятор экономического поведения; 6) социальный механизм развития экономики: сущность, особенности, недостатки. Структурно текст носил законченный характер, но редакционно был сыроват: не все главы «утрастились», не хватало ссылок на некоторые важные источники, имелись кое-какие содержательные недоработки и пр. Чтобы превратить отчет в добротную книгу, требовался еще год-полтора, и авторы рассчитывали завершить ее в 1987 г. Но аппетит и в науке «приходит во время еды», работа растянулась, а размер рукописи увеличился почти вдвое. Когда первые три раздела были закончены, выяснилось, что их объем больше всего запланированного на книгу. Тогда было решено разделить последнюю на два тома (по три раздела). Первый раздел, составлявший лишь половину того, что заслуживало бы названия книги, был опубликован под названием «Социология экономической жизни», а второй так и не был доведен до конца. Отсюда — и «странная» структура, свидетельствующая о явной незавершенности работы.

Заключение

Все интервью и аналитические обзоры, с которыми вы познакомились в данной книге, призваны помочь нам разобраться с проблемами формирования профессионального сообщества и структуры исследовательских направлений в родном Отечестве. Сегодня в российской экономической социологии происходит смена поколений. Старшее поколение «отцов-основателей», или шестидесятников, а также следующее за ними поколение (к которому относится и автор данных строк) были более академичными (в смысле преданности идеалам науки), имели более широкие гуманитарные интересы и разнопрофильное образование, но в то же время оказались менее профессионально подготовленными (по причине отсутствия базового образования и, как правило, ограниченного знакомства с западными исследовательскими традициями). Эти поколения были более идеологизированными (не важно, шла ли речь о марксизме или альтернативных взглядах) и в то же время более нацеленными на социальную критику и переустройство общества. Они демонстрировали повышенный уровень социального алармизма. Иными словами, социологи были в сильной степени идеологами, критиками и миссионерами, нежели просто аналитиками. Для них была характерна ориентация скорее на крупные социальные проекты, нежели на практические результаты в каких-то узких областях. Они привыкли работать по запросу политической власти или «социальному заказу», а не по заказам участников рынка (которые в советское время попросту отсутствовали). Многие из них пристрастно относились к объекту своих исследований, изучая те формы, которые нравились и развитие которых хотелось бы видеть в будущем.

Эта идеологизированность и социальный алармизм особенно ярко проявились в период перестройки и начального периода реформ, когда социологи попытались активно воздействовать на процесс социальной и экономической трансформации. Но случилось так, что сфера экономической и социальной политики в реформенной России оказалась захвачена экономистами. А сфера прикладного социологического анализа начала осваиваться возникшими опросными фабриками, которые (постепенно или сразу) превращались из «социального рупора» в инструменты, обслуживающие электоральные кампании политичес-

ких партий и маркетинговые кампании крупного бизнеса. И в том, и в другом случае академическая социология не находила себе должного приложения.

Более молодое поколение российских экономсоциологов выглядит иначе. Оно в целом лучше профессионально подготовлено, ибо вместо самообучения получает базовое социологическое образование (порой сносного уровня). Все больше молодых специалистов имеют профильные ученые степени. Часть из них получают западные дипломы, осваивая более рациональные принципы организации академической работы.

Представители нового поколения менее академичны и легче покидают университетскую среду. Они более аполитичны и способны, например, работать на самые разные политические партии, что старшему поколению кажется проявлением всеядности и даже беспринципности. Они более поглощены прикладными методами, нежели высокими идеями. Это поколение включается в практики, которые учат большей личной отстраненности от объекта исследования, оно более открыто к коммерческим проектам. Отсутствие «социального горения», личного соперничания и нацеленности на решение крупных социальных задач кажется представителям старшего поколения бездушным прагматизмом. Но как бы критично мы ни относились к этому прагматизму, чтобы вписаться в новые рыночные реалии, экономсоциологам (и социологам в целом) придется учиться сочетать то, что раньше зачастую сочетать не удавалось, — поиск высокой истины и работу на осязаемый (нетеоретический) результат.

Экономическая социология: автопортреты [Текст] / отв. ред. В. В. Радаев, Э40 М. С. Добрякова; сост., науч. ред. и авт. предисл. В. В. Радаев; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 487, [5] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0430-7 (в пер.).

Книга выполнена в особом жанре: это автопортреты экономической социологии, написанные лучшими специалистами из разных стран. Первая часть книги содержит серию интервью с ведущими исследователями в области экономической социологии — создателями и интеллектуальными лидерами ее основных направлений. Вторая часть включает аналитические обзоры современного состояния и перспектив развития экономической социологии в разных странах. Третья часть посвящена экономической социологии в России. Книга — своего рода микроэнциклопедия современной экономической социологии, из которой немало полезного могут почерпнуть и начинающие, и зрелые исследователи.

УДК 316.334.2(082)
ББК 60.56

OCR by Palek

Научное издание

Экономическая социология: автопортреты

Второе издание

Зав. редакцией *О.А. Шестопалова*

Редактор *К.М. Канюк*

Оформление обложки: фирма «IPI.Design»

Подбор иллюстраций: *М.С. Добрякова*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Компьютерная верстка и графика: *Л.Г. Волохова* («ЭКСпресс-преПРИНТ»)

Подписано в печать 16.11.2006 г. Формат 70х100^{1/16}.

Усл. печ. л. 39,98. Уч.-изд. л. 35,13. Тираж 1000 экз. Заказ № 1202. Изд. № 707

ГУ ВШЭ, 125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3

Тел./факс (495) 772-95-71

ООО «ПД «Современник»

445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30.

9 785759 804307

Издание осуществлено в рамках
Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
«Формирование системы аналитических компетенций
для инноваций в бизнесе и государственном управлении»

Составитель, научный редактор и автор предисловия — *В.В. Радаев*
Перевод *М.С. Добряковой*

Рецензент:
член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор *Н.И. Лапин*